

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢВА.

(1893 г.).

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1893.

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Спб. 7 мая 1893 г.

Предсѣдатель *Н. Кареевъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

	стр
Б. А. Тураевъ. Очеркъ исторіи изученія финикійской древности	1
Е. Н. Щепкинъ. Максимальная схема средневѣковой и новой исторіи Англіи въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній	77
Н. Н. Любавичъ. Донесенія папскихъ нунціевъ изъ Германіи въ XVI в.	88
С. В. Лурье. Къ исторіи эллино-іудейскаго просвѣщенія въ Александріи	97
Н. В. Водовозовъ. Культъ Разума и Верховнаго Существа	135
С. Д. Пташицкій. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ	157
Историческая хроника	198
Некрологъ	232

Отдѣлъ II.

Отчетъ Историческаго Общества за 1892 г.	3
Протоколъ ревизіонной комиссіи	7
Списокъ членовъ Историческаго Общества по 1 янв. 1893 г.	8
Протоколы Историческаго Общества за 1892 г.	17

Приложеніе.

Мемуары г-жи Роланъ, листы I—IV.

О Т Д Ъ Л Ъ І.

Очеркъ исторіи изученія Финикійской древности.

В. А. Тураева.

Нельзя не замѣтить отраднаго явленія, что въ нашемъ образованномъ обществѣ интересъ къ древнему востоку развивается все болѣе и болѣе. Египетская и ассиро-вавилонская древность перестали быть исключительнымъ достояніемъ ученыхъ; интересъ къ нимъ болѣе широкаго круга общества вызываетъ на всѣхъ языкахъ появленіе многихъ, даже популярныхъ трудовъ. Точно такого же вниманія долженъ былъ бы заслуживать и немногочисленный, но успѣвшій завоевать себѣ почетное мѣсто во всемірной исторіи финикійскій народъ. Эта своеобразная нація, имѣющая такъ много сходства съ другими народами древняго Востока и, въ то же время, такъ рѣзко отъ нихъ отличающаяся во многихъ отношеніяхъ, была посредницей между центрами восточной культуры; она комбинировала и перерабатывала элементы послѣдней и, сообщивъ ихъ западу, возбудила въ немъ стремленіе къ цивилизаціи. До сихъ поръ мы пользуемся благами, сообщенными Европѣ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ финикіянами. Между тѣмъ нельзя не признаться, что не только у насъ, но и за-границей Финикіей занимаются, сравнительно, мало и, въ то время, какъ египтологи считаются десятками, почти совсѣмъ нѣтъ специалистовъ по финикійской исторіи. Безъ сомнѣнія, слабый интересъ нашего образованнаго общества къ этому предмету происходитъ отъ недостаточности знакомства съ его литературой и даже невозможности ориентироваться въ послѣдней, разсѣянной, болѣею частью, по періодическимъ изданіямъ, мало извѣстнымъ и мало доступнымъ, въ виду чего я и взялъ на себя смѣлость познакомить интересующихся успѣхами исторической науки съ тѣмъ, что сдѣлано по этому отдѣлу ея. Но что за причина кажущагося равнодушія западныхъ ученыхъ къ нашему предмету? Прежде чѣмъ

отвѣтитъ на этотъ вопросъ, обратитъ вниманіе на одинъ странный фактъ, имѣющій ту же самую причину.

250 лѣтъ тому назадъ появился первый систематическій трудъ о Финикии. До сихъ поръ ученымъ приходится считаться съ книгой Бохарта и, притомъ, нерѣдко, не безъ пользы для себя. И это въ то время, когда труды по другимъ отдѣламъ восточной исторіи изданные лѣтъ 15—20 тому назадъ нерѣдко оказываются совершенно негодными или, по крайней мѣрѣ, требуютъ при чтеніи ихъ большой осторожности. Это исключительное явленіе въ наукѣ, поставленной на новую почву великими открытіями нашего столѣтія, объясняется, такъ же, какъ и равнодушіе западныхъ ученыхъ къ изученію финикійской древности, а именно своеобразнымъ характеромъ источниковъ послѣдней. Въ то время, какъ археологическія находки и ученые труды, бывшіе слѣдствіемъ гениальныхъ открытій Шампольона, Гротенда, Опперта и Гинеса превратили европейскіе музеи въ неистощимые архивы, въ то время какъ развитіе библейской критики и экзегетики представило намъ исторію евреевъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, финикійская древность долго еще продолжала оставаться при томъ скудномъ матеріалѣ, который сохранила Библія и классическіе писатели и который только въ весьма незначительной, сравнительно, степени былъ освѣщенъ и пополненъ на основаніи египетскихъ и ассириовавилонскихъ текстовъ. Да и теперь, не смотря на дружныя усилія не только ученыхъ, но и правительствъ увеличить этотъ матеріалъ путемъ археологическихъ изысканій на всѣхъ пунктахъ великой финикійской колониальной державы, онъ возросъ значительно меньше, чѣмъ слѣдовало бы ожидать и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи. Практическій народъ-торгашъ не находилъ нужнымъ воздвигать монументы „аеге регеппиус“, писать на камняхъ онъ только научился у сосѣдей, да и то смѣло можно сказать, что „изобрѣтатели“ алфавита писали вообще меньше всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ древности, и написанное ими отличается досадной для историка краткостью и утомительнымъ однообразіемъ. Къ тому же это несчастное средоточіе историческаго міра было театромъ постоянныхъ войнъ, опустошеній, смѣнъ націй, религій и культуръ. Тамъ, гдѣ Вааль-Шамитъ перешелъ сначала въ Зевса Уранія, а потомъ замѣнился пророкомъ Іліей, гдѣ Решенъ послѣдовательно дѣлался Персеемъ и Георгіемъ Побѣдоносцемъ, тамъ и сооруженія предшествовавшихъ культуръ поочередно узурпировались послѣдующими и дѣлались недоступными для непосредственнаго изученія. Такимъ образомъ, въ отношеніи источниковъ, до самаго послѣдняго времени мы были поставлены не многимъ лучше своихъ предковъ, а между тѣмъ послѣдніе интересовались Финикіей не меньше, если не

больше нашего. Намъ привлекаетъ болѣе благодарная работа надъ памятниками египетской и ассирійской древности, Финикіей же приходится заниматься, такъ сказать, между прочимъ. У старшихъ ученыхъ не было этихъ приманокъ. Напротивъ, богословское направление науки не могло не обратить преимущественнаго вниманія на народъ, жившій рядомъ съ евреями, говорившій съ ними на одномъ языкѣ (объ этомъ всѣ читали у бл. Августина и Іеронима) воспѣтый пророками и даже удостоившійся видѣть въ своихъ предѣлахъ Спасителя — честь, выпавшая на долю ему одному изъ всѣхъ языческихъ народовъ. Къ тому же древніе авторы говорили о финикиянахъ, какъ объ изобрѣтателяхъ ремеселъ, насадителяхъ въ Европѣ культуры и распространителяхъ азбуки, родоначальники европейскихъ алфавитовъ. Отсюда понятенъ тотъ интересъ, который обнаружили ученые при первой возможности лично, такъ сказать, познакомиться съ Финикіей. Подобный случай представился, конечно, во время крестовыхъ походовъ. Западное духовенство, узурпировавшее православныя кафедры востока, интересовалось прошлымъ своихъ новыхъ епархій и составляло описанія ихъ достопримѣчательностей. Для насъ важны эти описанія: многіе памятники тогда еще были въ значительно лучшемъ видѣ, чѣмъ теперь; они тогда еще не подвергались ужасамъ войнъ съ Саладиномъ и греческаго возстанія. *Вильгельмъ, епископъ Тирскій*, извѣстный историкъ крестовыхъ походовъ, сообщаетъ намъ нѣкоторыя интересныя данныя о топографіи своего города, но особенно важныя археологическія замѣтки найдемъ мы у доминиканца *Буркарда* (*Brocardus*¹⁾ въ его „*Rudimenta novitiogum*“. Важны также сообщенія путешественниковъ этого періода, особенно еврея *Веніамина Тудельскаго*²⁾. Вообще сочиненія этого

¹⁾ Буркардъ посѣтилъ и описалъ м. пр. Тиръ и Сидонъ еще въ то время (1288), когда они находились въ рукахъ крестоносцевъ, не подверглись разрушенію со стороны Ашрафа и сохраняли отчасти древнюю фязіономію. Точно также и Триполи онъ видѣлъ еще до превращенія его въ мусульманскій городъ. Но самая главная его заслуга состоитъ въ описаніи памятниковъ Руада. Кромѣ того, онъ приводитъ имена нѣкоторыхъ исчезнувшихъ теперь городовъ, которые можно сопоставить съ упоминаемыми въ Вибліи. Онъ первый указалъ, что Тортоса—др. Антарадъ и былъ въ этомъ болѣе правъ, чѣмъ его продолжители. Изд. Брокарда въ *Novus orbis* ed. Grunaeus 532, fol. 301.

²⁾ Онъ путешествовалъ въ 1170 г. Тиръ еще и тогда былъ населенъ корабельщиками и фабрикантами стекла. Онъ помѣщаетъ древній Тиръ къ з. отъ современнаго ему и видѣлъ развалины его на днѣ морскомъ. Вообще о Тирѣ и топографіи его онъ сообщилъ не мало интереснаго. Въ Виблѣ онъ видѣлъ древнее скульптурное изображеніе, представлявшее, по его мнѣнію, языческій алтарь и приносящихъ жертву.

рода писателей слѣдуетъ разсматривать, какъ источники, описывающіе памятники, дошедшіе до насъ въ значительно испорченномъ видѣ.

Эпоха возрожденія, возбудивъ интересъ къ древности, поддерживала интересъ и къ Финикии, чему особенно способствовало развитіе страсти къ путешествіямъ и коллекціямъ. Чиріако Анконскій во время своей поѣздки въ Египетъ въ 1434 году даже іероглифы считаетъ финикійскими надписями ¹⁾. Но за послѣдними незначѣмъ было ѣздить такъ далеко. Еще Цицеронъ ²⁾ и Валерій Максимъ ³⁾ намекали на существованіе близъ самой Италиі—въ Мальтѣ драгоценныхъ остатковъ. И вотъ 1583 г. Quintinus Naedus, въ описаніи этого острова въ письмѣ ad Sophum говорятъ слѣдующее: ⁴⁾ „Nostra haec Melita insula est, mari satis periculoso, a Sicilia disiuncta Africam versus, Punicae quondam ditionis, quae et ipsa adhuc Afrorum lingua utitur, et nonnullae etiamnum Punicis litteris inscriptae stelae lapideae exstant, quae figura et appositis quibusdam punctulis prope accedunt ad Hebraeas“. Нѣсколько позже, въ 1575 Theret въ I томѣ своей космографіи также упоминаетъ объ этомъ и даже пробуетъ разбирать надписи. Онъ пишетъ: „Il fut trouvé de mon temps en l'isle contre quelques grosses pierres, certaines lettres escrites du regne desdites Cartaginois, la plus grand part desquelles ne retiroient pas mal aux lettres Hebraïques. Et fut trouvé dans un vieil marbre, n'a pas vingt ans, ces lettres gravées: „Eloi Effetha“ et „Cumi“ et plusieurs autres epitaphes à l'antique. Mesmes faisant les fondements du Chateau de saint Ange, fut trouvé escrit contre une vieille sepulture de Marbre jaspé ces mots: „Iehieli, Iephdaia“ et autres lesquelles par l'ingure du temps estoient tous effacez“. Послѣднія слова доказываютъ, что мы теперь не имѣемъ возможности провѣрить, правильно ли разбиралъ авторъ финикійскіе тексты еще въ XVI в., но во всякомъ случаѣ мы видимъ, какъ много цѣннаго потеряно для науки. Потеряна также и надпись, найденная въ Сициліи на знаменитомъ храмѣ Афродиты - Венеры Эрикѣ. Историкъ послѣдняго Антоніи Кордичи ⁵⁾ пожелалъ сохранить ее для потомства, помѣстивъ въ своемъ трудѣ копію съ нея, сообщенную ему его другомъ Рохомъ Пальмой. Но копія эта сдѣлана такъ невѣжественно и небрежно, что не разъ впослѣдствіи приводила ученыхъ въ отчаяніе, а науку

¹⁾ Itinerarium 49—52.

²⁾ Verr. act. II lib. IV, 46.

³⁾ I. 1, 2, 2.

⁴⁾ Graevii—Thesaurus antiquae Siciliae XV, II, 2.

⁵⁾ Исторія его не издана. Есть два cod.: a) Panormitanus въ библ. Comunale въ Палермо (лучшій) и b) Ergincinus.

въ заблужденіе. Всѣ усилія найти оригиналъ, не прекращавшіяся до Ренана, не привели ни къ какимъ результатамъ.

Но за чтеніе надписей братья было, очевидно, еще рано; ученымъ пришлось сначала попробовать силы на другомъ поприщѣ. Съ половины XVI столѣтія интересъ къ нумизматикѣ, пробудившійся еще со времени возрожденія, усилился. Въ это время изъ Испаніи и Сициліи попало въ музеи и частныя коллекціи много монетъ съ легендами на языкѣ, который скоро признали финикійскимъ. Стали дѣлать снимки съ этихъ монетъ и издавать ихъ въ нумизматическихкихъ трудахъ, которыхъ тогда появлялось очень много ¹⁾. Ученые занялись монетными легендами и пробовали располагать ихъ буквы въ алфавитномъ порядкѣ. Но долго еще имъ не удавалось разобратъся въ этомъ матеріалѣ. Они пробовали разбирать финикійскій шрифтъ при помощи самаританскаго, а также іудейскихъ монетъ времени Маккавеевъ, которыя тоже тогда считали самаританскими. Этотъ путь былъ невѣренъ, но даже такіе авторитетные ученые, какъ Скалигеръ и Бохартъ, не избѣгли его. Скалигеръ дѣлалъ попытки на этомъ поприщѣ въ своихъ знаменитыхъ „prolegomena ad Eusebii chronicon“ Этотъ трудъ, какъ и другіе труды автора по хронологіи, имѣлъ и для нашей науки огромное значеніе. Интересъ къ хронологическимъ изслѣдованіемъ возбудило введеніе въ 1582 г. Григорианскаго календаря. Скалигеръ занялся имъ и въ 1588 выпустилъ свой трудъ „De emendatione temporum“, въ которомъ, по его собственному выраженію, поставилъ читателя на такой пунктъ, съ котораго онъ могъ бы обозрѣвать и востокъ, и западъ. Особенно важно для финикійской исторіи приложеніе къ его труду, въ которомъ онъ впервые обратилъ вниманіе на греческіе источники ея. Онъ издалъ здѣсь, между прочимъ, отрывки о Тирскихъ царяхъ Менаандра Эфесскаго, Порфірія Тирскаго и начало Санхуніаеона. Въ обширныхъ, прекрасныхъ комментаріяхъ къ нимъ, онъ коснулся многихъ хронологическихкихъ, міеологическихкихъ и историческихкихъ вопросовъ финикійской древности ²⁾. Это было первое сочиненіе по источниковѣдѣнію и оно легло въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ работъ. Авторъ былъ очень остороженъ, не любилъ строить гипотезъ, а потому и не сбилъ

¹⁾ Huberti Goltzii—Historia Siciliae et Magnae Graeciae et numismatibus illustrata. Brugis Flandrorum 1576. Paruta—la Sicilia descritta con medaglie. Palermo 1612 Roma 1649. Lastanosa. Museo de las medallas desconcidas Espanolas. Huesca 1645 Foy-Vaillant—Seleucidarum imperium, sive Historia Regum Syriae ad fidem numismatum accommodata. Par. 1682. Gesneri Numismata regum Syriae, Aegypti, Arsacidarum, Numismata reg. Siciliae 1738 и многіе другіе.

²⁾ Между прочимъ о топографіи Тира (р. 26), объ имени Ф—нъ и др.

съ толка своихъ продолжателей. Другой его трудъ — „*Tesaurus temporum*“, вышедшій въ 1606 г. содержитъ введеніе къ хроникѣ Евсевія, сохранившаго намъ отрывки изъ греч. источниковъ финикійской исторіи; онъ важенъ потому, что авторъ впервые воспользовался Синкелломъ и каталогомъ олимпіады Юліа Африкана.

Такимъ образомъ, Скалигеръ далъ возможность интересующимся Финикіей заниматься, имѣя строго научную почву. Это, конечно, вызвало скоро появленіе многихъ трудовъ, написанныхъ и богословами, и свѣтскими учеными. Библейскіе комментаторы немедленно воспользовались его хронологическими работами и стали освѣщать неясныя мѣста В. Завѣта ¹⁾. Рассмотрѣніе ихъ трудовъ, конечно, не входитъ въ нашу задачу, скажемъ только, что много шума надѣлалъ вопросъ объ осадѣ Тира Навуходоносоромъ, объ исходѣ которой сохранилось у прор. Іезекииля два, повидимому, противорѣчивыхъ извѣстія (гл. 26—28 и 29, 19—20). Скалигеръ замѣтилъ послѣднее обстоятельство. но придумывать способъ соглашенія отказался; въ общемъ же онъ былъ того мнѣнія, что Навуходоносоръ не разрушилъ Тира. Очень многіе держались другихъ мнѣній, возгорѣлась полемика, результатомъ которой была дикая гипотеза Марсама ²⁾ „*destructio veteris Tyri fuit origo povae*“. Эта гипотеза скоро сдѣлалась чуть ли не аксіомой и вошла даже въ учебники. Потребовалась эрудиція Моверса, чтобы опровергнуть ее. *Зельденъ* занялся финикійской религіей въ своемъ трудѣ „*De Diis Syriis Syntagmata*“ (Лондонъ, 1617 г.). Это сочиненіе больше двухъ вѣковъ было главнымъ пособіемъ по этому предмету, и всѣ паявлявшіяся послѣ него въ это время не могли замѣнить его. Главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ собралъ всѣ мѣста изъ В. Завѣта и классиковъ. Но до какой степени свѣдѣнія о финикіянахъ все-таки были шатки, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что находились ученые, которые сомнѣвались даже въ близости ихъ языка къ еврейскому. *Фуллеръ* ³⁾, напримѣръ, находилъ возможнымъ

¹⁾ Между прочимъ, Des Vignoles, *Chronologie de l'histoire Sainte*.

²⁾ Canon. Chron. 578. Въ связи съ этимъ стоитъ также вопросъ о топографіи Тира, который до сихъ поръ возбуждаетъ сомнѣнія. Два богослова XVII—XVIII в. еп. Huet и бенедиктинецъ Calmet обратили на него вниманіе и пытались уяснить, что такое Еврихоръ, насыпанный Хирамомъ, по извѣстію Менандра. Они считали его, конечно, ошибочно, плотиною отъ острова къ материку.

³⁾ Его соч. „*Miscellanea*“. Онъ, между прочимъ, былъ однимъ изъ представителей господствовавшаго тогда мнѣнія, что Ф—не были въ Америкѣ. Это мнѣніе опиралось на извѣстія Diod. (V, 207) и Аристотеля объ островѣ, отдаленномъ отъ Африки на много дней пути и скрываеомъ карфагенянами. Фуллеръ пытался доказать, что финикіянамъ былъ извѣстенъ компасъ, на основаніи Ptol. 7, 2.

утверждать, что географическія имена Финикіи, объясняемыя изъ еврейскаго языка, передѣланы евреями. Очевидно, причиной этой шаткости мнѣній былъ недостатокъ знакомства съ финикійскимъ языкомъ. Попытки приобрѣсти это знакомство при помощи разбора надписей или даже монетныхъ легендъ, какъ мы видѣли, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Тогда ученые рѣшились обратиться къ другимъ пособіямъ, болѣе доступнымъ.

Классическая древность оставила намъ памятникъ на финикійскомъ языкѣ, для пониманія и даже для прочтенія котораго не требуется знакомства съ финикійскимъ алфавитомъ. Это—комедія Плавта „Роепііус“, въ которой цѣлый монологъ (V, 1) и нѣсколько отдѣльныхъ фразъ написано на пуническомъ языкѣ. Это единственный памятникъ разговорнаго языка, дающій понятіе объ его вокализмѣ. Будучи успѣшно разобранъ, онъ можетъ дать 115 словъ, т.-е. больше, чѣмъ любая изъ финикійскихъ надписей. Притомъ, что важнѣе всего для „начинающихъ“ ученыхъ, онъ написанъ латинскимъ шрифтомъ, монологъ сопровождается латинскимъ переводомъ, а для пониманія отдѣльныхъ фразъ оказываетъ услугу контекстъ. Наконецъ, текстъ сохранился въ основномъ видѣ (ст. 11—16), очень испорченномъ, и въ болѣе поздней переработкѣ (1—10), сохранившейся довольно хорошо. Но, несмотря на все это, отрывки Плавта представляютъ для пониманія и не мало трудностей: убогій латинскій алфавитъ не могъ точно передавать семитическихъ словъ, текстъ Плавта дошелъ до насъ въ довольно испорченномъ видѣ, да и пуническій языкъ все-таки не вполне древне-финикійскій. Поэтому вполне понятно, что ученымъ далеко не сразу удалось справиться съ этимъ памятникомъ: они потрудились надъ нѣсколькими строками болѣе 200 лѣтъ. Скалигеръ былъ близко знакомъ съ ними и упомянулъ о нихъ, какъ о доказательствѣ близости финикійскаго языка къ чистому еврейскому. Но насколько онъ правильно понималъ ихъ, мы не знаемъ, такъ какъ specialнаго труда онъ имъ не посвятилъ. За это дѣло впервые взялся Филиппъ Пареусъ въ 1619 г., который, впрочемъ, ограничился одной еврейской транскрипціей, въ общемъ весьма удовлетворительной. Зелъдену въ „его „Syntagmata“ удалось понять первый стихъ. За полный переводъ взялся Петитъ 1603 г. Но онъ, какъ и его предшественники, почему-то не пользовались латинскимъ переводомъ; вѣроятно, они не догадались, что это переводъ, а потому ихъ объясненія, сдѣланныя собственными силами, во многихъ отношеніяхъ расходились съ нимъ. Однако, трудъ Петита, все-таки не плохъ для своего времени. Первымъ обратившимъ вниманіе на латинскій переводъ, былъ *Самуилъ Бохартъ*, трудъ котораго „*Chanaan*“, составляющій часть „*Geographia sacra*“ 1646 г., былъ, какъ мы сказали, первымъ

систематический сочинением о Финикии. „Geographia sacra“, собственно обширный комментарий къ X-й гл. кн. Бытия. Въ концѣ первой части, занимаясь потоками Хама, онъ касается и финикиянъ, которымъ специально посвящена вся 2-я часть, распадающаяся на 2 книги: 1) о колоніяхъ и 2) объ языкѣ финикиянъ. Первая книга построена на свидѣтельствахъ древнихъ авторовъ и на этимологіяхъ, которыми и онъ уже началъ злоупотреблять и которыми его продолжатели пользовались еще болѣе неумѣренно. Вторая книга есть сборникъ всего того, что автору было извѣстно о финикійскомъ языкѣ. Въ то время для ознакомленія съ послѣднимъ были слѣдующіе источники: географическія имена, слова, приводимыя древними авторами, и отрывки Плавта. Онъ собралъ этотъ матеріалъ съ возможной полнотой, но въ объясненіи отрывковъ Плавта ему посчастливилось не больше его предшественниковъ, несмотря даже на латинскій переводъ и большую основательность объясненій. Онъ понялъ вновь только 5 словъ, но за то ему удалось доказать, что ст. 11—16 не продолженіе монолога, какъ думали раньше, а другая переработка. Но, къ сожалѣнію, онъ считалъ языкомъ этой переработки ливійскій—иѣніе, долго потомъ державшееся въ наукѣ. Кромѣ того, ему удалось окончательно доказать близость финикійскаго языка къ еврейскому. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на многіе вопросы финикійской исторіи; рѣшенія имъ этихъ вопросовъ также долго считались авторитетными ¹⁾).

Въ концѣ XVII столѣтія Финикию снова начали посѣщать просвѣщенные путешественники. Важное значеніе ихъ трудовъ для науки, конечно, понятно само собой. Помимо поддержанія въ обществѣ интереса къ странѣ, они обращали вниманіе ученыхъ на многіе частныя вопросы археологіи и древней географіи, на которые имъ приходилось наталкиваться во время путешествія. Такъ, англичанинъ *Маундрелль*, бывшій въ Сиріи въ 1696—97 г. первый прошелъ по Via Antoniana, мимо знаменитыхъ рельефовъ у Nahr-el-Kelb, пробовалъ даже списывать нѣкоторыя надписи, а фигуры казались ему изображеніемъ мумій погребенныхъ здѣсь знатныхъ лицъ. Онъ же снова обратилъ вниманіе на архитектурныя памятники Тортозы и Амрита, о которыхъ,

¹⁾ Онъ былъ, между прочимъ, типичнымъ представителемъ теоріи семитическаго происхожденія имени финикиянъ. Эту теорію высказывали еще раньше Скалигеръ и Фуллеръ, но производство Вохарта пришлось особенно по сердцу ученымъ. Онъ производилъ его отъ „bene Alak“—„сыновья Анака“ и говорилъ, что Ф—не потому не называли себя Греками Хананеями, что стыдились Ноева проклятія. Подобныя курьезныя объясненія у него, конечно, попадаются не разъ, но не мало также и вполне вѣрныхъ; напр., онъ удачно поваль имена Тира и Сидона и разубѣдилъ ученыхъ въ томъ, что финикияне были въ Америкѣ.

какъ мы видѣли, съ удивленіемъ говорилъ еще Бурггардъ ¹⁾. Маундрелль, конечно, видѣлъ ихъ уже въ худшемъ видѣ, но все же въ лучшемъ, чѣмъ они теперь, и подробное описаніе его для археологовъ очень цѣнно. Ему же принадлежать первые рисунки этихъ памятниковъ. Онъ, къ сожалѣнію, не располагалъ достаточными средствами для того, чтобы сдѣлать ихъ съ возможной точностью: они крайне неудовлетворительны и даже сбивали не разъ съ толка ученыхъ, но все же обратили вниманіе на памятники. Онъ видѣлъ еще въ Бейрутѣ много фонтановъ, которыхъ теперь нѣтъ и которые оправдывали имя древняго Вирита „городъ колодцевъ“. Въ Сидонѣ, тогда еще очень населенномъ, онъ видѣлъ массу обломковъ колоннъ и камней съ надписями и полагалъ, что древній городъ былъ гораздо больше современнаго ему. Въ Тирѣ, тогда уже рыбацкой деревушкѣ, онъ видѣлъ къ югу отъ полуострова мель, которую потомъ многіе считали остаткомъ мола египетской гавани. Интересныя сообщенія о Тирѣ сдѣлалъ также другой путешественникъ, *Пококъ*, бывшій здѣсь въ 1737 году. Онъ, между прочимъ, замѣтилъ ровъ, прорѣзывающій полуостровъ. Это сообщеніе впоследствии также очень пригодилось нѣкоторымъ ученымъ, занимавшимся топографіей Тира. Онъ также обратилъ вниманіе на памятники Руада и еще разъ снялъ съ нихъ изображенія, лучшія, чѣмъ Маундрелль, но всетаки неудовлетворительныя; здѣсь же онъ первый подмѣтилъ египетское вліяніе на финикійскую архитектуру. Наконецъ, онъ первый посѣтилъ островъ Руадъ и видѣлъ еще здѣсь сооруженія въ стилѣ сохранившихся близъ Тортозы и уничтоженныхъ во время греческаго востанія. Въ 1738 г. Пококъ посѣтилъ Кипръ. Въ это время изъ подъ фундамента стѣнъ древняго Китія было вырыто 33 финикійскихъ надписи. Онъ постарался списать ихъ и сдѣлалъ это, хотя и не вполне удовлетворительно, но, по крайней мѣрѣ, очень вѣстатъ. Дѣло въ томъ, что увлеченіе нумизматикой въ Европѣ не проходило, не прекращались и попытки разбирать легенды монетъ. И вотъ, наконецъ, въ 1706 г. Rhenferd сумѣлъ прочесть ихъ на монетахъ испано-финикійскихъ изъ Сексти, а Монтефокону удалось справиться съ сидонскими монетами. Съ этого времени чтеніе легендъ стало на твердую почву и появилось не мало новыхъ трудовъ по нумизматикѣ ²⁾. Въ 1735 г. магистръ Мальтій-

¹⁾ Маундрелль, вѣроятно не былъ знакомъ съ его книгой, иначе бы онъ не отождествилъ Тортозы съ Ореосіей и тѣмъ не сбился бы съ толку ученыхъ.

²⁾ Froelich. *Annales compendiarie regum et rerum Syriae numis veteribus illustrati*. 1744. Reland-Palaestina. Dutens, *Explication de quelques médailles grecques et phéniciennes avec une paléographie numismatique* (первый опытъ Фроельхской палеографіи). Кромѣ того многочисленныя труды Пеллерина, Торремуцци, Экекеля, Mionnet и мн. др.

скаго ордена Guyot de la Marnе издалъ двуязычную греко-финикійскую надпись; найденную на островѣ еще въ XVII стол. въ мусорѣ гавани Marsa Scirocco и написанную на мраморныхъ базахъ двухъ канделябръ. Изданіе двуязычной надписи было очень полезно для начала. Разборомъ ея занялись два знаменитыхъ ученыхъ своего времени: англичанинъ Swinton и французъ аббатъ Barthélemy, подобно тому, какъ нѣсколько десятилѣтій спустя ихъ соотечественники Юнгъ и Шампольонъ потрудились въ другой области древне-восточной эпиграфики. Между учеными разгорѣлась ожесточенная полемика изъ-за частныхъ, такъ какъ въ общемъ они поняли надпись согласно: это было посвященіе Мелькарту со стороны двухъ тирскихъ гражданъ. Barthélemy въ этой полемикѣ былъ болѣе умѣренъ, что не помѣшало ему быть болѣе правымъ и стяжать славу отца финикійской эпиграфики ¹⁾. Въ это самое время Рососке издалъ свое знаменитое „Description of the East“ (1845), въ которомъ были копіи съ китійскихъ надписей, а въ 1850 г. Портеръ списалъ ихъ болѣе тщательно. Ими также занялся Swinton и, отчасти Barthélemy, и это было началомъ серьезнаго знакомства съ финикійскимъ языкомъ. Теперь уже стало возможнымъ составить вѣрное и ясное представленіе о финикійскомъ алфавитѣ и получить нѣкоторыя свѣдѣнія о языкѣ. Байеръ, занявшійся еще разъ мальтійской надписью и окончательно установившій ея чтеніе и переводъ, извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: *Del alfabeto y lengua de los Fenices y de sus Colonias*. En Madrid 1772, а въ 1815 г. вышелъ трудъ Тихсена, написанный въ 1802 г.; „De linguae phoeniciae et hebraicae mutua aequalitate“.

Между тѣмъ продолжали находить новыя надписи. На Мальтѣ нашли еще двѣ (1761 и 1820 г.), три въ Аѳинахъ и одну въ Сардиніи. Наконецъ, въ 1877 г. археологъ Гумбертъ вырылъ въ Тунисѣ 4 надписи и, съ этихъ поръ почва древняго Карфагена ²⁾ стала давать археологическія богатства. Конечно, эти находки дали ученымъ обильный матеріалъ для изслѣдованій, но они, къ сожалѣнію не всегда оказывались настолько добросовѣстны, чтобы сознаваться въ своемъ незнаніи. Акербладу удалось довольно удовлетворительно объяснить аѳинскія надписи ³⁾, но его современникамъ рѣшительно не везло на этомъ поприщѣ. Въ 1819 г. вышелъ трудъ Коппа: „*Bilder und Schriften der*

¹⁾ Труды Barthélemy: *Réflexions sur quelques monuments phéniciens et sur les alphabets* (Mem. d. l'acad. d. Inscr. XXX, 406). Swinton's: *inscriptions Citicae*. Oxonii 1750. A dissertation upon the Phoenician numeral characters anti-quently used at Sidon (Philos. Transact. 50, 791). Remarks upon M. l'abbé Barthélemy memoir (ibid. v. 53 и 54).

²⁾ Humbert, Notice sur 4 cippes sépulcraux. 1821.

³⁾ Comment. Gotting. XIV, 225 и Millin, Annal. encyclop. II, 191.

Vorzeit“, въ которомъ, м. пр. нѣкоторыя части посвящены финикійской палеографіи и эпиграфикѣ. Не смотря на свои крайне скромныя познанія, Коппъ однако оказалъ большую услугу, стараясь направить ученыхъ на настоящій путь при работахъ надъ финикійскими текстами. Онъ доказывалъ, что, прежде чѣмъ переводить ихъ необходимо установить правильное чтеніе, а для этого слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на палеографію. Но этотъ совѣтъ не особенно примѣнялся и, отсюда, какъ прямое слѣдствіе, вытекало страшное разногласіе между учеными, объяснявшими одинъ и тотъ же памятникъ. Кромѣ того, благодаря недостаточному пока еще знакомству съ языкомъ, встрѣчались нерѣдко значительныя трудности. Ученые, не будучи въ состояніи иногда объяснить какого-нибудь слова или какой-нибудь формы изъ еврейскаго языка, прибѣгали ко всѣмъ семитическимъ языкамъ или, что несравненно хуже дѣлали натяжки, чтобы втиснуть это слово въ еврейскій лексиконъ. Плоды этихъ ненаучныхъ приѣмовъ скоро сказались: аббатъ Арри ¹⁾ занявшись сардинской надписью, вычиталъ въ ней первую главу исторіи этого о—ва, а Гамакертъ, принявшійся за кареагенскія надписи ²⁾, поступалъ при ихъ разборѣ очень произвольно. Занятія финикійской эпиграфикой настолько упали во мнѣніи ученыхъ, что получили отъ одного изъ нихъ кличку „taedia Phoenicia“ ³⁾. Конечно, были ученые и принявшіе совѣтъ Коппа, напр. Quatremère ⁴⁾ и Muentzer ⁵⁾, занявшіеся кареагенскими надписями, а Линдбергъ ⁶⁾ далъ еще трудъ по палеографіи, даже болѣе серьезный, чѣмъ Коппъ. Но еще болѣе сдѣлалъ для науки знаменитый гебраистъ Гезеніусъ, выступившій, прежде всего въ 1810 г. съ брошюрой „Versuch über die Maltesische Sprache“.

Надо замѣтить, что ученые, кромѣ плавтовскихъ отрывковъ искали еще другаго пособія для ознакомленія съ финикійскимъ языкомъ. Подобно Шампольону, добравшемуся до пониманія іероглифическихъ текстовъ, благодаря основательному знанію коптскаго языка, они стали искать живой языкъ, производный отъ древне-финикійскаго. Еще въ XVI в. полагали, что языкъ туземцевъ Мальты, въ которомъ, дѣйствительно, есть семитическіе корни, финикійскаго происхожденія ⁷⁾; въ XVII и XVIII в.в. это мнѣніе вошло въ науку и

¹⁾ Lapidè fenicia di Nora, 1834.

²⁾ Diatribe de aliquot monum. Punicis. 1822.

³⁾ Eckhelii—Doctr. num. vet. III, 406.

⁴⁾ Mém. sur quelques inscrip. Puniqnes.

⁵⁾ Acta soc. Regiæ Danicæ. 1824.

⁶⁾ De inscript. Melitens commentatio. 1822.

⁷⁾ Объ этомъ писалъ еще извѣстный уже намъ Hæduus: „Ut scias, aut

укоренилось. Кромѣ того, Бохартъ высказалъ мнѣніе, будто галльскій языкъ былъ близокъ къ финикійскому, а отъ этого до признанія финикійскаго происхожденія ирландскаго языка былъ только одинъ шагъ. Эти мнѣнія поддерживались и распространялись мѣстными учеными изъ страннаго локальнаго патріотизма ¹⁾. И вотъ, Гезеніусъ рѣшился положить конецъ этимъ затѣямъ, доказавъ, что семитическіе корни въ мальтійскомъ языкѣ—арабскаго происхожденія, что ирландскій языкъ—кельтскаго корня и что вообще напрасно искать гдѣ бы то ни было языкъ, производный отъ финикійскаго. Но главнымъ его трудомъ были: „*Scripturae linguaeque Phoeniciae monumenta*“. 1837. Это было систематическое сочиненіе о финикійскомъ языкѣ, содержащее въ себѣ всѣ его памятники, извѣстные тогда, съ подробнымъ объясненіемъ, палеографію, грамматику, словарь, исторію, сборникъ свѣдѣній о финикійской литературѣ, исторію разработки предмета. Понимая, что ошибки его предшественниковъ происходили частью отъ плохихъ копій, частью отъ недостаточности знакомства съ палеографіей, авторъ рѣшился устранить и то, и другое собравъ въ одинъ *corpus* всѣ надписи, и монеты, провѣренныя снова по оригиналамъ или по слѣпкамъ и изданныя, по возможности, въ натуральную величину. Этому *corpus*у предпослано палеографическое введеніе, въ которомъ авторъ собралъ наиболѣе типичные варианты знаменъ алфавита и сопоставилъ ихъ по мѣстамъ находженія надписей. Это было необходимо въ виду того, что труды Коппа и Линдберга, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, принимали въ соображеніе далеко не весь эпиграфическій матеріалъ и были составлены безъ всякой системы. Всего Гезеніусъ издалъ 77 ²⁾ надписей и въ томъ числѣ 9 въ первый разъ изъ музеевъ Лондонскаго, Неаполитанскаго и Берлинскаго. Затѣмъ онъ доказалъ, что семитическія надписи, и папирусы найденные въ Египтѣ, не финик., какъ раньше думали, а арамейскіе и обнаружилъ подложность одной огромной надписи, под-

minimum differre a vetere quod nunc habet idioma, Hannonis cuiusdam Poemi apud Plantum, Avicennae huiusque similibus Punica verba plurima intelligunt Melitenses, tametsi sermo is sit, qui literis latinis exprimi bene non potest.

¹⁾ Agio de Soldani—della lingua Punica, presentamente usata da Maltesi. 1750. Vasali, *Lexicon Melitense*. 1796. Bellermanus-Phoeniciae linguae vestigiorum in Melitensi spec. 1809. Vallancey—*Essay on the antiquity of the irish lang.* Dublin.—1772. O'Connor. *Chronicles of Evi*. 1822. Даже еще въ 1833—34 труды O'Brien.

²⁾ Въ числѣ ихъ, однако есть 2 армянскихъ, (№ 16 и 29) которыхъ, конечно Гезеніусъ не могъ разобрать и которыя понял Rödiger (*Hallesche Jahrb. f. Liter.* 1838, 30, 235), 2 ассирійскихъ (67 bis и 68) и надпись изъ Эрика, списанная Кордичи, съ которой Гезеніусъ не могъ справиться.

дѣланной мальтійцами ¹⁾ и рассказывавшей о Платоновой Атлантидѣ. Кромѣ того онъ полагалъ, что находимыя въ Африкѣ надписи курсивнаго, крайне небрежнаго письма не ливійскія, какъ это раньше думали, а тоже финикійскія, но только принадлежать не карфагенянамъ, а нумидійцамъ. Надо было появиться въ „*Journal. d. Sav.*“ за 1838 статѣ Quatremère о несходствѣ финикійскаго языка съ нумидійскимъ, чтобы поколебать это мнѣніе, но оно долго еще продолжало держаться ²⁾. Затѣмъ Гезеніусъ обратился къ другимъ источникамъ финик. яз.—древнимъ авторамъ. Здѣсь, на первомъ планѣ, конечно, стоялъ „*Rosulius*“ Плавта. Ученые XVII вѣка много надъ нимъ работали, но почти нисколько не подвинули его пониманіе послѣ Бохарта. Гезеніусъ самъ, также, собственно, правильно понялъ въ немъ не много болѣе своихъ предшественниковъ, но зато онъ оказалъ большую услугу своимъ продолжателямъ, сообщивъ рукописный матеріалъ во всей его полнотѣ, какая сдѣлалась тогда возможной, благодаря сличеніямъ камерараіевыхъ и ватиканскаго кодексовъ, сдѣланнымъ Ричлемъ. Это сразу поставило изученіе плавтовыхъ отрывковъ на болѣе твердую почву и вызвало появленіе трудовъ Векса „*De Punicis Plautinis meletemata*“ (1839) и знаменитаго гебраиста Эвальда „*Ueber das Pünische im Plautus*“ (1842—1845), которые значительно подвинули пониманіе памятника. Вексъ доказалъ, что ст. 11—16 не ливійскіе, а тоже пуническіе; только онъ все-таки ошибался, считая ихъ написанными на вульгарномъ нарѣччіи. Съ этимъ мнѣніемъ согласился Гезеніусъ, который къ концу своей жизни много занимался этимъ предметомъ. Его полемика съ Эвальдомъ доказываетъ гораздо большую зрѣлость взглядовъ на него; жаль только, что онъ не успѣлъ ихъ изложить въ новомъ систематическомъ трудѣ.

Другой матеріалъ, доставляемый древними авторами—собственные финикійскія имена и финикійскія глоссы тоже послужили для Гезеніуса предметомъ занятій. Этотъ матеріалъ очень важенъ, хотя разобраться въ немъ далеко не легко: древніе авторы, по большей части, не знали финикійскаго языка, а потому очень часто перепутывали слова, перепутывали ихъ значеніе, считали финикійскими нерѣдко взятые изъ другихъ восточныхъ языковъ. Если къ этому присоединить еще невозможность выражать бѣдными классическими алфавитами всѣхъ семитическихъ звуковъ и невозможность сохранить

¹⁾ Они ее составили на евр. яз., примѣшавъ формы и корни современнаго мальтійскаго. Это было сдѣлано для доказательства финик. происхожденія послѣдняго. Гезеніусъ разоблачилъ подлогъ, объяснивъ надпись при помощи арабскаго языка.

²⁾ См. Judas—„*Études démonstratives de la langue Phenice*. Par. 1848—Bougard, la toison d'or de la langue Phenice. 1862.

неповрежденнымъ рукописное преданіе, то будетъ вполне понятно, что ученые постоянно терпѣли на этомъ поприщѣ неудачи и даже не разъ, какъ мы видѣли, сомнѣвались, въ близости финикійскаго языка къ еврейскому. Послѣ Бохарта этниъ предметомъ занялся Гамакеръ въ своихъ „Miscellanea Phoenicia“, но его труды равно какъ и 3-я глава IV книги въ „Monumenta“ Гезеніуса не могутъ претендовать на точность и полноту. Правда, Гезеніусъ исключилъ имена, объясняемыя изъ классич. язз., исключилъ имена фараоновъ-Гиксовъ, другія имена объяснилъ болѣе удовлетворительно, и постарался собрать рукописный матеріалъ, но все же и онъ не выбросилъ изъ этого матеріала нумидійскихъ и мавританскихъ именъ. Располагая такимъ, сравнительно со своими предшественниками, значительнымъ матеріаломъ, Гезеніусъ имѣлъ возможность присоединить къ своему сборнику нѣсколько замѣчаній „de linguae Phoeniciae indolibus et historia“, а также опытъ финикійской грамматики и словаря. Въ первыхъ онъ говоритъ объ отношеніяхъ финик. яз. къ еврейскому и находитъ въ немъ особенную близость къ языку позднѣйшихъ книгъ В. Зав., отличіе же его заключается въ scriptio defectiva и произношеніи. Последнее также различно въ пунич. и древне-финик. языкахъ. Существованіе живаго финик. яз. онъ доводитъ въ Африкѣ до VI в. Затѣмъ даетъ перечисленіе финикійскихъ писателей, имена которыхъ сохранились у древнихъ авторовъ. Что касается грамматики и словаря, то конечно, эти части его труда теперь не имѣютъ никакого значенія. Онъ собралъ 334 слова, но далеко не всѣ понялъ правильно, многія даже неправильно читалъ. Это будетъ вполне понятно, если мы примемъ въ соображеніе, что онъ располагалъ только едва четвертой и, притомъ самой не важной частью того матеріала, который находится теперь въ нашемъ распоряженіи. Онъ, безъ сомнѣнія, окончательно установилъ транскрипцію финикійскихъ текстовъ и много сдѣлалъ для того, чтобы направить ученыхъ на правильный путь къ пониманію ихъ, хотя, къ сожалѣнію, самъ не всегда держался этого пути. Вообще, наука еще не стояла на столько высоко, чтобы можно было безъ затрудненія переводить тексты; надежды большинства ученыхъ на то, что Гезеніусъ своими работами сдѣлаетъ невозможными разногласія въ этомъ отношеніи не вполне увѣнчались. Еще долго продолжали искать въ финикійскихъ текстахъ не того, что въ нихъ могло быть и, вмѣсто сухихъ надгробныхъ и votивныхъ надписей, хотѣли часто видѣть въ нихъ то историческія стили, то образцы поэзій¹⁾. Напрасно Quatremère въ цѣломъ рядѣ

¹⁾ Напр. Dagier, Meier (эрикскую надп., сохраненную Кордичи онъ считалъ элегіей на смерть дѣвушки еще въ 1860 г.).

статей доказывалъ неумѣстность подобныхъ поисковъ; напало и послѣ него не мало ученыхъ, продолжавшихъ идти по ложному пути.

Между тѣмъ эпиграфическій и нумизматическій матеріалъ продолжалъ расти. Послѣ выхода въ свѣтъ труда Гезеніуса нашли еще 2 надписи въ Афинахъ (1841 г. соб. въ Пирей), нѣсколько на Кипрѣ, въ Сардиніи и Карфагенѣ. Явилась мысль пополнить сборникъ Гезеніуса и за это дѣло взялся Judas, издававшій въ своихъ „*Etudes demonstratives de la langue Phenicienne*“ (1847) надписи и монеты и занявшійся въ нихъ самой важной археологической находкой этого времени—знаменитой Марсельской надписью. Лѣтомъ 1845 г. въ фундаментѣ одного дома стараго квартала Марсели близъ мѣста древняго храма Афродиты нашли обломки известкового камня съ надписью. Ихъ продали въ Марсельскій музей, гдѣ на нихъ обратилъ вниманіе археологъ Texier, снявшій два эстампажа: одинъ для министра народнаго просвѣщенія, а другой для себя. Будучи въ Алжирѣ, онъ сообщилъ его Limbery, который немедленно принялся за переводъ, но, слѣдуя господствовавшей въ то время модѣ, непремѣнно хотѣлъ видѣть въ памятникѣ исторію Массилии и потому, конечно, не понималъ ни слова. Между тѣмъ надпись не могла не возбудить интереса ученыхъ: она по величинѣ превосходила всѣ извѣстныя до тѣхъ поръ, сохранилась довольно удовлетворительно и была написана четко и тщательно. Всѣ были вправѣ ожидать отъ нея пополненія свѣдѣній по части финикійскаго яз. и археологіи. Копія, посланная министру, поступила въ распоряженіе палеографа de Saulcy 1), который, свѣривъ ее еще разъ съ оригиналомъ, взялся за переводъ, Онъ понялъ ея содержаніе, какъ жертвеннаго ритуала, но ни онъ ни Judas 2) не дали вѣрнаго перевода. Надпись эта вызвала огромную литературу 3); ею занимались болѣе 20 лѣтъ и, мало-по-малу, установили правильное чтеніе и пониманіе. Она оказалась тарифомъ взносовъ деньгами и масомъ, которые должны были дѣлать въ храмъ Ваала лица, по заказу которыхъ приносится жертва. Возникъ другой вопросъ — о связи этой надписи съ Марселемъ 4). Увѣренность въ мѣстномъ происхожденіи ея поколеблена находкой въ 1861 г. въ Карфагенѣ надписи такого же содержанія, а также упоминаніемъ въ ней суфкетовъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ можетъ быть рѣ-

1) Mem. de l'Acad. d. inscr. XVII Revue d. d. mond. nouv. ser. 16.

2) Etud. demonstrat., 163. Nouvelles analyse. 1857.

3) Bargès, Temple de Baal à Marseille. 1847. Особен. важна статья Munk.—Inscript. phénic. de Marseille. J. As. 1847. Ewald.—Abhandl. d. k. Ges. zu Göttingen. 1849. Bargès.—Nouvelle interpret. 1868. Nouvelles observations. 1869.

4) См. у Bargès—Nouvelles observations 50 sq. Revue historique. 1882 336 not.

шентъ только геологами на основаніи породы камня: иѣстнаѣ она, или африканская. Но они долго не рѣшали этого вопроса, такъ какъ и тамъ, и тамъ горныя породы очень похожи, и только 1884 г. Dieulaufait высказался за его африканское происхожденіе 1).

Для объясненія Марсельской надписи много сдѣлалъ проф. Бреславльскаго университета *Моверсъ*, имя котораго занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ исторіи нашей науки. Онъ предпринялъ изданіе библіотеки финикійскихъ текстовъ съ переводами и примѣчаніями и 2-й выпускъ ея посвятилъ Марсельской надписи. Первый содержитъ прекрасный трудъ надъ плавтовыми отрывками, получившими въ немъ окончательное объясненіе. Но не этимъ работамъ Моверсъ обязанъ своей извѣстностью; славу онъ себѣ приобрѣлъ своимъ огромнымъ трудомъ „*Die Phönizier*“. Еслибы автору удалось окончить его, то онъ былъ бы энциклопедіей по финикійской древности, но и въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ—это первый и до сихъ поръ единственный систематическій трудъ по этому предмету. Но прежде чѣмъ перейти къ его разсмотрѣнію, посмотримъ, что было сдѣлано по финикійскимъ „*realia*“ послѣ Бохарта, Маундрелля и Пококе.

Благодаря своему положенію рядомъ съ классической страной пилигримовъ и туристовъ, Финикія продолжала обращать на себя вниманіе ученыхъ путешественниковъ. Литература конца XVIII и начала XIX в. обогатилась трудами Shaw, Labord'a, Вальпола 2), Букингэма 3), Робинсона 4), особенно же американца Томсона 5). Являясь въ Финикію во всеоружіи знанія своего времени, обладая большими свѣдѣніями въ библейской и классической литературахъ, эти ученые интересовались древней и современной географіей страны, старались опредѣлить мѣстоположеніе многихъ историческихъ городовъ, описывали видѣнныя ими древности, а Laborde даже дѣлалъ съ нихъ

1) Въ письмѣ къ Ренану отъ 5 ноября 1884.

2) *The Ansariii*. 1851. Видѣлъ недалеко отъ Руада источники прѣсной воды въ морѣ, о которыхъ упоминаетъ Страбонъ.

3) *Travels among the Arabs*. Тогда уже догадывались о вліяніи египетской культуры на Финикію. Рельефъ у Наръ-эль-Кельба онъ считаетъ изображеніемъ египетскихъ жрецовъ, а также замѣтилъ въ Вивѣ египетскій крылатый дискъ.

4) *Biblical Researches*. Lond. 1841. Видѣлъ и описалъ развалины Арка.

5) *Bibliotheca Sacra*. 1841. Описалъ весь берегъ отъ Триполи до Феупропона, причемъ пытался установить топографію нѣкоторыхъ городовъ (напр. Sinim Бытія X, 17 и др.). Отожествилъ впервые Амритъ съ Маравонъ и сдѣлалъ предположеніе о построеніи Иродовой Кесаріи изъ обломковъ богѣ древняго города.

снимки ¹⁾, которые, хотя все-таки не могут быть названы вполне удовлетворительными, однако значительно превосходят сдѣланные Маундреллемъ и Пококомъ. Но специально съ научной цѣлью предпринимать экспедиціи въ Финикию Берту. Ему принадлежатъ первыя археологическія изысканія на мѣстѣ древняго Тира.

Вопросъ о топографіи Тира давно, какъ мы видѣли, интересовалъ ученыхъ, особенно богослововъ, но, кромѣ превратнаго пониманія текстовъ они ничего не обнаруживали. Кромѣ того необходимо было произвести изслѣдованія на мѣстѣ. И вотъ *Берту* взялся за это и, во время своего двукратнаго пребыванія въ Сиріи (1838 и 1840 г.), впервые произвелъ раскопки, точныя измѣренія и сдѣлалъ топографическіе снимки и планы мѣстности древняго Тира ²⁾. Насколько цѣнны эти работы, послужившія основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, на столько непригодны его выводы и, особенно, гипотезы. Авторъ очень плохо зналъ древніе языки, пользовался классиками при помощи плохихъ переводовъ, да къ тому же еще былъ склоненъ къ фантастическимъ предположеніямъ. Онъ построилъ теорію постепеннаго распространенія города съ материка на о-въ, отдѣленный отъ него узкимъ проливомъ, а со времени Хирама, засыпавшаго, по его мнѣнію, проливъ между этимъ и слѣдующимъ островомъ, на послѣдній, который особенно развился послѣ нашествія Навуходоносора, засыпавшаго первый проливъ въ то время, какъ тиряне снова открыли второй. Затѣмъ Берту воспользовался указаніемъ Покока на существованіе рва, прорѣзывающаго полуостровъ, изслѣдовалъ этотъ ровъ и пришелъ къ заключенію; что онъ является остаткомъ канала, соединявшаго Сидонскую и Египетскую гавани. Послѣднюю онъ считаетъ открытой и помѣщаетъ къ югу отъ подводной мели, замѣченной Маундреллемъ, въ которой онъ видитъ границу закрытой гавани, соотвѣтствующей кареагенскому „ковону“. Наконецъ онъ впервые высказалъ мнѣніе, что меньшій островъ, на которомъ былъ храмъ Мелькарта сдѣлался жертвой землетрясенія около 143 г. до Р. Х. Всѣ эти мнѣнія послужили предметомъ обширной и продолжительной полемики.

Интересовались въ это время и греческими источниками финикійской исторіи, Особенно привлекали вниманіе ученыхъ отрывки писателя, который, будучи по происхожденію финикійанинъ, пожелалъ познакомить образованныхъ современниковъ съ прошлымъ своего народа и, подобно Манеону и Берозу, написалъ свой трудъ на грече-

¹⁾ Они помѣщены въ изданіи „Univers pittoresque“.

²⁾ Extract from a notice on the site of ancient Tyre. Journ. of t. royal geogr. Soc. 1839 и Essai sur la topographie de Tyr. Par. 1843.

скомъ языкѣ. Это былъ Филонъ Вивлскій, отрывки „Финикійской исторіи“ котораго сохранились у Порфірія, Евсевія и Іоанна Лида. Впрочемъ, Филонъ эти отрывки выдаетъ за сочиненіе древняго финикійскаго писателя Санхуніаона, жившаго около времени троянской войны. При крайней скудости источниковъ финикійской исторіи, эти отрывки должны были возбудить большой интересъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столь же большія сомнѣнія. Мы ихъ имѣемъ изъ третьихъ и, притомъ, крайне подозрительныхъ рукъ, да и содержаніе ихъ таково, что можетъ возбудить въ читателѣ все, что угодно, кромѣ безусловнаго довѣрія. Они повѣствуютъ о финикійской космогоніи и еоогоніи, но такъ, что въ нихъ можно найти отголоски и греческихъ мифовъ, и библейскихъ сказаній, и даже отчасти египетскихъ и персидскихъ представленій. Кромѣ этого синкретизма, довольно сильно даетъ себя чувствовать египетизмъ и отсутствіе единства содержанія отрывковъ. Все это было давно замѣчено и возбуждало сильныя сомнѣнія въ подлинности ихъ еще въ XVIII в. Абатъ Mignot, посвятившій финикійской древности 24 огромныхъ реферата въ Академіи Надписей (1763—1786) 1) пытается всѣми силами отстоять ихъ, ссылаясь то на общую семитическую основу у финикійянъ и евреевъ, то на заимствованія первыхъ изъ Египта, то, наконецъ, на то, что древніе авторы далеко не всегда строго выдерживали единство плана въ своихъ произведеніяхъ (при этомъ, что довольно интересно, приводитъ параллели изъ Моисеевыхъ книгъ). Но его усилія не увѣнчались успѣхомъ: сомнѣнія продолжались и увеличивались. Въ 1829 г. Лобекъ 2) категорически заявилъ, что авторъ отрывковъ самъ Евсевій или другой христіанскій писатель „in maiorem Dei et Evangelii gloriam“. Отрицалъ подлинность ихъ и Герстенбергъ, авторъ недурной, въ свое время, книжки „de rebus Tyriorum“ 3). Но это не уменьшило интереса ученыхъ; онъ былъ настолько великъ, что нашли возможнымъ даже эксплуатировать его. Въ 1836 г. Вагенфельдъ выпустилъ поддѣльнаго Санхуніаона въ 9 кн. 4) по найденной, будто-бы, вновь рукописи. Нашлись ученые, которые повѣрили, Гротенфельдъ даже написалъ введеніе. Гезеніусъ не высказалъ рѣшительнаго мнѣнія по этому вопросу,

1) *Mém. d. l'Acad. des inscript.* XXXIV—XLII. Огромный трудъ, но не имѣющій никакого значенія послѣ Моверса. Авторъ не дѣлаетъ различія между народами др. Востока и постоянно, для пониманія Финикии обращается къ Египту, евреямъ и. т. п.

2) *Aglaophamos* 1265 sq.

3) Книга эта также теперь не имѣетъ никакого значенія и къ тому же отличается многими странностями.

4) *Sanchniathons Urgeschichte d. Phönizier*. 1836. *Sanchuniathonis libri IX*. 1837.

но благоразумно отказался пользоваться новымъ изданіемъ для своихъ „Monumenta“, вышедшихъ годомъ позже, Гораздо рѣшительнѣе былъ *Моверсъ*, выступившій противъ новой „находки“ со статьей „Die Unächtheit der im Eusebius erhaltenen Fragmente des Sanchuniathon bewiesen“. Но онъ зашелъ слишкомъ далеко и объявилъ отрывки чѣмъ-то въ родѣ космогоническаго романа Филона. Гораздо умѣреннѣе онъ былъ въ I-мъ томѣ своего классическаго труда „Die Phönizier“, вышедшемъ [въ 1841 г. Здѣсь онъ, отрицая все-таки существованіе Санхунаиона ¹⁾], признавая сильную зависимость приписываемыхъ ему отрывковъ отъ египетскихъ гермесовыхъ книгъ и ставя примѣсь греческихъ и еврейскихъ представленій въ зависимость отъ полемическаго характера сочиненія, допускаетъ, что оно все-таки важно для изученія финикійской религіи. Филонъ, по его мнѣнію, черпалъ свои свѣдѣнія изъ туземныхъ источниковъ — сказаній отдѣльныхъ городовъ, которыя переработалъ въ духѣ эвгимеризма, будучи его представителемъ. Это мнѣніе было гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ многія изъ послѣдующихъ, и Baudissin, какъ мы увидимъ ниже, долженъ былъ написать цѣлое изслѣдованіе, чтобы снова придти въ общемъ къ тѣмъ же выводамъ. Точно также Моверсъ высказалъ не мало вѣрныхъ мыслей относительно сущности и развитія финикійской религіи. По его мнѣнію, она первоначально состояла въ обоготвореніи тайныхъ силъ и законовъ природы, творческихъ, оживляющихъ и поддерживающихъ, а также разрушающихъ и проявляющихся въ видимыхъ предметахъ: небесныхъ свѣтилахъ, источникахъ, горахъ, деревьяхъ. Вліяніе халдейской культуры вызвало особенное развитіе почитанія небесныхъ свѣтилъ, которыя стали разсматриваться, какъ проявленія б. ч. активныхъ божествъ мужскихъ, а земля съ ея произведеніями пассивныхъ — женскихъ. Это различеніе божествъ было первымъ шагомъ къ эвгимеризму, слѣдующимъ шагомъ было сообщеніе имъ человѣческихъ свойствъ, формы и сведеніе на землю. Съ другой стороны, раздѣленіе божествъ на мужскія и женскія вело къ ихъ сопоставленію попарно и сдѣлало нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ паредровъ первыхъ, что, въ свою очередь, сообщило и имъ астральный характеръ. Эта теорія въ общемъ также близка къ истинѣ, и новымъ изслѣдователямъ пришлось только слегка видоизмѣнить и развитъ ее, а между тѣмъ всѣ они бросаютъ въ Моверса грязь и называютъ I-мъ томъ его труда никуда не годнымъ. Упреки ихъ относятся, главнымъ образомъ, къ той части этого тома, гдѣ разбираются извѣстія объ отдѣльныхъ божествахъ. Здѣсь, не смотря на попадающіяся мѣстами остроумныя замѣчанія и вѣрныя мысли, очень мало

¹⁾ Въ доказательство этого онъ приводилъ, м. пр., самое имя Санхунаиона, которое переводилъ „весь законъ Хона“.

критики и очень много фантазій. Авторъ принадлежалъ еще къ тому поколѣнію ученыхъ, когда всѣ извѣстія древнихъ авторовъ считались одинаково цѣнными и когда нагроможденія *testimonia* ихъ безъ всякой критики были обычнымъ явленіемъ. Къ тому же онъ не располагалъ тѣмъ матеріаломъ, который доставили намъ открытія египтологин и ассириологин; онъ могъ пользоваться только самыми ничтожнымъ количествомъ финикійскихъ надписей, которыя пролили нѣкоторый свѣтъ именно на наши свѣдѣнія о религін финикіанъ, особенно Марсельская надпись, которой онъ тоже тогда еще не зналъ. Безъ сомнѣнія, очень многія изъ его ошибокъ происходятъ именно отъ незнакомства съ этимъ матеріаломъ.

Все сказанное вполне приложимо и къ прочимъ томамъ его труда. Второй озаглавленъ „*Das phönizische Alterthum*“ и распадается на двѣ части: „*Politische Geschichte und Staatsverfassung*“ (1849) и „*Gesch. d. Colonien*“ (1850 г.). Первая часть и особенно, какъ мы сейчасъ увидимъ, четвертая—самыя цѣнныя части его труда, не потерявшія значенія и до сихъ поръ. Главная заслуга автора, конечно, заключается въ томъ, что онъ собралъ весь доступный для него матеріалъ и подвергъ его, по возможности, разработкѣ. Онъ первый раздѣлилъ финикійскую исторію на 3 періода: Вивло-Виритскій, Сидонскій и Тирскій, и это раздѣленіе держалось до послѣдняго времени, да и теперь еще не всѣми оставлено. О большей древности Вивла и Вирита онъ заключаетъ на основаніи мѣровъ и распространенности культовъ этихъ городовъ; другія показанія источниковъ убѣждаютъ его въ неоднородности финикійской націи и отличіи жителей этихъ древнихъ городовъ отъ населенія всѣхъ другихъ, которыхъ онъ объединяетъ подъ именемъ сидонянъ. Это мнѣніе тоже держалось до послѣдняго времени. Финикіанъ онъ считаетъ автохтонами и отвергаетъ извѣстіе Геродота о прибытіи ихъ съ Эрирейскаго моря, относя его къ филистимлянамъ. Онъ же впервые сталъ объяснять имя Финикин: „Страна финиковыхъ пальмъ“, т.-е. первый сталъ считать его греческимъ, а туземное имя—Ханаанъ первоначально свойственнымъ только низменности Тира и Сидона. Особенно важны его изслѣдованія о топографіи Тира, въ которыхъ онъ издался поправлять ошибки Берту. Здѣсь онъ впервые подвергъ критикѣ доступные ему источники и, несмотря на то, что работалъ не на мѣстѣ, сдѣлалъ это такъ успѣшно, что Ренанъ имѣлъ полное право сказать: „*Quant à Movers, j'ai admiré la pénétration, avec laquelle il a débrouillé ce sujet difficile et rectifié de son cabinet de Breslau les vues des témoins oculaires*“ ¹⁾. Ему впервые удалось опредѣлить по-

¹⁾ Mission. 346. note 1 Кроме того Пруцъ говоритъ (Aus Phönizien), что

ложеііе Еврихора въ ю. в. части острова и между двухъ гаваней и его назначеніе, какъ форума ¹⁾). Палетиръ онъ считалъ пока еще болѣе древнимъ, какъ городъ, но имя свое, по его мнѣнію, онъ получилъ отъ острова, на которомъ сталъ городъ развиваться только послѣ Хирама. Палетиръ онъ помѣщаетъ на Касмѣ, а временамъ его разрушенія считаетъ землетрясеніе при Камбизѣ. Точно также онъ впервые подвергъ изслѣдованію источники исторіи войны Навуходоносора съ Тиромъ и пришелъ къ совершенно вѣрному заключенію, что послѣдній разрушенъ не былъ. Но особенно интересна его глава (XII) о государственномъ устройствѣ. Это, можно сказать, единственное, что у насъ есть по этому темному вопросу, который авторъ пытается освѣтить при помощи болѣе извѣстнаго кареагенскаго и трипольскаго устройства, а также параллелей изъ исторіи Евреевъ и даже другихъ древнихъ народовъ. Конечно, здѣсь у него не мало фантазіи и произвола и въ выборѣ источниковъ ²⁾, и въ пониманіи ихъ. Въ заключеніе онъ даетъ общую характеристику финикійской исторіи: разнообразность колѣнъ, внутренняя разобщенность городовъ, неоднородность и неравенство государственныхъ элементовъ (слабая царская власть, чрезвѣрно могущественная аристократія, угнетенное среднее сословіе), соперничество между ними особенно же самый характеръ народа и его политики, корыстолюбіе и торгашество; изъ-за котораго даже въ виду грознаго непріятеля политическіе интересы приносились въ жертву коммерческимъ ³⁾.

Вторая часть 2-го тома посвящена обзору колоній. Самая цѣнная и до сихъ поръ имѣющая значеніе часть ея,—это разсужденіе о причинахъ колонизаціи, которыя онъ видитъ въ перенаселеніи, борьбѣ

онъ провѣрилъ на мѣстѣ всѣ выводы Моверса и исполнѣ съ ними согласился. Однако все-таки Моверсъ далеко не всегда правъ: онъ во многомъ еще согласенъ съ Берту и Ренау пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ поправлять ихъ обоихъ.

¹⁾ Въ этомъ случаѣ ему много помогли результаты раскопокъ Берту, который самъ не сумѣлъ ими воспользоваться.

²⁾ Такъ, напр., онъ очень ясно представляетъ себѣ царскую власть на основаніи прекраснаго 44 псалма, въ которомъ вовсе не говорится о царѣ Тира и происхожденіе котораго довольно сомнительно.

³⁾ Интересны также его взгляды на причины перехода гегемоніи отъ одного города къ другому. Упадокъ Сидона онъ приписываетъ нашествію филистимлянъ (Iust. XVIII, 3, 5), а упадокъ Тира ставитъ въ зависимость отъ выселенія лучшихъ силъ въ Кареагенъ и водворенія поэтому въ городѣ господства черни. Моверсу удалось также сдѣлать нѣсколько важныхъ замѣчаній объ отношеніяхъ финикійцевъ къ евреямъ. Онъ доказалъ на основ. Быт. 49, 19 Суд. 5, 17. 1, 33. Втор. 33, 18, 19 и Аристоф. Птиц. 505 что сѣверныя колѣна попали въ положеніе финикійскихъ періэковъ. Браки царевенъ съ еврейскими царями напоминаютъ ему браки знатныхъ кареагенянокъ съ князьками туземцевъ-варваровъ для привлеченія послѣднихъ.

политических партій, частыхъ этнографическихъ переворотахъ въ Сиріи, войнахъ и общественныхъ бѣдствіяхъ¹⁾. Источниками исторіи колоній онъ считаетъ извѣстія древнихъ, остатки въ томъ или другомъ мѣстѣ финикійскихъ культовъ, миеовъ и памятниковъ, и географическія имена, корни которыхъ могутъ быть объяснены изъ семитическихъ языковъ. Несмотря на свое собственное заявленіе, что пользоваться этими критеріями надо съ большою осторожностью, онъ ими положительно злоупотребляетъ. Мы уже говорили объ его отношеніи къ извѣстіямъ древнихъ авторовъ; что касается миеовъ и культовъ, то для него иногда бываетъ достаточно простого упоминанія въ томъ или другомъ мѣстѣ объ Ираклѣ, человѣческихъ жертвоприношеніяхъ или грубо-натуралистическихъ культахъ, чтобы видѣть здѣсь финикійскую колонію. Конечно, это отчасти для него извинительно: при немъ сравнительная миеологія была еще въ зачаточномъ состояніи и не было доказано, что развитіе всѣхъ религій идетъ по сходному пути. Развитіе филологической и исторической критики, развитіе изученія исторіи религій сдѣлали невозможными повторенія ошибокъ Моверса въ этомъ отношеніи. Гораздо болѣе вреденъ по послѣдствіямъ другой его недостатокъ—злоупотребленія этимологіями. Это средство, рискованное вообще и рѣшительно не приложимое, когда приходится имѣть дѣло съ потерянными языками, применялось авторамъ слишкомъ свободно и было причиной того, что онъ искалъ и, конечно, находилъ финикійцевъ вездѣ и даже тамъ, гдѣ ихъ никогда не могло быть²⁾. Вообще проф. Э. Э. Соколовъ вполне правъ, признавая, что Моверсъ поставилъ задачей служить не истинѣ, а финикійскимъ интересамъ во что бы то ни стало³⁾. Это служеніе, какъ мы увидимъ ниже, принесло самые печальные плоды. Моверсъ пытался также разрѣшать неразрѣшимые хронологическіе вопросы исторіи колоній и для этого выбралъ удивительный критерій—миеы, распредѣливъ всѣ финикійскія колоніи на группы, соотвѣтственно странствующимъ божествамъ, имѣющимъ отношеніе

¹⁾ Впрочемъ эти взгляды не новы и Моверсъ только развилъ то, что прочелъ у Бохарта (Chanaan I, 2). Вообще Гутшмидъ вполне правъ, говоря, что Моверсъ своимъ тономъ о колоніяхъ доказалъ, что мѣтивіе, будто новое всегда въ то же время и лучше—предрасудокъ. Крайности Моверса взяла было поправлять Olshausen въ Rheinisch. Mus. f. Philologie (1853, 321), но ему удалось только установить филологическую возможность, а не историческую вѣроятность нѣкоторыхъ этимологій Моверса и вообще онъ самъ идетъ по его пути.

²⁾ Особенно много онъ нануталъ въ обзорѣ сардинскихъ и сицилійскихъ колоній. Вообще недостатокъ критики особенно свойственъ этой части его труда

³⁾ Критич. изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи, стр. 97.

къ ихъ основаніямъ. Конечно эта система въ настоящее время можетъ вызвать только улыбку. Въ связи съ этимъ, а также для соглашенія нѣкоторыхъ противорѣчій у древнихъ авторовъ, Моверсъ построилъ теорію о двукратномъ основаніи Карфагена: сидонянами до троянской войны и тирянами 814 г. Прѣчность этой теоріи доказывается прежде всего тѣмъ, что она построена на сомнительномъ чтеніи одной позднѣйшей надписи; однако она долго держалась и только черезъ 30 лѣтъ была опровергнута Мельцеромъ ¹⁾).

Но самая драгѣйшая часть труда Моверса—обзоръ финикійской торговли и мореплаванья, составляющій предметъ 3-го, неоконченнаго тома ²⁾. Онъ впервые понялъ великое культурно-историческое значеніе финикійской торговли: морскіе пути, проложенные ими были путями распространенія Христіанства и вообще культурныхъ явленій. Онъ доказалъ также, что школой финикійскихъ мореходовъ была рыбная ловля, а его обзоръ торговли и ея предметовъ до сихъ поръ еще не замѣненъ и что особенно важно, подтверждается новыми данными египтологін. Къ сожалѣнію, авторъ не отступилъ отъ своего схематизма и въ этомъ томѣ: въ его раздѣленіи исторіи торговли на періоды, соотвѣтственно періодамъ политической исторіи, не мало произвольнаго. Но вообще это самый серьезный трудъ его, написанный уже въ то время, когда изученіе древняго Востока получило новыя обильныя средства (1856). Онъ былъ послѣднимъ произведеніемъ Моверса. Продолженіе его, излагающее въ значительно сокращенномъ видѣ обзоръ западной торговли финикіанъ, помѣщено въ Энциклопедіи Эрша и Грубера ³⁾. Здѣсь же Моверсъ помѣстилъ главу о финикійскомъ искусствѣ, языкѣ, являющейся шагомъ впередъ послѣ Monumenta Geseniiusa. Онъ точнѣе опредѣлялъ отношеніе этого языка къ еврейскому ⁴⁾ и пуническому ⁵⁾, собралъ у древнихъ авто-

¹⁾ Geschichte der Karthager I, 167—174. Здѣсь также мы найдемъ въ примѣчаніяхъ разборъ и другихъ мнѣній Моверса.

²⁾ Я здѣсь не могу долго останавливаться на этомъ прекрасномъ трудѣ: для этого бы пришлось передать подробное содержаніе цѣлаго тома. Въ виду того, что онъ теперь сталъ рѣдкостью, я могу указать на рецензію Гутшмида въ Neue Jahrb. f. Philologie. 75, 607 и Kleine Schriften. II, 1.

³⁾ III, 24, ст. „Phönizien“ (стр. 317 sq.).

⁴⁾ Разница обонхъ языковъ сводится къ области провинціализмовъ и заключается: а) въ обычномъ употребленіи финикіанами библейскихъ поэтическихъ словъ; б) въ большемъ количествѣ у нихъ арамаизмовъ, а потому, что замѣталъ еще Гезеніусъ, очевидна близость финикійскихъ текстовъ къ позднѣйшимъ книгамъ В. Зав.; с) въ употребленіи изрѣдка корней и формъ, не встрѣчаемыхъ въ другихъ семитическихъ языкахъ.

⁵⁾ Здѣсь разница нѣсколько значительнѣе и стоитъ на степеніи діалектизма. Моверсъ, какъ и Гезеніусъ, не считаетъ пуническими позднѣйшихъ,

ровъ всѣ свѣдѣнія по искусству, исторіи языка и его литературы (хотя сдѣлалъ это, опять-таки, безъ критики) и далъ его грамматику. Такимъ образомъ, наука обязана Моверсу систематическимъ трудомъ о Финикин. Этотъ трудъ долго оставался единственнымъ ¹⁾, да и теперь еще; какъ мы ниже увидимъ, не вполне замѣненъ. Имя Моверса и теперь еще тѣсно связано съ понятіемъ объ изученіи финикійской древности, до сихъ поръ ее ученые не-оріенталисты, интересующіеся Финикіей, продолжаютъ черпать свои свѣдѣнія изъ Моверса ²⁾. Работы этого ученаго, конечно, вызвали появленіе другихъ трудовъ по финикійской древности, заниматься разработкой которой теперь стало гораздо удобнѣе. Прежде всего должны были появиться дополненія къ труду Моверса. Онъ не успѣлъ написать о финикійскомъ искусствѣ отдѣльнаго тома. За это взялся *Gerhard*, помѣстившій въ Запискахъ Берлинской академіи наукъ за 1846 г. статью: „Ueber die Kunst der Phönizier“ ³⁾. Но какими средствами располагалъ талантливый авторъ при составленіи своего труда? Мы уже видѣли, что путешествія въ Финикію предпринимались часто, что туристы интересовались ея древностями, описывали ихъ и дѣлали съ нихъ снимки, хотя и очень плохіе. Но древностей этихъ въ самой Финикии они видѣли очень мало. Конечно, археологъ долженъ искать пособій для своихъ изслѣдованій въ финикійскихъ колоніяхъ. Ближе всего къ ученымъ были острова западной части Средиземнаго моря. Здѣсь еще въ концѣ XVIII вѣка *Hornel* ⁴⁾ дѣлалъ изслѣдованія, плодомъ которыхъ было очень важное и и до сихъ поръ изданіе: „Voyage pittoresque de Sicilie, de Malte et de Lipari“ (Par. 1782—1785), обогатившее однако науку незначительно. Обильнѣе по изслѣдованіямъ были работы *La-Marmora* ⁵⁾, главнымъ образомъ Сардиніи. Здѣсь онъ занимался съ начала столѣтія до 1860 г. и нашелъ нѣсколько надписей и довольно много вещественныхъ памятниковъ. Послѣдніе, большей частью, идолчики довольно страннаго вида и, по меньшей мѣрѣ, сомнительнаго происхожденія. Они стали появляться въ огромномъ количествѣ, большей частью, изъ

курсивныхъ надписей, которыхъ онъ приписываетъ смѣшанному, такъ-называемому „ливіо-финикійскому“ племени.

¹⁾ Впрочемъ, въ 1855 г. John Kenrick предпринялъ изданіе другого общаго труда „Phoenicia“. Но онъ популяренъ и, большею частью, повторяетъ Моверса, а тамъ, гдѣ самостоятеленъ, не заслуживаетъ вниманія, хотя по своему хорошему изложенію имѣлъ успѣхъ.

²⁾ Напр., еще въ 1887 г. Рошеръ въ третьемъ томѣ *Nationalökonomie Handels und Gewerbfleiss*.

³⁾ *Philologische und historische Abhandlungen*. Berl. 1848, стр. 579 sq.

⁴⁾ Довольно важны его описанія стѣнъ древней *Motim* и снимки съ развалинъ, *Gozzo*.

⁵⁾ *Voyage en Sardaigne et l'itineraire de l'île de Sardaigne*. 5 vol. 1839—1860.

горныхъ мѣстъ острова послѣ открытія въ Кальярѣ въ 1822 году „Museo di antichità“. Мармора признавалъ эти статуэтки финикійскими. Кромѣ того онъ изслѣдовалъ и описалъ развалины на о. Гавлѣ (Gozzo), извѣстныя подъ именемъ „Giganteia“ и обращавшія на себя вниманіе ученыхъ уже очень давно, и сардинскіе памятники, называемые Нурагами. Кромѣ того туристы постоянно привозили съ греческихъ острововъ, и особенно съ Кипра, разные древности: статуэтки, расписныя вазы, чаши. Но ученые обратили серьезное вниманіе на Кипръ только послѣ экскурсіи *Росса*. Будучи командированъ баварскимъ правительствомъ, этотъ археологъ въ 1845 году высадился въ Ларнакѣ, осмотрѣлъ мѣсто древняго Китія, но вообще на Кипрѣ не могъ пробыть болѣе шести недѣль. Все-таки ему удалось приобрести довольно много древностей, которыя поступили въ Берлинскій музей—первый, обогатившійся произведеніями кипрскаго искусства. Отчетъ о своей экскурсіи *Россъ* издалъ только въ 1852 году ¹⁾; этого изданія было достаточно для выдѣленія своеобразнаго кипрскаго искусства въ особый отдѣлъ. До этого даже такіе авторитеты, какъ Винкельманъ, Цоуга, Висконти не подозрѣвали его существованія. Гергардъ не былъ знакомъ съ изданіемъ *Росса*, но могъ пользоваться все-таки въ музеѣ результатами его экскурсіи; онъ отрицаетъ финикійское происхожденіе древностей, доставленныхъ *Россомъ*, и склоненъ видѣть въ нихъ произведеніе греческаго генія. Вообще онъ о финикійскомъ искусствѣ весьма низкаго мнѣнія: оно и понятно въ виду полнѣйшаго недостатка характерныхъ его произведеній. Онъ могъ располагать только тѣмъ скуднымъ и подозрительнымъ матеріаломъ, который доставили упомянутые нами археологи ²⁾. Конечно, безъ ошибокъ дѣло не могло обойтись, но все-таки ему удалось замѣтить въ финикійскомъ искусствѣ отсутствіе оригинальности и даже слѣды вліяній египетскаго и ассириовавилонскаго, что, впрочемъ, не было уже тайной и для *Моверса*.

Другимъ важнымъ дополненіемъ къ труду *Моверса* были XVI и XVII томы „Die Erdkunde im Verhältniß zur Natur und zur Geschichte des Menschen“ великаго географа *Карла Риттера*, превратившаго мертвый сборникъ фактовъ въ стройный организмъ науки изслѣдова-

¹⁾ Reisen nach Kos, Halicarnassos, Rhodos und Insel Kypern.

²⁾ Онъ пользовался, напр., маондрелавскими рисунками амритскихъ памятниковъ и, конечно, не могъ понять ихъ настоящаго значенія, сближая ихъ съ фаллами, упоминаемыми у *Дукіана* (Dedeia Syria) или даже съ сардинскими нурагами, которыя считалъ финикійскими, а названіе ихъ—семитическимъ. Точно также и сардинскія статуэтки считалъ изображеніями финикійскихъ божествъ. При недостаткѣ источниковъ ему постоянно приходилось обращаться къ Соломонову храму и другимъ произведеніямъ еврейскаго искусства.

ніємъ законовъ устройства земной поверхности, законовъ вліянія *оми-михъ* условій природы на развитіе челоуѣчества. Такимъ образомъ, Риттеръ создавалъ новую школу географовъ и новое направленіе въ наукѣ—сравнительную географію, которая имѣетъ такое же отношеніе къ географіи, какъ философія исторіи къ исторіи. Финикіи посвящено два упомянутые тома; авторъ рассматриваетъ географическія условія страны въ связи съ исторіей ея. Правда, Финикіей занимались съ этой стороны уже давно: всѣмъ бросалась въ глаза своеобразность націи и ея исторіи и зависимость ея отъ географическихъ условій, но занятія не шли дальше диллетантизма. Еще Моверсу пришлось опровергать ¹⁾ ходившее въ его время мнѣніе, будто финикіянъ сдѣлала торговой и предпріимчивой націей бѣдная природа и неплодородіе страны. Онъ доказалъ, что рѣдко встрѣчалась въ древности въ Сиріи такая плодородная и поставленная въ такіа благопріятныя физическія условія полоса, какъ Финикія, и главную причину своеобразности ихъ исторіи видѣлъ въ народномъ характерѣ, поставленномъ въ благопріятныя внѣшнія условія ²⁾. Риттеръ развилъ эти взгляды и обосновалъ, рассмотрѣвъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей географію финикійскаго побережья, наводя постоянныя справки въ описанія путешественниковъ древнихъ и новыхъ ³⁾. Особенное вниманіе онъ обратилъ на рѣки, какъ на естественныя проѣзды черезъ горы, отдѣляющія Финикію отъ Сиріи. Въ зависимости отъ рѣкъ онъ ставилъ развитіе городовъ и коленъ ⁴⁾.

Появленіе капитальныхъ трудовъ по географіи Финикіи было въ это время очень кстати. Въ 1855 г. вышло первое изданіе „*Histoire générale des langues Sémitiques*“ *Ренана*, типичнаго представителя односторонней исторической теоріи расы. По этой теоріи аріицы были объявлены поэтами, художниками, завоевателями и организаторами, тогда какъ семитамъ пришлось довольствоваться ролью патріархальныхъ жителей палатокъ въ пустынѣ и фанатичныхъ поклонниковъ Единого Бога. Но теоретикамъ пришлось натолкнуться на затрудненія со стороны, м. пр., филистимлянъ и финикіянъ. Первые были храбрые

¹⁾ Die Phönizier, II, 1, 247.

²⁾ Этими условіями онъ считаетъ: обиліе матерьяла для кораблей, удобство береговой линіи и гаваней, обиліе прибрежныхъ острововъ, безопасныхъ отъ непріятелей и, особенно, центральное положеніе страны между двумя очагами культуры.

³⁾ Конечно, въ этой исторической географіи не могло обойтись безъ промаховъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Риттеръ особенно подчеркнулъ вліяніе береговой линіи на развитіе мореплаванія у финикіянъ и даже сдѣлалъ подробныя вычисленія, насколько ея извилины превосходятъ прямой путь.

⁴⁾ Онъ еще держался взгляда Моверса о неоднородности націи.

воины, вторые—купцы и мореплаватели, и тѣ, и другіе были отличные организаторы, горожане, а главное—политики и, притомъ, довольно индифферентные, а потому семитами они быть не могли. О филистимлянахъ мы знаемъ очень мало, не знаемъ даже ихъ языка, да и къ тому есть нѣкоторые основанія усомниться въ ихъ семитическомъ происхожденіи. При той свободѣ, до какой большинство ученыхъ считаетъ необходимымъ заниматься восточной исторіей, строить гипотезы и дѣлать сопоставленія, нашли, что въ имени „Пелиштимъ“ только одной буквой больше, чѣмъ въ имени Пеласговъ и филистимляне были безъ дальнихъ разговоровъ объявлены греками. Но какъ быть съ финикианами? Они чистые семиты и по языку, и по типу, и по искусству, а этого нельзя такъ легко не принимать въ соображеніе. На помощь явилась Библія или, лучше сказать, кривыя толкованія библейскихъ текстовъ. Въ 10, 15 книги Бытія Сидонъ названъ „первенцемъ Ханаана“, т.е. внукомъ Хама, а нѣсколько выше Нимродъ—сыномъ Куша, т.е. тоже внукомъ Хама. Этого было вполне достаточно для признанія родства финикианъ съ основателями халдейской культуры и отнесенія ихъ къ придуманной для удобства ученыхъ Кушитской расѣ. За эту спасительную расу уцѣпились и Ренанъ, и Ленорманъ, и Масперо; они стали считать финикианъ пришельцами, усвоившими хананейскій языкъ и смѣшавшимися съ семитами. Во время своей миссіи Ренанъ находилъ возможнымъ даже въ настоящее время видѣть въ Финикии два типа: мрачный—мусульманскій, и очаровательный, напоминающій Египетъ. Давши, такимъ образомъ, въ своей, надѣлавшей слишкомъ много шума, книгѣ подозрительное и вредное по послѣдствіямъ новое, Ренанъ въ ея фактической части—обзорѣ исторіи финикійскаго языка и его отношеній къ другимъ семитическимъ языкамъ—стоитъ всецѣло на почвѣ Моверса. Но этотъ трудъ начинающаго ученаго важенъ былъ лично для него самого: занявшись имъ, онъ, такъ сказать, вступилъ въ область финикійской археологіи, для которой ему суждено было сдѣлать больше всѣхъ своихъ современниковъ. Его „Mission de Phénicie“—до сихъ поръ настольная книга для всѣхъ занимающихся этимъ предметомъ. Но какія были причины, побудившія предпринять финикійскую экспедицію?

Интересъ къ этой своеобразной странѣ, какъ мы могли убѣдиться, всегда былъ силенъ и не ослабѣвалъ, но онъ долго ничѣмъ не питался. Путешественники продолжали исправно посѣщать Св. Землю и Финикию, продолжали издавать описанія, но не прибавляли ничего новаго къ тому, что было извѣстно раньше. При такомъ положеніи дѣла не могло не усилить интереса къ финикійской почвѣ замѣчательное открытіе, которое она доставила ученому міру. Слухи

объ археологическихъ богатствахъ садовъ, окружающихъ Саиду, стали распространяться по Европѣ съ начала 50-хъ годовъ. Виноградари не разъ во время земляныхъ работъ наталкивались на склепы, наполненные остатками всѣхъ культуръ, смѣнившихся на этомъ берегу: здѣсь были и саркофаги въ египетскомъ стилѣ, и произведенія греко-римскаго искусства, и христіанскіе памятники. Конечно, этотъ рудникъ не могъ спастись отъ искателей сокровищъ и торговцевъ древностями, для которыхъ этотъ край—классическая страна. Было ограблено много гробницъ; древности, не удобныя для переноски, разбивались; мѣста находокъ тщательно скрывались. Но вотъ 19 января 1855 г. въ полчасовомъ разстояніи къ ю.-в. отъ Саиды нашли совершенно случайно почти на поверхности земли прекрасный мраморный саркофагъ съ двумя тождественными финикійскими надписями на крышкѣ. Ни одна изъ извѣстныхъ раньше да и теперь не можетъ равняться съ этой надписью и по величинѣ, и по важности. Благодаря стараніямъ герцога de Luynes ¹⁾, памятникъ попалъ въ Лувръ и составляетъ теперь одно изъ лучшихъ украшеній послѣдняго; ученые тотчасъ же занялись имъ и единогласно признали гробницею Эшмуназара, царя „сидонянъ“ ²⁾. Онъ приводитъ имена своихъ, отца и дѣда, и, такимъ образомъ, мы узнали о существованіи неизвѣстной до тѣхъ поръ династїи. Затѣмъ онъ рассказываетъ о постройкѣ имъ храмовъ Ваалу, Астартѣ, Эшмуну, желаетъ, чтобы „владыка царей (адонъ мелакихъ) пожаловалъ ему Дору и Іонпїю, плодородныя земли на саронскихъ поляхъ государству, которое „онъ основалъ“. Наконецъ, подѣ страхомъ божьяго наказанія запрещаетъ „благороднымъ и народу“ открывать его гробницу. Вообще, каждое слово надписи имѣетъ огромную важность и она породила цѣлую литературу. Наука стояла уже на столько твердо, что крупныхъ разногласій въ пониманіи текста надписи мы не замѣчаемъ, но за-то поднялся споръ изъ-за времени, къ которому ее можно отнести. Первый комментаторъ ея Салисбери ³⁾ сблизилъ отца Эшмуназара Табнита съ Тенномъ Дїодора и отнесъ поэтому надпись ко времени Александра В. Такое объясненіе было слишкомъ естественнымъ и простымъ, чтобы его можно было сразу принять; ученые, по своему обыкновенію, стали о нѣсколькихъ строкахъ писать цѣлыя книги и, въ то время, какъ Эвальдъ ⁴⁾ относилъ надпись къ

¹⁾ Ему принадлежитъ прекрасный трудъ по нумизматикѣ: *Essai sur la numismatique des satrapes et de la Phénicie sous les Achéménides*. Par. 1847.

²⁾ Эта надпись извѣстна посѣтителамъ Императорской Публичной Библиотеки: слѣпокъ съ нея помѣщенъ противъ выхода изъ читальной залы.

³⁾ *Journ. of the American Orient Soc.* V. 1. 1856, 227.

⁴⁾ *Abhandl. d. Königl. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen*. VII, 145. *Götting. Gelehrte Anzeigen*. 1856, 689; 1857, 321 и 1868.

XI в. до Р. Х., большинство ¹⁾ видѣло въ ней произведение VII—VI в. Къ гипотезѣ Салисбери опять вернулся *Левин* ²⁾, преемникъ Моверса на бреславльскій кафедрѣ, занявшійся продолженіемъ изданія его библиотеки финикійскихъ текстовъ подъ заглавіемъ «Phönizische Studien» ³⁾ и оказавшій изученію финикійскаго языка огромныя услуги. Недавно дату этого памятника придвинули еще ближе къ нашему времени: Клермонъ Ганно отнесъ его къ III в., ко времени Птолемея II ⁴⁾, который, по его мнѣнію, именно и есть «адонъ мелакимъ». И до сихъ поръ памятникъ продолжаетъ интересовать ученыхъ и вызывать ихъ на объясненія нѣкоторыхъ частности ⁴⁾.

Открытие гробницы Эшмуназара съ надписью, по богатству содержанія ничѣмъ не уступающей любой египетской, конечно, возбуждало среди ученыхъ большія надежды на новыя находки въ Финикии. Если мы вспомнимъ, что въ это время происходили дѣятельныя

¹⁾ Hitzig. Die Grabschrift des Eschmunazar. Leipzig, 1885. De Luynes. Mémoires sur le sarcophage et l'inscription funéraire de Eschmunazar Par. 1856.

²⁾ Это былъ органъ современныхъ автору археологическихъ находокъ. Всего онъ успѣлъ издать 4 выпуска: первый былъ цѣликомъ посвященъ надписи Эшмуназара, переведенной и снабженной прекраснымъ грамматическимъ и реальнымъ комментариемъ. По его мнѣнію, Эшмуназаръ царствовалъ 351—346 г. послѣ погрома при Артаксерксѣ III, что видно изъ постройки храмовъ и тона надписи, доказывающаго далеко не блестящее положеніе Сидона въ то время. За это говоритъ и палеография. Здѣсь авторъ развиваетъ очень оригинальную теорію происхожденія финикійскаго алфавита. Въ то время еще всѣ держались мнѣнія объ оригинальномъ происхожденіи его изъ іероглифовъ, изображавшихъ понятія, соответствующія названіямъ буквъ семитическаго алфавита. Авторъ не вполне согласенъ съ этой теоріей, говоря, что буквы тѣмъ древнѣе, тѣмъ, какъ оказывается, менѣе напоминаютъ іероглифы. Онъ находитъ для каждаго рода согласныхъ буквъ характерную черту и доказываетъ, что всѣ буквы этого рода—ея видоизмѣненія. II-й выпускъ „Phonis. Studien“ посвященъ полемикѣ съ Эвальдомъ по поводу надписи и объясненію новопуническихъ надписей. Здѣсь онъ окончательно установилъ чтеніе этихъ трудныхъ текстовъ. Эвальдъ 1852 г. впервые назвалъ ихъ ново-пуническими, но объяснилъ ихъ крайне неудовлетворительно. Левинъ исправилъ его промахи и заставилъ окончательно забыть объ ихъ мнимо-ливійскомъ происхожденіи. Два послѣднихъ выпуска содержатъ его работы надъ разными надписями, вновь находимыми и извѣстными раньше, которыя авторъ считалъ по лучшимъ копіямъ. Кроме того, результатомъ его работъ надъ финикійскими текстами былъ „Wörterbuch“, вышедшій въ 1864 г. и прибавившій къ 334 словамъ Гезениуса около 600 новыхъ. Въ приложеніи къ IV выпуску „Phöniz. Studien“ онъ помѣстилъ еще добавленіе къ словарю (1874).

³⁾ Corpus I. Sem. I, 20.

⁴⁾ Со стороны грамматической надписью занимались очень многіе; литературу см. въ Corpus Inscr. Semit. Мельхиоръ де Вогюэ пытался объяснить ее съ архитектурной стороны (Revue archéol. 1879), Halévy дѣлалъ на основаніи ея заключенія о вѣрованіяхъ семитовъ о загробной жизни. (Ibid. 1882).

археологическія работы на развалинахъ Египта и Месопотаміи, если примешьъ въ соображеніе, какой богатый матеріалъ доставили востокѣвѣдѣнію раскопки Лаярда, Ботты, Рассама, Лофтуса, Лепсіуса, то намъ будетъ вполнѣ понятно желаніе ученыхъ путемъ подобныхъ же изслѣдованій въ предѣлахъ древней Финикіи и ея колоній пролить свѣтъ на ея исторію. Ко всему этому присоединилось то обстоятельство, что царствовавшій въ то время во Франціи Наполеонъ III давно желалъ чѣмъ-нибудь напомнить своего великаго предка, египетскому походу котораго наука обязана чтеніемъ іероглифовъ. И вотъ, въ концѣ мая 1860 г. Наполеонъ III назначаетъ въ Финикію ученую экспедицію и руководство ея поручаетъ *Ренану*. По странной случайности, и эта французская экспедиція имѣла военный характеръ. Незадолго до ея назначенія, въ Ливанѣ случились убійства, требовавшія присутствія французской дивизіи; солдатамъ было приказано работать во время раскопокъ и, вообще, находиться въ распоряженіи экспедиціи. На мѣстѣ также Ренанъ приобрѣлъ опытнаго сотрудника въ лицѣ врача *Gaillardot*, прожившаго въ Сиріи 26 лѣтъ и соединявшаго съ большими научными свѣдѣніями хорошее знаніе мѣстныхъ условій. Ренанъ приписываетъ весь свой успѣхъ, главнымъ образомъ, его содѣйствію.

Въ концѣ октября Ренанъ прибылъ въ Бейрутъ и, вмѣстѣ съ командиромъ арміи, составилъ планъ экспедиціи. Рѣшено было предпринять 4 экскурсіи: 1) въ Руадъ (Арадъ), Тортозу (Антарадъ) и Амритъ (Мараѣ); 2) Джебель (Вивль); 3) въ Саиду (Сидонтъ); 4) въ Суръ (Тиръ) и окрестности, кромѣ того, въ видѣ дополненія — путешествіе въ Палестину, стоявшую съ Финикіей въ близкой культурной связи. Послѣ двухъ подготовительныхъ экскурсій, рѣшили начать съ разысканій на мѣстѣ древняго Вивла. Здѣсь не было пункта, привлекавшаго особенное вниманіе, и потому работу пришлось производить на огромномъ пространствѣ. Ренанъ скоро замѣтилъ, что для своевременнаго окончанія изслѣдованій необходимо производить ихъ въ нѣсколькихъ пунктахъ сразу. Это стало возможнымъ въ виду того, что онъ приобрѣлъ себѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ гр. Вентивольо, французскаго консула въ Бейрутѣ, и офицеровъ арміи, да и солдаты, принявъ близко къ сердцу успѣхъ экспедиціи, скоро приобрѣли навыкъ въ работахъ. Поэтому, отправивъ въ Саиду, гдѣ тогда стояла часть войска, Гайярдо, онъ самъ остался въ Вивлѣ и былъ здѣсь до 7-го февраля. Послѣ него продолжали работать офицеры *Lubriat* и *Sacreste*, сдѣлавшіе прекрасные рисунки и планы. На мѣстѣ древняго *Вивла* уже собственно поздно было производить раскопки: землетрясенія, войны, особенно же искатели сокровищъ и населеніе, враждебное пластикѣ, истощили этотъ рудникъ древностей.

Здѣсь не нашли ни одного настоящаго финикійскаго памятника, если не считать цоколя пирамиды храма Адониса ¹⁾. Нашли также камень съ египетскимъ изображеніемъ и іероглифическою надписью, которой занялся Руже и которая, вѣроятно, относилась къ храму Изиды въ Вивлѣ. Этотъ памятникъ, а также и другія указанія окончательно убѣдили Ренана въ культурномъ вліяніи Египта на этотъ городъ, а также въ справедливости мнѣнія Моверса о племенномъ отличіи жителей его отъ сидонянъ и, напротивъ, значительной близости къ евреямъ. Онъ называетъ Вивлѣ ливанскимъ Іерусалимомъ по его религіозному значенію и административному устройству. Мѣстоиъ древняго Вивла Ренанъ считаетъ холмъ Коссубу ²⁾.

¹⁾ Ренанъ подозрѣвалъ, что мѣсто, на которомъ онъ найденъ, скрываетъ археологическія богатства (Mission. 174 sq.). И дѣйствительно, въ 1869 г. здѣсь случайно нашли очень важную финикійскую надпись, единственную, дошедшую до насъ изъ Вивла. Она помѣщена подъ изображеніемъ мѣстнаго царя Іегавмелека, молящагося въ персидскомъ одѣяніи покровительницѣ города Baalat-Gabal, представленной въ видѣ египетской богини. Онъ упоминаетъ о сооруженіи золотого алтаря богинѣ, портика и золотого урея (?) и проситъ, чтобы богиня исходатайствовала ему милость боговъ и расположеніе народа (характеристично послѣднее). Надпись породила огромную литературу. Сначала ею занялись Вогюэ и Ренанъ и поняли ее довольно согласно. Кромѣ Эутинга, разобравшаго ее въ Z. d. D. M. G. (XXX) съ грамматической стороны, съ реальной ее разсмотрѣлъ Halévy (Journ. Asiat. VII, 13, 173 sq.). Онъ замѣтилъ нѣкоторую разницу въ языкѣ и правописаніи относительно сидонскихъ надписей (большую близость къ арамейскому); это навело его на мысль о существованіи въ Финикии, подобно Греціи, городскихъ діалектовъ. Египетскій обликъ богини заставлялъ его видѣть въ библейскомъ производствѣ финикіянъ отъ Хама констатированіе факта культурной зависимости отъ Египта, а самостоятельный характеръ ея, не являющейся парехромъ мужского божества, убѣждаетъ его въ правильности его теоріи о культѣ у семитовъ самостоятельныхъ женскихъ божествъ. При этомъ онъ дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о финикійской религіи вообще и говоритъ, что въ ней жречество поглощено государствомъ, что она, сдѣлавшись космополитической, не перестала быть семитической, т.-е. пантеизмомъ, разсматриваемымъ съ соціальной точки зрѣнія и признающимъ гармонію вселенной въ разнообразіи и порядокъ ея въ видимомъ безпорядкѣ. Такимъ образомъ, надпись эта очень важна: благодаря ей, мы узнали о двухъ царяхъ персидскаго времени (имя дѣда Іегавмелека сохранилось неясно), увидѣли изображеніе богини, о которой намъ нѣсколько сотъ лѣтъ до этого повѣствовали египетскіе и клинообразные тексты, убѣдились въ культурномъ вліяніи на Финикию Персія. Что касается послѣдняго, то Мордтманъ указалъ на одну печать съ персидскимъ изображеніемъ и финикійской легендою (Z. O. M. G. 14, 710).

²⁾ Экспедиціи занялась также тщательнымъ изслѣдованіемъ окрестностей Вивла, бассейна рѣки Адониса (Nahr-Ibrahim — плодъ синкретизма, сопоставившаго Авраама съ Элемъ, богомъ Вивла) и берега до самаго Вейрута. Повсюду найдено много слѣдовъ культовъ Вивльскихъ божествъ, упомянутыхъ у Санхуниаэона: греческія надписи то и дѣло говорятъ о „вышнемъ“ богѣ

На мѣстѣ древняго *Сидона* раскопки производилъ Gaillardot. И здѣсь, по части финикійскихъ древностей, находки не были особенно значительны. Былъ изслѣдованъ и описанъ некрополь, найдены саркофаги одного типа съ Эшмуназаровымъ, которые Ренанъ называлъ антропондами, но надписей на нихъ не было. Гайярдо нашелъ въ некрополѣ много мелкихъ предметовъ, которые описалъ, и классифицировалъ самыя гробницы, по способу погребенія. Въ окрестностяхъ города нашли тоже немного финикійскаго: въ селеніи Румели остатки страннаго сооруженія съ египетскимъ вліяніемъ, на берегу въ Айрез-Зейтунѣ два известковыхъ саркофага, да въ Khan-Khaldi остатки святилища Ваала Альдимійскаго.

Гораздо плодотворнѣе и интереснѣе были изслѣдованія на мѣстѣ древняго *Тира*. Раскопки на Еврихорѣ не дали ничего новаго, кромѣ остатковъ греческихъ и римскихъ; Ренанъ только убѣдился, что ю. з. уголъ острова не могъ быть отдѣльнымъ островомъ съ вѣтровъ храма Мелькарта. Было поэтому необходимо изслѣдовать, гдѣ могъ находиться этотъ храмъ, и убѣдиться, былъ ли островъ прежде больше, чѣмъ теперь, какъ это въ то время всѣ предполагали. Кромѣ того, слѣдовало наконецъ, порѣшить, съ вопросомъ объ Египетской гавани. Ренанъ рѣшительно не допускаетъ значительнаго уменьшенія острова; онъ только признаетъ, что провалились нѣкоторые

Египтянъ. У верховьевъ рѣки Адониса были изслѣдованы интересныя развалины, наз. „Maschnaka“, замѣченныя еще въ 1850 г. Зетценомъ и Веберомъ и описанныя впервые Реваномъ въ 1861 г. (Mémoire sur les monuments du culte d'Adonis). Въ этихъ развалинахъ, по его мнѣнію, римской эпохи (скульптурныя изображенія относятъ ко времени Селевкидовъ), онъ склоненъ видѣть древній храмъ Афродиты въ Ливанѣ, упоминаемый у Лукіана (De Syria Dea G.), а въ развалинахъ гробницы — одну изъ многочисленныхъ кенотафій Адониса. На другомъ берегу рѣки, въ Ghineh есть также интересныя скульптурныя изображенія, для которыхъ онъ подыскалъ объясненіе у Макробія (Saturn. I, 21), упоминающаго о многочисленныхъ изображеніяхъ въ Ливанѣ плачущей Венеры и Адониса. Кромѣ того онъ описалъ много другихъ развалинъ, менѣе замѣчательныхъ; всѣ онѣ или относятся къ позднимъ, сравнительно, эпохамъ, или плохо сохранились. Финикійскихъ надписей нигдѣ найти не удалось. Наконецъ, онъ старался указывать на народныя суевѣрія, напоминающія о древнихъ культахъ, и въ новыхъ географическихъ именахъ искать историческихъ. Онъ отвергъ ходившее до него мнѣніе о торжествѣ Семаръ-Джебеля съ Палевиньомъ и утверждаетъ, что послѣдній могъ быть только на мѣстѣ нынѣшнихъ Сарба или Ель-Базара. Др. Афаку отказывается отождествить съ Факрой (здѣсь онъ также описалъ интересныя развалины храма „высочайшаго бога“) и возвращается къ прежнему сопоставленію ея съ Афаккой. Бейрутомъ онъ занимался мало, т. к. этотъ городъ посѣщался часто и даже былъ населенъ археологами. Онъ производитъ имя этого города не отъ „boroth“ = колодезь, а отъ „berot“ = кипарисъ, также „сосна“ отъ сосновыхъ рощъ вблизи города.

изъ частей насыпанныхъ Хирамонъ, но вовсе не храмъ, для провала котораго онъ не находить времени. Храмъ Мелькарта, помѣщается въ срединѣ города и отказывается отождествлять его съ упоминаемымъ у Менандра и Діа святилищемъ Зевса Олимпійскаго, основаніе котораго относитъ ко времени Антиоха Епифана, вводившаго повсюду этотъ культъ и которое онъ помѣщаетъ тамъ, гдѣ Моверсъ желаетъ видѣть храмъ Мелькарта, т.-е. на отдѣльномъ островѣ. Въ вопросѣ о гаваняхъ онъ совершенно несогласенъ съ Берту; опровергаетъ его теорію о Коэонѣ и поперечномъ каналѣ и, помѣщая Египетскую гавань соответственно Сидонской, утверждаетъ, что она совершенно занесена пескомъ. Говоря о Палетирѣ, онъ первый высказалъ очень вѣроятное предположеніе о томъ, что его названіе не даетъ права заключать объ его большей древности. Настоящимъ городомъ былъ всегда островъ, что доказывается самымъ именемъ его („Цоръ“-скала); приставка „Palae“ м. б. просто невѣрный переводъ какого-нибудь финикійскаго слова. Мѣстомъ Палетира онъ считаетъ тотъ пунктъ, къ которому ежедневно приставали суда съ острова, съ чѣмъ согласны и историки Александра, а извѣстіе Скилака о рѣкѣ, протекавшей среди города, заставившее ученыхъ перемѣщать городъ къ устью Касміа, объясняетъ, кромѣ сомнительности чтенія, тѣмъ, что въ древности понятіе Палетира было крайне неопредѣленно: подъ этимъ именемъ разумѣлись поселенія на значительномъ протяженіи по берегу. Для раскопокъ на мѣстѣ Палетира и для извлеченія его остатковъ изъ александровой плотины Ренанъ не располагалъ достаточными средствами ¹⁾. Изъ окрестностей Тира Ренанъ обратилъ прежде всего вниманіе на мѣстность „Kabg Nigam“, гдѣ находился некрополь съ памятникомъ, носившимъ заманчивое названіе „гробница Хирама“. 18 марта 1861 г. начались изслѣдованія. Оказалось, что названіе это не древнѣе 1833 г. и явилось простымъ слѣдствіемъ недоразумѣнія или шутки туристовъ. Определить эпоху памятника онъ отказался въ виду его сходства и съ древне-финикійскими, и съ христіанскими. Первое, во всякомъ случаѣ, онъ считалъ болѣе вѣроятнымъ, благодаря возможной принадлежности его къ древнему „укрѣпленію Тира“ (Пар. II, 24, 7.), которое онъ склоненъ отождествить съ частью Палетира, отдѣлившеюся послѣ нашествія Салманассара. Другая интересная мѣстность въ окрестностяхъ Тира, лежащая къ югу, по дорогѣ въ Акку-Умъ-эль-Авамидъ („Мать Колоннъ“). Здѣсь работали Тобуа

¹⁾ Кромѣ Моверса и Ренана ошибки Берту взялся исправлять *Poulsen de Vosau* въ своихъ „*Recherches sur Tyr et Palétyr*“ (Rec. d. voyages. VII, 2), но самъ зналъ въ другія ошибки и не былъ свободенъ отъ произвольныхъ сближеній. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ ему удалось дополнить Моверса.

и Ренанъ, а впервые обратили вниманіе на эти развалины de Saulcy и Vogüé (1850—1853). Они замѣтили здѣсь остатки акрополя въ греч. стилѣ, господствовавшего надъ берегомъ, постройки въ египетскомъ стилѣ и дома, которые они считали киллопическими. Тобуа полагалъ, что египетское сооруженіе не старше времени Александра В., а дома — просто грубыя постройки новаго времени изъ обломковъ древности. Ренанъ былъ склоненъ видѣть въ египетскомъ зданіи если не произведеніе времени Хирама, какъ думалъ Вогюэ, то постройку персидской эпохи. Подробное разсмотрѣніе этихъ остатковъ наводитъ его на мысль о сходствѣ орнаментовки съ тѣмъ, что мы знаемъ объ Іерусалимскомъ храмѣ ¹⁾ и вообще онъ видитъ въ тирской культурѣ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ еврейскою ²⁾. Важной находкой здѣсь были 3 финикійскія надписи, первыя изъ области древняго Тира ³⁾. Умъ-эль-Авамида Ренанъ вообще считаетъ мѣстностью, послѣ Амрита, наиболѣе интересною для изслѣдователя финикійской древности. Это онъ объясняетъ тѣмъ, что находившійся здѣсь городъ Лаодикея не пережилъ Селевкидовъ и не попалъ подъ римское владычество. Онъ полагалъ, что здѣсь можно еще найти надписи и совѣтовалъ археологамъ заняться этимъ.

Но самой интересной частью экспедиціи было, безъ сомнѣнія, изслѣдованіе области древняго *Арада*, памятники котораго уже нѣ-

¹⁾ Онъ говоритъ, что иллюстраціи Тениуса къ Книгѣ Царствъ, составленныя на основаніи теоретическихъ соображеній, напеминаютъ собой эти остатки.

²⁾ Тиръ — религиозный центръ почитателей Мелькарта Ираклейцевъ, соперникъ Іерусалима, а потому возбуждалъ ненависть пророковъ.

³⁾ Эти надписи очень важны; онѣ помѣщены въ музеѣ Наполеона III и вызвали большую литературу. Кромѣ Ренана, посвятившаго имъ статьи въ Journ. As. (1862 и 1863) ими занялись Barges (ibid), Levy (Phon. St. III) Judas, Ewald, Schlottmann и мн. др: Особенное вниманіе обращали на себя 2 даты I-й надписи: 180 годъ „владыки царей“ и 143 „тирскаго народа“. Ренанъ считаетъ первую дату отъ эры Селевкидовъ и относитъ надпись къ 132 г. до Р. X., а вторую отъ возстановленія разрушеннаго Тира Птолемеємъ II въ 276 г. Последняя эра была для науки новостью. Языкъ пока еще чистый ханаанскій, но замѣчается стремленіе писать quiescentes. Интересны цифры: онѣ не финикійскія, а арамейскія и дополняютъ извѣстныя намъ изъ вавилонскихъ надп. и арамейскихъ егип. папирусовъ. Но самое важное это то, что, благодаря первой надписи, можно предполагать, что на мѣстѣ древняго Умъ-эль-Авамида былъ городъ, носившій имя Лаодикея, хотя, конечно, быть вполне въ этомъ увѣренными трудно: надпись могла попасть сюда случайно, а имя города Тира сохранилось неясно. Третья надпись интересна потому, что написана на обломкѣ солнечныхъ часовъ. По просьбѣ Ренана этимъ памятникомъ занялись математики Wörcke и Laussedat. Они дали полную реконструкцію его, вычисления и отнесли къ роду тѣхъ, изобрѣтеніе которыхъ Витрувій приписываетъ Діонисіодору (De Arch. IX, 9). Статья Wörcke въ J. As. 1863. Laussedat въ Mission 733—745. Въ Луврѣ есть мраморная модель памятника.

сколько вѣковъ обращали на себя вниманіе ученыхъ, но до сихъ поръ не были изучены. Къ сожалѣнію, изслѣдователи были поставлены въ неблагопріятныя условія: памятники теперь уже были далеко не въ такомъ видѣ, какъ при Броккардѣ или даже Пококе; греческое возстаніе сокрушило многіе изъ нихъ 1). Кромѣ того неблагопріятное время года и ожидаемый уходъ солдатъ заставляли торопиться. Тѣмъ не менѣе имъ вполнѣ удалось изучить памятники, называемые маабедями, мегапилями, бурди-ель-беззакъ. Въ первыхъ Ренанъ видѣлъ храмы, напоминающіе Моисееву скинію, причѣмъ каменные cellae по-средины были св. святыхъ 2); во вторыхъ—центры кладбищъ, соотвѣтствующіе погребальнымъ пирамидамъ (horaboth), упоминаемымъ въ въ книгѣ Іова (21, 32). Что касается памятника Burdi-el-Bezzak, то имъ усердно занялся Gaillardot и основательно изучилъ его съ архитектурной стороны. Онъ полагалъ, что это мѣсто упокоенія богатой и знатной, м. б., царской фамиліи и выстроено оно въ подражаніе естественнымъ склепамъ въ скалахъ. Тобуа къ этому прибавилъ, что памятникъ не оконченъ и, вѣроятно, не былъ въ употребленіи. Надписей финикійскихъ совсѣмъ не нашли. Ренанъ объясняетъ это отсутствіемъ здѣсь греческаго вліянія, пріучившаго финикіянъ писать на камнѣ 3). Напротивъ, памятники Арада свидѣтельствуютъ о глубокомъ египетскомъ вліяніи 4), господствовавшемъ въ Финикіи до времени филоеллина Стратона.

Изъ окрестностей Арада интересенъ *Мараъ*. Развалины его, растянутыя на огромное пространство, навели Ренана на мысль, что этотъ городъ служилъ для острова мѣстомъ дачъ, фабрикъ, магазиновъ и кладбищъ 5). Кромѣ того производились изслѣдованія на берегу до Триполи и Оеупросопа. Это мѣсто, впрочемъ было и раньше хорошо извѣстно. Локруа занялся бѣглымъ обзоромъ Джебель-Аккара, который до ренановой экспедиціи былъ неизвѣстенъ, и спустился въ

1) Такъ напр., экспедиція не имѣла возможности изучить башни на о-вѣ Руадѣ, въ которой всѣ путешественники видѣли остатки глубокой древности.

2) Амритскій маабедь—единственный изъ дошедшихъ до насъ въ цѣлости семитическихъ храмовъ.

3) Это онъ доказываетъ неумѣlostью мастеровъ справляться съ текстами даже впоследствии. Онъ полагаетъ, что до греческаго вліянія финикіянѣ писали на металлѣ, который потомъ переливался и, такимъ образомъ, надписи пропадали для науки.

4) Слѣды египетскаго вліянія найдены и на о-вѣ. Здѣсь попалась плита и статуя съ іероглифической надписью и картушемъ Псаметиха. Памятникомъ этимъ занялся Руже.

5) Впрочемъ Ренанъ и на островѣ нашелъ могилы. При раскопкахъ на островѣ онъ подвергался большимъ опасностямъ со стороны фанатическаго населенія.

долину Оронта для осмотра и описанія памятника El-Hatmul. Не смотря на видимое сходство, это сооруженіе, по его мнѣнію, не современно амритскимъ; оно скорѣе неосирійское римскаго періода или, въ крайности, времени селевкидовъ. Триполи не дала совѣтъ финикійскихъ древностей, точно также, какъ и мѣстность къ югу отъ Акки къ Кармилу и Галилеѣ, гдѣ только въ селеніи Elamsin были замѣчены остатки чего-то въ родѣ выродившагося мѣщала временъ упадка искусства. Ренану не удалось провѣрить предположенія Томсона о построеніи Кесаріи изъ развалинъ другого болѣе древняго города, не удалось ему также видѣть и Доры, которую онъ склоненъ помѣщать на мѣстѣ Тантуры.

И такъ, ренанова экспедиція не обогатила европейскихъ музеевъ произведеніями финикійскаго искусства и литературы, но значеніе ея для науки тѣмъ не менѣе было громадно. Остатки греко-римской культуры, найденныя ею здѣсь въ довольно большомъ количествѣ, пролили много свѣта на исторію эллинизма въ Сиріи, особенно на ея религію въ это время синкретизма; многія изъ надписей и изображеній были прямыми иллюстраціями къ Санхунаіаону. Изученіе древней географіи побережья стало теперь на твердую научную почву, благодаря тому, что изслѣдователи постоянно старались разыскивать мѣстоположенія древнихъ городовъ, сопоставлять ихъ съ современными и дѣлали это, въ большинствѣ случаевъ, очень удачно, прибѣгая къ содѣйствію филологин, археологин и народныхъ преданій и суевѣрій. Но болѣе всего обявано этой экспедиціи изученіе финикійскаго искусства. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что оно только теперь и стало возможно. Во-первыхъ, Ренанъ и его сотрудники выбросили за бортъ массу негоднаго матеріала, въ видѣ развалинъ разныхъ сооружений среднихъ вѣковъ и даже новаго времени, которыя вводили изслѣдователей въ заблужденіе, будучи выстроены изъ древнихъ обломковъ. Затѣмъ, съ памятниковъ, въ финикійскомъ происхожденіи которыхъ не могло быть сомнѣнія, они постарались снять рисунки и на тщательность послѣднихъ обратили самое серьезное вниманіе. Эти рисунки, сдѣланные Тобуа, а также прекрасные планы и карты—результаты географическихъ и топографическихъ работъ экспедиціи и снятые, большею частью, офицерами арміи, составили особый атласъ къ „Mission de Phénicie“ и до сихъ поръ являются источникомъ свѣдѣній о древней исторіи Финикіи и ея искусствѣ ¹⁾. Затѣмъ Ренанъ занялся классификаціей и хронологіей памятниковъ и, не смотря на страшную трудность разобраться въ этомъ хаосѣ при отсутствіи данъ,

¹⁾ До сихъ поръ всѣ историки (напр. Пичманъ, Раулинсонъ, Перро и др.) заимствуютъ изъ нихъ въ свои сочиненія.

а часто даже и надписей, онъ всетаки пришелъ къ нѣкоторымъ прочнымъ выводамъ, раздѣливъ памятники финикійской архитектуры на до-эллинискіе 1), смѣшанные 2) и эллинистическіе 3) и замѣтивъ, что эпоха Антониновъ была, до нѣкоторой степени, временемъ возрожденія восточныхъ искусствъ. Эта классификація сдѣлалась достояніемъ науки. Въ „Conclusions“ своего классическаго труда онъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на финикійское искусство: повсюду, говоритъ онъ, геологія предписываетъ законы искусству, повсюду подпочва является главнымъ элементомъ, опредѣляющимъ матеріалъ. Финикійскій известнякъ удобный для полировки, но годный для употребленія только въ видѣ большихъ блоковъ, не могъ конкурировать въ богатствѣ орнаментовки съ греческимъ мраморомъ. Поэтому принципъ финикійской архитектуры—полированная скала, а не колонна и не сводъ и можетъ быть выраженъ однимъ словомъ „монолитизмъ“. Сдѣлавшись осмысленнымъ, финикійское искусство стало подражательнымъ, взявъ за образецъ сначала Египетъ, а затѣмъ Грецію, но здѣсь не оставило своего монолитизма и всетаки продолжало быть непоследовательнымъ и, такъ сказать, эгоистичнымъ, что обусловило быстрое разрушеніе его памятниковъ.

Послѣ ренановой экспедиціи Финикія можетъ считаться, въ общемъ, изслѣдованной. Но кромѣ „поморія Тира и Сидона“ финикійскіе памятники были разбѣяны по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря и въ нѣкоторыхъ пунктахъ подвергались даже меньшимъ невзгодамъ, чѣмъ въ метрополи. Для основательнаго изученія финикійской древности необходимо было и на нихъ обратить вниманіе тѣмъ болѣе, что нерѣдко это было очень удобно и доступно. Мы видѣли, что давно уже европейскіе ученые изучали древности Мальты, Сардиніи, Сициліи. Послѣ Мармори здѣсь работали Сага 4), Елена 5), Spano 6), Crespi 7),

1) Таковы, напр., памятники Амрита.

2) Къ этому роду онъ относитъ, между прочимъ крещальню въ Маронитской церкви Mar Iouhanna въ Джебелъ. Здѣсь онъ видѣлъ крылатый дискъ, который считаетъ комментариемъ къ (Sanxuniaeonu (Orell. p. 45).

3) Типомъ такихъ памятниковъ онъ называетъ театр въ селеніи Батрунъ въ окрестностяхъ Джебела. Ренавъ не отрицаетъ, что былъ періодъ, когда и Финикія оказывала вліяніе на Грецію, но только послѣдняя могла вдохнуть въ искусство идеалъ.

4) Директоръ музея въ Кальяри. Онъ нашелъ также въ 1877 г. финикійскую надпись, которой заваялся Елена и перевелъ довольно удачно въ „Sopra una iscrizione fenica. 1878. Она votивная въ честь Ваалшамма; замѣчательно въ ней упоминаніе „о—ва Надамъ“, которое сопоставляютъ въ ἱερὰν νέαν. Въ Сардиніи найдены еще надписи, 6. ч. нео-пуническія.

5) Scavi nella necropoli occidentali di Cagliari. Cagliari. 1868.

6) См. въ Bulletino archeologico Sardo 1855—1861.

7) Catalogo illustrato della raccolta di antichità Sarde, possedute dal Signore Raimondo Chessa. Cag. 1868.

Pais. Последній въ своемъ сочиненіи: „La Sardegna prima del dominio Romano“ ¹⁾ отвергъ, наконецъ, финикійское происхожденіе нураговъ, но склоненъ, хотя и неосновательно, приписывать его идольщикамъ, и оружію, найдя въ нихъ сходство съ вещами, добытыми изъ Гиссарлыка и относящимися къ такъ называемому „средиземному типу“. На Сардиніи было найдено также не мало предметовъ египетскаго типа; это довало поводъ строить невѣжественныя гипотезы. Ренанова экспедиція доказала, что египетскій характеръ еще не доказательство египетскаго происхожденія и ихъ пришлось считать финикійскими и даже мѣстными издѣльями. Паисъ даетъ также древнюю географію ²⁾ и исторію Сардиніи, причеиъ въ вопросѣ о финикійскихъ колоніяхъ поступаетъ гораздо умѣреннѣе Моверса и помѣщаетъ ихъ только по берегамъ: въ Каралѣ, Норѣ, Sulcis и портѣ Иракла. Вообще трудно отличить древне-финикійскіе слѣды отъ карфагенскихъ, Гельбигъ ³⁾ даже прямо отрицаетъ первые. Но за то здѣсь нѣтъ греческихъ памятниковъ и финикійскій элементъ держится очень долго безъ примѣси. Находили финикійскія древности и на Корсикѣ: монеты, мелкія вещи и саркофаги-антропомиды ⁴⁾ одного типа съ сирійскими, но надписи не найдено ни одной, точно также, какъ и на Коссурѣ ⁵⁾ (Пантелларія). Археологическими работами въ *Сициліи* занимался *Salinas* ⁶⁾, обратившій вниманіе на стѣны Эрика, считавшіяся пеласгическими. Онъ нашелъ въ нихъ финикійскія буквы и притомъ въ такихъ положеніяхъ, что онѣ могли доказать происхожденіе стѣнъ, хотя палеографическая сторона ихъ не позволяетъ сдѣлать заключенія о времени кладки, которая напоминаетъ тиринескія стѣны и своимъ стремленіемъ къ горизонтальности обнаруживаетъ нѣкоторый прогрессъ въ искусствѣ. Въ это же самое время завѣдующій Лавалеттской публичной бібліотекой *Каруана* предпринялъ по порученію англійскаго правительства общее изданіе всѣхъ мальтійскихъ памятниковъ подъ заглавіемъ: „Report of the phoenician and roman antiquities in the group of the islands of Malta“. 1882. Это очень почтенный трудъ, жалъ

¹⁾ Въ *Memorie della reale Acad. dei Lincei*. 1881.

²⁾ Въ ней приложена прекрасная археологическая карта и 6 таблицъ изображеній.

³⁾ *Cenni sul'arte fenica*.

⁴⁾ *Les Phéniciens en Corse. Revue Africaine*. 1862 (статья Aucasitaine).

⁵⁾ Ленорманъ, имя котораго вообще не свободно отъ подозрѣній въ дѣлѣ археологій, утверждалъ въ 1867 г. акад. надписей, что получилъ отъ одного туриста надпись съ Коссуръ. Онъ даже издалъ ее, а Леви занялся ея объясненіемъ въ *Phön. Std.* III. Впослѣдствіи она оказалась подложной.

⁶⁾ *Le mura fenicie di Erice*. Roma 1883. Изображеніе стѣнъ сохранилось на одной монетѣ. См. Donaldson *Achitectura numismatica*. Литературу о сицилійскихъ древностяхъ см. въ бурсиановскомъ „*Jahresbericht*“, статьи Holm'a.

только, что авторъ не могъ видѣть Гигантеи въ томъ видѣ, какъ она была при Марморѣ, изданіе котораго, поэтому, до сихъ поръ необходимо имѣть въ виду. Кромѣ того Куруана склоненъ къ довольно смѣльнымъ гипотезамъ.

Большія надежды возлагались на развалины Картегена. Послѣ того, какъ въ началѣ нашего столѣтія онъ обратилъ на себя вниманіе ученыхъ своими надписями, имъ занялся въ 30-хъ годахъ археологъ Фальбъ, снявшій планъ съ его развалинъ съ такой точностью, что его долго продолжали копировать ¹⁾. Съ 50-хъ годовъ надписи стали попадаться здѣсь въ огромномъ количествѣ, хотя по содержанію были крайне однообразны, будучи большею частію посвященіями Ваалу Хаммону и Танитъ. Тунисскій бей приказалъ доставлять ихъ къ себѣ и складывать въ крѣпости Манубъ. Въ общемъ однако, памятниковъ здѣсь найдено было очень мало, гораздо меньше, чѣмъ на островахъ, гдѣ финикійскій элементъ сохранялся дольше и чище. Наполеонъ III обратилъ вниманіе и на эту область и поручилъ въ ней археологическія работы Даух, человѣку, страдавшему большою склонностью къ фантастическимъ предположеніямъ, которыми полно его сочиненіе: „Recherches sur l'origine et l'emplacement des emporia phéniciens dans les Zeugis et le Byzacium (1869). Больше онъ ничего не могъ разработать, такъ какъ всѣ его документы сгорѣли при пожарѣ Тюльери въ 1871 г. Въ 1878 г. французскій главный штабъ издалъ новую топографическую карту мѣстности древняго Картегена ²⁾; она доказываетъ до какой степени были тщательны и близки къ истинѣ работы Фальба. Около того же времени 1873—1876 г. Pricot de Sainte Marie былъ командированъ для собиранія надписей и былъ основанъ музей пуническихъ древностей у Вирсы (Musée de Saint-Louis) стараніями кардинала Лавижери и Деляттра ³⁾. Въ 1884 г. на мѣстѣ древняго Картегена дѣлали раскопки молодые археологи Reinach и Babelon ⁴⁾ въ трехъ мѣстахъ: между Вирсой и древней гаванью и къ востоку отъ первой. Результаты были не особенно успѣшны. Нашли

¹⁾ Recherches sur l'emplacement de Carthage. Par. 1833. Около того же времени появился серьезный и до сихъ поръ не потерявшій значенія трудъ Dureau de la Malle, Recherches sur la topographie de Cart age (1835). Слѣдуетъ упомянуть также топографич. работы Beulé (Fouilles à Cathage 1861), впервые исследовавшаго порты и нашедшаго мѣсто Вирсы и кладбища. Кладка стѣнъ напомнила ему Іерусалимъ. (См. Desjardin—отчетъ о работахъ Beulé въ Bullet. dell'Inst. di corrisp. arch. 1860. Въ Journ. de Sav. 1859—1860).

²⁾ Она помѣщена въ Corp. Inscr. Semit. I, 243.

³⁾ Carthage et Tunisie au point de vue archéologique. Tunis 1883. Здѣсь же отчетъ о позднѣйшихъ раскопкахъ.

⁴⁾ Revue arch. 1884, I, 185.

фундаменты здания, водопроводовъ, нѣсколько мелкихъ вещей, древнюю гробницу и до 450 надписей въ честь Танитъ, которыя по своему скучному однообразію не интересны для науки. Въ тоже время на свои средства дѣлалъ изысканія капитанъ Vincent ¹⁾ и открылъ Некрополь въ Badja (древн. Вага). Въ 1886 г. съ большимъ успѣхомъ работалъ здѣсь Vernaz ²⁾. Онъ нашелъ погребальныя пещеры, причемъ обнаружилось, что эти пунические гробницы ориентированы къ Тиру, къ богу Мелькарту. Онъ же пришелъ къ убѣжденію, что будущимъ археологамъ необходимо принимать въ соображеніе подземную канализацію, развѣтвленія которой могутъ дать понятіе о направленіи древнихъ улицъ.

Въ 1876 году производились раскопки въ Италіи ³⁾ близъ Палестрины, на почвѣ древняго Пренестѣ. Нашли цѣлый кладъ: золотыя, серебряныя, янтарныя вещи, предметы изъ слоновой кости, стекла, бронзы и желѣза, чаши, треножники, оружіе и посуду. Первыми обратили на это вниманіе Гельбигъ и Конестабиле, а послѣ нихъ Ленорманъ, представившій въ Академію Надписей фотографіи находокъ. Восточное происхожденіе послѣднихъ не возбуждало сомнѣній: египетско-ассирійскій отпечатокъ былъ очень замѣтенъ, а на одной серебряной чашѣ была даже финикійская надпись. Существованіе финикійскихъ слѣдовъ у самыхъ воротъ Рима было сюрпризомъ и ученые не замедлили заняться ими. Клермонъ-Ганно обратилъ вниманіе на одну чашу съ интересными изображеніями по краямъ и посрединѣ ⁴⁾. Они навели его на мысль о вліяніи подобныхъ изображеній на распространеніе мифовъ, и онъ пытался доказать зависимость отъ нихъ нѣкоторыхъ греческихъ сказаній. Въ срединѣ одной чаши находится изображеніе, постоянно встрѣчающееся въ египетскихъ памятникахъ: царь поражаетъ своихъ враговъ, стоящихъ на колѣняхъ, причемъ, согласно законамъ египетской живописи, тѣла этихъ враговъ закрываютъ другъ друга, и получается впечатлѣніе одного туловища съ множествомъ головъ. Клермонъ-Ганно считаетъ это изображеніе первообразомъ мифа объ Ираклѣ и Геріонѣ. Если это предположеніе и слишкомъ смѣло, то объясненіе авторомъ

¹⁾ Отчетъ Академіи отъ 26 сент. 1883.

²⁾ Note sur les fouilles à Carthage. Revue arch. 1887, II.

³⁾ Слѣды Финикіянъ въ Италіи нашелъ еще Эрнестъ Куціусъ между Теламономъ и Луной. De Persii patria. Berol. 1879, 2 sq. Поиски найти въ Испаніи финикійскія древности до послѣдняго времени были мало успѣшны: кромѣ монетъ, саркофаговъ и мелкихъ предметовъ не находили ничего. Надписи будто бы находимы тамъ или оказывались поддѣльными, или пропадали.

⁴⁾ L'imagerie Phénicienne. I. La coupe Phénicienne de Palestrina. J. As. VII, 11 и 15 и отдѣльно Par. 1880.

Бордюра палестринской чаши совершенно удачно. Отъ видѣть на немъ изображеніе сценъ изъ жизни знатнаго охотника или, какъ онъ выражается: „Охотничій день или награжденное благочестіе, (восточная пьеса въ 2 дѣйствіяхъ и 9 картинахъ)“ Въ частности, при объясненіи каждой отдѣльной сцены авторомъ высказано много цѣнныхъ замѣчаній мнѣологическаго и археологическаго характера, хотя есть и натяжки ¹⁾. Таковы, въ общихъ чертахъ, результаты археологическихъ изысканій въ западной части бассейна Средиземнаго моря. Они были довольно скудны, но положительно необходимы для изученія характера самого финикійскаго искусства, какимъ оно явилось изъ Авіи, т.-е.—проникнутымъ сильнымъ вліяніемъ Египта и Ассиріи, но мало тронутымъ эллинизмомъ. Иной характеръ имѣло оно на востокѣ. Если Финикія была лабораторіей, въ которой комбинировались и перерабатывались элементы культуры, доставленной сюда съ береговъ Нила и Месопотаміи, то и Кипръ и отчасти Родосъ были акклиматизаціонными садами, въ которыхъ эти переработанные элементы культивировались рядомъ съ греческими, также занесенными сюда изъ метрополиі чтобы путемъ новой комбинаціи сдѣлаться удобными для передачи и распространенія. Ученые понимали это значеніе Кипра и продолжали интересоваться имъ. По слѣдамъ Росса пошелъ въ 1850 г. de-Saulcy, посѣтившій Ларнаку, осмотрѣвшій кипрскіе некрополи и доставившій не мало вещей изъ нихъ въ

¹⁾ Эти дѣйствія и картины слѣдующія: *I Туда*. 1. Отправленіе. 2. Стрѣльба въ оленя. 3. Смерть оленя. 4. Перерывъ охоты. 5. Жертвоприношеніе. *II Назадъ*. 6. Нападеніе обезьяны. 7. Преслѣдованіе ея. 8. Смерть ея. 9. Прибытіе. При объясненіи отдѣльныхъ сценъ авторъ обращаетъ вниманіе, прежде всего, на жертвоприношеніе и именно оленя. Пользуясь Марсельской надписью, онъ очень остроумно доказываетъ, что олень приносился въ жертву финикійцами и въ Картегенѣ былъ домашнимъ животнымъ, при чемъ объясняетъ, какъ надо понимать слова некоторыхъ авторовъ о томъ, что олень не водился въ Африкѣ. Затѣмъ интересно нападеніе обезьяны. Сцена эта является, по его мнѣнію, иллюстраціей къ извѣстному эпизоду о нападеніи гориллы въ периплѣ Ганнона. (Geogr. gr. minores I, 13—14); онъ даже склоненъ видѣть здѣсь первообразъ мифа о Персеѣ и Медузѣ. Справиться съ обезьяной охотнику помогаетъ богиня, изображенная въ видѣ крылатата лика. Это его вводитъ на мысль, что богиня—Танитъ-ене-Ваалъ. Имя это онъ понимаетъ, какъ „видимая форма невидимаго божества Ваала“ или, другими словами—ангелъ Ваала. Онъ доказываетъ, что олень приносился въ жертву специально Танитъ, причемъ остроумно ссылается на Рапсап. X, 32, 16 и Argian. Expeditio VII. 20,3, изъ которыхъ можно заключить о томъ, что олень замѣнялъ собой человѣческія жертвы и что Европа обязана финикійцамъ знакомству съ нимъ. Онъ снова вернулся къ производству имени Туниса отъ богини Танитъ. Этого мнѣнія держался Гезеніусъ, но потомъ его забыли) Мнѣологическія сближенія Танитъ съ Гасоръ, Аеввой и Медузой натынуты.

Лувръ. Въ это же время былъ на Кипрѣ и Перетъ, французскій консулъ въ Бейрутѣ, которому наука обязана между прочимъ участіемъ въ находкѣ гробницы Эшмуназара. Видя частыя посѣщенія археологовъ, туземцы поняли цѣну древностей и перестали переплавлять ихъ, но, боясь алчности турокъ, устроили складъ для нихъ въ Бейрутѣ, благодаря чему памятники сгѣшивались и сдѣлалось трудно прослѣдить ихъ происхожденіе. Ренанъ во время своей экспедиціи хотѣлъ непременно посѣтить Кипръ, но этого ему не удалось успѣть сдѣлать и онъ просилъ возвращавшагося тогда съ востока Мельхюра де-Вогю вѣстѣ съ Ваддингтономъ и архитекторовъ Дютуа пополнить этотъ пробѣлъ. Предполагалось издать результаты ихъ экспедиціи въ видѣ приложенія къ „Mission de Phénicie“, но и это не состоялось и пришлось ограничиться краткой статьей въ *Revue Archéol.* VI, 244 1). Исслѣдователямъ удалось опредѣлить положеніе древнихъ Голгъ, но они не успѣли произвести на мѣстѣ знаменитаго храма тщательныхъ раскопокъ и оставили для Чеснолы непочатый рудникъ. Кромѣ того имъ удалось собрать нѣсколько довольно важныхъ надписей и архитектурныхъ обломковъ. Около того же времени въ Луврскій музей поступила богатая коллекція Реа и, между прочимъ, знаменитая амаунтская ваза, а въ 1866 г. и Британскій Музей обогатился нумизматической коллекціей, собранной Гамильтономъ на мѣстѣ древняго Идалія. Онъ же нашелъ двуязычную кипро-финикійскую надпись, послужившую ассиріологу Сниту ключемъ для чтенія кипрскихъ текстовъ. Въ концѣ 1865 г. прибылъ въ Кипръ *Пальма де-Чеснола* въ качествѣ консула Соединенныхъ Штатовъ. Это былъ человѣкъ, повидимому, совершенно непривзванный къ занятіямъ археологіей и на Кипрѣ онъ попалъ вовсе не изъ любви къ древности. Раскопками онъ сталъ заниматься отъ скуки и, тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень богатъ результатами. Сначала онъ работалъ у Ларнаки и нашелъ здѣсь нѣсколько саркофаговъ сидонскаго типа и нѣсколько мраморныхъ вазъ съ надписями. Лѣтомъ 1867 г. онъ сталъ продолжать работы де-Вогю у Голга и въ подземельѣ храма нашелъ массу статуй. Скоро его домъ превратился въ музей, и онъ сталъ подумывать о продажѣ его. Съ нимъ завело переговоры, между прочимъ, и правленіе нашего Эрмитажа, причемъ былъ командированъ Doehl, который составилъ каталогъ коллекціи. Этотъ каталогъ былъ изъ-

¹⁾ Впрочемъ де-Вогю принадлежитъ еще очень полезный трудъ „*Mélanges d'archéologie orientale*“, въ которомъ изданы и объяснены найденные имъ интересные предметы, м. пр. монеты и печати съ изображеніями разныхъ божествъ, служащихъ иногда иллюстраціями къ Санхунаёнову (напр. изображеніе бога Уццо, евр. Исава стр. 109).

данъ Русской Академіей (конечно на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾) и долго служилъ прекраснымъ и единственнымъ пособіемъ для ознакомленія съ кипрскимъ искусствомъ. Переговоры Эринтажа съ Чеснолой кончились ничѣмъ, такъ какъ послѣдній завелъ ихъ съ Наполеономъ III, но и здѣсь ничего не вышло вслѣдствіе возгорѣвшейся въ то время франко-прусской войны. Въ концѣ концовъ коллекція была куплена новооткрытымъ Нью-Йоркскимъ Metropolitan Museum за 61 т. долларовъ; съ этимъ капиталомъ Чеснола нашелъ возможнымъ продолжать раскопки но найденные имъ на этотъ разъ предметы были, большею частью, дублетами прежнихъ. Впрочемъ, въ 1874 г. онъ открылъ знаменитый „кладъ Курія“. Это самая богатая изъ его находокъ, представляющая огромную коллекцію египетскихъ скарабеевъ, ассирійскихъ цилиндровъ, клинообразныхъ надписей, предметовъ финикійскаго и греческаго происхожденія. Все это также было отправлено въ Нью-Йоркъ въ 1876 г. ²⁾, куда переселился и самъ Чеснола ³⁾. Послѣ него пробовалъ копать у Саламина его братъ Александръ ⁴⁾, но былъ остановленъ запрещеніемъ со стороны англійскаго правительства; положившаго ко-

¹⁾ Die Sammlung Cesnola. Memoires XIX, 4. (Сиб. 1873). Приложено 17 таблицъ прекрасныхъ изображеній.

²⁾ Въ этомъ же году онъ сообщилъ въ Европу о важной эпиграфической находкѣ на Кипрѣ, а именно восьми обломковъ металлической вазы съ финикійской надписью. Стараніями Ренана, Ваддингтона и Клермонъ-Ганно они были приобрѣтены въ Cabinet des antiques Национальной бібліотекой. Архантность шрифта всѣмъ бросилась въ глаза и напомнила одну надпись Британск. музея, найденную въ развалинахъ Ливана, VIII в. Ренанъ нѣсколько разъ дѣлалъ ее предметомъ лекціи въ Collège de France, а Клермонъ-Ганно посвятилъ ей статью въ Athenaeum, 1880, I, 502. Онъ сложилъ куски вазы и прочиталъ посвященіе въ честь Ваала Ливанскаго со стороны „слуги Хирама“ (? послѣдняя буква пришлась какъ разъ на мѣстѣ перелома), гражданина Кареатена (очевидно, кипрскаго города Qarthadashti, упоминаемаго въ клинообразныхъ надписяхъ (Rawl. Sup. inscr. I, 48). Это самая древняя изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ финикійскихъ надписей. Древность ея подтверждается и тѣмъ, что она не на камнѣ (см. стр. 35, 1). Что касается имени царя, то, хотя чтеніе „Хирама“ и имѣетъ за себя много, все-таки нельзя быть въ немъ увѣреннымъ. Но зато врядъ ли подлежитъ сомнѣнію не-кипрское происхожденіе надписи.

³⁾ Около того же времени на Кипрѣ производилъ раскопки другой извѣстный археологъ — *Colonna Cescaidi*. Его находки, часто очень важныя и интересныя, изданы подъ заглавіемъ: „Monuments antiques de Chypre“. Кромѣ того, см. Rev. Arch. 1870, 22, 362 (раскопки въ Голѣ). Но особенно интересны его работы на берегу Финикіи у др. Вивла. Онъ считаетъ мѣстомъ древняго Палеявила Djuni, а развалины у этой мѣстности — остатками Серапеума, упоминаемаго Лукіаномъ (De Dea Syria, 7); гору Bkerke отождествляетъ съ горой Кинакъ Отравона (16, 19). См. Revue Archéologique, 1878 (35), 1.

⁴⁾ Полное изданіе коллекцій Пальма ди Чесноли: „The Cesnola collection of Cypriote antiquities, a descriptive and pictorial atlas. 3 vol. Boston. 1884.

нецъ изысканіямъ по инициативѣ иностранцевъ и островитянъ-туземцевъ. Въ 1881 г. на англійскую службу на островъ поступилъ нѣмецкій ученый Онефальшъ *Рихтеръ*, который собственно не былъ археологомъ по профессіи, но увлекся древностью, познакоившись съ результатами работъ Чеснолы. Приобрѣтя путемъ путешествій по острову знакомство съ его памятниками и археологическую опытность, онъ, по порученію англичанъ, началъ раскопки на Саламинѣ и нашелъ довольно много терракотовыхъ вазъ и статуй, но почти исключительно греческихъ, финикійскія же древности попадаются больше всего въ Китіи и его окрестностяхъ. Очевидно, что финикіяне во время колонизаціи острова нашли въ Саламинѣ многочисленное туземное населеніе и потому предпочли основаться въ Китіи, а греки поступили наоборотъ. Въ 1882 г. основанъ кипрскій музей въ Никосіи, и Піеридесъ сталъ издавать его органъ „The Cyprus Museum“ ¹⁾. Что касается Родоса, то здѣсь раскопки производилъ въ Камирѣ и Ялисѣ *Зальманъ*. Онъ нашелъ очень много эмальированныхъ глиняныхъ сосудовъ съ украшеніями въ египетскомъ и ассирійскомъ стилѣ, стеклянныхъ вещей, вазъ, амфоръ, алавастровъ, энохой, терракотовыхъ фигурокъ и т. п. ²⁾. Вообще, родосскія древности одного порядка съ кипрскими. Роскошное изданіе ихъ (не оконченное) было предпринято въ 1867 г. подъ заглавіемъ: „Nécropole de Camiros“. Въ это же самое время пло изданіе двухъ другихъ важныхъ пособій для изученія финикійскаго искусства: „Mission“ Ренана, окончившееся въ 1874 г. и „Musée Napoléon III“ подъ редакціей Longperier ³⁾. Это каталогъ приращеній Лувра, явившихся результатомъ экспедицій времени Наполеона III и большихъ покупокъ. Текстъ, сопровождающій прекрасныя литохромическія изображенія, составленъ рукой мастера ⁴⁾. Такимъ образомъ,

¹⁾ Отчетъ о раскопкахъ Рихтера въ Mittheil. d. deut. arch. Inst. См. также въ R. Arch. статью Рейнака подъ заглавіемъ: „Chronique d'Orient“.

²⁾ См. также Revue archéologique, II, IV, 467 („Une ville homérique“).

³⁾ „Choix de monuments antiques pour servir à l'histoire de l'art en Orient et en Occident“. Здѣсь помѣщены, между прочимъ, изображенія: серебрянаго блюда изъ Ларнака, амофутской вазы, камирскихъ сосудовъ.

⁴⁾ Кое-что для финикійской древности дали раскопки, предпринимаемыя еллинистами. Не говоря уже о всѣмъ извѣстныхъ работахъ Шлимана, упомяну о раскопкахъ Омолли на Делосѣ. Въ 1877 г. онъ нашелъ интересную, но сильно поврежденную потомъ двуязычную сидонскую надпись IV в. (Corpus, I, 5, 114). Онъ же прочелъ здѣсь въ одной греческой надп. имя кариаг. посла Юмника, котораго сопоставилъ съ Юдмилкомъ, упом. въ аеинскомъ декретѣ этой же эпохи (Rev. arch., 1887, II, 47). Въ J. Arch. 1887, I, 297 Берже помѣстилъ сообщеніе о глиняной вазѣ съ нео-пунической надписью, найденной на Делосѣ, въ первый разъ въ Греціи. Рейнакъ нашелъ здѣсь же греческую надпись въ храмѣ Посидоніастовъ, въ которой они утверждаютъ, что богъ, котораго они чествуютъ, изъ Вирита (Bullét. de cor. hel. 1882 и 1883, 4446).

не смотря даже на дилетантскій характер археологическихъ работъ Чеснолы и, отчасти, Зальцмана и Рихтера, не смотря на то, что онѣ часто велись совершенно не научнымъ образомъ и надѣлали не мало путаницы, ученые все-таки получили довольно обильный матеріалъ для изученія финикійскаго искусства. Финикия доставила архитектурные памятники, ея колоніи — многочисленныя произведенія скульптуры, глиптики, керамики. Ренану удалось поставить на ноги изученіе финикійской архитектуры, теперь пришло время обратить вниманіе и на скульптуру и за это взялся *Heuzey* въ своемъ извѣстномъ „Catalogue des figurines antiques de terre cuite du Musée du Louvre“ (1882). Ему удалось различить три типа финикійскихъ скульптурныхъ произведеній, соотвѣтственно тѣмъ культурнымъ вліяніямъ, которымъ подвергались ихъ мастера. Первый типъ — ассирійскій, господствовавшій въ VIII—VII в., затѣмъ обнаруживается египетскій типъ и, наконецъ, съ V в., греческій архаическій типъ становится замѣтенъ на финикійскихъ статуэткахъ: греческое искусство стало оказывать на финикійское „action de retour“, когда оба народа были объединены въ одну персидскую монархію.

И такъ, финикійское искусство было изучено, насколько позволяли уцѣлѣвшія его произведенія. Оставалось только написать систематическій трудъ по его исторіи, и за это взялся *Перро*, предпринявшій выѣстъ съ Шипье изданіе огромной „Histoire de l'art dans l'antiquité“. Третій томъ этого труда, вышедшій въ 1885 г., посвященъ Финикии и Кипру. Отличительныя черты финикійскаго искусства, какъ и всѣхъ другихъ сторонъ этого коммерческаго народа — эклектизмъ и экономія, проявившіеся особенно сильно въ томъ великомъ наслѣдствѣ, которое они оставили человечеству — азбукѣ. Что касается искусства и, въ частности, архитектуры, то авторъ утверждаетъ, что храмы прямо заимствованы изъ Египта не только въ формѣ, но и въ идеѣ, что первоначально финикияне молились *sub divo* на высотахъ. Съ этимъ врядъ ли можно согласиться, но зато вполне вѣрна его теорія развитія семитическаго храма изъ палатки-скинии-Каабы. Далѣе авторъ слѣдуетъ классификаціи Ренана въ архитектурѣ и *Heuzey* въ скульптурѣ, съ ихъ точекъ зрѣнія, разсматриваетъ всѣ памятники, широко пользуясь, въ большинствѣ случаевъ, многочисленными трудами своихъ предшественниковъ. Подобно Моверсу онъ подчеркиваетъ параллель между искусствомъ и ремеслами финикиянъ. Насколько въ первомъ они были вѣчными и притомъ плохими учениками сосѣдей, насколько въ немъ „вся ихъ оригинальность заключалась въ отсутствіи оригинальности“, настолько въ послѣднихъ достигли значительной высоты и усовершенствовались то, что было изобрѣтено на берегахъ Нила и Месопотаміи и во что греки вложили душу и идеалъ И самъ *Перро*

въ этомъ отдѣлѣ своей книги наиболѣе самостоятеленъ. Онъ пытается установить классификацію или, вѣрнѣе сказать, исторію кипрской керамики, причемъ нѣсколько видоизмѣняетъ и развиваетъ взгляды Френера на этотъ предметъ. Онъ приписываетъ керамикѣ самостоятельное зарождеііе среди кипрскихъ туземцевъ, затѣмъ финикіане усовершенствовали приемы послѣднихъ и научили ихъ геометрическому орнаменту, наконецъ, греки познакомили ихъ и финикіанъ съ тѣмъ, что называется расписной вазой. Но Греція была далека для того, чтобы можно было слѣдить за прогрессомъ искусства, и кипрская керамика остановилась на первыхъ ступеняхъ своего развитія, особенно, служа потребностямъ среднего класса, такъ какъ высшій дѣлалъ заказы греческимъ мастерамъ. Финикійская глинтика не отличалась ни оригинальностью темы, ни совершенствомъ исполненія, но ей принадлежитъ идея замѣны неудобныхъ цилиндровъ конусами и скарабеями и, по всей вѣроятности, употребленія рѣзныхъ камней въ оправу перстней, что послужило для греческихъ мастеровъ почвой для настоящихъ шедевровъ. Въ металлургіи финикіанамъ долго принадлежала монополія, они достигли въ ней значительнаго совершенства, хотя и здѣсь сказался ихъ эклектизмъ, особенно въ украшеніяхъ такъ-называемыми „*formes vides*“, т.-е. заимствованіями, потерявшими значеніе. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, какъ и въ керамикѣ, осторожность автора въ сопоставленіяхъ греческихъ мисовъ съ изображеніями на металлическихъ и расписныхъ вазахъ; онъ прямо отказывается дѣлать эти сопоставленія. Въ предметахъ ювелирнаго производства, находимыхъ на Кипрѣ и въ Сардиніи, финикіане, по мнѣнію автора, даже опередили египтянъ и ассирійцевъ и немногимъ уступили грекамъ, которые развили только одинъ элементъ—человѣческія фигуры. Въ главѣ о мебели и туалетныхъ вещахъ авторъ приписываетъ финикіанамъ рисунки на страусовыхъ яйцахъ, найденныхъ въ Этруріи, причемъ далъ впервые ихъ изображенія. Наконецъ, говоритъ о пурпуровомъ производствѣ ¹⁾, причемъ приводитъ въ связь съ нимъ даже колонизацію ²⁾.

¹⁾ Boblaye, будучи въ Моретъ, видѣлъ во многихъ мѣстахъ, недалеко отъ моря, значительныя массы раковинъ *murx brandaris*. Сначала онъ думалъ, что это геологическое явленіе, но внимательное разслѣдованіе убѣдило его, что такіа массы находятся всегда вблизи развалинъ древнихъ красильнъ. De Saulcy, будучи въ Финикии, нашелъ между Тиромъ и Сидономъ, близъ укрѣпленія Saint Louis, огромныя конгломераты *murx trunculus* въ нѣсколько сотъ метровъ длины и 6—8 м. высоты. Раковины были пробиты для извлеченія животнаго. Такимъ образомъ узнали о существованіи двухъ сортовъ пурпура (Rev. ar., 1864). Въ 1879 г. Лорте и Шантръ нашли на берегу Аттики и Саламина конгломераты *murx brandaris*.

²⁾ Можно указать еще на хорошее, сжатое пособіе по исторіи Финикійскаго искусства въ книжкѣ Babelon „*Manuel d'archéologie orientale*“ въ Bi-

Но, кромѣ вещественныхъ памятниковъ, археологическія работы на почвѣ Финикіи и ея колоній доставили также, какъ мы видѣли, и надписи, благодаря которымъ стала ощущаться необходимость переработать труды по грамматикѣ и пополнить сборники надписей. За грамматику ваялся *Schröder*. Его „Die Phönizische Sprache“ ¹⁾ трудъ, которымъ приходится и теперь еще пользоваться, несмотря на значительное приращеніе матерьяла. Авторъ сознается, что его работа, вслѣдствіе небольшого количества текстовъ, можетъ быть названа скорѣе лексической; это скорѣе сборникъ найденныхъ формъ, чѣмъ грамматика. Во введеніи онъ еще разъ занимается разсмотрѣніемъ отношенія финикійскаго языка къ еврейскому и пуническому и исторіей его. Близость этихъ языковъ онъ объясняетъ самымъ свойствомъ семитическихъ нарѣчій, процессъ развитія которыхъ закончился къ тому времени, когда появилась первая написанная фраза. Нѣкоторыя особенности пуническаго языка авторъ объясняетъ вліяніемъ берберскаго и ливійскаго. Къ грамматикѣ приложена хрестоматія, гдѣ изданы наиболѣе важныя надписи съ факсимиле и плавтовскіе отрывки съ прекрасными примѣчаніями.

Идею составленія сборника семитическихъ надписей давно лелѣялъ Ренанъ. И вотъ 25 января 1867 г. онъ сдѣлалъ объ этомъ въ Академіи Надписей предложеніе отъ своего имени и отъ имени de Saulcy, Longperier и Waddington'a. Назначенная для обсужденія этого вопроса коммиссія изъ тѣхъ же 4 лицъ и еще Молля, де-Руже, де-Слана, Ренье и Гинье высказалась въ томъ смыслѣ, что отъ Франціи слѣдуетъ скорѣе всего ожидать такого изданія, благодаря ея частымъ ученымъ сношеніямъ съ востокомъ, ученымъ экспедиціямъ, африканскимъ колоніямъ, богатству музеевъ. Но подобное изданіе должно быть поставлено внѣ всякаго рода перерывовъ, и потому довѣрено коллегіи, имѣющей традицію и постоянство, а именно Академіи Надписей, тѣмъ болѣе, что отецъ финикійской эпиграфики былъ ея членомъ. Далѣе, предполагалось изъ проектируемаго „*Corpus Inscriptionum Semiticarum*“ исключить клинообразныя и кипрскія надписи; а также все то, что относится къ мусульманскому періоду. Финикійскія, пуническія и нео-пуническія надписи рѣшено помѣстить въ первомъ томѣ, причеиъ факсимиле ихъ должны составить особый атласъ, а переводъ и комментаріи предположено сдѣлать на латинскомъ языкѣ и предпослать каждой надписи исторію ея открытія и полную библіографію. Планъ этотъ былъ утвержденъ 17 апрѣля и

biibliothèque de l'enseignement des beaux-arts. Par. 1884, также на новую „Allgemeine Kunstgeschichte Kuhn'a.

¹⁾ Halle. 1869.

выполняется въ настоящее время. Но осуществить его долго не было возможности, сначала, главнымъ образомъ, въ виду политическихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, а затѣмъ, было необходимо собрать материалъ. Галеви былъ командированъ въ Іеменъ для собиранія хиньяритскихъ надписей, а Pricot de la Saint Marie—въ область древняго Кареагена. Наконецъ, надо было выяснитъ планъ во всѣхъ его подробностяхъ. Нашли неудобнымъ слѣдовать Беку, распредѣлившему надписи по мѣстамъ нахождения и рѣшили группировать ихъ по шрифтамъ. Addenda предполагалось издавать каждыя 10 лѣтъ. Ренанъ взялъ на себя редакцію финикійскихъ текстовъ и получилъ сотрудниковъ въ лицѣ Берже, Клермона-Ганно, Галеви, Деренбурга, Лендрэна. Согрус началъ издаваться въ 1881, и въ 1887 былъ законченъ I-й томъ, заключающій въ себѣ 437 надписей ¹⁾. Этотъ колоссальный трудъ, выполненный съ образцовой тщательностью, является теперь настольной книгой для всякаго, занимающагося финикійской и вообще семитической древностью; онъ сдѣлалъ возможными и удобными занятія эпиграфикой, избавивъ ученыхъ отъ необходимости отыскивать статьи, разбросанныя по отдѣльнымъ надписямъ въ безчисленномъ множествѣ періодическихъ изданій, давъ текстъ надписей, проверенный по оригиналамъ и лучшимъ копіямъ. Критическій и реальный комментарий, конъектуры и датировка, сдѣланныя съ большою осторожностью и прекрасные переводы даютъ даже для неспециалиста возможность прибѣгать къ этому источнику.

Но характеръ подобнаго изданія таковъ, что чуть ли не на дру-

¹⁾ Онѣ расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: найденныя въ Финикии (стр. 1—35), въ Кипрѣ (35—116), въ Египтѣ (117—138), въ Греціи (138—149) на Мальтѣ (149—166), въ Сициліи (166—182), въ Сардиніи (182—212), въ Италіи (214—217), во Франціи (217—238), въ Кареагенѣ (241—449). Въ послѣдней части приложена карта древняго Кареагена, снятая Perrier въ 1878 г.

Что касается въ частности отдѣльныхъ надписей, то редакция оказала въ дѣлѣ чтенія и пониманія ихъ огромныя услуги наукѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ только здѣсь нашли впервые свое объясненіе. Напр., знаменитая надпись изъ Эрике (№ 135), списанная Кордичи, которая надѣлала такъ много шума и которую Ренанъ при содѣйствіи Берже призналъ посвященіемъ Астартѣ. Ренанъ дѣлалъ попытки разыскать оригиналъ и ѣздилъ въ Сицилію. (Точно также онъ нарочно ѣздилъ и на Мальту, чтобы снять копіи съ надписей. Изъ другихъ мѣстъ онъ получалъ эстампажи и фотографіи). Что касается Марсельской надписи (№ 165) то онъ отвелъ ее къ V—IV в. и согласился съ Dieulafoy въ ея африканскомъ происхожденіи. Надпись Эшмуназара (№ 3) относитъ къ царю, предшественнику филеллина Стратона и не соглашается съ датировкой Клермона Ганно, точно также не соглашается онъ съ нимъ относительно порядка кусковъ хирамовской надписи: онъ считаетъ эти куски обломками двухъ, или даже трехъ различныхъ надписей (№ 5). Имя дѣда Іегавмелека въ вавилонской надписи (№ 1) читаетъ Адонмелекъ.

гой день послѣ его выхода оказалась необходимость пополнять его и теперь уже накопился достаточный матерьялъ для *addenda*, но послѣднія пока еще не выпущены. Прежде всего Масперо нашелъ въ Египтѣ въ Авидскомъ храмѣ лѣстницу со множествомъ финикійскихъ *graffiti*, т.-е. говоря современнымъ языкомъ, книгу для расписыванья финикійскихъ туристовъ, а также финикіанъ, родившихся въ Египтѣ. Особенно интересны *graffiti* послѣднихъ: ихъ имена обнаруживаютъ египетско-финикійскій синкретизмъ 1). Затѣмъ датскій вице-консулъ въ Бейрутѣ Лойтведъ нашелъ надпись на дорогѣ изъ Тира въ Акку и приобрѣлъ другую, найденную арабами внутри древняго Тира. Обѣ эти надписи очень важны, какъ датированныя, подобно Умъ-эль-аваидскимъ. Онѣ относятся къ птолемеевской эпохѣ и проливаютъ свѣтъ на республиканское устройство Тира въ это время. Клермонъ Ганно, занявшійся ими, сталъ относить, на основаніи ихъ царствованіе Эшмуназара тоже къ птолемеевской эпохѣ 2). Интересна также двуязычная греко-финикійская надпись, найденная въ 1887 г. въ Пирей и попавшая въ Лувръ стараніями Ренана и Heuzey. Несмотря на свое, сравнительно, позднее происхожденіе (96 г. до Р. X. = 16 г. сидонской эры), она очень важна, такъ какъ даетъ намъ указанія на устройство финикійскихъ торговыхъ общинъ *in partibus*, напоминающее еврейскія колоніи времени діаспоры 3). Около того же времени финикійская почва еще разъ дала археологическія богатства. Въ началѣ 1887 г. владѣлецъ участка земли къ востоку отъ древняго Сидона, добывая камни, натолкнулся на подземную усыпальницу. Объ этомъ доложили директору Константинопольскаго музея извѣстному археологу Гамди-бею, которому 1-го мая 1887 вмѣстѣ съ Демосееномъ Бальтацци-беємъ, завѣдующимъ древностями въ Айдинскомъ вилайетѣ, несмотря на страшныя трудности, которыя пришлось преодолевать въ теченіе 25 дней, удалось благополучно извлечь 17 саркофаговъ и натолкнуться на другое подземелье, гдѣ на глубинѣ 10 метровъ находился огромный саркофагъ-антропондъ изъ чернаго амфиболита съ іероглифическими и финикійской надписью 4). Съ

1) Эти *graffiti* были списаны (Сэйсомъ, Бругшемъ и Деверіа и изданы въ *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* (I, 81).

2) *Recueil d'archéologie orientale*. Надписи теперь въ Луврѣ.

3) Это первый извѣстный намъ почетный декретъ на финикійскомъ языкѣ. Финикійскія общины (*ger*), оказывается, были правильно организованы, стояли подъ завѣдываніемъ „насі“ (старшины), имѣли храмы, сохраняли связь съ родиной (сидонская эра) и пользовались правомъ награждать благодѣтелей. См. Berger, въ *Memoire de la Société de linguistique* за 1888 г. Renan въ *Revue Archéol.* 1888, I, 5 и мн. др.

4) По содержанію она очень близка къ надписи Эшмуназара. *Revue arch.* 1888, I, 77. Въ 1888 добыто еще 5 саркофаговъ.

последней была немедленно снята фотографія и послана Ренану, который прочелъ въ ней имя сидонскаго царя Табнита, отца Эшмуназара 1). Наконецъ, въ самое недавнее время нашли первую надпись къ югу отъ Акеи, содержащую посвященіе въ храмъ Эшмуна въ Иуппін 2) и votivную надпись въ Сидонѣ III в., въ которой упоминается ассирійскій богъ Салманъ (изд. Ренаномъ въ *Revue d'assyriologie* II, 75).

Но особенно много надписей дала Африка. Здѣсь 1881—1889 производилъ раскопки, кромѣ извѣстныхъ намъ раньше, Delattre, особенно въ послѣдніе годы. Ему удалось сдѣлать больше своихъ многочисленныхъ предшественниковъ и открыть памятники, несомнѣнно пуническаго происхожденія, обнаружившіе характеръ, свойственный всѣмъ вообще памятникамъ финикійскаго искусства. Изъ здѣшнихъ надписей, замѣчательна найденная близъ древняго Іола (Iulia Caesarea) въ честь царя Миципсы и нео-пуническая, найденная Brodier въ Мантарѣ. Последняя интересна не только для семитологовъ, но и для латинистовъ, такъ какъ содержитъ довольно много латинскихъ словъ въ семитической транскрипціи. Это проливаетъ свѣтъ на латинское произношеніе въ Африкѣ. Кромѣ того надпись даетъ указаніе на цивилизацію и культъ, близко подходящіе къ тѣмъ, которые видѣлъ бл. Августинъ. Съ этой стороны важны также найденныя Blancour 426 стилъ въ окрестностяхъ др. Thignica. Это—посвященіе въ честь Сатурна, латинскаго только по имени и сохраняющаго всѣ черты Вааль-Хаммона. Культы тѣже, что и въ Азіи, тѣже, о которыхъ говоритъ и марсельская надпись. Все это доказываетъ, что римляне не уничтожали въ Африкѣ семитическихъ культовъ 3).

*) Кромѣ антропоморфовъ между этими саркофагами есть настоящіе шедевры греческаго классическаго искусства. И тѣ, и другіе, по мнѣнію археологовъ доставлены сюда изъ мѣстъ ихъ производства. Еще Мариеттъ, разсмотрѣвъ матеріалъ саркофаговъ-антропоморфовъ, пришелъ къ заключенію, что они не могутъ быть древнѣе XXVI дин., а Берже, на основаніи Умъ-эль-Авамидскихъ надписей убѣдился, что они не могутъ быть позже 275 года, такъ какъ съ этого времени начинается эра Тира, а они не датированы и предполагаютъ, что смерть Эшмуназара II безъ потомства совпадаетъ съ перетѣнами въ Тиръ при введеніи новой эры. (Cogn. Inscr. Sem. I, 31—32). См. также Berger въ *Revue Arch.* 1887, 2, 1. Описаніе новооткрытыхъ гробницъ и роскошное изданіе ихъ предпринято Гамди-беомъ и Федоромъ Рейнакомъ, подъ заглавіемъ: „Une necropole royale à Sidon“ текстъ и таблицы in folio (Paris, Leroux, 1892). Отчетъ о раскопкахъ и нѣкоторые снимки см. въ „Gazette des beaux-arts“ статью Рейнака (Livraison 416 и 423).

*) Ст. Conder'a въ *Palestina explor. Fund.* 1892, 171: The prayer of ben Abdas etc..

*) Berger и Cognat на основаніи ихъ изученія исторію культа африканскаго Сатурна см. „La Sanctuaire de Satourne“, *Bull. archéol.* 1889. О надписи въ

Другія африканскія надписи, найденныя на урнахъ въ Сусѣ дали возможность Берже и др. прочесть слово „ossuaire“ и убѣдиться въ существованіи у финикянъ, по крайней мѣрѣ въ римское время, обычая сжигать покойниковъ ¹⁾).

Кромѣ того въ послѣднее время найдено довольно много интересныхъ надписей на Кипрѣ, особенно въ его финикійскомъ центрѣ Китин и его округѣ. Онѣ дали возможность окончательно выяснитъ генеалогію и хронологію китійскихъ царей персидскаго времени и замѣнить прежнія гипотезы фактами ^{2) 3)}.

Такимъ образомъ, финикійскія надписи пролили нѣкоторый свѣтъ на исторію этого народа. Но свѣдѣнія, доставленныя ими, крайне скудны сравнительно съ затраченнымъ трудомъ для ихъ собиранія и объясненія. Кромѣ того они часто сомнительны вслѣдствіе испорченности текста и неустановленности чтенія, и, что самое главное, всѣ почти надписи и всѣ безъ исключенія монеты относятся къ тому времени, когда Финикія перестала быть самой собою и политически и культурно. Всѣ почти надписи раздѣляются на двѣ группы: votивныя и надгробныя. Первые заключаютъ въ себѣ имя жертвователя и имя божества, въ честь котораго совершается посвященіе; вторыя — имя покойника, иногда его званіе. И въ тѣхъ, и въ другихъ иногда попадаются даты. Эти даты пролили нѣкоторый свѣтъ на финикійскій календарь ⁴⁾; кромѣ того изъ надписей мы узнали массу финикій-

честь Миципсы: см. *Inscription néo punique en l'honneur de Micipsa* въ „*Revue d'assyriologie et archéol. orient.*“ 1889, 2. Кромѣ того Toutain въ 1891 г. нашелъ близъ Туниса развалины храма Баала, романизированнаго въ Saturnus Balcaranensis.

¹⁾ Journ. As. 1886, I, 86. Ibid. 1887, II, 535. Статья Gaider въ Rev. Arch. 1886, II, 193. См. также статью Wincent. Necropole phenicien въ Bul. arch. 1889. 381 и Rev. arch. 1889, 2. Винсенъ, м. пр. нашелъ 18 финикійскихъ надписей, обнаруживающихъ множество переходныхъ палеографическихъ формъ отъ древне-пуническаго къ новому.]

²⁾ Въ этомъ отношеніи особенно важны: а) серебряная чаша царя Ваалрама, надпись на которой доказала, что онъ дѣйствительно царствовалъ въ Китин. (См. Dorigny Revue numism. 1884, 289), б) двуязычная надпись, найд. 1886 г. въ Тамассѣ, установившая, что Мелькіатовъ царствовалъ не менѣе 30 л. (Wright — въ Proceedings 1886); в) надпись, найд. Рихтеромъ у Дали Berger, memoire sur 2 nouvelles inscr. de l'île de Cypre Par. 1887, на основаніи этихъ данныхъ установилъ порядокъ царей; Снесъ (въ Numismat. chronicle за 1888—90 г.) сдѣлалъ это еще точнѣе, воспользовавшись нумизматич. матерьяломъ. Наконецъ Babelon посвятилъ этому вопросу двѣ статьи въ жур. Mission за 1892 г.

³⁾ Кромѣ того они заставили значительно пополнить словарь. За это взялся Bloch, выпустившій въ 1891 г. „Phöniz. glossar“.

⁴⁾ До сихъ поръ изъ надписей опредѣлено 10 именъ мѣсяцевъ, порядкомъ

скихъ личныхъ именъ и именъ божествъ; а, такъ какъ и личные имена почти всѣ состоятъ изъ именъ божествъ, то наши свѣдѣнія о финикійской религіи значительно пополнились; мы даже знаемъ, съ какимъ олимпійскимъ божествомъ сопоставляли финикияне свое, такъ какъ многія изъ надписей двуязычныя. Очень многія имена обязаны своимъ происхожденіемъ синкретизму не только эллинистическому, но и египто-финикійскому, ¹⁾ даже ассиро-финикійскому ²⁾. Иллюстраціями къ надписямъ, помимо изображеній на нихъ самихъ, являются монеты, скарабеи и печати съ изображеніями боговъ и храмовъ. Эти источники заставили ученыхъ подумать о приведеніи въ систему своихъ свѣдѣній по *финикійской религіи*, тѣмъ болѣе, что трудъ Моверса не только теперь оказался устарѣвшимъ, но и раньше заставлялъ желать многого, благодаря недостатку критики и произвольнымъ комбинаціямъ миссовъ. Но въ своемъ недоверіи къ Моверсу ученые зашли все-таки слишкомъ далеко. Общая часть его труда близка къ истинѣ, а изслѣдованіе о Санхуниаонѣ, доступномъ для него туземномъ источникѣ, можетъ быть названо вполне удовлетворительнымъ. Конечно, новые изслѣдователи, пользуясь новымъ матеріаломъ, не могли не принять въ соображеніе и стараго, который все-таки долженъ лечь въ основу, но имъ было необходимо прежде всего установить взглядъ на этотъ загадочный источникъ. Слѣдствіемъ этого было появленіе о нѣсколькихъ страничкахъ цѣлой литературы, большею частью только затемнившей дѣло. Вскорѣ послѣ Моверса Санхуниаономъ занялись: извѣстный гебраистъ *Эвальдъ* ³⁾, которому рѣшительно не везло въ нашей области и *Ренанъ* ⁴⁾, сдѣлавшій такъ много для другихъ туземныхъ источниковъ финикійской исторіи. Оба они признали подлинность отрывковъ, т.-е. принадлежность Филону только перевода ихъ, но первый, какъ отъ него и слѣдовало ожидать, относилъ ихъ ко времени Давида, а второй—къ эпохѣ Селевкидовъ. Оба они считали ихъ переводомъ съ финикійскаго, думали даже сквозъ

которыхъ, однако, не вполне опредѣленъ, но которыхъ, большею частью, напоминаютъ еврейскія. Вѣроятно и финикияне имѣли средства для уравниванія солнечнаго и луннаго годовъ. О финикійскомъ календарѣ см. замѣтку Кондера въ *Palestina Explor. Fund* 1889, 23 и у Пичмана въ *Исторіи* стр. 244.

¹⁾ См. стр. Въ надписяхъ попадаются имена: напр. Абдусибъ (рабъ Себа), Абдимонъ (рабъ Аммона) Абдусиръ (рабъ Озириса; переведено по греч. *Σαραπίων*) и друг. Сравни также изображенія Baalat Gebal въ надписи Іегав-мелека.

²⁾ Такъ напр., мы узнали о почитаніи финикиянами въ Ассирахъ ассирійскаго бога Нергала (*C. I. S.* № 119), о чествованіи ими бога Салмана (новая сидонская надпись).

³⁾ *Abhandl. d. Königl. Acad. zu Göttingen* V, 1853, 3.

⁴⁾ *Mémoires de l'Acad. des inscriptions* 1858.

греческій переводъ распознать семитическіе обороты. Эвальдъ доходилъ до того, что отказывался видѣть у Санхуніаона синкретизмъ и эвгимеризмъ, а Ренанъ объявилъ даже послѣдній прирожденнымъ качествомъ семитической религіи!

Въ 1876 г. за Санхуніаона взялся вѣнскій богословъ гр. *Baudissin* ³⁾. Ему пришлось употребить цѣлое изслѣдованіе. „Ueber der religions geschichtlichen Werth der phönizischen Geschichte Sanchuniathons“, чтобы, опровергнувъ странныя гипотезы своихъ предшественниковъ, снова вернуться къ выводамъ Моверса и доказать, что Филонъ Вивлскій скомбинировалъ эти отрывки изъ сказаній отдѣльныхъ финикійскихъ городовъ, ввелъ въ нихъ синкретизмъ, съ цѣлью доказать происхожденіе всѣхъ религій отъ финикійской и переработалъ ихъ въ духъ эвгимеризма, который въ то время у финикіянъ ушелъ еще дальше, чѣмъ у ихъ учениковъ Грекова и у Филона дальше, чѣмъ у его болѣе благочестиваго современника Павсаніи. Имя Санхуніаона, извѣстнаго древняго финикійскаго мудреца, послужило для него тѣмъ же, чѣмъ для собирателя древне-еврейскихъ изреченій имя Соломона. Такимъ образомъ, нельзя пренебрегать этими отрывками: они имѣютъ для насъ такую же важность, какую имѣлъ бы Евгимеръ въ случаѣ потери всѣхъ другихъ источниковъ греческой религіи. Несмотря на всѣ искаженія и тенденціозныя переработки, они ясно рисуютъ намъ сущность финикійской религіи, какъ естественно-пантеистической, въ которой имена боговъ являются изображеніями ихъ свойствъ, а не предметовъ-носителей ихъ силы, а ихъ изображенія—не идеалами красоты, а символами. Но отрывки Санхуніаона кромѣ того имѣютъ значеніе и для библейской экзегезы, такъ какъ сходство съ нѣкоторыми сказаніями В. Зав. объясняется не однимъ синкретизмомъ, но и обще-семитической основой ²⁾.

Въ сравнительно недавнее время отрывками лже-Санхуніаона занялся еще *Группе* въ своей: „Die griechische Kulte und Mythen in ihren Beziehungen zu den orientalischen Religionen. (Leipz. 1887). Будучи сторонникомъ теоріи заимствованія, авторъ разбираетъ источники исторіи восточныхъ религій и между прочимъ, финикійской. Въ

¹⁾ Studien sur semitische Religionsgesch. I, 1—46.

²⁾ Baudissin'у принадлежатъ еще довольно обширное изслѣдованіе о божествѣ Іао, упоминаемомъ у лже-Санхуніаона (Studien, I, III, 181) въ формѣ יְהוָה. Это имя надѣлало много шума въ свое время. Моверсъ, предполагалъ дѣйствительное существованіе языческаго божества, носящаго это имя, многіе другіе видѣли въ немъ ханаанское божество, заимствованное евреями. Баудиссинъ, путемъ кропотливыхъ изслѣдованій пришелъ къ убѣжденію, что не было нигдѣ языческаго божества, имя котораго выражалось св. тетраграммой, но что въслѣдствіи это имя появилось повсюду, и, въ то же время у Порфірія, благодаря синкретизму, предшественнику гностицизма.

общемъ, и онъ склонился на сторону Моверса и Баудисина, но провѣрилъ извѣстія дже-Санхуніаона по новооткрытымъ памятникамъ и произвелъ изслѣдованіе о его источникахъ. Характеръ разсказа объ Уранидахъ указываетъ, по его мнѣнію, на туземный источникъ, составленный 8—7 в. Къ этой еогоніи, переработанной имъ эвгимеристически, Филонъ присоединилъ этиологически составленную имъ антропогонію и исторію возникновенія человѣческой культуры. Космогонія (Евсевій § 4 — 12 Н.) заимствована изъ Гекатея, а вторая финикійская еогонія (съ § 23 Н.)—изъ греческаго философа аллегориста. Кромѣ этого онъ пользовался греческими мифами и другимъ финикійскимъ источникомъ историческаго характера. Вліянія еврейскихъ книгъ и халдейскихъ преданій на сохранившіеся отрывки авторъ не замѣчаетъ, но говоритъ, что для цѣлаго сочиненія оно не подлежитъ сомнѣнію. Произвольность положеній автора не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, вопросъ о пригодности Санхуніаона можетъ считаться выясненнымъ ¹⁾.

Опытъ исторіи финикійской религіи попытался дать талантливый лейденскій профессоръ *Thiele*. Еще въ 1872 г. онъ выпустилъ трудъ: „*Egyptische en Mesopotamische Godsdiensten*“. Здѣсь онъ, между прочимъ, коснулся Санхуніаона и призналъ его отрывки дѣйствительнымъ переводомъ съ финикійскаго оригинала, относящагося къ персидскому періоду, но трактующаго не о финикійскихъ, а скорѣе о древне-ханаанскихъ вѣрованіяхъ. Это онъ доказываетъ тѣмъ, что въ нихъ божества историческаго Сидоно-Тирскаго періода играютъ незначительную роль, а также сходствомъ съ библейскими сказаніями. На этомъ шаткомъ основаніи онъ построилъ свою теорію развитія финикійской религіи, изложенную имъ затѣмъ въ нѣсколько исправленномъ видѣ на страницахъ тогда еще новаго журнала „*Revue de l'histoire de religions*“ (1881, III, 167). Не смотря на то, что статья его исходитъ изъ посылки, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, сомнительной, она, подобно всѣмъ трудамъ автора, отличается увлекательностью и читается съ большимъ интересомъ, а въ частностяхъ вноситъ, несомнѣнно, новые и вѣрные взгляды. Финикійская религія, по его мнѣнію, пережила три періода своего развитія, соотвѣтственно тремъ періодамъ политической жизни народа. Культъ Вивла и Вирита съ

¹⁾ Между мелкими изслѣдованіями объ отдѣльных пунктахъ Санхуніаона заслуживаетъ вниманія работа *Галлеи* „*les principes cosmogoniques phéniciens*“ (Acad. d. inscr. 1883, 36) авторъ признаетъ семитическое происхожденіе разсказа о міроздавіи. Поесть, по его мнѣнію, имѣетъ связь съ вавилон. арцу — бездна, но по созвучію было смѣшано съ hers — желаніе, а Моть есть Томоть, евр. tehom (Быт. I, 2). Онъ даже пытается возстановить финикійскій текстъ Санхуніаона.

ихъ мистеріями въ честь Адониса являются уже несомѣнно шагомъ впередъ отъ первобытнаго культа производительныхъ силъ природы, являющихся результатомъ брака Неба и Земли; культъ Паоа, Аскалона и особенно боговъ Эшмуна и Кавировъ были дальнѣйшимъ шагомъ отъ натурализма къ трансцендентальности: обоготвореніе возвышается отъ видимаго къ невидимому ¹⁾. Въ періодъ Тиро-Сидона, главное божество, владыка города Ваалъ Тира, не переставая быть Хаммономъ, богомъ жизненной теплоты, принципомъ жизни и смерти, дѣйствующимъ въ солнцѣ, сдѣлался въ тоже время Мелькартомъ, царемъ города, богомъ цивилизации, олицетвореніемъ своего народа. Культъ его отличается уже строгою нравственностью и даже жестокимъ характеромъ, объясняемымъ уже не мистически (грубо-натуралистическіе культы въ предшествовавшіе періоды авторъ очень остроумно объяснялъ именно мистически), а просто торгашески — ожиданіемъ возмездія. Его женская *тѣредрос* была уже не прежней богиней Вивла и Паоа, а *virginale nupher*, не супругой, а проявленіемъ (именемъ, ликомъ). Такимъ образомъ по всей исторіи финикійской религіи красною нитью проходитъ стремленіе отъ древне-ханаанскихъ женскихъ культовъ природы къ мужскому единобожію, котораго, однако, не удалось достигнуть, благодаря неподвижности государственныхъ учрежденій, а главное — коммерческому характеру народа, обусловившему вѣротерпимость и сдѣлавшему изъ Финикіи религіозную провинцію Египта. Во всякомъ случаѣ разница между еврейской и финикійской религіей не въ характерѣ, а въ исторіи развитія.

Нѣсколько иныхъ, хотя въ общетъ сходныхъ взглядовъ держится на финикійскую религію проф. *И. Г. Троицкій*, посвятившій цѣлую главу сирійской религіи въ своемъ трудѣ: „Религіозное, общественное и государственное состояніе евреевъ во время судей“ (стр. 78—149). Это единственное пособіе по этому предмету на русскомъ языкѣ. Жаль только, что авторъ пользовался, большею частью, устарѣвшей литературой и, притомъ, самой разнохарактерной и даже подозрительной (напр., *Ленорманомъ*), что рѣшительно нетерпимо въ дѣлѣ разработки міеоло-

¹⁾ Эта глава особенно замѣчательна. По мнѣнію автора, Кавиры въ это время были величайшіе изъ боговъ пантеона, демиурги вселенной, и только эвгимеризмъ Филона сдѣлалъ изъ нихъ покровителей мореплаванья и медицины. Ихъ архетепъ Эшмунъ — „восьмой“ — невидимый богъ космическаго небеснаго огня въ высшей 8-й сферѣ неба, богъ наукъ и искусствъ, подобно египетскому Тоту „владыкѣ Хмуну, города 8 боговъ“. Ему были посвящены государственные архивы, а мнѣ объ Адонисѣ былъ передѣланъ сообразно новымъ духовнымъ потребностямъ эпохи, хотя культы, какъ элементъ болѣе стойкій, и остались тѣже. Интересно также сопоставленіе авторомъ отца Кавировъ Сидика съ Сутехомъ египетскихъ текстовъ.

гін и не могло не сказаться на трудѣ въ видѣ противорѣчій, недомовокъ, недосмотровъ и т. п. Авторъ занимается также Санхуниаономъ, даетъ его содержаніе (жаль, что не полный переводъ, котораго до сихъ поръ нѣтъ на русскомъ языкѣ), интересныя комментаріи къ нему и говоритъ, что Санхуниаонъ былъ историческимъ лицомъ, а его сочиненіе было плохо понято Филономъ, который къ тому же безъ всякой критики напѣшалъ въ него матеріалъ изъ греческой міеологіи, провель, хотя и крайне непослѣдовательно, эвгимеристическую тенденцію, да еще все это искажилъ, благодаря своей фантазіи. Религію финикіянъ авторъ считаетъ исключительно астральной и пережившей три періода развитія: ханаанскій, тиро-сидонскій и кареагенскій. Въ первой господствовалъ дуализмъ культовъ—радостныхъ и страшныхъ божествъ; во второмъ, согласно закону эволюціи о процессѣ интегрированья, слѣдующемъ за дифференцированьемъ, противоположныя представленія и культы соединяются и, наконецъ, происходитъ сліяніе даже женскихъ божествъ съ мужскими, выраженіемъ чего является кареагенская формула: „Танить, лицо Ваала“. Авторъ даже находитъ для себя возможнымъ установить хронологическіе предѣлы для каждого періода: царствованіе Хирама для перваго и Эшмуназара (?) для второго. Интересенъ отдѣлъ, занимающійся разсмотрѣніемъ религіозныхъ обычаевъ, обрядовъ и суевѣрій сирійцевъ.

Исключительно астральный характеръ приписываетъ финикійской религіи извѣстный уже намъ гр. *Baudissin* въ своемъ изслѣдованіи „Heilige Gewässer, Bäume und Höhen bei den Semiten“ (Studien II, 143—269). Собравъ всѣ извѣстія древнихъ авторовъ и Библии о культѣ у семитовъ перечисленныхъ предметовъ и провѣривъ со свойственной ему строго-методической критикой этотъ подозрительный, большею частью, позднѣйшій матеріалъ, авторъ пришелъ къ заключенію, что семиты почитали въ земныхъ водахъ проявленіе животворящей силы небеснаго, астральнаго божества и вовсе не представляли себѣ, подобно аріямъ это божество обитающимъ въ водахъ. Культъ морскихъ божествъ, даже у финикіянъ, не составляетъ исключенія. Божествъ моря, въ собственномъ смыслѣ, не было даже у послѣднихъ: Мелькартъ, Дагонъ и Деркетъ были первоначально также солнечными божествами, проявляющими свою силу въ морѣ. Точно также и отдѣльныя деревья (не роши) были проявленіемъ производительныхъ силъ земли, приведенныхъ въ дѣйствіе небесными божествами, но особенно указываетъ на культъ послѣднихъ—почитаніе горъ и высотъ. Въ почитаніи земныхъ предметовъ сказалось различіе мужскихъ и женскихъ божествъ: первымъ посвящались высоты, послѣднимъ—деревья и воды. Имена послѣднихъ мужеского рода авторъ приписываетъ греческому вліянію. Изслѣдованіе автора, не смотря на всю свою

тщательность, не может всѣхъ убѣдить: въ немъ не мало натяжекъ.

Гр. Baudissin ¹⁾ принадлежитъ также изслѣдованіе по одному частному вопросу—о змѣяхъ въ финикійскомъ культѣ. По этому темному пункту, на который источники почти не пролили свѣта, было написано очень много; особенно много напуталъ здѣсь Моверъ, насчитавшій нѣсколько божествъ, символомъ которыхъ были змѣи и пользовавшійся для этой цѣли, по своему обыкновенію, фантастическими предположеніями и невозможными этимологіями. Баудиссинъ, критически разобравъ источники, выбросилъ изъ числа офіоновъ Эшмуна (онъ производилъ это имя отъ „шама“—быть высокимъ), Тифона и др. и оставилъ одного Кадма ²⁾, котораго онъ считаетъ древне-финикійскимъ божествомъ, впоследствии смѣшаннымъ съ египетскимъ Тотомъ. Обоимъ этимъ божествамъ интеллегенціи, изобрѣтателямъ азбуки, были посвящены змѣи, какъ символъ мудрости (Замѣтимъ кстати, что Кадма онъ перестаетъ считать „восточнымъ“ и переводитъ его имя „древній, вѣчный“).

Кромѣ Baudissin отдѣльными вопросами финикійской религіи занимались:

Берже, дѣлающій изслѣдованія большею частью въ области пунической религіи. Ему принадлежитъ довольно обширное сочиненіе о кареагенской троицѣ на основаніи символическихъ изображеній на серебряной повязкѣ, найденной въ Батнѣ и хранящейся въ музеѣ въ Константинолѣ. Онъ считаетъ членами этой троицы Вааль-Хаммана, Танитъ и Эшмуна, причѣмъ Вааль-Хаммана считаетъ тождественнымъ съ Аммономъ Ливійскимъ и Оиванскимъ ³⁾. Онъ же пытался отождествить финикійскаго бога Паама съ греческимъ Пигмеемъ и

¹⁾ Die symbolik der Schlange im Semitismus, 2. Schlange bei den Phöniziern (Stud. I, 266).

²⁾ Такимъ образомъ онъ былъ до извѣстной степени сторонникомъ теоріи вліянія финикійской религіи на греческую. Но существуетъ и другая теорія—самостоятельнаго развитія. Этой послѣдней теоріи фанатически придерживаются классики и, надо отдать имъ справедливость, доходятъ верѣдко до большихъ натяжекъ, защищая права своей духовной родины (см., наприм., изслѣдованіе Эммана о происхожденіи культа Афродиты, помѣщенное въ Зап. Имп. Акад. Н., 34, 13, написанное, конечно, на нѣмецкомъ языкѣ). Чтобы не выходить здѣсь въ разсмотрѣніе обширной литературы, имѣющей только стороннее отношеніе къ предмету, къ тому же обладающей специальными библиографическими органами („Jahresbericht“ Бурсіана), я позволю себѣ указать только на извѣстную уже „La religion des Phéniciens“ Тиле, въ которой автору удалось удержать середину между двумя крайностями, признавъ арійское происхожденіе греческихъ божествъ, но приписавъ восточнымъ религіямъ вліяніе на развитіе мифовъ и культовъ.

³⁾ Gazette archéologique 1879, 133 и 222. 1880, 1864.

Пигмаліономъ и доказать существованіе въ финикійской религіи ученія объ ангелахъ ¹⁾. Кромѣ того онъ сопоставлялъ римскаго Асканія, котораго онъ считалъ героемъ Мизіи и Фригіи съ финикійскимъ божествомъ Сакономъ или Аскономъ, а въ Юлѣ видѣлъ бога-сына карагенской троицы Іолая, первонач. Іоніа ²⁾. Наконецъ онъ собралъ всѣ классическіе тексты, относящіеся къ Самилли—мальчишкѣ, прислуживавшимъ во время богослуженія фламينا и доказывалъ, что имя ихъ есть искаженіе *qadēm-EI* — „предъ Богомъ“ — названіе божественныхъ посланниковъ и служителей боговъ въ самофракійскихъ мистеріяхъ. Кадмъ есть сокращеніе Кадмилла, культъ котораго перешелъ чрезъ Этрурію въ Римъ ³⁾.

Эд. Мейеръ, доказавшій въ своей статьѣ: „Ueber einige semitische Götter, что богиня Танитъ не имѣетъ ничего общаго ни съ египетской Нейтъ, ни съ иранской Анахитой, а фиванская Аѳина Онка — ничего общаго съ египетской Анкѣтъ. Онъ не отказывается считать Онку финикійской богиней, хотя ея имени еще не найдено въ надписяхъ, и готовъ признать финикійское происхожденіе Оивъ, но этимология Брандиса ему кажутся сомнительными. Онъ же доказалъ, что толкованіе 2-й Умъ-эль-авамидской надписи, находившее въ ней намеки на существованіе мужской Астарты—недоразумѣніе ⁴⁾.

Ленорманъ въ статьѣ „Les bétyles“ ⁵⁾, разобравъ свидѣтельство объ извѣстныхъ въ исторіи вееніяхъ, пришелъ къ заключенію, что это были символы органовъ плодородія, или аэролиты, или наконецъ камни по своимъ свойствамъ, близкіе къ послѣднимъ (напр., блестящіе камни считались причастными небесному огню; находимыя въ землѣ произведенія каменнаго вѣка—чудесными и т. п. *Darmsteter* ⁶⁾ отождествлялъ Кавировъ съ „сынами Возжими“ книга Бытія (VI, 2) и считалъ, что греч. мифъ объ убійствахъ на Лемносъ—побочная форма финикійскаго изъ цикла Адониса.

Если финикійскіе туземные источники пролили нѣкоторый, хотя и слабый, свѣтъ на религію этого народа, то отъ египетскихъ и ассирійскихъ мы въ правѣ требовать свѣдѣній о его исторіи. Дѣйствительно, оба великихъ народа древняго востока, дѣлая завоеванія, постоянно сталкивались съ финикійцами, жившими какъ разъ между ними и населявшими страну, бывшую для нихъ яблокомъ раздора. Такимъ образомъ, какъ современныя, *извѣстія египтянъ и ассирянъ*

¹⁾ Memoires de la Soc. Linguistique IV, 347.

²⁾ Melanges Graux 611.

³⁾ Mem. de soc. Ling. 1886, VI, 140.

⁴⁾ Z. d. D. M. G. 31, 716.

⁵⁾ Revue de l'histoire des religions III, 31.

⁶⁾ Mémoires de Soc. Ling. IV, 89.

должны быть очень интересны и важны, особенно первых, какъ раньше столкнувшихся съ Финикіей. Эти извѣстія стали, главнымъ образомъ, находить со времени знаменитой египетской экспедиціи Лепсіуса, обратившаго также вниманіе и на Карнавскій храмъ, на стѣнахъ котораго начертаны между прочимъ и анналы походовъ Тутмеса III. Болѣе полно и точно издалъ эти анналы Мариеттъ въ 1860 г., онъ же впервые нашелъ поэтическое описаніе подвиговъ Тутмеса, также важное для нашего предмета ¹⁾. Vicomte de Rouge, занимавшійся въ то время царствованіемъ этого фараона, взялся за отождествленіе упоминаемыхъ въ этихъ надписяхъ городовъ съ извѣстными намъ изъ Библіи и авторовъ ²⁾. Онъ прочелъ здѣсь имена Вирита (Барута), Арада (Арату), Симиры и Акки (Аака), Ионіи (Ипу). Финикіей онъ считалъ страну Чахи, упоминаемую часто въ этихъ надписяхъ, хотя дѣлалъ это нерѣшительно. Въ 1866 г. эти свѣдѣнія нѣсколько дополнились: Шаба и Гудвинъ перевели изданный еще въ 1841—44 ³⁾ такъ наз. папирусъ Anastasi I, повѣствующій о путешествіи въ Сирію молодого египтянина времени XIX дин. ⁴⁾. Это очень важный документъ. Авторъ его былъ около Вивла, имя котораго издатели узнаютъ въ „Кепуна“, зналъ о его богинѣ, посѣтилъ Виритъ, Сидонъ, Сарепту, „городъ въ морѣ Тиръ морской, въ который возятъ воду въ челнокахъ“, описалъ сады Иупіи. Но особенно много шума надѣлала употребленная въ папирусѣ фраза: „страна Хару отъ Чара до Ауль“. Чаръ крѣпость на границѣ Египта и Сиріи; Ауль — неизвѣстная мѣстность. Ее помѣщали гдѣ-то на с. Сиріи и потому считали Хару Финикіей и на этомъ шаткомъ ⁵⁾ основаніи строили самыя смѣлыя теоріи. Но въ этомъ-же году для любителей отождествленій настала новая эпоха: Лепсіусъ нашелъ знаменитый Канобскій декретъ, въ которомъ греческое Φοινίκη переведено по египетски „Кефт“. Это имя было извѣстно и раньше изъ анналовъ Тутмеса III; Руже только догадывался, что оно имѣетъ отношеніе къ народу, жившему на Кипрѣ или близъ него; такого-же мнѣнія былъ и Birch, сопоставлявшій его также съ библейскимъ Кафторимъ (Быт. X, 14).

¹⁾ Revue archéol. 1861, 197.

²⁾ Revue arch. 1860, 287.

³⁾ Select papyri of the hieratic character from the collection of the British Museum.

⁴⁾ Voyage d'un Egyptien en Syrie, en Phénicie, en Palestine au XIV siècle. Chalons sur Saône 1866 г. Переводъ на русскій яз. у Властова въ переводѣ „Исторіи“ Бругша, 521.

⁵⁾ Если даже Ауль дѣйствительно на сѣверѣ Сиріи, то и тогда страна Хару не будетъ вполне Финикіей, такъ какъ въ нее войдетъ и филистимское побережье, и Палестина, но, можетъ быть, правъ и Галевн, отождествляющій Ауль съ Иупіей, а потому Хару со страной Филистимлянъ.

Эти Кефть на гробницѣ Рехмара, чиновника Тутмеса III изображены съ прекрасными вазами въ рукахъ. Это заставило Эберса въ его „Aegypten und die Bücher Moses“ отождествить Кефть съ Финикіей, а Кафторимъ, который онъ сталъ теперь искать въ Дельтѣ, сдѣлался, такимъ образомъ „Великой Финикіей“, т.-е. чѣмъ-то въ родѣ итальянской „Великой Греціи“. Въ 1872 году Эберсъ былъ въ Египтѣ и въ одной гробницѣ Оиванскаго некрополя Abd-el-Kurnah нашелъ очень важную надпись, содержащую въ себѣ біографію полководца Тутмеса III Аменъ-ем-Геба. Онъ немедленно послалъ копію съ нея и переводъ въ редакцію *Zeitschrift für Aegypt. Sprache und Alterthumskunde*, гдѣ она и была помѣщена (1873, 1), а въ 1876 г. 1) помѣстилъ подробный разборъ надписи. Здѣсь онъ опредѣлялъ еще одно имя для Финикии—„Рутенну хертъ“—нижняя Сирія. Рѣдкое употребленіе этого имени онъ объясняетъ существованіемъ для Финикии другихъ именъ: Кефть и Фенеху, которыя тоже изрѣдка встрѣчаются въ текстахъ, но употребляются крайне неопредѣленно, а при Птолемеехъ прилагаются къ Финикии. Всѣ эти отождествленія долго сбивали, да и теперь еще сбиваютъ съ толку ученыхъ. Мы скоро увидимъ, что ни на одно изъ нихъ нельзя положиться. Между тѣмъ, на нѣкоторое время вошла въ моду новая теорія египетскаго происхожденія имени Финикиянъ. Эта неудобоваримая теорія сначала опиралась только на загадочныхъ Фенеху, но въ 1880 г. Лепсіусъ въ своей нубійской грамматикѣ сталъ отождествлять съ ними Пунтъ, или, какъ тогда читали Пуна—восточную страну благовоній, соответствующую Аравіи и противоположному берегу Африки. Припомнили, что Геродотъ выводилъ финикиянъ съ береговъ Эриерейскаго моря; это море стали считать Чернымъ; Пуна оказалась первообразомъ Роепі и дѣло было сдѣлано. И до сихъ поръ не всѣ еще могутъ отрѣшиться отъ этой красивой теоріи.

Такимъ образомъ изъ египетскихъ источниковъ мы узнали о Финикии сравнительно, немного, да и это немногое часто подозрительно въ виду неустановленности пониманія географическихъ терминовъ. Кромѣ двухъ-трехъ мелкихъ фактовъ 2) мы получили нѣкоторое представленіе о предметахъ вывоза изъ Финикии, познакомившись со списками дани этой страны; замѣчательно, что эти свѣдѣнія подтверждаютъ выводы Моверса, который обрабатывалъ свой прекрасный послѣдній томъ, не будучи знакомъ съ ними. Но за то мы

1) Вѣ *Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gcsell.* XXX—XXXI.

2) Наур., дневникъ пограничнаго чиновника временъ XIX вѣка. заставилъ признать, вопреки Моверсу, что въ Тирѣ были цари до Авивала, еще въ XII вѣкѣ. Изъ *rap. Ebers* мы узнали, что Виваль славился знаменитыми окулистами.

узнали о существованіи одного важнаго факта—о вліянні на Египетъ семитической культуры. Это вліяніе началось не со времени Гиксовъ и шло не только отъ нихъ, но и самостоятельнымъ потокомъ. Еще на одной гробницѣ XII дин. мы встрѣтили изображеніе сирійскаго типа, позднѣе мы встрѣтимъ въ египетскихъ литературныхъ памятникахъ массу семитическихъ словъ, а въ египетскомъ пантеонѣ—семитическія божества. Эберсъ, Бругшъ¹⁾ (въ „Исторіи“), Сэйсъ и др. видятъ виновниковъ этого явленія въ финиійскихъ торговыхъ колоніяхъ въ Дельтѣ. Исслѣдованіе о семитическихъ словахъ въ египетскомъ языкѣ принадлежитъ Bondi. „Dem hebraisch-phöniz. Sprachenzweige angehörige Lehnwörter in hieroglyphischen und hieratischen Texten (Leipzig 1886). Признавая присутствіе, хотя въ крайне слабой степени, семитическаго элемента въ египетскомъ языкѣ въ болѣе древнее время, авторъ считаетъ временемъ его наибольшаго развитія XIV—XI в. Наиболѣе онъ значителенъ въ папирусахъ и указываетъ на сильное культурное вліяніе семитовъ, завладѣвъ словами, относящимися къ торговлѣ, ремесламъ, военному дѣлу и т. п. Всѣ 66 объясненныхъ авторомъ словъ принадлежатъ къ ханаанской группѣ семитическихъ нарѣчій. Появленіе ихъ въ египетскомъ лексиконѣ можетъ быть сравнено только съ заполненіемъ послѣдняго греческими словами въ коптскій періодъ. О семитическихъ богахъ въ египетскомъ пантеонѣ писалъ Эд. Мейеръ (Ueber einige semitische Götter въ Zeitschr. d. Deutsche Morgenl. Gesellschaft 31, 724). Собравъ изъ египетскихъ текстовъ мѣста, въ которыхъ говорится объ этихъ божествахъ, онъ онъ приходитъ къ заключенію что они были вытѣснены только во время псаметихова возрожденія, но и послѣ, при Птолемахъ, иногда упоминаются при пересчисленіяхъ боговъ. Эти божества слѣдующія: Ваалъ, отождествленный съ Сутехомъ и имѣвшій вліяніе на представленіе о Сетѣ; Астартъ, имѣвшая храмъ, между прочимъ въ Торіонъ-отратокедонъ; Решеѣ, Анатъ и Кедешъ. Впрочемъ послѣднія два божества заимствованы, по мнѣнію автора, отъ Хетовъ.

Но было и обратное сильное вліяніе Египта на Сирію. Изученіе финиійскихъ памятниковъ, какъ мы видѣли, убѣдило въ зависимости искусства этого народа отъ египетскаго. Знакомство съ памятниками страны фарановъ подѣйствовало еще болѣе разрушительно на наши представленія о финиіянцахъ: мы убѣдились, что древніе считали ихъ потому изобрѣтателями по преимуществу, что чрезъ нихъ научились пользоваться результатами изобрѣтеній. Египетскія письмена обнаружили поразительное сходство съ нѣкоторыми буквами семитическаго

¹⁾ Ему принадлежитъ прекрасная глава о семитическомъ вліянніи на Египетъ (Geschichte 187—263).

алфавита, а египетскіе памятники доказали, что производство стекла въ этой странѣ было извѣстно гораздо раньше, чѣмъ у Финикіянъ 1). Мнѣ кажется, что послѣднее обстоятельство довольно удачно объяснилъ *Froehner* въ своей „*La verrerie antique*“ 2). Онъ полагаетъ, что египтянамъ извѣстно было только массивное, непрозрачное стекло, употреблявшееся на вазы, бусы, амулеты, а также, какъ глазурь на терракотахъ, косякахъ дверей, скарabeяхъ. Это были „литой камень“ (*λίθος χυτός*), приготовлявшійся изъ растительнаго щелока. Финикіянне замѣнили его минеральнымъ щелокомъ, благодаря превосходному качеству песка своей рѣки Бела, и получили прозрачное стекло. Не такъ просто и легко можно разрѣшить вопросъ о происхожденіи семитическаго алфавита. Мы видѣли (стр. 29 пр. 2), что ученые первоначально держались теоріи его оригинальности. Эта теорія дѣйствительно имѣетъ за себя вѣсскія данныя и до сихъ поръ находитъ защитниковъ 3). Но сходство многихъ буквъ съ іероглифами и, особенно, съ іератическимъ шрифтомъ не могло не броситься въ глаза ученымъ. Къ тому же авторитетъ Тацита и нѣкоторые другія свидѣтельства говорили въ пользу заимствованія финикіянами алфавита изъ Египта прямо или косвенно. Первымъ, взявшимся за эту теорію, былъ египтологъ *Руже* 4). Онъ сталъ искать первообраза каждой буквы семитическаго алфавита въ іератическихъ знакахъ. Но при этомъ онъ поступалъ вполнѣ научно и осторожно, взявъ для сравненія самыя древніе памятники: надпись жоавитскаго царя Меша и папирусы *Grisse*, а также сравнивая почти исключительно египетскіе алфавитные знаки, а не силлабическіе. Эту теорію развилъ и популяризировалъ *Денорманъ*, объяснившій также распространеніе финикійскаго алфавита и происхожденіе изъ него прочихъ 5). Другіе ученые не удовольствовались ею, но стали частью видоизмѣнять ее, частью изобрѣтать новыя. *Галлеи* 6) производитъ семитскій алфавитъ не изъ іератическихъ, а изъ 12—13 іероглифическихъ знаменъ, выражавшихъ общіе звуки у египтянъ и семитовъ, и говоритъ, что остальные звуки стали изобра-

1) См. *Wilkinson—Manners and customs III*, 89. *Rosellini—Monumenti II*, 52. *Caillaud—Recherches sur les arts et métiers de l'ancien Egypte X*, 1. *Perrot, Hist. de l'art. I*, 826.

2) *Par.* 1879.

3) Между прочимъ въ лицѣ нашего *Д. А. Хвольсона*, приписывающаго семитамъ заимствованіе во время Гиксовъ изъ Египта только идею алфавита (Исторія ветхозавѣтнаго текста).

4) *Comptes rend. de l'Acad. des inscr.* 1859, 115.

5) *Essai sur la propagation de l'alphabet phénicien dans l'ancien monde.* 1872. (Не окончено. См. также статью „*Alphabetum*“ въ словарѣ класс. древн. *Daremberg* и *Saglio*).

6) *Compt. rend. de l'Acad. des inscript.* 1887.

жаться при помощи видоизмѣненій ихъ. Измѣнялъ также, но крайне неудачно, теорію Руже Bertin ¹⁾. Не мало ученыхъ пыталось провести теорію происхожденія семитическаго алфавита изъ клинообразнаго шрифта, но эти теоріи строились, большею частью, крайне произвольно, принимая въ соображеніе и алфавитные, и силлабическіе знаки, благодаря чему, при огромномъ количествѣ послѣднихъ и при ихъ полифонизмѣ, всегда можно отыскать напоминающіе семитическіе; притомъ въ вопросахъ о сходствѣ всякій обыкновенно видитъ то, что ему желательно ²⁾. (Можно указать еще на новый трудъ Berger. *L'écriture et les inscriptions semitiques*).

Вопросомъ о происхожденіи финикійскаго алфавита занялся также вѣнскій египтологъ Краалъ ³⁾ (Kraal), задумавшій написать нѣчто въ родѣ исторіи Финикіи по египетскимъ источникамъ. Но его статья „Tyros und Sidon“ является скорѣе безпорядочнымъ конгломератомъ изслѣдованій автора по всевозможнымъ вопросамъ египтологіи, имѣющимъ къ Финикіи самое отдаленное отношеніе; мы напрасно будемъ искать здѣсь сборника египетскихъ извѣстій объ этой странѣ. Тѣмъ не менѣе автору удалось сдѣлать нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній. Разсмотрѣніе египетскихъ источниковъ его убѣдило, что Тиръ упоминается въ нихъ тогда, когда о Сидонѣ нѣтъ, повидимому, рѣчи. Это заставило его нанести первый ударъ періодизаціи Моверса, и оставивъ нетронутымъ Вивло-Виритскій періодъ, переставить сидонскій и тирскій. При этомъ, конечно, ему пришлось считаться съ Быт. 10, 15 и упоминаніемъ у Гомера объ однихъ сидонянахъ. Изъ этого двойного затрудненія авторъ выпутывается при помощи излюбленнаго средства ученыхъ, высказывающихъ апріорные взгляды: библейскій стихъ онъ объясняетъ позднѣйшимъ (почему? Многие ученые считали 10 главу одной изъ самыхъ древнихъ частей всей книги), а что касается Гомера, то онъ, оказывается, потому зналъ Сидонянъ, а не Тиринъ, что послѣдніе, захвативъ въ свои руки египетскую торговлю, стали пренебрегать западными рынками и уступили коммерческія дѣла съ варварскими народами сидонянамъ. Что же касается египетской торговли, то авторъ предполагаетъ существованіе торговыхъ трактатовъ между фараонами и финикіянами и, на основаніи Herodot. II, 179 заключаетъ, что для послѣднихъ были отведены восточные рукава Нила, подобно тому,

¹⁾ Etudes dédiées à Leemans, стр. 135. Изданіе очень рѣдкое.

²⁾ Этой теоріей увлекались, между прочимъ, Петеръ (Proceedings of the soc. of Biblical Archeology VI, 73. Deeck „Der Ursprung d. altsemitischen Alphabets aus d. neuassyrischen Keilschrift“. (Zeit. d. Deutschen. Morgenl. Gesell. 31, 102).

³⁾ Sitzungsberichte d. Wiener Akademie, Phil. — hist. Classe 116 (1888) стр. 631.

какъ для грековъ — канобскій. Здѣсь же онъ вычисляетъ отношеніе золота къ серебру въ разные періоды древне-восточной исторіи (большею частью на основаніи списковъ дани) и ставитъ измѣненія этихъ отношеній въ зависимость отъ разработки финиціанами западныхъ рудниковъ. Эта работа была необходима, какъ пополненіе послѣдняго тома Моверса, который производилъ эти расчеты, не располагая доступнымъ для насъ матеріаломъ. Слѣдуетъ также вѣнчить въ заслугу автору, что онъ покончилъ съ Эберсовымъ переводомъ географическаго имени Сенчаръ, упоминаемаго между прочимъ въ надписи Аменемгеба, словами „Двойной Тиръ“. Наконецъ, въ вопросѣ о происхожденіи семитическаго алфавита онъ воспользовался работами извѣстнаго намъ Бонди (стр. 61), установившаго, что для транскрипціи семитическихъ словъ египтяне употребляли съ большею послѣдовательностью ограниченное число іератическихъ знаковъ. Эти знаки и послужили прототипами для семитскаго алфавита, что еще доказывается и направленіемъ послѣдняго, подобно іератическому, справа на-лѣво 1).

Взгляды Крадла о большей древности Тира относительно Сидона принялъ извѣстный ассириологъ *Ieremias* 2), авторъ исторіи Тира по клинообразнымъ источникамъ. Подобная работа была крайне необходима, въ виду того, что ученые, занимавшіеся общими трудами по Финикии и Ассиріи, обыкновенно сваливали другъ на друга подробное изложеніе этого періода. Ассирійскіе источники даютъ о Финикии много свѣдѣній и, притомъ точныхъ, но свѣдѣнія эти для насъ далеко не такъ важны, какъ, напр., болѣе скудные египетскіе, такъ какъ они относятся ко времени болѣе позднему и болѣе извѣстному намъ изъ библіи и авторовъ 3). Тѣмъ не менѣе они пополняютъ ихъ и проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на исторію Финикии, а потому пол-

1) Другія, мелкія работы о Финикии на основаніи египетскихъ источниковъ: *Liblein*—„Sur la ville de Tyr“ въ *Atti del congresso degli orientalisti*, Firenze. I, 18. *Maspero*—статья по древней географіи „Entre Joppe et Megiddo“ (*Etudes, dédiées à Leemans*), дающая конъектуры къ рар. Anast. I и поправки къ прежнимъ переводамъ. *Conder* первый рѣшилъ составить карту къ рар. Anast. (*Palest. Explor. Fund.* 1876). Въ настоящее время *Max Müller* въ Америкѣ занимается переработкой древней географіи Сиріи на основаніи египетскихъ источниковъ.

2) *Tyrus bis zur Zeit Nabukadnezars. Geschichtliche Skizze mit besond. Berücksichtigung d. keilschriftl. Quellen.* Lpz. 1891.

3) Чтобы не вдаваться здѣсь въ описаніе исторіи открытія и изданій текстовъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему предмету, я позволю себѣ указать на брошюру *Delattre* „L'assyriologie depuis XI ans“ 1891, гдѣ интересующіеся найдутъ полную библиографію. Кроме того см. у *Delitsch'a* („Wo lag das Paradies“) и *Schrader'a* („Die Keilinschriften und das Alte Testament“ 2 изд. 1883 г.) географію Сиріи по клинообразнымъ источникамъ.

ный и тщательный переводъ ихъ очень полезенъ. Во введеніи авторъ касается топографическихъ вопросовъ, причемъ, въ большинствѣ случаевъ, соглашается съ Ренаномъ, только желаетъ видѣть въ храмѣ Зевса Олимпійскаго, упоминаемомъ у Діа, храмъ Мелькарта и не можетъ полагать, подобно Ренану, что культъ Зевса обязанъ своимъ появленіемъ въ Тирѣ Антиоху Эпифану. Но Іереміасъ слишкомъ поторопился со своей брошюрой и не успѣлъ потому воспользоваться вполне богатымъ матеріаломъ, доставленнымъ и доставляемымъ намъ въ послѣднее время египетской почвой.

Въ концѣ 1887 г. въ Европѣ распространился слухъ, что египетскіе крестьяне предлагаютъ для покупки сотни глиняныхъ дощечекъ съ клинообразными надписями, добытыхъ изъ развалинъ, называющихся „Телль-эль-Амарна“—резиденціи фараона-еретика Аменготепа IV. Клинообразныя надписи въ самомъ центрѣ Египта! Это должно было бы заинтересовать ученыхъ, но многіе изъ нихъ отнеслись къ извѣстію на первыхъ порахъ скептически. Луврскій музей прямо отказался приобрѣтать черепки, и они были мало-по-малу раскуплены Берлинскимъ, Британскимъ, Булакскимъ и Вѣнскимъ музеями и частными лицами. По разсмотрѣніи оказалось, что купленные дощечки принадлежали нѣкогда къ государственному архиву, перенесенному Аменготепомъ изъ Фивъ въ Телль-эль-Амарну и содержали дипломатическую переписку съ фараонами XVIII дин. месопотамскихъ владѣтелей и сирійскихъ вассаловъ египетскаго царя. Здѣсь были донесенія изъ Вивла, Акки и, что очень важно, Сидона, Іерусалима, Вирита, здѣсь же встрѣчаются имена Арада, Тира, Іоппии. Нѣкоторыя изъ надписей составлены на неизвѣстныхъ языкахъ, м. пр. вѣроятно и на хетскомъ, большая часть и, въ томъ числѣ, важная для нашего предмета, на вавилонскомъ, но очень трудномъ, что было, между прочимъ, причиной того, что эти документы первостепенной важности долго оставались не вполне прочтенными и разобранными. Только въ 1888 году Британскій музей поручилъ Budge ¹⁾ составить перечень писемъ; такой же перечень, иногда съ переводами наиболѣе характерныхъ мѣстъ сдѣлалъ для Берлинскаго музея, по порученію Академіи Наукъ, Винклеръ ²⁾. Затѣмъ мало-по-малу стали переводить эти документы, по возможности, *in extenso*: Delattre и Шейль на англійскій языкъ въ *Proceedings* Лондонскаго Общества библейской Археологіи, а Галеви—въ *Journal Asiatique* (1890—1892). Въ самое послѣднее время Флиндерсъ-Питри привезъ изъ Египта еще цѣлую массу гли-

¹⁾ *Proceedings of the Society of Biblical Archeol.* 2,540.

²⁾ *Aegyptische Zeitschrift*, 1879, 42. Ему же принадлежитъ и полное изданіе берлинскихъ и булакскихъ дощечекъ: „*Der Thontafelfund von El-Amarna*. Berl. 1889—1890 (I—III). Донесенія изъ Финикии—въ началѣ 3-й части.

нанных дощечекъ, и теперь Британскій музей положительно заваленъ матеріаломъ, ждущимъ издателей и изслѣдователей. Полной разработки всѣхъ изданныхъ документовъ пока еще не было. Галеви взялъ разработку ихъ темой для отдѣла „Recherches bibliques“, который онъ ведетъ въ журналѣ „Revue des études juives“, но до сихъ поръ успѣло появиться только 2 статьи: вѣроятно, авторъ, занявшись полнымъ переводомъ трудныхъ текстовъ, не имѣлъ времени писать изслѣдованій. Въ этихъ двухъ статьяхъ (1890 г.) авторъ даетъ географію Финикіи и Палестины наканунѣ еврейскаго завоеванія на основаніи тель-эль-амарненскихъ документовъ, извлекаетъ изъ послѣднихъ историческія, религіозныя и культурныя данныя и приводитъ интересныя параллели изъ библіи, особенно кн. Судей, которая описываетъ эпоху, близкую къ разбираемой. Авторъ приходитъ къ заключенію, что вся Сирія была въ тѣсной зависимости отъ Египта, а это, въ свою очередь, наводитъ его на мысль, не было ли причисленіе библіей Сидона къ хамовымъ потомкамъ констатированіемъ факта не этнографическаго родства, а политической зависимости? Изученіе нѣкоторыхъ документовъ, особенно огромнаго инвентаря, приданнаго дочери царя страны Митанни, вышедшей за фараона, проливаетъ много свѣта на культуру Сиріи того времени, на ея высокое торговое и промышленное развитіе, на изощренный вкусъ и изысканную роскошь ея обитателей.

Какъ уже было сказано, Галеви не успѣлъ разработать всего переведеннаго имъ матеріала, въ которомъ есть еще, повидимому, чрезвычайно интересныя данныя; но и неизданные документы, безъ сомнѣнія, скрываютъ много важныхъ извѣстій. Вообще слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе на этотъ памятникъ, доставившій намъ свѣдѣнія, которыя во многихъ случаяхъ были для насъ совершеннымъ сюрпризомъ. Историки до сихъ поръ не могли вполне воспользоваться имъ, а потому того матеріала, которымъ они располагали было иногда достаточно для починки при помощи монографій прорѣхъ зданія, воздвигнутаго Моверсомъ, но его было слишкомъ мало для возведенія такого зданія заново. Но прежде, чѣмъ перейти къ попыткамъ на этомъ поприщѣ, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ разработки еще одного частнаго вопроса—о *финикійскихъ колоніяхъ*.

Вопросъ этотъ, конечно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ. Но онъ до такой степени былъ запутанъ Моверсомъ, что до сихъ поръ рѣшеніе его не можетъ вполне стать на научную почву и продолжаетъ быть ареной для фантазій или даже ложнаго патріотизма ученыхъ. Впрочемъ, если Бохартъ находилъ умѣстнымъ опровергать мнѣніе, будто финикіяне были въ Америкѣ, но въ то же время искать ихъ на Цейлонѣ и Явѣ, и въ имени Исландіи (?).—Оулэ видѣтъ

семитическій корень, то это для его времени было еще простиительно. Больше виновать Моверсъ, гонявшійся повсюду за финикиянами, и виновать онъ, главнымъ образомъ, потому, что его система укоренилась и принесла самые печальные плоды. Но все-таки для его продолжателей было гораздо непростительнѣе держаться его метода, сдѣлавшагося невозможнымъ при развитіи филологической и исторической критики. Между тѣмъ они не только вполне удержали его, но даже дали ему дальнѣйшее развитіе и отвергли всякія границы, которыхъ все-таки держался Моверсъ. Такъ, солидный повидимому, ученый Клермонъ Ганно ¹⁾ населилъ финикиянами чуть ли не весь Пелопоннесъ, аббат *Баржесъ* своей книгѣ: *Recherches archéologiques sur les colonies phéniciennes, établies sur le littoral de la Celtoligurie* ²⁾ также былъ вѣрнымъ послѣдователемъ и дополнителемъ Моверса, не успѣваго населить своими финикиянами Галліи; наконецъ, въ самое послѣднее время Offroi de Thopon ³⁾ ухитрился отыскать ихъ на островѣ Гаити и берегахъ Амазонской рѣки, а одинъ англичанинъ даже встрѣтился въ Девонширѣ съ примитивнымъ потомкомъ жрецовъ Ваала въ лицѣ г-на Baalhatshet ⁴⁾. Конечно не будь реакціи со стороны болѣе серьезныхъ ученыхъ, можно было бы опасаться, что скоро весь міръ будетъ объявленъ семитическимъ и финикійскимъ. Но и реакція эта долго была не только нерѣшительная но и непослѣдовательная. Она старалась лишь избавиться отъ крайняго примѣненія и крайнихъ послѣдствій моверсовою системы, но въ общемъ ея не отвергла. Такъ поступали и Olshausen, и Holm въ своей исторіи Сициліи, и Ettore Pais въ своей исторіи Сардиніи и многіе другіе. Гораздо рѣшительнѣе былъ проф. Θ. Θ. Соколовъ

¹⁾ Le Dieu Satrape ou les Phéniciens dans la Péloponèse, Journ. As. VII, 10, 157 sq. и отдѣльно. Par. 1878. Авторъ началъ съ объясненія одной очень испорченной греч. надписи, найденной Ренавомъ (Miss. 241), въ которой упоминается имя бога Σατράπης. Онъ жаждетъ подыскать мѣста объ этомъ богѣ у древнихъ авторовъ и пролить свѣтъ на отношеніе восточныхъ и греческой религіи уже въ историческое время. Но при этомъ онъ нагромождаетъ гипотезы и приходитъ къ невозможнымъ выводамъ, злоупотребляя этимологіями.

²⁾ Это изслѣдованіе все-таки серьезнѣе другихъ, хотя авторъ не считаетъ обязательнымъ руководствоваться мудрымъ правиломъ Дюканжа о шаткости выводовъ, основанныхъ на этимологіяхъ. Такимъ путемъ онъ пришелъ къ заключенію, что финикійскими могутъ быть названы города: Иллиберій, Рушино, Нарбонна, Ираклея, Немавзъ, Ираклея Каккабрійская, особенно Монако (отъ „menihh“—отдыхать). Что касается Массиліи, то это имя кельтское, но рынокъ въ этомъ городѣ носитъ семитическое имя—gargar. Отсюда слѣдуетъ, что задолго до фовіицевъ здѣсь поселились финикияне. Онъ даже склоненъ это подтверждать Марсельской надписью, причемъ для него не существуетъ вопроса ни о времени ея, ни о происхожденіи.

³⁾ Les Phéniciens à l'île d'Haiti et sur le continent américain. Les vaisseaux d'Hiram et Salomon au fleuve des Amazones.

⁴⁾ Palest. Exploration Fund 1891, 77.

и, особенно Мельцеръ, выступившіе противъ самой системы Моверса. *Θ. Θ. Соколовъ* въ своемъ прекрасномъ трудѣ „Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи“ ¹⁾ посвятилъ нѣсколько страницъ (96—105) финикійскимъ колоніямъ въ Сициліи и пришелъ, разбивъ на всѣхъ пунктахъ Моверса къ выводу, который мы можемъ передать его же словами: „Напрасно Моверсъ полагаетъ что можно выйти изъ предѣловъ начертаннаго *Θукидидомъ*: всякій кажущійся слѣдъ финикійскаго элемента внутри Сициліи должно или отвергнуть, какъ не финикійскій, или отнести къ позднѣйшему, каррагенскому времени“ (стр. 99). Характернѣе всего то обстоятельство, что авторъ находитъ для себя возможнымъ только въ одномъ случаѣ согласиться съ Моверсомъ, и этотъ случай былъ единственнымъ, въ которомъ послѣдній измѣнилъ своей системѣ (стр. 104—105). Но *Θ. Θ. Соколовъ* не могъ провести послѣдовательно своей реакціи уже въ виду характера своей темы, да онъ и не задался такой цѣлью. За это долженъ былъ взяться ученый, занимающійся финикійской древностью, а такимъ былъ *Meltzer*, авторъ *Geschichte der Karthager* (Berl. Weidmann. 1879. Вышелъ только 1-й томъ, обнимающій время до 306 года). Это первый и единственный строго-научный трудъ по исторіи великой семитической республики, соперницы всемірнаго римскаго владычества ²⁾. Жаль только, что талантливому автору удалось только начать его и не дойти до самой интересной части—внутренней исторіи. Первые двѣ главы служатъ введеніемъ. Здѣсь авторъ дѣлаетъ много цѣнныхъ замѣчаній о финикіанахъ и ихъ колоніяхъ вообще. Онъ снова возвращается къ производству ихъ имени изъ греческаго языка, но будучи не согласенъ съ моверсовою этимологіей, переводитъ „*Φοίνικες*“ „люди съ темнымъ цвѣтомъ кожи“, а извѣстіе Геродота объ *Эрирейскомъ* морѣ считаетъ туземнымъ преданіемъ. Далѣе онъ высказываетъ мысль, что для опредѣленія времени перваго знакомства финикіянъ съ западомъ, единственнымъ критеріемъ могли бы служить товары, которыхъ нѣтъ на востокѣ и которые появляются на египетскихъ

¹⁾ Спб. 1865.

²⁾ Еще въ 1827 *Böttiger* выпустилъ свою „*Geschichte der Carthager*“, но она уже тогда едва удовлетворяла требованіямъ науки. Труды *Беккера* (въ энциклопедіяхъ Эрша и Грубера I, 21) *R. Bosworth'a Smith'a* (*Carthage and the Carthaginians* Lond. 1878) не могутъ быть названы строго-научными. Хороши статьи Арнольда *Шефера* въ *Rhein. Mus* XV, 391 (*Zur Geschichte von Karthago*), но онѣ не представляютъ связнаго цѣлаго, точно также какъ уже упомянутыя нами замѣтки *Берже* о пунической религіи и его эпиграфическія работы. Книжка Church („*Carthage*“) въ коллекціи „*The story of the nations*“ отличается популярнымъ характеромъ.

изображеніяхъ и въ литературныхъ памятникахъ, будучи доставляемы сюда финикіянами. Но при внимательномъ разсмотрѣніи, этотъ критерій оказывается крайне ненадежнымъ; единственный товаръ, время появленія котораго огромными массами на востокѣ можетъ, хотя съ натяжками, опредѣлить время начала плаванія финикіянъ на западъ за нимъ—серебро. Авторъ все-таки находилъ возможнымъ относить это начало ко времени до 2-й половины 2-го тысячелѣтія, причеиъ окончательно отказывается пользоваться хронологическимъ критеріемъ Моверса—шинеами (прим. 36). Коснувшись причинъ финикійской колонизаціи и доказавъ, что, въ силу гидрографическихъ условій, она должна была направиться вдоль сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, авторъ утверждаетъ, что богатый Фарсисъ сдѣлался очень рано главной цѣлью финикійскихъ морскихъ экспедицій и что всѣ промежуточные пункты западной части моря на островахъ и, особенно, въ сѣверной Африкѣ были заселены уже послѣ Фарсиса и, такъ сказать, благодаря его важности. Но напрасно верховный богъ поставилъ предѣлъ человѣческимъ стремленіямъ: желаніе избавиться отъ случайностей транзитной торговли и замѣнить ее прямой направилъ финикіянъ на сѣверъ къ мѣстамъ находенія янтаря ¹⁾ и олова ²⁾ и за металлами на югъ отъ Ливеса. Переходя къ разсмотрѣнію этихъ африканскихъ колоній, авторъ прекрасно опровергъ введенное Моверсомъ въ науку превратное мнѣніе о томъ, будто туземцы Африки еще до прибытія финикіянъ были смѣшаны съ выселившимися къ нимъ Хананеями и назывались Ливіофиникіянами. Онъ доказалъ, на основаніи, м. пр. египетскихъ памятниковъ, что мнимые Ливіофиникіяне ³⁾ просто

¹⁾ Впрочемъ, какъ сознается самъ авторъ, существованіе янтаря въ Ливанѣ, обнаружено Фрассомъ (*Drei Monate im Libanon. Aus d. Orient II, § 60*).

²⁾ Вопросомъ о плаваніи финикіянъ на сѣверъ Европы заваялся *Müllenhof* въ своей „*Deutsche Alterthums Kunde*“ (Berl. 1870). Авторъ держится системы Моверса и Ольсгаузена и населяетъ финикіянами всѣ берега Пропонтиды; Иракль разрушитель Трои—Мелькартъ, Агамемнонъ—предводитель Семитовъ; авторъ географической поэмы Авіена „*Ora maritima*“ (описание берега отъ Массилии до Кадикса)—финикіянинъ, массалиотскій метежъ. Касситериды, конечно Британія, такъ какъ нигдѣ нѣтъ олова, кромѣ Корнвалля. Что касается послѣдняго пункта, то болѣе вѣрное мнѣніе было высказано *Schöningh*омъ о тождествѣ Касситеридъ съ о—вами Scilly. Этого же мнѣнія держится большинство ученыхъ въ настоящее время (*Gutschmit* въ *Litter. Zentralblatt* 1871, 523 sq.). Дѣйствительно что пунктъ, съ котораго вывозится товаръ считается мѣстомъ его производства—явленіе въ исторіи самое обыкновенное.

³⁾ Это мнѣніе основывалось, помимо другого сложнаго и неудовлетворительнаго матеріала, на извѣстномъ разсказѣ Прокопія (Вандальск. война II, 10) о столбахъ въ Нумидіи съ надписью о переселеніяхъ Хананеями предъ лицомъ „разбойника Іисуса“. Мельцеръ прекрасно объяснилъ происхожденіе этого ска-

позднѣйшее финикійское населеніе Африки, вполнѣнствіи противополагавшееся Кареагенянамъ. Третья глава посвящена разбору источниковъ исторіи основанія города и хронологіи этого событія. Авторъ здѣсь совершенно отказывается слѣдовать Моверсу, очень искусно опровергаетъ его теоріи о двукратномъ основаніи Кареагена и приписываетъ рассказъ Тимея объ этомъ событіи фантазіи Грековъ, передѣлавшихъ въ эвгимеристическомъ духѣ туземное преданіе объ основаніи города богиней Дидоной, тождественной съ *δαίμων* *Καρυδονίαν* Аннибада (=Танить) 1). Рассказъ Филиста также, по его мнѣнію отголосокъ туземнаго преданія о тирскомъ основаніи города и происхожденіи должности суфетовъ, а его дата также выдаетъ измышленіе Грековъ, относившимъ ко времени до Троянской войны возникновеніе всего того, что имѣло уже многовѣковое прошлое во время столкновенія съ ними 2). Мельцеръ также, путемъ критики источниковъ, доказалъ, что излюбленная тема римскихъ поэтовъ объ Эней и Дидонѣ возникла во время Пуническихъ войнъ и была мифологическимъ первообразомъ историческаго факта. Двѣ послѣдующихъ главы занимаютъ изложеніемъ Кареагенской политики перваго періода исторіи, политики руководимой Магономъ и состоявшей въ объединеніи западныхъ финикійцевъ съ цѣлью противобѣса греческому вліянію. Въ связи съ этимъ стоитъ образованіе двухъ

яванія (стр. 59), обязанаго, по его мнѣнію, своимъ возникновеніемъ м. пр. іудейской діаспорѣ. Не смотря однако на неоднократныя опроверженія, несмотря на несообразности этого сказанія, оно до такой степени соблазнительно что до сихъ поръ нѣкоторые ученые не рѣшаются оставить его въ покоѣ. Такъ, не дальше какъ въ прошломъ году проф. Вудингеръ опирается на него въ своей и безъ того вздорной брошюрѣ: „*De phœniciorum coloniis cum Hebraeorum exodo coniunctis*“.

1) *Schulthess* и *Stade* (Gissen Progr. 1880) предполагаютъ что упомя. въ Быт. X, 4 и Іезек. 27, 7. Елисса—имя африканскаго берега, откуда образовалось имя основательницы; раньше это имя заставляло строить невозможныя предположенія: его сопоставляли съ Элидой.

2) Гутшмидъ въ *Lit. Zentralblatt* 1858, 759 и *Jahrbücher* *Mazusa* 1880 (122), 297 отказывается слѣдовать за авторомъ въ его крайнемъ скептицизмѣ. Онъ вѣрить въ туземное происхожденіе обоихъ рассказовъ и соглашаетъ ихъ такимъ образомъ: кареагеняне говорили Филисту: „эра Тира и Кареагена начинается за 50 лѣтъ Троянской войны“, т.-е. при Филистѣ въ Кареагенѣ была тирская эра, а при Тимеѣ, послѣ разрушенія Тира, была введена собственная. Юстинъ XVIII, 3, 5 пользовался другой троянской эрой. Синхронизмъ придуманный Іосифомъ не имѣетъ вліянія на хронологическіе расчеты объ основаніи Кареагена: онъ только доказываетъ, что въ тирскихъ лѣтописяхъ отъ основанія города до основанія Кареагена считалось 384 года. Кромѣ того Гутшмидъ доказалъ что у Іос. Древн. VIII, 5, 3 и пр. Апіона I, 18 говорится объ усмирении Храмомъ Утики; это заставило рѣшить вопросъ объ отношеніи колоній къ метрополи; оно было подчиненное и этимъ отличалось отъ греческаго.

политическихъ партій: аристократической и демократической. Последняя была прогрессивной и стремилась къ завоеваніямъ, которыя пришлось предпринять вслѣдствіе столеновенія съ сиракузскими тираннами. Затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію войнъ въ Сициліи и Африкѣ и заканчиваетъ томъ 4-мъ договоромъ съ Римомъ.

Здѣсь мнѣ слѣдовало бы коснуться также вопроса о финикійскихъ колоніяхъ въ Греціи. Но этотъ вопросъ до такой степени запутанъ и спеціаленъ, что входитъ здѣсь въ подробное его разсмотрѣніе я не нахожу возможнымъ. Достаточно будетъ сказать, что онъ до сихъ поръ не рѣшенъ, да и врядъ ли когда-нибудь будетъ рѣшенъ. Тѣмъ Моверса и, особенно, его послѣдователя Ольсгаузена до сихъ поръ является пугаломъ для эллинистовъ, ревниво оберегающихъ свою духовную родину отъ варварскаго вліянія. Конечно, они заходятъ при этомъ слишкомъ далеко, но въ общемъ здѣсь и они имѣютъ за собой довольно важныя данныя. Дѣйствительно, ученымъ, населяющимъ Элладу финикійцами приходится опираться опять-таки на универсальное средство — этимологию да на мѣны, въ народномъ происхожденіи которыхъ давно уже основательно сомнѣваются. Культъ доказываютъ мало, а археологическія находки могутъ убѣдить только въ могуществѣ культурнаго вліянія востока, но не въ существованіи въ самой Греціи финикійскихъ колоній ¹⁾. Тѣмъ не менѣе и рѣшительно отрицать послѣдняго мы не имѣемъ права да и вообще авторитетный тонъ въ этомъ вопросѣ менѣе уместенъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, особенно если этимъ тономъ высказываются предвзятые мысли ^{2, 3)}.

¹⁾ Моверсъ не успѣлъ въ своемъ большомъ трудѣ заняться разсмотрѣніемъ греческой торговли финикійцевъ. За это взялся *Schmülling* въ своемъ сочиненіи „Der Phöniciſche Handel in den griechischen Gewässern“ (въ Мюнстерскомъ Jahresbericht № 32—33), 1884—1885 причемъ пользуется новыми находками Шлимана. Но говоритъ онъ новаго очень мало и стоитъ всецѣло на почвѣ Моверса и его метода. Замѣтимъ только, что онъ различаетъ два періода финикійской торговли въ Греціи: періода монополіи и періода торговли на равныхъ условіяхъ послѣ отгѣсненія финикійцевъ изъ Егейскаго моря. Границей обоихъ періодовъ считаетъ начало 2-го тысячелѣтія. Причину финикійскихъ морскихъ экспедицій онъ видитъ въ желаніи добыть сырье, на которое не прекращался спросъ, но котораго не хватало на родинѣ.

²⁾ См. м. пр. указанное сочиненіе Эммана. У него же можно найти и указаніе на литературу. Изъ болѣе новыхъ ученыхъ рѣшительнымъ противникомъ финикійской теоріи является Вилламовицъ-Меллендорфъ (Kudaten 146 sq). Онъ даже считаетъ позднѣйшими тѣ стихи Гомера въ которыхъ говорится о Сидонянахъ. (Тоже универсальное средство).

³⁾ Въ заключеніе упомяну еще объ одной книгѣ, посвященной отчасти финикійцамъ и ихъ плаванію по Черному морю. Норвежскій египтологъ *Lieblein* въ своемъ „Handel und Schiffart auf dem Rothen Meere“ Christiania 1887 произ-

Перейдемъ теперь къ общимъ трудамъ по финикійской древности. Эти труды слѣдующіе: во-первыхъ, глава о Финикии въ сочиненіяхъ по общей исторіи древняго Востока и, во-вторыхъ, спеціальныя работы. Послѣднія, опять-таки, являются не въ видѣ монографій, а какъ части большихъ коллекцій по всеобщей исторіи, т.-е., другими словами, они написаны по заказу. Самостоятельнаго же систематическаго труда, который могъ бы замѣнить Моверса еще не появлялось, такъ какъ для созданія новой системы матерьяла было слишкомъ недостаточно.

Что касается трудовъ перваго рода, то мы смѣло можемъ игнорировать Масперо ¹⁾, книга котораго имѣетъ самостоятельное значеніе только для Египта, хорошую, но устарѣвшую статью *Сейса* ²⁾ въ приложеніи къ его Геродоту. Послѣдняя написана прекрасно, но для насъ не представляетъ ничего новаго, да и вообще всѣ эти труды, входящіе въ составъ общихъ сочиненій отличаются краткостью и догматизмомъ изложенія, давая одни выводы. Глава о Финикии у *Ленормана* ³⁾ тоже не можетъ быть названа серьезнымъ сочиненіемъ, но въ ней хорошъ и вполне самостоятеленъ отдѣлъ объ искусствѣ. Гораздо серьезнѣе и полнѣе изложена исторія Финикии у *Дункера* ⁴⁾, котораго можно смѣло рекомендовать для перваго ознакомленія съ предметомъ. Жаль только, что у него много фантазій въ вопросѣ о финикійскихъ колоніяхъ въ Греціи. Вообще, про него можно сказать, что онъ взялъ въ основу трудъ Моверса, но передѣлалъ и дополнилъ его на основаніи результатовъ новыхъ открытій и, благодаря своему замѣчательному критическому такту, очистилъ отъ дурныхъ сторонъ. Ему при этомъ удалось сохранить разумную мѣру и не зайти далеко на пути скептицизма и реакціи. Поэтому особенно интересна у него глава о торговыхъ сношеніяхъ финикійянъ; эта глава особенно интересна и важна, потому что послѣдующіе ученые мало занимались этимъ вопросомъ.

водитъ изслѣдованіе о торговлѣ египтянъ со страной Пунтъ. Найдя въ памятникахъ древняго царства упоминаніе о купцахъ „Бенну“, онъ сопоставляетъ это имя съ „бенну“ финикъ и „бенро“ (=бенну) финниковаго пальма. Это гонитъ его отъ гипотезы къ гипотезѣ. Онъ считаетъ, напр. фенеху—діалектическимъ варіантомъ „бону“, имя Пунта разлагаетъ на ра+un=дверь=Babel—Mandeb. Подобныя этимологическія забавы очень опасны въ такомъ языкѣ, какъ египетскій, но авторъ идетъ еще далѣе и находитъ въ Ведахъ слово „рапи“=купецъ; изъ него онъ дѣлаетъ собственное имя финикійянъ!

¹⁾ Histoire ancienne des peuples de l'Orient. 1886.

²⁾ The ancient empires of the east. Lond. 1883.

³⁾ Histoire ancienne de l'Orient VI, 497—573 (9 изд. подъ ред. Babelon).

⁴⁾ Geschichte d. Alterthums I, 311—346 и II, 39—69; 203—238 (5-е изд. 1878 г.).

Болѣе кратка, но также отличается большими достоинствами статья великаго Гуттимида „Phoenicia“, помѣщенная въ *Encyclopaedia Britannica* (9 изд.) 1880 г. Разносторонній авторъ находилъ время заниматься и финикійской древностью и успѣлъ не мало сдѣлать для ея изученія; намъ не разъ приходилось указывать на его статьи и рецензии. При первомъ знакомствѣ съ его статьей можно испытать невольное сожалѣнiе, что автору не удалось создать изъ своихъ работъ по Финикии стройнаго и обширнаго цѣлаго: даже въ статьѣ, назначенной для публики и рассчитанной на нѣсколько страничекъ онъ успѣлъ дать такъ много новыхъ взглядовъ, что намъ придется познакомиться съ ней по-ближе. Прежде всего авторъ касается финикійской религiи. Здѣсь онъ не гнушается Санхунаеономъ, но заключаетъ изъ него, что астральный культъ новѣе хтоническаго, въ историческое же время первый рѣшительно преобладаетъ, хтоническiя же божества получили подчиненное женское положенiе, кромѣ „владычицы Вивла“, которая опять-таки осталась послѣ выселенiя Эла. Въ вопросѣ о происхожденiи финикиянъ авторъ отказывается слѣдовать Геродоту и принимаетъ извѣстiе Юстина, причемъ въ первые слѣдуетъ новому чтенiю *Syrium stagnum* и соглашается съ Бузенномъ (*Aeg.* IV, 291), что это *Stagnum*—Мертвое море. Съ погибелью цвѣтущей цивилизаци на берегахъ послѣдняго, по мнѣнiю автора, Хананеи соединяли представление о расселенiи народовъ: моавитянъ, аммонитянъ и финикиянъ. Затѣмъ онъ ничего не говоритъ о древности Вивла и Вирита (этотъ вопросъ обошелъ молчанiемъ и Дункеръ) но говоритъ нѣсколько ниже, что эти два города вѣроятно составляли одно царство, подобно другому, заключавшему въ себѣ Сидонъ и Тиръ. Начало процвѣтанiя послѣдняго, конечно, совпадало съ упадкомъ перваго, происшедшимъ отъ нашествiя филистимлянъ упоминаемаго у Юстина (18, 3, 5). Авторъ ставитъ это извѣстiе въ связь съ нашествiемъ на Египетъ Пурсата египетскихъ памятниковъ, но это едва ли основательно. Затѣмъ онъ переходитъ къ разсмотрѣнiю изобрѣтенiй, приписывавшихся финикиянамъ и доказываетъ, что ни одно изъ нихъ имъ не принадлежало, даже производство пурпура, названiя различныхъ сортовъ котораго не финикiйскiя. Это мнѣнiе было высказано еще Моверсомъ. Точно также и азбука арамейскаго происхожденiя. Въ вопросѣ о колонiяхъ, онъ отказывается искать финикиянъ на материкѣ, но населяетъ ими острова и считаетъ мнѣ о Минотаврѣ, Европѣ, 8 дѣтяхъ солнца и т. п. воспоминанiями о мрачной сторонѣ финикiйской религiи. При разсмотрѣнiи западныхъ колонiй слѣдуетъ Мельцеру. Кромѣ того онъ присоединилъ краткiй очеркъ исторiи Финикии въ персидскiй пе-

ріодъ, которымъ совсѣмъ не занимались ни Моверсъ, ни послѣдующіе историки.

Въ 1884 году вышелъ 1-й томъ знаменитой „Geschichte des Alterthums“ Эдуарда Мейера, въ которомъ затронуты и всѣ наиболѣе важные вопросы финикійской древности. Во многихъ случаяхъ авторъ отказывается слѣдовать Гутшмиду и высказываетъ свои собственные взгляды, напр., о происхожденіи семитической и финикійской религии (§§ 205—209) изъ мѣстныхъ культовъ боговъ-покровителей, отношенія которыхъ затѣмъ опредѣлялись точнѣе, явились религіозныя системы, развилась миеологія и сложный ритуаль. (Вообще авторъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ дѣлѣ отрицанія пригодности Санхунаіаона). Рассказы о прибытіи финикійцевъ съ Эрирейскаго моря авторъ считаетъ выраженіемъ убѣжденія этого народа въ зависимости своей культуры отъ Месопотамской, т.-е. своего рода книжнымъ измышленіемъ. Относительно періода Вивла-Виритскаго высказывается уже опредѣленно. Онъ отказывается видѣть въ финикійцахъ конгломератъ колѣнъ, не отличаетъ Гиблитовъ отъ Сидонянъ, а мнѣніе о древности Вивла считаетъ результатомъ его славы, какъ религіознаго центра и тенденціозныхъ рассказовъ Филона, уроженца этого города. Что касается колоній, то онъ сомнѣвается въ поселеніяхъ финикійцевъ на материкѣ Эллады, отвергаетъ вліяніе финикійской религіи на греческую; при разсмотрѣніи западныхъ колоній и исторіи основанія Карфагена авторъ во всемъ слѣдуетъ Мельцеру и не признаетъ поправки Гутшмида. Вопросы о происхожденіи алфавита не рѣшаетъ, но склоненъ видѣть его первообразъ въ хетскихъ іероглифахъ 1).

Спеціальныи трудъ по финикійской древности принадлежитъ *Pietschmann*’у и вышелъ въ сборникѣ Онгена въ 1889 году. Онъ написанъ ad hoc, по заказу, и это чувствуется съ первой страницы. Очевидно, что авторъ никогда бы не взялся за него самъ. Недостатокъ источниковъ, сдѣлавшійся для автора еще болѣе чувствительнымъ, вслѣдствіе его крайняго скептицизма, былъ причиной того, что онъ рѣдко рѣшаетъ вопросы 2), или же дѣлаетъ апріорныя и голословныя

1) Это мнѣніе въ настоящее время высказывается въ нѣсколько измѣненномъ видѣ Рейвакомъ въ одной изъ его „Chronique de l’Orient“ въ R. Arch. за 1887 г. Онъ полагаетъ будто кипрскій шрифтъ истекъ изъ хетскаго, а послѣдній вышелъ изъ египетскихъ іероглифовъ. Такимъ образомъ кипрскій и финикійскій шрифты являются двоюродными братьями. Это мнѣніе едва ли вѣрно. Замѣчу, кстати, что существованіе кипрскаго шрифта служитъ косвеннымъ указаніемъ на большую древность греческихъ поселеній на о—вѣ, на которомъ еще тогда не былъ распространенъ семитическій алфавитъ.

2) Такъ, напр., онъ не рѣшилъ вопроса о происхожденіи алфавита, отказывается, подобно Мейеру, говорить о государственномъ устройствѣ. Положить, это было реакціей Моверсу, изображавшему финикійское устройство чуть

заключенія ¹⁾; подчасъ даже впадаетъ въ противорѣчія. Во многихъ случаяхъ зависимость отъ предшественниковъ сказывается довольно чувствительно ²⁾, но есть вопросы, въ рѣшеніи которыхъ авторъ захотѣлъ стать на новый путь. Съ этой стороны онъ, безъ сомнѣнія, оказалъ услугу науцѣ, опровергнувъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлавъ усилія опровергнуть теоріи въ родѣ кушитской или египетскаго производства имени финикіянъ. Вѣроятно, онъ также правъ, доказывая, что извѣстный намъ народъ Keft не финикіяне, а греки съ Кипра. Особенно важно въ его книгѣ пространное изложеніе географіи древней Финикіи, снабженное подробными картами и прекрасными рисунками ³⁾. За то исторію онъ излагаетъ очень кратко и голословно, считая подробное изложеніе ея обязанностью Мейера и Гошмеля, къ трудамъ которыхъ его книга является будто бы только добавленіемъ. Исторіи персидскаго и птоломеевскаго періода, на которыхъ пролили нѣкоторый свѣтъ новыя находки, у него совсѣмъ нѣтъ. Другія находки (Телль-эль-амарна) пролили свѣтъ на болѣе древній періодъ; авторъ знаетъ объ этомъ матеріалѣ, но не могъ вполне воспользоваться имъ, такъ какъ онъ еще не былъ тогда вполне изданъ. Авторъ занимается также искусствомъ и религіей финикіянъ. Въ области искусства онъ высказалъ оригинальный, но опять-таки апріорный взглядъ на самостоятельное развитіе финикійскихъ храмовъ, а что касается религіи, то, рѣшительно отвергнувъ Санхуниаэона, онъ конечно былъ оставленъ на произволъ фантазіи, этой всегдашней замѣны источниковъ. Ко-

ли не такъ же ясно, какъ римское время Цицерона, но все же можно было найти середину, какъ это сдѣлали, наприимѣръ, Дункеръ и Гутшмидтъ.

¹⁾ Это особенно чувствительно сказывается въ вопросахъ о колонизаціи материка Греціи и о вліяніи финикійской религіи на греческую (онъ и то, и другое отрицаетъ).

²⁾ Напр., въ вопросѣ о топографіи Тира онъ слѣдуетъ Ренану, въ производствѣ имени финикіянъ—Мельдеру; къ Геродотову и Юстинову рассказамъ о переселеніи финикіянъ относится, съ нѣкоторыми измѣненіями, подобно Гудшмидту, его же, по меньшей мѣрѣ, сомнительное мнѣніе принимаетъ относительно нашествія на Сидонъ филистимлянъ и ин. др.

³⁾ Интересно его новое мнѣніе о Триполи. Онъ убѣжденъ, что не дипломатическія соображенія вызвали основаніе этого города, а наоборотъ, они были результатомъ того, что и тиряне, и сидоняне, и арадяне поселились на этомъ удобномъ для торговли мѣстѣ и образовали нѣчто въ родѣ кварталовъ разныхъ націй въ городахъ временъ крестовыхъ походовъ. Здѣсь же онъ доказываетъ, что Визль не высылалъ никогда колоній. Кроме того онъ подчеркиваетъ, что финикіяне были обязаны своимъ значеніемъ, какъ морской націи, не береговой линіи и не гаванямъ, которыя крайне неблагоприятны, а пластическому расчлененію береговъ, чередованію крутыхъ и отлогихъ, сгущавшихъ населеніе на удобныхъ мѣстахъ, но особенно—своему центральному положенію между двумя очагами культуры, между Западомъ и Востокомъ.

нечто, нѣтъ ничего легче объявить, что источникъ никуда не годится, но задача историка состоитъ въ умѣніи извлечь изъ него цѣнныя данныя; отказывающіеся отъ этого обнаруживаютъ только свою неспособность. Къ счастью, вопросъ о финикійской и вообще семитической религіи настолько ясенъ въ общемъ, что фантазія могла увлечь автора слишкомъ далеко только въ частностяхъ, общее же понято имъ согласно съ другими. Вопросъ о мореплаваніи финикианъ и торговлѣ затрагиваетъ только слегка и полагаетъ, что предѣломъ для нихъ служили Иракловы столбы.

Книга иллюстрирована прекрасными рисунками, выборъ которыхъ, однако, не всегда вполне удовлетворителенъ. Къ сожалѣнію, слогъ автора далеко не можетъ быть названъ образцовымъ, а чтеніе его книги—легкимъ и приятнымъ. Съ этой стороны гораздо удовлетворительнѣе другой общій трудъ о Финикии, принадлежащій *Джорджу Раулинсону*, также написанный по заказу ¹⁾. Но это, да еще прекрасные рисунки остается, къ сожалѣнію, единственнымъ достоинствомъ въ книгѣ, отличающейся большой поверхностностью, отсталостью и непомѣрной дороговизной.

И такъ, у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ систематическаго труда по финикійской древности, который могъ бы вполне замѣнить Моверса. Ни Пичманъ, ни Раулинсонъ, какъ мы видимъ, не хотѣли, да и не могли дать такого труда и ученые пришли къ убѣжденію, что вмѣсто этого, лучше вѣзаться за переработку Моверса. Эту переработку обѣщала Кралль, и она должна выйти у Кальвари. Трудно сказать, насколько эта не легкая и неблагодарная работа удастся вѣнскому египтологу. Будемъ надѣяться, что богатый эпиграфическій матеріалъ, доставленный Телль-эль-ахмарной и недавнія находки въ Египтѣ Гребо и Моргана, изданій которыхъ мы ждемъ съ нетерпѣніемъ, дадутъ наконецъ возможность рѣшиться на болѣе смѣлый шагъ, чѣмъ починка разрушающагося зданія свѣжими заплатами. Быть можетъ, редакція готскихъ „*Handbücher der alten Geschichte*“ найдетъ, наконецъ, возможнымъ дать намъ давно уже обѣщанный, но благоразумно до сихъ откладывавшійся трудъ о Финикии. Конечно, онъ не будетъ исторіей, но во всякомъ случаѣ мы вправѣ отъ него ожидать рѣшенія многихъ, наиболѣе важныхъ вопросовъ.

¹⁾ Его „*Phoenicia*“ вышла тоже въ 1889 году въ коллекціи „*The story of the nations*“. Черезъ годъ авторъ выпустилъ этотъ трудъ въ болѣе подробномъ видѣ, но характеръ оставилъ тотъ же.

Максимальная схема Средневековой и Новой истории Англии в курсах средних учебных заведений ¹⁾.

Е. Н. Щепкина.

I.

Древнейшую историю англо-саксов можно распределить между первыми циклами обще-европейской истории (наприм. утверждение англо-саксов в Британии отнести к циклу происхождения варварских государств; распространение христианства в Кенте поставить в связь с деятельностью Григория В. и т. п.). Но, начиная с Эгберта или Альфреда В., Средневековая история Англии должна быть изложена, как один цельный процесс — а именно процесс образования английских государственных учреждений. Этот процесс может делиться только на крупные периоды, по внутреннему своему содержанию соответствующие отдельным ступеням процесса

¹⁾ Схема эта была предложена Е. Н. Щепкиным на рассмотрение исторической комиссии при учебном отделе Московского Общества Р. Т. З. и в исправленном виде принята к сведению в 1891—92 гг. для дальнейших работ комиссии, как один из возможных вариантов программы курса. Как показывает самый размер схемы и характер изложения, она назначается для учителей и преследует главным образом следующие цели: 1) Фиксировать то представление об общем ходе английской истории, тот запас фактических знаний и общих идей, которые должны остаться, как осадок, после серьезного прохождения курса. 2) Сгруппировать те факты, которые скорее всего дадут в результате подобный итог. 3) Указать соответственно этому пробелы в наиболее распространенном учебнике Д. Иловайского. Схема составлена преимущественно по трудам Грина, Гардинера и Стэббса. Самое название „Максимальной схемы“ оставляет широкий простор для всяких сокращений в частностях в зависимости от времени, уделяемого Английской истории и уровня развития среди учащихся.

(наприм. англо-саксонскій періодъ—созданіе областныхъ мірковъ общиннаго характера; норманскій періодъ—утвержденіе феодальнаго строя и образованіе центральныхъ учреждений; царствование Генриха II и его дѣтей—сростаніе центра съ областями; Генрихъ III—развитіе сословнаго представительства; Эдуардъ I—кодификація всего предыдущаго бессознательнаго процесса. Эдуардъ III—образованіе Верхней Палаты и т. д.). По своему внутреннему содержанию и ходу вышнихъ событій средневѣковая исторія Англіи удобно можетъ быть переплетена со средневѣковой исторіей Франціи (*Curia regis*, Генеральные Штаты, Столѣтняя война и т. п.). Напротивъ, исторія Германіи можетъ быть связана съ исторіей Италіи и дать случай изложить средневѣковой аскетическій идеалъ, папство и имперію и т. п. Такое сохраненіе общепринятаго въ учебникахъ порядка изложенія по націямъ съ дробленіемъ исторіи только на очень крупныя періоды имѣетъ съ педагогической точки зрѣнія слѣдующія преимущества передъ разсказомъ по вѣкамъ или мелкимъ цикламъ общеевропейской исторіи: 1) Все частное, конкретное дается ученику раньше общаго; т. е. сравненіе одинаковыхъ явленій въ исторіи различныхъ народовъ разрабатывается учителемъ послѣ усвоенія событій въ той своеобразной окраскѣ, какъ они совершаются въ исторіи отдѣльныхъ націй. 2) У ученика сохраняется представленіе о націи, какъ живой личности. Изъ этихъ общихъ соображеній вытекаетъ слѣдующая схема для средневѣковой исторіи:

При Альфредѣ В. кромѣ борьбы съ датчанами и его заботъ объ образованіи надо сразу охарактеризовать англо-саксонскія учрежденія (по сколько они входятъ въ учебникъ), ибо они составляютъ первое звено въ томъ процессѣ развитія учреждений, который надо прослѣдить. Это эпоха образованія мѣстныхъ мірковъ, навсегда составившихъ фундаментъ для того центрального представительства, которое развилось при Плантагинетахъ. Процессъ развитія въ предѣлахъ самыхъ англо-саксонскихъ учреждений приходится ради краткости и точности оставить въ сторонѣ. Стройность схемы англо-саксонскихъ учреждений не уступаетъ древнимъ римскимъ *gens*, *curia*, *tribus*; но есть важное отличіе между ними—въ Англіи связь территоріальная, по землѣ. Вотъ эта схема: *Сословія*—*eorl*, *thegn* съ 5 гуфъ, *eorl* съ 40 гуфъ. *Союзы*: 1) Община (*township* или *bu*) съ своей сходкой (*gemet*), мѣропріятіями (*bylaws*), старостой (*tungerefa*); въ церковномъ дробленіи ей соотвѣтствуетъ приходъ, въ феодальномъ—*manor*. 2) Сотня (*hundred*), ея собраніе (*gemot*) представительнаго характера (*reeve* и 4 добрыхъ мужа отъ общины), старшина (*hundreds-ealdor*); въ церковномъ дробленіи ей соотвѣтствуетъ деканство (*deanery*), въ феодальномъ *liberties*. 3) Шейръ (*shire*), съ эльдорменомъ (*aeldorman*) и

собраниемъ представительнаго характера (*gemot*—изъ 12 типовъ отъ сотни; *гесое* и 4 добрыхъ мужа отъ общины); развитіе королевской власти вводитъ шерифовъ въ шейры. *Центральныя учрежденія.* Витенагемотъ изъ епископовъ, аббатовъ, альдорменовъ, королевскихъ тановъ. Вотъ схема, изъ которой учитель долженъ брать только главное по усмотрѣнію. Учебникъ Иловайскаго даетъ при Альфредѣ В. шаткое извѣстіе о 12 старшихъ танахъ, дающихъ присягу въ сотнѣ, которое идетъ только съ Этельреда и настолько уединенно, что его лучше не упоминать. Иловаискій отождествляетъ ихъ съ 12 присяжными, но институтъ присяжныхъ развивается только послѣ нормандскаго завоеванія въ связи съ разслѣдованіями на мѣстѣ; тамъ его и надо изложить.

Въ нормандскій періодъ устанавливается феодальный строй и создается центральная администрація. Съ одной стороны витенагемотъ превращается въ *great council* феодальнаго характера, гдѣ всѣ члены въ отношеніи *homage* и *fealty* къ королю; съ другой стороны *Curia regis* и главные офисы (*great officers of household*), особенно юстиціарій и казначей (*treasurer*). Въ сословномъ строѣ появленіе *comes* и *knight* вѣсто *eorl* и *thegn*. Въ связи съ *Doomsdaybook* можно охарактеризовать феодальную ячейку, — *manor*, и образованіе виллановъ.

Важно изложить суть хартіи вольностей Генриха I (не называя ее) въ видѣ злоупотребленій феодальными правами, существовавшихъ при его предшественникѣ Вильгельмѣ Рыжемъ (злоупотребленія при переходѣ леновъ по наслѣдству, при бракѣ наслѣдницъ, опека и т. п. — *relief, wardship, marriage, escheat, forfeiture* и т. д.). Такимъ образомъ легче будетъ впослѣдствіи показать, какъ Великая Хартія вытекаетъ изъ феодальныхъ отношеній. Отношеніе Вильгельма Завоевателя къ Григорию VII. Ланфранкъ и Ансельмъ.

При Генрихѣ II и его сыновьяхъ мѣстныя учрежденія англосаксонскаго типа срастаются съ центральными учрежденіями нормандскаго типа. Поэтому кромѣ Кларендонскихъ постановленій, которыя помѣщаются во всѣхъ учебникахъ для характеристики столкновенія свѣтской власти съ духовной, важно познакомить съ объѣздами судей (напр. отъ 1194 г.), съ системой *jury* въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ; ибо при образованіи *Grand jury* вырабатывается начало представительства, а объѣзды судей и членовъ казначейства по финансовымъ дѣламъ устанавливаютъ связь областей съ центромъ. Затѣмъ надо остановиться на развитіи *scutage* (деньги со щита взаменъ обязательной военной службы), ибо опредѣленіе размѣра *scutage* самими ленниками—зародышъ парламентскаго права устанавливать налоги. Великая Хартія должна быть охарактеризована, какъ памятникъ

феодалнаго строя; центръ тяжести, конечно, въ §§ 12 и 14 nullum scitigium vel auxilium; §§ 20 и 21 о судѣ равныхъ и § 61 о гарантіи контроля 25 бароновъ, но любопытны и статьи, распространяющія вольности не только на бароновъ, но и на вассаловъ и свободныхъ людей вообще, т.-е. общегосударственный характеръ политики бароновъ. По поводу § 13 можно охарактеризовать вольности городовъ.

Въ эпоху борьбы изъ-за хартии (Генрихъ III) важно отмѣтить призваніе по два нایتа отъ графства въ парламентъ 1254 г., а стремленіе парламента взять въ свои руки управленіе охарактеризовать на дѣятельности Симона де-Монфора. (Его парламентъ 1265 г. и призваніе общинъ).

Ради краткости не надо въ разсказѣ выдѣлять царствованіе Эдуарда I и Эдуарда II въ отдѣльные періоды, а, назвавъ ихъ только по имени, итоги трехъ царствованій изложить при Эдуардѣ III: выдѣленіе духовенства въ конвокацію; созданіе баронства путемъ prerogative (ограниченіе отчужденія) и hereditary summons и выдѣленіе Верхней Палаты (парламенты 1341 и 1343 гг.). Специально при Эдуардѣ III кромѣ Столѣтней войны упомянуть еще чуму, statute of labourers. При Ричардѣ II въ связи съ возстаніемъ крестьянъ надо охарактеризовать англійскій villenage вообще. Затѣмъ въ это царствованіе появляется идея королевской прерогативы (королевскіе любимцы), начинается взаимное истребленіе путемъ казней; низложеніе короля.

Въ борьбѣ Алой и Бѣлой Розы важно именно истребленіе бароновъ и усиленіе королевской власти, которая привлекаетъ къ себѣ города. Въ связи съ послѣдствіями войны Бѣлой и Алой Розы удобно сдѣлать очеркъ переворотовъ въ сословныхъ отношеніяхъ среди англійскаго общества къ концу Среднихъ Вѣковъ: положеніе gentry подымается и оно становится какъ бы запаснымъ фондомъ, изъ котораго пополняется перство; къ gentry примыкаетъ теперь какъ средній землевладѣльческій классъ, yeomanry, главный источникъ для пополненія войска и казны; далѣе, идетъ крестьянство, которое постепенно высвобождалось изъ подъ различнаго вида крѣпостной зависимости.

II.

Генрихъ VII. Въ это царствованіе усиленіе королевской власти выражается въ томъ, что 1) король исключительно владѣетъ артилеріей; 2) запрещаетъ знати ея ливрен, и 3) учреждаетъ Звѣздную Палату для суда надъ вліятельной знатью, ускользавшей отъ мѣстныхъ судовъ.

Реформація. Въ наиболѣе распространенномъ учебникѣ Иловайскаго отличіе реформаціи Генриха VIII отъ реформаціи Эдуарда VI не выяснено, а дана прямо характеристика англиканской церкви, какъ она установилась въ концѣ реформаціоннаго періода; эта характеристика помѣщена между Генрихомъ VIII и Эдуардомъ VI. Въ отличіе отъ этого предлагается слѣдующая схема:

Генрихъ VIII. Положеніе народа: высшіе классы начинаютъ изучать Греческій и Латинскій языки и авторовъ; низшіе классы болѣе не рабы, но въ тяжеломъ положеніи (много пашней обращается въ пастбища, the inclosures). Планъ улучшеній—въ Utopia Моруса. Дѣло о разводѣ. Act of Supremacy, объявляющій короля высшей главой церкви и государства. Политическія, социальныя, религіозныя и вообще идейныя причины реформаціи. Король сжигаетъ протестантовъ, какъ еретиковъ, и вѣшаетъ или обезглавливаетъ католиковъ, какъ измѣнниковъ. Казнь Моруса, какъ измѣнника, за то, что онъ отказался признать законность второго брака короля. Уничтоженіе монастырей и расточеніе ихъ имуществъ. „A good—penny worth“. Раздача земель создаетъ болѣе зависимый отъ королей землевладѣльческій классъ. Statute of six Articles: смерть каждому, кто отвергаетъ 6 основныхъ положеній католической доктрины, оспариваемыхъ протестантами. (1. Трансубстанціація. 2) Приобщеніе подъ однимъ видомъ. 3) Целибатъ. 4. Обѣты цѣломудрія сохраняютъ силу. 5. Приватныя мессы. 6. Устная исповѣдь). Переводъ Библіи. Уничтоженіе чудотворныхъ иконъ. Молитва Господня, Символъ Вѣры, заповѣди переведены на англійскій языкъ; молебны и молитвы вообще по-англійски, но месса по прежнему—по-латыни.

Эдуардъ VI. Реформація въ протестантскомъ духѣ. Англійскій Prayer Book. (Первый молитвенникъ—въ умѣренномъ духѣ, второй—послѣ торжества рѣшительнаго протестантскаго направленія). Конфискація церковныхъ имуществъ. 42 статьи вѣроисповѣданія.

Марія. Бракъ съ Филиппомъ Испанскимъ. Возстановленіе папскаго главенства. Протестанты мученики. Утрата Калѣ.

Елизавета. У Иловайскаго не выяснено личное отношеніе Елизаветы къ религіи, ничего нѣтъ объ ея отношеніи къ парламенту. Отдѣлъ реформаціи въ Шотландіи вмѣсто характеристики пресвитеріанства и политическихъ комбинацій, въ которыя оно вступило въ Шотландіи, посвященъ слишкомъ подробному изложенію романовъ Маріи Стюартъ. Въ отличіе отъ этого предлагается слѣдующая схема:

Национальный характеръ политики Тюдоровъ вообще, а Елизаветы въ особенности. Положеніе Елизаветы среди враждебныхъ другъ
историч. овозраженіе, т. VI.

другу релігійних партій. Личні вѣрованія королеви. Восстановленіе Праугер Book. Вражда съ католической Іспаніей.

Ростъ народнаго благосостоянія. Торговля, промышленность, колоніальная политика, участіе Англіи въ открытіяхъ. (Sabot на Лабрадорѣ при Генрихѣ VII. Willoughby при Маріи пытается идти Сѣверо-восточнымъ проходомъ. Фробишеръ ищетъ Сѣверо-западнаго прохода. Плаванье Дрека. Ралей въ Виргиніи). Реформація въ Шотландіи. Ноксъ, пресвитеріанство) и эпизодъ съ Маріей Стюартъ. Армада и экспедиція въ Кадиксъ. Завоеваніе Ирландіи (Эссексъ). Отношеніе Елизаветы къ парламенту (вопросъ о замужествѣ и монополіи). Англійская драма.

Револуціонный періодъ. У Иловайскаго пуритане всюду отождествляются съ пресвитеріанами. Надо охарактеризовать ихъ шире, какъ запасный фондъ, изъ котораго вырастають то пресвитеріане, то индепенденты, а то и просто свободные послѣдователи англиканизма. У Иловайскаго не выяснена преемственная связь средневѣковой борьбы за Великую Хартію съ борьбой XVII в., которая привела къ биллю о правахъ. У Иловайскаго почти совсѣмъ упущена изъ виду внѣшняя политика Стюартовъ, которая наталкивала ихъ на мысль—сдѣлаться независимыми отъ парламента ради свободы внѣшней дѣятельности. (Аналогія, проводимая историкомъ Гардинеромъ между Вентвортомъ и Ришелье). Система Страффорда и Лода опущена у Иловайскаго. Опущенъ сложный релігійный вопросъ. (Католики въ Ирландіи; пресвитеріане въ Шотландіи; пуритане въ Англіи), а потому остается непонятнымъ, что именно вызвало восстаніе въ Шотландіи и что заставило короля созвать Долгіи парламентъ. Въ борьбѣ короля съ парламентомъ Иловайскій опустилъ контрасты между пуританами и пресвитеріанами съ одной стороны и индепендентами съ другой, между парламентомъ и арміей, съ другой. Эти контрасты важны между тѣмъ для объясненія того, какъ возникъ протекторатъ и почему такъ легко реставрированъ былъ Карлъ II. Въ противоположность Иловайскому предлагается слѣдующая схема:

Іаковъ I. Отношеніе къ пуританамъ (напр., конференція въ Hampton-court, гдѣ пуритане высказались противъ стихаря, крестнаго знаменія при крещеніи и кольца при бракосочетаніи). Связь между политическими и богословскими убѣжденіями Іакова I. Пороховой заговоръ. Столкновенія съ парламентомъ: любимцы (въ родѣ Duke of Buckingham), внѣшняя политика (проекты брака съ испанской инфантой и съ Генріеттой французской; отношеніе къ 30-лѣтней войнѣ), денежный вопросъ (the impositions, т.е. пошлины съ внѣшней торговли; монополіи и лордъ канцлеръ Беконъ).

Карлъ I. Отношеніе между королемъ и парламентомъ въ управ-

леніи Бёккингама. Неудачи при Кадиксѣ и Ла-Рошели. Petition of Right: 1) Ни налоги, ни насильственные займы не должны налагаться безъ согласія парламента. 2) Никто не долженъ подвергаться тюремному заключенію безъ предварительнаго допроса судьей. 3) Матросы и солдаты не должны ставиться на постой къ частнымъ людямъ. Утвержденіе петиціи, смерть Бёккингама, разрывъ съ парламентомъ по вопросу о пуританахъ и пошлинахъ съ ви́шней торговли (tonnage and poundage). Эліотъ и его смерть въ тюрьмѣ. Одиннадцатилѣтнее управление Карла безъ парламента. Система Лода въ церкви: единообразіе службы по Prayer-book, престолы сдвинуты въ церквахъ къ Востоку, High Commission Court для суда надъ духовенствомъ. „Thorough-system“ Вентворта, лорда Страффорда: Court of Star Chamber; Ship-Money. John Hampden. Новый Prayer-Book для Шотландіи и Національный ковенантъ. Пораженіе королевской арміи и созывъ Долгаго Парламента. Казнь Страффорда. Запрещеніе корабельныхъ денегъ и пошлинъ, не утвержденныхъ парламентомъ. Уничтоженіе High Commission и Star Chamber. Разногласіе въ парламентѣ по вопросу о церкви: пуритане требуютъ теперь уже уничтоженія епископовъ и переработки Prayer-Book; умѣренные хотѣли все оставить по старому. Возстаніе въ Ирландіи. Дальнѣйшія требованія парламента: 1) министры должны назначаться съ утвержденія парламента; 2) коммиссія духовенства должна пересмотрѣть Prayer-Book. Попытка короля овладѣть пятью членами парламента. Разрывъ между парламентомъ и королемъ по вопросу о назначеніи офицеровъ милиціи. Лагерь короля въ Ноттингамѣ. Около половины Палаты Общинъ и болѣе половины Палаты лордовъ—на сторонѣ короля; кавалеры и круглоголовые. Парламентъ призываетъ шотландцевъ и вмѣстѣ съ ними бьетъ короля при Марстонѣ Мурѣ. Двѣ партіи въ войскѣ и парламентѣ: пресвитеріане и индепенденты. Король разбитъ при Незби, бѣжитъ къ шотландцамъ, выданъ ими. Столкновеніе между парламентомъ и войскомъ по вопросу о роспускѣ войска и судъ на королемъ. Торжество арміи. Армія удаляетъ изъ Нижней Палаты около 90 человекъ (Rump), а остальные назначаются тогда High Court of Justice, чтобы судить короля. Уничтоженіе Верхней Палаты. Казнь короля. Республика и протекторъ.

Кромвель. У Иловайскаго не упомянуто столкновеніе Кромвеля съ парламентомъ, а потому отвѣтственность за Навигаціонный билль и войну съ Голландіей взвалена на Кромвеля. Въ противоположность этому надо (кромя усмиренія Ирландіи и Шотландіи) коснуться столкновенія между Кромвелемъ и парламентомъ и роспуска Долгаго Парламента въ 1653 г. Кромвель протекторъ, столкновеніе съ искусственно подобраннымъ парламентомъ. Кромвель отказывается отъ ко-

ролевскаго титула, популяренъ только среди солдатъ, не допускаетъ англиканскаго Prayer-Book, строгая нравственная дисциплина для общества. Реставрація Монка.

Реставрація. У Иловайскаго не объясненъ Habeas Corpus и его отличіе отъ Великой Хартіи. У Иловайскаго не выяснено происхождение и лозунги Виговъ и Тори и не указано, какъ изъ католическихъ тенденцій новыхъ Стюартовъ вырастаетъ опасность для всего, что выработала революція. Въ противоположность этому предлагается слѣдующая схема:

Карлъ II. „The Merry Monarch“. Армія, которой держался Кромвель, распущена. Тѣло Кромвеля повѣшено. Cavalier Parliament. Епископы восстановлены, введена снова англиканская служба Prayer book. Диссентеры и Act of Uniformity—каждый священникъ долженъ держаться Prayer Book. Test Act противъ католиковъ: каждое лицо, получившее должность въ арміи, во флотѣ или въ государственной службѣ, должно было 1) принимать причастіе изъ рукъ англиканскаго священника, 2) отречься отъ католическаго ученія о трансубстанціи. Habeas Corpus Act для предупрежденія неопредѣленнаго по времени предварительнаго заключенія. Для характеристики антинаціональной политики Стюартовъ—Treaty of Dover, тайно заключенный между Людовикомъ XIV и Карломъ II. (Карлъ II обѣщался приженуть къ французскому королю противъ Голландіи и объявить себя католикомъ). Братъ короля (James duke of York) сдѣлался католикомъ; его дочери Марія и Анна были протестантки. Марія была замужемъ за Вилльямомъ, принцемъ Оранскимъ, главнымъ магистратомъ Голландской республики. Шафтсбери и его друзья пытались провести въ парламентъ Exclusion Bill для исключенія всѣхъ католиковъ отъ царствованія, но англичане короля католика все таки въ концѣ концовъ предпочитали новой гражданской войнѣ и господству арміи. Виги и Тори. Ради филіаціи ихъ съ кавалерами и круглоголовыми при опредѣленіи различія между Тори и Вигами центръ тяжести долженъ лежать въ характеристикѣ ихъ воззрѣній на власть: съ одной стороны для Тори—власть „Божьей милостью“, съ другой стороны Виги за договорную теорію; въ связи съ этимъ ихъ лозунги—non resistance и resistance. Подчеркнуть, что обѣ партіи одинаково привержены къ англиканской церкви. Такое опредѣленіе партій объяснить событія въ царствованіе Іакова II (ученіе Локка).

Іаковъ II. Безуспѣшныя попытки уничтожить Test Act. Тогда король издаетъ Declaration of Indulgence, позволяющую католикамъ и диссентерамъ служить по своему обряду и занимать должности, не давая присяги. Іаковъ велитъ читать декларацію во всѣхъ церквахъ. (Процессъ 7 епископовъ). Декларація и процессъ епископовъ вносятъ

антагонизмъ между обоими принципами торизма (повиновеніе и приверженность къ англиканизму); Тори ради Англиканской церкви заодно съ Вигами: семь знатныхъ англичанъ призываютъ въ Англію Вильяма Оранскаго спасти законы и вольности. Непосредственной причиной призыва было рожденіе сына у Іакова II. Вильямъ III. Toleration Act дозволяетъ диссентерамъ (но не католикамъ) служить въ своихъ часовняхъ. Свобода печати. Act of Settlement устанавливаетъ порядокъ престолонаслѣдія, Bill of Rights даетъ итоги второй революціи. Международное значеніе переворота: Англія освобождается изъ подъ вліянія Франціи.

Анна. Парламентская унія съ Шотландією отъ 1807 г. Шотландцы получили независимость законовъ, пресвитеріанскую форму церкви, свободу торговли съ Англією.

Связный рассказъ по англійской исторіи долженъ быть законченъ изложеніемъ итога всей борьбы XVI—XVII вв. Борьба партій при Аннѣ, какъ и ея внѣшняя политика должны быть изложены при войнѣ за Испанское наслѣдство. Новый связный отдѣлъ по исторіи XVIII в. долженъ быть начать съ Ганноверской династіи. У Иловайскаго въ примѣчаніи при рассказѣ о Вальполѣ данъ очеркъ парламентскаго правленія черезъ отвѣтственныхъ министровъ и смѣну партій, какъ оно выработалось только къ концу XVIII в.; поэтому выходить, какъ будто все это достигнуто революціей 1688 г. Въ противоположность Иловайскому система подкупа при Вальполѣ, затѣмъ борьба Чатама противъ Вальпола и, наконецъ, утвержденіе въ министерствѣ Патта Младшаго должно быть изложено, какъ процессъ утвержденія парламентскаго правленія съ отвѣтственными министрами и смѣной партій въ противоположность интригамъ которій или личной политикѣ двора. Соотвѣтственно этому предлагается слѣдующая схема.

Георгъ I и Георгъ II. Выработка правленія партій (cabinet, а не privy council). Робертъ Вальполь. „Nomination boroughs“. „Revolution families“. Подкупъ въ парламентѣ съ цѣлью установить связь между министерствомъ и большинствомъ въ парламентѣ. The Patriots (Вальполь стремится создать большинство министерское, а патриоты—министерство большинства!) Семилѣтняя война. Pitt въ парламентѣ и министерствѣ. Завоеваніе Канады. Столкновеніе Англичанъ и Французовъ въ Индіи (Clive, 1757).

Георгъ III. Личная политика короля (Письма Юніуса). Въ 1776 г. дозволено печатать парламентскіе дебаты. Отношеніе къ американскимъ колоніямъ. Stamp Act. Duties on tea и т. д. Столкновеніе въ Бостонѣ. Declaration of Independence. Франція и Испанія внѣш-

ваются въ войну. Миръ 1783 г. 1). Процессъ Ворренъ Гастингса. (ораторы) Питтъ Младшій въ министерствѣ (1784—1801 и 1804—6). Подъ вліяніемъ „Wealth of Nations“ торговый договоръ съ Франціей. Тщетныя усилія провести билль о реформѣ и борьба противъ торга неграми. Положеніе Питта во главѣ министерства и парламента въ единодушій съ королемъ и народомъ во время борьбы съ революціей и Наполеономъ—апогей парламентскаго правленія. Возстаніе въ Ирландіи и введеніе ирландцевъ въ парламентъ (1801 г.). Въ заключеніе XVIII в. долженъ быть данъ очеркъ парламентскаго правленія черезъ смѣну партій и отвѣтственныхъ министерствъ. Затѣмъ внѣшняя политика Англіи до 1815 г. можетъ быть отнесена къ общему очерку Наполеоновской эпохи (Питтъ Младшій, Каслри, герцогъ Веллингтонъ и т. д.). XIX в. по отдѣлу Англіи слѣдуетъ начать тѣми социальными вопросами (Ирландія, реформа парламента), разрѣшеніе которыхъ было въ концѣ XVIII в. задержано французской революціей, борьбой съ Наполеономъ и духомъ реакціи внутри. Борьба съ этой реакціей и оживленіе социальныхъ вопросовъ—исходный пунктъ въ изложеніи XIX вѣка.

Для перехода въ XIX в., какъ введеніе къ отдѣлу Англіи, долженъ быть данъ въ связи съ ученіемъ Адама Смита (1776 г.) цѣльный очеркъ того экономическаго и социальнаго переворота (Industrial Revolution), который уничтожилъ yeomanry, создалъ въ Англіи пролетаріатъ (inclosure и выселеніе), превратилъ Англію изъ земледѣльской въ промышленную, поднялъ третье городское сословіе на степень крупной политической силы. Напримѣръ, дальнѣйшее развитіе шерстяной и металлической промышленности, начало хлопчатобумажной. Населеніе растетъ въ сѣверной Англіи, гдѣ рудники жѣлѣза и каменнаго угля; тамъ вырастаетъ Ливерпуль, Манчестеръ, Бирмингамъ, Лидсъ, Шеффилдъ, Гуль и т. п. Напротивъ, ростъ населенія въ южной земледѣльской Англіи останавливается и увеличивается число „гнилыхъ мѣстечекъ“. Въ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности вводятся машины и раздѣленіе труда. (Напр. Spinning-jenny, патентъ Hargreaves 1770 г.; water-frame Arkwright; self-acting mule Kelly 1792 г.; патентъ James Watt—1769 г.; Powerloom, патентъ Cartwright 1783 г. и т. п. Особенно же раздѣленіе труда). Необходимость сбыта (колоніи, внѣшняя торговля). Этотъ очеркъ составить введеніе въ исторію XIX в. съ его социальными вопросами. Анализъ этихъ вопросовъ особенно удобно сдѣлать при

*) Схема по Американской исторіи не входила въ задачи работы, а потому отношеніе къ Америкѣ указано здѣсь, только какъ конституціонный вопросъ для Англіи.

разборъ вопроса о хлѣбныхъ законахъ и законахъ о бѣдныхъ. Въ виду всего этого предлагается слѣдующая схема.

Георгъ IV. Принципы Каннинга во внѣшней политикѣ (въ противоположность Касльри) и Пила во внутренней (реформа уголовныхъ законовъ въ духѣ Romilly). О'Коннель. Веллингтонъ и эмансипація католиковъ. Россель. Шоссе и дилижансы. Желѣзныя дороги. Байронъ и Греція.

Вильгельмъ IV. Лордъ Грэй, лордъ Россель и билль о реформѣ (сопротивленіе Верхней Палаты, митинги). Въмѣсто Виговъ и Тори—либералы и консерваторы. Освобожденіе негровъ въ Вестъ-Индіи. Реформа Poor-law.

Викторія. Тяжелое положеніе народа вслѣдствіе Corn-law. Недостатокъ надзора за фабричнымъ и ремесленнымъ трудомъ. „The People's Charter“: 1) Всеобщая подача голосовъ; 2) равные выборные округа; 3) тайная подача голосовъ; 4) годичный Парламентъ; 5) не надо ценса для того, чтобы быть выбраннымъ; 6) вознагражденіе членамъ парламента. При хартіи надо указать, какіе §§ еще не осуществились. Волненія чартистовъ. Penny—Postage. Anti—Corn-law league (Кобденъ и Брайтъ). Ирландскій картофельный голодъ и отмена хлѣбныхъ законовъ (Положеніе Пила). Петиція чартистовъ. Восстаніе въ Индіи. Дизраели и Гладстонъ (для характеристики партій въ новой группировкѣ—второй билль о парламентской реформѣ и реформа въ Ирландіи). Внѣшняя политика обѣихъ партій, въ особенности отношеніе къ Восточному вопросу.

Донесенія папскихъ нунціевъ изъ Германіи въ XVI в.

Н. Н. Любавича.

Болѣе полутора уже привлекаютъ особенное вниманіе историковъ итальянскіе архивы и библіотеки. Это вполне понятно въ виду того, что въ силу своеобразныхъ условий своей исторической жизни нѣкоторые итальянскіе города и государства собирали подробныя свѣдѣнія обо всемъ, касавшемся тѣхъ странъ, съ которыми они находились въ сношеніяхъ. Донесенія венеціанскихъ пословъ доставили историкамъ интересный матеріалъ относительно внутренней и въ особенности экономической жизни различныхъ государствъ, и не мало ученыхъ, а въ томъ числѣ и Леопольдъ фонъ-Ранке, обязаны имъ многими страницами своихъ изслѣдованій. Неудивительно, поэтому, что не только итальянцы, но и другія націи поспѣшили приняться за изданіе донесеній итальянскихъ пословъ, касающихся ихъ исторіи. Но такъ какъ эти донесенія составляютъ лишь бѣглый сводъ всего того, что посолъ узналъ о томъ или другомъ государствѣ во время своего пребыванія въ немъ, то въ послѣднее время историки обратились къ изученію самихъ депешъ, отправлявшихся представителями Венеціи своему правительству, такъ какъ изъ нихъ можно извлечь еще болѣе интересныхъ историческихъ данныхъ. Вѣнская академія наукъ предприняла даже теперь изданіе всѣхъ депешъ венеціанскихъ пословъ, хранящихся въ тайномъ государственномъ архивѣ столицы Австріи ¹⁾. Къ важнымъ источникамъ для ознакомленія съ прошлымъ

¹⁾ Venetianische Depeschen vom Kaiserhofe (Dispacci di Germania). Herausgegeben von der historischen Commission der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Erster Band. Wien. 1889. Въ введеніи къ этому изданію сообщаются свѣдѣнія относительно всѣхъ отдѣльных помысловъ, дѣлавшихся ранѣе, надать тѣ или другія депешы венеціанскихъ пословъ.

исторіей Европы, доставляемымъ Венеціей, стали вскорѣ присоеди-
няться и многіе другіе также итальянскаго происхожденія. Энергич-
ная работа по приведенію въ порядокъ архивовъ и библіотекъ, на-
чавшаяся въ Италіи со времени ея объединенія, сдѣлала доступною
массу важныхъ матеріаловъ по исторіи многихъ европейскихъ госу-
дарствъ даже въ такихъ городахъ, о которыхъ думали, что они могутъ
доставить лишь нѣчто интересное развѣ только по мѣстной исторіи ¹⁾.
Не смотря, однако, на весь интересъ и важность для историковъ
итальянскихъ архивовъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравняться
съ богатствами римскихъ, а въ особенности тайнаго ватиканскаго
архива (*archivio segreto vaticano*). Поэтому, когда папа Левъ XIII
открылъ его для занятій, то это было истинъ торжествомъ въ уче-
номъ мірѣ. До этого времени сравнительно лишь очень небольшое изъ
неисчерпаемыхъ историческихъ сокровищъ ватиканскаго архива стало
достояніемъ науки и то болѣе случайно. Нѣсколько сборниковъ до-
кументовъ было издано чиновниками, состоявшими при архивѣ, а
также кое-что было опубликовано тѣми немногими посторонними ли-
цами, которымъ удалось проникнуть въ него послѣ долгихъ хлопотъ и
ходатайствъ за нихъ. Но всѣ публикаціи документовъ изъ ватикан-
скаго архива увеличивали еще только болѣе сожалѣніе о его недо-
ступности и интересъ къ нему, такъ какъ подтверждали догадки о
его громадной важности для европейской исторіи. Когда же, нако-
нецъ, его двери гостепріимно открылись передъ учеными, то они
устремились въ него изъ всѣхъ концовъ Европы. Не только отдѣль-
ныя лица по собственной инициативѣ предпринимали тутъ научныя
изысканія, но многія правительства стали отправлять сюда цѣлыя
комиссіи для собиранія и разработки историческихъ матеріаловъ ²⁾.
Различные документы, изданные изъ ватиканскаго архива, составляютъ
въ настоящее время уже цѣлую громадную литературу ³⁾. Занимаю-

¹⁾ Хотя итальянскіе архивы находятся далеко еще не всѣ въ должномъ
и желанномъ порядкѣ, и инвентари ихъ, за рѣдкими исключеніями, не
составлены, тѣмъ не менѣе относительно характера хранящихся въ нихъ до-
кументовъ можно часто встрѣтить нѣкоторые указанія въ статьяхъ, посвя-
щенныхъ общему описанію того или другого архива и разбросанныхъ по мѣст-
нымъ итальянскимъ историческимъ журналамъ. Подробный библіографическій
указатель всего, напечатаннаго относительно итальянскихъ библіотекъ, а также
хранящихся въ нихъ рукописей, можно найти у Ottino e Fumagalli. *Bibliotheca
Bibliographica Italica*. Roma. 1889.

²⁾ Подробности относительно этого см. въ моихъ статьяхъ: „Итальянскіе
архивы и библіотеки“. Варшавскій Университет. Извѣстія. 1888 годъ, № 8.
„Ватиканскій Архивъ“. Варшав. Дневникъ. 1888 годъ, №№ 74, 75.

³⁾ Французскіе ученые, и, главнымъ образомъ, члены *École française de
Rome* предпринимали изданіе регестовъ папскихъ буллъ XIII в. и въ настоящее время

щіея новою исторією съ особеннымъ интересомъ обращаются къ донесеніямъ папскихъ нунційевъ, источнику въ высшей степени важному, который по богатству сообщаемыхъ имъ историческихъ свѣдѣній далеко оставляетъ за собою донесенія и депешы венеціанскихъ пословъ. День за днемъ доноситъ нунцій въ Римъ обо всемъ, что онъ дѣлаетъ или предпринимаетъ въ странѣ, куда отправленъ; онъ сообщаетъ о своихъ разговорахъ съ различными высокопоставленными лицами, съ малѣйшими подробностями описываетъ свои отношенія къ нимъ и къ другимъ нужнымъ ему особамъ. Кроме того, онъ прилагаетъ къ своимъ депешамъ копии наиболѣе важныхъ и интересныхъ писемъ къ себѣ, а иногда даже отправляетъ въ Римъ оригиналы. Но нунции не ограничивались только подробнѣйшими сообщеніями о дѣлахъ, имѣвшихъ прямое и непосредственное отношеніе къ ихъ задачѣ. Они не упускали также изъ виду общаго теченія политическихъ и общественныхъ дѣлъ въ государствѣ; а въ силу своего часто особенно благоприятнаго положенія могли легко получать достовѣрныя свѣдѣнія обо всемъ интересовавшемъ ихъ. Имѣя возможность всюду проникнуть, а также имѣя своихъ надежныхъ агентовъ, сообщенія ихъ о политическихъ дѣлахъ представляютъ большой интересъ и часто раскрываютъ закулисную сторону различныхъ событій ¹⁾. Въ виду такого значенія, представляемаго актами нунціатуры, ихъ стараются въ настоящее время сдѣлать по возможности болѣе доступными для пользованія ученыхъ. Такъ для Англіи списываются акты нунціатуры, касающіеся этой страны, лицомъ, специально командированнымъ для этого въ Римъ. Краковская академія наукъ поручила молодымъ ученикамъ, которыхъ она отправляла въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Римъ для собиранія источниковъ по исторіи Польши, заняться также разработкою актовъ нунціатуры. Копіи съ донесеній нунційевъ, отправленныхъ въ Польшу, наравнѣ съ другими матеріалами, извлеченными изъ ватиканскаго архива и другихъ заграничныхъ, хранятся въ краковской академіи наукъ и доступны для пользованія исто-

значительная часть этого труда исполнена ими. Венгерцы издають: „Monumenta vaticana historiam regni Hungariae illustrantia“. Есть даже слухъ, что извѣстный венгерскій ученый Фрашкой имѣетъ въ виду поселиться въ Римѣ и основать тамъ на собственные средства нѣчто въ родѣ венгерскаго историческаго института или школы. Швейцарцы также пользуются ватиканскимъ архивомъ для изученія своего прошлаго и результатомъ этого явились: Bernoulli, Acta pontificum Helvetica. Quellen Schweizerischer Geschichte aus dem päpstlichen Archiv in Rom veröffentlicht durch die hist. und antiquar. Gesellschaft zu Basel. I Bd. 1198—1268. Basel. 1891. Излишне было бы прибавлять, что нѣмцы не мало уже поработали въ этомъ архивѣ.

¹⁾ См. мою статью: „Итальянскіе архивы и бібліотеки“. Варшав. Унив. Извѣстія. 1888 годъ, № 8, стр. 10.

риковъ 1). Въ послѣднее время Германія и Австрія не только озаботились, чтобы акты нѣмецкой нунціатуры были списаны, но взялись и за самое изданіе ихъ. На появленіе въ печати первыхъ томовъ „Nuntiaturreichte aus Deutschland nebst ergänzenden Actenstücken“ мы и намѣрены обратить вниманіе въ настоящей замѣткѣ.

Важность, представляемая ватиканскимъ архивомъ для выясненія многихъ сторонъ прошлой жизни Германіи, была настолько очевидна для Пруссіи, что она, желая идти и во главѣ научнаго движенія нѣмцевъ, посѣщила открыть въ Римѣ особый историческій институтъ (königlich preussisches historisches Institut), на который возложена обязанность разработки и изданія историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ римскихъ, а также другихъ итальянскихъ архивахъ и библиотекахъ 2). Этотъ институтъ, основанный въ 1888 году, находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а непосредственное руководство его трудами принадлежитъ особой комиссіи, избираемой берлинскою академіей наукъ. Историческій институтъ принялся прежде всего за изученіе актовъ нѣмецкой нунціатуры и постановилъ издать ихъ по 1585 годъ, т. е. до правленія папы Григорія XIII включительно, такъ какъ акты нунціатуры Германіи времени папы Сикста V постановило издать нѣмецкое католическое историческое общество Герреса (Görresgesellschaft). Когда члены прусскаго историческаго института въ Римѣ принялись уже за разработку актовъ нѣмецкой нунціатуры XVI столѣтія, то они, къ своему удивленію, узнали, что имъ пришлось столкнуться на одномъ и томъ же полѣ съ занятіями членовъ австрійскаго историческаго института 3). Такъ какъ работы обѣихъ сторонъ подвинулись уже довольно далеко, и никто, повято, не хотѣлъ отказаться отъ предпринятаго труда, то, послѣ долгихъ переговоровъ, оба института пришли, наконецъ, въ 1891 году къ соглашенію, чтобы публикація актовъ нѣмецкой нунціатуры съ 1533 года

1) Проф. Вержбовскій по собственной инициативѣ издалъ депеши Лаурео: Вивенцій Лаурео, мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 1574—1578, и его ненаданные донесенія кардиналу Комскому. Варшава. 1887.

2) Институту вѣнано также въ обязанность оказывать содѣйствіе провинціальнымъ прусскимъ историческимъ обществамъ при собираніи ими матеріаловъ по своей мѣстной исторіи. Результаты дѣятельности института сказались уже и въ этомъ направленіи. Недавно появилось собраніе документовъ по исторіи теперешней познанской провинціи: *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte der in der heutigen Provinz Posen vereinigten ehemals polnischen Landestelle. Im Auftrage des Provinzialausschusses der Provinz Posen in italienischen Archiven und Bibliotheken, vornehmlich dem vaticanischen Archiv gesammelt und herausgegeben von Hermann Ehrenberg. Leipzig. 1892.*

3) Istituto austriaco di studii storici основано было въ Римѣ нѣсколько лѣтъ ранѣе прусскаго института.

по 1585 происходила совместно пруссаками и австрийцами, какъ одно изданіе. При этомъ было рѣшено, чтобы первый и третій отдѣлы донесеній нунціевъ (съ 1533 г. по 1559 г. и съ 1572 г. по 1585 г.) были изданы прусскимъ институтомъ, а второй отдѣлъ (съ 1560 г. по 1572 г.)—австрийскимъ. Такъ какъ это изданіе должно представлять одно цѣлое, то было условлено также, чтобы и внѣшній видъ его былъ совершенно тождественъ, и только относительно внутренняго характера изданія (обработки текста, орфографіи, примѣчаній и т. п.) была предоставлена обоимъ институтамъ полная самостоятельность.

Появившіеся два тома перваго отдѣла донесеній нунціевъ изъ Германіи и одинъ томъ третьяго могутъ служить прекраснымъ образцомъ того, какъ слѣдуетъ издавать историческіе документы ¹⁾. Профессоръ [Вальтеръ Фриденсбургъ, издатель перваго отдѣла донесеній нунціевъ, сообщаетъ въ общемъ введеніи къ нему свѣдѣнія, необходимыя ученому, который пожелалъ бы заняться изученіемъ исторіи Германіи на основаніи этихъ актовъ. Онъ объясняетъ прежде всего, почему свое изданіе начинается съ 1533 г., и указываетъ при этомъ на то, что было уже опубликовано раньше изъ актовъ нѣмецкой нунціатуры до нюрнбергскаго мира 1532 г. включительно. Изъ эпохи перваго десятилѣтія царствованія Карла V были изданы уже ранѣе донесенія нунціевъ Бригеромъ и Баланомъ. Затѣмъ, хотя съ 1530 г. донесенія эти находятся въ довольно большомъ количествѣ, но значительная часть ихъ уже была издана Леммеромъ. Сверхъ того, по мнѣнію автора, эпоха 1530—1532 гг. болѣе близко связана съ предыдущею, и лишь нюрнбергскій миръ 1532 г. слѣдуетъ считать поворотнымъ пунктомъ въ теченіи нѣмецкихъ дѣлъ реформаціонной эпохи. Въ виду всего этого г. Фриденсбургъ счелъ болѣе цѣлесообразнымъ начать свое изданіе съ 1533 г., тѣмъ болѣе, что именно съ этого времени имѣются налицо акты нѣмецкой нунціатуры безъ всякихъ перерывовъ. Далѣе издатель сообщаетъ, какою системою онъ держится при публикаціи донесеній нунціевъ, легатовъ и другихъ представителей папъ въ Германіи. Это не перепечатка одной или нѣсколькихъ рукописей, найденныхъ въ архивѣ, какъ дѣлаютъ сплошь да рядомъ издатели историческихъ документовъ. Нѣтъ, г. Фриденсбургъ собираетъ и въ римскихъ, и другихъ итальянскихъ архивахъ все, касающееся нунціатуры присланнаго папами въ Германію лица;

¹⁾ Nuntiaturberichte aus Deutschland 1533—1559 nebst ergänzenden Actenstücken. Erster Band. Nuntiatoren des Vergerio 1533—1536. Zweiter Band. Nuntiatur des Morone 1536—1538. Gotha. 1892. Nuntiaturberichte aus Deutschland 1572—1585 nebst ergänzenden Actenstücken. Erster Band. Der Kampf um Köln 1576—1584. Berlin. 1892.

онъ издаетъ и инструкціи, данныя нунцію, и полуофіціальную и даже частную переписку его съ членами римской курии и различными выдающимися лицами Германіи, его дневники, счета и разные другіе документы, которые могутъ пройти свѣтъ на совокупность всей дѣятельности нунція. Матеріалъ распредѣляется издателемъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, и документы приводятся дословно. При каждомъ изъ нихъ указанъ архивъ или бібліотека, откуда онъ извлеченъ, и сдѣланы примѣчанія, облегчающія пониманіе текста. Замѣтимъ еще мимоходомъ: эти примѣчанія сдѣланы очень обстоятельно, указываютъ на прекрасное знакомство автора съ предметомъ, котораго касаются депеши, и, кромѣ того, эти послѣднія снабжены массою такихъ указаній, которыя въ высшей степени облегчаютъ внѣшнимъ образомъ трудъ тому, кто ихъ читаетъ. Далѣе авторъ знакомитъ въ своемъ общемъ введеніи съ тѣми принципами, которыхъ онъ держался при транскрипціи документовъ, и говоритъ о матеріалѣ, легшемъ въ основаніе предпринятаго имъ изданія, а также о тѣхъ архивахъ и бібліотекахъ, откуда этотъ матеріалъ извлеченъ. Затѣмъ г. Фриденсбургъ указываетъ на то, кто пользовался уже ранѣе и въ какой мѣрѣ тѣми документами, которые онъ издалъ. Свое общее введеніе онъ заканчиваетъ маленькимъ изслѣдованіемъ относительно начала установленія нунціатуры въ Германіи.

Кромѣ общаго введенія, донесеніямъ cadaго нунція въ отдѣльности издателемъ предпосылается еще всякій разъ особое специальное введеніе, распадающееся въ свою очередь на три главныхъ отдѣла: во-первыхъ, на подробное указаніе всѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, которые легли въ основаніе издаваемыхъ актовъ; во-вторыхъ, на жизнеописаніе даннаго нунція до вступленія имъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ Германіи и, наконецъ, на обычный во всѣхъ хорошихъ изданіяхъ документовъ краткій пересказъ на основаніи ихъ же самихъ о трактующихъ въ нихъ событіяхъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ не только знакомитъ читателя съ главными вопросами, затрогиваемыми въ депешахъ нунція; но, сверхъ того, пріобрѣтаетъ еще особенный интересъ, такъ какъ г. Фриденсбургъ для выясненія того или другаго событія пользуется также и свидѣтельствами другихъ источниковъ и притомъ свидѣтельствами, получающими тѣмъ болѣеій интересъ, что они извлечены впервые изъ архивовъ.

Что касается научнаго значенія этихъ образцово изданныхъ историческихъ матеріаловъ, то оно вполне очевидно. Мы уже говорили выше о характерѣ донесеній папскихъ пословъ. Послѣдніе являются самыми обстоятельными хроникерами историческихъ событій, и притомъ сообщенія ихъ представляютъ не малое преимущество въ томъ отношеніи, что они часто не только были ближайшими очевидцами

разныхъ событій, но кромѣ того и сами играли въ нихъ не послѣднюю роль. Съ изданіемъ актовъ нѣмецкой нунціатуры станетъ возможнымъ болѣе вѣрное и всестороннее изображеніе исторіи реформаціонной эпохи, такъ какъ до сихъ поръ главными источниками для нея были свидѣтельства, шедшія изъ протестантскаго лагеря. Понятно, что въ силу этого обстоятельства освѣщеніе многихъ событій было крайне одностороннимъ, а также обращалось мало вниманія на дѣятельность католической партіи въ Германіи. Не мало свѣта проливаютъ донесенія нунціевъ и на вопросы, почему часть Германіи осталась католическою, а также на нѣкоторыя внутреннія пружины хода событій въ реформаціонную эпоху. Католическая историографія въ Германіи стала оживать въ послѣднія два—три десятилѣтія и обратила, понятно, вниманіе на вопросы, которые ее особенно задѣвали за живое. Со времени появленія исторіи нѣмецкаго народа Янсена полемика между протестантскою и католическою историческими школами сильно обострилась и, если она обнаружила несомнѣнную тенденціозность католическихъ историковъ, то въ то же время показала и большую партійность протестантскихъ. Изданіе католическихъ источниковъ по исторіи реформаціоннаго періода несомнѣнно должно благоприятно повліять на устраненіе прежней односторонности въ протестантской историографіи, и берлинская академія наукъ оказала безспорно большую услугу наукѣ, взявши въ свои руки изданіе актовъ нѣмецкой нунціатуры.

Вышедшій первый томъ третьяго отдѣла донесеній нунціевъ озаглавленъ: „Der Kampf im Köln 1576—1584“ и обработанъ г. Ганзенемъ. Не смотря на то, что этотъ томъ специально посвященъ изданію документовъ римской курии по исторіи такъ называемой кельнской войны, тѣмъ не менѣе онъ составляетъ, по словамъ предисловія, нераздѣльное цѣлое со всѣмъ изданіемъ. Въ своихъ донесеніяхъ нунціи, которые были посылаемы въ Кельнь съ 1577 года по дѣламъ этого архіепископства, должны были въ силу своихъ обязанностей и характера самого возложеннаго на нихъ порученія касаться общаго состоянія государственныхъ дѣлъ въ Германіи, положенія епископствъ и монастырей, борьбы въ Нидерландахъ и другихъ тому подобныхъ вопросовъ. Правда, обо всѣхъ этихъ дѣлахъ вышеупомянутые нунціи говорятъ болѣе мимоходомъ, смотря по тому, насколько они ихъ касались и могли интересоваться въ данный моментъ; но тѣмъ не менѣе сообщенія ихъ относительно разныхъ германскихъ дѣлъ въ эпоху католической реакціи,—сообщенія часто очень важныя, должны получить особенную цѣну, когда и донесенія прочихъ нунціевъ въ Германіи будутъ опубликованы.

Г. Ганзенъ предпосылаетъ первому тому издаваемыхъ имъ ис-

точниковъ по исторіи кельнской войны обстоятельное предисловіе, въ которомъ онъ не только дѣлаетъ очеркъ избранія и утвержденія Гергарда Трухзеса архіепископомъ кельнскимъ, а затѣмъ его отпаденія отъ католической церкви и выбора на его мѣсто герцога Эрнеста баварскаго (сына покойнаго герцога Альбрехта V); но, кромѣ того, онъ даетъ довольно обстоятельную характеристику положенія католической церкви въ Германіи при вступленіи на папскій престолъ Григорія XIII и говоритъ о заслугахъ его въ борьбѣ съ нѣмецкимъ протестантизмомъ. Г. Ганзенъ указываетъ на тѣ средства, какими папы боролись съ послѣднимъ, и находитъ, что успѣхи католицизма свазались первоначально въ области внѣшней, политической, т. е. въ дѣлѣ укрѣпленія папскаго авторитета въ Германіи, въ противодѣйствіи новымъ переходамъ въ протестантизмъ и въ усиленіи католической партіи. Что же касается внутреннихъ успѣховъ католицизма, т. е. дѣла реформы церкви, то она подвигалась далеко [не такъ быстро.

Самые акты по исторіи кельнской войны, издаваемые г. Ганzenомъ, хотя освѣщаютъ, главнымъ образомъ, только одинъ изъ эпизодовъ католической реакціи въ Германіи, тѣмъ не менѣе они доставляютъ въ то же время богатый матеріалъ и для выясненія характера этого движенія во всей его цѣлости. Эти акты позволяютъ ознакомиться поближе съ системою борьбы римской курии съ своими религіозными противниками, съ мѣрами, къ которымъ она прибѣгала, и съ средствами, которыми располагала. Энергія, предусмотрительность, доходящая до дерзости смѣлость составляютъ характерную черту исполнителей повелѣній и постановленій папской курии. Реставрацію католицизма въ Кельнѣ г. Ганзенъ прямо приписываетъ Григорію XIII и отвергаетъ господствовавшее мнѣніе, будто избраніемъ въ кельнскіе архіепископы вмѣсто низложеннаго Гебгарда Трухзеса Эрнестъ баварскій обязанъ своему брату, герцогу Вильгельму.

Что касается самихъ актовъ, то они изданы такъ же тщательно и по тому же образцу, какъ и документы перваго отдѣла донесеній нунціевъ. Въ приложеніи къ нимъ г. Ганзенъ напечаталъ маленькое изслѣдованіе объ учрежденіи постоянной нунціатуры въ Кельнѣ, а также біографію Минучіо Минучи, игравшаго не послѣднюю роль въ кельнскомъ дѣлѣ, и его мемуаръ о религіозномъ вопросѣ въ Германіи (*Stato della religione d'Alemagna, pericoli che soprastanno erimedi*), относящійся къ 1588 году.

Судя по изданнымъ г. Ганzenомъ документамъ, надо думать, что третій отдѣлъ донесеній нунціевъ изъ Германіи будетъ источникомъ первостепенной важности по исторіи католической реакціи.

Пользуясь настоящею замѣткою, я не могу не обратить вниманія

на необходимость и для насъ заняться разработкою матеріаловъ, хранящихся въ итальянскихъ архивахъ и касающихся русской исторіи. Всѣ, предпринимавшіе тамъ какія-либо розысканія съ этою цѣлью, не могли пожаловаться на то, что потратили время напрасно. Стоитъ лишь припомнить, какую массу интереснаго матеріала доставляютъ тургеневскіе „Monumenta“. Всѣ монографіи г. Пирлинга, основанныя на источникахъ, хранящихся преимущественно въ римскихъ архивахъ и библіотекахъ, встрѣчаются съ большимъ интересомъ русскимъ ученымъ міромъ ¹⁾. Но матеріалы по русской исторіи еще далеко не исчерпаны въ итальянскихъ архивахъ, а въ ватиканскомъ и другихъ папскихъ почти не тронуты. Занимаясь зимою 1887 года въ тайномъ ватиканскомъ архивѣ и нѣкоторыхъ иныхъ римскихъ, я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что интересующихся въ особенности западно-русскою исторіею тамъ ждетъ богатая добыча ²⁾. Поэтому осуществленіе проекта объ устройствѣ въ Римѣ русскаго историко-археологическаго института могло бы дать толчокъ разработкѣ тѣхъ матеріаловъ ватиканскаго и другихъ архивовъ, которые могутъ насъ наиболѣе интересовать.

Варшава. 3 февраля 1893 г.

¹⁾ О лицахъ, работавшихъ уже и издававшихъ матеріалы по русской исторіи изъ итальянскихъ архивовъ и библіотекъ, см. въ капитальномъ трудѣ проф. В. С. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи“, томъ I, книга вторая, стр. 1434 и слѣд.

²⁾ Нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи можно найти въ моей статьѣ: „Итальянскіе архивы и библіотеки“. Вар. Унив. Изв. 1888 годъ, № 8.

Къ исторіи эллино-іудейскаго просвѣщенія въ Александріи.

С. В. Лурье.

Сохранились извѣстія ¹⁾, что съ незапамятныхъ временъ между Египтомъ и Палестиною существовали частныя воинственные и мирныя сношенія. Тѣ и другія были сопряжены съ добровольными и насильственными переселеніями изъ одной страны въ другую, и въ Египтѣ такимъ образомъ постепенно создавалась еврейская колонія. Кромѣ этихъ спорадическихъ переселеній, мы знаемъ о двукратной массовой иммиграціи евреевъ въ Египетъ. Первая ²⁾ совершилась послѣ разрушенія перваго храма, вторая ³⁾—при Александрѣ Македонскомъ. Когда Александръ былъ въ Іерусалимѣ, то предложилъ евреямъ участвовать въ его походѣ на Египетъ, обѣщавъ имъ неприкосновенность ихъ обычаевъ и вѣры. Многіе изъ принявшихъ это предложеніе остались затѣмъ въ Египтѣ и поселились преимущественно въ новооснованной Александріи. Послѣдняя, ставъ, благодаря своему необыкновенно выгодному географическому положенію, всемірнымъ культурнымъ центромъ, между иными переселенцами привлекала къ себѣ и евреевъ, число которыхъ тамъ все болѣе возрастало и достигло къ I в. одного миліона. Хотя не всѣ правители изъ династіи Птолемеевъ относились къ евреямъ дружелюбно ⁴⁾, тѣмъ не менѣе за три столѣтія ихъ вла-

¹⁾ I Reg. IX, 16; X, 28; XI, 1. II Reg. XVIII, 21; XXIII, 35; Zachar. X, 10; Jes. XIX, 18, 20.

²⁾ Ierem. XLIII, 3—8; XIV, 17; XXVI, 21.

³⁾ Ioseph., Antiqu. XI, 8, 5, ibid. XIX, 5, 2, Contr. Ap. II, 4.

⁴⁾ При первыхъ трехъ Птолемахъ (323—221 до Р. X. Cp. Ioseph. Ant. I. c., Contra Apionem I. c.), стремившихся создать прочную опору своей власти въ пришломъ населеніи Македонянъ и Іудеевъ, положеніе послѣднихъ въ Египтѣ

историч. обозрѣніе, т. VI.

дичества еврейская колонія въ Египтѣ вообще, и въ частности въ Александріи, достигла значительнаго процвѣтанія ⁵⁾. Въ торговлѣ и ремеслахъ евреи не отставали отъ языческаго населенія и въ кипучей жизни Александріи заняли видное мѣсто ⁶⁾. Во II в. до Р. X. съ разрѣшенія Птолемея Филогетора въ Геліополѣ, близъ Александріи, первосвященникомъ Оніемъ, бѣглецомъ изъ Палестины, былъ выстроенъ храмъ на подобіе Іерусалимскаго. Самъ Оній былъ назначенъ первосвященникомъ, а затѣмъ и этнархомъ, т.-е. главою еврейской общины въ Александріи ⁷⁾.

Внутреннее устройство общины было совершенно самостоятельно: сборъ податей, отправленіе суда и разработка оффиціального, обязательнаго комментарія къ правовымъ и религіозно-обрядовымъ нормамъ еврейскаго законодательства (Halacha), лежали на обязанности выборныхъ изъ общества, а затѣмъ на обязанности постояннаго учрежденія — синедріона или герусія ⁸⁾. Птолеемъ VI Филогеторомъ было даровано Онію званіе Арабарха, связанное съ правомъ самостоятельнаго управленія областью Геліополисъ (назв. Оніонъ), а затѣмъ съ правомъ надзора за александрійскимъ портомъ и собираніемъ пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ ⁹⁾. Последнее дало возможность Арабархамъ

было настолько хорошо, что это время не безъ основанія считается ихъ золотымъ вѣкомъ. При Птолемѣ Филогаторѣ (221—204) Іудеи подверглись сильнымъ гоненіямъ какъ со стороны царя, такъ и со стороны мѣстнаго египетскаго населенія (подр. см. III Маккав.). Всгдѣ за благопріятнымъ для евреевъ царствованіемъ Птолемея Филогетора (181—145) съ Еввергета II Фисконъ (145—118) для евреевъ опять настали черные дни. При первыхъ двухъ цезаряхъ евреи въ Египтѣ пользовались гражданскимъ равноправіемъ и полною свободою въ исповѣданіи своей вѣры.

⁵⁾ Ср. Graetz, *Gesch. der Juden* IIIa 323—340, IIIb, 369—402, Herzfeld, *Gesch. d. Volkes Israel vom II. Temp. bis Simon*. II, 438—533.

⁶⁾ Philo, *Adv. Flacc.* II, 525 (здѣсь и ниже мы цитируемъ Филона по изданію Mangey, London 1742, въ двухъ фоліантахъ) упоминаетъ о еврейскихъ купцахъ, морякахъ, ремесленникахъ и т. д. О евр. ремесленникахъ см. Любопыт. указ. въ Талмудѣ: *Succa* 51b, прив. у Herzf. II, 445.

⁷⁾ *Ioseph. Antiqu.* XIV, 7, 2. Καθίσταται δὲ καὶ ἐθνάρχης αὐτῶν, ὃς διοικεῖ τὸ ἔθνος καὶ διατὰ κρίσεις καὶ συμβολαίων ἐπιμελεῖται καὶ προσταγμάτων, ὡς ἂν πολιτείας ἀρχὸν αὐτοτελοῦς.

⁸⁾ Указ. источн. см. у Herzfeld'a II, № 63, S. 527 sq. Для сравненія палестинскаго толкованія съ александрійскимъ см. сопоставленіе отдѣльных вопросовъ у Ritter'a, *Philo und die Halacha*, 1879. Авторъ, благодаря крайней узости поставленной имъ себѣ задачи, не вполне могъ воспользоваться собраннымъ имъ же матеріаломъ. Интересной работа могла бы быть тогда, еслибы авторъ вмѣсто поисковъ, часто неудачныхъ, за общими чертами палестинск. и александр. Галахъ, освѣтилъ бы съ точки зрѣнія особенностей быта александрійскихъ евреевъ разногласія между ними.

⁹⁾ Объ арабархахъ см. у Graetz'a IIIb, № 4 и статью Schürer'a въ *Jahrb. f. wissensch. Theologie*.

накопить значительныя богатства и такимъ образомъ стать и въ имущественномъ отношеніи во главѣ многочисленнаго и богатаго еврейскаго населенія Александріи. Какъ велика сравнительно была тамъ численность евреевъ, можно судить по тому, что изъ пяти частей, на которыя былъ раздѣленъ городъ, двѣ были заняты исключительно евреями, а въ остальныхъ они жили наряду съ языческими населеніемъ¹⁰⁾. Благодаря удаленности отъ еврейскаго центра въ Палестинѣ и постояннымъ тѣснымъ сношеніямъ съ мѣстнымъ населеніемъ, евреи Александріи стали мало-по-малу осваиваться съ греческою культурою, перенимать языкъ, отчасти нравы александрійскихъ грековъ, и такимъ образомъ сдѣлались причастными къ тому сильному умственному движенію, которое сосредоточилось въ Александріи. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, евреи не ограничились однимъ пассивнымъ перениманіемъ чужого, но съ своей стороны вносили продукты своего творчества въ обще-эллинскую сокровищницу. То, что александрійскіе евреи создали въ эпоху, непосредственно предшествовавшую началу христіанской эры, оказало огромное вліяніе на послѣдующее развитіе какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго просвѣщенія и заслуживаетъ поэтому самаго внимательнаго изученія. Какъ ни много сдѣлано для разъясненія еврейско-александрійской эпохи христіанскими и еврейскими теологами и историками, я думаю, что еще одна попытка освѣтить ее на основаніи источниковъ врядъ ли будетъ лишней.

Первымъ изъ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ еврейско-александрійской эпохи безспорно является переводъ пятикнижія Моисея, или такъ называемый переводъ семидесяти толковниковъ (*οἱ ἑβδομήκοντα*, *Septuaginta interpretes*). Личности переводчиковъ, мотивы, побудившіе ихъ предпринять свой трудъ, не выяснены достаточно¹¹⁾. Т. н. Посланіе Аристеея передаетъ объ этомъ слѣдующее: Димитрій Фалерейскій, бібліотекаръ Птолемея II Филадельфа (285—246 до Р. Х.) обратилъ его вниманіе на то, что въ его бібліотекѣ недостаетъ греческаго перевода еврейскихъ священныхъ книгъ. Птолемей по настоянію Димитрія отправилъ посольство (въ которомъ участвовалъ Аристей, отъ лица котораго ведется разсказъ) къ первосвященнику Елеазару съ просьбою послать переводчиковъ, способныхъ съ успѣхомъ выполнить трудную задачу; Елеазаръ выбралъ по шести чело-вѣкъ съ каждаго колѣна, всего 72, которые въ 72 дня окончили

¹⁰⁾ Philo, l. c. τούτων (τῶν πάντε μερῶν) δύο Ἰουδαῖοι λέγονται διὰ τὸ πλείστοις Ἰουδαῖοις ἐν ταύταις κατοικεῖν οἰκοῦσι δὲ καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις οὐκ ὀλίγοι σποράδες. Ср. также изв. у Ioseph. Antiqu. XIV, 7, 2.

¹¹⁾ О происхожд. LXX см. соч. Франкеля: *Vorstudien zu den Septuaginta*, с. I, 5—61, Graetz IIIb № 2 и Schürer *Geschichte des Volkes Israël im Zeitalter Jesu Christi*, vol. II, 697—706; здѣсь же подробныя литературныя указанія.

переводъ пятикнижія. Въ настоящее время всѣми безъ исключенія признана подложность Аристеева посланія и легендарность передаваемого имъ извѣстія. Полагаютъ, что переводъ возникъ постепенно, дѣлался въ разное время разными лицами, по мѣрѣ того, какъ оригиналъ, читавшійся по субботамъ въ александрійскихъ синагогахъ, дѣлался все менѣе и менѣе понятнымъ эллинизированной публикѣ. Весьма возможно, что окончательная редакція перевода, сведеніе и согласованіе отдѣльных частей послѣдовали по повелѣнію какого-нибудь Птолемея ¹²⁾, и что это послужило основаніемъ для переданной легенды. Что касается внутренней стороны перевода, то онъ не отличается ни чистотою языка, ни буквальною вѣрностью подлиннику. Отступленія отъ еврейскаго текста часты, но въ большинствѣ случаевъ не преднамѣренны. Въ литературѣ довольно распространено мнѣніе, что переводчики не только не передали точный смыслъ еврейской библии, но и искажали его, внося въ переводъ совершенно чуждыя подлиннику идеи и воззрѣнія. Такъ, Daehne ¹³⁾ проводитъ ту мысль, что въ переводъ тенденціозно внесены религіозно-философскія идеи, находимыя нами два столѣтія спустя у аллегористовъ, въ частности въ сочиненіяхъ Филона. Не имѣя возможности подробно разобратъ здѣсь всѣ доводы Daehne ¹⁴⁾, замѣтимъ лишь, что самый спо-

¹²⁾ Я только такимъ образомъ считаю возможнымъ объяснить данныя, приводимыя Гретцомъ l. c. и отчасти Франкелемъ (op. cit. 25 sq.). Одно изъ цитируемыхъ Гр. мѣстъ (Mass. Sofer Tora Soferim I. 7) гласитъ: „день, когда пятью старцами была переведена на греческій из. Тора для царя Птолемея, былъ днемъ печали у евреевъ (вѣроятно въ Иудеѣ), какъ будто сдѣланъ былъ золотой телецъ, ибо Тора не можетъ быть точно переведена“. Что преданіе о Птолемеѣ здѣсь не заимствовано изъ же-Аристеева видно по числу переводчиковъ. Съ разныхъ сторонъ дошедшія до насъ свѣдѣнія объ особенномъ отношеніи одного изъ Птолемеевъ къ переводу семидесяти должно въ основаніи своемъ имѣть историческій фактъ (мнѣніе Гретца, что заказывалъ переводъ библии не Птоломей Филадельфъ, а Птоломей Филометоръ, недостаточно обосновано и не можетъ быть принято). Для нашей настоящей цѣли, впрочемъ, вопросъ о происх. LXX не имѣетъ рѣшающаго значенія; несомнѣнно то, что съ заключеніемъ перевода и съ распространеніемъ его среди африканскихъ евреевъ начинается новая эра въ исторіи эллино-іудейскаго просвѣщенія.

¹³⁾ Daehne, *Geschichtliche Darstellung der jüdisch-alexandrinischen Religionsphilos.*, т. II, стр. 1—72.

¹⁴⁾ Приведемъ нѣкоторые примѣры его аргументаціи. Gen. I, 2 гласитъ: *וְהָאֵרֶץ חֹשֶׁךְ וְהָאֵלֶּהֶם רָחֹק וְהָאֵלֶּהֶם רָחֹק* „Александрійцы, говоритъ онъ (стр. 11—12), объясняютъ эти слова согласно съ своимъ састомомъ, что до сотворенія міра существовалъ невидимый образъ міра (идея въ Платоновскомъ смыслѣ) и съ другой стороны подчиненная масса, изъ которой долженъ былъ быть созданъ реальный міръ. Сравненіе греч. перев. со словами подлинника: *tohu wawohn* съ очевидностью (!) доказываетъ, что переводчики придерживались тѣхъ же во-

собъ его аргументаціи совершенно неправиленъ. Внесеніе въ переводъ чуждыхъ библіи идей онъ доказываетъ тѣмъ, что подбираетъ подобныя выраженія и обороты въ LXX и у Филона и толкуетъ ихъ соотвѣтственно съ ученіемъ послѣдняго. Между тѣмъ для каждаго непредубѣжденнаго изслѣдователя должно быть до очевидности ясно, что порядокъ заимствованія былъ противоположенъ тому, какой предполагаетъ Daehne: не переводчики внесли обороты и выраженія Филона въ LXX, а изъ послѣдняго заимствовала ихъ школа комментаторовъ-аллегористовъ и придала имъ особый смыслъ и значеніе въ своей системѣ. Выше мы сказали, что уклоненіе отъ подлинника было въ большинствѣ случаевъ не преднамѣренное: оно происходило отъ недостаточнаго знакомства переводчиковъ съ языкомъ предковъ. Но былъ одинъ рядъ случаевъ, когда неточность перевода была результатомъ сознательнаго желанія измѣнить соотвѣтственнымъ образомъ смыслъ текста: это тогда, когда языкъ пятиенижія, по мнѣнію переводчиковъ, недостаточно выражалъ всемогущество и величіе Бога. Развитіе идеи единобожія въ Іудеѣ и очищеніе ея отъ суевѣрій народныхъ міеовъ происходило, конечно, не въ широкихъ народныхъ кругахъ, а въ тѣсной сферѣ книжниковъ-даршановъ (экзегетовъ), особаго класса лицъ, сдѣлавшихъ изученіе торы своей исключительною спеціальностью. Здѣсь не было мѣста свободному философскому изслѣдованію, какъ въ Элладѣ; здѣсь не размышляли и не философ-

арвіи, что и поядн. александрійцы“, и т. д. Въ дѣйствительности, однако, сравненіе перевода со словами: *tohu wowohu* не доказываетъ ничего. Ἀφρατος и ἀχασχεύαστος передаютъ смыслъ *tohu wowohu* настолько близко (Ср. Hebr. und Chald. Wörtl., Levy IV, 688—9, Gesenius, 877), что не могутъ возбудить никакихъ подозрѣній въ существованіи какихъ-нибудь заднихъ мыслей у переводчиковъ. Далѣе, авторъ (стр. 12) останавливается на Genes. II, 9: καὶ ἐξάνετειλεν ὁ θεὸς ἔτι ἐκ τῆς γῆς πᾶν ξύλον, ὡραῖον εἰς ὄραον и т. д. и *ibid.* 19: καὶ ἐπλασεν ὁ θεὸς ἔτι ἐκ τῆς γῆς πάντα τὰ θηρία τοῦ ἀγροῦ. Переводчикъ, по мнѣнію автора, вставилъ слово *ἔτι*, котораго нѣтъ въ текстѣ потому, что раньше, по ихъ мнѣнію, были созданы *идеи* животныхъ, а затѣмъ *еще* и реальные особи. Изъ того, что прибавлено слово *ἔτι* слѣдуетъ лишь то, что переводчики не вполне были точны, но никакъ не то, чтобы въ немъ слѣдовало искать какой-нибудь особенный смыслъ. Дѣло въ томъ, что *ἔτι* значитъ не только „еще“, но и „далѣе“ и въ приведенныхъ мѣстахъ оказывается совершенно на мѣстѣ (Ср. Gen. II, 8: καὶ ἐφάρτευσεν ὁ θεὸς παράδεισον... καὶ ἔθετο ἐκεῖ τὸν ἄνθρωπον... (9) καὶ ἐξάνετειλεν ὁ θεὸς ἔτι (далѣе) ἐκ τῆς γῆς πᾶν ξύλον etc). Точно также невѣрно толкованіе Daehne Genes. II, 5; въ данномъ случаѣ переводчикъ натолкнулся на гебраизмъ (*tehem*—съ *futur.*), который невозможно точно передать по-гречески. Въ переводѣ *thardemah* черезъ *ἐκτασις* Daehne также видитъ подтвержденіе своего мнѣнія, между тѣмъ какъ сравненіе съ Ies. XXIX, 9—10 и Prov. XIX, 15 легко убѣждаетъ въ правильности перевода. Остальные доводы Daehne столь же мало убѣдательны, какъ приведенные.

ствовавши о Богѣ, а изучали Его черезъ священный памятникъ, данный Имъ на Синаѣ. Этотъ процессъ проникновенія въ глубокий смыслъ св. писанія былъ въѣстъ съ тѣмъ процессомъ развитія религиозно-философскихъ идей, процессомъ медленнымъ и тяжелымъ, такъ какъ всякая мысль, родившаяся въ головѣ изслѣдователя, для признанія своего должна была пройти черезъ трудное испытаніе: должно было быть доказано не только ея согласіе съ канонами, но и то, что она уже содержится въ писанномъ или традиціонномъ законѣ. Легкости и свободы, съ какою оперировали абстракціями въ Элладѣ, евреи не понимали и не придавали имъ никакой цѣны, и мы теперь едва можемъ себѣ представить всю трудность, съ какою древніе даршаны доходили до какой-нибудь новой религиозно-философской идеи; она становилась для нихъ новымъ откровеніемъ, окружалась ореоломъ святости и дѣлалась незыблемымъ элементомъ мировоззрѣнія школы. Съ такимъ трудомъ добытое сокровище охранялось отъ всевозможныхъ посягательствъ съ особою ревностью, и благодаря именно послѣдней въ переводѣ семидесяти толковниковъ вторгнулись упомянутыя неточности. Съ какою серьезностью бы переводчики ни относились къ своему труду, они слишкомъ хорошо знали глубину пропасти, отдѣлявшей его отъ подлинника. Не было сомнѣнія въ томъ, что послѣдній есть памятникъ Божественной дѣятельности, что каждое слово въ немъ непреложно-истинно, что измѣненіе малѣйшей юти было бы неслыханнымъ преступленіемъ. Другое дѣло греческій переводъ: по существу своему онъ уже не повтореніе Божьяго слова, а болѣе или менѣе искусная передача его, онъ уже произведеніе чловѣческаго ума и, какъ таковое, не неприкосновенно. То или иное выраженіе текста—совершенно, но соотвѣтственный буквальный переводъ можетъ уже означать другое, уже не совершеннѣе и долженъ быть тогда замѣненъ другимъ, болѣе удачнымъ. Послѣднее практически примѣнялось въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было передавать тѣ мѣста еврейскаго подлинника, въ которыхъ слышны отголоски антропоморфическихъ представленій. Такъ, выраженіе: „они видѣли Бога“—въ LXX переведено: „они видѣли мѣсто, гдѣ стоялъ Господь“ (Exod. XXIV, 10: καὶ εἶδον τὸν τόπον, οὗ εἰστήκει ὁ θεὸς τοῦ Ἰσραὴλ); „онъ видѣть образъ Божій“—переведено: „онъ видѣлъ славу Божью“ (δὶξεν κυρίου εἶδε, Num. XII, 8); „Моисей взомель къ Богу“—„взомель на гору Божью“ (εἰς τὸ ὄρος τοῦ θεοῦ, Exod. XIX, 3); „рука Божья“—„Божья сила“ (δύναμις τοῦ θεοῦ) и ин. др. 15). Уже по мотивамъ,

15) Gfrörer, Philo und die alexandr. Religionsphilos., 8—18, полагаетъ, что изъ 12 случаевъ созерцанія Бога, встрѣч. въ Св. писаніи, переводчики измѣнили текстъ въ 8, а въ остальныхъ 4 оставили его, такъ какъ переносный

побуждавшимъ переводчиковъ устранять антропоморфическія выраженія изъ перевода, легко видѣть, что въ этомъ не было ничего специфически александрійскаго, и что поэтому ошибочно, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, относить зародышъ позднѣйшей еврейско-александрійской философіи ко времени составленія перевода LXX. То обстоятельство, что то же стремленіе устранять антропоморфическія выраженія въ меньшей мѣрѣ замѣтно и въ халдейскомъ переводѣ (т. н. *Targum Onkelos* 16) есть несомнѣнное доказательство того, что развитіе религіозно-философскаго сознанія, выразившееся въ набожномъ искаженіи подлинника, было не специфическимъ плодомъ александрійской культуры, а общей чертой еврейскаго просвѣщенія того времени. Какъ уже было замѣчено, греческій переводъ библіи имѣлъ огромное значеніе въ исторіи религіозной философіи въ Александріи, а слѣдовательно въ исторіи религіозной философіи вообще. Онъ послужилъ основой для дальнѣйшихъ умозрѣній, стремившихся найти въ немъ опору даже тогда, когда по содержанію своему были очень далеки отъ него. На греческомъ переводѣ было основано александрійское синагогальное толкованіе, на почвѣ котораго и возникла позднѣйшая религіозная философія, и набожное уваженіе къ нему все болѣе и болѣе росло, по мѣрѣ того какъ онъ все болѣе и болѣе вытѣснялъ собою еврейскій подлинникъ. Въ болѣе позднее время народная фантазія разукрасила самый фактъ перевода, создала легенду о томъ, что онъ былъ сдѣланъ при помощи божественнаго вдохновенія, при совершенно необычной обстановкѣ и такимъ образомъ упрочила убѣжденіе въ томъ, что по святости и непреложности онъ равенъ еврейскому тексту 17): ко времени Филона ни учителя, толковавшіе библію въ александрійскихъ синагогахъ, ни внимавшій имъ народъ не имѣли понятія о томъ, что подлинникъ во многомъ существенно отличается отъ чтимаго ими перевода.

Здѣсь умѣстно будетъ указать на одну особенность въ отношеніи палестинскихъ евреевъ къ ихъ священнымъ книгамъ, особенность, оказавшую огромное вліяніе на александрійцевъ въ ихъ взглядѣ на греческій переводъ и его отношеніе къ греческой философіи. У палестинскихъ евреевъ сложилось убѣжденіе въ томъ, что не только все,

смыслъ подлинника здѣсь слишкомъ очевиденъ. На самомъ дѣлѣ далеко не всѣ переводчики были проникнуты этимъ желаніемъ и не вездѣ предпринимали аналогичныя измѣненія, какъ это думаетъ Gfrörer. Ср. напр. *Iesaja*, VI, 5: καὶ τὸν βασιλεῖα κύριον Σαβαώθ εἶδον τοῖς ὀφθαλμοῖς. *Job*. XLII, 5: ...ὅτι ἐώρακί σε (sc. κύριον) и др.

¹⁶⁾ Ср. Zunz, *Die Gottesdienstlichen Vorträge der Juden*, S. 66 sq. (2 Aufl. 92) и Siegfried, *Philo v. Alexandrien*, S. 281—282.

¹⁷⁾ Ср. Philo, *De Mose*, II, 139 и посланіе Аристеля.

что содержится въ Св. писаніи, есть истина, но и что всякая возможная истина уже содержится въ немъ и только въ немъ. Задача человѣческаго познанія заключается поэтому не въ изученіи и разгадываніи живой и многообразной природы, не въ апіорномъ теоретическомъ построеніи принциповъ жизни міра, а въ изученіи священныхъ книгъ; въ нихъ уже, какъ готовая, дана разгадка тайнъ бытія, вся доступная человѣку мудрость: ее остается только извлекать посредствомъ изученія и толкованія. Какъ всякій Богъ, кромѣ Іеговы, Бога Израиля,—не есть истинный Богъ, такъ и всякая наука, не заключающаяся въ Св. писаніи, есть лженаука ¹⁸⁾, и наоборотъ: если существуетъ истинное знаніе, то оно могло быть извлечено только изъ Св. писанія. Этимъ объясняется общее всѣмъ дошедшимъ до насъ памятникамъ эллино-іудейской литературы убѣжденіе въ томъ, что всѣ мыслители и поэты древности всей своею мудростью, поскольку она истинна и заслуживаетъ вниманія, обязаны пятикнижью. Гераклитъ, Платонъ, Зенонъ, Гомеръ, Гезіодъ и многіе другіе заимствовали свои ученія и свои образы изъ еврейской Торы ¹⁹⁾! Въ этомъ нельзя видѣть, какъ это нѣкоторые склонны дѣлать, продуктъ одного лишь національнаго тщеславія или недобросовѣстный приемъ, употребляемый для доказательства язычникамъ превосходства еврейской религіи. Это было глубокое убѣжденіе, коренившееся во всемъ духовномъ складѣ древне-еврейской жизни, красной нитью проходящее черезъ всю исторію еврейской культуры въ Іудеѣ и Александріи, убѣжденіе, отголоски котораго слышны и въ настоящее время въ нетронутыхъ общечеловѣческомъ культурою еврейскихъ кругахъ. Много времени должно было пройти и значительную внутреннюю борьбу должно было пережить еврейство, прежде чѣмъ еврейскій умъ эмансипировался изъ-подъ власти этого убѣжденія и наряду съ экзегезой допустилъ возможность независимаго научнаго изслѣдованія.

Переходя къ обзору отдѣльныхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ эллино-іудейской философской литературы, мы прежде всего должны замѣтить, что число ихъ крайне незначительно, и что, за нѣкоторыми исключеніями, опредѣлить съ полною точностью время ихъ появленія не представляется возможнымъ. Есть, далѣе, основаніе

¹⁸⁾ Ср. любопытныя въ этомъ отношеніи замѣчанія Филона о египетской мудрости вообще и въ частности объ астрологическомъ и астрологическомъ.

¹⁹⁾ Ср. напр. отрыв. изъ Аристобула (у Euseb. Praepar. Evangelica. XIII, 12, 1 и VIII, 10): φαεινόν, ὅτι κατηχολούθησαν ὁ Πλάτων τῇ καθ' ἑμᾶς νομοθεσίᾳ. Возможность заимствованія мнимый перипатетикъ объясняетъ тѣмъ, что существовалъ греческій переводъ. Ср. также Philo QORL, 454, De Nom. Mutat. 603. Упомянуты о законѣ противоположностей у Гераклита, Филовъ говорятъ, что это παλαιὸν σύμφωνον Μωσέως ἐστίν. Qu. reg. div. haer., I, 503, De Jud. II и I с.

думать, что многое изъ того, что было написано еврейскими философами въ Александріи, погибло для насъ совершенно, такъ что не дошли до насъ ни имя автора, ни заглавіе труда. То, что осталось,— это отдѣльныя, разрозненныя части, заставляющія предполагать, что были и другія, служившія между ними связью. Воспроизвести поэтому въ подробностяхъ генезисъ философскихъ идей александрійскихъ евреевъ при современномъ состояніи источниковъ — немислимо: мы можемъ лишь судить объ общемъ ихъ характерѣ и направленіи ²⁰⁾, да и то лишь по источникамъ болѣе позднимъ, современнымъ или почти современнымъ Филону ²¹⁾. Эллино-иудейская философія была

²⁰⁾ Религіозно-философскія положенія, изложенныя далѣе, извлечены мною изъ Кн. Мудрости (Sap. Sal.), отрывковъ изъ Аристобула (объ этомъ см. ниже), сохранившихся у Clem. Alexandr. и у Euseb. въ Praeparatio Evangelica (VII, 13, 14, VIII, 6, 8, 10, IX, 6, XIII, 12), и отчасти изъ упомянутого уже посланія Аристея къ Филоклету. Gfrörer и Daehne въ указ. соч. находят слѣды александрійской философіи во 2 и 3 кн. Маккав. Но доводы упомянутыхъ авторовъ, у обоихъ различныя, кажутся мнѣ неубѣдительными. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о величій и всемогуществѣ Бога, конечно очень не трудно найти двѣ-три случайно брошенныя фразы, настолько общія и неопредѣленныя, что можно ихъ согласовать съ какимъ угодно религіозно-философскимъ ученіемъ. Но строить на такомъ сходствѣ самихъ по себѣ незначительныхъ общихъ положеній какую-нибудь теорію—нельзя. Скорѣе можно предположить противное, ибо скудость и неопредѣленность выраженій именно и указываетъ на то, что приписываемыя Gfrörer'омъ и Daehne религіозно-философскія воззрѣнія авторамъ 2 и 3 кн. Маккав. были имъ чужды. Въ частности, приведенныя Gfrörer'омъ (ор. cit. II, 52—60) мѣста изъ II Маккав. III, 24 (ἐκείνου μετὰ τὴν ἐκπαίδευσιν) и аналог. XIV, 15 конечно, никого ни въ чемъ убѣдить не могутъ. Далѣе цитир. имъ III Маккав. II, 14, 16, гдѣ δόξα θεοῦ будто бы полагается отдѣльною отъ Бога (16. ἐπεὶ εὐδόκησας τὴν δόξαν σου ἐν τῷ λαῷ σου Ἰερουσαλὴμ) также не имѣетъ никакого значенія. Въ книгахъ пророковъ мы находимъ подобные обороты въ большемъ числѣ, между тѣмъ никто не вздумаетъ видѣть въ этомъ какое-нибудь специфическое философское воззрѣніе. Ср. также Daehne, II, 182, гдѣ столь же искусственно толкуется II Маккав., III, 38—39 и др. Что касается до отрывковъ, сохранившихся у Александра Полигистора, и иудейскихъ стиховъ изъ Сивиллинъ, то они (особенно послѣдніе), благодаря бѣдности и однообразію ихъ содержанія, могутъ быть оставлены нами безъ разсмотрѣнія. См. Freudenthal, Hellenistische Studien, 1—3.

²¹⁾ По вопросу о подлинности и времени Аристобула я придерживаюсь того мнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ подложнымъ произведеніемъ и притомъ сравнительно поздняго происхожденія. Доводы Целлера (Philos. der Griechen, IIIb, 3 Aufl. 257—264. прим. 2 и сл.), стремящагося доказать подлинность сохранившихся отрывковъ (ср. также Schürer, ор. cit. II, 764), кажутся мнѣ неубѣдительными. Къ тому, что было уже высказано противъ подлинности Аристобула, я могу прибавить еще одно соображеніе, не лишнее, на мой взглядъ, важности для этого вопроса. Въ отрывкѣ у Euseb. Praep. Evangel. VIII, 10 вслѣдъ за приведенной цитатою и объясненіемъ θεῖα στάσις слѣдуетъ объясненіе схожденія Бога съ горы (Exod. XIX, 18). Здѣсь авторъ считаетъ

по преимуществу религіозной философiей; это понятно въ виду того, что было выше сказано объ отношеніи евреевъ къ Св. писанію. Богъ, его отношеніе къ міру и къ людямъ были центральными вопросами, вокругъ которыхъ вертѣлись всѣ умозрѣнія александрійцевъ: все остальное было настолько лишь важно, насколько имѣло къ нимъ отношеніе. Все болѣе и болѣе удаляясь отъ народныхъ вѣрованій, александрійскіе философы и экзегеты, подобно палестинскимъ своимъ братьямъ, главнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы возвеличить идею монотеизма, очистить ее отъ чуждыхъ языческихъ примѣсей и приблизить понятіе о Іеговѣ къ тѣмъ представленіямъ, которыхъ требовало уже весьма развитое религіозно-философское сознание. Прежде всего экзегеты стремились къ тому, чтобы сглаживать антропоморфическія выраженія Торы, которыхъ не могли устранить переводчики, и придать имъ такое толкованіе, при которомъ первоначальный ихъ смыслъ отступалъ бы на задній планъ. „...Ты спросилъ меня, царь,— пишетъ, псевдо-Аристобулъ 22),— почему нашъ законъ приписываетъ божеству (ἐκ τῆς θείας δυνάμεως) руки, плечи, лицо, ноги; и объясню тебѣ все надлежащимъ образомъ, не противорѣча себѣ въ томъ, что и говорилъ раньше. Я хочу напомнить тебѣ, что ты долженъ вѣрно 23) понимать писаніе и сохранить надлежащее понятіе о Богѣ, отказавшись отъ сказочныхъ и неразумныхъ представленій; ибо часто нашъ законодатель заимствуетъ выраженія изъ другихъ областей (ἐφ' ἑτέρων πραγμάτων λόγους ποιούμενος), именно видимыхъ въ то время, когда онъ хочетъ описать великія событія, которыя подъ ними должны быть подразумѣваемы. Люди благомыслящіе удивляются его мудрости и боже-

необходимымъ понимать текстъ буквально: κατὰ βρασις γὰρ αὐτῇ σαφές ἐστι καὶ περὶ τούτων οὐκ οὕτως ἂν τις ἐξηγήσαιο βουλόμενος συντηρεῖν τὸν περὶ θεοῦ λόγον и далѣе при концѣ: ὥστε σαφές εἶναι διὰ ταῦτα τὴν κατὰ βρασις τὴν θεῖαν γεγονέναι, διὰ τὸ τοὺς συνωρῶντας ἐκφαντικῶς ἔχαστα καταλαμβάνειν и т. д. Тонъ этихъ словъ кажется мнѣ полемическимъ. и то, что авторъ считаетъ нужнымъ доказывать (очень непоследовательно) необходимость буквального толкованія, заставляетъ предполагать, что онъ имѣлъ въ виду возраженія противниковъ, шедшихъ далѣе его въ аллегорическомъ толкованіи (Ср. по этому поводу Philo, de decalogo, II, 185). Расцвѣтъ же послѣдняго приходится именно на время Филона, когда это псевдэпиграфическое сочиненіе вѣроятно и было написано. Въ пользу этого предположенія генеритъ также заключительная фраза отрывка: „τὸν δὲ θεὸν ἄνευ τινός δείκνυται τὴν αὐτοῦ διὰ παντός μεγαλειότητα“. Въ словахъ ἄνευ τινός можно безъ натяжки видѣть намекъ на олицетвореніе божественной силы, ученіе, которое процвѣтало въ болѣе позднее время (Ср. Philo, Qu. d. s. immut. τὸ φιλὴν ἄνευ χαρακτῆρος τὴν ὑπαρξιν καταλαμβάνεσθαι).

22) Euseb. Praepar. Evang. VIII, 10. Ср. также Philo, 1 De Somn. I, 665—666.

23) О знач. φυσικῶς λαμβάνειν ср. Heinze, Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie, S. 186.

ственному вдохновенію, благодаря которому его и считают пророкомъ. Къ этому разряду лицъ принадлежать названные мною философы и поэты, заимствовавшіе отъ Моисея много возвышенныхъ идей, благодаря которымъ они сами возбуждаютъ всеобщее удивленіе. Только тѣ, которые не имѣютъ достаточной силы пониманія и *придерживаются* (въ писаніи) *буквально* смысла, не могутъ найти въ немъ ничего истинно великаго. Еслибы мнѣ не удалось выяснитъ истину и убѣдить тебя, ты не приписывай вины этого пророку, а моему неумѣнію излагать его мысли. Руки, продолжаетъ онъ, и у насъ понимаются иногда въ особомъ значеніи. Когда ты, царь, посылаешь слугъ своихъ исполнить что-либо, мы говоримъ, что у тебя сильная рука, хотя подъ этимъ всякій понимаетъ твою силу. Точно также слѣдуетъ понимать Моисея, когда онъ говоритъ: „Властной рукою вывелъ тебя Богъ изъ земли египетской“ и т. д. Очищеніе представленія о Богѣ отъ антропоморфическихъ элементовъ сдѣлало возможнымъ дальнѣйшій прогрессъ религіозно-философской мысли.

На почвѣ еврейской традиціи окрѣпла, далѣе, идея безусловной трансцендентности Бога, отдѣльности его отъ міра и божественнаго управленія послѣднимъ²⁴⁾. Было признано, что видимый матеріальный міръ кореннымъ образомъ отличается отъ міра духа, абсолютно—совершеннымъ выраженіемъ котораго является Богъ. Этотъ дуализмъ матеріи и духа въ той формѣ, въ какой онъ сложился въ еврейскихъ школахъ Александріи, носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды греческаго вліянія²⁵⁾. Если указаніе на ученіе ессеевъ и на мысли, разбросанныя въ книгѣ Kohelet²⁶⁾ и не можетъ служить доказательствомъ того, что этотъ дуализмъ былъ извѣстенъ еврейской традиціи,—то во всякомъ случаѣ вѣрно то, что по тому особому религіозно-нравственному значенію, какое еврейскіе философы въ Александріи придали дуализму матеріи и духа, они не имѣли предшественниковъ въ Греціи. По мѣрѣ того, какъ идея трансцендентности Бога, его безконечнаго превосходства надъ своимъ твореніемъ и абсолютнаго совершенства дѣлалась господствующею догмою,—являлось убѣжденіе въ томъ, что непосредственное познаніе Бога недоступно ограниченной человѣческой природѣ. Но съ другой стороны ученіе о непознаваемомъ абсолютномъ мѣонѣ не могло, конечно, выработаться на почвѣ библейскаго комментарія, у людей, для которыхъ общеніе съ Богомъ было глубокою потребностью сердца, предъ которою блѣднѣла убѣдительность философовъ, добытыхъ путемъ абстрактнаго, логическаго про-

²⁴⁾ Cp. Sap. Sal. VII, 16 и мн. др.

²⁵⁾ Cp. ibid. IX, 15 и др.

²⁶⁾ Kohelet, II, 20—21, XII, 7 и др.

песса мысли. Необходимо было найти какое-нибудь примирение между тѣмъ, во что безусловно вѣрили, и къ чему логически должно было привести положеніе о непознаваемости Бога. Это примиреніе было найдено въ ученіи о посредствующихъ силахъ, или объектированныхъ божественныхъ качествахъ. Ниже, при разсмотрѣніи сочиненій Филона, мы подробнѣе остановимся на этомъ ученіи; теперь же ограничимся общими замѣчаніями. Въ разработкѣ ученія о посредствующихъ между Богомъ и людьми силахъ александрійскіе экзегеты нашли опору въ олицетвореніи Божественной мудрости въ притчахъ Соломона. Мудрость является здѣсь то принципомъ міроваго устройства, то качествомъ Бога, то самостоятельнымъ бытіемъ, истекающимъ изъ Бога, и проникающимъ отчасти въ человѣческую душу. „Мудрость, читаемъ мы въ александрійскомъ памятникѣ, вышла изъ Бога, она—дыханіе Божьей силы, истечение его неподдѣльнаго величія“ 27). Она горда своимъ благородствомъ, ибо съ нею живетъ Богъ (συμβίωσιν θεοῦ ἔχουσα), и владыка вселенной ее любитъ 28). Она „отраженіе (ἀπαύρασμα) вѣчнаго свѣта, чистое зеркало Божьей силы, изображеніе его доброты“. Благодаря „свтому духу мудрости“, сходящему съ небесъ къ людямъ, познаніе Бога дѣлается отчасти возможнымъ 29), и т. д. Черезъ всѣ эти разсужденія, представляющія собою скорѣе поэтическіе образы, чѣмъ философскіе тезисы, несомнѣнно однако проходитъ та мысль, что возможна эманация божественнаго атрибута—мудрости; она то отдѣляется отъ Бога, являясь въ видѣ самостоятельнаго существа, то возвращается вновь къ нему, то какъ нематеріальная субстанція проникаетъ въ человѣка, просвѣтляетъ его и приобщаетъ къ блаженной жизни въ Богѣ. Само собою разумѣется, что Божественное откровеніе и теофаніи служили исходной точкою всѣхъ этихъ разсужденій; они были философскимъ выраженіемъ религіозной истины, скрытой подъ образами и аллегоріями Торы. Въ ученіи о человѣкѣ послѣдовательно проводится дуалистическая точка зрѣнія. Человѣкъ состоитъ изъ брэннаго, переходящаго тѣла и нематеріальной души. Земная оболочка послѣдней есть какъ бы ея темница 30), оковы, стѣсняющія ея свободный полетъ. Безсмертна въ человѣческой душѣ ея лучшая часть, происходящая отъ Бога, проникнутая мудростью. Мудрые, слѣдовательно праведные, бессмертны, и только неразумные могутъ считать уходъ въ лучшій міръ смертью и гибелью 31). Въ вопросѣ о происхожденіи зла авторъ „Мудрости Са-

27) Sap. Sal. VII, 25.

28) Ibid. VIII, 3. Ср. Philo, de Ebrietate, I, 361.

29) Ibid. IX, 17.

30) Ibid. IX, 15.

31) Ibid. II, 2 сл.

момона“ рѣшительно придерживался того мнѣнія, что оно не можетъ причину свою имѣть въ Богѣ, источникѣ одного лишь совершеннаго и добраго. Богъ, говоритъ онъ ³²⁾, не создалъ смерти и не радуется гибели живущаго. Онъ создалъ все для жизни (εἰς τὸ εἶναι). Твореніе міра было спасительно, и въ немъ не было ничего, что произвело бы гибель и царство ада, ибо праведность бессмертна. Безбожные вызвали ее (т.-е. смерть) своими дѣлами и рѣчами. Избравъ ее своимъ другомъ, они исчезаютъ; заключивъ союзъ съ нею, они достойны сдѣлаться ея добычею. Мы не знаемъ, какое собственно было рѣшеніе вопроса у автора, такъ какъ соотвѣтственные мѣста памятника настолько неопредѣленны и туманны, что окончательнаго вывода нельзя сдѣлать. Быть можетъ, что источникомъ зла онъ считалъ матерію, которую Богъ нашелъ уже предсуществовавшей, и изъ которой онъ создалъ міръ ³³⁾; быть можетъ онъ склонялся къ тому убѣжденію, что смерть и съ нею зло вообще вызваны дѣятельностью дьявола ³⁴⁾. Мы знаемъ, что представленіе объ отдѣльномъ отъ Бога зломъ началъ было распространено у ессеевъ, къ которымъ оно проникло вѣроятно изъ Индіи или изъ Персіи. Возможно, что, опираясь на нѣкоторыя данныя изъ библіи ³⁵⁾, оно проникло и далѣе, въ Александрію, гдѣ вытѣснило исконное еврейское убѣжденіе въ томъ, что зло въ міръ ниспосылается непосредственно Богомъ въ наказаніе за человѣческія прегрѣшенія ³⁶⁾.

Какъ уже было замѣчено, религіозно-философскія воззрѣнія вырабатывались въ Александріи не въ средѣ специалистовъ-философовъ, а въ средѣ комментаторовъ св. писанія, главная цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы разъяснить его смыслъ. Эти лица жили въ греческой культурной средѣ, говорили погречески, думали погречески и безсознательно усваивали себѣ стоическія и платоновскія идеи, господствовавшія въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ и до извѣстной степени считавшіяся непреложною истиною. Когда эллинизированный такимъ образомъ комментаторъ подходилъ къ своей задачѣ, отъ являлся уже съ тѣмъ убѣжденіемъ, что идеи, считаемыя имъ истинными, не могутъ не содержаться въ священномъ текстѣ, и должны быть имъ въ немъ открыты. Толкованіе, такимъ образомъ, приобрѣтало особый характеръ: оно безсознательно поставило себѣ цѣлью примирить господствовавшія философскія идеи съ столь чуж-

³²⁾ Ibid. I, 13—16; ср. XI, 25.

³³⁾ Ibid. XI, 18.

³⁴⁾ Ibid. II, 24: Φθόνῳ διαβόλου θάνατος εἰσῆλθεν εἰς τὸν κόσμον.

³⁵⁾ Ср. напр. Levitic. XVI, 8, 10.

³⁶⁾ Exod. XX, 5, Deuteron. XXVIII, 15 сл.

собъ объясненія, или, вѣрнѣе, извращенія объясняемаго текста занимались у грековъ еврейскіе комментаторы въ Александріи. Но была весьма значительная разниа въ отношеніи къ аллегоризму у однихъ и у другихъ. Въ то время какъ греки источникомъ знанія считали умозрѣніе и реальный міръ, который необходимо было изучать и изслѣдовать, евреи, какъ уже было сказано, единственнымъ источникомъ знанія считали Св. писаніе. Греки обращались къ аллегоріи тогда, когда у нихъ были готовы результаты философствованія; у евреевъ процессъ умозрѣнія и аллегоризмъ шли рука объ руку, аллегорія должна была быть орудіемъ, методомъ изслѣдованія. У грековъ существовали двѣ совершенно независимыя другъ отъ друга области: съ одной стороны философія, съ другой—народная религія,—и задача аллегоріи заключалась въ томъ, чтобы примирить результаты первой съ догмами второй; у евреевъ не могло возникнуть и мысли о какомъ-нибудь примиреніи, слѣдовательно, и конфликтъ, между двумя главными сферами духовной жизни: для евреевъ философія, наука, религія были неразрывно другъ съ другомъ связаны, отдѣльно, какъ таковыя, не существовали вовсе, и подъ общимъ именемъ „закона“ сосредоточивались въ священномъ канонѣ, изъ котораго и добывались посредствомъ аллегоріи. У грековъ самое стремленіе примирить философію съ религіею было нѣкоторымъ компромиссомъ, уступкою, которую философы дѣлали господствующимъ вѣрованіямъ, уступкою, исчезнувшей по минованіи въ ней надобности и не оставившею никакого слѣда на дальнѣйшемъ развитіи греческой мысли; у евреевъ же аллегорія удовлетворяла насущной потребности вѣрующихъ и мыслящихъ людей. Въ дѣйствительности, конечно, евреи добывали изъ Св. писанія то, что сами въ него предварительно вносили, и, съ этой стороны, находились, повидимому, въ такомъ же отношеніи къ аллегоризму, какъ и греки; но особенное ихъ отношеніе къ комментируемому тексту не могло не отразиться на характерѣ в значеніи аллегоризма у евреевъ. Онъ вліялъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, какъ ни произвольно было аллегорическое толкованіе, какъ ни шатки были его основанія, непослѣдовательны и нелогичны его приемы,—комментаторъ-аллегористъ всегда имѣлъ предъ собою текстъ Св. писанія, долженъ былъ такъ или иначе съ нимъ считаться, и если часто придавалъ буквальному смыслу значеніе, котораго онъ не имѣлъ и не могъ имѣть, то

inclusa est in impias fabulas и т. д. Примѣромъ того, какъ стоики аллегоризировали мненіе можетъ служить слѣд. мѣсто изъ Цицерона (XXVI, 66) *Aer autem, ut Stoici disputant, interiectus inter mare et coelum, Iunonis nomine consecratur, quae et soror et conjux Iovis, quod ei similitudo est aetheris et cum eo summa conjunctio* и т. д.

такъ же часто изъ текста получалъ толчекъ къ умозрѣнiямъ, имѣвшимъ въ немъ дѣйствительную или мнимую опору. Во-вторыхъ, аллегоризмъ для евреевъ имѣлъ то значенiе, что въ значительной степени благодаря ему среди непалестинскихъ евреевъ сложилось то особенное отношенiе къ библии, которое закончилось совершеннымъ ея отрицанiемъ. Казалось бы, что, разъ пришли къ тому заключенiю, что рассказы и постановленiя библии суть лишь символы высшихъ истинъ, то этимъ самымъ приблизились къ дальнѣйшему выводу, что достаточно знать и соблюдать эти послѣднiя, а оболочку ихъ, т.-е. букву, какъ излишнюю, отбросить. Такъ, напр., если празднованiе субботы должно служить символомъ „истинной силы и величiя, свойственныхъ Богу“, или если праздники вообще „суть лишь символы радостно настроенной и благодарной Богу души“ 42), то достаточно знать этотъ внутреннiй смыслъ текста, поступать согласно съ нимъ и отказаться отъ буквального исполненiя множества содержащихся въ немъ предписанiй, самихъ по себѣ лишенныхъ всякаго значенiя и даже богопротивныхъ, если понимать ихъ буквально 43). На самомъ дѣлѣ, отъ этого рѣшительнаго вывода о ненужности буквального слѣдованiя Св. писанiю александрийскихъ евреевъ аллегористовъ спасало чрезвычайно прочно укоренившееся традиционное уваженiе къ Св. писанiю. Во время Филона была уже, правда, горсть лицъ, для которыхъ еврейская традицiя потеряла свое значенiе, которые обязательнымъ для себя считали лишь тайный внутреннiй смыслъ Св. писанiя, а буквальный смыслъ совершенно игнорировали 44). Эти люди, какъ рассказываетъ Филонъ, жили въ уединенiи, какъ бы въ пустынѣ какъ будто превратившись въ безтѣлесныя души, не зная ни города, ни селенiя, ни дома своего, чуждаясь общенiя (религiознаго θιάζον) съ людьми, и, отвергая общепринятые мнѣнiя (τὰ δοκοῦντα τοῖς πολλοῖς ὑπερχύσαντες), изслѣдуютъ, такъ сказать, лишь голую истину... въ то время, когда Св. писанiе требуетъ, чтобы ничего не было измѣнено въ законѣ, переданномъ намъ вдохновеннымъ пророкомъ. Но эти люди составляли ничтожное меньшинство. Въ мнѣнiи большинства исполненiе предписанiй библии, буквальное слѣдованiе Торѣ было необходимо, ибо только этимъ путемъ могло быть достигнуто полное знанiе скрытой въ „законѣ“ истины 45). Только исполняя всѣ предпи-

42) Philo, De migr. Abr. I, 458. σύμβολα νοητῶν πραγμάτων ὑπολαμβάνοντες τὰ μὲν ἄγαν ἡκριβώσαν.

43) Philo, III Leg. Alleg. I, 88, De poster. Cain I, 226—227. Ср. Graetz IIIb, 388.

44) Philo, ibid. Εἰσὶ γάρ τινες οἱ τοὺς ῥητοὺς νόμους... ῥαδύμως ὠλιγόρησαν.

45) Philo, de migr. Abr. I, 451 и выше: ὥσπερ οὖν σώματος ἐπεὶ δὴ φύχης ἐστὶν οἶκος προνοητέον, οὕτω καὶ τῶν ῥητῶν νόμων ἐπιμηλτέον.

санія закона, можно постигнуть ихъ внутренній смыслъ, и человекъ поэтому долженъ стараться не только быть добродѣтельнымъ, т.-е. знать истину, но и жить такъ, чтобы таковымъ же онъ казался со стороны; онъ долженъ дорожить формой, въ которой выражена божественная истина, исполняя букву закона. Любопытно то, что Филонъ, полемизируя противъ взглядовъ тѣхъ, которые не придерживаются буквы, впадаетъ въ характерное *petitio principii*: въ числѣ своихъ аргументовъ онъ приводитъ то, что, если правы противники, то въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы почитать храмъ, совершать обрѣзаніе и многое другое, что представляется ему совершенно невозможнымъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что при всемъ своемъ набожно-почтительномъ отношеніи къ Св. писанію, александрійскіе аллегористы въ своемъ взглядѣ на него далеко ушли отъ ортодоксальнаго еврейскаго ученія, не знавшаго „двойной бухгалтеріи“ аллегоризма, и считавшаго законъ Моисея разумнымъ и необходимымъ закономъ жизни, виѣ котораго для еврея не можетъ быть спасенія. Александрійскіе комментаторы для того, чтобы избѣгнуть вывода, сдѣланнаго людьми, болѣе ихъ послѣдовательными и менѣе приверженными къ еврейству, создали упомянутую теорію о томъ, что исполненіе закона есть средство познанія истины и, такимъ образомъ, сами признали, что не законъ въ томъ видѣ, въ какомъ его создало еврейство, составляетъ центръ еврейскаго ученія, а нѣчто другое, отличное отъ него. Эта теорія сама по себѣ къ уничтоженію обязательности закона (т.-е. Торы) не вела, но была слишкомъ слаба для того, чтобы поддерживать начинавшую колебаться вѣру въ безусловное значеніе Торы. Когда нѣсколько позже пробило себѣ дорогу ученіе о томъ, что исполненіе закона не нужно, такъ какъ Христосъ искупилъ людей отъ клятвы закона ⁴⁶⁾, оно нашло почву уже подготовленной ученіями александрійскихъ комментаторовъ. Мы не знаемъ, насколько аллегоризмъ былъ распространенъ среди массы александрійскихъ евреевъ; несомнѣнно, однако, то, что среди комментаторовъ онъ безусловно преобладалъ надъ традиционнымъ еврейскимъ мидрашемъ. Аллегористы разныхъ школъ полемизировали другъ съ другомъ, расходясь въ мнѣніяхъ по многимъ отдѣльнымъ вопросамъ ⁴⁷⁾, но соглашались въ принципѣ, что въ Св. писаніи божественныя истины изложены символически. Такимъ-то образомъ въ Александріи постепенно создавался своеобразный мидрашъ, или комментарій ⁴⁸⁾, который во многомъ существенно отличался отъ

⁴⁶⁾ Ср. Galat. III, 13 сл., Rom. III, 19, IV, 25 и др.

⁴⁷⁾ Philo, de nom. mut. I, 599. Qu. rer. div. haer. I, 513, I de Somn. I, 638.

⁴⁸⁾ Ср. у Freudenthal'я Hellenistische Studien I, 69—82 сопоставленіе историч. овозраженіе, т. VI.

палестинскаго, на который онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе, и вліянію котораго подвергся, въ свою очередь, самъ. Этотъ alexandрійскій комментарий не дошелъ до насъ въ видѣ первоначальныхъ систематическихъ сборниковъ; мы знаемъ о немъ лишь изъ сохранившихся сочиненій Филона.

О жизни Филона мы знаемъ весьма мало; самъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ кое гдѣ, лишь мимоходомъ сообщаетъ о себѣ нѣкоторыя біографическія данныя ⁴⁹⁾. Онъ родился (около Рождества Хр., неизвѣстно точно въ которомъ году) въ Александріи ⁵⁰⁾ и происходилъ изъ очень знатнаго и богатаго рода (онъ былъ братомъ арабарка Александра ⁵¹⁾ и повидимому получилъ блестящее по тому времени образованіе ⁵²⁾. Въ совершенствѣ владѣя греческимъ языкомъ, Филонъ прилежно читалъ греческихъ поэтовъ и философовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ изученія Св. писанія, которое для него, какъ и для его современниковъ, было источникомъ истинной мудрости. По природѣ своей мало склонный къ шуму и тревоженіямъ общественной жизни, онъ все свое время посвящалъ изученію Торы, чтенію философовъ и размышленію. Когда онъ достигъ преклоннаго возраста, и благодаря давленію внѣшнихъ обстоятельствъ долженъ былъ дѣлить свое время между наукою и дѣлами общины, онъ слѣдующимъ образомъ вспоминалъ дни, проведенные имъ всецѣло въ научномъ уединеніи. „Было время, говоритъ онъ (*Leg. Alleg.*, начало), когда, будучи свободенъ, я предавался философіи, созерцанію міра и всего содержащагося въ немъ и пользовался плодами прекрасной и счастливой жизни, постоянно вдохновляемый и возбуждаемый божественными словами, ученіями, которыми я неудержимо и ненасытно наслаждался, не помышляя ни о чемъ земномъ и низменномъ, не стремясь ни къ славѣ, ни къ богатству, ни къ чувственнымъ удовольствіямъ, но, воспринувъ къ верху, несомый въ какомъ-то душевномъ энтузіазмѣ, я, казалось, двигался вмѣстѣ съ солнцемъ, луною и всѣмъ находящимся на немъ и во всей вселенной. Отъ времени до времени, обративши свои взоры съ эфирныхъ высотъ на землю и обозрѣвая духовными очами своими

нѣкоторыхъ мѣстъ изъ палест. и алекс. толк. См. также Siegfried, *op. cit.* 142 сл. и 283 сл.

⁴⁹⁾ *Legatio ad Caium*, II, 545—560, *De special. leg.* II, 299. Въ сочиненіяхъ отцовъ церкви сохранилось довольно много свидѣній о Филонѣ (Ср. *ed. Mangey* XXI—XXIX), но пользоваться ими въ виду ихъ недостоверности, къ сожалѣнію, нельзя. См. напр. рассказъ о томъ (*Hieron. Catal. script. eccles. ibid.* XXIV), что Филонъ бесѣдовалъ въ Римѣ съ апостоломъ Петромъ, и др.

⁵⁰⁾ *Leg. ad caj.* II, 567... κατὰ τὴν ἡμετέραν 'Αλεξανδρείαν.

⁵¹⁾ *Ioseph. Antiqu.* XVIII, 8, 1.

⁵²⁾ Siegfried, *Philo etc.* 137—151.

безчисленные дѣла, совершающіяся на ней, я считалъ себя счастливымъ, что могъ избѣгнуть столькихъ опасностей и несчастій земной жизни. Мнѣ угрожало самое скверное изъ золъ—зависть, которая, овладевъ мною внезапно, не раньше перестала бы влечь меня, чѣмъ вывергнувши въ море общественныхъ заботъ; но погрузившись въ него я не могъ бы уже спастись“. Послѣ того какъ преслѣдованія евреевъ въ Александріи дошли до того, что евреи были лишены равноправія, и въ еврейскихъ синагогахъ должны были быть выставлены императорскія статуи для воздаванія имъ божескихъ почестей, еврейская община рѣшила отправить посольство къ императору Каю Калигулѣ, во главѣ котораго находился Филонозъ (около 40 г. по Р. Х.) Посольство, какъ извѣстно, потерпѣло полный неуспѣхъ, и только благодаря скоро вслѣдъ затѣмъ послѣдовавшей смерти Калигулы (41 г.) улучшилось положеніе какъ палестинскихъ, такъ и александрійскихъ евреевъ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на разборѣ „системы“ Филона; оно было бы излишнимъ послѣ того, что въ этомъ отношеніи сдѣлано Gfrörer'омъ 53), Daehne 54), а въ новѣйшее время Целлеромъ 55). Наша задача заключается въ томъ, чтобы указать на то, что въ ней является специфическимъ продуктомъ еврейскаго просвѣщенія въ Александріи, и намѣтить въ общихъ чертахъ вліяніе, которое она съ этой именно стороны оказала на дальнѣйшее развитіе религіозно-философскихъ представленій. Многие исследователи Филона 56) обращали особенное вниманіе на раскрытіе греческихъ и вообще заимствованныхъ элементовъ въ его ученіи. Эта аналитическая работа, сама по себѣ весьма важная, скорѣе однако можетъ затемнить, чѣмъ разъяснить интересный и важный вопросъ о значеніи и вліяніи еврейско-александрійской религіозной философіи, если результатамъ ея придавать рѣшающее значеніе. Въ томъ, что идеи Платона, Аристотеля и стоиковъ были сильно распространены въ Александріи въ первомъ христіанскомъ столѣтіи, не можетъ быть никакого сомнѣнія; далѣе, то, что эти идеи въ значительной степени были усвоены Филономъ, получившимъ греческое образованіе и жившимъ въ греческомъ культурномъ центрѣ, также не представляетъ ничего особенно поучительнаго. Фактъ, представляющій въ данномъ случаѣ особенный интересъ для историка, заключается въ томъ, что

53) Gfrörer, Philo und die alex. Religionsphilos. Bd. 1.

54) Gesch. Darstell. der jüd.-alex. Religionsphil. Bd. I, 98—497.

55) Philosophie der Griechen 3 Aufl. IIIb, 350—418. Подробныя литерат. указанія см. у Schürer'a II, 886—7.

56) Въ томъ числѣ Zeller op. cit. Ср. также Ioël, Beiträge zur Gesch. d. Philos. Bd. I, Anhang S. 53—67.

философія, которая господствовала въ греко-римскомъ культурномъ мірѣ въ описываемое время, сама по себѣ была безсильна оказать то вліяніе на образованіе религіозно-метафизическихъ системъ первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х., которое она оказала, претворившись въ ученіи еврейскихъ комментаторовъ въ Александріи. Вездѣ (т.-е. у всѣхъ религіозныхъ философовъ первыхъ вѣковъ), гдѣ мы внослѣдствіи находимъ греческія идеи, мы находимъ ихъ съ тою особенною печатью которую положилъ на нихъ своеобразный характеръ еврейско-александрійскаго мышленія 57). Несомнѣнно то, что число оригинальныхъ философскихъ идей и понятій, которыя дала эллино-іудейская религіозная философія, очень незначительно; но не въ новизнѣ отдѣльныхъ идей и понятій ея оригинальность, а въ особомъ сочетаніи ихъ, въ особенномъ значеніи, которое она придала имъ въ системѣ.

Филонъ прежде всего былъ не философомъ, какъ это принято утверждать, а комментаторамъ Св. писанія 58). Цѣль его изслѣдованія заключалась не въ томъ, чтобы создать систему, а въ томъ, чтобы съ точки зрѣнія господствовавшихъ ученій объяснить текстъ Св. писанія и доказать, что они уже въ немъ содержатся. Съ господствующимъ мнѣніемъ, что Филонъ старался примирить греческую философію съ еврейскою традиціею, можно согласиться, если помнить, что Филонъ самъ о примиреніи не могъ думать, такъ какъ для него не существовало дуализма философской и теологической истины, въ его убѣжденіи философія и библія не только не содержали противорѣчащихъ другъ другу началъ, но даже предполагали другъ друга. Этимъ качествомъ Филона какъ комментатора объясняются нѣкоторыя особенности его метода и ученія. Прежде всего его отношеніе къ аллегоризму. Буквальный смыслъ Св. писанія существуетъ лишь для удобства учащихся; дѣйствительное значеніе имѣетъ только тотъ смыслъ, который скрытъ за буквой 59).

57) Целлеръ (op. cit. 251) о еврейской философіи въ Александріи говорить, что „она лишь отчасти явилась самостоятельной системою, но что ей нельзя отказать въ извѣстной своеобразности (Eigenenthümlichkeit) и значительномъ историческомъ вліяніи“. Дальнѣйшее изложеніе его въ сожалѣнію не вполне выясняетъ эту „своеобразность“, что, впрочемъ, понятно съ точки зрѣнія специальныхъ задачъ, которыми задается историкъ греческой философіи. Ср. неясную и невѣрную характеристику системы Филона у Schürer'a, II, 872.

58) Вѣрно съ этой стороны понято значеніе Филона Siegfried'омъ (Philo v. Alex. als Ausleger des A. T.). Къ сожалѣнію собранный авторомъ матеріалъ не обработанъ и представленъ въ совершенно неудобочитаемомъ видѣ.

59) Филонъ часто говоритъ о буквальномъ смыслѣ Св. Писанія какъ о мнѣѣ. II Leg. Alleg. I, 70 (ad. Gen. II, 21): τὸ ῥητὸν ἐπὶ τούτου μὴδὲς ἐστὶ. Ср. I, de Somn. I, 655 сл., de Specialibus leg. II, 329: ἥδε μὲν αἰτία ἡ παρὰ πολλοῖς εἰσὼδε λέγεσθαι (букв. см.). ἐτέραν δ' ἡκουσα θεσπεσίαν ἀνδρῶν τὰ πλεῖστα τῶν ἐν τοῖς

Это положеніе составляет основу отношенія Филона къ библіи 60), хотя оно у него не выдержано и не вездѣ послѣдовательно проведено: случается иногда, что, передавая какой нибудь библейскій рассказъ, онъ не аллегоризируетъ его, не приводя основаній; иногда же допускаетъ истинность буквального смысла и вѣдѣтъ съ тѣмъ считаетъ его символомъ высшей истины 61). Судя по тому, что Филонъ говоритъ нѣсколько разъ о *καὶ νόμοι ἀλλήγορίας* 62), правилахъ аллегорическаго толкованія, можно было бы думать, что александрійская традиція выработала какой либо опредѣленный кодексъ или систему правилъ, которыми пользовались комментаторы; но бѣглое знакомство съ сочиненіями Филона легко убѣждаетъ въ томъ, что правила аллегоріи были лишь мнимыми, и что на самомъ дѣлѣ остроумію комментаторовъ былъ предоставленъ полный произволъ, котораго собственно трудно было бы избѣгнуть при такомъ искусственномъ и фальшивомъ приѣмѣ, какииъ былъ аллегоризмъ 63). Вторая особенность Филона, какъ комментатора, заключается въ томъ, что, благодаря тому, что онъ въ Св. писаніи находилъ исходныя точки для своихъ умозрѣній, его ученіе не вылилось въ цѣльную, послѣдовательную, законченную систему, которую могъ бы создать философъ, лицомъ къ лицу обращенный къ волнующимъ его вопросамъ жизни и духа. Для Филона такъ же, какъ и для другихъ александрійскихъ *darschanim*, или экзегетовъ, которымъ Филонъ обязанъ можетъ быть больше, чѣмъ это видно изъ сохранившихся его трудовъ, объектомъ изслѣдованія былъ тотъ застывшій кругъ идей, та заколоченная схема жизни, которую они находили въ священныиъ текстахъ. Вопросы религіозные были поставлены въ центрѣ ученія; психологія, этика, антропологія, космологія разсматривались лишь настолько, насколько это было необходимо для выясненія главнаго вопроса; философія была превращена въ философію религіи, — но въ такую, которая не терпитъ уже рядомъ съ собою никакой другой философіи, которая претендуетъ не только на обладаніе религіозной истиною, но и на обла-

νόμοις ὑπολαμβάνόντων εἶναι σύμβολα φανερά ἀφανῶν καὶ ῥητὰ ἀρρήτων и De Ioseph. II, 46: *Σχεδὸν γὰρ πάντα ἢ τὰ πλείστα τῆς νομοθεσίας ἀλληγορεῖται.*

60) Ср. многоч. примѣры аллег. Филона у Gfrörer'a I, 68—113 и др.

61) Ср. напр. De vita Abraham. I, 11—14, De Ioseph. II, 46, De Decalogo II, 180.

62) De somn. I, 631; De Sacrit. II, 255, De Agr. etc.

63) Siegfried (op. cit. 160—197) сдѣлалъ попытку извлечь изъ сочиненій Филона правила аллегоріи (ср. также неудачную попытку Daehne I, 68); на самомъ дѣлѣ трудъ автора въ значительной степени пропалъ даромъ, такъ какъ онъ нашелъ не общіе принципы, а упорядочилъ лишь аллегор. казуистику у Филона.

даніе всякой истиною вообще 64). Въ искусственной атмосферѣ комментарія, въ которую заключена была еврейская мысль, она теряла воспримчивость и чутье къ живой дѣйствительности и уклонялась отъ того воздѣйствія, которое жизнь всегда оказываетъ на философскія системы, оставляя въ нихъ прочное и устойчивое и разбивая случайное, уродливое и болѣзненное. Если принять въ соображеніе крайне неблагоприятныя внѣшнія обстоятельства, въ которыя были поставлены александрійскіе евреи въ описываемое время, преслѣдованія со стороны мѣстнаго населенія и со стороны римскихъ властей, преслѣдованія, которыя неминуемо должны были удерживать евреевъ, по крайней мѣрѣ извѣстную часть ихъ, отъ участія въ общественной и общекультурной жизни, то мы увидимъ, что это еще болѣе должно было способствовать удаленію философіи отъ жизни. Углубленіе въ тайны Св. писанія привело униженныхъ и преслѣдуемыхъ комментаторовъ-аллегористовъ къ философіи мистицизма и экстаза. Наконецъ то обстоятельство, что Филонъ излагалъ свое ученіе въ видѣ толкованія къ священнымъ книгамъ, повело къ тому, что его вліяніе на послѣдующія поколѣнія имѣло своеобразный характеръ. То набожное уваженіе къ закону, къ Торѣ, которое было характерно для весьма обширныхъ еврейскихъ круговъ, было перенесено и на комментарий, такъ что и ученіе Филона было окружено ореоломъ святости и ненюгрѣшимости. Благодаря этому Филонъ оказалъ сильное вліяніе на отцовъ церкви и проникъ даже въ христіанскую догматику.

Несмотря на то, что у Филона кое-гдѣ попадаются выраженія, дающія поводъ приписывать ему пантеистическія воззрѣнія 65), въ дѣйствительности онъ придерживался традиціоннаго еврейскаго представленія о трансцендентности и совершенной отдѣльности Бога отъ видимаго, конечнаго міра. Богъ, говоритъ онъ 66), существовалъ до творенія, и, находясь внѣ предѣловъ послѣдняго, не содержится ни въ чемъ, что подчинено ему, какъ творцу. Если мы у Филона и встрѣчаемъ фразу: ἡ γοὺν τῶν ὁλῶν ψυχὴ θεός ἐστι κατ'ἐννοιαν, то ее

64) Ср. Philo, de plantat. N. τῇ γὰρ ὄντι ὁ τελείως καθααρμένος νοῦς etc.

65) Напр. Leg. Alleg. I: εἰς καὶ τὸ πᾶν αὐτός (sc. θεός) ἐστίν. Ibid. III: πάντα πεπλήρωκεν ὁ θεός καὶ διὰ πάντων διεπλήροθεν καὶ κενὸν οὐδὲν οὐδὲ ἄρμον ἀπολείπειν αὐτοῦ. Эти выраженія, какъ бы невольно оброненныя, не вяжущіяся со всей системой Филона, являются отголоскомъ представленій, ведущихъ свое начало отъ Ксенофана Элейскаго. У Филона они отнюдь не должны быть истолковываемы въ пантеистическомъ смыслѣ. Ср. ошибочное и извращенное объясненіе у Spiegler'a Gesch. d. Philos. des Judenthums, 1890, 54—72.

66) Migr. Abr. I, 465, De somn. I, 648. De poster. lain.: τὰ γεγονότα πάντα ὁποῦσας αὐτῷ περιέχεται μὲν ὑπ'οὐδενός, ἐπιβέβηκε δὲ πᾶσι, ἐπβεβηκώς δὲ καὶ ἐξω τοῦ δημιουργηθέντος ὧν, οὐδὲν ἦτορ πεπλήρωκε τὸν κόσμον αὐτοῦ, и de confus. lingu. I, 419.

слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ имманентности Бога, а въ томъ смыслѣ, что Богъ, какъ Верховная Причина всего совершающагося въ мірѣ ⁶⁷⁾, находится къ міру въ такомъ же отношеніи высшаго начала къ низшему, въ какомъ въ индивидѣ душа находится къ тѣлу. Вообще нужно имѣть въ виду, что Филонъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о величіи и всемогуществѣ Бога, не стѣсняется точностью выраженій: онъ пользовался ходячими выраженіями вродѣ приведенныхъ и придавалъ имъ значеніе, котораго они первоначально вовсе не имѣли.

По тому, какъ Филонъ подходилъ къ обсужденію главнаго вопроса всякой религіозно-философской системы, вопроса о бытіи Бога, его можно считать основателемъ такъ называемой религіозной философіи, получившей дальнѣйшее свое развитіе у христіанскихъ философовъ среднихъ вѣковъ. Бытіе Бога доказывается по ученію Филона двоякимъ образомъ: во-первыхъ, ссылкой на Св. писаніе и, во-вторыхъ, умозрѣніемъ. Изъ трехъ знаменитыхъ докательствъ бытія Бога: онтологическаго, космологическаго и телеологическаго мы уже у Филона находимъ послѣдніа два. Въ отрывкѣ о томъ, „какимъ образомъ мы узнаемъ о бытіи Бога“ ⁶⁸⁾ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Есть два вопроса, говорить онъ, предъ которыми останавливается изслѣдователь: первый заключается въ томъ, существуетъ ли Божество (этотъ вопросъ вызванъ распространеніемъ величайшаго изъ золъ—безбожіемъ); второй въ томъ, что такое Божество по своему существу (ἐτερον δὲ τὸ τί ἐστι κατὰ τὴν οὐσίαν). Первый вопросъ не представляетъ большихъ трудностей для разрѣшенія; второй же не только труденъ, но даже, повидимому, совершенно недоступенъ разрѣшенію человѣкомъ. Разсмотримъ подробнѣе каждый въ отдѣльности. Знаніе о творцѣ мы всегда приобретаемъ по сотвореннымъ имъ предметамъ. Если кто-либо увидитъ статую или картину, то подумаетъ тотчасъ же о ваятелѣ или художникѣ; кто будетъ наблюдать одежду, корабль или домъ, тотъ приобрететъ извѣстное знаніе о портномъ, кораблестроителѣ и архитекторѣ. Если кто-либо явится въ государство, законы котораго хороши, дѣла котораго ведутся превос-

⁶⁷⁾ Упомяная о стоическомъ ученіи о мировой душѣ, Филонъ (Migt. Abr. I, 464) рѣзко порицаетъ его, считая его между прочимъ источникомъ суетврія о вліяніи небесныхъ тѣлъ на судьбу человѣка... Οὗτοι τὸν φαινόμενον τοῦτον κόσμον ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἐπετόκησαν εἶναι μόνον, ἢ θεὸν ὄντα αὐτόν, ἢ ἐν αὐτῷ θεὸν ὄντα αὐτόν, ἢ ἐν αὐτῷ θεὸν περιέχοντα τὴν τῶν ὅλων ψυχὴν. εἰμαρμένην τε καὶ ἀνάγκην θεοπλαστήσαντες, ἀσεβείας πολλῆς κατέπλησαν τὸν ἀνθρώπινον βίον. ἀναβιβάζαντες ὡς διχα σὼν φαινομένων οὐδενός ἐστιν οὐδὲν αἰτιον τι παράπαν, ἀλλ' ἡλίου καὶ σελήνης καὶ πῶν ἄλλων ἀστέρων αἱ περίοδοι τὰ τε ἀγαθὰ καὶ τὰ τε ἐναντία ἐκάστω τῶν ὄντων ἀπονέμουσιν.

⁶⁸⁾ 1, De Monarch. II, 216: πόθεν τοῦ εἶναι θεὸν λαμβάνομεν ἔννοιαν.

ходно, тотъ несомнѣнно долженъ подумать, что въ этомъ государствѣ хорошіе правители. Что же долженъ подумать человѣкъ, созерцающій великое государство (μεγαλόπολις), вселенную... изобиліе и разнообразіе растеній и животныхъ... красоту и величіе картинъ природы... небесныя тѣла! Что можетъ онъ подумать, какъ не то, что долженъ существовать сотворившій все это и руководящій этимъ Отецъ! Ни одно искусное произведеніе не дѣлается само собою; самое же искусное—мѣръ—долженъ быть сотворенъ самымъ совершеннымъ Демиургомъ". Такимъ образомъ изъ цѣлесообразности міра дѣлается заключеніе о томъ, что должна существовать творческая, сознательная и разумная сила, поставившая извѣстныя цѣли и создавшая средства для ихъ достиженія. Далѣе Филонъ прибѣгаетъ къ космологическому доказательству и аргументируетъ закономъ причинности⁶⁹). Всякая вещь причиною своею имѣетъ другую вещь, послѣдняя — третью, и т. д. Должна поэтому существовать Сила, которая явилась бы конечною причиною всего сущаго. Эта первая или конечная причина есть Богъ. Установивъ такимъ образомъ несомнѣнность бытія Бога и подкрѣпивъ свои аргументы соотвѣтственнымъ образомъ истолкованными текстами изъ Св. писанія, Филонъ переходитъ къ вопросу о познаніи Бога человѣкомъ по существу (κατ' οὐσίαν). Мы видѣли уже, что о подобнаго рода познаніи Филонъ говоритъ, какъ объ очень трудномъ и даже невозможномъ. Въ самомъ дѣлѣ, предметы внѣшняго видимаго міра мы познаемъ не иначе, какъ наблюдая ихъ качества, т. е. то, чѣмъ одинъ предметъ, ограниченный во временномъ и пространственномъ своемъ существованіи, отличается отъ другого такого же предмета. Можемъ ли мы такимъ же образомъ наблюдать Божественныя качества, можемъ ли мы обыкновеннымъ нашимъ познаніемъ возвыситься до того, чтобы постигнуть Бога по его существу? Конечно, нѣтъ; потому что наше наблюденіе дѣйствительно лишь въ предѣлахъ конечнаго міра, въ отношеніи конечныхъ предметовъ. О качествахъ же Бога невозможно и говорить; еслибы мы Богу приписывали то или иное качество, ту или иную особенность, то этимъ самымъ признали бы его конечную природу; а это противорѣчитъ исходной точкѣ, по которой Богъ абсолютно безконеченъ и совершененъ. Категорія качества немыслима безъ категоріи отношенія; послѣдняя же исключается абсолютностью божественной природы⁷⁰). Въ дѣйствительно-

⁶⁹) Cp. Leg. Alleg. I, 107, De praem. et poen. II, 415.

⁷⁰) См. интересное мѣсто De nom. mutat. I, 582: οὐδ' ἔχειν οὐ προσήκειν ἀγνοεῖν, ὅτι τε ἐγὼ εἰμι θεός σου λέγεται καταχρηστικῶς οὐ κυρίως. Τὸ γὰρ ὅν ἢ ὅν ἐστίν, οὐχὶ τῶν πρὸς τι αὐτὸ γὰρ ἑαυτοῦ· πλὴρες, καὶ αὐτὸ ἑαυτῷ ἰκανόν, καὶ πρὸ τῆς τοῦ κόσμου

сти Филонъ часто примѣняетъ къ Богу эпитетъ ἀποιος—безкачественный, и это значить у него не то, что Богъ лишенъ какихъ бы то ни было качествъ, а то, что эти качества для нашего познанія не существуютъ, лежа за его предѣлами 71). Итакъ, Богъ есть абсолютное, безконечное и совершенное непознаваемое (ἀχάταλκτος). Онъ чистое, истинное бытіе (τὸ ὄν, τὸ ὄν πρὸς ἀλήθειαν), источникъ свѣта и жизни; его отраженіе въ мертвой, бездушной матеріи образуетъ вселенную, которая постольку лишь имѣетъ реальное существованіе, поскольку она носитъ въ себѣ божественные лучи. Не слѣдуетъ думать, что Непознаваемое Филона играло въ его системѣ роль метафизической субстанции; еще менѣе оно имѣетъ общаго съ непознаваемымъ современныхъ эволюціонистовъ. Богъ Филона былъ тѣмъ активнымъ, движущимъ, творческимъ началомъ, внѣ котораго немислима жизнь, немислимо бытіе міра, немислимъ малѣйшій проблескъ человѣческаго сознанія.

Если невозможно познаніе Бога, какъ объекта внѣшняго міра, то о немъ тѣмъ не менѣе возможно нѣкоторое знаніе, достигаемое особыми путями, то знаніе, которое было доступно древнимъ вдохновеннымъ пророкамъ. Истолковывая Св. писаніе, Филонъ наталкивался на такіа выраженія и на такую передачу событій священной исторіи, которая, повидимому, рѣзко расходилась съ его философскими положеніями. Такъ, въ Св. писаніи сплошь да рядомъ встрѣчаются выраженія, въ родѣ: „и сказалъ Богъ Аврааму“ и „показался Богъ Іакову“ и т. п., которыя какъ бы свидѣтельствовали о томъ, что возможно то познаніе, котораго не признавалъ Филонъ. Здѣсь онъ слѣдующимъ образомъ пользуется аллегорическимъ толкованіемъ: „Не думай, говоритъ онъ 72), что видѣніе Бога доступно тѣлеснымъ глазамъ, ибо послѣдніе созерцаютъ только чувственное, т. е. разнородное въ своихъ частяхъ и подверженное порчѣ, между тѣмъ какъ Божество цѣльно и неизмѣнно. То, что воспринимаетъ Божественное видѣніе, есть глазъ души (τὸ δευόμενον τῇ θεῖαν φαντασίαν τὸ τῆς ψυχῆς ἐστὶν ὄμμα). Тѣлесные глаза видятъ все при помощи свѣта, отличнаго отъ созерцаемаго предмета и созерцающаго глаза. Но то, что видитъ глазъ души, воспринимается ею самою безъ всякой посторонней помощи, ибо познаваемое разумомъ само по

γενέσεως καὶ μετὰ τὴν γένεσιν τοῦ παντός ἐν ὁμοίᾳ. Впрочемъ Филонъ самъ не остается послѣдовательнымъ въ своемъ разсужденіи и тутъ же говоритъ о Богѣ, какъ о ἀτρέκτων ἢ ἀμετάβλητον и т. д., введенный въ заблужденіе отрицательной формою выраженія, которая наравнѣ съ положительною непримѣнима къ непознаваемому, съ точки зрѣнія Филона, Божественному Нумену.

71) I, Leg. Alleg. I, 50: ἀποιος γούν ὁ θεός.

72) De nom. mutat. I, 578—9.

себѣ составляетъ свѣтъ... Если ты услышишь, что человѣкъ видѣлъ Бога, то знай, что это было видѣ чувственнаго свѣта, ибо духовное можетъ быть познано только духовно... Богъ, источникъ чистѣйшаго блеска (πηγή τῆς καθαρωτάτης αὐγῆς), являясь душѣ человѣка, даетъ самъ отъ себя ослѣпительное, не дающее тѣни, лучезарное сіяніе 73). Для того, чтобы возможно было это своеобразное „созерцаніе“ Бога, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ 74), необходимы три условія: во-первыхъ, вдохновляющее существо — Богъ, во-вторыхъ, то, что вдохновляется, — разумъ и, въ-третьихъ, то, чѣмъ вдохновляется, — πνεῦμα, духъ. При совмѣстномъ существованіи этихъ трехъ условій происходитъ какъ бы соединеніе трехъ названныхъ элементовъ, благодаря тому, что Богъ распространяетъ свою силу, проникающую въ человѣческую душу (τείνοντος τοῦ θεοῦ τὴν ἀφ' αὐτοῦ δύναμιν διὰ τοῦ μέσων πνεύματος ἄχρι τοῦ ὑποκειμένου). Такимъ образомъ мы видимъ, что Филонъ допускаетъ нѣкоторое, особенное знаніе о Богѣ, которое можно было бы назвать созерцаніемъ или, вѣрнѣе, предчувствіемъ Божества, — состояніе, которое для возникновенія требуетъ не только воли человѣка, но и снисхожденія Божественной благодати. Это состояніе есть величайшее изъ благъ, доступныхъ человѣку, теряющему тогда свою земную индивидуальность и растворяющемуся въ нетлѣнномъ, вѣчномъ, истинномъ бытіи. Въ слияніи съ Богомъ человѣкъ чувствуетъ абсолютное, сознаетъ свое безсмертіе и испытываетъ при этомъ неизъяснимое блаженство. Часть души, созерцающая Божество, есть сколокъ Божественной силы, по существу своему неразрывной, попадающей въ человѣка, благодаря своему всепроникающему свойству 75). Оторвавшись отъ земныхъ своихъ оковъ, воспрянувъ вверху, она паритъ въ надзвѣздныхъ пространствахъ, двигается вѣстѣ съ солнцемъ, луною и другими небесными тѣлами, ослѣпляясь

73) Уподобленіе Бога свѣту очень часто у Филона. Такъ I, de Somn. I, 631: Κύριος οὐ μόνον φῶς ἐστίν, ἀλλὰ καὶ παντὸς ἑτέρου φωτὸς ἀρχέτυπον πρεσβύτερον καὶ ἀνώτερον. Ср. также de praem. et poenis II, 415, De nom. mutat. 158, De mundi opit., 23 De Cherub. I, 222: ἀρχέτυπος αὐτῇ μυρίας ἀκτίνας ἐκβάλλει ὡς οὐδέμια ἐστὶν αἰσθητῇ, νοηταὶ δὲ αἱ ἀπαντα.

74) De Mundi Opit. I, 50 sq. Ср. тамъ же: τίνος ἔνεκα, ἣ ὅπως ἔννοιαν αὐτοῦ λάβομεν; ἐπεὶ πῶς ἂν ἐνόησεν ἡ ψυχὴ θεόν, εἰ μὴ ἀνέπνευσε καὶ ἤφατο αὐτῆς κατὰ δύναμιν; οὐ γὰρ ἂν ἐπετόλμησε τοσοῦτον ἀνδραμεῖν ὁ ἀνθρώπινος νοῦς, ὡς ἀντιλαβεῖσθαι θεοῦ φύσεως, εἰ μὴ αὐτὸς ὁ θεὸς ἀνέσπασεν αὐτὸν πρὸς ἑαυτὸν, ὡς ἐνῆν ἀνθρώπινον νοῦν ἀνασπασθῆναι, καὶ ἐτύπωσε κατὰ τὰς ἐφίχτας νοητῆναι δυνάμεις.

75) Quod deter. pot. insid. I, 208: πῶς εἰκὸς, βραχὺν οὕτως ὄντα τὸν ἀνθρώπινον νοῦν μὴνιγγι ἢ καρδίᾳ, βράχεσιν οἰκοῖς, ἐγκτελιημένον, μέγεθος οὐρανοῦ καὶ κόσμου χωρῆσαι τοσοῦτον, εἰ μὴ τῆς θείας καὶ εὐδαίμονος ψυχῆς ἐκείνης ἀποσπάσμα ἦν οὐ διαρετόν; τέμνεται γὰρ οὐδὲν τοῦ θεοῦ κατ' ἀπάρτησιν, ἀλλὰ μόνον ἐκτείνεται.

божественнымъ сіяніемъ 76). Это общеніе съ Богомъ требуетъ особой сосредоточенности духовныхъ силъ, особаго напряженія высшихъ способностей человѣка; впечатлѣнія, получаемыя изъ внѣшняго міра, отвлекая его вниманіе отъ главной цѣли, тормозятъ такимъ образомъ познаніе Бога 76a); изъ этого слѣдуетъ, что для достиженія высшаго своего назначенія на землѣ человѣкъ долженъ отвлечь разумную часть своей души отъ чувственной и, отказавшись отъ суеты и тревоженій міра, предаться уединенной созерцательной жизни. Если помѣщенный среди сочиненій Филона трактатъ „О созерцательной жизни“ и подложенъ, то во всякомъ случаѣ вѣрно передаетъ отношеніе Филона къ аскетизму и вопросамъ практической морали вообще.

Не трудно видѣть, что ученіе Филона о Богѣ типично мистическое; оно исключаетъ возможность яснаго, опредѣленнаго познанія обыкновенными познавательными средствами и допускаетъ внутреннее созерцаніе, отрѣшенное отъ внѣшнихъ чувствъ; другими словами, оно объективируетъ и выдвигаетъ за предѣлы индивидуальнаго существованія субъективное, душевное состояніе, экстазъ, принимая его за общеніе съ абсолютнымъ. На почвѣ мистицизма совмѣстились такимъ образомъ, съ одной стороны, логическіе выводы, которые творцы александрійскаго мидраша должны были принять, исходя изъ положенія о трансцендентности и абсолютности Бога, и съ другой стороны, еврейская традиція, знавшая живого, дѣятельнаго, входящаго во всѣ чловѣческія дѣла Правителя вселенной.

Этимъ, однако, не исчерпывается трудная задача, выпавшая на долю александрійскихъ комментаторовъ. Если въ общей формулировкѣ рѣшенія основного вопроса, внутреннее противорѣчіе и было болѣе или менѣе искусно скрыто подъ покровомъ мистицизма, — то тѣмъ ярче оно выступало въ частностяхъ, когда заходила рѣчь о положительномъ содержаніи традиціоннаго вѣроученія. Богу свойственна непрерывная дѣятельность 77). Богъ безконечно добръ и, благодаря своей добротѣ, создалъ вселенную 78); Богъ одинъ абсолютно свободенъ — внѣ его необходимость 79). Богъ, подобно царю или пастырю, ведетъ

76) 1, De Monarch. II, 217. Ср. De cherub. 222, de nom. mut. 158, De mundi opit. I, 23.

76a) Ср. III Leg. Alleg. I, 95 сл.: χρή γούν τὸν μέλλοντα νοῦν ἐξάγεσθαι, καὶ ἐν ἐλευθερίᾳ ἀφίεσθαι, πάντων ὑπεκστῆναι σωματικῶν ἀνάγκων αἰσθητικῶν ὀργάνων etc. De somn. I, 249 и De Monarch. II, 214.

77) I Leg. Alleg. I, 44: Παύεται οὐδέποτε ποιῶν ὁ θεός, ἀλλ' ὥσπερ ἴδιον τὸ κατεῖν πρὸς καὶ χίονος τὸ φύγειν, οὕτω καὶ θεοῦ τὸ ποιεῖν. (Ср. de Cherub. I, 55.

78) De Nom. Mut.: διότι γούν ἐποίησεν τὰ μὴ ὄντα; ὅτι ἀγαθὸς καὶ φιλόδωρος ἦν. Интересно сопоставить съ этимъ соответственныя мѣста изъ каббалистической книги творенія (Sofer Iezirah) Ср. Wolff, Die Philon. Philos. 27 Anm.

79) De somn.; ὁ μὲν γὰρ θεός ἐκούσιον, ἀνάγκη δὲ ἡ οὐσία.

міръ къ совершенству 80). Эти и подобныя имъ положенія не могли мириться съ признаніемъ абсолютной непознаваемости и трансцендентности Божества, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочно сидѣли въ умахъ философствовавшихъ теологовъ Александріи. Какимъ образомъ безконечное, абсолютное и совершенное можетъ придти въ соприкосновеніе съ конечнымъ, относительнымъ и земнымъ? При рѣзкой формулировкѣ дуалистическихъ принциповъ у Филона, этотъ вопросъ могъ представить непреодолимые затрудненія для рѣшенія; тѣмъ болѣе, что чисто отвлеченная противоположность между абсолютнымъ и относительнымъ осложнялась въ данномъ случаѣ тѣмъ, что въ то время, какъ съ абсолютнымъ связывалось понятіе возвышеннаго и нравственно чистаго, — относительному, земному приписывались качества низменнаго, порочнаго и нечистаго 81). Отъ этого затрудненія избавляла александрійцевъ уже упомянутая теорія божественныхъ силъ или свойствъ. Въ ней они инстинктивно чувствовали прочный мостъ, который соединялъ бы философію съ положительнымъ вѣроученіемъ, и, опираясь на послѣднее, обрабатывали ее съ особенною любовью и стараніями. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ вопросѣ Филонъ былъ всего менѣе самостоятеленъ и все или почти все заимствовалъ изъ господствовавшихъ ученій синагогальныхъ школъ.

Сущность этого ученія заключается въ томъ, что при безусловномъ единствѣ Бога признается существованіе цѣлаго сонма высшихъ существъ, въ рукахъ которыхъ находится управленіе міромъ; эти существа составляютъ не что иное, какъ олицетворенные божественные атрибуты, получившіе, такимъ образомъ, отдѣльное отъ Бога бытіе. Они окружаютъ тронъ Его, подобно вѣрнымъ тѣлохранителямъ, и, какъ покорные слуги, творятъ безпрестанно Его волю. Счастливые близостью къ всемогущему Деміургу, они сами вѣчны, неизмѣнны и блаженствуютъ въ непреходящемъ, идеальномъ мірѣ... Подробности ученія о Божественныхъ силахъ въ александрійскомъ мидрашѣ, всецѣло отразившемся въ данномъ случаѣ въ сочиненіяхъ Филона, не свободны отъ неясностей и противорѣчій. Мы находимъ мысль, что Божественныхъ силъ безчисленное множество, что онѣ тождественны съ праведными душами, безтѣлесными, бессмертными, обитающими въ небесныхъ сферахъ. Въ другихъ мѣстахъ — и это всего чаще — онѣ отождествляются съ первообразными идеями въ смыслѣ Платона. Наконецъ, есть и такое мнѣніе, что число божественныхъ силъ ограничено (не болѣе шести), и что онѣ и суть ангелы, о которыхъ упоми-

⁸⁰⁾ De Agric. I, 308 и др.

⁸¹⁾ De mundi opif. ...ὅ γὰρ θεῖς ἦν ἀπείρου καὶ πέφυρμένης ὕλης ψαύειν τὸν ἵδμονα καὶ μακάριον.

наетъ Св. писаніе 82). Мы не будемъ дѣлать попытокъ примирить эти противорѣчія: съ нашей точки зрѣнія на соотвѣтственные мѣста изъ Филона, какъ на собраніе ученій различныхъ синагогальныхъ учителей, стремленіе во что бы то ни стало примирять указанныя противорѣчія могло бы лишь привести къ ложнымъ выводамъ. Мы ограничимся констатированіемъ этого факта и замѣчаніемъ, что въ принципѣ ученіе о божественныхъ силахъ, какъ существахъ среднихъ между Богомъ и человекомъ, не было чуждо и позднѣйшей палестинской традиціи.

Намъ въ настоящее время трудно понять, въ чемъ именно заключалась притягательная сила этой теоріи для александрійцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что она не выдерживаетъ ни малѣйшей критики съ точки зрѣнія основъ еврейскаго вѣроученія. Далѣе, въ общемъ ходѣ развитія философскихъ идей она была несомнѣннымъ шагомъ назадъ: по сравненію съ идеологіей Платона, съ которою она имѣетъ наиболѣе общаго, она въ большей степени, чѣмъ послѣдняя, страдала неопредѣленностью и внутренними противорѣчіями, не имѣя въ то же время ея прочнаго базиса въ системѣ. Нужно думать, что популярностью своею она больше всего обязана той наклонности къ мистическимъ воззрѣніямъ, которая была характерна для того времени. Стремленіе дать абстракціямъ и символамъ самостоятельное бытіе и жизнь идетъ рука объ руку съ мистицизмомъ. Символы, если позволено такъ выразиться, составляютъ твердыя части или скелетъ самого по себѣ расплывчатаго мистическаго корпуса; пока послѣдній сохраняетъ еще нѣкоторую жизненность, ограничиваясь лишь возбужденіемъ общихъ и неопредѣленныхъ ощущеній, уродливость скелета остается болѣе или менѣе удачно скрытой. Но раньше или позже, подъ вліяніемъ обще-культурныхъ факторовъ или условій внутренней своей дѣятельности, разумная, рационалистическая сторона человѣческаго существа заявляетъ свои требованія, не удовлетворяясь болѣе миеомъ или образомъ, а ища логической формулы, разсѣивающей туманность мистической системы; тогда символизмъ выступаетъ во всей своей наготѣ, одинаково безсильный привлекать къ себѣ пытли-вость анализирующаго ума, какъ и возбуждать дѣятельность творческаго воображенія. Любопытно, что какъ бы ни было велико въ из-

⁸²⁾ Вообще объ ученіи о силахъ ср. De Confus. Lingu. I, 431, De Somn. I, 622, De prof. I, 568 и мн. др. О шести силахъ см. de prof. I. с.: 1) θεῖος λόγος, 2) ποιητικὴ δύναμις, 3) βασιλικὴ δύναμις, 4) ἰσχυρὸς, 5) νομοθετικὴ δ., шестая не названа. Интересно тамъ же замѣчаніе, что πρεσβύτερος δίκης ἰσχυρὸς παρ' αὐτῷ (sc. θεῷ) ἔστιν. Ср. Ialkut Simeoni, с. 26 о томъ, что божественное милосердіе превосходитъ божественную справедливость и вообще ученіе о midat hadin и midat harachamim и о schechinah. Ср. также I. de som. I, 642.

вѣстное время значеніе мистическаго міровоззрѣнія,—для будущаго оно проходить безслѣдно, въ томъ смыслѣ, что не оставляетъ ему въ наслѣдіе ни новооткрытыхъ горизонтовъ, ни новыхъ идей.

Какъ уже было замѣчено, божественныя свойства, какъ отдѣльныя существа, были извѣстны и въ Палестинѣ; но здѣсь они были лишь образами, которые создало живое восточное воображеніе для вящаго прославленія единаго Бога 83). Оно рисовало Властителя вселенной возсѣдающимъ на тронѣ, въ царственномъ великолѣпнн, гдѣ-то въ безконечномъ пространствѣ; предъ нимъ его слугъ, исполнителей его воли: саму истину, саму справедливость, само милосердіе... Вѣроятно, что, опираясь на эти представленія, александрійскіе мистики и разрабатывали свое ученіе о силахъ. Его тѣмъ легче было принять, что оно повидимому легко мирилось съ Платоновскимъ ученіемъ объ идеяхъ, бывшимъ въ эпоху Христа весьма популярнымъ въ Александріи 84). Въ самомъ дѣлѣ, земная справедливость, земное милосердіе и т. п. неполны, несовершенны и составляютъ не что иное, какъ сколокъ съ абсолютныхъ идей справедливости, милосердія и т. д., божественныхъ силъ или свойствъ, образующихъ въ совокупности идеальннй, или умопостигаемнй міръ (κόσμος νοητός) 85).

Обращаясь къ александрійскому ученію о логосѣ, какъ философскомъ понятіи, мы должны замѣтить, что подробное изложеніе *ученій* о логосѣ, сохранившихся въ трактатахъ Филона, не входитъ въ нашу задачу 86). Мы ограничимся лишь указаніемъ на тѣ черты, которыя можно считать специфически-александрійскими, созданными тамъ еврейскими комментаторами-богословами.

Понятіе логоса было весьма распространено у греческихъ философовъ и, не имѣя всегда постояннаго, разъ на всегда опредѣленнаго значенія, играло различную роль въ различныхъ системахъ 86). Оно

⁸³⁾ Ср. напр. Psalm. LXXXVI, 13, LXXXV, 11, LXXXIX, 9 и 15 и др.

⁸⁴⁾ Ср. объ этомъ Zeller, Philos. der Griechen IIIb, S. 360 sq.

⁸⁵⁾ Целлеръ (I. с.), говоря о томъ, что Филонъ представлялъ себѣ божественныя силы то персонифицированными, то абстрактными атрибутами Бога, замѣчаетъ, что несоединимость подобныхъ представленій не была ясна самому Филону, и что поэтому противорѣчіе въ его ученіи можно лишь объяснить, но не устранивъ. Целлеръ объясняетъ его тѣмъ, что у Филона въ системѣ перемѣшаны абстрактныя, не личныя философскія представленія съ личными — религіозными. Это объясненіе кажется мнѣ недостаточнымъ. Я полагаю, что ошибка Филона заключалась совсѣмъ въ другомъ. Между представленіемъ Ф. о персонифицированной силѣ и его представленіемъ о божествѣ, атрибутъ и не было совсѣмъ противорѣчія, такъ какъ и то, и другое составляло для него одинаковыя реальности. Ошибка заключалась въ неправильномъ опредѣленіи отношенія атрибута, какъ реальности, независимой отъ субстанціи.

⁸⁶⁾ Ср. Heinze, Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie, 1872.

было извѣстно Гераклиту, разрабатывалось усердно стоиками и въ большей или меньшей степени встрѣчается у большинства мыслителей древности. Оно заняло весьма видное мѣсто и въ ученіи александрійцевъ; у послѣднихъ оно, подобно ученію о божественныхъ силахъ, не было разработано послѣдовательно, и въ частности въ изложеніи Филона неясно, сбивчиво и представляло всегда для историковъ философіи чрезвычайныя трудности для изложенія. Логосъ прежде всего верховная Идея (*idéa tōn idéōn, árχétopos idéa*), созданная Богомъ до сотворенія вселенной, верховная идея, являющаяся синтезомъ всѣхъ идей, т.-е. по Филону, божественныхъ силъ или свойствъ; послѣднія такимъ образомъ имѣютъ двойственное существованіе, являясь то самостоятельными реальностями, то частями реальности высшаго порядка. Для полнаго уразумѣнія этого необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что атрибутъ истиннаго бытія, истинной реальности приписывался Филономъ исключительно абсолютному, т.-е. Богу (*tò òν, tò òν prós alήθειαν*) ^{86a}). Все же остальное, какъ относительное, могло имѣть бѣольшую или меньшую степень реальности, смотря по степени отдаленности отъ абсолютнаго. Въ этой лѣстницѣ реальностей первое мѣсто занималъ Логосъ, т.-е. высшая идея, или *κόσμος νοητός*, идеальный міръ, составляющій первообразъ міра дѣйствительнаго ⁸⁷). Логосъ былъ созданъ Богомъ въ первый день творенія ⁸⁸) и въ дальнѣйшемъ процессѣ образованія вселенной былъ его орудіемъ, посредствомъ коего божественная мысль воплощалась въ мертвой матеріи ⁸⁹). Являясь эманациею божественной мысли ⁹⁰), Логосъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается одареннымъ свойствами высшей индивидуальной личности. Филонъ весьма часто называетъ его первороднымъ сыномъ Бога ⁹¹), заступникомъ грѣхознаго человѣчества

^{86a}) Qu. det. pot. insid. I, 222: ...καὶ ὁ θεὸς μόνος ἐν τῇ εἰναι ὑφέστηκεν, οὗ χάριν ἀναγκαιῶς ἐρεῖ περὶ αὐτοῦ· ἐγὼ εἰμι ὁ ὢν· ὡς τῶν μετ' αὐτὸν οὐκ ὄντων κατὰ τὸ εἶναι, δόξῃ δὴ μόνον ὑφεστάναι νομιζομένων...

⁸⁷) О различныхъ значеніяхъ сл. λόγος у Ф. см. Gfröter op. c. I, 168—176.

⁸⁸) См. тамъ же соотвѣственнымъ образомъ аллегоризированныя мѣста изъ Св. писанія; при толкованіи послѣдняго Филонъ видитъ Логосъ въ 1) *εἰκὼν θεοῦ* Gen. I, 2) въ ангелѣ явившемся Гагару въ пустынѣ, 3) въ ангелѣ, разрушающемъ Содомъ и Гоморру, 4) въ Богѣ, явившемся Іакову, 4) въ облакѣ, ведомѣ евреямъ въ пустынѣ, и ми. др.

⁸⁹) Cr. De Cherub. I, 161—162... Εὐρήσεις γὰρ αἴτιον μὲν αὐτοῦ (sc. τοῦ κόσμου) τὸν θεὸν, ὅψ' οὗ γέγονεν· ὅλην δὲ τὰ τέσσαρα στοιχεῖα, ἐξ ὧν συνεκράθη· ὄργανον δὲ λόγον θεοῦ, δι' οὗ κατεσκευάσθη· αἰτίαν τὴν ἀγαθότητα τοῦ δημιουργοῦ. Cr. De Monarch. II, 225: λόγος δὲ ἐστὶν εἰκὼν θεοῦ, δι' οὗ σύμπας ὁ κόσμος ἐδημιουργεῖτο etc.

⁹⁰) Qu. det. pot. insid. I, 207: ὁ θεός, ἡ τοῦ πρεσβυτάτου λόγου πηγὴ etc.

⁹¹) De Agric. I, 308... ὡς ποιμὴν καὶ βασιλεὺς ὁ θεός ἀγεί κατὰ δίκην καὶ νόμον, προστατáμενος τὸν ὀρθὸν αὐτοῦ λόγον, πρωτογόνον υἱὸν, ὃς τὴν ἐπιμέλειαν τῆς ἱεῖρας ταύτης ἀγέλης, οἷα τις μεγάλου βασιλέως ὑπαρχος διαδέχεται.

передъ Высшимъ Судьею ⁹²⁾, архангеломъ (πρεσβύτατος ἄγγελος, ἀρχάγγελος) и Образомъ Божьимъ. Последнее вызвано аллегорическимъ толкованіемъ Ген. I, 26—27; выраженіе κατ'εἰκόνα θεοῦ ἐποίησεν αὐτόν объясняетъ Филонъ такимъ образомъ, что εἰκὼν θεοῦ, образъ Божій, есть самостоятельное существо, по которому былъ созданъ человѣкъ. Иногда для того, чтобы указать на божественное происхожденіе Логоса, Филонъ прибѣгаетъ къ еще болѣе конкретнымъ образамъ. Такъ, онъ предполагается рожденнымъ отъ Бога-Отца и матери мудрости ⁹³⁾; часто о Логосѣ говорится, какъ о посылаемомъ Богомъ хлѣбѣ, который долженъ питать людей, и всегда какъ о высшей божественной силѣ ⁹⁴⁾. Особенно излюбленъ Филономъ образъ Бога, проявляющагося въ дѣйствіи въ видѣ трехъ своихъ силъ или свойствъ: Логосъ во главѣ, съ одной стороны божественная доброта, съ другой — всемогущество ⁹⁵⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что Филонъ и другіе alexandрійскіе комментаторы, которые впервые стали прибѣгать къ этимъ образамъ, употребляя ихъ какъ средства для выраженія представленій, не подававшихся иному изложенію, — не придавали имъ особаго религіознаго и философскаго значенія; но есть основаніе думать, что нѣсколько поколѣній спустя, когда знаніе традиціоннаго еврейскаго вѣроученія настолько пало, что комментаріи, вродѣ сохранившихся у Филона, по авторитетности были поставлены наряду съ самимъ Св. писаніемъ, когда чутье къ философскому обобщенію ослабѣло, и уму изслѣдователей становилось понятнымъ одно только конкретное, — центръ тяжести ученія былъ перенесенъ на тѣ именно образцы, которыя въ ученіи alexandрійцевъ играли случайную, несущественную роль. Подробности этого процесса лежатъ уже за предѣлами нашей задачи.

Космологія и антропологія alexandрійцевъ представляетъ нѣкоторыя интересныя особенности, на которыхъ необходимо нѣсколько остановиться. Распространенное въ то время стоическое ученіе о матеріи и дѣйствующей причинѣ они всецѣло реципировали, но прибавили къ нему нѣсколько своеобразныхъ чертъ ⁹⁶⁾. Мы знаемъ, что

⁹²⁾ Quis rer. div. haer. I, 501: Τῷ δ'ἀρχαγγέλῳ καὶ πρεσβυτάτῳ λόγῳ δωρεὰν ἐξαίρετον ἔδωκεν ὁ τὰ ὅλα γεννήσας πατήρ, ἵνα μεθόρως σῶας τὸ γενόμενον διακρίνῃ τοῦ πεποιηκότος, ὁ δ'αὐτὸς ἰκέτης μὲν ἐστὶ τοῦ θνητοῦ χρηαίνοντος αἰεὶ, πρὸς τὸ ἀφθαρτον, πρεσβευτὴς δὲ τοῦ ἡγεμόνος πρὸς τὸν ὑπήκοον.

⁹³⁾ Ср. De Ebrietate I, 361, Ср. De Profug I, 563: λόγος, какъ ἀρχιερεὺς.

⁹⁴⁾ De Profug. I, 566, Qu. rer. div. haer. I, 484 сл., 499 сл.

⁹⁵⁾ De sacrif. Ab. et Cain II, 173... ὁ θεὸς δοροφορούμενος ὑπὸ δυεῖν τῶν ἀνωτάτω δυνάμεων, ἀρχῆς τε αὐτῆς καὶ ἀγαθότητος, τοῖς ὧν ὁ μέσος. De Cherub. I, 143—4, ...Τρίτον δὲ συνάγαγόν ἀμφοῦν μέσον εἶναι λόγον, Ср. De Abr. I. 19.

⁹⁶⁾ См. у Heinze, 83 прив. мѣсто изъ Seneca, epist. 65, 2: dicunt Stoici nostri: duo esse in rerum natura, ex quibus omnia fiant, causam et materiam. Materia iacet iners, res ad omnia parata, cessatura si nemo moveat. causa

Филонъ признавалъ два основныхъ начала вселенной: матеріальное и духовное; матерія сама по себѣ есть низшая степень реальности, она инертна, безкачественна, мертва (*νεκρόν, ἄποιος*), вслѣдствіе чего о ней безотносительно къ одухотворяющему ее началу, говорится, какъ о меонѣ (*μηδὲν ὄν* 97). Начало духовное—это самъ Богъ, Логосъ или божественныя силы; во всякомъ случаѣ нѣчто высшее, одухотворенное, оживляющее мертвую матерію 98). При согласованіи философскаго дуализма стоиковъ съ религіознымъ дуализмомъ традиціоннаго еврейскаго вѣроученія произошло, какъ этого и слѣдовало ожидать, то, что абстрактному философскому противоположенію матеріи и формы было придано религіозно-этическое значеніе. Начало божественное было отождествлено съ формой, начало матеріальное—съ земнымъ міромъ: получилось такимъ образомъ противоположеніе между Богомъ, началомъ творческимъ, совершеннымъ, безконечнымъ, между Его отраженіемъ (*ἀπαύγασμα*), духомъ, разумомъ съ одной стороны, и между матерією, началомъ коснымъ, несовершеннымъ, конечнымъ, между плотью—съ другой. Все совершенное: всемогущество, добро, свобода было отнесено къ первому, все несовершенное и порочное: безсиліе, зло, необходимость—ко второму. Духъ въ своемъ стремленіи къ общенію съ Богомъ достоинъ Творца своего; тѣло же по существу своему грѣховно 99). При сотвореніи вселенной послѣ созданія идеальнаго міра или Логоса были созданы три группы существъ. Первая состоитъ изъ такихъ, кои составляютъ одно только духовное бытіе,—это идеи и небесныя тѣла 100), вѣчныя блаженныя, чистыя. Вторая

autem, id est ratio, materiam format et quaecunque vult versat ex illa varia opera producit. esse ergo debet unde fiat aliquid, deinde a quo fiat, и т. д.

97) Интересно сопоставленіе опредѣленій духа и матеріи у Филона; матерія: *φθαρτή, ἀνώμαλον, νεκρόν, πλημμελής, μηδὲν καλὸν ἐξ ἑαυτῆς ἔχουσα, ἑτεροιοτήτος μεσστή, ἄποιος, πάντα γενέσθαι δυναμένη, διῶς*; духъ: *ἀφθαρτος, εὐδαίμων, ζωή, ἀρετή, τὸ καλόν, φύσις ἀπλή, ἄποιος, ἔν, μονάς*. См. Keferstein, Philo's Lehre v. d. göttlichen Mittelwesen, 4.

98) Ср. De Prof., I. с. ἡ γὰρ ὅλη νεκρόν, ὁ δὲ θεὸς πλέον τι ἢ ζωή, πηγὴ τοῦ ζῆν ἀέναντος.

99) Ср. De vita Mosis II, 157 ...ὅτι παντὶ γεννητῷ καὶ ἂν σπουδαῖον ἦ, παρ' ὅσον ἤλθεν εἰς γένεσιν, συμφοῦς τὸ ἀμαρτάνειν ἐστίν. Примѣры того, какъ Филонъ истинность этого воззрѣнія доказывалъ толкованіемъ Св. писанія, могутъ быть приведены въ очень большомъ числѣ. Такъ, Gen. XII, 1: *ἔξελθε ἐκ τῆς γῆς σου καὶ συγγενείας σου* и т. д., онъ объясняетъ такимъ образомъ (Migr. Abr. I, 437), что земля предковъ въ данномъ случаѣ есть символъ тѣла, а Авраамъ символъ души, и прив. мѣсто имѣетъ такимъ образомъ значеніе совѣта душѣ покинуть нечистую, грѣховную плотъ, источникъ похотей и страстей, гнетущихъ душу. См. также I. с. 440, De anim. sacr. id. II, 249, Qu. rer. div. haer. I, 511. Leg. Alleg. I, 101, De sacrif II, 261 и мн. др.

100) De Mundi Opif. I, 217 ...οὗτοι (т.-е. небесныя тѣла) γοῦν ζωά τε εἶναι

группа состоитъ изъ такихъ, природа которыхъ смѣшаннаго характера: отчасти духовнаго, отчасти матеріальнаго; наконецъ третья группа — исключительно матеріальныхъ существъ. Ко второй группѣ относится человѣкъ, а къ третьей — все остальное. Существа первой группы созданы самимъ Богомъ; существа второй — отчасти Богомъ непосредственно, отчасти при помощи Логоса, существа и предметы третьей — Богомъ, но исключительно черезъ божественныя силы 101). Психическая природа состоитъ изъ двухъ частей: разума (νοῦς, λόγος) и чувственности (αἰσθησις). Хотя послѣдняя для полноты душевной жизни и необходима 102), но она не составляетъ истиннаго существа души человѣка. Сущность души есть то, что создано Богомъ по подобію Божію. Это не могло быть тѣло, такъ какъ εἶκὼν θεοῦ безтѣлесна, это не могла быть чувственная сторона человѣка, такъ какъ „образъ Божій“ или Логосъ не имѣетъ и обманчивыхъ чувствъ, присущихъ человѣку. По „подобію Божію“, какъ это понималъ Филонъ, могла быть создана только душа въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. разумъ (λόγος, πνεῦμα 103). Это πνεῦμα — разумъ созданъ Богомъ непосредственно, низшая же сторона души и тѣло — Богомъ при посредствѣ Логоса, такъ какъ немислимо, чтобы Богъ могъ имѣть непосредственное отношеніе къ матеріальному, слѣдовательно низкому и грѣховному 104). Отношеніе πνεῦμα, т. е. души въ тѣсномъ смыслѣ, къ тѣлу, Филонъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ. „Воздушное пространство, говоритъ онъ 105), заселено подобно густо населенному городу, но граждане его нетѣльны и бессмертны: это души, число которыхъ столь-же велико, какъ число небесныхъ свѣтилъ. Изъ этихъ душъ однѣ привязаны къ землѣ и къ плоти и снисходятъ на землю, въ смертныя тѣла; другія же поднимаются кверху, какъ бы переходя за предѣлы конечнаго міра; изъ этихъ же нѣкоторые возвращаются назадъ, изнемогая отъ тоски по земной жизни; остальные же, презирая тщету и суету міра, считаютъ тѣло могилою и оковами и, какъ бы вырвавшись изъ темницы, легкими крыльями поднимаются къ небу“. Есть наконецъ и такія — это самыя лучшія, — которыя, не

λέγονται καὶ ὧσα νοερά· μᾶλλον δὲ νοῦς αὐτῶν ὁ ἕκαστος ὅπως δι' ἑλὼν σπουδαῖος καὶ παντός ἀνεπίδεκτος κακοῦ.

¹⁰¹⁾ Ibidem, ср. также De Monarchia, lib. 1, II, 217.

¹⁰²⁾ Lib. III Leg. Alleg. 98 сл., 71 сл. (αἰσθησις βοηθὸς καὶ σύμμαχος τοῦ πνεύματος) и De Cherub. I, 160.

¹⁰³⁾ Qu. det. pot. insid. I, 207.

¹⁰⁴⁾ Этими Филонъ объясняетъ Gen. I, 26: ποιήσωμεν ἄνθρωπον (въ подл. plur. naasse). См. De Mundi Opif. I, 17, De Nom. Mutat. I, 583.

¹⁰⁵⁾ De somn. I, 641—642. См. также De plant. I, 331, De Confus. Lingu. I, 431.

имѣя ничего общаго съ землею, находятся въ непосредственномъ подчиненіи у самого великаго Царя,—такъ называемые философами демоны, или вѣрнѣе — ангелы. Къ этому греческому воззрѣнію, по которому рожденіе на свѣтъ для души есть паденіе съ неба, въ ученіи александрійцевъ было прибавлено то, что это паденіе есть паденіе нравственное, что оно есть самый страшный грѣхъ, искупленіе котораго можетъ быть достигнуто развѣ лишь вторичнымъ отрѣшеніемъ духа отъ плоти.

Что касается до александрійской этики, то она, какъ и въ другихъ позднѣйшихъ религіозно-философскихъ ученіяхъ, не имѣла самостоятельнаго значенія. Понятія должнаго и недолжнаго, нравственно-хорошаго и дурного имѣли непосредственное отношеніе къ основному вопросу о Божествѣ, средоточіи абсолютнаго добра и совершенства. Хотя мы у Филона и встрѣчаемъ перечисленія стоическихъ добродѣтелей (*δικαιοσύνη, σωφροσύνη, φρόνησις, ἀνδρεία* 106), но онѣ, по всѣмъ видимостямъ, не имѣютъ значенія въ его системѣ, а случайно навѣяны ходячими взглядами. Величайшая добродѣтель заключается въ созерцаніи Божества. „Моисей,—говоритъ Филонъ въ Deuteron. XXIX, 4, 107),—учитъ насъ тому, что величайшее благо не можетъ быть предметомъ обладанія, а лишь предметомъ созерцанія; ибо какъ можно себя представить обладаніемъ тѣмъ, что причастно божественной природѣ? Созерцаніе же его возможно, хотя бы для тѣхъ только праведныхъ и чистыхъ людей, коимъ Богъ открываетъ свои великія творенія“. Такимъ образомъ созерцаніе Божества есть конечная цѣль, къ которой должна быть устремлена человѣческая дѣятельность; достигнута она можетъ быть лишь благодаря неустанной внутренней работѣ, непоколебимой вѣрѣ въ Бога, надеждѣ на благость Его, раскаянію (*μετάνοια*) въ тѣхъ дѣйствіяхъ, коими человѣкъ уклонялся отъ пути истины и справедливости 108). Матерія, тѣло и близкія

¹⁰⁶⁾ Philo, de septenario, II, 282.

¹⁰⁷⁾ De Migr. Abr.: ἰδεῖν δ' οὐκ ἀδύνατον εἶη ἢ ἂν μόνῃ τῷ καθαρῳθάτῃ καὶ ὁσωπεσῳτάτῃ γένει, ᾧ τὰ ἰδία ἐπιδικνύμενος ὁ πῶν ὁλων πατὴρ ἔργα μεγίστην πασῶν χαρίσται δωρεάν.

¹⁰⁸⁾ De praem. et poenis, II, 400—412. Филонъ нѣсколько разъ говоритъ о трехъ путяхъ къ добродѣтели: *μάθησις, ἀσκησις* и *εὐφοία* или *οσιότης* (см. напр. De nom. mutat. I, 580), которымъ нѣкоторые изъ излагавшихъ ученіе Филона придавали большое значеніе. Я не упомянулъ о нихъ потому, что считаю эти „пути“ искусственно придуманными для аллегорическаго объясненія опредѣленныхъ мѣстъ библіи (см. l. c.) и не прибавляющими ничего новаго къ тому, что было сказано въ текстѣ. Читатель, который желалъ бы прослѣдить отношеніе изложеннаго къ дальнѣйшему развитію религіозно-философской мысли, могъ бы найти нѣкоторыя хотя и неполныя указ. у Bruno Bauer'a въ его соч. Philo, Strauss und Renan, гл. VII.

тѣлу страсти составляютъ источникъ зла, и потому готовящій себя къ жизни, угодной Богу, долженъ отречься отъ требованій плоти и подавить свои страсти, по самому существу своему грѣховныя... 109).

Таковы въ общихъ чертахъ основныя положенія эллино-иудейской религіозной философіи въ Александріи. Если мы обратимся къ вопросу о значеніи, которое она имѣла въ исторіи еврейскаго просвѣщенія вообще, то мы замѣтимъ слѣдующее. У александрійскихъ евреевъ благодаря условіямъ ихъ быта уже долженъ былъ въ значительной степени быть ослабленъ тотъ крайній націонализмъ, который характеризовалъ ихъ палестинскихъ соотечественниковъ. Удаленные отъ своей еврейской метрополіи, александрійскіе евреи жили среди культурнаго греческаго населенія, осваивались съ чуждымъ языкомъ и нравами, проникались тѣми великими умственными приобрѣтеніями, которыми обезсмертила себя древняя Эллада; условія ихъ жизни были

¹⁰⁹⁾ Заканчивая изложеніе ученія, переданнаго намъ въ оставшихся трактатахъ Филона, мы должны упомянуть о т. н. мессіаниззмѣ Филона. Въ вѣнецкой исторической и въ протестантской теологической литературѣ неизбѣжно держится мнѣніе, что Филонъ и вѣроятно его современники такъ же, какъ и ихъ палестинскіе соотечественники, были проникнуты вѣрою въ близкое прішествіе Мессіи. Мнѣніе это держится настолько прочно, что мнѣ неизвѣстно ни одно сочиненіе, гдѣ оно подвергалось бы малѣйшему сомнѣнію: напротивъ, большинство говоритъ о немъ такъ, какъ будто бы это былъ самъ по себѣ очевидный и несомнѣнный фактъ (См. напр. Schürer II, 433 сл., Dähne op. c. I, 437 сл. и мн. др.). Несмотря на эту въ полномъ смыслѣ слова *communis opinio doctorum*, я позволяю себѣ высказать тотъ взглядъ, что предположеніе о томъ, что александрійскіе евреи были проникнуты мессіанскими ожиданіями, есть плодъ недоразумѣнія; по крайней мѣрѣ въ соч. Филона мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы мессіанистскія идеи дѣйствительно были распространены. Gfrörer (I, 507), а за нимъ и другіе ссылаются въ подтвержденіе своего мнѣнія на соч. de praem. et poenis II, 421 сл. и de execrat. II, 429—437. Въ приведенныхъ мѣстахъ комментируется Deuteron, XXVIII, 1—14 и 15 до конца главы, Levitic. XXVI, 13—11 и 14—46; особенно многозначительны будто бы заключительныя слова De praem.: Αὐτα μὲν αἱ ὑπὲρ τῶν ἀνθρώπων τῶν ἀγαθῶν εὐχαὶ καὶ τοὺς νόμους ἔργοις ἐπιτελοῦντων. ὃς φησι τηλαφωρηθήσεσθαι χάριτι τοῦ φιλοφύρου θεοῦ τὰ κατὰ διὰ τῆς πρὸς αὐτὸν ὁμοιότητος σεμνοποιούντος καὶ γεραίοντος. Въ указ. стихахъ Deuter. и Levitic. говорится о томъ, какъ наградитъ Господь іудейскій народъ, если онъ будетъ исполнять всѣ предписанія и законы, данныя ему, и каково будетъ наказаніе за неисполненіе ихъ. При изложеніи этихъ мѣстъ приведенное замѣчаніе настолько естественно, что только предубѣжденный читатель можетъ придать ему какой-то особенный смыслъ. Gfrörer считаетъ надежды Филона на лучшія времена мессіанскими между прочимъ потому, что „онѣ еще не осуществились“,—соображеніе не нуждающееся въ опроверженіи. Всѣ остальные мѣста, на которыя ссылаются названные авторы, имѣютъ не большее значеніе. Видѣть мессіанизмъ въ нихъ все равно что видѣть его въ самихъ указ. ст. Deuteron. и Levitic. Что вопросъ о существованіи или несуществованіи месс. возрѣній въ Александріи немаловаженъ, конечно, ясно.

такимъ образомъ глубоко различны отъ условій жизни палестинскихъ евреевъ, которые привыкли къ своимъ варварскимъ сосѣдямъ-иноплеменникамъ, невольно ассоціировали самое понятіе иноплеменника съ понятіемъ варвара, существа низшаго сравнительно съ культурнымъ „избраннымъ“ народомъ. Александрійскіе евреи, напротивъ, при всей своей преданности своеобразно сложившейся еврейской традиціи, невольно пріучились видѣть человѣка въ иноплеменникѣ, невольно преклонились передъ иноплеменнымъ духовнымъ богатствомъ. Въ нравахъ, такимъ образомъ, была уже подготовлена почва для того, чтобы и въ теоріи произошла коренная реформа понятій. Тѣмъ, что философія, какъ основную догму, установила абсолютность Божества, она противопоставила себя древнему воззрѣнію, признававшему Іегову національнымъ еврейскимъ Богомъ, Богомъ праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова. „Если въ Св. Писаніи и сказано,—говоритъ Филонъ (см. выше):—Я Богъ *твой*, то это слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ, ибо Богъ есть абсолютное бытіе и не можетъ имѣть отношенія къ одному чему либо“. Далѣе, тѣмъ, что была признана абсолютность Божества, стало возможнымъ самое существованіе еврейской религіозной философіи и философіи вообще; параллельно съ этимъ можно указать и на то, что самое понятіе человѣка, какъ *объекта изслѣдованія* было чуждо традиціонному еврейскому воззрѣнію, знавшему лишь еврея и не-еврея. Въ александрійской философіи наоборотъ, предметъ умозрѣнія составляетъ уже *человѣкъ*, отрѣшенный отъ своихъ случайныхъ признаковъ принадлежности къ извѣстной религіи или расѣ.

Второе, чѣмъ ознаменовала себя александрійская философія въ исторіи еврейскаго просвѣщенія, — слѣдующее. При строго и послѣдовательно проведенномъ національномъ религіозно-обрядовомъ и религіозно-правовомъ строѣ еврейскаго общества принадлежность къ „народу избранниковъ“ могла, конечно, характеризоваться лишь опредѣленными внѣшними чертами. Чтобы быть евреемъ, нужно было исполнять законъ; внутренняя сторона явленія—вѣра—играла второстепенную роль. У александрійскихъ философовъ-аллегористовъ, признававшихъ законъ, т. е. форму, въ которой выражена божественная истина, явленіемъ случайнымъ, несущественнымъ, центръ тяжести вопроса былъ перенесенъ на *внутренній міръ* человѣка. Не тотъ принадлежитъ къ „кругу избранныхъ“, кто исполняетъ то или иное предписаніе закона, а тотъ, кто въ сердцѣ своемъ чувствуетъ присутствіе Божественнаго начала, кто въ вѣрѣ въ вѣчность истины и въ негнѣнность добра черпаетъ силу на великій подвигъ уподобленія безконечно совершенному. Въ кругу александрійскихъ аллегористовъ-комментаторовъ крѣпло такимъ образомъ убѣжденіе въ томъ, что внѣшнія

религіозно-національнѣ узы, которыми связаны были евреи, недостаточны и даже не нужны для познанія свѣта истиннаго ученія; что та традиція, которая образовала прочную „ограду“ для защиты божественной Торы отъ всевозможныхъ вольныхъ и невольныхъ нарушеній, не достигаетъ цѣли, ибо она безсильна предотвратить самое существенное нарушеніе закона,—нарушеніе помысломъ. Самое представленіе о грѣхѣ претерпѣло такимъ образомъ коренное измѣненіе: въ то время какъ для традиціи грѣхъ былъ какъ бы *нарушеніемъ договора* между Богомъ и избраннымъ имъ народомъ, нарушеніемъ, могущимъ выразиться лишь въ опредѣленномъ внѣшнемъ дѣйствіи и влекущимъ внѣшнее для нарушителя возмездіе,—для того міровоззрѣнія, которое съ особенною силою проявилось въ Александріи въ рассматриваемое время, грѣхъ былъ побѣдою плоти надъ духомъ, порокомъ души, который находится внѣ всякаго отношенія къ внѣшнему міру: грѣхъ самъ по себѣ наказаніе для грѣшника, грѣхъ самъ по себѣ лишеніе небеснаго царства.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе развитія намѣченныхъ идеи и подробности вліянія эллино-іудейской философіи на послѣдующую исторію еврейскаго просвѣщенія затрогиваетъ уже новую область историческихъ явленій.

Москва, 6 марта 1893 г.

Культь Разума и Верховнаго Существа ¹⁾.

Н. В. Водовозова.

Много шуму надѣлала въ свое время извѣстная попытка нѣсколькихъ французскихъ революціонеровъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ разрушить христіанскую религію со всею ея іерархіей и обрядами, чтобы затѣмъ на обломкахъ христіанства создать особую религію Разума. По всей Франціи согласно ихъ желанію христіанскіе храмы стали или разрушаться, или служить для новыхъ обрядовъ; обычный календарь былъ ими совершенно измѣненъ; сами священники отказывались отъ прежней вѣры и даже трюжили ее съ церковныхъ амвоновъ. Вся Европа съ изумленіемъ, съ ужасомъ или съ негодованіемъ взирала на то, что творилось во Франціи. Но это продолжалось недолго. Культь Разума смѣнился култомъ Верховнаго Существа, затѣмъ въ сферѣ религіи, какъ и въ политикѣ, наступила реакція, вернувшая христіанству всю прежнюю, если еще не большую, силу. Культь Разума такимъ образомъ отошелъ въ область преданія и отошелъ притомъ въ качествѣ дерзкаго курьеза, не заслуживающаго сколько-нибудь серьезнаго изученія; къ нему стали относиться, какъ къ легкомысленной фантазіи нѣсколькихъ увлекающихся умовъ, какъ къ совершенно беспочвенной попыткѣ перенести въ жизнь чисто абстрактныя понятія.

Историки почти не останавливаются надъ этимъ во всякомъ случаѣ весьма характернымъ эпизодомъ французской исторіи, а если и останавливаются, то не для безпристрастнаго изученія его, а лишь для той или иной оцѣнки революціоннаго культа. Заговаривая о

¹⁾ Aulard. Le culte de la Raison et de l'Être Suprême (1793—1794). Essai historique. P. 1892.

немъ, они почти всегда берутъ на себя исключительно роль судей и, даже не удостоивая дѣла тщательнымъ изученіемъ всѣхъ причинъ и послѣдствій, спѣшатъ ему вынести самый строгій обвинительный приговоръ. Писатели религіозные отнеслись къ культу Разума съ нѣсколько большимъ вниманіемъ, но они дѣлали это лишь въ томъ расчетѣ, чтобы въ воспоминаніяхъ Террора почерпнуть оружіе противъ философовъ, а потому и не заботясь вовсе о правильной исторической критикѣ. Нашлись однако историки, которые съ своей стороны даже одобрили попытку революціонно-религіозной реформы. Но и у такихъ писателей мы видимъ опять же одну оцѣнку событій, и не находимъ даже достаточно полного изложенія ихъ. Последнюю именно задачу поставилъ себѣ профессор Оларъ (Aulard), выпустившій недавно очень основательное и любопытное изслѣдованіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Le culte de la Raison et le culte de l'Être Suprême“. Здѣсь онъ задумалъ нарисовать ту сторону французской революціи, которая коснулась ближайшимъ образомъ религіозныхъ убѣжденій народа и дать характеристику какъ сущности новаго культа, такъ и первыхъ его основателей. Результатомъ кропотливаго изученія провинціальныхъ и столичныхъ архивовъ явился настоящій трудъ, согласно заявленію его автора, „чисто описательнаго характера“. Дорожа фактами и преслѣдуя лишь полноту, проф. Оларъ, къ сожалѣнію, мало заботился объ удобочитаемости своей книги; она и оказалась скорѣе систематизированными матерьялами, нежели строго отдѣланной исторической монографіей. Задача настоящей статьи выдѣлить изъ сочиненія Олара всѣ общія положенія и нарисовать въ самыхъ главныхъ чертахъ, минуя иногда весьма характерныя подробности, судьбу и содержаніе революціоннаго культа.

Вопросы религіи и вѣры очень охотно обсуждались французской литературой XVIII-го вѣка. Скептическая и обличительная по преимуществу, она не утрачивала этихъ основныхъ своихъ свойствъ и въ области религіозной. Насмѣшки надъ монахами и духовенствомъ, изобличенія церковныхъ злоупотребленій, чисто раціоналистическій взглядъ на предметы поклоненія людей вѣрующихъ—составляли въ сочиненіяхъ того времени самыя обычныя явленія. Однако источникъ этого антирелигіознаго направленія у разныхъ писателей, былъ не всегда одинаковъ: у однихъ оно вытекало изъ общаго ихъ, матерьялистическаго или атеистическаго міровоззрѣнія, у другихъ не шло дальше осужденія только нѣкоторыхъ сторонъ современнаго культа,—осужденія, имѣвшаго въ своей основѣ абстрактно-религіозное чувство. Писатели болѣе крайняго взгляда, — среди нихъ можно отмѣтить Гельеція и Гольбаха,—въ настоящее время насъ не касаются. Хотя въ позднѣйшихъ нападкахъ на христіанскую вѣру и слышится иногда

отголосокъ ихъ ультра-матерьялистическаго ученія, тѣмъ не менѣ въ вопросѣ, теперь насъ интересующемъ, въ созданіи культа Разума, эти поборники разума, но противники всякаго культа, не принимали сами по себѣ никакого участія. Другое дѣло—обличители установленной религіи, не чуждые сами религіозныхъ основъ. Наиболѣе вліятельнымъ и яркимъ ихъ представителемъ надо считать Вольтера. Извѣстно, что онъ обличалъ религію во имя самой религіи, онъ требовалъ отнюдь не разрушенія ея, но только лишь реформированія, очищенія отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. А какимъ образомъ ее очистить? Посредствомъ оттѣсненія на задній планъ догмы, обрядности и приданія большей силы самой сущности религіи, т. е. добродѣтели. „Догма“, говоритъ Вольтеръ, „заставила умереть въ мученіяхъ десять милліоновъ христіанъ; добродѣтель же не вызвала даже царапины. Догма и до сихъ поръ влечетъ за собою разобщеніе, злобу и жестокость въ государствахъ, въ городахъ и въ семействахъ. О! добродѣтель, дай намъ успокоеніе!“ Говоря дальше о взаимномъ отношеніи государства и церкви, Вольтеръ полагаетъ теоретическія основанія повдѣйшихъ постановленій конститутанты въ этой области и прежде всего гражданской присягѣ священниковъ. „Хотите вы“, пишетъ онъ, „чтобъ ваша нація была сильна и могущественна? Пусть государство приказываетъ религіи. Какова наименѣ дурная изъ всѣхъ религій? Та, въ которой меньше догматовъ и больше добродѣтели. А какова самая лучшая изъ нихъ? Та, которая всѣхъ проще...“

Власть государства въ религіозной сферѣ была еще сильнѣе подчеркнута и болѣе горячо защищаема другимъ писателемъ XVIII-го вѣка, нынѣ совсѣмъ позабытымъ, а въ свое время весьма популярнымъ,—аббатомъ Рейналемъ. Въ своей „Философской исторіи“ онъ говоритъ: „Нѣтъ никакого иного собора, кромѣ совѣщанія министровъ государя. Гдѣ собрались правители страны, тутъ собралась и церковь. Когда государство произнесло свое слово, церкви не остается ничего прибавить... Нѣтъ другихъ апостоловъ, какъ законодатель и его исполнители. Нѣтъ другихъ священныхъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя признаны за таковыя. Нѣтъ иного божественнаго права, какъ благо республики...“

Нельзя отрицать далѣе извѣстнаго воздѣйствія на вождей революціи и на ихъ религіозныя убѣжденія натуралистической философіи Дидеро, но оно, безъ сомнѣнія, было и менѣ замѣтно, и болѣе анонимно, чѣмъ, напр., вліаніе сочиненій Руссо, Мабли и отчасти Тюрго; именно въ этихъ писателяхъ будущіе поборники культа Верховнаго Существа найдутъ себѣ самыхъ авторитетныхъ союзниковъ. У Руссо можно указать для примѣра цѣлый рядъ самыхъ краснорѣчивыхъ страницъ объ естественной религіи (*religion naturelle*), а его „Савояр-

скаго священника" слѣдуетъ считать прямо евангеліемъ всего позднѣйшаго культа Верховнаго Существа. Подкрѣпленіемъ нѣсколько отвлеченнаго ученія Руссо явились сочиненія Мабли, въ которыхъ пропагандировалась необходимость внѣшняго и публичнаго поклоненія Верховному Существу, производимаго въ храмахъ со священнослужителями и церемоніями. Внутренній культъ казался Мабли недостаточнымъ, и самая мысль о немъ—преступной и химеричной.

Если такимъ образомъ философы XVIII-го в. уже готовили умы къ скептицизму въ отношеніи къ установленной религіи и если въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ извѣстное теоретическое обоснованіе всѣхъ послѣдующихъ событій, то отсюда еще не слѣдуетъ, что имъ однимъ и никому другому религіозная реформа обязана своимъ происхожденіемъ. Совсѣмъ напротивъ: настроеніе отчасти самого общества и ближайшія политическія событія, а именно образомъ не вольномысліе французской литературы—были причиной всѣхъ революціонныхъ попытокъ низвергнуть католицизмъ и учредить религію Разума. Само духовенство было всего болѣе виновато въ томъ, что французское общество накануне революціи отличалось крайнимъ невѣріемъ. Представители католической церкви нерѣдко сами только подавали примѣръ свободнаго отношенія къ вопросамъ религіи. Аристократія, буржуазія и часть высшаго духовенства, нисколько не стѣсняясь, издѣвались надъ всякой обрядностью. Отъ священниковъ общество требовало не выполненія таинствъ, не толкованія догматовъ, а только лишь проповѣди морали. Что же касается крестьянъ, то они, не думая и не интересуясь, слѣдовали установленному ритуалу, а къ своимъ деревенскимъ кюре, крестьянамъ, какъ и они сами, привыкли относиться за панибрата.

Учредительное собраніе на первыхъ порахъ отнеслось къ католической религіи чрезвычайно почтительно, нападать на основы вѣры, на догму совсѣмъ и не входило въ его намѣренія. Однако вопросъ о гражданской присягѣ священниковъ очень скоро проявилъ весь антагонизмъ, существующій между церковью и государствомъ. Неприсягнувшіе служители алтаря вызвали неудовольствіе, а потомъ и гоненіе со стороны революціоннаго правительства. Но все негодованіе обрушилось сначала лишь на отдѣльныхъ лицъ, а не на ихъ ученіе, и непокорнымъ, враждебнымъ священникамъ противопоставили тогда въ идеалъ только послушныхъ и благонамѣренныхъ. Но само духовенство не пожелало союза съ республикой, своими антинаціональными поступками оно подготовило себѣ реакцію въ умахъ законодателей. Церковь вошла въ соглашеніе съ врагами республики, внутренними и внѣшними. Священникъ, какъ показали многочисленныя свидѣтельства, имѣлъ связь съ Кобленцомъ, онъ зажигалъ граждан-

скую войну въ Вандеѣ. Вездѣ, гдѣ замѣчалась только оппозиція національной оборонѣ, усматривали слѣды враждебной агитаціи духовенства. Тогда то положеніе дѣлъ радикально переизмѣнилось. Нападки посыпались со всѣхъ сторонъ и притомъ на все духовное сословіе, какъ присягнувшее, такъ и уклонившееся отъ присяги: храмы подверглись оскорбленіямъ, алтари стали опрокидываться, революція занесла свою руку и на само христіанство. „Если религія,—разсуждали тогдашніе правители Франціи,—служить препятствіемъ благу отчизны, разрушимъ религію“...

Такимъ то образомъ началось антирелигіозное движеніе, надѣлавшее столько шуму; отсюда въпослѣдствіи возникъ и разсматриваемый Оларомъ культъ Разума. Первымъ толчкомъ для того и другого послужили угрожающія политическія событія, враждебная республикѣ тактика духовенства и наконецъ чувство самозащиты со стороны республиканскаго правительства.

Первые признаки антирелигіознаго движенія проявились въ провинціи и были такого рода, что въ нихъ нельзя не увидѣть прямого результата чисто патріотическихъ соображеній. Вотъ съ чего дѣло началось. Изъ нѣкоторыхъ департаментовъ въ конвентъ поступили запросы, нельзя ли переливать въ пушки церковные колокола въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ чрезвычайно много. Отвѣтъ центрального правительства былъ таковъ, что въ каждомъ приходѣ слѣдуетъ сохранить лишь по одному колоколу, а всѣ остальные въ теченіе одного мѣсяца предоставить въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета для немедленнаго же обращенія ихъ въ артиллерійскія орудія. Отвѣтъ Конвента, конечно, только усилилъ патріотическій жаръ нѣкоторыхъ провинціальныхъ властей. Снятіемъ съ церквей колоколовъ дѣло уже не ограничилось, за нимъ тотчасъ же послѣдовало и присвоеніе церковныхъ драгоценностей: во многихъ мѣстностяхъ изъ храмовъ повынесли все украшавшее ихъ золото, сняли съ алтарей и всѣ дорогіе покровы. Въ официальныхъ донесеніяхъ изъ провинціи мы встрѣчаемъ стремленіе оправдать такіе поступки и при этомъ совершенно антирелигіозную точку зрѣнія, согласно которой благо страны поставляется выше всѣхъ требованій культа. Этимъ путемъ, уничтоженіемъ матеріальныхъ символовъ культа, открывалась широкая дорога для свободнаго отношенія и къ самымъ основамъ религіи.

Всѣ наши свѣдѣнія о первыхъ стадіяхъ антирелигіознаго движенія въ департаментахъ мы почерпаемъ изъ донесеній правительственныхъ комиссаровъ. Среди извѣстій иного рода тутъ попадаются указанія то на публичное отреченіе отъ христіанства нѣсколькихъ священниковъ одного города, то на установленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно новыхъ и притомъ нецерковныхъ празднествъ. Одинъ

изъ уполномоченныхъ Конвента, Фушэ, взявъ на себя даже починъ въ этомъ дѣлѣ, присвоивъ себѣ въ дѣйствительности нѣтъ не данное ему полномочіе „насаждать культъ республики и естественной морали на мѣстѣ прежней религіи ханжества и предразсудковъ“. Фушэ издалъ для вѣреннаго ему округа указъ объ радикальномъ измѣненіи процесса похоронъ. Весь ихъ религіозный характеръ, согласно его указу, уничтожался и похороны принимали отнынѣ какой-то поэтически-философскій оттѣнокъ. Тѣмъ же Фушэ устроенъ былъ въ Неверѣ совершенно языческій праздникъ, на которомъ возжигался „священный огонь богини Весты и былъ воздвигнутъ храмъ Амуру для совершенія въ немъ брачныхъ обрядовъ“.

Вскорѣ затѣмъ въ самомъ Парижѣ имѣлъ мѣсто такого же характера народный праздникъ. Это было 10 августа 1793 года, въ годовщину паденія старой монархіи. На площади Вастилии воздвигли статую Природы въ видѣ женщины, у которой изъ груди долженъ былъ изливаться неизсякаемый источникъ чистой воды, символъ неисощимаго изобилія. Надпись подъ статуей гласила: „мы всѣ ея дѣти“. Обращаясь къ этому воплощенію Природы, членъ комитета общественной безопасности и президентъ конвента Геро-де-Сешелль, отерылъ празднество такими словами:

„Природа“, воскликнулъ онъ, „повелительница дикарей и цивилизованныхъ націй! Этотъ безчисленный народъ, собравшійся съ первыми лучами солнца передъ твоимъ изображеніемъ, достоинъ тебя: онъ свободенъ. Въ твоихъ нѣдрахъ, въ твоихъ святыхъ источникахъ онъ снова обрѣлъ свое право—и возродился. Послѣ столѣтій рабства и заблужденій онъ долженъ былъ вернуться къ твоимъ простымъ путямъ, чтобы возвратить себѣ свободу и равенство. О, природа! прими выраженіе вѣчной привязанности французовъ къ твоимъ законамъ, и да освятятъ чистыя воды, текущія изъ твоихъ нѣдръ, этотъ великій союзъ братства и равенства всѣхъ присягающихъ тебѣ въ этотъ день, самый прекрасный союзъ изъ всѣхъ, которые освѣщало когда-либо солнце съ тѣхъ поръ, какъ оно зажглось въ безконечномъ пространствѣ!“... Здѣсь офиціальный протоколъ праздника присоединяетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „Вслѣдъ за такимъ гимномъ, единственной молитвой съ самыхъ первыхъ вѣковъ существованія человѣчества, обращенной къ природѣ дѣйствительными представителями націй, нашъ предсѣдатель наполнилъ свой кубокъ водой и давалъ изъ него пить уполномоченнымъ всего французскаго народа, удостоившимся чести нести знамена ихъ избравшихъ округовъ“.

Это торжественное и публичное обоготвореніе природы на улицахъ Парижа долгое время сначала оставалось единственной попыткой такого рода. Философски сдержанное, аристократически изящное

оно произвело мало впечатлѣнія на народъ, который былъ, разумѣется, совершенно чуждъ пантеистическимъ умозрѣніямъ президента Конвента. За-то громадное и всеобщее значеніе имѣли нѣкоторые законодательныя мѣры, принятыя этимъ послѣднимъ.

Уничтожить католическіе праздники, замѣнить имена святыхъ названіями предметовъ, „составляющихъ“, какъ говорилось въ официальныхъ разъясненіяхъ, „истинное богатство страны“,—значило отнять у католицизма весь его внѣшній престижъ. Вслѣдъ за введеніемъ республиканскаго календаря Комитетъ народнаго просвѣщенія издалъ указъ, по которому всѣмъ священникамъ и монахамъ запрещалось преподавать въ общественныхъ заведеніяхъ; кромѣ того, въ войска, въ школы и въ муниципалитеты разосланы были особыя книжечки съ жизнеописаніями героевъ республики для замѣщенія ими всякихъ „житій святыхъ“. Въ послѣднихъ мѣрахъ нельзя не видѣть уже вполне обдуманной и вполне откровенной компаніи противъ католицизма.

Мѣстами народъ самъ шелъ на встрѣчу намѣреніямъ правительства. Одинъ изъ наиболѣе глухихъ городковъ Иль-де-Франса подалъ первый примѣръ совершенной дехристианизаціи (déchristianisation). Его обитатели считали прежде своимъ патрономъ св. Власія; въ одинъ прекрасный день это имъ перестало нравиться, и они его замѣнили античнымъ героемъ Брутомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они постановили закрыть свой католическій храмъ и отпустить священника на всѣ четыре стороны. Примѣръ одного городка подѣйствовалъ заразительно на окружающихъ, и скоро весь дистриктъ объявилъ себя передъ Конвентомъ отрѣшившимся отъ христіанства. Это подало поводъ законодателю признать „право всѣхъ гражданъ устанавливать тотъ культъ, который они захотятъ, и прекращать церемоніи, переставшія нравиться“. Многіе члены якобинскаго клуба были еще однако недовольны такою полумѣрой Конвента, они желали полнаго отдѣленія церкви отъ государства. „Если мы хотимъ“ говорилъ одинъ изъ такихъ ораторовъ, „обезпечить свободу всѣхъ исповѣданій, мы не должны ни одного культа поддерживать на государственный счетъ, ни одной религіи не отдавать преимущества передъ другими“. Правительство, какъ видно изъ официальныхъ изданій того времени, и само не было враждебно идеѣ объ отдѣленіи церкви отъ государства, тѣмъ не менѣе мысль эта тогда еще не настолько созрѣла, чтобы она могла принять законодательную форму. Къ тому же Конвентъ былъ занятъ въ то время болѣе повседневными, болѣе мелкими и близкими нуждами, и все отсрочивалъ рѣшеніе этого капитальнаго, но, какъ казалось, не очень насущнаго вопроса. Однако же мѣры, направленные къ умаленію значенія духовенства, не переставали имъ издаваться.

17-го брѣмяза II-го года республики, иначе говоря 7-го ноября 1793 года, состоялось знаменитое засѣданіе Конвента, надѣлавшее много шуму въ Европѣ и несомнѣнно заслуживающее быть особо выдѣленнымъ въ исторію. Въ этотъ день предъ лицомъ законодательнаго собранія предсталъ парижскій епископъ—Гобель во главѣ всего епископальнаго совѣта. Онъ пожелалъ сложить съ себя свой высокій духовный санъ и въ краткой, тутъ же произнесенной рѣчи объяснилъ присутствующимъ причины, побудившія его къ этому шагу. Онъ сказалъ, что родился плебеємъ и всегда уважалъ народный суверенитетъ. Призванный народомъ на мѣсто епископа, онъ принималъ предложенный ему санъ и съ тѣхъ поръ все свое вліяніе употреблялъ на то, чтобы увеличивать „привязанность своей паствы къ вѣчнымъ принципамъ свободы, равенства и добродѣтели, этимъ необходимымъ основамъ всякой дѣйствительно республиканской конституціи“. Теперь, когда тотъ же народъ освобождаетъ его отъ прежнихъ обязанностей, онъ подчиняется снова и заявляетъ, что вѣстѣ со всѣмъ совѣтомъ приходитъ сложить съ себя передъ Конвентомъ свое званіе и свои отличія. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы отреченіе Гобеля было со-всѣмъ ужь добровольное: собственная его фраза о томъ что народъ освобождаетъ его отъ прежнихъ обязанностей, указываетъ на известное внѣшнее давленіе. Въ дѣйствительности наканунѣ того дня къ парижскому епископу явились два представителя власти, Клотцъ и Перейра, и передали ему волю правительства. Гобелю ничего другого не оставалось, какъ отступить самому, не дожидаясь, чтобы его смѣстили. Вслѣдъ за изложенной рѣчью онъ снялъ съ себя знаки епископскаго достоинства и среди громкихъ и дружныхъ аплодисментовъ всего собранія, надѣлъ на голову красную яacobинскую шапку. Примѣру своего главы послѣдовалъ весь епископскій совѣтъ, а за нимъ потянулся цѣлый рядъ отреченій различныхъ духовныхъ особъ. Нѣсколько дней Конвентъ почти только то и дѣлалъ, что выслушивалъ заявленія покидающихъ свои посты епископовъ, викаріевъ и кюрэ. На послѣднемъ изъ такихъ собраній по предложенію одного члена Конвентъ постановилъ перевести на итальянскій языкъ всѣ тѣ изъ своихъ указовъ, которые были направлены противъ духовенства и носили вообще антирелигіозный характеръ, а затѣмъ отправить ихъ римскому папѣ, чтобы „вылѣчить его отъ старыхъ заблужденій“.

Впрочемъ, уже черезъ нѣсколько недѣль этотъ юмористическій тонъ представителей власти сразу и рѣзко перемѣнился, когда въ обществѣ заговорили о томъ, что полиція обнаружила въ Парижѣ какой то заговоръ духовенства. Не долго думая, генеральный совѣтъ Парижа постановляетъ такое радикальное рѣшеніе:

„Въ виду того—говорилось въ указѣ отъ 3-го фримэра,—что самъ народъ заявилъ о своемъ нежеланіи признавать иной культъ, кромѣ культа Истины и Разума, Генеральный Совѣтъ постановляетъ: 1) чтобы всѣ существующіе въ Парижѣ храмы и церкви всѣхъ возможныхъ религій были немедленно заперты; 2) что священники и руководители культовъ будутъ считаться отвѣтственными за безпорядки, которые явятся слѣдствіемъ религіозныхъ убѣжденій; 3) что тотъ, кто пробуетъ открыть храмъ или церковь, будетъ арестованъ, какъ лицо неблагонадежное; 4) что революціоннымъ комитетамъ будетъ предложено какъ можно внимательнѣе слѣдить за священниками и наконецъ 5) въ Конвентѣ будетъ отправлена петиція объ изданіи такого декрета, коимъ священники лишались бы права нести какія бы то ни было общественныя обязанности, равно какъ и участвовать въ изготовленіи оружія“.

Дальше ужъ въ сущности на пути репрессалій идти было некуда: этотъ указъ слѣдуетъ считать кульминаціоннымъ пунктомъ антирелигіознаго движенія.

Если Генеральный Совѣтъ Парижа въ поддержаніе своего постановленія ссылался на мнѣніе самого народа, не желающаго будто бы иного культа, кромѣ культа Истины и Разума, то въ этой ссылкѣ надо видѣть указаніе на только что передъ тѣмъ происходившія народныя манифестаціи. Парижское населеніе, дѣйствительно, съ воодушевленіемъ примкнуло къ празднику, устроенному для прославленія Разума въ ноябрѣ 1793-го года по иниціативѣ правительства. На этотъ разъ новый культъ встрѣченъ былъ сочувственно, и праздникъ принялъ характеръ народнаго торжества. Утромъ назначеннаго дня представители городской власти, въ сопровожденіи громадной толпы народа, направились къ Собору Парижской Богоматери. Здѣсь ужъ все было устроено къ ихъ приходу. Внутренность церкви была всячески разукрашена, а по самой серединѣ возвышалась довольно высокая гора, вся убранная дорогими матеріями. На ея вершинѣ устроенъ былъ маленькій храмъ въ греческомъ стилѣ съ надписью: „философія“; вокругъ него помѣщались бюсты: Вольтера, Руссо, Франклина и, кажется, Монтескье. Церемонія началась какимъ-то музыкальнымъ отрывкомъ, во время исполненія котораго изъ глубины храма вышли группы молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья съ трехцвѣтными кушаками и съ факелами въ рукахъ. Они переходили черезъ всю гору, останавливаясь и кланяясь передъ храмомъ; за ними вслѣдъ появилась особенно богато одѣтая женщина, по выраженію очевидцевъ—„истинное воплощеніе красоты“; на головѣ ея красовалась якобинская шапочка, въ рукахъ была длинная пика—она изображала собою Свободу. Присутствующіе встрѣтили ее восторженными кликами и съ

воодушевленіемъ пропѣли особый гимнъ, специально для этого случая сочиненный довольно извѣстнымъ революціоннымъ поэтомъ— Жозефомъ Шенъ. При послѣднихъ словахъ гимна актриса парижской оперы, изображавшая Свободу, бросивъ прощальный благосклонный взглядъ на весь собравшійся народъ, снова скрывалась во глубинѣ храма; радостныя пѣсни оглашали церковь, присутствующіе давали клятвы быть вѣрными новой богинѣ и поздравляли другъ друга. Изъ церкви затѣмъ устроена была торжественная процессія, во главѣ которой шли музыканты, а въ серединѣ на высокихъ носилкахъ медленно подвигалась впередъ богиня Свободы, встрѣчаемая повсюду восторгомъ и пѣніемъ.

Такія манифестаціи вошли скоро въ обыкновеніе, а Соборъ Парижской Богоматери былъ признанъ официальнымъ храмомъ для поклоненія Разуму. Другія столичныя церкви увидѣли въ своихъ стѣнахъ почти такія же сцены. Повсюду новый культъ совершался по одному образцу: произносились рѣчи, пѣлись гимны въ честь свободы или въ честь Разума, иногда ихъ сопровождала еще Марсельеза, иногда тутъ же обсуждались политическіе вопросы, и дѣти школьнаго возраста деklamировали революціонныя стихотворенія. Въ провинціи такія празднества получили еще болѣе популярности и были учреждены по собственной инициативѣ нѣкоторыхъ городскихъ властей, не дождавшихся приказаній или примѣра столицы. Не было департамента, не было сколько-нибудь значительнаго города во Франціи, какъ это видно изъ многочисленныхъ фактовъ, собранныхъ проф. Оларомъ, гдѣ бы культъ Разума не получилъ хотя бы недолгаго примѣненія. И любопытно, что особенное воодушевленіе въ новомъ культѣ проявляло населеніе тѣхъ мѣстностей, которыя прежде считались всегда самыми твердыми столпами католицизма. Здѣсь антирелигіозное движеніе переходило въ какую-то разнузданную оргію и принимало крайне разрушительный характеръ. Еще недавніе посѣтители католическихъ храмовъ, теперь съ какой-то горячей поспѣшностью, съ восторженнымъ озлобленіемъ обращаютъ храмы въ коюшны, жгутъ на кострахъ священныя книги, уничтожаютъ всѣ принадлежности христіанскаго культа. Рѣчи, которыя произносились при этомъ, были полны насмѣшекъ надъ прежней религіей и восхваляли Разумъ, какъ единственное достойное почитанія божество. Но каковы бы ни были крайности этого движенія, по существу своему оно не было атеистично. Настоящіе, послѣдовательные атеисты того времени, вроде журналиста Саллавила, отвесились къ революціонному культу съ нескрываемымъ осужденіемъ. Въ ихъ глазахъ поклоненіе Разуму—ничто иное, какъ новая религія. „Недостаточно—писалъ Саллавиль,—сжечь молитвенники, кресты, иконы и другія свидѣтельства нашего суевѣрія: нужно

еще въ нашемъ умѣ сдѣлать полное аутодафе всѣхъ религіозныхъ убѣжденій. Ибо, покуда они существуютъ, они всегда стануть препятствовать правильному образованію нашего міровоззрѣнія". Возражая на упрекъ Робеспьера, назвавшаго атеизмъ аристократичнымъ, Саллавиль, недовольный правительствомъ, восклицаетъ: „Если атеизмъ аристократиченъ, то лишь случайно, благодаря тому, что тиранны и аристократія, соединившись, задумали сдѣлать изъ него орудіе контрреволюціи". Не заботясь о неудовольствіи, возбуждаемомъ имъ въ Конвентѣ, Саллавиль продолжаетъ: „По-истинѣ это немного странно, что хотять быть республиканцами во времени и роялистами въ вѣчности. Быть можетъ, чтобъ облегчить переходъ отъ заблужденія къ истинѣ, слѣдуетъ на первое время замѣнить эфемернымъ поклоненіемъ нравственности прежній культъ патроновъ и святыхъ. Но если мы хотимъ привести народъ къ чистому почитанію Разума, не потворствуя его слабости реализовать абстракціи, воплощать нравственныя понятія,—слѣдуетъ вылѣчить его отъ этой маніи, которая составляетъ главный источникъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій. Надо пропагандировать метафизическіе принципы Локка и Кондильяка, надо, чтобы народъ привыкъ видѣть въ статуѣ только камень, въ картинѣ—краски и полотно; а безъ того я не удивлюсь, если у насъ установится настоящій политеизмъ: скоро воздвигнутъ храмы всѣмъ добродѣтелямъ; онѣ будутъ имѣть свои церемоніи, свои праздники, а прославляя добродѣтели, поклоняясь имъ, люди, пожалуй, признаютъ излишнимъ примѣненіе ихъ въ дѣйствительной жизни...“ Въ такомъ же духѣ высказывались и другіе люди того же направленія.

Но какъ отнесся къ новому культу народъ? А народъ принималъ его больше съ вѣншей или съ отрицательной стороны. Видя въ священникахъ измѣнниковъ и предателей, онъ, такъ сказать, въ пику имъ разрушалъ символы католичества и оскорблялъ храмы, а въ то же время блестящіе церемоніи культа Разума, его веселія пѣснопѣнія и его патріотическій характеръ приходились по вкусу особенно парижскому населенію. Что же касается самого религіознаго чувства, то оно, разумѣется, не было уничтожено ни антихристіанскими мѣрами правительства, ни учрежденіемъ новаго, разсудочнаго культа. Религіозное чувство народа только временно отошло на второй планъ въ виду другихъ, болѣе сильныхъ тогда чувствъ, но при первомъ же удобномъ случаѣ оно нашло себѣ выходъ и проявилось съ особенной силой.

Резюмируя все, что было раньше сказано объ антирелигіозномъ движеніи въ Парижѣ и въ провинціи, проф. Оларъ заканчиваетъ первую часть своей книги такими словами: „Изъ всѣхъ разобранныхъ нами фактовъ, я думаю, вытекаетъ, что попытки

уничтожить христіанство и установить религію Разума не явились во Франціи результатом предвзятой философской идеи, обдуманной и, какъ увѣряютъ, фанатической системы. Учредительное Собрание и Конвентъ не имѣли намѣренія разрушать католичество. Напротивъ: до 1792-го года правительство выражало свое почтеніе національной религіи и, даже послѣ паденія трона, алтарь остался официально почитаемымъ. Революція хотѣла только, чтобъ духовенство не подкапывалось подъ тотъ соціальный порядокъ, который теперь возникалъ... Обязательность гражданской присяги была причиной или предлогомъ для коалиціи духовенства съ врагами республики. Надо было отнять отъ него его оружіе и побѣдить церковь, возставшую противъ государства. Сначала Конвентъ пытался сохранить свое уваженіе къ догматамъ вѣры, но скоро патріотическая ревность народа перестала дѣлать различіе между религіей и церковью. Вандея, этотъ союзъ священниковъ съ врагами и съ эмигрантами, это возмущеніе противъ закона, очагомъ котораго былъ католическій алтарь,—она-то и привела къ буйному вторженію въ храмы, къ ихъ профанаціи, а затѣмъ въ пылу гражданской битвы и къ нападенію не на одни лишь католическіе алтари, но и на самыя основы религіи. Дехристіанизация, культъ Разума въ народномъ представленіи, если и не въ мысляхъ Шометта и Клотца, были только оружіями въ войнѣ.

„Провинція приняла ихъ серьезно. Тамъ были дѣйствительно важныя и искреннія попытки отказаться отъ старой религіи и учредить новую. Богинь Разума изображали тамъ не театральныя актрисы, какъ въ Парижѣ, но почти вездѣ прекрасныя и добродѣтельныя дѣвушки, принадлежавшія къ избраннымъ классамъ общества... Различія, которыя замѣчались подчасъ въ характерѣ культа по разнымъ департаментамъ, происходили отнюдь не отъ разницы въ климатѣ или въ расѣ. Если не одинаково проходятъ философскіе праздники, не одинаково разрушается католичество въ Шартрѣ и въ Страсбургѣ, то это потому, что Шартръ отстоитъ далеко отъ непріятелей, а съ колокольной Страсбургскаго собора видны уже австрійскіе аванпосты. Если въ Верхней Віеннѣ торжество новаго культа происходитъ мирнымъ путемъ, тогда какъ въ Герѣ дѣло не обходится безъ насилія, то это зависитъ отъ того, что въ Лиможѣ революція чувствовала себя вообще побѣдительницей, а въ Ошѣ ей угрожали происки духовенства... Отсюда надо заключить и не бояться это повторить лишній разъ, что культъ Разума былъ не столько религіознымъ переворотомъ, сколько средствомъ національной обороны. Вотъ почему и католики не слишкомъ обезпокоились этимъ антирелигіознымъ порывомъ. Вотъ почему онъ появился и исчезъ такъ быстро, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ въ душѣ у народа. Вотъ почему наконецъ съ того дня,

когда Робеспьеру вздумалось указать на культ Верховнаго Существа, какъ на болѣе удобное средство въ борьбѣ съ иноземцами, богини Разума сами собой почти повсемѣстно тотчасъ же впади въ немилость и стали подвергаться насмѣшкамъ...“.

Уже въ самый разгаръ культа Разума въ Конвентѣ прорывались такіа рѣчи, гдѣ слово „разумъ“ подразумѣвалось выраженіемъ „Верховное Существо“ и гдѣ особенно настойчиво подчеркивалась необходимость прочной государственной религіи. Въ то-же время въ самомъ Парижѣ тайкомъ, а въ провинціи и совершенно публично многіе католическіе храмы продолжали оставаться открытыми: въ нихъ собирались толпами молящіеся и производились всѣ обычные религіозные обряды. Католическое духовенство, повидимому, только притаялось въ ожиданіи лучшаго времени, но не оставило своихъ надеждъ на возстановленіе утраченнаго значенія церкви, а потому подъ рукою въ этомъ смыслѣ и агитировало. Въ литературѣ и въ уличныхъ манифестаціяхъ все чаще и чаще стало выражаться неудовольствіе на новый культъ, во многихъ мѣстностяхъ проявилось броженіе, исходившее изъ чисто религіозныхъ побужденій. Само правительство очень довольно всей этой затѣй: оно старалось занять нейтральное, индифферентное положеніе, конечно, только еще увеличивающее смуту. Вотъ этою-то неудовлетворенностью однихъ и недовольствомъ другихъ и воспользовался Робеспьеръ, когда онъ началъ свою атаку противъ новаго культа въ защиту христіански-религіознаго чувства.

Зная, что религіозными доводами не много подѣйствуешь на своихъ сотоварищей по Конвенту, онъ началъ съ другого конца. Выступивъ въ первый разъ противъ поклоненія Разуму, Робеспьеръ выдвинулъ исключительно политическія соображенія. Онъ говорилъ, что считаетъ опаснымъ возбуждать противъ Франціи всю Европу открытымъ разрывомъ съ религіей. Называя культъ Разума атеистичнымъ, что, по словамъ Олара, было совершенно невѣрно, онъ требовалъ, чтобы существованіе Бога было признано въ принципъ—именно въ видахъ политическихъ. Атеизмъ, по его мнѣнію, аристократиченъ. Идея же Верховнаго Существа, наказывающаго пороки и награждающаго добродѣтели, очень популярна среди простаго народа. „Пускай философъ, воскликнулъ Робеспьеръ, выводитъ нравственность изъ другого источника, но берегитесь оскорбить священный инстинктъ, всеобщее чувство народовъ. Еслибы Бога даже и небыло, его бы слѣдовало изобрѣсти!..“ Теперь, зная всѣ послѣдующія событія, мы можемъ считать слова Робеспьера нечѣмъ инымъ, какъ только своего рода прелюдией къ будущему культу Верховнаго Существа: совсѣмъ не такое впечатлѣніе произвела эта рѣчь на присутствовавшихъ въ Конвентѣ. Въ ней увидали мудрый политическій совѣтъ и

протестующее чувство свободного мыслителя, не желающего, чтобы кому бы то ни было извнѣ навязывались религіозныя убѣжденія; никто еще тогда не прозѣвалъ въ будущемъ новой религіи, жреца-диктатора и человѣческихъ жертвъ на алтарѣ Верховнаго Существа...

Однако рѣчь Робеспьера не осталась совсѣмъ безъ возраженій. Конвентъ былъ слишкомъ зараженъ свободомысліемъ въ вопросахъ религіи, чтобы согласиться сразу на провозглашеніе Верховнаго Существа, въ особенности тотчасъ послѣ того, какъ онъ самъ устраивалъ поклоненіе Разуму; къ тому же среди его членовъ было еще не мало и рѣшительныхъ атеистовъ. Возгорѣлась борьба, всѣ члены Конвента раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступать. Къ партіи Робеспьера присоединился, между прочимъ, Дантонъ, и онъ-то собственно своимъ авторитетомъ рѣшилъ побѣду. Индифферентный въ вопросахъ религіи, Дантонъ выступилъ въ защиту Верховнаго Существа только въ надеждѣ, что такимъ образомъ уничтоженъ будетъ культъ Разума и дѣло ограничится принципиальнымъ признаніемъ бытія Божія. Никакихъ постоянныхъ богослуженій Дантонъ не хотѣлъ, ибо боялся восстановленія старины, но, какъ политикъ, вполне одобрялъ совѣтъ Робеспьера и признавалъ за лучшее не подавать лишнихъ поводовъ къ международной распрѣ. Побѣда Робеспьера выразилась въ изданіи Конвентомъ „отвѣта на манифесты королей, соединившихся противъ республики“. Здѣсь еще говорилось только, что „французскій народъ и его представители уважаютъ свободу всѣхъ исповѣданій и не преслѣдуютъ ни одного“. О Верховномъ Существомъ въ „отвѣтѣ“ не сказано ни слова, но уже все было подготовлено къ произнесенію и этого слова, а пока съ особенной силой подчеркивалась полная терпимость правительства ко всякимъ религіознымъ убѣжденіямъ, разъ только они не шли въ разрѣзъ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ.

Поворотъ въ религіозной политикѣ правительства произошелъ однако не сразу и не безъ сильной оппозиціи. Восхваленіе Верховнаго Существа сплошь и рядомъ встрѣчало въ Конвентѣ отвѣтное восхваленіе Разума; ораторы, говорившіе о важности религіи для государства, сибнялись такими, которые охотно вторили ѣдкимъ статьямъ Саллавиля. Такая же точно двойственность замѣчалась и за стѣнами Конвента. Процессіи и праздники для прославленія Разума стали рѣже, но не прекратились совсѣмъ. Нѣкоторыя общины продолжали закрывать свой храмы и объявлять себя отрѣшившимися отъ христіанства. Робеспьеръ видѣлъ необходимость прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ и прежде всего раздѣлаться съ нѣкоторыми своими особенно опасными врагами.

Робеспьеръ безъ всякаго сомнѣнія былъ самымъ яркимъ против-

никомъ культа Разума и самымъ ревностнымъ борцемъ за религіозное чувство; на немъ поэтому мы должны остановиться немного подольше и выяснить побужденія, руководившія имъ въ этой борьбѣ. Благодаря своимъ семейнымъ условіямъ, Робеспьеръ получилъ строго-католическое воспитаніе и хотя впоследствии говаривалъ о себѣ, что всегда былъ очень плохимъ католикомъ, тѣмъ не менѣе его біографы придаютъ большое значеніе обстановкѣ его дѣтства и юности. По самому складу своего ума, склонный къ мечтательности и мистицизму, Робеспьеръ уже очень рано сталъ предпочитать при выборѣ книгъ тѣхъ писателей, которые дѣйствовали преимущественно на чувство, а вскорѣ поддался рѣшительному вліянію Руссо. Писатели матеріалистическаго направленія отталкивали его своей сухостью, своимъ пренебреженіемъ къ духовной сторонѣ человѣка; скептическихъ философовъ XVIII в., онъ просто ненавидѣлъ, а у Руссо онъ находилъ себѣ отвѣты на многіе мучившіе его вопросы религіознаго свойства. Тамъ же онъ могъ прочесть и ту мысль, которая являлась теоретическимъ оправданіемъ для всей его позднѣйшей политики, а именно, что государство имѣетъ право требовать отъ своихъ гражданъ извѣстнаго *profession de foi*. Нѣкоторыя религіозныя основы признавались Руссо необходимымъ условіемъ общегитія, безъ нихъ ни одинъ подданный не могъ быть терпимъ въ государствѣ. Существованіе всемогущаго и всеблагаго Божества, признаніе загробной жизни, неизбежнаго на томъ свѣтѣ возмездія злымъ и вознагражденія добрыхъ, наконецъ, здѣсь на землѣ признаніе святости общественнаго договора, — вотъ принципы, составлявшіе краеугольные камни этого обязательнаго символа вѣры. Вы свободны не признавать ихъ, свободны не вѣрить ни во что, но въ такомъ случаѣ государство будетъ считать васъ вреднымъ для общества и выгонитъ за предѣлы страны. Такіе принципы усвоилъ себѣ и Робеспьеръ, прежде чѣмъ выступилъ на политическое поприще. Свое нерасположеніе къ матеріалистамъ онъ не считалъ нужнымъ скрывать. Въ клубѣ якобинцевъ онъ настоялъ на томъ, чтобы бюстъ Гельвеція, стоявшій тамъ на самомъ видномъ мѣстѣ, былъ уничтоженъ, а въ то же время въ своихъ публичныхъ рѣчахъ не уставалъ громить столь ненавистный ему атеизмъ.

Секретъ того вліянія, какое имѣлъ Робеспьеръ на всѣхъ окружающихъ, заключался больше всего въ его громадномъ ораторскомъ талантѣ. Онъ удивительно искусно умѣлъ затрогивать въ сердцахъ своихъ слушателей подходящія струны и ловко пользовался людскими слабостями; въ дѣлѣ пробужденія въ народѣ религіознаго чувства онъ очень надѣлся на помощь женщинъ и постоянно обращался къ нимъ въ своихъ рѣчахъ, взывая къ ихъ чуткому сердцу и непосредственному чувству. Мистическое направленіе Робеспьера было настолько

рѣшительно и опредѣленно, что многіе крайніе республиканцы, вѣрные завѣтамъ XVIII вѣка, обезпокоились. Въ обществѣ стали поговаривать о томъ, что „этотъ сумрачный религіозный доктринеръ“ опасенъ всему свободному духу французской революціи, что онъ грозитъ уничтожить наслѣдіе энциклопедической философіи. Появились даже каррикатуры, изображавшія Робеспьера въ священнической рясѣ и въ самой молитвенной позѣ, причѣмъ подпись внизу гласила: „врагъ философіи“. Однако въ конвентѣ положеніе Робеспьера было настолько прочно, что онъ не только пренебрегалъ уличными листками и толками, но еще задумалъ при помощи того же конвента раздѣлаться съ нѣкоторыми особенно опасными своими врагами.

Опираясь на нѣмецкое происхожденіе Анахарсиса Клотца да на какія-то неопредѣленные свѣдѣнія объ его связяхъ съ Германіей, Робеспьеръ добился его изгнанія изъ якобинскаго клуба. Не желая раздѣлить ту же участь, Геберъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ культа Разума, отступился отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и перешелъ въ ряды защитниковъ Верховнаго Существа. Своему временному союзнику, Дантону, Робеспьеръ имѣлъ много основаній не довѣрять: совершенно справедливо видѣлъ онъ въ немъ такого же свободного мыслителя, какими были и Клотцъ, и Геберъ, и упомянутый нами выше Геро де-Сешелль. Выступивъ противъ Дантона, Робеспьеръ, однако, оставилъ въ сторонѣ вопросы религіозные; онъ обвинялъ своего недавняго союзника въ измѣнѣ отечеству и скоро добился того, что Дантонъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Со смертью Дантона, всегда немного сдерживавшаго кровожадныхъ наклонности своего товарища, владычеству Робеспьера положительно не стало предѣловъ, реакція приняла самый ожесточенный характеръ. Геберъ и Шометтъ были казнены одинъ вслѣдъ за другимъ. Послѣднему поставили въ вину то обстоятельство, что онъ однажды воспрепятствовалъ кому-то отслужить ночью католическую мессу. Его постоянная оппозиція Робеспьеру была его дѣйствительнымъ преступленіемъ, истинной причиною казни. Въ своихъ рѣчахъ Робеспьеръ усиленно громилъ атеистовъ и въ результатѣ добился отъ конвента принятія декрета, коимъ, наконецъ, Верховное Существо торжественно провозглашалось. Здѣсь мы читаемъ: § 1. Французскій народъ признаетъ бытіе Верховнаго Существа, равно какъ и безсмертіе души. § 2. Онъ признаетъ, что культъ, дѣйствительно достойный Верховнаго Существа, состоитъ въ исполненіи обязанностей человѣка. Тѣмъ не менѣе тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ говорится: § 4. Устроены будутъ особые праздники, чтобы напоминать людямъ о Божествѣ. § 5. Свои названія они получаютъ отъ главныхъ событій французской революціи, отъ наиболѣе цѣнныхъ и полезныхъ добродѣтелей человѣка, отъ великихъ

благодѣяній природы. Далѣе слѣдуетъ утомительно-длинное перечисленіе предполагаемыхъ названій всѣхъ такихъ праздниковъ на цѣлый годъ и тутъ безъ всякаго порядка слѣдуютъ другъ за другомъ французскій народъ, человѣчество, равенство, братство, супружеская любовь, любовь къ отечеству, храбрость, материнская нѣжность, стоицизмъ, промышленность, потомство, юность и прочія совершенно несонзвѣримыя между собою понятія.

Конвентъ вотировалъ этотъ декретъ, втайнѣ надѣясь, что онъ не будетъ имѣть никакихъ конкретныхъ послѣдствій. Но Робеспьеръ думалъ иначе и прежде всего озаботился устройствомъ торжественнаго чествованія Верховнаго Существа. Празднику предшествовали длинныя приготовленія, онъ долженъ былъ выйти возможно болѣе блестящимъ, а для этого слѣдовало подготовить умы и заручиться сочувствіемъ общественнаго мнѣнія. Тутъ очень кстати для всего задуманнаго дѣла произошло покушеніе на жизнь Робеспьера. Молодая дѣвушка, сдѣлавшая попытку его убить, была въ сущности совершенно не подготовлена къ исполненію такого намѣренія; игрушечный кинжалъ, съ которымъ она бросилась на Робеспьера, у нея тотчасъ же отняли, да она имъ, вѣроятно, ничего бы и не сдѣлала, такъ какъ не обладала необходимой для убійства физической силой: арестованная, она объявила себя роялисткой. Какъ ни ничтожна, казалось, была эта попытка, Робеспьеръ искусно ею воспользовался: онъ нарочно раздулъ весь инцидентъ, и говоря о покушеніи въ конвентѣ, придавъ дѣлу слегка религіозный характеръ. „Возрадуемся и возблагодаримъ небо,—сказалъ онъ,—мы значить достаточно хорошо служили отечеству, чтобы оказаться достойными кинжаловъ тиранніи“. Въ то же время онъ получилъ нѣсколько поздравительныхъ писемъ по поводу его „чудеснаго спасенія“. Такимъ образомъ, Само Верховное Существо, казалось, оберегало отъ смерти своего ревностнаго защитника. Программа праздника составлена была музыкантомъ Давидомъ и отличалась большимъ великолѣпіемъ. Священнослужители новой религіи старались не упустить изъ виду ничего, что бы могло подѣйствовать на народное воображеніе. Въ ходъ были пущены и блестящіе костюмы, и дорогія матеріи, и войско, и музыка, и цѣлыя горы цвѣтовъ. Члены конвента появились на праздникѣ въ самыхъ торжественныхъ облаченіяхъ, впереди нихъ находился самъ Робеспьеръ, одѣтый въ яркій мундиръ и держа въ рукахъ пучекъ ржи. Собравшемуся во множествѣ народу онъ произнесъ слѣдующую, немного напыщенную, но очень понравившуюся слушателямъ рѣчь:

„Онъ насталъ наконецъ, этотъ на вѣки благословенный день, который французскій народъ посвятилъ Верховному Существо. Никогда еще сотворенный Имъ міръ не представлялъ зрѣлища, болѣе

достойнаго Его взглядовъ. Божество видѣло, какъ на землѣ царствовали тираннія, преступленіе и обманъ: Оно видитъ въ этотъ моментъ цѣлую націю, остановившую теченіе своихъ геройскихъ подвиговъ, чтобы вознестись мыслію къ Верховному Существу, которое возложило на нее миссію этихъ подвиговъ и дало силы для ихъ выполненія. Не Его ли безсмертная рука, начертанная въ сердцѣ человѣка правила равенства и справедливости, подписала и смертный приговоръ тираннамъ?.. Оно поселило въ душѣ торжествующаго притѣснителя боязнь и угрызненія совѣсти, а въ сердцѣ невинно притѣсняемаго—спокойствіе и гордость; это оно увѣнчало цѣломудріемъ чело красоты, чтобы сдѣлать его еще прекраснѣе; это Оно исполнило материнское чувство нѣжностью; это Оно увлажяетъ прекрасными слезами глаза сыновей, прижимающихся къ груди своей матери; это Оно заставляетъ замолкнуть самыя нѣжныя и самыя сильныя страсти предъ чувствомъ возвышенной любви къ родинѣ; это Оно надѣлило природу величіемъ, всѣми прелестями и богатствомъ... Все, что хорошо, — это Его дѣло или Оно само. Зло принадлежитъ испорченному человѣку, притѣсняемому или притѣсняющему себя подобныхъ" (почти дословное повтореніе знаменитой фразы Руссо).

Когда рѣчь была кончена, артисты Парижской Оперы исполнили величественный гимнъ: „Отецъ вселенной“, музыка которой всѣмъ очень понравилась. Затѣмъ Робеспьеръ подошелъ къ статуѣ Атеизма, подъ которой была сдѣлана надпись: „послѣдняя надежда враговъ“, взялъ поданный ему горящій факелъ и съ разныхъ концовъ поджегъ ее. Все было такъ заранѣе устроено, что на мѣстѣ почти мгновенно сгорѣвшей статуи Атеизма изъ пламени появилось изображеніе Мудрости; по официальнымъ отчетамъ, новая статуя „предстала предъ глазами народа во всемъ своемъ блескѣ“; но очевидцы находили ее, напротивъ, сильно закоптѣвшей отъ дыма. Затѣмъ по улицамъ Парижа потянулась блестящая процессія; всеобщее вниманіе привлекала въ особенности торжественная колесница, запряженная восемью быками, рога которыхъ были вызолочены. Колесница была въ античномъ вкусѣ, вся разукрашена дорогими покроями и заключала въ себѣ инструменты всѣхъ французскихъ искусствъ и ремеслъ. Тутъ были орудія земледѣлія вмѣстѣ съ колосьями хлѣба, эмблема народнаго благосостоянія, были и типографскія принадлежности—эмблема народнаго просвѣщенія. Въ центрѣ виднѣлось изображеніе Свободы, долженствовавшее указывать, что только подъ покровительствомъ свободы искусства могутъ процвѣтать. Вокругъ этой колесницы толпились члены Конвента, представители высшей власти въ странѣ. Во все время пути раздавались возгласы: „да здравствуетъ республика!“ въ перемежку съ криками: „да здравствуетъ Робеспьеръ!“. Слишкомъ бросающаяся

въ глаза одежда послѣдняго, рассчитанная на эффектъ, его стремленіе стать впереди всѣхъ, выдвинуться изъ ряда товарищей — были настолько замѣтны, что вмѣстѣ съ привѣтственными народными криками Робеспьеру пришлось услышать на свой счетъ и нѣсколько оскорбительныхъ замѣчаній со стороны и иныхъ членовъ конвента. Наконецъ на одной изъ главныхъ площадей города процессія остановилась. Пропѣли Марсельезу и гимнъ въ честь Верховнаго Существа. Дѣвушки бросали вверхъ цвѣты, юноши обнажали шпаги и давали на нихъ клятвы всегда одерживать побѣды. Старики ихъ благословляли. Артиллерійскій залпъ возвѣстилъ объ окончаніи праздника.

Казалось, что Робеспьеръ достигъ своего: праздникъ въ честь Верховнаго Существа былъ устроенъ и вышелъ блестящимъ. Однако, нельзя было не видѣть, что успѣхъ являлся чисто внѣшнимъ: именно того, чего такъ желалъ Робеспьеръ, не получилось. Никто не принялъ новаго культа въ серьезъ, никто не видѣлъ въ праздникъ чего-нибудь иного, кромѣ великолѣпнаго театральнаго зрѣлища: на робеспьеровскую затѣю взглянули съ одной лишь артистической точки зрѣнія. Въ провинціи съ новымъ культомъ дѣло пошло еще хуже. Исходя изъ своихъ въ сущности деистическихъ вѣрованій, Робеспьеръ думалъ создать религію, въ основу которой будетъ положено только два принципа: бытіе Вожіе и бессмертіе души. Но въ большинствѣ рѣчей на провинціальныхъ праздникахъ Верховнаго Существа къ этимъ двумъ принципамъ примѣшивались совершенно чуждые деизму элементы: то нѣкоторые догматы католицизма, то свободно-философская точка зрѣнія поклонниковъ Разума. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ праздники Верховнаго Существа по своему внѣшнему облику напомнили народу литургическія формы католическаго богослуженія, но въ громадномъ большинствѣ мѣстъ они ничѣмъ почти не отличались отъ праздниковъ, устраивавшихся раньше тѣми же лицами для прославленія Разума. Ихъ прямо смѣшивали, оба эти культа, и въ новомъ видѣли только усовершенствованіе, улучшеніе стараго. Согласно указу Конвента прежняя надпись „храмъ Разума“ должна была теперь на всѣхъ церквяхъ замѣнена такою: „Верховному Существу“, но это распоряженіе почему-то не вездѣ было выполнено, и даже, тамъ гдѣ его дѣйствительно привели въ исполненіе, внутренній смыслъ перемѣны остался для народа неяснымъ. Оно, впрочемъ, и не мудрено, когда, напр., даже официальная газета Жерскаго департамента находила возможнымъ давать отъ себя такіа разъясненія: „Согласно указу на лицевой сторонѣ храмовъ надо написать: „Верховному Существу“ вмѣсто прежняго: „храмъ Разума“. Это все равно, что обозначить причину слѣдствіемъ, самый храмъ останется по прежнему храмомъ Разума, потому что одинъ разумъ способенъ воздать Верховному Существу должныя

ему почести, почести достойныя и того, кто их воздасть, и того, кому онѣ воздаются". Въ Гаврѣ одно должностное лицо на засѣданіи Генеральнаго Совѣта доказывало, что „Разумъ и Верховное Существо —принципъ одинъ и тотъ же, изъ котораго для народа вытекаетъ единая вѣра; воздавать почести одному, значить чествовать и другое“... Простой народъ не могъ, конечно, разобрать самъ значенія новой религіи, когда даже въ умахъ его ближайшихъ властей царствовала подобная путаница.

Значительная часть Франціи повидимому даже и не подозрѣвала о религіозной реформѣ Робеспьера; этому способствовали всего больше многочисленныя черты сходства новаго культа съ прежнимъ. Статую Мудрости въ Тюльерійскомъ саду, многіе находили удивительно похожей на статую Разума; нѣкоторыя подробности въ празднованіи Верховнаго Существа были прямо заимствованы изъ культа Разума; тотъ же поэтъ, который воспѣвалъ прежде Разумъ, Марія-Жозефъ Шенье, слалъ свои гимны и въ честь Верховнаго Существа; отставныя богини стараго культа выполняли теперь роли Мудрости и Свободы,—словомъ на поверхностный взглядъ провинціала, не свѣдущаго въ томъ, что творится у кормила правленія, никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ официальной религіи какъ будто и не происходило. Желанія Робеспьера были такъ плохо поняты или такъ мало приняты во вниманіе, что антирелигіозное движеніе во многихъ департаментахъ не переставало идти своимъ чередомъ, и католическія церкви продолжали закрываться. Кое-гдѣ культъ Верховнаго Существа выродился прямо въ культъ родины и принялъ исключительно патріотическую окраску: этому были причиной отчасти вѣсти о только что описанномъ нами народномъ праздникѣ въ Парижѣ, гдѣ пѣлась Марсельеза и произносились воинственные клятвы, отчасти также и рѣчи самого Робеспьера, не покидавшаго все время и патріотической точки зрѣнія. За-то католическое духовенство съ своей стороны сейчасъ же прозрѣло мистическій характеръ происходившей перемѣны и поспѣшило утилизировать ее на свою пользу. Католическая агитація въ странѣ усилилась, теперешней терпимостью правительства духовенство воспользовалось для того, чтобы возобновить отправленіе христіанскаго богослуженія. Почва для полнаго возстановленія католицизма такимъ образомъ постепенно подготавлилась.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что идея новой религіи была вездѣ или не понята, или намѣренно извращена. Увидѣвъ столь жалкій результатъ всѣхъ своихъ долгихъ стараній, Робеспьеръ пришелъ въ ярость, сталъ жаловаться на интриги враговъ, схватился-было за репрессаліи и началъ наполнять тюрьмы ослушниками. Но все было напрасно, и самъ первосвященникъ Верховнаго Существа оказывался

безсильнымъ: ничто не могло оживотворить его мертворожденное дитя; новый культъ по всѣмъ видимостямъ рѣшительно не могъ привиться. Преслѣдованія во имя Верховнаго Существа послужили на гибель только самому Робеспьеру. 9-го Термидора Конвентъ принялъ рѣшеніе арестовать своего недавняго повелителя съ явнымъ намѣреніемъ избавиться отъ него навсегда. Нѣтъ сомнѣній, что деспотическія и кровожадныя наклонности Робеспьера были главной причиною этого рѣшенія; покуда былъ живъ Робеспьеръ, ни одинъ членъ Конвента не могъ быть покоенъ за свою голову; пока былъ живъ Робеспьеръ, никто не могъ поручиться, что республика въ одинъ прекрасный день не преклонитъ свою голову передъ диктаторомъ. Однако въ протоколахъ собранія 9-го Термидора среди мотивовъ политическаго характера мы находимъ слѣдующія соображенія: „Онъ былъ въ отчаяніи, сказано здѣсь, что не могъ возвратить народъ къ фанатизму и католическому жречеству, которое было и его собственнымъ, замѣнить его новымъ культомъ и новымъ жречествомъ, принудивъ такимъ образомъ великое политическое собраніе, правительство свободное и республиканское, отдалиться отъ Разума и отъ тѣхъ принциповъ, кои запрещаютъ хорошему правителю вмѣшиваться въ религіозныя дѣла съ иною цѣлью, какъ только для того, чтобъ прекратить злоупотребленія, безпорядки и преступленія, могущіе возникнуть въ этой области“. Въ ночь съ 9 на 10 Термидора, когда Робеспьеръ, раненный въ голову выстрѣломъ изъ пистолета, лежалъ на полу, исходя кровью, къ нему подошелъ какой-то санюлотъ и, издѣваясь, замѣтилъ: „Вотъ оно, Верховное Существо“. Подобныя насмѣшки Робеспьеру пришлось вынести и въ тюрьмѣ, гдѣ на его просьбу дать перо и бумагу тюремщикъ спросилъ его, не думаетъ ли ужъ онъ писать своему Верховному Существо... Въ Конвентѣ на слѣдующій день одинъ изъ второстепенныхъ ораторовъ выражалъ свое удовольствіе по поводу сверженія этого „католическаго короля“. Недавніе льстецы изощрялись въ насмѣшкахъ надъ павшимъ властелиномъ.

Послѣ низверженія Робеспьера созданный имъ религіозный культъ исчезъ не сразу. Кое-гдѣ продолжались праздники, подобные выше описанному, кое-гдѣ еще воздвигалось нѣсколько храмовъ въ честь Верховнаго Существа. Но это было лишь бесполезное переживание воспоминаній, жалкая агонія обреченной на смерть религіи. Обряды и праздники новаго культа въ теченіе очень недолгаго времени вышли изъ моды; не прошло и цѣлаго года съ момента низверженія Робеспьера, какъ о Верховномъ Существоѣ во Франціи всѣ перестали и думать. Робеспьеровскій культъ былъ постепенно просто забытъ; правительству поэтому не пришлось и уничтожать его какимъ нибудь особеннымъ декретомъ. Но если исчезъ самый культъ, то все же нельзя сказать,

чтобъ имъ посѣянные сѣмена такъ и пропали безслѣдно, совсѣмъ на-
противъ: найдя уже готовую для себя почву, они дали такіе ростки,
о какихъ вѣроятно самъ сѣятель никогда и не думалъ. Культъ Вер-
ховнаго Существа, благодаря своему мистически-религіозному харак-
теру, благодаря положенному въ его основаніе вѣрованію въ бытіе
Божіе и въ безсмертіе души, а въ то же время благодаря еще очень
сильно сказывающемуся въ немъ патріотическому чувству,—явился
переходной стадіей между поклоненіемъ Разуму, этимъ послѣдователь-
нымъ и полнымъ отрицаніемъ христіанства, и наступившей затѣмъ
особенно ожесточенной католической реакціей. Въ этомъ и заключа-
лась историческая роль созданной Робеспьеромъ религіи.

Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ.

С. Л. Итаницкаго.

Исторіи изъ римскихъ дѣяній (*Gesta Romanorum*).

1. Западно-европейскіе сборники и литература предмета.

Сборникъ, извѣстный подъ названіемъ *Gesta Romanorum*, принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ и популярнѣйшихъ произведеній средневѣковой литературы. Вліяніе его отразилось какъ на свѣтской, такъ и на духовной литературѣ западной Европы. Не только проповѣдники и моралисты черпали изъ него матеріалъ, но и писатели такой величины, какъ Боккачіо и Шекспиръ, находили въ немъ мотивы и фабулы для своихъ произведеній. Рукописи этого сборника находятся во всѣхъ главнѣйшихъ библіотекахъ Европы и показываютъ, что списываніе его, начавшись въ XIII ст., не прекратилась съ распространеніемъ книгопечатанія и продолжалось въ XVI столѣтіи. Въ настоящее время описано до 150 разныхъ списковъ, которые въ свою очередь показываютъ, что еще многіе изъ нихъ намъ неизвѣстны. Печатаніе *Gesta Romanorum* началось въ началѣ семидесятыхъ годовъ XV ст. и продолжалось все XVIII ст. даже въ такой странѣ, какъ Англія. На это произведеніе очень рано было обращено вниманіе. Еще въ XVII ст. извѣстный протестантскій богословъ Саломонъ Гляссъ (1593—1656) доискивался автора или по крайней мѣрѣ составителя этого сборника ¹⁾. Изда-

¹⁾ Glasius. *Philologiae sacrae libri duo*. Jena. 1623. Было нѣсколько изданій и послѣднее 1818 г.

тель XVIII ст. произведений англійскаго поэта XIV ст. Чаусера, Thurgwitt, останавливался на значеніи въ литературѣ Gesta Romanorum и сдѣлалъ попытку опредѣлить время составленія сборника.

Прочное основаніе серьезному изученію этого сборника положено было въ началѣ нынѣшняго столѣтія Dunlop'омъ 2), послѣ труда котораго англійскіе ученые обратили серьезное вниманіе на значеніе этого памятника въ исторіи литературы. Warton 3) и Douce 4) мимоходомъ принуждены были останавливаться на вліяніи Gesta Romanorum на англійскую поэзію. Въ 1824 г. Сванъ издалъ новый англійскій переводъ, предпославъ ему обширное введеніе и снабдивъ примѣчаніями 5).

Въ 1838 г. бібліотекаръ британскаго музея Fr. Madden 6) издалъ старинный англійскій переводъ по рукописи музея XV ст. съ введеніемъ и примѣчаніями. Это изданіе было назначено для Роксбургскаго Общества и въ продажу не поступало по уставу Общества. Въ 1879 г. S. J. Herrtage 7), въ изданіи Early English Text Society, напечаталъ старинный англійскій переводъ по рукописи, извѣстной Madden'у, съ вариантами по другимъ рукописямъ. Къ этому изданію присоединилъ обстоятельное изслѣдованіе, которое по настоящее время другимъ не замѣнено.

Въ нѣмецкой литературѣ общія указанія были сдѣланы Ешенбергомъ 8), Гриммомъ 9). Въ 1841 г. извѣстный ученый А. Келлеръ напечаталъ, по рукописи XV стол. Мюнхенской бібліотеки, старинный нѣмецкій переводъ 10), а въ 1842 г. извѣстный бібліографъ Грессе 11) издалъ новый нѣмецкій переводъ, составленный по латин-

2) Dunlop. History of fiction. Edinburgh. 1814. Боле извѣстное по нѣмецкому переводу—Liebrecht. Dunlop's Geschichte der Prosadichtung. Berlin. 1851.

3) History of english poetry.

4) Illustration of Schakespeare.

5) Gesta Romanorum transl. from the Swan with preliminary observations and copious notes by the Rev. Ch. Swan. London. 1824. 2 vol.

6) Gesta Romanorum, the old english versions, edited by Fr. Madden. London. 1838. 4°. XXII, 530.

7) The early english versions of the G. Rom. Formerly edited by sir Fr. Madden for the Roxburge club, and now reedited from the Mss. in the British Museum and university Library, Cumbrige. By S. I. H. Herrtage. London. Published for the Early English text Society. Extra Series. XXXIII.

8) Neue Lit. Anz. 1807; 39—45.

9) Haus-Märchen, т. 3, 376 и сл.

10) Bibliothek der gesammten deutschen National-Literatur. 23 Bd. Gesta Romanorum das ist der Roemer Tat. Herausgegeben v. A. Keller. Quedlinburg u. Leipzig.

11) Das älteste Märchen und legendenbuch des christlichen Mittelalters oder die Gesta Romanorum v. Dr. Grässe. Dresden. u. Leipzig. 1842.

скими текстамъ и къ переводу присоединилъ обширное введеніе, которое долгое время было единственнымъ полнымъ изслѣдованіемъ, касающимся *Gesta Romanorum*. Наконецъ въ 1872 г. Н. Oesterley издалъ латинскій текстъ по старопечатнымъ изданіямъ съ присоединеніемъ тѣхъ статей, которыя не вошли въ первоначальныя изданія и сохранились только въ рукописныхъ сборникахъ. Пространное введеніе, примѣчанія къ отдѣльнымъ статьямъ сборника дѣлаютъ трудъ Oesterley'а незамѣнимымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исключаютъ всѣ предыдущія изслѣдованія, дѣлая ихъ только библиографическими нумерами 12).

Во французской литературѣ лучшимъ изслѣдованіемъ остается по настоящее время введеніе Brunet 13) къ его изданію стариннаго французскаго перевода.

Въ славянской литературѣ впервые было обращено серьезное вниманіе на *Gesta Romanorum* въ извѣстномъ изслѣдованіи А. Н. Пыпина: О старинныхъ повѣстяхъ 14). Въ 1878 году Общество Люб. Древн. Письменности 15) издало русскій текстъ въ старинномъ переводѣ по рукописи, ему принадлежащей. Введеніе и указатель приложенные къ изданію не выдерживаютъ самой снисходительной критикѣ, а потому это изданіе имѣетъ значеніе сырого матеріала.

О чешской редакціи имѣемъ свѣдѣнія въ статьяхъ Иречка въ Часописѣ чешскаго музея (1862 г.) 16) и Гануша въ Крокѣ (1866); тексты нѣсколькихъ главъ въ томъ же Часописѣ, во II томѣ, выбора чешской литературы и въ чешской антологіи 17).

О польскомъ сборникѣ упоминаетъ мимоходомъ д-ръ Поливка въ своемъ изслѣдованіи о Повѣсти объ Апполонѣ королѣ Тирскомъ 18).

2. ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ СБОРНИКА. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

Изслѣдованіями западно-европейскихъ ученыхъ подробно разобрано содержаніе *Gesta Romanorum*, указано на происхожденіе каж-

12) *Gesta Romanorum* von H. Oesterley. Berlin. 1872.

13) *Le Violier des histoires Romaines, ancienne traduction française des Gesta Romanorum*. Nouvelle édition, revue et annotée par M. G. Brunet (Bibliothèque Elzevirienne. Jannet). Paris. 1858.

14) Ученныя Зап. II Отд. Имп. Акад. Наукъ. Кв. IV. Спб. 1858.

15) Римскія Дѣянія. *Gesta Romanorum*. Спб. 1877—1878.

16) *Casopis Musea Kralovstvi Ceskeho*. 1892.

17) *Jireček Anthologie z literatury česke*. Sv. I Praha, 1879.

18) *Roman o Apollonovi králi Tyrském* (Listy filologické. XVI. 5—6).

даго разсказа, на его распространенность въ литературѣ и поставленъ вопросъ о мѣстѣ, времени составленія сборника, а также и объ имени составителя. Результаты такой работы сведены въ трудахъ Oesterley'a и Herrtage'a. Поэтому здѣсь я вкратцѣ останавлиюсь только на составѣ сборника, на вопросѣ о личности составителя и мѣстѣ и времени его составленія.

Подъ именемъ *Gesta Romanorum* извѣстенъ сборникъ, составленный изъ псевдо-историческихъ разсказовъ анекдотическаго характера, приводимыхъ съ нравоучительною цѣлью. Разсказъ подгонялся къ той цѣли, съ которой приводился, и нравоученіе играло здѣсь существенную роль. Отдѣльные разсказы очень древни и многіе изъ нихъ, нося внѣшній обликъ греко-римской культуры, заходятъ еще далѣе и ведутъ свое начало изъ дальняго востока. Исторія каждого отдѣльнаго разсказа имѣетъ существенное значеніе въ исторіи образованія той или другой легенды, но для исторіи составленія цѣлаго сборника, по моему убѣжденію, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Всѣ эти разсказы давно уже существовали на европейской почвѣ къ эпохѣ кодификаціи сборника. Въ него они вошли въ томъ видѣ, въ какомъ странствовали по всей Европѣ, а потому для исторіи сборника не интересна ихъ родословная. Поэтому я оставляю этотъ вопросъ въ сторонѣ, да и для нашей цѣли онъ уже достаточно изслѣдованъ, и перехожу прямо къ вопросу о мѣстѣ времени составленія и личности составителя. Изъ всѣхъ этихъ вопросовъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о составителѣ сборника—разъ онъ будетъ рѣшенъ, остальные сами собою разрѣшатся. Этимъ интересовались всѣ изслѣдователи, начиная съ Глясса, названы были разными именами, и результатомъ оказалось полное незнаніе. Послѣдніе изслѣдователи Oesterley и Herrtage, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, пришли къ выводу, что онъ остается безъ отвѣта. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ вопросъ надо поставить такъ, какъ въ настоящее время поставили математики вопросъ о квадратурѣ круга—доказать, что этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ и не долженъ быть разсматриваемъ. Для такой постановки дѣла слѣдуетъ бросить хотя бѣглый взглядъ на исторію возникновенія сборниковъ разсказовъ съ нравоучительною цѣлью. Если съ этой точки зрѣнія посмотримъ, то увидимъ, что даже тѣ данныя, которыми мы располагаемъ, достаточны для рѣшенія этого вопроса въ указанномъ смыслѣ. Для этого прежде всего остановимся на вопросѣ, къ какому времени нашъ сборникъ получилъ тотъ характеръ и ту схему, которая въ общихъ чертахъ стала повторяться во всѣхъ сборникахъ. Oesterley нашелъ рукопись 1342 г., содержащую разсказы, которые повторяются въ *Gesta Romanorum*, а рукопись эта вполне соотвѣт-

ствуешь тому характеру какой имъ присущъ. Но эта рукопись представляетъ несомнѣнный списокъ съ болѣе ранней, а это соображеніе и другіе мотивы заставляютъ его сдѣлать выводъ, что сборникъ нашъ кодифицировался въ XIII стол.

Въ одной изъ рукописей львовскаго университета (1. Н. 8) XV ст. имѣется введене къ *Gesta Romanorum*, не встрѣтившееся до сихъ поръ ни въ одномъ спискѣ. Приписка эта, несмотря на сильную испорченность текста, весьма важна:

Legem (sic!) volentibus aliquam (sic!) de gestibus sive statutis romanorum et de statu imperatorum tam bonorum quam malorum, qui successerunt in romana republica... qui principes et imperatores fuerunt a Caesare Augusto et usque ad annum dni millesimum cclxi... Такимъ образомъ составитель ставитъ себѣ предѣломъ годъ 1261-й, а это не случайно, такой предѣлъ могло въ то время поставить лицо, жившее въ этомъ году и дѣлавшее сводъ. При томъ сборникъ этотъ называется *Gesta romanorum minora*, и въ текстѣ разъ упоминаются — *Gesta maiora*. Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ, имѣющихся въ литературѣ предмета, подкрѣпленныхъ моимъ открытіемъ, я присоединяюсь къ мнѣнію Oesterley'a и склоненъ принять 1261 годъ, за годъ окончательной кодификаціи *Gesta Romanorum* въ той редакціи, къ которой принадлежитъ рукопись Львовскаго университета (= Дрезденской).

Исходя изъ того положенія, что сборникъ сложился къ половинѣ XIII ст., мы не можемъ отыскивать его составителя послѣ этого времени и должны остановиться только на такихъ сборникахъ, которые могли существовать до того времени. На первомъ планѣ мы должны поставить *Disciplina clericalis*, трудъ безымянный, испанскаго монаха Петра Альфонса, крещенаго арагонскаго еврея Моисея Сефанди (1062 — 1110). Трудъ этотъ XI ст. происходитъ изъ Испаніи и является наслѣдіемъ арабской образованности, создавшимся подъ вліяніемъ христіанской культуры. Объ этомъ, впрочемъ, самъ авторъ говоритъ въ началѣ своего труда: *libellum compegi presertim ex proverbiiis philosophorum et suis castigationibus arabicis fabulis et versibus, presertim ex animalium et volucrum similitudinibus... et est nomen clericalis disciplina, reddit enim clericum disciplinatum* 19). Такимъ образомъ уже въ XI ст. опредѣлена была и система составленія, форма изложенія и цѣль, для которой сборникъ пред-

19) Alphonsi Petri. *Disciplina clericalis*, mit Einleitung u. Anmerkungen v. Fr. W. Schmidt. Berlin, 1827. 4° Въслѣдствіи перепечатана въ *Migne Patrologiae Cursus completus Series Latina* CLVII, 671—706. Маѣ известна рукопись Краковскаго Университета № 1206 и по ней дѣлаются мною выписки.

назначался. Отовсюду собирались примѣры, которые могли наставлять въ добродѣтели клирика. Это первая ступень развитія такихъ сборниковъ. Предназначались сперва они для вразумленія и наставленія лицъ, посвятившихъ себя монашеской-духовной жизни, и только съ теченіемъ времени цѣль ихъ расширилась, предметъ воздѣйствія сдѣлался шире, и изъ стѣнъ монастырскихъ морализованная легенда взошла на церковную кафедру.

Disciplina clericalis является древнѣйшимъ сборникомъ, въ которомъ собрано въ одно цѣлое такое количество анекдотическихкихъ рассказовъ съ нравоучительною цѣлью. Изъ этихъ рассказовъ 15 почти цѣликомъ вошли въ *Gesta Romanorum*. Въ этомъ произведеніи слѣдуетъ видѣть тотъ зародышъ, изъ котораго постепенно образовались и *Gesta*. Разъ рукопись Петра попала въ руки монаховъ, они изъ нея выписывали, что казалось подходящимъ, а къ этому добавляли и изъ другихъ источниковъ другіе рассказы. Такихъ бродячихъ рассказовъ, невѣдающихъ отечества, въ то время была уже масса. Они прицѣплялись къ одному общему кому и, катясь подобно лавинѣ, образовали тотъ безымянный трудъ, въ которомъ нельзя отыскать ни того, кто его натолкнулъ, ни того, кто направилъ его по извѣстному пути, ни того кто содѣйствовалъ его дальнѣйшему и окончательному образованію. Въ такихъ произведеніяхъ дѣйствуетъ стихійная сила, она ими управляетъ и ихъ образуетъ. Такіе личности какъ Голькотъ, *Vincentius Bellovacensis*, авторъ *Dialogus creaturarum*, *Berchorius*, брали уже готовый матеріалъ и подчасъ уже систематизированный. Брали его съ полнымъ сознаніемъ права имъ пользоваться, какъ вещью, составляющую общее достояніе, а не чье-либо частное. Поэтому-то въ такихъ произведеніяхъ, какъ *Gesta Romanorum* нельзя даже доискиваться того, кто его составилъ, и слѣдуетъ ограничить изслѣдованіе вопросомъ, какъ онъ составилъ. Образованіе этого памятника не можетъ принадлежать инициативѣ одной какой нибудь личности, онъ составилъ постепенно и незамѣтно для составителей. Около небольшого сборника группировались подходящіе рассказы, въ которыхъ ни текстъ, ни даже замкнутый циклъ не стѣсняли каждаго новаго переписчика. Всѣ относились свободно къ переписываемому образцу, ихъ не стѣсняло фраза текста, ее видоизмѣняли сообразно личному вкусу, и пропускъ однихъ рассказовъ и вставка другихъ были на каждомъ шагѣ. Дошло дѣло до того, что изъ сотни полторы списковъ, мы не можемъ найти даже двухъ вполне сходныхъ между собою. Сколько рукописей, столько отдѣльныхъ произведеній. Все это конечно, могло случиться только съ такимъ произведеніемъ, которое незнаю собственника, оно слагалось постепенно пока, наконецъ, не достигло

извѣстной схемы, которая окончательно установилась. Да и до Глясса никому и въ голову не приходило отыскивать составителя *Gesta Romanorum*, а теперь послѣ Oesterley'а слѣдуетъ окончательно прекратить розыски въ этомъ направленіи. Поэтому-то мы прямо переходимъ къ обзору дошедшаго до насъ матеріала.

3. Западно-европейскія редакціи *Gesta Romanorum* и старопечатныя изданія.

Все разнообразіе рукописнаго и старопечатнаго матеріала можно подвести къ четыремъ типамъ:

1) Старопечатные латинскіе тексты; 2) рукописные сборники—англо-латинской и латино-германской редакціи и 3) польско-русская группа.

Первая группа представляется латинскими, голландскими, французскими сборниками и позднѣйшими нѣмецкими переводами.

Древнѣйшее латинское изданіе, вышедшее въ Утрехтѣ у Kete-laer de-Leempt, на 125 листахъ, содержитъ 150 главъ, которыя соотвѣтствуютъ 151 главамъ позднѣйшаго латинскаго изданія, за исключеніемъ 18-й главы (*miles nomine Julianus*), которой нѣтъ въ этомъ изданіи, причемъ главы 48—54 помѣщены предпоследними (143—149). Второе изданіе вышло въ Кельнѣ у Арнольда Тер Ноерен, вполне соотвѣтствуетъ первому изданію, но имѣетъ одною главою больше. Всего 151 гл., причемъ послѣдняя соотвѣтствуетъ 152 главѣ позднѣйшихъ изданій. Третье изданіе, появившееся въ Кельнѣ у Ульриха Целле около 1473 года содержитъ 181 главу и оно послужило прототипомъ всѣхъ позднѣйшихъ перепечатокъ. Всѣ эти три изданія составляютъ чрезвычайную рѣдкость, и мнѣ не удалось видѣть ни одного изъ нихъ, ни здѣсь, ни за границей. Богатѣйшее собраніе инкунабулъ Императорской Публичной бібліотеки имѣетъ нѣсколько изданій XV ст., но этихъ нѣтъ. По первымъ тремъ изданіямъ сдѣлалъ перепечатку латинскаго текста въ своемъ изданіи Н. Oesterley.

По третьему изданію составленъ былъ голландскій переводъ, изданный въ 1481 году Ghehaert'омъ Leeu въ Гудѣ въ Голландіи. Подобно латинскому изданію оно содержитъ 181 главу. На концѣ изданія имѣется приписка: *Dit boeck dat men hiet die gesten of gheschienisse van romen is voleynt ter goude in hollant by my ghehaert leeu Int iaer ons heren MCCCC ende LXXXI of ten laetsten dach van den April.* Это изданіе нѣсколько разъ перепечатывалось.

Французскій переводъ соотвѣтствуетъ латинскому изданію, содержащему 181 главу, послѣдовательность главъ въ немъ одна и

та же, только главы 122—125 латинскаго текста поставлены послѣдними, послѣ 181 главы. Пропущены слѣдующія: 27, 53, 87, 88, 91—93, 95, 98, 104, 105, 108, 109, 117, 118, 126, 130, 133, 138, 142—145, 152, 157, 161, 164, 169, 173, 178—180. Текстъ этотъ обстоятельно изслѣдованъ Brunet и сравнительно съ латинскимъ не имѣетъ никакихъ особенностей.

Къ этой группѣ принадлежитъ нѣмецкое изданіе 1538 г. (Strassburg beim Jacob Cammerlander von Mentz), содержащее 127 главъ, къ которому Oesterley отнесся съ пренебреженіемъ, какъ позднѣйшей жалкой, водянистой передѣлкѣ латинскаго оригинала, которая не можетъ быть принимаема во вниманіе. Съ этимъ, однако, мнѣніемъ нельзя согласиться. Это изданіе, хотя и очень позднее, заслуживаетъ нашего вниманія. Это не простое сокращеніе, латинскаго печатнаго оригинала, какъ можно бы полагать по заглавію (*kürzlich und wolhierin zezamen verteutsch*). Въ него издатель включилъ всю исторію Семи мудрецовъ, какъ она сохранилась въ отдѣльных сборникахъ, а не въ рукописныхъ сводахъ *Gesta Romanorum*. Текстъ этотъ важенъ для исторіи Семи мудрецовъ, на что уже обратилъ вниманіе д-ръ М. Мурко²⁰).

Во всѣхъ этихъ изданіяхъ сохранена опредѣленная послѣдовательность разсказовъ. Они начинаются статью—*De dilectione* (*Rompreius regnavit*) и заканчиваются въ третьемъ изданіи и въ переводахъ, по нему составленныхъ, главою—*De adulterio*.

Въ рукописныхъ сборникахъ не нашлось ни одного списка, который бы могъ служить оригиналомъ для первопечатнаго изданія. Болѣе всего къ нему подходитъ рукопись Мюнхенской бібліотеки (напр. № 4691). Рукопись № 9094 не можетъ быть принимаема къ расчету, такъ какъ составляетъ несомнѣнно выборъ изъ печатнаго изданія, притомъ очень поздній (1628 года). Всѣ старопечатныя изданія содержатъ въ себѣ житіе св. Алексѣя и Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ, чего не встрѣчаемъ въ рукописныхъ сборникахъ (за исключеніемъ Рк. XVII ст. Мюнхенской бібліотеки).

Къ старопечатнымъ изданіямъ близко примыкаетъ незначительное количество латинскихъ рукописей, которыя по своему характеру ближе всего подходятъ къ оригиналу, послужившему прототипомъ печатныхъ изданій. Всѣ онѣ, какъ и печатные сборники начинаются статью *Rompreius regnavit* и лучшимъ ихъ представителемъ являются Мюнхенскія рукописи 4691, 4721. Это самая поздняя редакція въ ней не видно системы и въ нее входитъ множество разсказовъ, вставленныхъ

²⁰) Beiträge zur Textgeschichte der Historia septem sapientum. Zeitschr. für Vergl. Litteraturgesch. v. M. Koch. 1892, VI, Bd. 1—34.

въ самое позднее время. Впрочемъ и эта редакція сохранилась въ спискахъ XV столѣтїя.

4. РУКОПИСНЫЕ СБОРНИКИ АНГЛО-ЛАТИНСКОЙ И ЛАТИНО-ГЕРМАНСКОЙ ГРУППЫ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ GESTA ROMANORUM въ Польшу.

Отдѣльную группу составляютъ рукописные сборники, которыхъ Oesterley насчиталъ 138 и къ которымъ мы можемъ прибавить еще 12. Всѣ эти рукописи поражаютъ изслѣдователя своимъ необычнымъ разнообразїемъ, какъ по группировкѣ рассказовъ, такъ и по ихъ изложенію. Мы не можемъ найти въ этомъ количествѣ даже двухъ рукописей, которыя бы представляли дословную копїю. Переписчики не только не стѣснялись выборомъ статей, но даже и текстомъ рассказа или нравоученїя, а потому каждый отдѣльный списокъ можно бы считать за новую передѣлку, за самостоятельный трудъ, если бы это выраженїе было приложимо къ подобнаго рода произведенїямъ. Какъ ни поразительно разнообразїе отдѣльныхъ списковъ, а все-таки и здѣсь можно подѣлѣть нѣсколько категорїй, изъ которыхъ каждая имѣетъ извѣстные характерные признаки.

Въ первую категорїю, болѣе всего замѣтную, слѣдуетъ выдѣлить латинскїя рукописи, писанныя въ Англіи. Рукописи эти представляютъ своеобразную группировку статей, не встрѣчающуюся въ средне-европейскихъ сборникахъ, но въ нихъ нѣтъ ни одной такой статьи, которой бы не нашлось въ другихъ сборникахъ. Лучшимъ представителемъ этой категорїи является рукопись Британскаго музея (Harl. 2270), содержащая 102 рассказа; въ ней нѣтъ только рассказа объ Аталантѣ, помѣщеннаго въ другой рукописи того же Музея (Harl. 5369) на первомъ мѣстѣ и вошедшей въ переводъ Wynkyn'a. Такимъ образомъ англо-латинскіе сборники содержатъ всего 102 рассказа, но большая часть рукописей не сохранила въ полности и этого количества. Въ виду того обстоятельства, что нѣтъ въ этихъ сборникахъ ни одной статьи, которой бы не было въ рукописяхъ среднеевропейскихъ, нельзя считать англо-латинскую категорїю за самостоятельный трудъ, за нею слѣдуетъ оставить только самостоятельность выбора и группировки рассказовъ. Всего рукописей этой категорїи насчитано до сихъ поръ 30 (Oesterley, Hertridge).

По этому изводу составленъ былъ и старинный англійскій переводъ, сохранившійся въ спискѣ XV ст. въ рукописи Британскаго Музея (Harl. 7333). Сообразно съ англо-латинскимъ текстомъ здѣсь не достаетъ первыхъ 6 главъ и первой поставлена глава 7, далѣе пропущены 35 и 37, и до 69 (= англ. 61), рассказы слѣдуютъ непре-

рывно въ одной послѣдовательности, послѣ чего начинается рядъ пропусковъ—нѣтъ: гл. 70, 72—77, 79, 81—84, 86—95, 97 и 100, т.-е. всего 70 главъ и это самое большое количество разсказовъ, которое находимъ въ англійскихъ переводахъ. Остальныя 2 англійскія рукописи составляютъ выборъ статей въ меньшемъ количествѣ, причемъ не замѣчаемъ соотвѣтствія латинской редакціи. Въ одной изъ нихъ (Брит. Музей Addit. 9066) подъ № 37 находится разсказъ (= лат. 144), котораго нѣтъ въ другихъ рукописяхъ, писанныхъ въ Англіи.

По тексту, соотвѣствующему латинской рукописи XV ст. Британскаго музея (Harl. 5369), составленъ англійскій переводъ и изданъ около 1510 г. въ Лондонѣ Wuykyn'омъ de Worde. Изданіе это составляетъ величайшую рѣдкость и сохранился всего одинъ экземпляръ въ Кембриджѣ въ С.-Джонской коллегіи. Въ немъ, какъ и въ рк. Harl. 5369—43 разсказы и система одинакова съ англо-латинскими сборниками.

Вторая разновидность этой группы представляетъ собою самую древнюю редакцію. Лучшими ея представителями являются рукописи Дрезденской библіотеки. Въ нихъ замѣчается строго выдержанная послѣдовательность разсказовъ, иногда только нарушаемая отдѣльными вставками и пропусками. Всѣ сборники этой разновидности начинаются статьей—*De milite qui ad peregrinandum profectus est*—*Dorotheus regnavit* и оканчиваются разсказомъ *De filia regis et quinque militibus et cane. Valerius regnavit*. Во второй половинѣ сборника вставлены разсказы изъ Исторіи семи мудрецовъ. Самое большое число разсказовъ 112.

Въ этой редакціи примыкаютъ старинные нѣмецкіе переводы, одинъ изъ списковъ которыхъ издалъ Келлеръ по Мюнхенской рукописи, и чешскій переводъ, извѣстный по двумъ спискамъ, до сихъ поръ еще неизданнымъ.

Эта редакція особенно было распространена въ Германіи и отуда вошла въ Польшу, гдѣ въ теченіе XV ст. многократно списывалась. До сихъ поръ рукописи, писанныя въ Польшѣ почти не были извѣстны. Oesterley упоминаетъ объ одной краковской рукописи въ приложеніи, Вѣлевскій (*Monumenta Poloniae I*) говоритъ объ одной сторѣвшей рукописи, писанной въ Польшѣ. Мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о 10 рукописяхъ, писанныхъ въ Польшѣ, изъ коихъ 8 мною ближе изслѣдованы. Эти рукописи важны для вопроса о распространеніи *Gesta Romanorum* у западныхъ славянъ, такъ какъ до сихъ поръ не имѣлось объ этомъ болѣе точныхъ свѣдѣній. На нихъ я считаю необходимымъ подробнѣе остановиться, такъ какъ онѣ до сихъ поръ не были изслѣдованы и представляютъ интересныя подробности.

I. Рукопись Краковского университета № 435, 1434 г. содержит: Petri Trecensis Comestoris historia scolastica, и 2) съ л. 309—340 часть Gesta Romanorum. Рукопись неправильно переплетена и порядокъ слѣдуетъ установить такой: отъ 330—340 и затѣмъ на листѣ 312 продолженіе статьи, которою кончается л. 340. Рукопись эта въ главныхъ чертахъ соотвѣтствуетъ Дрезденской С, 193 d. На листѣ 330 продолженіе статьи лат. 136 и дрезденской 29, затѣмъ слѣдуютъ рассказы, соотвѣтствующіе слѣдующимъ нумерамъ дрезденской рукописи: 29, 31, 36—41, 43—54; 55 Symachus regnavit—кончается на л. 349 словами Tercia die и на л. 312 продолжается vidit nigrum castrum и т. д.; затѣмъ слѣдуетъ 56—58. Послѣ этого идетъ рассказъ, котораго нѣтъ въ дрезденскихъ рукописяхъ и находится въ старопечатномъ изданіи подъ № 101. Narratur de quodam homine nomine Gantherus qui optabat locum et gaudium sine omni tristitia. Послѣ этой вставки слѣдуетъ 60—63; 65—70. Отсюда начинается исторія о семи мудрецахъ: №№ 71, 73, а за ними рассказъ, котораго нѣтъ въ дрезд.: Erat quidam burgensis Rome qui in orto suo habuit arborem nobilissimam. Далѣе слѣдуютъ №№ 74—75, 79. Слѣдующей главы нѣтъ въ Дрезд.: Rex quidam miro modo inflatus et ille intendebat corpora sanctorum Petri et Pauli de Romana civitate violenter auferre. За нею слѣдуютъ главы, соотвѣтствующія №№ 80—83, 85—86, 88—91, 95, 98, 100—104, 106—108 Дрезденской рукописи.

Такимъ образомъ рукопись эта даетъ двѣ новыя статьи, неизвѣстныя до сихъ поръ въ латинскихъ текстахъ и встрѣчающіяся въ нѣмецкихъ сборникахъ, а такъ какъ эти главы находились въ чешской редакціи, то это служило основаніемъ мнѣнія о переводѣ чешскихъ Gesta съ нѣмецкаго.

II. Рукопись того же университета № 1410 XV ст. содержитъ между прочимъ извѣстной трактатъ о семи мудрецахъ въ редакціи *Scala coeli* съ небольшими отступленіями отъ напечатаннаго. Съ л. 513—614. Gesta Romanorum. Incipit historia romanorum mystice designata de milite, qui ad peregrinandum profectus est—и кончается главою Valerius regnavit Rome. По своему составу, за нѣкоторыми пропусками, рукопись соотвѣтствуетъ дрезденской и новыхъ статей не имѣетъ.—Пропущены сравнительно съ Дрезденской №№ 3, 64, 72, 85, 93 и переставлены 87, 88 одинъ на мѣсто другого.

III. Рукопись Краковской бібліотеки № 1607 представляетъ особенный интересъ. Она содержитъ:

Стр. 1—397. Sedulius de opere Pascali. Explicit Sedulius per manus cuiusdam Nicolai Presbyteri de Slupniki an. dni 1437.

411—460. Prudentius quidam cum Commentario de columba.—Finis per Andream studentem Cracoviensem a. d. 1434.

461—545. Speculum humanae salvationis.

559—654. Secuntur Gesta Romanorum.

655—708. Physiologus De naturis XII animalium.

709—739. Summa Sententiarum Petri Lombardi.

Explicit Summa per manus Nicolai de Slupniki sacerdotis et est finita a. d. 1437.

739—752. Epistola presbiteris Johannis.

1—95. Aesopus. finitus per manus Petri clerici ao. dni 1435.

99—120. Vacua.

121—131. Liber Bonaventurae.

131—143, 398—406. Sequitur residuitas De gestis romanorum.

На послѣдней страницѣ: A. d. 1460 mgr. Andreas de Stargardia alias de Summen, senior collegii pauperum, protunc decanus facultatis arcium, presentem librum comparavit pro sexagena fferia 6. post Corporis Xristi.

На стр. 606 слѣдуетъ гл. 54 и послѣдняя фраза: „ipsa autem honorifice suscepit“. Стр. же 607 начинается словами: „eorum opera contexuerunt“ и т. д. какъ обыкновенно оканчивается Historia Troiana Гвидона съ прибавкою Explicit historia troiana per manus cuiusdam Nicolai, vicarii de Gostcza, et est summa dris Gwidonis de Columpnis, finita feria 1 sub ao. 1437. Затѣмъ, переписчикъ вѣроятно спохватился и сталъ продолжать статью 54: et samissiam inspexit“ etc.— Вся рукопись имѣетъ видъ книги заготовленной заранее для вписанія туда разныхъ трактатовъ. Этимъ объясняются, во-первыхъ, пустые листы, во-вторыхъ, то, что трактаты съ датами ранними слѣдуютъ позже и, въ-третьихъ, этимъ же можно объяснить тотъ фактъ, что Gesta находится въ 3-хъ разныхъ мѣстахъ: начало: 559—654, продолженіе 131—143 (ч. II-ая) и конецъ 398—408 (ч. I-ая). Т. о. вся эта рукопись составлена изъ отдѣльных трактатовъ и переписка ея относится не къ 1437 г., но вѣроятно была сдѣлана позже, но во всякомъ случаѣ до 1460 года, когда она была куплена за 60 злотыхъ. Рукопись эта весьма важна по своему составу.

Въ общемъ списокъ этотъ подходитъ къ отдѣлу, представляемому дрезденской рукописью, и послѣдовательность статей одна и таже. Пропущены, сравнительно съ дрезденской, статьи 3, 25, 31, 32, 42.

Въ статьѣ 54, соотвѣтствующей Др. 59 и общелат. 69, оказалась по винѣ переписчика вставка, не относящаяся къ данному сочиненію. Л. 606 кончается словами: „ipsa autem honorifice suscepit“, и 607 начитается—eorum opera contexuerunt—слова, которыми обыкновенно оканчивается—Троянская Исторія Гвидона Колонны, послѣ этого: Explicit Historia Гвидона... и затѣмъ уже продолженіе прерван-

ной на л. 606 главы—et samissiam inspexit. Послѣ этого случайнаго перерыва главы этой рукописи идутъ въ томъ же порядкѣ, что и въ Др. до 102 гл. Др., но съ большими пропусками. Сравнительно съ Др. нѣтъ въ Краковской главѣ — 72, 84, 87, 88, 92—94, 97 и 98. Т.-о. въ Краковской имѣется до этого мѣста всего 87 главъ. Съ № 88 начинаются вставки, не находящіяся ни въ одной изъ извѣстныхъ по нынѣ рукописей. Эта рукопись заслуживаетъ особеннаго вниманія, и я считаю необходимымъ передать ея краткое содержаніе съ присоединеніемъ добавленій изъ другихъ рукописей польскаго происхождения.

1. Theorodeus (sic!) statuit pro lege. l. 14.
2. De Gorgaio qui uxorem pulchram accepit. l. 112.
3. De Adonio rege. l. 113.
4. De civitate Polimie. l. 91.
5. De basilisco. l. 139.
6. De quodam milite. l. 82.
7. Romanorum de quodam milite. l. 16.
8. De quodam principe. l. 88.
9. De quodam rege. l. 89.
10. De obtenta misericordia. l. 187.
11. De quadam nobili domina. l. 25.
12. De quodam imperatore nobili. l. 182.
13. De iusto iudice. l. 29.
14. De honoribus victorum et malitiis. l. 30.
15. De morte Alexandri. l. 31.
16. Refert Valerius. l. 33.
17. De regina et duobus filiis. Lupinus regnavit. l. 116.
18. Refert Saturnus, quod Diogenes. l. 183.
19. De praesentia in tempore. l. 184.
20. De arbore et virgine beata. l. 185.
21. Refert Alexander de natura rerum. l. 186.
22. Erat quidam imperator. l. 100.
23. Quondam Romae in quodam loco aperta est terra hiantia. l. 43.
- 23a. II. Tiberius imperator regnavit. l. 44.
24. De luppo et pelle. l. 187.
25. De vitis patrum. l. 197.
26. Rex quidam nobilis. l. 45.
27. Quidam fur. l. 136.
28. De quodam milite. l. 124.
- 28a. II. Erant duo fratres carnales. l. 188.
29. De tribus magis. l. 47.
- 29a. II. Habetur in quodam libro de colloquio Petri ad Jesum. l. 164.
30. De Zelongo Imperatore. l. 50.
31. Alordor (sic!) magnus Pori regis iudeorum (sic!) curiam intravit. l. 198
32. Titus in civitate romana regnavit. l. 157.
- 32a. IV. Sequitur exemplum de sancta Katherina. Item probat magister Petrus Pavensis libro gestorum notabilium. Quidam antistes mediolanen-

sis Cabinus nomine etc, Item adolescens quidam bonae indolis filius cuiusdam clarissimi comitis patre quidem orbatus sed divitiis honoribus plurimis abundans, quendam ecclesiam in honorem S. Catherinae constructam... frequentabat.

33. Devogarus imperator regnavit. l. 58.
34. Ozechius regnavit. l. 196.
35. Darius in civitate romana rexit. l. 120.
36. De divina presumptione. l. 59.
37. Damchal regnavit. l. 20 (?).
- 37a. II. Octavianus regnavit. l. 249.
38. Tiberius in civitate romana regnavit. l. 85.
39. Claudius regnavit. l. 61.
40. Gaius in civitate romana regnavit. (Florentina). l. 62.
41. Theodosius in civitate regnavit. l. 105.
42. Rex habuit leonem et leenam, et leopardum. l. 181.
43. Trayanus in civitate romana regnavit. l. 83.
44. De Anthonio. l. 64.
45. Sequitur de milite. l. 84.
46. De tribus sociis. l. 106.
47. Sequitur aliud. Lucius regnavit. 189.
48. Adrianus regnavit. l. 86.
49. Tellius (?) in civitate romana regnavit. l. 65.
50. Mymachus regnavit in civitate romana. l. 190.
51. Severius regnavit. l. 46.
52. Anthonius regnavit. l. 199.
53. Arianus regnavit. l. 68.
- 53a. I. Narratur de quodam homine nomine Gantherus. l. 101.
54. De quodam carpentario. l. 69.
55. Sequitur de sancta trinitate (Sagittarius). l. 167.
56. De rege et filia. l. 70.
57. Quidam rex regnavit. l. 129.
58. Erat quidam avarus sedens iuxta mare. l. 109.
59. Quidam rex erat, qui statuit pro lege. l. 143.
60. Sequitur aliud. Quincillus. l. 73.
61. Aurelianus regnavit. 74.
62. Quidam rex fuit Tymotheus. l. 76.
63. Quaedam civitas erat iuxta mare. l. 200.
64. Miles quidam erat magnus praedo. l. 127.

(VII Sapient.).

65. De Ponciano. Poncianus regnavit prudens valde, qui pulchram uxorem habuit.
66. Erat quidam miles strenuus, qui tantum unicum filium habuit, et tantum dilexit eum, quod tres nutrices pro custodio puero adiunxit.
67. Quidam imperator regnavit, qui habebat nemus, in quo erat quidam aper crudelis.
68. Quidam miles erat in una civitate senex, qui habuit uxorem iuenculam.
69. Quidam miles erat in civitate romana, qui duos filios habuit et unam filiam.

70. Sequitur de pyca, quae loquebatur.
71. De milite et iuvenula.
72. Sequitur de turri et imaginibus.
- 72a. I. Rex quidam miro modo inflatus чемск. 79.
73. Quidam imperator regnavit Romae qui habuit septem sapientes.
74. Quidam imperator statuit pro lege—dare tres ictus. l. 17.
75. Quidam pauper fuit. l. 114.
76. Erat quidam imperator, qui habebat quoddam nemus. l. 115.
- 76a. II. Daniel vidit statuam. l. 213.
77. Justinus in civitate romana regnavit. l. 117.
78. Narratur quod lex fuit. l. 90.
- 78a. II. Quidam princeps erat. l. 152.
- 78b. II. Refert S. Augustinus. l. 23.
79. Regina quaedam concepit de fure. l. 26.
80. Legitur de quodam viro. l. 174.
81. Quidam dominus erat, qui habuit ianitorem. l. 157.
- 81a. II. Legitur in scolastica historia. l. 214.
- 81b. II. Legitur quod aquila in alto nidificatur. l. 37.
82. Legitur in gestis romanorum. l. 39.
83. Cosdras imperator... consiliavit Apollinem. l. 41.
- 83a. II. Erat quidam homo. l. 191.
- 83b. II. Tullius narrat. l. 46.
84. Quidam rex habuit tres filios et lapidum praetiosum. l. 120.
85. Refert Valerius. l. 215.
86. Legitur in Vitis Patrum. l. 165.
87. Pompeius statuit pro lege. 134.

Отсюда начинается вставка, которой нѣтъ ни въ одной рукописи и продолжается до 103 главы:

88. Quidam monachus tria fercula dedit (quidam abbas dedit monasterio tria fercula).
89. Erat quidam civis in quodam civitate nomine lucana.
90. Quidam homo ambulando per heremum vidit quendam hominem in heremo velud bestiam nudum.
91. De silencio. Erat quidam philosophus nomine Secundus. Iste datus fuit tempore iuvenili ad studium in Athenis.
92. Quidam abbas ab abbatisa calore corpus unius virginis impetravit, quod ipsa in capsula argentea in sua ecclesia collocavit.
93. Quidam religiosus cum has virgines in devotione multo tempore haberet... (rubro) ut habetur de XI milia virginum.
94. Legitur quod quidam mercator in una taberna pecuniam servaret. Videns tabernator dixit servo, quod mercatorem occideret.
95. Erat quidam baro serviens beate virgini et construxit hospitale pauperibus.
96. Incipitur notabilia bona de passione dni nostri.
 - 1) Sequitur de fune, qua erat Ihus ligatus a iudeis.
 - 2) Sequ. testimonia contra Iesum.
 - 3) Sequitur vestis qua erat Iesus indutus a Iudeis.
 - 4) Et ille pannus quo ligati oculi Christi erant.
 - 5) Sequitur crux Christi in quo Christus passus fuit.
 - 6) Sequitur lignum crucis transversum.

7) Sequit. postquam crux Christi fuit conclavata.

8) Tunc, lacrimatus fuit Iesus dicit beatus Nudius.

9) Sequitur de lapide in quo fuit fixa crux Christi in crucifixione.

10) Color vexilli sc. panni.

97. *Скѣпуть историческая вставка:*

Anno domini millesimo ducentesimo venientes impii pagani quos dicebant esse thartaros que terram Sandomiriensem intrantes et castrum Sandomiriense subvertentes multimodam ibi multitudinem christianorum occiderunt quorum non erat numerus. Et quorum sanguis fluebat usque in fluvium qui nuncupatur Vysla. Hoc facto intraverunt ecclesiam sancte Marie que ibi syta et consecrata erat in honore virginis Marie gloriose ipsam incenderunt, protinus igne et multos ibidem christianos cremaverunt. Et multas reliquias sanctorum que ibi erant disperserunt et ornamenta ecclesie praedictae asportaverunt. Et hoc factum dixerunt in festo purificationis beate Marie. Et tunc praedicti pagani die recesserunt.

Anno domini M^oCCC^oXXXI^o Cruciferi erant interfecti per regem Boleslaum. Anno domini M^oCCC^oXLV^o Rex Bohemorum cum exercitu suo ante Cracoviam venit.

Anno domini M^oCCC^oXLIX flagellatores nudi venerunt de Ungaria; eodem anno pestillencia magna erat in Cracovia.

Anno domini M^oCCC^oLIII^o in vigilia penthecosten nix fuit et tribus diebus iacuit.

Anno domini M^oCCC^oLXXXVI^o in dominica Esto noster rex Wladislaus alias Jagello in Ecclesia Cracoviensi in regem Polonie est coronatus.

Anno domini millesimo trecentesimo tricesimo primo a sclawis victi et per faciem circumvicti. Enee polonorum cecidit gens theutonicorum. Vingt prostrati duo milia sunt numerata. Soli barbati sexcenti sunt qui necati. Octo bis vere sclawi tantum occiderunt Cracow in campo Radzeow clamaverunt poloni; accidit octobris quinis hoc mense Kalendis. In regno polonie necnon rusie litwanie tandem natus est primus rex Wladislaus in vigilia omnium sanctorum sub anno domini M^oCCCC^oXX quarto. Secundus vero in festo sancte Sophie in vigilia ascensionis domini nostri Jesu Christi Casimirus sub anno domini M^oCCCC^o 26. Et quando est natus secundus rex tunc tertia feria sancti Spiritus in proximo in lacu circa ecclesiam sancti Stanislai in toto aqua erat sanguinolenta facta; hoc primum miraculum deus fecit quando est natus.

O vos Sacerdotes Dei. Vos tangunt sermones mei Magne estis dignitatis Agnum vas salutis tractatis Quem Ieremias ore prophetavit Iohannes digito demonstravit Maria in ventre portavit.

98. Legitur quod quadam vice duo viri dormierunt in sermone. Sedens unus autem sompniavit, quod multum esurivit videbatur sibi, quod salarium esset ante eos apertum et aperto ore momordit alteri nasum suum. Ecce quam male esset in sermone dormire.

99. Legitur quod quidem iudex equitavit ad forum et videns dyabolum in specie hominis interrogat eum quid esset. Dixit ei quod esset dyabolus. Cum quereretur ab eo quo iret, dixit ad forum vado... Ecce quidam

homo portabat porcum ad forum. Et cum porcus nollet ire in via, ille iratus dixit, o utinam te dyabolus acciperet.

100. Quidam miles erat in una via, qui castrum habebat et omnes transeuntes spoliabat.
101. Quidam miles literatus divina suasionem ductus, qui missam beate Marie virgini quando potuit non neglexit.
102. Legitur quidam Iudeus mirabatur quomodo divinitas et humanitas esset in corpore Christi.

Эта глава оканчивается на 634 стр., и затѣмъ во 2-й части рукописи на стр. 131 Sequitur residuitas de Gestis Romanorum. Гл. 103 является началомъ для общелат. 119. Это мѣсто есть только въ рукописяхъ. Въ печатныхъ текстахъ неизвестно, его не приводитъ Oosterley. Есть въ английскихъ.

103. Domicianus regnavit potens valde qui cum semel per imperium equitaret quidam pauper obviabat satis elegantis pulchritudinis et elemosynam ab imperatore petivit. Ait ei imperator: Dic mihi unde es et quod est tibi nomen. Cui respondit Indignus vester homo sum, et vocor ingratus. Ait imperator si scirem, quod bonus esses te promoverem. Ait ille sub iuramento firmiter promitto. Imperator pietate motus eum secum duxit et tenuit ut infra. Breve tempus tam bene et prudenter in curia imperatoris se habebat, quod eum druitem fecit. Et postea cum cito eum marsalkum fecit, ille vero cum sic exaltatus fuerit, elevatum est cor eius, quod omnes pauperes opprimebat etc.

104. Erant duo germani fratres unus clericus et alter laicus. Соотвѣръствуеъ нѣм. 26.

105. Amicianus regnavit in civitate romana prudens valde et per omnia iustus et nulli parcebat quin per viam iusticie incideret (lat. 103. Др. 104).

106. Velimus romae regnavit potens valde in cuius regno fuit miles devotus et multum misericors, qui habebat pulchram uxorem, sed adulterabatur nec desistere volebatur (lat. 102. Др. 106).

107. Erat quidem miles Placidus nomine strenuus, qui pulchram uxorem habebat et duos filios. Accidit quod semel ad venandum equitavit, vidit a longe cervum magnum gerentem inter cornua crucem auream. Et cervus conversus ad eum ait: quid me persequeris ego sum Christus pro te crucifixus (l. 110. Др. 107).

108. Valerius refert. Regnavit Rome potens valde, qui unicam filiam habuit, quam miro modo dilexit in tantum, quod quinque milites ordinavit qui eum custodirent (l. 212. Др. 108).

Отсюда идутъ главы, которыхъ нѣтъ въ другихъ рукописяхъ.

109. Antiquius in civitate Atheniensium fuit constituta talis lex, ut cecus de publico mille denarios reciperet.

110. De cogitatione quomodo alit. Fuerunt duo fratres filii unius patris, quorum unus fuit pauper alter dives.

111. De integritate sacerdotis. Cum sacerdotes templi lucro attendant, accidit ut templum deorum succenderetur.

112. Quidam homo habuit duos filios, unum de libera alium de ancilla.

113. Quedam filia cuiusdam divitis serviebat dee Veste et erat valde pulchra.

114. Erat quidam iuvenis dicte civitatis Atheniensium qui adamavit uxorem cuiusdam tyranni.

Эта глава прерывается на стр. 163, и ее конец находится въ I части на стр. 398.

115. Quomodo anima sollicitatur de peccatis mortalibus. Fuit in civitate Atheniensium quedam domina valde pulchra et pudica que habebat sponsum.
116. Quomodo anima devota contra dyabolum et corpus conqueritur. Legitur quod quidam civis ad locum perrexit ad interficiendum quendam tyrannum. Quod videns tyrannus fugit ad quandam domum cuiusdam Birrigensis civitatis.
117. Quomodo sensualitas impedit claritatem anime. Erant duo homines— unus dives et alter pauper et isti habitabant iuxta se.
118. Quomodo corpus et dyabolus pugnant contra animam. Circa civitatem Atheniensium erat una villa in qua fuerat quidam dominus, qui habebat servos.
119. Quomodo deus adoptat vos sibi in filios. Quidam homo habuit tres filios, quos omnes propter eorum inobedientiam et malam vitam abhereditavit. Et circa illum divitem habitavit quidam pauper vicinus, qui habebat unum filium. Et interrogat dives pauperum, si ei filium suum vellet adoptare. Audiens hoc pauper gavisus est, precogitans quomodo ego dabo sibi filium meum et ipse sibi filios suos abheredavit. Et cum sibi pauper dedisset filium suum tam diu circa ipsum permansit; quod post modum et post mortem ipsum divitias obtinuit. Spiritualiter.
120. Quomodo corpus debilitatur. Quidam civis persequabatur tyrannum ut eum occideret.
121. Quomodo corpus peccando animam atrociter percuttit. Legitur quod quidam civis famulum verberavit acriter et ideo fuit exulatus de civitate et a suis pertimentis.
122. Quamvis homo a multis prohibeatur bonum operare, non debet desistere et sic declaratur in tali. Quidam filius patris familias victoriam ter obtinuerat et non ideo amplius pugnare non tenebatur.
123. Homo christianus in mortali peccato non debet ab oratione et a bonis operibus desistere, sed ea deflere. In civitate Atheniensi fuit talis lex ordinata.
124. Quomodo anima debet se sensualitate contradicere cum adiutorio Christi. In civitate Atheniensi cives habuerunt fedus cum quadam alia civitate ita quod in bellis una deberet alteri subvenire.
125. Quos demon temptabat illos nec possidere desistit. Quidam dives prepotens dominus habuit filium, qui filius accepta magna pecunia a suo patre perrexit cum ea ad negotiandum.
126. Legitur, quod fuit quidam cecus, qui habuit dominum crudelem et volens de manibus eius effugere invenit sibi discocutum ductorem.
127. Avicenna dixit. Quedam avis semper circa litus maris commedabat gramina contendebat cum magno serpente.
128. Narrat Valerius de quodam habente filium ingratum et inobedientem.
129. Refert historia in libro de vita et obitu Alexandri Imperatoris quod quando cepit pugnare adversus Darium regem rex de ipso indignatus misit sibi tria dona.
130. De tribus amicis narratur. Legitur quod fuisset quidam nobilis qui habuit tres amicos.

140. De avaritia narratur. Refert Isidorus libro ethimologiarum quod s. antiqui mercurium qui est unus planeta defingebant ad similitudinem unius mercatoris.
141. Narrat auctor in libro de natura avis, quod esset quedam avis que dicitur avis paradisi et sic vocatur propter pulchritudinem penarum.
142. De Adam et Eva. Legitur quod quidam rex potentissimus ortum deliciarum habuit arboribus pomiferis et herbis odoriferis decenter ortum decoravit. Quem cuidam iuveni pulcherrimo et uxori sue commisit.
143. De amicis. Quidam homo habuit amicum venientem ad se et valde esurientem et non habuit quid ei daret ad manducandum.
144. Quidam cecus habuit pulchram uxorem et nunquam eam a se permisit recedere. Конецъ на л. 406.

IV. Сборникъ Львовскаго Университета 1. Н. 8. содержать:
Gesta Romanorum въ спискѣ 1478 г. Этотъ сборникъ содержитъ:

1—36. Tractatus IV de virtutibus.

37—57. Mappa mundi Johannis de Montelino.

58. Vita beati Bartholomei.

61. De conversione S. Margaretae.

63. Vita S. Catherinae.

65. De translatione sive canonisatione S. Stanislai.

69—197. Gesta Romanorum.

197—212. Historiae ipsius Prudencii de vetere et novo testamento et primo de Ada et Eva.

213. Sermo de passione Domini Andreae Abbatis Nossek. 249. Explicit per me Stanislaum de Cracovia monachum in Tiniecz. Sabbato proximo ante quinquagesima Ao. Dni 1488.

250. Sententia Pilati; Vita S. Adalberti. 257. Vita S. Stanislai; 262. Vita S. Hedvigis. 279. Vita et Passio S. Vincenti. 287—425. Cronica fratris Martini.

Текстъ этихъ Gesta любопытенъ по предисловію, которое ни въ одной рукописи до сихъ поръ не встрѣчалось. Въ общемъ составъ рукописи соотвѣтствуетъ Дрезденской. Сравнительно съ этой рукописью недостаетъ №№ 3, 5, 17, 25, 32, 42, 64, 72. Кромѣ того глава 31 Дрезд. рук. поставлена подъ № 99, и прибавлены три главы, которыя не встрѣчаются въ другихъ рукописяхъ. Послѣ главы, соотвѣтствующей 36 Дрезд., идетъ № 31.—Sequitur exemplum de sancta Katherina. Item probat magister Petrus Pavensis in libro gestorum notabilium. Quidam antistes mediolanensis Cabinus nomine и т. д. Послѣ главы, соотвѣтствующей Дрезд. 108, слѣдуетъ глава, отмѣченная въ Дрезд. № 31, а затѣмъ два разсказа, не встрѣчающіеся въ другихъ рукописяхъ: № 100. Refert Valerius quod quidam homo flens dixit vici-

no suo: habeo arborem infelicem in orto meo in qua uxor mea primo suspensa est, post modum secunda et tunc tertia. № 101. Cesarius narrat quod quidam abbas habens quendam fratrem in clauastro infirmum parcebat sibi sub obedientia religiosa, ut carnem comederet. После этого рассказа слѣдуетъ приписка: Expliciunt Gesta Romanorum minora per me M. de Kij sub anno dni MCCCC septuagesimo octauo. Здѣсь любопытно названіе *Gesta minora*, чего мы не встрѣчаемъ въ однородныхъ съ нашими сборникахъ. Въ соотвѣтствіе этому въ главѣ 86, соотвѣтствующей Дрезденской 95, говорится—*Legitur in gestis Romanorum maioribus*, тогда какъ въ другихъ рукописяхъ сказано—*in gestis Romanorum*.

Предисловіе къ этому сборнику очень важно по опредѣленію даты, до которой авторъ намѣренъ повѣствовать *Gesta romanorum*—а *Caesare Augusto usque ad annum millesimum cclxj*¹⁾. Годъ 1261 не можетъ быть взятымъ случайно и, вѣроятно, принадлежитъ первому кодификатору сборника. Такимъ образомъ, составителями его окончательно не могутъ считаться ни Helinand († 1227), ни Berchorius († 1362), ни Holcot († 1349).

V. Рукопись XV ст. Львовскаго университета (I. Н. 7) не представляетъ особаго интереса. 87 первыхъ главъ вполне соотвѣтствуютъ Краковской № 1607, но не заключаютъ послѣдующихъ вставокъ. Глава 88 соотвѣтствуетъ 103 Крак. и Дрезд.; 89—соотв. 104 Дрезд.; послѣднія 3 главы соотвѣтствуютъ вполне Дрезд. и оканчиваются рассказомъ *Valerius Regnavit*.

VI. Вислицкій сборникъ Императорской Публичной Библиотеки (Лат. F. XVII. 141) содержитъ *Gesta* въ списокѣ 1466 года. Въ этомъ сборникѣ находятся: 1—55. *Gesta Ramanorum mistice designata* съ припиской—*Expliciunt Gesta Romanorum per manus cuiusdam Alberti clerici de Radoszice sub anno nativitatis domini carnaliter millesimo CCCCLXVI. A thak czy bylo*.

¹⁾ *Legem (sic!) volentibus aliquam (sic!) de gestibus sive statutis Romanorum et de statu imperatorum tam bonorum quam malorum qui successerunt in Romana republica preterea quibus qui memorati principes et imperatores fuerunt a Cesare Augusto et usque ad annum domini millesimum CCLXI. Et ab orbe condito usque ad diluvium fuerunt duo milia annorum. A diluvio vero usque ad Romam conditam fuerunt anni duo milia et LXXXIII. Et post eversionem vero Troye fuerunt anni CCCCXIII. Et ideo urbs romana fuit condita seu constructa a Romulo et Remo fratribus gemellis...*

Postea Augustus Cesar in ea regnavit sub quo fuit pax per universum mundum per aliquod decem annos. Dehinc Julianus Cesar regnavit decem annis tandem a Romanis occiditur et postea ab ipso Cesare omnes alii processerunt cesares qui per ordinem secuntur. Sequitur de sustentacione parentum per filios.

57—93. Elucidarius съ такою же припискою и польскою прибавкой—*Tho thobyе ханsze Janуе*.

97—111. Хроника Мержвы.

112—149. Разные трактаты Оомы Аквинскаго.

150. Приписка—*Anno dni MCCCL princeps Excellentissimus Kazimirus secundus dei gratia poloniae Rex ecclesiam sanctae Mariae Vislicensem quadrato lapide fabricavit de cuius beneficio memor clerus Vislicensis et populus decus sui operis ao dni MCCCCIX quarto aureis inscriptis litteris...* и далѣе разные замѣтки вислицкаго монастыря и послѣдняя 1544 г.

Составъ этого сборника *Gesta Romanorum* почти приближается къ Дрезд. F. 61a, fol., и сравнительно съ этой рукописью встрѣчаются небольшія видоизмѣненія. Послѣ главы 56 *De sagitario* вставленъ рассказъ *De puella quae virum numquam ducere voluit*, соответствующій № 61 второй Дрезд. рукописи. Кромѣ того, нѣтъ рассказа № 83 *De ponte et feris*. Послѣдняя глава—*De unica filia capitulum. Valerius regnavit Rome*.

VII. Витовская рукопись Публичной библіотеки (Лат. F. XV. 13) содержитъ *Gesta Romanorum* съ припискою *Expliciunt Gesta Romanorum anno dni MCCCCLXXII*. Рукопись эта болѣе приближается къ первой Дрезденской, за исключеніемъ №№ 26, 58, 69, 70 и 83, которыхъ нѣтъ, и трехъ статей, находящихся во второй Дрезденской — 61, 70 и 100 и которыхъ нѣтъ въ первой, а находятся въ витовской рукописи.

VIII. Рукопись Публичной Библиотеки (Лат. A. XV. 163) неизвѣстнаго происхожденія изъ библіотеки Залускаго содержитъ отрывокъ въ 32 главы, соответствующій второй Дрезденской рукописи. При этомъ въ ней нѣтъ 3 главы Дрезденской, но нумерація идетъ такимъ образомъ, что послѣ нумера 2-го поставленъ 4-й и, такимъ образомъ, нумерація совпадаетъ, хотя въ 32 нумерахъ всего 31 глава. Кромѣ того, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ изъ середины рукописи, такъ что послѣ 13 главы слѣдуетъ 16-я. Глава 32 не окончена и обрывается словами *quicquid potuit in os suum devorabat et alios* (Лат. 164).

Кромѣ описанныхъ выше рукописей, неизвѣстныхъ изслѣдователямъ, имѣются указанія еще на двѣ, писанныя въ Польшѣ.

IX. Тынецкая рукопись, сгорѣвшая во время бомбардировки Львова въ 1848 г. Она описана въ рукописныхъ запискахъ Бѣлевскаго, хранящихся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ и отчасти въ *Monumenta Poloniae* (I. 320). Часть, интересующая насъ, пропущена въ *Monumenta*, а потому ее воспроизводимъ по запискамъ Бѣлевскаго. На л. 20 обор.—*Incipiunt Gesta Romanorum. Dorotheus Imperator...*; 13 обор. — *Cronica Romanorum. Legitur in Cronica romanorum, quod*

tempore suo filii Noe edificauerunt turrim. 14 обор. Epitaphium Chrabri Boleslai, напечатанное въ Monumenta. 15. Tytus in civitate romana regnavit. Такимъ образомъ, это списокъ той же группы съ нѣкоторыми посторонними вставками. На л. 67 обор. Et sic finis istius boni operis scilicet Gesta romanorum finitum per Stani proponendo Slau hys adiungendo ultimum S fini dando que scripsi hys nomen pando Stre iungendo cza ponendo K et A finiendo. Cognomen vobis pando, Deum verum colendo sub annis domini 1490. Takocz kzaze Stanislawye day boze byl wyełkym Opatem w they wyelebney swyathey dostoyney slawye.

X. Рукопись Влоцлавской семинарии 1501 г., описанная подробно З. Ходынскимъ *) и содержащая, между прочимъ, синодальный статутъ и апокрифическое письмо Спасителя съ неба на польскомъ языкѣ. Отъ 153—236 л. Gesta Romanorum съ припискою Finis Gestorum Romanorum per me Michaellem de Krobijno, filium Mathie, anno domini 1501 in vigilia assumptionis Marie hora vespertina quasi, protunc in Covalye existens utensque regimine schole. По свидѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ любезно прелатомъ С. Ходынскимъ, рукопись эта принадлежитъ къ одной категоріи съ предыдущими. Она любопытна, какъ единственная рукопись XVI столѣтія.

Разсмотрѣнные нами рукописи, писанныя въ Польшѣ, указываютъ намъ на распространеніе тамъ Gesta Romanorum въ одной только редакціи и то той, которую слѣдуетъ считать болѣе древнею. Но и въ Польшѣ, на сравнительно небольшой территоріи, мы видимъ разнообразіе въ спискахъ; мы не нашли ни одной рукописи, которая была точною копіею другой. Разнообразятся онѣ не только по своему составу, но и по вариантамъ въ самомъ изложеніи. Притомъ въ двухъ рукописяхъ мы нашли записки изъ польской исторіи, не входившія въ составъ Gesta, и въ одной рядъ статей, не встрѣчавшихся въ другихъ спискахъ, но по своему характеру вполне подходящихъ къ нашему сборнику.

5. Древне-германскій и чешскій переводы.

Старинная латинская редакція, широко распространившаяся въ рукописяхъ по всей средней Европѣ, была переведена только на нѣмецкій и чешскій языки. Нѣмецкихъ рукописей насчитано всего 24 и всѣ онѣ относятся къ XV ст., самая ранняя сохранилась въ спискѣ 1428 года. Число рассказовъ, въ нихъ заключающихся, доходило до

*) Statuta synodalia dioecesis Wladislaviensis et Pomeraniae. Varsaviae 1890, стр. XIX.

112, и одна изъ рукописей этой категоріи издана Келлеромъ. Въ ней впрочемъ рассказы неправильно перенумерованы: вмѣсто 112 сосчитано 111. Тотъ ближайшій латинскій текстъ, съ котораго сдѣланъ старонѣмецкій переводъ, трудно опредѣлить. Я сравнивалъ до 10 латинскихъ списковъ, и все-таки оказывались нѣкоторыя разновидности, которыя не могли войти въ нѣмецкій переводъ помимо латинскаго оригинала.

Текстъ этотъ по Мюнхенской рукописи изданъ Келлеромъ. Къ этой редакціи близко примыкаетъ старопечатное нѣмецкое изданіе, вышедшее въ Аугсбургѣ въ 1489 году. Этотъ текстъ значительно отличается отъ старопечатныхъ латинскихъ сборниковъ и по своему составу приближается къ рукописнымъ редакціямъ. Первые девять главъ расположены въ той же послѣдовательности, какая обща большей части рукописей латинно-германской группы. Въ эту редакцію вошли рассказы изъ Семи Мудрецовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ рукописяхъ той же группы. За этими общими сходными чертами слѣдуетъ многое, чѣмъ изданіе это отличается отъ общаго рукописнаго преданія и отъ установившагося печатнаго текста. Поэтому это изданіе имѣетъ особое значеніе въ исторіи изводовъ *Gesta Romanorum*. Въ немъ 95 главъ, по счету Oesterley. Заглавія ихъ переданы съ точностью у того же изслѣдователя.

Нѣмецкій переводъ изслѣдованъ Oestelrey'емъ, и здѣсь на немъ мы останавливаться не будемъ.

Къ этой же группѣ относится чешскій переводъ, ни разу до сихъ поръ еще не напечатанный и составленный несомнѣнно по рукописному тексту.

Онъ дошелъ до насъ въ двухъ спискахъ XV столѣтія. Обѣ рукописи находятся въ Прагѣ. Одна отъ 1473 г. въ четвертку въ чешскомъ народномъ музеѣ (3. F. 25) и другая безъ даты тоже XV ст. принадлежитъ бібліотекѣ пражскаго университета (XVII F. 28), рукопись не полная и дополнена въ 1864 г. по музейному списку. Обѣ эти рукописи извѣстны были Юнгману (*Hist. Lit. České* изд. II, III 73). Отрывки напечатаны Иречкомъ въ *Cas. Ces. Musea* 1862 годъ (360—380); въ его же *Antologie* (I; 183—186) въ *Vybor* чешской литературы (II 897—907). Писали объ этомъ Иречекъ въ *Часописѣ* и въ *Rukovet dějinam leratury české* (II 201) и Ганушъ (*Krok*. 1866). До сихъ поръ, однако, не было установлено правильнаго взгляда на отношеніе этого перевода къ западно-европейскимъ текстамъ и не указано даже на его содержаніе. Въ виду различія сборниковъ Римскихъ Исторій на западѣ и даже нѣкоторой національной самостоятельности, необходимо установить точное отношеніе чешской группы къ остальнымъ. Иречекъ ограничился указаніемъ

на то, что переводъ сдѣланъ во второй половинѣ XIV ст. и притомъ съ латинскаго языка. Въ виду малаго обследованія состава рукописи необходимо прежде всего остановиться на этомъ вопросѣ. По своему внѣшнему виду чешскій переводъ относится ко второй латинской группѣ. Всѣ внѣшненіе характерныя признаки на лицо: число главъ 111 (въ Др. С. 193 главъ 108). Начинается статью о почитаніи родителей, въ серединѣ имѣетъ исторію семи мудрецовъ и кончается разсказомъ о царской дочери, пяти солдатахъ и собакахъ. Такимъ образомъ сборникъ принадлежитъ къ одной семьѣ съ Польско-Латинскими списками, Дрезденскими рукописями и нѣмецкой мюнхенской, изданной Келлеромъ. При сравненіи съ латинскими текстами беремъ за основаніе Крак. 1607.

Первыя девять главъ соотвѣтствуютъ вполнѣ лат. и нѣм. текстамъ, десятой (Свѣча) въ лат. рукописяхъ нѣтъ и только есть въ печатномъ текстѣ (98), и въ нѣмецкомъ переводѣ. При этомъ чешскій текстъ ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ Вульгатѣ. 24-я глава нѣтъ въ Крак., но она есть въ Др.; 26 глава представляетъ затрудненіе въ указаніи ближайшаго источника. Ни у Келлера, ни въ извѣстныхъ (выше описанныхъ) латинскихъ рукописяхъ ея нѣтъ Эстерлей даетъ ее въ приложеніи (арр. 62), и она есть въ нѣм. Дрезд. (М. 55) № 25. Главы 31, 32, 42 находятся въ Дрезденской (въ Кр. нѣтъ), причеиъ 42-я глава встрѣчается не во всѣхъ нѣмецкихъ сборникахъ. Главы 60, 73 и 79 изъ всѣхъ нѣмъ извѣстныхъ рукописей имѣются только въ краковскомъ отрывкѣ (№ 435); 84, 87, 88, 92, 93, 94, 97 не имѣются въ Крак. но есть въ Дрезд.; 98-я соотвѣтствуетъ приводимой Oesterley'емъ въ арр. 57; 99 содержитъ вторую половину 46 Вулг. и по выраженію болѣе подходитъ къ лат., чѣмъ къ нѣм., 103 и 104 находятся въ Дрезд. Таковъ общій составъ чешскаго перевода, который по внѣшнему виду болѣе подходитъ къ нѣмецкимъ текстамъ; но извѣстно, что нѣмецкіе сборникѣ составляютъ переводъ латинскихъ, поэтому отъ такого сходства чешскаго текста съ нѣмецкимъ можно придти только къ тому выводу, что еще не отыскана та латинская рукопись, съ которой сдѣланъ какъ нѣмецкій, такъ и чешскій переводъ. Поэтому для рѣшенія вопроса, съ чего сдѣланъ чешскій переводъ, приходится обратиться къ критикѣ текста.

Иречекъ привелъ рядъ словъ, которыя несомнѣнно взяты съ латинскаго, но можно привести много такихъ выраженій, которыхъ мы не находимъ въ латинскихъ текстахъ:

Въ главѣ 1-й въ лат. *fili parentes sustentarent*; нѣм., *vaeter und ir muter*; чешск., *otce i maters*. Гл. 3-я *torneamenta et hsitludia, turniern und Justleich*; Turney у Kolbu (чешск. Kolba=Das Turnier). Гл. 27 и 30 значительно ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ латинскому тексту.

Въ 31 przygata w zakon do gednoho klasstera, in quoddam claustro sunt recepti. Emd die wurden in ein chloster genomen in einen orden. 66—sto ssilniku-hundert Schilling, centum solidos; глава 82 ближе къ нѣмецкому, чѣмъ лат. тексту. Въ 90—hada uwazaneho za oczas (хвостъ) k drzewu—serpentem ligatum a pastoriibus ad arborem, ein natern gepunden zuo einem raumb mit dem zigel.

104 ближе къ нѣмецкому. 105—wydiel gest murzenyna—ein morn, etiopeu.

Рядомъ съ этими сходствами чешскаго текста съ нѣмецкимъ, есть въ немъ и значительныя отступленія, причѣмъ чешскій текстъ сближается съ латинскимъ.

Таковы гл. 11, 19—50, 73, 110. Всѣ эти отличія будутъ указаны при надлежащихъ главахъ.

Изъ сравненія чешскаго перевода съ существующими нѣмецкими и латинскими сборниками приходится сдѣлать выводъ: 1) что оригиналъ, съ котораго сдѣланъ переводъ неизвѣстенъ, а потому чешскій сборникъ составляетъ въ этой группѣ отдѣльную разновидность; 2) что чешскій переводчикъ зналъ и латинскій и нѣмецкій тексты, которыми и пользовался при своемъ переводѣ и причѣмъ, весьма возможно, въ болѣе трудныхъ мѣстахъ пользовался обоими текстами, а потому иногда, оставивъ одинъ текстъ, временно слѣдовалъ другому, и наконецъ 3, чешскій сборникъ не представляетъ собою отдѣльной редакціи, и по своему составу представляетъ только нѣкоторую разновидность второй группы. Для исторіи славянскихъ изводовъ сборникъ этотъ важенъ, а потому мы даемъ ниже его полный обзоръ. Такъ какъ сравнительное обзореніе этого текста, до сихъ поръ не было сдѣлано, то мы при каждой главѣ указываемъ на соотвѣтствующія главы латинскаго текста, по изданію Oetberley'a въ скобкахъ ставимъ соотвѣтствующіе нумера Краковской рукописи № 1607. Нѣмецкій текстъ указываемъ по изданію Келлера, причѣмъ счетъ главамъ, начиная съ 7-й идетъ однимъ выше, такъ какъ 7-я глава у Келлера не сосчитана. Въ случаяхъ, требующихъ объясненія, подъ чертою даетъ соотвѣтствующіе латинскіе и нѣмецкіе тексты. Латинскіе тексты напечатанные Oesterley'емъ по стариннымъ изданіямъ называемъ принятымъ у Oesterley'a выраженіемъ Вульгата.

Poczinaji se przyklady swietsij z Kronik rzimskich.

1) Dorotheus cesarz ustavil za zakon aby synowee otce i materz v jich nuzi podeprzli anebo jim v jich nuzi pomahali... Z toho prikkladu vyklad nebo rozum duchownij jesto tento. Лат. 14(1). Н. 1²⁴).

²⁴) Лат. filii parentes suos sustentarent. Нѣм. die kinder ir vaeter und ir muter nerten.

2) O Gorgoniussie czyessarzy. Gorgonius czyssarz kralował w Rzymem myestye, genz sobye zenu krasnu poyal byesse, kderazto (sic!) gemu syna porodila, rostlo dyetie y ode wssech milowano bylo; ale kdyz deset let tomu gistemu synu dokonalo sye vmrzela gest czyssarzowna mati gehu. Jar. 112(2). H. 2 ²³⁾.

3) Zdomas bohatty welmy kralował genz turney ²⁴⁾ y kolbu welmi milowasse protoz geden turney kazal prowolati. A ktozby koli w tom turneu statecznyse se vkazal, odplatu hodnu od czyesarze obdrzalby. Jar. 113(3). H. 3.

4) Polymius w myestye babilonskem kralował, genz trzy syny myel, kterež to welmi milował. Protoz czastokrat na swej mysli przemitasse, kteremu by swe kralowstwie po swej smrti porucil. Jar. 91(4). H. 4 ²⁴⁾.

5) Alexander kralował genz panstwie wsseho swyeta obdrzal. Stalo se gednu ze weliky zástup družyny sebral a nyekterake myesto oblehl, genz na tom myestie mnoho rityerzuow y ginych mnohem wycze ztratil beze wsseho ranjenje a vrazu, alle kdyz tomu welmi sie diwisse mistry y take mudrce swolal. Jar. 139(5). H. 5 ²⁵⁾.

6) Nyekteraky rityerz byesse genz myegisse hrad twrdy y pyekny na nyemz dwa czapy hnyezdyssta sye a pod hradem byesse studnyce czysta w nyzto czapowe obyczeynye se kupassta. Jar. 82(6). H. 6.

7) Czte sye o nyekterakem czyesarzy rzymskem kdyz sobye dyelal syen, kopagicze nalezli gsu hrob w zakladye zlatymi trzmy obruczy oblozeny. A take byesse na nyem pysmo s wrchu psane; ztrawil sem, zachował sem, dal sem, myel sem, wzal sem, czoz sem z trawil etc. Jar. 16(7). H. 7.

8) A take sye czte o nyekterakem knyezetu, genz kdyz wssy moczy swu nemohl odolati, neprzateluom, any gich przemoci, wczynyl chitrost. Jar. 88(8). H. 8 ²⁶⁾.

9) Kral nyekteraky byesse, genz myel trzy syny, tehdy kdyz myel umrziti prworozenu synu dal dyedycztwie. Jar. 89(9). H. 9. ²⁷⁾.

10) Czte sye w skutczych rityerzskych, ze obyczeyg taky byesse rzymanuom, kdyz ktery hrad nebo myesto gednu swyeczy w gistu myeru rožehli, a kdyz dluho ta swyecza horzala, hotowi byly wssem, ktozby zadali pokogy a smluwili swu milost. Alle kdyz ta gista swicze uhaala, a dohorzela, tehdy na

²³⁾ Бульг. Gorgonius regnavit, qui uxorem pulchram accepit, concepit et peperit filium. Кр. Gorgonius in civitate romana regnavit, qui uxorem pulchram accepit, qui ei filium peperit. Нѣм. Gorgonius gewaltocht in der stat zu Rom. der nam ein daz aller schoenst weib die im gear eynen svn.

²⁴⁾ Jar. torneamenta et hastiludia maxime dilexerat. Нѣм. hiet lieb turniern und Justleich ritterspil.

²⁴⁾ Бульг. Polemius regnavit, qui tres filios legitur habuisse, quos multum dilexit. Кр. Polmis (Др. Polomius) in civitate Babylonie regnavit rex qui tres filios habuit. Нѣм. Pompeius in der stat zvo babylon waz gewaltig der hiret drei suon.

²⁵⁾ Нѣм. сильно разнится: Alexander der grozz kvenich von Chriecheen der regnochť ueber ellewe.

²⁶⁾ Нѣм. сильно разнится: Ez waz ein fverst der mit allen seinen chresten vnd mit aller seiner macht nicht chond veber chomen sein feind und in wider sitzen der machet im ein sicherhait.

²⁷⁾ Бульг. Miles. Кр. Rex. Нѣм. Ein chvenich.

wssiczky vkrutnu a bez milosti spravdnost vydali a s ny (?) zadnym potom, aczby y wsseczko dal, czoy by myel milosty nechtyeli vczyniti. Lat. 98. H. 10 ²⁰)

11) Prawy mistr Euzebius w swych kronykach o gednom czyesarzy, genz lid rzymsky weliku spravdnosti zprawowal. Lat. 137(10). H. 11 ²⁰).

12) O jednom pustelniku. Niekeraka urozena vdova trpiela mnoho protivenstvij od nyekterakeho ukrutnika, jenž hubisze jejz zboży. Lat. 25(11). H. 12 ²⁰).

13) Prawi se o gednom czyesarzy ²¹), ze myel przekrasnu dczeru k sobie podobnu. Lat. 182(12). H. 13.

14) Byesse nyekteraky czyesarz ²²) genz byesse vstawyl za zakon, aby pod tyezku pokutu kazdy sudce spravdliwyje sudyl. Lat. 29(13). H. 14.

15) Nyekteraky czyesarz byesse, genz vstawyl za zakon, aby kazdemu rytierzowi z boge, neb z kolby, a nebo z turnye dana byla troye czest a troy zamutok. Lat. 30(14). H. 15 ²³).

16) K smrti allexandrowye, gdyz hrob geho byesse zlaty, mnozy z mudrczuow k nyemu przissli. Lat. 31(15). H. 16.

17) Prawi welyky mystr Walerius. Lat. 33(16). H. 17 ²⁴).

18) Aczte ze take, ze Pypynus kralowal w rzymskem myestyje genz sobye nyekteraku pyeknu dyeweczku vslubil, a s ny przebywal, genz poczala od nyeho y porodila syna. Lat. 116(17). H. 18.

19) Prawy Saturnus, ze Dyogenes ten mudrzecz tak byl v welikey chudo-bye, ze gedinku kad myel za swoy duom. Lat. 183(18). H. 19 ²⁵).

20) Prawy Valerius mystr welyky w trzetych knyhach: Nyekterake dyetye vrozene wedle oltarze stage, kdyz Allexander welyky obyeto-wasse. Lat. 184(19). H. 20.

21) Rozprawy Allexander mudrzecz o przyrozeny rozlicznych wyeci, ze mistr Virgilius w rzymskyem myestyje usslechtyleu syen vczynil. Lat. 186(21). H. 21 ²⁶).

22) Jakoz prawy mystr Pynus ze yest nyekterake drzevo w zydwowskey zemi wedle hory Synay. Lat. 185(20). H. 22 ²⁷).

²⁰) Въ рукописяхъ не удалось найти этого разсказа, имѣется въ Вулг. и въ нѣм.: Man liset in der choronik der Roemer das zuo Rom ettweenn-sit waz.

²¹) Нѣм. разнится—Ez zagt Eusebius ein maister der heiligen schrift in einer Koronik von einem Romischen kayser oder gepietter.

²²) Недостаетъ въ Унив. рк. рукописи, списана на музейной. Вулг. нѣ-скольео разнится. Кр. Quadam nobilis domina vidua patiebatur multas iniurias a quodam tirano, qui devastavit bona illius.

²³) Лат. imperator; нѣм. edeln gepietter.

²⁴) Лат. imperator; нѣм. Ez waz ze Rom ein gepietter.

²⁵) Кр... cuilibet victori de bello vel hastitudio vel torneamento redeunti exhibentur tres honores et tres molestiae.

²⁶) Разсказъ этотъ перепечатанъ въ Cas. Č. Musea 1862, 380.

²⁷) Лат. также. Нѣм. Man liset an der chriecheu puoch daz ein maister haizzt Saturnus sagt...

²⁸) Лат. de naturis rerum, нѣм. von der natur; nobile palacium, einen edeln schoenen palast.

²⁹) Въ Лат. и нѣм. текстахъ глава эта предшествуетъ 21. Кр. arbor in India circa montem Synai. Публ. Библ. Judea.

23) Take czte se, ze gedem czas prostrzed Rzymu otwacza se zemye (Лат. 43, H. 24, Кр. 23) ³⁹⁾.

24) Lyberius czyesarz kralowal w Rzymie, genz dokudz rzyse neprzysyal, mudreho wtipa byl y krasnymi wymiawami szczasten w bogi byesse. Ale potom, kdz byl czyesarzem wolem slozyw rytierske odyenie nechaw boynow rozpustiwsse lid rzymsky, szyl vlastny swe syny, hubil rada starsich, zabyl skrownost. Toho czasu byl gedem rzemeslnyk. Лат. 44 (Дрз. 25). H. 25.

25) Byesse nyekteraky czyesarz, genz myel nyekteraka dezera welmi milu, gyz to vdyelal syen krasnu, w nyzto przebywasse s gedem krasnu dyeweczku s mylostnyczy nykam newycharyesse, wasak myegisse swe posly, genz byehachu y sam y tam, a czoz koly se w nye stalo, waseczko gym rozprawyeli, kakz koly y tajne wyeczy byly. Pro kteryzto byeh tak dcera toho czyesarze yak zto naymilostnyeyysi netoliko czyesarzowym, ale y gynym mnohym w mrzkost byli a gey mrzeli. (Лат. 187, Кр. 24; H. 26).

26) Czte sye take o trzech mudrczych kdz byly otazany gedem czas czo by bylo nayspilnyeyysi na swetye, gedem odpowedyel ze vino, draky odpowedyel ze zena, trzety odpowedyel ze kral, a wasicakny prawda powiedyli etc. ³⁹⁾.

27) Czte sye take w zywotech otcznow swatych, ze byly cztyrze pastenicy w gednom domye dobrego zywota. Лат. 197(25). H. 27. ⁴⁰⁾.

28) Byesse nyekteraky kral mudry y bobaty genz myegisse zena welmi milu. Лат. 45(26). H. 28. Поз. 26, Рс. 24 ⁴¹⁾.

29) Nyekteraky zlodzeg do domu nyekterakeho bobateho przisel. Лат. 136(27). H. 29 ⁴¹⁾.

30) Nyekteraky rytierz gsa man nyekterakeho krale tyezce gemu zawynyl, poslal k nyemu rytierze a przately swe, aby se zan przymluwali, aby kral raczyl gemu swu milost daty. Лат. 124(28). H. 30 ⁴²⁾.

31) Byessa dwa bratry gedem zak a druhy layk nebo neuczeny. A ta oba gsta przygata w zakon do gednoho klasstera. Лат. 188(28a). H. 31 ⁴³⁾.

32) Czte se w knyhach o mluweny swateho Petra ku Panu Iesu Krystowi, kdez dye wydyl sem ze pyet muzuow, kterezo nyekterzy lide za blazny myeli. Лат. 164(29a). H. 32.

³⁹⁾ Этой главѣ въ лат. и нѣм. рукоп. предшествуетъ глава нум. 100 нѣм. 23.

⁴⁰⁾ Нѣтъ ни въ Дрезд., ни въ описанныхъ выше лат.; Oosterley даетъ лат. текстъ № 268. У Келлера нѣтъ и есть только въ Дрезд. Нѣм. М., 56, № 25.

⁴¹⁾ Лат. текстъ отстуетъ отъ чешскаго: Legitur in vitas patrum quod quatuor heremite querebant inter se, quod quilibet diceret suam nobilissimam virtutem. Нѣм. ближе: Man liset in der vaeter puoch, das vier aynsidel warn in aynem haus, die war guotez lebens.

⁴²⁾ Печатано—Cas. Mus. 1862, 377 и 376.

⁴³⁾ Нѣм. Ain ritter der waz gelehent, von eynem chvenig. den gar swaerleich hiet gelaidigt. der sant freynd vnd magen hintz dem chvenig. wie er im gehuldigt wuerd vnd gewan gar chavm dar über sein huld. Лат. Quidam miles generosus quendam regem, a quo feodatus erat, graviter offenderat, et misit ad eum milites, ut pro eo intercederent.

⁴⁴⁾ Въ кр. 1607 нѣтъ. Кр. 1410.—Erant duo fratres carnales unus clericus et alter laicus. Sed illi in quoddam clauastro sunt recepti. Нѣм. vnd die wurden in ein chloster genomen in einen orden.

33) Kral dansky trzy krale, genz Kristowi obyet vczinily, u welike poczty gmyegisse, a s toho gew na ryn do Kolyna tu, kdez gich awata tyela odpoczywala, trzy koruny zlatte kralowe kralowi rzadem vdyelane obyetowal. Лат. 47(29). Н. 33⁴⁴⁾.

34) Rozprawy mistr Walerius weliky, ze Zelongus nekteraky czyesarz vstavil za zakon, aby ktoz koli pannye gegie czest odyal, aby obu oczy zbawen byl. Лат. 50(30). Н. 34.

35) Czte se, ze Allexander kral weliky w gedен час z dworu krale yndskeho nebo z Yndige, tak rzeczeneho Porius, w osoby rytterze sprostneho pryssel, aby patrzел моч y welebnost gehо. Лат. 198(31). Н. 35.

36) Czte se take, ze kdyz Tytus, w rzymskem myestyе kralowal, vstavil byl za zakon, aby den prworozoneho syna gego ode wssech byl slawnye cztyeny swyeczен. Лат. 57(32). Н. 36.

37) Tenagarius tak rzeczeny czyesarz, toho času, kdyz kralowasse, vstavil za zakon, aby kdoz koli s kteraku koli wynu, kdyzby yat byl, a przed sudce przyweden, a vmyel trzy prawdy powyedyeti, taky, ze nyzadny by nemohl proty tomu odpowedyeti, by, prawe nebylyby naywyetczy winu myel, при зywотie aby ostal se wasym dyedycztwim. Лат. 58(33). Н. 37⁴⁵⁾.

38) Ochezyas kral, tak rzeczeny, myel trzy syny, kterež welmi milowasse. Лат. 196(34). Н. 38⁴⁶⁾.

39) Matyus czyesarz w rzymy kralowal, genz myel trzy syny, kterež welmi milowasse. Лат. 120(35). Н. 39.

40) Jonywianus czyesarz, kdyz mnoho leth kralowal, gednu w lozy odpoczywal y mysslesse. Лат. 59(36). Н. 40.

41) Hanybal tak rzeczeny kral mnoho let kralowal. Печатано. Ї. Mus. 1862, cрp. 369. Кр. 37. Н. 41⁴⁷⁾.

42) Octavianus, tak rzeczeny kral, kdyz kralowal, nad gyne swu zenu milowasse a pro trogi wiecz, nayprwe ze gemu byla welmi wierna, druge ze byla welmi krasna, trzety ze byla welmi posluszna a vstavicz.... (37a)⁴⁸⁾.

43) Tyberius czyesarz w Rzymyе kralowasse, genz przyliss hlas sladky milowasse. Лат. 85(38). Н. 42. Напечатано въ чеш. Anth. 124.

44) Claudianus ten czyesarz, kdyz kralowasse toho času gmyegisse gedynku dcerku. Лат. 61(39)⁴⁹⁾.

⁴⁴⁾ Вульг. разнятся. Кр. Rex dariorum habuit tres magos, qui Christo munera obtulerunt in honore et eos in Coloniam provexit et tres coronas regaliter factus eis obtulit. Нѣм. Ein chuenich von Tennemarch der het die drey heiligen ehuenich in ernen, der chom gein choeln...

⁴⁵⁾ Лат. Asmodemus. Кр. Devogarius. Нѣм. Benegarus.

⁴⁶⁾ Кр. Ozechias. Нѣм. Echesias.

⁴⁷⁾ Oesterley—не даетъ подходящаго текста и ссылается на лат. 20, не вмѣющую ничего общаго съ этимъ разсказомъ. Кр. Damichal (Ambrigal) regnavit multos annos, qui tunc unicam filiam habuit.

⁴⁸⁾ Oesterley даетъ пространный текстъ этой статьи (6 страницъ). Кр. 1410 содержитъ текстъ близко подходящій—Octavianus regnavit, super omnia uxorem dilexit et hoc propter tria: primo quia fidelis, secundo quia pulcra, tercio quia obediens et stabilis. De fratre suo vel... этимъ кончается. Въ чеш. тоже нѣтъ больше, у Келлера нѣтъ совсѣмъ, въ Дрезд. тоже, есть только въ Берлинской, Grim. 81. гл. 36.

⁴⁹⁾ У Келлера нѣтъ, находится въ Дрезд. М. 55, гл. 41.

45) Mayus welmi mudry, kdyz w Rzymie panowasse, tehdy w gehu kralowstwie byesse nyekteraka panye gmenem Florentina. Lat. 62(40). H. 44⁴⁰).

46) Theodosius w Rzymie kralowasse mudri welmi, genz zrak ztratil byesse. Lat. 106(41). H. 45. Печатаро Mus. 1862, 378).

47) Czte se, ze nekteraky kral zchowal lwa a lwicyz a lewharta spolu, genz gye welmi milowasse. Lat. 181(42). H. 46⁴¹).

48) Troyanus czyesarz w Rzymie panowal, myegiesse gednu zahradu rozlicznych saszepuow nasazenu. Lat. 83(43). H. 47.

49) Antholoniuz w Rzymie (sic!) kralowasse, genz trzy moczy do sebe myegiesse. Lat. 64(44). H. 48.

50) Kdyz Pompeyus w Rzymie kralowasse, w gehu rzissi byesse nyekteraka panye przilisz krasna, a wszem welmi mila. Печатаро Č. Č. M. 1862, 378. Lat. 84(45). H. 49⁴²).

51) Nyekdy byechu trzye towarzyszy czestu gedechu spolu. Przhiodylo se bylo geden den gym, ze wiece pokrmu nemohli myeti. Lat. 106(46). H. 50.

52) Tocius, kdyz kralowasse za zakon vstawil byl, aby ktezkoli czyezkoli dytze odchowanye wzal, a w gehu poruczynie (custodia) sesslo to dyetie, a nebo vraz ohawny wzalo, abi podle nyeho swoy zywot stratil. Lat. 189(47). H. 51.

53) Adrianus, kdyz w Rzymie kralowal, vstawil za zakon, aby kterazby koli zena czyzolzstwa se dopustila, aby wiecznem zalarzi umrzela. Lat. 86(48). H. 52.

54) Gellius, kdyz w Rzymie panowal, za tych časuow byl nyekteraky muz, genz se genu vdalo gednu geti mymo geden krzyz na nyemz byesse psano ze wnnuch stran take to pismo. Lat. 65(49). H. 53.

55) Tymachus, kdyz w Rzymie kralowasse, byesse za tohe času nyekteraky rityerz gmenem Lenucius. Lat. 190(50). Печатаро Ant. 184. H. 54.

56) Severus kral, kdyz panowasse, neyprwe myegiesse gednu krasnu dceru, gyz welmi milowasse nayprwe, ze byla naykrassye ze wssech panen, druhe ze byla naymudrzejssi, trzeti ze byla welmi dobrotywa. A kdyz ten gisty kral vmrzal, tehdy ta gista panna wsseczko dyedicznyi se vwazala y kralowala; vslyshaw to nyekteraky kral weliky vkrutnyk, przigel k nye⁴³). Lat. 66(51). H. 55.

57) Antonius czyesarz, kdyz kralowasse, za tych časuow byesse w gehu rzissi nyekteraky rityerz gemuz se byesse vdalo geti k gednomu myestu przes nyekteraku pust. Lat. 199(52). H. 56.

58) Gordianus, kdyz kralowasse, za tiech časuow byesse w gehu kra-

⁴⁰) Вождь лат. и у Келлера Gaius, Кр. Maius и въ Дрежд. вѣм. тоже.

⁴¹) Лат. leopardum, вѣм. liebhart.

⁴²) Pompeius regnavit, in cuius regno erat quedam domina nimis pulchra et omnibus amorosa. Вѣм. Иначе: Ain grosser vnd ein maechtiger oder der hochsten einer der Roemischen reichs oder rat der Pompeius herschaft hiet ze Rom in dex selben reich wonet gar ein schoener weip, vnd allen augen ge-naem.

⁴³) Токеръ у Osterley'a пасмурца. Кр. Severus regnavit, qui pulcrum filiam habuit, quam multum dilexit, primo quod erat pulcrior aliis virginibus, secundo quod sapientior, tertio erat benigna. Post mortem patris totum regnum possidebat. Hoc audiens quidam rex totus tyrannus venit ad eam. Пол. 28, Рyc. 26 соотвѣтствуетъ печатному лат. тексты.

lowstwie nyekteraky rityerz, genz myegiesse nyekteraku zenu krasnu ale zlu. Jar. 68(53). H. 57 ⁵⁴⁾.

59. Pawel ⁵⁵⁾, kdz kralowasse mudry a welmy moczny, vmyslil sobye, aby syen krasnu vdylal. Jar. 69(54). H. 58.

60) Czte sye take o nyekterakem czlowieku gmenem ⁵⁶⁾ Ganterus, genz zadasse, aby mohl nalezty myesto, w nyemz by to radost myel bez smutka, hoy-nost bez nedostatku, swyetlo bez temnosity. Pro toz vda se gemu gedneho dne samemu vgety yakoby gyny vassel za trzydny az y przigde do gednoho kralowstwie to malo przed tyem kral toho kralowstwi s toho swieta ssel byesse. Jar. 101(53a). H. 59.

61) Strzeleczy nyekteraky nahodu slawika nalezl. A kdz gey chtiel zadawiti, wece k nyemu slawik. Jar. 167(55). H. 60.

62) Byesse nyekteraky kral, genz myegisse dcerku krasnu, kteraz byesse slibyla, ze nechce za zadneho muze giti, lecz by tyto trzy weci wiedyel, vmyel a mohl. Jar. 70(56). H. 61. Haneč. въ Antol. 124.

63) Byesse nekteraky lakomecz, sedyeny pod morze, genz myegisse weliky poklad, a ten gisty poklad schowal byesse w gednom welikem rybli a nebo sspalku. Jar. 109(58). H. 63.

64) Byesse nyekteraky kral genz toliko gednoho sy (sic!) myegisse, gehoz velmi milowasse. Ten gisty syn, wzrzew swoy czas, przistupil k uotci, a yal se prosyti, aby gey w gyzdu odpustil naywicz pro to, aby sobye przatel dobyl. Jar. 129(57). H. 62.

65) Nyekteraky kral byl vstawil za zakon, ze kdz by koli myel kdo zahuben byti nebo otprawyti, aby dwa trubaczy przed gehu dwerzmi z sameho gitra trubyla, a ten, gesto miel odpawen byti, myel obleczen byti w czrne rucho. Stalo se, ze ten gisty kral vczinil welike hody, a przykazal, aby chudy y bohaty zwan byl na ty hody, a kdz wssichny syty byli, wedle obyczeye przissli pyssczy, hudci, yherci s rozlicznymi strogi, a tu swe mistrowstwo vkazugice, to widuce y slyssice wssiczny kwassene weliku radost myegichu, a kdz se tak rado-wachu, kral sedyse swiesiw hlawnu, nicz negeda a czastokrat mezy krmyemi sedye plakasse. Vrzzewsze to knyeczata y gyny pany, y take kwassene zamutili su se welmy, a zawolawsse k sobye bratra kralowa, genz przed stoly chodysse hosty pobyezege, rzekli k nyemu: mily, czo gest to, ze nasz mily pan kral velmi nas cztyl, ale sam smuten gest, a newymy, procz gest to; prosymy tebe, zwiezto na gehu milosty, procz gest smuten, bylo libo, zeby kdo z nas gehu milosti nyetczo nelibeho vczinil, hotowi gsme wssiczny y kazdy z nas gehu milosti odbyti wedle gehu wuole. Vslissaw tu rzecz bratr kraluow, przissed k králi, yal se gehu tazati, proczby tak welmi w takem kwasu smuten byl, wece gemu kral: mily bratrze, acz buoh da zaytra wprwu hodynu damt toho odpowied. Tehdy na zoytrzi kral, kdz dnyelo, poslal dwa trubacze a rzekl gym. Przykazugi wam pod mi-losti, abysste ssi przede dwerzi bratra meho, a trubili. Oni odssedsse yali se tru-

⁵⁴⁾ Пуб. Биб. Adrianus.

⁵⁵⁾ Пуб. Биб. Gallus.

⁵⁶⁾ Вудг. разнится. Изъ известныхъ мнѣ рукописей эта глава имѣется только въ Кр. 435. Narratur de quodam homine nomine Gantherus, qui optabat locum et gaudium sine omni tristitia, et habundanciam sine... et lumen sine tenebris. Una dierum solus ivit per quandam viam trium dierum, quousque ire vellet.

biti tak, vakož gym kral rozkazal. Vslissawse dworzene kralowi trubacze ynhed ssedsse tam bratra kralowa w czrne rucho obynuli a przed krale przywedli, postawisze okolo nyeho cztyrzi muze odyene s nahymi meczy, gednoho na prawicy, druheho na lewici, trzetiho naprzed, czwtreho nazad. A když se to stalo, wece kral: bratrze bud wesel. Odpowedye bratr: O, mily pane, kterak mohu wesel byti, mage toliku hruozu okolo sebe se wssech stran; wece k nyemu kral: Ty se bogiss cztyrz meczuow, a ne muozess wesel byti, a mnyes za zle myel, ze sem ya smuten byl, mage okolo sebe netoliko cztyrzi, ale ssest tyssicz a geassze wiecze. Lat. 143(59). H. 64. Вульг. сильно разнится. Кр. сходится съ чешскимъ.

66) Quintillus, když kralowasse za zakon vstawil, aby kazdy slepy po wssem kralowstwi sto ssilniku⁵⁷⁾ myel a na to se zywil. Lat. 73(60). H. 65.

67) Aurelianus, když kralowasse w Rzyme moczny welmi, ten myegisse gednoho syna gehoz welmi milowasse. Tehdy když vmrziety myel, zawolal sweho syna, a rzekl gemu: mily synu gedno yabliko zlatte mam welmi drahe, a tobye ge dam. Lat. 74(61). H. 66.

68) Byesse nyekterake myesto wedle morze, genz od howad gedowatych mnoho przekazy myegisse. Lat. 200(63). H. 68.

69) Byesse nyekteraky kral welmi moczny, genz w swem kralowstwi zawistnykuow nechtel trpyeti, yakz naydale mohl. W tu chwili byesta w geho kralowstwie dwa lekarze wnytrzyne y rannye welmi mystrna, ze czocz geden vczynyl w tem mistrowstwu tez y druhy. Lat. 76(62). H. 67⁵⁸⁾.

70) Byesse nyekteraky rytierz weliky zbyech, a ten myegisse pacholka welmi wyerneho. Lat. 127(64). CCM 1862, 379. H. 69.

71) Domicianus w Rzymy kralowasse mudry, genz myegisse krasnu zenu. Кр. 65, H. 70⁵⁹⁾.

72) Byesse nyekteraky czyesarz, genz myegyesse geden sad, w nyemz to byesse dywok y weprz. A ten mnoho lidy zhubil byesse. Czyesarz toho weliku tesknost myegiesse y kazal wolaty byesse, ktozby koli toho gisteho weprze zahubyl, swu dceru se wssim kralowstwim po swej smrty chtyelby gemu daty. Byesse w tu chwili nyekteraky pastyrz, chtyesse weprze zabiti, w hay wssel gest, weprz geho vzrzew na nyeho byezysse a on na drzewo wstupil, weprz poczal drzewo kusati, ze se zdalo pastyrzowi, zeby gyz brzo myel vpadnuty, na drzewie byesse dobre owoce, a toho owoce weprzi metasse. Weprz owoce poczal hrysti tak, az se y nagedl, a poczal spaty; vzrzew to pastyrz, tajnye nuoz wynyal, a geho zabil, a dceru czyesarzowu sobye za zenu poyal. Naymileysi... H. 73. Кр. 67.

73) Byesse nyekteraky wladarz Rzyma, kteryžto w zahrady swej myegisse

⁵⁷⁾ Нѣм. hundert schilling, лат. centum solidos, рус. сто пенязей.

⁵⁸⁾ Вульг. иначе. Кр. Quidam rex erat Tymotheus, in regno suo invidos pati noluit, quantum hic precipere poterat. Erant in regno suo duo phisici, ut quidque unus illorum fecit, hoc et secundus faciebat. Нѣм. Ez was eingewaltiger chvenig in der seinem reich nicht dulden wolt chainen feint als vil er ir inae wart. Nu warn in seinem reich zwen puoch ertzt gar bewaert und guot und war der eyn chluochait tet dietet auch der ander.

⁵⁹⁾ Съ этой главы по 79 слѣдуетъ Исторія Семѣ мудрецовъ, которой нѣтъ въ печатныхъ лат. текстахъ (Вульг.). Послѣ этого разсказа въ лат. и нѣм. слѣдуетъ повѣсть о собакахъ (нѣм. 71, Др. 73, Кр. 66).

pyynu tak rzeczone drzewo, a roskossne, ktereż owoce gednak kazdeho leta proty rozlieznym nemoczem neslo gest. Naymileyssi. H. 71. Kp. 435, 38 ⁶⁰).

74. Zdawna byesse w gednom myestyie rytierz stary, kteryz myel gednu mladu zenu, jako ty czyesarzy mass, kteruz gest welmi milowal. A ten na kazdu nocz dwerzy domu swego sam zawiral, a klicze pod hlawu chowal; w myestyie w tom byesse prikazany, kdz w gedenzwon bylo zwonyeno, kdz kdo potom zwonyeny chodyl w noci od straznych bylby yat, aby czelu nocz w zalarzy byl a nazaytrziissi den na pranerz wssazen. Rityerz ten to ne mozyss zenu vtyessiti, czoz se gy libilo k zadosty tiela, a protoz gest gyneho milowala. A na kazdu nocz, kdz gest muz vsnul, klicze wzala, a dwrery otewrzela, a k fre-gyerze ssala, a taynye se k muzy wratila. A ona gednu nocz wstala gest k my-lownyku ssala taynye a brzce. Potom rytierz ze sna probudyl se, a zeny gest ne-nalezl, wstal gest, a dwerzy domu y komory otewrzyly nalezl, dwerzy zawwrzel, a na zelerz domu wstupil, a w oknye sedyel. Potom od puol noci przissla zena. a tlukla na dwerzy. Rzekl rytierz: O zlorzeczeno zeno, gyż sem dossel, zes czy-zolozstwa vczynila, zagiste prawy tobye, ze w nye ostaness, az strazny przigdu, a tye w zalarz wsadye, y dye ona: O, pane, procz to czynyss, ya prawdu prawim tobye, kdz sem byla s tebu na lozy, przissla dyewka od materze mey, abych gy bez meskany nawssczywila, ne chtielu sem tebe ze sna zbuditi, a protoz sem taynye wyssla... etc Naymileyssi... H. 74. Kp. 68.

75) Za dawna byesse w miestyie rzymskem nyekteraky rityerz, kteryz dwie dcerzy a gednoho syna myel gest rityerz tento wsseczko swe dobre vtratil. Kp. 69. H. 75.

76) Bohatecz ⁶¹) nyekteraky byesse w myestyie rzymskem kteryz gmye-giesse straku gessto dobrze mluwisze to czoz gest slyssala nebo widyela. Kp. 70. H. 76.

77) Rytierz nyekteraky stary ale sprawedlywy panu mladu za zenu poyal gest. Stalo se gest, ze trzi leta spolu byli a zadneho plodu ne myeli. Kp. 71. H. 77.

78) (O)ctawianus kralowal bohaty welmi, a wssak skupi, kteryz zlatta nade wsseczko gyne zadassa, ten czas byesse w myestie rzymskem mistr Virgilius. Kp. 72, H. 78.

79) Kral nyekteraky biesse dywnym obyczegem naduth. A ten [myslisse] tiela swatich Petra a Pawla z Rzima noci odvesti. (72a.) H. 79 ⁶²).

80) Nyekteraky czyesarz rzymsky kralowal gest kteryzto s sebu myel gest sedm mudrcuow. Kp. 73, H. 80.

81) Byl gest nyekteraky kral, kteryz vstawil za zakon, aby kdoz koli chtielby gemu sluzity, myelby trzy rany na syenne dwerzi dati. Lat. 17(74). H. 81.

82) Nyekteraky chudy byl w gedney wsy, kteryz chodyl rozliczne dny po

⁶⁰) Въ общенвѣстныхъ лат. текстахъ нѣтъ этой статьи, въ нѣм. имѣется и сохранилась въ Кр. 435: *Erat quidam burgensis Romae, qui in orto suo habuit arborem nobilissimam, quae fructum et florem contra omnes inficientes singulis annis proferebat etc.* Кариссими: Этимъ оканчивается разсказъ въ лат. и чешс. текстахъ. Въ нѣм. иначе.

⁶¹) Пуб. Биб. *Senex sed iustus.*

⁶²) Въ латинскихъ текстахъ имѣется только въ Кр. 435: *Rex quidam erat miro modo inflatus et ille intendebat corpora sanctorum Petri et Pauli de Romana civitate violenter auferre.*

drzewie gednobo lesa welikobo. A tak se stalo, ze wssel w weliky husscz lesa toho, a wpadl w gednu hluboku yamu, a w ssiroku, z kteryz nikoli nemobl wygitl. A w tey yamy bil gest przy gedney straney hrozny had, a s boku strany druhe byli su mnozy hadowe, a na kazdy den hadowe w tu yamu seseli su se k gednomu kameny H. 82⁶⁹).

83) Byesse nyekteraky czyesarz, genz myel geden hay, w kteremzto byesse hednorozecz, kteremuz to nesmyel zadny se pribliziti. Velyssaw to czyesarz na przitrozeny gednorozeczowo tazasse se, a ony su gemu zaiste rzekli, ze gednorozecz nahe panny a czyste welmi miluge, a w zpywany gich se welmi weseli. Lat. 115(76). H. 83.

84) Danyel widyel slup, kterycho hlawa z zlata czysteho byesse, prsy a ramye z striebra brzicho a ledwie myedyene, czyesski zelezny nob gedna strana slozena. Daniel ten to slup widyel y otta gest kamen bez ruku a zbil slup na nohach zeleznych, a potrzel gest gye y wessken slup zlamal. Naymileyssi... Lat. 218(76a). H. 84⁷⁰).

85) Yustinus w myestyie rzymskem kralowal, kteryz byl vstawil za zakon, ktrbykolwiek kteru pannu polapil, a kdyz by gi pak kdo z ruku nasilnyka toho zprostil, aby gi sobye za zenu poyal, acz by mu se libilo. Stalo se gest, ze nyekteraky rytierz nasilnik lapil gednu pannu a wedl gi do gednoho hage a gi porussil. Vcziniw to chtiel gy zahubity. Lat. 117(77). H. 85.

86) Prawi ze zakon byl, aby bratr starszi dielil a mladssi zwolil, ktere-hoxto rozumu byesse ze wietssi mudrosti gest dyeliti nezli zwoliti. Lat. 90(78). H. 86.

87) Nyekterake knyze gmeuem [D]jomyus tak rzeczeny, gehoz lid w myestie gednom byl obsazeny, chtye taynye poradty lidu swemu, czo by gim bylo vzi-tecznyegi. Przykazal, aby geden z rytierzuow geho k tomu ablezeny przistupil, kteryby oblezenczom zgednal, ze na ssipich a na kopich geho chytrze byli psano posilte so v boze a budte wierny w oblezeny, skoro k wam prigedu a lezeny otey-mu. Naymileyssi. Lat. 152(78a). H. 87. Др. 88.

88) Prawi swaty Augustin, ze obyczey byl starich lidy, ze srdce tyesarzka pr smrti byla spalena, su a wlasy w czystem myestyie polozilisa. Lat. 23(78b). H. 88. Др. 87.

89) Kralowa nyekteraka poczala syna z sluchy hlupeho⁷¹) w czyzolozstwi. Lat. 20(79). H. 89.

90) Ozte so o gednom muzy, gdace w geden hay, widiel gednoho hada zwmamcho na oczas⁷²) k drzewu kteryz slitowal se nad nym geho otwazal a w lono swa waadil⁷³). Lat. 174(80). H. 90.

⁶⁹) Лат. тексты печатные и рукописные значительно отличаются от чешского; нѣм. ближе: Ez was ein armer, man in einem dorf der gieng taeglich in einen walt nach widt. Nu chom er von geschicht, in ein dikh huerd dox walde vnd viel da mit in ein teuffe weite gruob dar auz er mit nichte chomen moecht. Op. Вульг. 114, Кр. 75, нѣм. 82.

⁷⁰) Лат. эта вѣ лат. рукописяхъ находится въ Дрезд. и Крак. 1410.

⁷¹) De seruo rustico, von irem chnecht.

⁷²) Въ лат. и нѣм. „за хвостъ“ (очас, regel).

⁷³) Лат. uiaue. Кр. Legitur de quodam viro transeunte unam silvam vidit unum serpentem ligatum a pastoribus ad arborem. Нѣм. Man liest von eynem mann der gieng durch einen walt der sach ein natern gepunden zu einem paumb mit dem regel.

81) Nyekteraky pan byl gest, kteryz myel gednoho wratneho, kteryz pana sweho prosil, aby w myestie swem, kterež ma, wratneho vczynil inyesycz, tak ze ot kazdego hrbatego, gednokeho, prassyweho, a ruku a vssy nemagice, aby gedden halerz myel. Лар. 157(81). Н. 91.

92) Czte se w sskolnym polozeny ⁶⁹⁾, ze w Geruzalemye gest nyekteraky slup myedyeny byl, na gehozto vysokosti byesse obraz nasseho spasitele. Лар. 214(81a). Н. 92. Дрезд. 92.

93) Hubeny czlowiek gsy, hled poczatku sweho, prostrzedka skonczyeny. A tak nalezyess ze pln gsy byedy a psoty... A protoz se czte, ze nyekteraky kral hledal cztyrz otazek na gednom mistrowi. Prwa otazka byla, czo gest czlowiek, druga komu gest podoben czlowiek, trzeti kde gest czlowiek, cztwrte s kterymi towarzyssi gest czlowiek... Лар. 36. Н. 93. Дрезд. 93 ⁶⁹⁾.

94) Prawi Plynius, ze orlice na vysokosti se hnyzdy, gegymz dyetem hrozy had, kteryz wida, ze nemuoz k dyetem gegi przigity... pro wysokost. Лар. 37(81b). Н. 94. Дрезд. 94.

95) Czte se w nyekterakych (sic!) rzymських ze mezy dwiema bratroma byl tak weliky ze gednak gegen wssichny zemye a dobre zkazil swar. Лар. 39 (82). Н. 95 ⁷⁰⁾.

96) Kozdras cyesarz bogici proti neprzateluom swym przissli radil se s Apolonem. Лар. 41(83). Н. 96.

97) Byesse nyekteraky czlowiek, kteryz gedden myegisse gity s gednoho kralowstwi do druheho, przissel k gednomu mostu, gesto myel przesen gity. Лар. 191(83a). Н. 97. Дрезд. 97.

98) Yakoz Ysyodorus prawi w kuyhach eticorum tak rzeczenych, ze w Syczylі gsta dwie studnyci, kterich gedna yalowie plody, druha druhu yalownu czynye. Skrze prwu mame znamenati pana. Лар. 253. Н. 98 ⁷¹⁾.

99) Prawi mudrzecz w knihach o zwierzы, budess li chtieti vczyniti, aby hawran, kdyz se bude hnyzditi na drzewie, aby nikdy z wagecz swych nemohl ptaczat wysedyeti, poloz popel sklenyczny mezy drzewo a kuoru, a dokowadz tu popel bude, nykdy diety ne bude moci wysedyeti. Лар. 46. Н. 99 ⁷²⁾.

100) Olynus (sic!) nyekteraky mistr prawi ze wysseł w myesicz mage chtie gity w gedden hay. Лар. 46(83b). Н. 100.

101) Nyekteraky kral myel trzy syny a gedden draby kamen. Лар. 210(84). Н. 101.

102) Prawi mistr Valerius w knihach patich, ze nyekteraky wolagici nebo byrzicz gednu wladyku poyal w czyzolzstwi, a vhlawnym gi sudem odsudil. Лар. 215(85). Н. 102.

⁶⁹⁾ In scolastica historia; in der maisterlichen history die du haizt scolastica. Въ лат. рукописяхъ только въ Др. и Кр. 1410.

⁶⁹⁾ Вулг. начало имѣется иначе; въ рукописяхъ только въ Дрезд. — Miser homo vide... Нѣм. О du armer mensch sich an deinen anuanch die mit und dein ende.

⁷⁰⁾ Legitur in gestis romanorum.

⁷¹⁾ У Osterley — только въ app. 57; въ известныхъ мнѣ рукописяхъ не встрѣчается.

⁷²⁾ Въ лат. рукописяхъ не встрѣчается. Нѣм. Der weiz man Aristotiles sagt in dem puoch von tyern. Вулг. 46. Item narrat philosophus in libro de animalibus.

103) Fridrich tyesarz druhi gednu bramu mramorowu vstavil na kteruz stadnici vody tekuci vedl. Jar. 54. H. 103⁷²).

104) Czte se ze trzy ochochule na gednom ostrowie byli su a sladke spyewany rozlicznymy obyczegi zpyewali su... Jar. 237. H. 104⁷⁴).

105) Czte se, w zywotiech otczaow swatych, ze nykteraky wydziel gest murzenyna w nykterakem lesy drwa podtynagiczieho a swazana pokussel zdvihnuti. Jar. 165(86). H. 105⁷⁵).

106) Pompeius vstavil za zakon, ze kazdy ritirz po smrti swej w odyeny swem, aby pochowan bil, ktozkoľwiek by s mrtweho odyeny swlokl, aby smrti vmrzet. Jar. 134(87). H. 106⁷⁶).

107) Tenucius kralowasse mocny, kdyz gest gednu po czyesarstwí gezdil. Geden chudy geh potkal dosti zposobne krasj. A wssak almuzny v czyesarze prosil: rzekl czyesarz: powiez ěmi, odkud gsy, a ktere gest gmeno twe. A on dye, acz nehodny a wssak czlowiek wass gsem, a w zemj wassieg zchowany y narozeny, a gmeno me gest newdyeczny, rzekl czyesarz bych wiedyl by dobrym czlowiekem byl, tobyet bych pomohl. A on, pane, to vplny pod przisaba slibugi. Czyesarz hnul se k milosrdenstwi gehot gest domuow poyal a przy sobie drzal. A potom tak w kratkem czasy tak dobrze a tak mudrze se v dwora czyesarzowa myegisse, a gehu bohatego vczinil. A potom wskuorze gehu marsalkem vczynil wsscho kralowstwi. A on gdyz tak powyszen byesse powyseno gest srdce gehu ze wssim chudym natisky czynysse (108). H. 107⁷⁷).

109) Domicianus kralowal mudri welmi we wssem sprawedliwy zadnemu neodpaszczge gedno podle cesty sprawedlywessel. Jar. 103(105). H. 108.

109) Tolomeus w rzymj kralowal bohaty welmi, w kteremzto kralowstwi byl geden rytierz nabozny a welmi milosrdny, kteryz myegisse pyeknu zeny ale czyzolzysse a niechtiesse ostati. Jar. 102(106). H. 109⁷⁸).

110) Byesse geden rytierz libezny gmenem dosti porzadny, kteryz zenu pyeknu myegisse, a dwa syny. Przihodilo se gedno, ze na low gel vzrzew zdaleka geleni welikeho. A vzrzet mezy rohy krziz zlaty a gelen obratyw se k nyemu a rzekl: Czo mi chtess se protiwyty, yat gsem Christus na krzyzi pro tye vkrzyzowany. Jar. 110(107). H. 112⁷⁹).

⁷²) Въ лат. рукописяхъ нѣтъ.

⁷⁴) Въ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ не встрѣчается. Oosterley дасть въ app. 411—Dixit Ovidius quod tres fuerunt syrene in quadam insula maris. Нѣм. Man liest das drey syren worn in einer Inseln, oder in einem werd.

⁷⁵) Вулг. иначе. Кр. Legitur in vitis patrum, quod quidam vidit et iopem in silva ligna succidentem, et alligata temptavit levare. Нѣм. Man liest in der waeter puoch, das einer sach ein morn.

⁷⁶) Вулг. иначе. Кр. Pompeius statuit pro lege, quod quilibet miles post mortem suam in armis suis deberet sepeliri. Et quicumque mortem armis spoliaverit, morte mortuus esset. Нѣм. Pompian der Romer... in wappen.

⁷⁷) Вся эта часть не встрѣчается въ печатныхъ текстахъ, а въ рукописныхъ служить началомъ для вулг. 119, ср. Кр. 103 (см. выше), нѣм. 107.

⁷⁸) Вулг. Titus; Др. Theolonius; нѣм. Tpolomeus.

⁷⁹) Вулг. и нѣм. иначе. Кр. Erat quidam miles Placidus nomine satis strenuus, qui pulchram uxorem habebat et duos filios. Accidit quod semel ad venandum equitavit vidit a longe cervum magnum gerentem inter cornua crucem auream. п т. д.

111) Valerius kralował moczny welmi w Rzymy, kteriz dceru myel kteruz tak welmi milował, ze pyet rityerzuow zgodnal, aby gi ostrziehali... Лат, 212(108). Н. 111⁸⁰⁾.

6. Польская редакция Римских Исторій.

О судьбѣ Римскихъ Исторій въ польской литературѣ до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Польскіе изслѣдователи совсѣмъ не интересовались этимъ произведеніемъ. Замѣтку о польскомъ изданіи помѣстилъ въ 1889 г. д-ръ Поливка въ своей статьѣ о „Повѣсти объ Аполлонѣ“⁸¹⁾. Мнѣ пришлось самому дѣлать разысканія для этого вопроса во всѣхъ польскихъ бібліотекахъ и въ русскихъ, содержащихъ польскія собранія⁸²⁾. На основаніи этихъ разысканій я пришелъ къ окончательному выводу: 1) что рукописныхъ сборниковъ польскаго перевода не только не сохранилось, но ихъ вовсе не было; 2) что печатаніе Римскихъ Исторій въ польскомъ переводѣ началось въ Польшѣ въ первой половинѣ XVI столѣтія и продолжалось до конца XVIII столѣтія, и потому, въ 3-хъ, изученіе польскаго перевода должно быть произведено на основаніи печатнаго текста.

Первое упоминаніе о существованіи въ XVI ст. польскаго изданія Исторій относится къ 1553 г., но этого изданія, несмотря на тщательныя разысканія, не удалось найти. Слѣдующее по времени указанія находимъ въ русскомъ переводѣ въ сборникѣ Царскаго (440), въ которомъ говорится о краковскомъ изданіи 1663 г., отпечатанномъ Войтехомъ Сѣкельновичемъ (должно быть Сѣкеловичъ). Извѣстный польскій бібліографъ Эстрейхеръ въ частномъ своемъ собраніи имѣетъ указанія на изданія гг. 1697, 1738, 1752, 1753, 1773 и 1776. Экземпляры этихъ изданій настолько рѣдки, что мнѣ удалось собрать свѣдѣнія только о слѣдующихъ изданіяхъ:

1. Дефектъ краковской бібліотеки безъ начала и очень испорченный представляетъ древнѣйшее изъ извѣстныхъ доселѣ изданій, но это изданіе XVII вѣка.
2. Полный экземпляръ той же бібліотеки, безъ обозначенія

⁸⁰⁾ Настоящее обозрѣніе составлено мною по рукописи пражскаго университета и во время печатанія любезно свѣрено съ оригиналомъ д-ромъ Поливкою.

⁸¹⁾ Listy filologicke XVI, 5—6.

⁸²⁾ Между прочимъ просмотрѣвъ мною каталогъ польскихъ старинныхъ книгъ Типографской бібліотеки въ Москвѣ, но тамъ не нашлось ни одного экземпляра.

мѣста и времени изданія, изданіе XVII ст., но уже исправленное сравнительно съ № 1 (16°, л. 87).

3 и 4. Два экземпляра изданія 1738 г.—краковской бібліотеки и частной г-на С. Вольскаго въ Варшавѣ, которые разнятся другъ отъ друга.

5 и 6. Два экземпляра изданія 1752 г.—въ бібліотекахъ Оссолинскихъ и Красинскихъ.

7. Изданіе 1773 г. въ бібліотекахъ Оссолинскихъ.

8. Дефектъ въ частной бібліотекѣ проф. І. Приборовскаго.

Такимъ образомъ, всѣ эти экземпляры также цѣнны, какъ рукописи, а рѣдкость ихъ указываетъ намъ на интересъ, съ какимъ они зачитывались до полного уничтоженія читавшихся книгъ.

Экземпляръ № 1 описалъ г. Поливка. Его заглавіе: *Historye rzymskie rozmaite z różnych dzieiow z wykładami obyczajnymi krotko zebrane. Ludziom ku rozmyślaniu mądrości y też innych cnot przywudzające. Teraz z poprawą lepszą ku wiadomości ludzkiej wydane*. При перепечатаніи издатели видоизмѣняли заглавіе, подновляли языкъ и подчищали текстъ; переводъ же оставался одинъ. Въ польскомъ сборникѣ обращаетъ на себя вниманіе его составъ, который рѣзко отличается отъ *всѣхъ* западно-европейскихъ, не исключая и англійскихъ.

Извѣстные польскіе сборники содержатъ 39 рассказовъ, а потому, по числу ихъ, близко подходятъ къ англійскому сборнику, изданному Вордомъ. Но это сходство чисто внѣшнее. Въ изданіи Ворда находимъ только 8 статей изъ напечатанныхъ въ польскомъ изданіи. Точно также и въ англійскихъ рукописяхъ нѣтъ цѣлаго ряда статей, находящихся въ польскомъ текстѣ. Въ виду этого не представляется никакой возможности дѣлать какія бы то ни было сравненія польскихъ текстовъ съ англійскими. Поэтому приходится искать сближенія съ латино-нѣмецкими и латинскими редакціями. Опять таки отсутствіе въ латино-нѣмецкой группѣ 21 рассказа изъ 39 заставляетъ сразу бросить эту попытку и перейти прямо къ печатной латинской редакціи и тамъ искать ближайшаго источника польскому собранію.

И дѣйствительно, въ печатныхъ латинскихъ изданіяхъ (Вульгатѣ) находимъ всѣ статьи, вошедшія въ польскій сборникъ. При томъ оригиналомъ послужило не первое изданіе, содержащее 15 рассказовъ, а послѣдующія со 180 статьями, такъ какъ здѣсь встрѣчаемъ № 172 вульгамы. Ближайшее сравненіе польскаго текста съ латинскимъ показываетъ, что въ польскомъ сборникѣ мы имѣемъ дѣло съ выборомъ, сдѣланнымъ самостоятельно и то исключительно для польскаго изданія. Составитель выбиралъ изъ латинскаго сборника рассказы по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь никакими традиціями, а могъ онъ найти ихъ во *всѣхъ* тогдашнихъ бібліотекахъ. Порядокъ статей совершенно про-

извольный, составитель во всем сборникѣ всего только три раза вьвлъ изъ латинскаго текста по двѣ главы "подъ рядъ (80, 81, 103, 102, 72, 73).

При разсмотрѣніи текста является вопросъ,—бралъ ли составитель готовые переводы, или самъ ихъ переводилъ. Для большинства статей вопросъ этотъ рѣшается въ томъ смыслѣ, что переводъ ихъ былъ сдѣланъ специально для сборника, для двухъ (Житіе Алексѣя и Повѣсть объ Аполлонѣ) слѣдуетъ допустить возможность пользованія уже существовавшимъ переводомъ. Житіе Алексѣя было издано еще въ 1529 г. по-польски и оно служило руководствомъ при составленіи новаго перевода. Исторія объ Аполлонѣ не сохранилась въ отдѣльномъ изданіи, но г. Поливка весьма основательно доказываетъ, что оно составлено не по тексту *Gesta Romanorum*, и что несомнѣнно переводъ составленъ подъ вліяніемъ чешскаго, и даже съ чешскаго оригинала, но не того, который дошелъ до насъ въ извѣстныхъ намъ рукописяхъ. Дѣйствительно, въ польскомъ текстѣ есть нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя безъ чешскаго посредства явиться не могли, такъ, напр., *чешск.*—*nesličnými skutky*—нехорошими дѣлами, *пол.*—*niezliczonemi skutkami* безчисленными; *чеш.*—*smyslu dosti máš*, *пол.*—*smysla dosyć masz*. Общій ходъ разсказа въ польскомъ текстѣ ведется согласно съ чешскимъ, и сей послѣдній во многомъ отстываетъ отъ извѣстныхъ латинскихъ ⁸²⁾. Поэтому пока не будетъ найденъ соотвѣтствующій латинскій или нѣмецкій текстъ, приходится считать ближайшимъ источникомъ польскаго текста чешскую редакцію.

Содержаніе сборника слѣдующее:

Historie rzymskie rozmaite z różnych dzieiow z wykładami obyczajnemi krotko zebrane. Ludziom ku rozmyślaniu mądrości y też innych cnot przywodzące. Teraz z poprawą lepszą ku wiadomości ludzkiej wydane.

1. O poniżeniu próżnej chwały = G. R. cap. VIII De vana gloria.
2. O uważaniu wierności = G. R. cap. V De sectanda fidelitate.
3. Historia o Apollonie krolu Tyrskim i Tarsyej krolewnie, przykład iże smutek przemienion bywa w wesele = G. R. cap. CLIII De tribulatione temporalis, quae in gaudium sempiternum postremo commutabitur.
4. Przykład o chytrości diabelskiej a jako sądy boskie są skryte = G. R. cap. LXXX De versutia diaboli et quomodo dei iudicia sunt occulta.
5. Przykład o dziwnym zrządzieniu boskim i o poczęciu świętego Grzegorza = G. R. cap. LXXXI. De mirabili divina dispensatione et ortu beati Gregorii papae.
6. Przykład o pysznym cesarzu Jowianie i o jego uniżeniu a że Pan częstokroć pyszne zrzuca a pokorne podwyższa = G. R. cap. LIX De superbia

⁸²⁾ Д-ръ Поливка не знаетъ изданія Ринга. *Historia Apollonii Regis Tyri e codice Parisino 4955 edidit M. Ring. Posonii et Lipsiae 1880.*

nimia et quomodo superbi ad humilitatem maximam saepe pervenissent, satis notabile.

7. Przykład o doskonałości = G. R. cap. LVII De perfectione vitae.

8. Przykład o pommnieniu śmierci aby człowiek niegrzeszył = G. R. cap. LVI De memoria mortis.

9. Przykład o przestępie duzenym i o ranach dusze raniących = G. R. cap. CII De transgressionibus animae et vulneribus eius.

10. Przykład o rostopności abyśmy wszystkim dobrym umysłem czynili = G. R. cap. CIII De omnibus rebus cum consensu et providentia semper agendis.

11. Przykład o chytrej zdradzie niewieściej i o zaślepieniu zdradzonych = G. R. cap. CXX De mulierum subtili deceptione.

12. Przykład o niewdzięczności człowieczej z dobrodziejstw przyjętych = G. R. cap. CXIX Quod omnium viventium in mundo de beneficiis acceptis est ingratus homo.

13. Przykład że nie mamy żonom wierzyć ani tajemnic objawiać = G. R. cap. CXXIV Quod mulieribus non est credendum neque archana committendum, quoniam tempore iracundiae celare non possunt.

14. Drugi przykład jako nie mamy żonom żadnych tajemnic wierzyć = G. R. cap. CXXVI Quod mulieribus in nullo est credendum et praesertim de secretis celandis.

15. Przykład o niesprawiedliwości a łakomstwie i skaraniu ich — G. R. cap. CXXVIII De iniuste aliena bona occupantibus.

16. Przykład o stałości w dobrych uczynkach, wiernym pożyteczny = G. R. cap. CLXXII De constantia fidelis animae.

17. Przykład o wierności i miłości i że prawda od śmierci wybawia = G. R. cap. CLXXI De dilectione et fidelitate [nimia et quod veritas a morte liberat.

18. Przykład o wielkiej sprawiedliwości bożej a iż sądy jego są skryte = G. R. cap. CXXVII De iustitia et aequitate dissertissimi iudicis Christi per occulta iudicia.

19. Przykład o pożytku opatrności we wszystkich rzeczach = G. R. cap. LXXIV De prospectione et providentia.

20. Przykład że każdy pasterz ma mieć o owcach swoich staranie = G. R. cap. CXXXVI Quod vigilare debet pastor animarum.

21. Przykład o straszliwości sądu pośledniego wszystkim grzesznym = G. R. cap. CXLI De timore extremi iudicii.

22. Przykład, że kto nie ochrzczone nie będzie zbawion = G. R. cap. LXXVI De concordia. Заглавіе это беремъ изъ изданія 1738 г.

23. Przykład abyśmy czuli dla zdrady diabelskiej, aby nas zły duch nie zdradził = G. R. cap. CVI Quod est vigilandum contra fraudes diaboli, ne nos decipiat.

24. Przykład i że prawdy dla prześladowania naszego nic niemamy cierpieć = G. R. cap. LVIII De confessione.

25. Przykład chwalebny że miłośiernymi uczynkami mamy ofiarę czynić P. Bogu = G. R. cap. XLVII De tribus regibus.

26. Przykład że tylko sami sprawiedliwi wnidą do krolewstwa niebieskiego = G. R. cap. XLV Quod solum boni intrabunt regnum coelorum.

27. Przykład że prozne jest kochanie we wszystkich rzeczach świeckich = G. R. cap. LXIII De mundanorum oblectationibus.

28. Przykład abyśmy stałość mieli w dobrych uczynkach = G. R. cap. **LXVI** De constantia.
29. Przykład abyśmy czystość i wierność małżeńską miłowali — G. R. cap. **LXIX** De castitate.
30. Przykład że prawdę mamy wyznawać aż do śmierci = G. R. cap. **LXVIII** De non subticenda veritate usque ad mortem.
31. Przykład przywodzący, abyśmy byli pokornego i skruszonego serca = G. R. cap. **LXX** De compunctione fidelis animae.
32. Przykład przywodzący abyśmy się niewdzięczności warowali = G. R. cap. **LXXII** De ingratorum trucidatione.
33. Przykład że łakomstwo wiele ludzi zaslepia aby prawdy nie uznali = G. R. cap. **LXXIII** De avaritia quod multos excecatur.
34. Przykład że każdy grzech bez rozpaczby bywa odpuszczony = G. R. cap. **XVIII** Quod omne peccatum quamvis praedestinatorie gravissimum, nisi desperationis baratro subiaceat, sit remissibile.
35. Przykład abyśmy pamiętali na dobrodziejstwo nam uczynione — G. R. cap. **CIV** De beneficiorum memoria.
36. Przykład napominający abyśmy obietnice innym wypełniali = G. R. cap. **CVIII** De promissionis fidei constantia.
37. Przykładny żywot świętego Alexego abyśmy roskoszy tego świata wzgardzali = G. R. cap. **XV** De vita sancti Alexii filii Euphemiani imperatoris.
38. Przykładny żywot świętego Eustachiusa a o nawrocie błędzącego = G. R. cap. **CX** De errantium mirabili revocatione et afflictorum pia consolatione.
39. Przykład że przejściu bożemu żaden się zprzeciwić nie może = G. R. cap. **XX** De miseria et tribulatione.
-

Историческая хроника ¹⁾.

Изъ отчетовъ Московскаго и С.-Петербургскаго университетовъ за 1892 г.—Отанъ о докторской диссертациі Г. Е. Аванасьева.—Съѣздъ историковъ въ Мюнхенѣ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ЗА 1892 г. ²⁾.

Ученые труды членовъ университета ¹⁾. По историко-филологическому факультету. Заслуженный профессоръ Герье читалъ въ 1891—92 году публичныя лекціи по философіи исторіи—о Гегелѣ, Контѣ и Спенсерѣ; напечаталъ: въ „Вѣстникѣ Европы“ статьи о теократіи и аскетизмѣ въ средніе вѣка—о папѣ Иннокентіи III, о св. Францискѣ изъ Ассизи и о Катаринѣ Сиенской—а въ „Сборникѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая“ статью о Св. Елисаветѣ. Обыкновенный профессоръ: *Иванцовъ-Платоновъ* напечаталъ: въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и издалъ отдѣльною книгою „Исслѣдованіе о Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ“ и составилъ для библиографическаго изданія профессора Янжула отдѣлъ о богословскихъ наукахъ. *Цеттаговъ* напечаталъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью о книгѣ профессора Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“. Москва 1890; въ Филологическомъ Обзорѣнн „Николай Михайловичъ Благовѣщенскій. По поводу пятидесятилѣтняго юбилея его ученой дѣятельности“; въ журналѣ Русское Обзорѣніе три статьи подъ заглавіемъ „По Элладѣ“ и критическую статью „Исторія гре-

¹⁾ По недостатку мѣста ограничиваемся на этотъ разъ лишь немногими данными, входящими обыкновенно въ составъ нашей хроники.

²⁾ Заимствовано изъ отчета на годичномъ актѣ 12 янв. 1893 г.

¹⁾ Приводятся лишь труды, имѣющія отношенія къ исторической наукѣ.

ческой скульптуры въ трудѣ французскаго ученаго“ и въ Album G. B. De Rossi. Roma 1892 года „Привѣтствіе на французскомъ языкѣ на юбилей Джіованни Баттиста де-Росси отъ лица русскихъ археологовъ“; продолжалъ печатаніе „Учебнаго атласа античнаго ваянія“. Т. III: съ вѣка Скопаса и Праксителя до греко-римской эпохи; дѣлалъ въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ два сообщенія подъ заглавіемъ „Изъ путешествія по Греціи: 1) Древности Микенъ и Тиринея и 2) Древности Аргоса и Эпидавра“. *Ключевскій* въ „Русской Мысли“ 1892 года напечаталъ окончаніе статьи „Составъ представительства на земскихъ соборахъ Древней Руси“ и статью „И. Н. Болтинъ“; въ „Богословскомъ вѣстникѣ“ 1892 года напечаталъ публичную лекцію (въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая) подъ заглавіемъ „Добрые люди древней Руси“ и рѣчь на актѣ Московской духовной академіи 26 сентября 1892 г. подъ заглавіемъ „Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства“. *Коршъ* напечаталъ: 1) критическія замѣтки къ византійскому тексту „Аполлонія Тирскаго“ въ „Запискахъ Одесскаго Историко-филологическаго Общества“, 2) *Нотатіана* въ „Филологическомъ Обзорѣніи“. *Гротъ* напечаталъ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ статью „Очерки изъ исторіи новой философіи“. *Миллеръ* напечаталъ: въ журналѣ „Этнографическое Обзорѣніе“ нѣсколько статей подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ (кн. XII—XV)“; издалъ отдѣльной книгой „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“ (стр. VII+232+69); издалъ 3-й выпускъ „Систематическаго описанія коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея“ (стр. V+224); напечаталъ въ журналѣ „Міръ Божій“ статью „О религіи Зороастра“ (май); дѣлалъ сообщенія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и въ Этнографическомъ Отдѣлѣ И. Общества Любителей Естествознанія. *Виноградовъ* читалъ публичный курсъ о „Политическихъ ученіяхъ Грековъ“; напечаталъ (какъ рукопись) первый выпускъ „Учебника по древней исторіи“, а также статьи: въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ — „И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства“; въ „Русской Мысли“ — „Трактатъ Аристотеля о государствѣ афинскомъ“ и „Новыя работы по греческой исторіи“; въ „Филологическомъ Обзорѣніи“ — „первыя главы Афинской политіи Аристотеля“; въ „Историческомъ Обзорѣніи“ — „Развитіе демократіи въ Афинской политіи Аристотеля“; въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ — „Вліяніе рѣкъ на происхожденіе цивилизаціи“. *Шварцъ* въ „Филологическомъ Обзорѣніи“ за 1892 г. напечаталъ: изслѣдованіе „о новыхъ отрывкахъ рѣчей Гиперида“ и нѣсколько рецензій; въ „Древностяхъ“, журналѣ Московскаго Археологическаго Общества, помѣстилъ докладъ „По поводу вазы съ рельефными украшеніями изъ села Па-

рутина, около древней Ольвии". *Соколовъ* напечаталъ „Слава Россійская“, комедія 1724 г.—издалъ со своимъ введеньемъ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ“ и отдѣльной книжкой. *Допатинъ* читалъ курсъ публичныхъ лекцій по исторіи греческой философіи. *Шефферъ* выпустилъ въ свѣтъ 1-й томъ своей книги „Афинское гражданство и народное собраніе“, защищенный имъ въ качествѣ диссертациі на степень доктора и напечаталъ рецензіи въ журналахъ „Филологическое Обзорѣніе“ т. II, кн. 2-я и въ „Berliner philologische Wochenschrift“. Привать-доценты: *Веселовскій* прочелъ публичную лекцію „Наканунѣ новаго столѣтія“ и напечаталъ ее въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“; помѣстилъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза статьи о Вольтерѣ и Гёте; въ журналѣ „Артистъ“ статью „Памяти Фонъ-Визина“. *Михайловскій* издалъ сочиненіе „Шаманство. Сравнительно-этнографическіе очерки“. Выпускъ I. *Фортунатовъ* помѣстилъ въ журналѣ „Русская Мысль“ (августъ)—Разборъ книги Гольста объ исторіи государственнаго строя Америки. *Милуковъ* напечаталъ: 1) свою магистерскую диссертацию „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформы Петра Великаго“; 2) „Рецензію на сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго въ XXXIII присужденіи Уваровскихъ наградъ и отдѣльно подъ заглавіемъ „Спорные вопросы финансовой исторіи московскаго государства“; 3) въ „Русской Мысли“ вступительную рѣчь передъ диспутомъ (іюль); „Обзоръ дѣятельности международнаго съѣзда антропологіи и доисторической археологіи“ (сентябрь) и нѣсколько рецензій; 4) въ англійскомъ журналѣ „Athenaeum“—„Научно-литературный обзоръ за 1891—92 гг.“. *Блѣвскій* напечаталъ статью: „Св. Сергій и значеніе его дѣятельности“ въ журналѣ „Русскій Паломникъ“ №№ 42, 43 и 44. *Безобразовъ* напечаталъ книги: 1) „О сношеніяхъ Россіи съ Франціей“, 2) „Историческія повѣсти“ (въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая); читалъ двѣ публичныя лекціи: 1) „О неурожаяхъ прошлаго вѣка“, 2) „О современномъ положеніи женщины“, послѣдняя выпущена отдѣльнымъ изданіемъ; напечаталъ въ „Русскомъ Обзорѣніи“ статьи „Россія и Англія“. *Корелинъ* напечаталъ изслѣдованіе: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“ выпуски 1 и 2. Москва 1892 г.; читалъ въ Политехническомъ музеѣ публичный курсъ „Культурный кризисъ въ Римской имперіи“ и напечаталъ его въ журналѣ „Русская Мысль“ (1892 г. іюль, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь); принималъ участіе въ историческомъ отдѣлѣ русскаго изданія энциклопедическаго словаря Брокгауза; редактировалъ русскій переводъ сочиненія Г. Буассе „Паденіе язычества“ и написалъ къ нему предисловіе. *Аппельротъ* издавалъ и редактировалъ (вмѣстѣ съ А. Адольфомъ)

журналъ „Филологическое Обозрѣніе“, гдѣ помѣстилъ нѣсколько рецензій и статью „По поводу раскопокъ въ Веронѣ“. *Щепкинъ* 1) редактировалъ 3-е изданіе сочиненій Т. Н. Грановскаго и 2) участвовалъ въ Историческомъ Отдѣлѣ русскаго изданія энциклопедическаго словаря Брокгауза.

По юридическому факультету. Заслуженный профессор *Павловъ* напечаталъ: въ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ и отдѣльно: а) статью подъ заглавіемъ: „По поводу нѣкоторыхъ недоразумѣній въ наукѣ православнаго церковнаго права“ и б) изслѣдованіе: „Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“. Ординарные профессора: *Янжулъ* издалъ подъ своей редакціей и при содѣйствіи большинства товарищей библиографическій трудъ подъ заглавіемъ „Книга о книгахъ“ въ двухъ частяхъ, Москва, и печаталъ въ С.-Петербургѣ сборникъ своихъ журнальныхъ статей и публичныхъ лекцій. *Боголюбовъ* издалъ для своихъ слушателей 5-й и 6-й выпуски: „Пособія въ лекціямъ по Исторіи Римскаго права“. *Комаровскій* прочелъ публичную лекцію „Война или миръ“ въ пользу голодающихъ и сдѣлалъ два сообщенія въ Юридическомъ Обществѣ: „О современныхъ международныхъ уніяхъ“ (обѣ эти статьи напечатаны въ „Русской Мысли“) и „О съѣздѣ Института Международнаго Права въ Гамбургѣ“. Напечаталъ въ Книгѣ о книгахъ: „Обзоръ наиболѣе важныхъ сочиненій по современному Международному Праву“ (съ критическими отзывами) и въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (Юридическій Отдѣлъ, вып. VIII): „Основные вопросы науки Международнаго Права“. Приватъ-доценты: *Уляницкій* напечаталъ по порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 5 томъ „Политической переписки Екатерины II“; по порученію Московскаго Публичнаго Румянцевскаго музея описалъ и напечаталъ: 1-ю часть описи польскихъ монетъ минцкабинета музея; напечаталъ въ Варшавскомъ изданіи изслѣдованіе о талерахъ короля Сигизмунда-Августа 1564—1565 г.; напечаталъ въ „Трудахъ Московскаго Нумизматическаго Общества“ изслѣдованіе „О монетахъ для Червонной Руси, чеканенныхъ польскими королями въ XIV—XV вв.“. *Гусаковъ* напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ университета: „Договоръ и Деликтъ, какъ источники обязательствъ въ древнѣйшей системѣ римскаго права“. *Красноженъ* напечаталъ изслѣдованіе: „Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ“; помѣстилъ (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1892 г. № 165, подъ заглавіемъ: „Ex oriente lux“) разборъ рецензіи А. С. Павлова на сочиненіе проф. Н. С. Суворина, носящей названіе: „Мнимые слѣды като-

лическаго вліяння въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“.

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ. Въ семинаріяхъ *историко-филологическаго факультета*, въ 1892 году шли слѣдующія занятія:

Въ философскомъ семинаріи у орд. проф. Н. Я. Грота велись практическія занятія (съ желающими) по психологiи: 1) читались и разбирались психологическіе разборы художественныхъ произведеній отечественной литературы, и 2) велись занятія по этикѣ (чтеніе и переводъ Критики практическаго разума Канта).

Въ семинаріи по новой философіи у экстраорд. проф. Л. М. Лопатина предметомъ занятій (для желающихъ) служило чтеніе и толкованіе важнѣйшихъ произведеній Лейбница.

Въ семинаріи по древней философіи у пр.-доц. кн. С. Н. Трубецкого занимались чтеніемъ, изложеніемъ и разборомъ избранныхъ діалоговъ Платона.

Въ семинаріи по классической археологiи и орд. проф. И. В. Цвѣтаева предметомъ рефератовъ служили три главные ордена греческаго зодчества, причѣмъ вмѣстѣ съ теоретическимъ обзорѣніемъ исторiи каждаго изъ нихъ особое вниманіе обращалось на главнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники каждаго изъ этихъ трехъ стилей.

Въ семинаріи по римской словесности у орд. проф. Θ. Е. Корша занятія состояли въ объясненіи студентамъ классическаго отдѣленія избранныхъ элегій Тибулла на латинскомъ языкѣ.

Въ семинаріи по римской словесности у орд. проф. А. Н. Шварца читались и разбирались рефераты студентамъ классическаго отдѣленія объ избранныхъ мѣстахъ Оукидида и Софокла.

Въ семинаріи по русской народной словесности у орд. проф. В. Θ. Миллера разбирались представляемыя студентами словеснаго отдѣленія письменныя работы по былинамъ въ связи съ литературой по народному эпосу.

Въ семинаріи по русской словесности у экстраорд. проф. М. И. Соболева занятія (для студентовъ словеснаго отдѣленія) состояли въ разборѣ самими студентами и профессоромъ писанныхъ на дому рефератовъ о литературныхъ памятникахъ, темы для каковыхъ работъ давались въ началѣ учебныхъ полугодій съ указаніемъ пособій.

Въ семинаріи по новой исторiи у засл. проф. В. И. Герье для студентовъ VII семестра историческаго отдѣленія предметомъ занятій служила исторiя XVI вѣка.

Въ семинаріи по древней исторiи у орд. проф. П. Г. Виноградова студенты VII семестра историческаго отдѣленія занимались чтеніемъ и разборомъ Аѳинской политiи Аристотеля.

Въ семинаріи по русской исторiи у орд. проф. В. О. Ключев

скаго по русской исторіи въ весеннемъ полугодіи 1892 г. преподаватель изложилъ студентамъ VI и VIII семестровъ историческаго отдѣленія обзоръ русской исторіографіи (до Карамзина) и руководилъ работами студентовъ по изученію памятниковъ древней русской исторіи; въ осеннемъ полугодіи началъ излагать студентамъ V и VII семестровъ того же отдѣленія обзоръ источниковъ русской исторіи и руководилъ занятіями студентовъ по переводу и объясненію Русской Правды.

Въ семинаріи по исторіи всеобщей литературы у ордин. проф. Н. И. Стороженко занятія состояли въ составленіи и обсужденіи рефератовъ, посвященныхъ драмамъ Шиллера и Гете.

На *юридическомъ факультетѣ* въ 1892 году семинаріи были по слѣдующимъ предметамъ: а) по *Римскому праву*: подъ руководствомъ заслуженнаго профессора *Павлова*—чтеніе и комментированіе институцій Гая и подъ руководствомъ приватъ-доцента *Гусакова*—чтеніе и толкованіе институцій Юстиніана, съ разборомъ гражданско-правовыхъ казусовъ примѣнительно къ интерпретируемому тексту; б) по *Исторіи Русскаго права*: подъ руководствомъ ординарнаго проф. *Мрочекъ-Дроздовскаго*—чтеніе и толкованіе Русской Правды, Псковской Судной грамоты и Судебниковъ; в) по *уголовному праву и судопроизводству*: въ весеннемъ полугодіи подъ руководствомъ приватъ-доцента *Викторскаго*—разборъ отдѣльныхъ казусовъ, сенатская практика и формы дѣлопроизводства; г) по *полицейскому праву*: подъ руководствомъ ординарнаго профессора *Тарасова*—практическія занятія по предметамъ пройденнаго курса и осмотръ нѣкоторыхъ учреждений благоустройства и безопасности; д) по *политической экономіи и статистикѣ*: подъ руководствомъ ординарнаго профессора *Чупрова*—составленіе и разборъ рефератовъ по прикладной политической экономіи и хозяйственной статистикѣ; е) по *финансовому праву*: подъ руководствомъ ординарнаго профессора *Янжула*—упражненія по вопросамъ пройденнаго курса, и ж) по *энциклопедіи права*: подъ руководствомъ экстраординарнаго профессора *Затрева*—практическія занятія по важнѣйшимъ вопросамъ теоріи права (составленіе и обсужденіе рефератовъ).

Темы для сочиненій на соисканіе медалей. Въ истекшемъ академическомъ году для сочиненій на соисканіе студентами медалей были заданы слѣдующія темы: 1) на историко-филологическомъ факультетѣ: а) по философіи: „Сравненіе ученія Шопенгауера объ основаніи морали съ нравственнымъ ученіемъ Канта“ (по сочиненію Шопенгауера „Двѣ основныя проблемы этики“ и Канта — „Критика практическаго разума“); б) по славянской филологіи: „Употребленіе прошедшихъ временъ въ сербскомъ языкѣ, по памятникамъ народнаго творчества (пѣснямъ и сказкамъ Вука Стефановича Караджича) и в) по всеобщей исторіи: „Характеристика императора Тиберія на основаніи

критическаго разбора источниковъ для его царствованія, преимущественно *Анналь Тацита*“. 2) На юридическомъ факультетѣ—по гражданскому праву: „Юридическая конструкція и характеристика общиннаго землевладѣнія въ Россіи“.

За сочиненія на заданныя отъ университета темы присуждены преміи: имени заслуженнаго профессора С. М. Соловьева приват-доценту московскаго университета П. Н. *Милюкову* и имени потомственнаго почетнаго гражданина В. П. Боткина профессору с.-петербургскаго университета В. К. Ернштеду.

Испытанія на ученія степени и званія. На основаніи ст. 30 § III, п. 10 Устава Университетовъ и съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, приобрѣвшій почетную извѣстность своими научными трудами профессоръ казанской Духовной Академіи *Знаменскій* возведенъ въ степень доктора русской исторіи, безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертациі.

На основаніи Устава въ факультетскихъ собраніяхъ производились установленныя испытанія лицъ, желающихъ получить ученія степени и званія и, по удостоенію факультетовъ, утверждены университетскимъ совѣтомъ: Въ степень доктора—магистры: *Шефферъ* и *Соболевскій*—греческой словесности и *Карышевъ*—политической экономіи и статистики. Въ степени магистра—кандидаты: *Корелинъ*—всеобщей исторіи, *Милюковъ*—русской исторіи, кн. *Трубецкой*—государственнаго права и *Судейкинъ*—политической экономіи и статистики 1).

Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Въ отчетномъ году Общество имѣло девять засѣданій, изъ нихъ три соединенныхъ съ географическимъ отдѣленіемъ, съ пятнадцатю сообщеніями и шесть засѣданій совѣта, посвященныхъ рѣшенію разныхъ вопросовъ по внутренней дѣятельности Общества.

Что касается до отдѣловъ и отдѣленій, то между прочимъ они имѣли:

*) Означенныя лица напечатали и публично защитили диссертациі: *Шефферъ*—Афинское гражданство и народное собраніе, *Соболевскій*—*Syntaxis Aristophaneae capita selecta*, *Карышевъ*—Крестьянскія вѣдѣльныя аренды, *Корелинъ*—Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія, *Милюковъ*—Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформы Петра Великаго, кн. *Трубецкой*—Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ: міросозерпаніе бл. Августина, *Судейкинъ*—Государственный банкъ, изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Г. Корелинъ получилъ прямо степень доктора всеобщей исторіи (См. Истор. Обзор., V, стр. 196—198).

Антропологическій—четыре засѣданія съ двѣнадцатю докладами, посвященными изученію народностей, жившихъ и живущихъ какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ ея, кромѣ того въ засѣданіяхъ докладывались новости по текущей литературѣ и вырабатывалась организація комиссій, которыя учреждены при отдѣлѣ по постановленію международнаго конгресса по антропологии и по исторической археології, а именно: комиссіи по пересмотру номенклатуры азіатскихъ народовъ и комиссіи антропометрической.

Этнографическій—одиннадцать засѣданій съ восемнадцатю сообщеніями по вопросамъ какъ общей этнографіи, такъ и русской; кромѣ того, одно засѣданіе было посвящено чествованію Отдѣломъ своего предсѣдателя, почетнаго члена Общества В. Ф. Миллера, по случаю исполнившагося десятилѣтія его предсѣдательства въ отдѣлѣ, причѣмъ предсѣдателю былъ поднесенъ благодарственный адресъ и жетонъ.

Отдѣленіе географіи—двѣнадцать засѣданій съ двадцатю однимъ сообщеніемъ, причѣмъ одно засѣданіе 17 апрѣля было посвящено памяти Христофора Колумба.

Сообщенія дѣлали:

По Антропологии, Географіи и Этнографіи: Анучинъ Д. Н. I. О капитанѣ-командорѣ В. Берингѣ (по поводу исполнившагося 8 декабря 1891 г. 150-лѣтія со дня его кончины). II. О заслугахъ К. Э. фонъ-Бера по географіи и антропологии (по поводу исполнившагося 17 февраля 1892 г. столѣтія со дня его рожденія). III. О скончавшемся 1 февраля 1892 г. путешественникѣ В. В. Юнкерѣ. IV. Изъ лѣтней поѣздки въ Швейцарію на Бернскій международный географическій конгрессъ. V. Подготовленіе открытія Америки и предшественники Колумба. VI. О нѣкоторыхъ предметахъ географической выставки въ Москвѣ въ 1892 году.

Ардашевъ Н. Н. Русскій географическій чертежъ въ краскахъ XVII вѣка.

Виноградовъ П. Г. Къ вопросу объ историческомъ значеніи рѣкъ.

Дементьевъ Е. М. О вліяніи происхожденія и занятій на физическое сложеніе человѣка.

Доминцевъ В. О. О талмудѣ и талмудистахъ (два сообщенія).

Кашежеевъ Т. М. Объ обычаяхъ и легендахъ Кабардинцевъ (два сообщенія).

Копанъ М. Т. Татары въ русскомъ эпосѣ.

Листовъ Ю. А. Соляная промышленность Европейской Россіи до и послѣ отмѣны налога на соль (1879—1889 гг.).

Ляцкий Е. А. Болѣзни и смерть по представленіямъ Бѣлоруссовъ

Мечъ С. П. Географія какъ наука и какъ учебный предметъ.

Миллеръ В. Ф. I. О трудахъ А. А. Потебни и Н. А. Попова по случаю ихъ кончины. II. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ (три сообщенія).

Минкъ А. Н. Моляны у мордвы Саратовской губ.

Михайловскій В. М. I. О трудахъ г. Овчинникова по этнографіи якутовъ; II. О буддійской общинѣ-Санча. III. Представленія буддистовъ о мірѣ; IV. Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Тесленко Н. В. Судоустройство по обычному праву Бѣлоруссовъ.

Графиня П. С. Уварова. Конгрессы и выставки въ Генуѣ, Хуэльвѣ и Мадридѣ по поводу четырехсотлѣтія открытія Америки.

S. Ximenes. La question du Pamir..

Штернбергъ Л. И. Сахалинскіе Гиляки.

Ядринцевъ Н. М. Монголія и ея культурные задатки.

Большая часть коллекцій по географіи, поступила съ географической выставки, организованной по предложенію комитета междуна-родныхъ конгрессовъ ¹⁾. Выставка эта была устроена съ цѣлью собрать, по возможности, имѣющіеся матеріалы по землѣвѣдѣнію Россіи и прилегающихъ къ ней частей Азіи, какъ-то: карты, планы, графики, виды мѣстностей, гидрографическія, геологическія, метеорологическія, статистическія и другія изданія, отчасти также этнографическія и инныя коллекціи, могущія представлять интересъ какъ для спеціалистовъ, такъ, до извѣстной степени, и для образованной публики вообще. Кромѣ того, на выставкѣ собраны были также нѣкоторые матеріалы по общей географіи, по метеорологіи, по исторіи землѣвѣдѣнія, по учебной и промышленной географіи, отчасти также по географіи Западной Европы и другихъ частей свѣта, полученные какъ отъ различныхъ учреждений и лицъ въ Россіи, такъ и отъ нѣкоторыхъ заграничныхъ правительственныхъ и частныхъ институтовъ.

Многіе изъ членовъ географическаго отдѣленія приняли участіе въ организаціи этой выставки, которая была открыта, совмѣстно съ археологической, 2 августа и продолжалась до 18 октября истекающаго года въ свободныхъ залахъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея. Археологическая выставка была устроена трудами графини П. С. Уваровой при содѣйствіи Д. Я. Самоковсова, В. И. Сизова и другихъ лицъ. Послѣ обѣихъ выставокъ многія коллекціи были принесены въ даръ Обществу и географическому кабинету университета.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ вступило

¹⁾ См. Ист. Обзор., т. V, стр.

въ 1892 г. въ восемьдесятъ восьмую годину своего существованія. Правленіе Общества составляли тѣ же должностныя лица, что и въ минувшемъ году: предсѣдательствующій *Ю. Д. Филимоновъ*, секретарь *Е. В. Барсовъ*, казначей *С. А. Бѣлокурова* и бібліотекаръ *Ю. Д. Филимоновъ*. Общество имѣло 6 засѣданій, изъ коихъ одно годичное, посвященное воспоминаніямъ объ ученой дѣятельности умершихъ въ минувшемъ 1891 году членовъ Общества: архимандрита Леонида, Н. А. Попова, Д. П. Лебедева, М. М. Семеваго, М. О. Коаловича, В. П. Титова и кн. В. А. Долгорукова, и одно чрезвычайное, собранное для выбора согласно положенію о преміяхъ имени С. М. Соловьева при Московскомъ Университетѣ, въ составѣ присуждающей сѣи преміи комиссіи, въ качествѣ временнаго члена оной, одного изъ членовъ Общества.

Въ текущемъ году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Обществѣ ежегодной преміи въ 500 рублей имени Г. Θ. Карпова. Высочайше одобрень былъ рисунокъ золотой медали, предназначаемой для выдачи рецензентамъ представляемыхъ на соисканіе сей преміи сочиненій и утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія правила о порядкѣ присужденія сей преміи. Вслѣдствіе сего Общество въ началѣ года объявило первый конкурсъ на соисканіе сей преміи, а въ ноябрѣ избрало комиссію для разсмотрѣнія представленнаго на соисканіе сей преміи сочиненія и объявило второй конкурсъ, назначивъ срокомъ представленія сочиненій 1 ноября 1893 г. За непредставленіемъ же къ назначенному сроку сочиненій на вторую, находящуюся въ распоряженіи Общества, премію за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына, Общество объявило вновь о ней и назначило срокомъ для представленія сочиненій 1 сентября 1893 г.

Въ 1892 году было издано пять томовъ „Чтеній“ Общества: 159, 160, 161, 162 и 163. Въ нихъ были напечатаны: 1) *Изсѣдованія*: а) *А. С. Хазанова*—о Грузинскомъ изводѣ, сказанія о св. Георгіи; б) *Свящ. Сергія Садковскаго*—объ Артеміи игуменѣ Троицкомъ; в) *А. И. Милосидова*—объ Ивановскомъ каналѣ, начатомъ Петромъ Великимъ для соединенія Волги съ Дономъ; г) *А. Н. Львова* о попыткахъ Петра I къ распространенію среди Русскаго народа научныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній; д) *М. К. Любавскаго*—объ областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи Литовско-русскаго государства къ времени изданія перваго Литовскаго Статута (первыя два очерка), и е) сообщенія, посвященныя памяти умершихъ въ 1891 году членовъ Общества: архимандрита Леонида (Кавелина), Н. А. Попова, Д. М. Лебедева и А. А. Востокова, составленныя *Г. А. Воскресенскимъ*, *И. И. Шимко*, *С. Θ. Доловымъ* и *Н. Н. Оглоблинымъ*.

2) *Матеріали историческіе*: а) Описи домовъ и движимаго имущества князя Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наслѣдниковъ его Императрицею Екатериною II. Сообщилъ *Г. В. Есиповъ*; б) матеріалы къ исторіи военного искусства въ Россіи. Вып. 3-й. Уставъ о строевой пѣхотной службѣ фельдмаршала Миниха. Документы Финляндской войны 1743 г. Сообщилъ *Д. Θ. Масловскій*; в) Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII вв. вып. 8: Пехрянская десятина Московскаго уѣзда. Сообщены *В. и Г. Хомяковыми*; г) Дневныя доворныя записи о Московскихъ раскольникахъ за 1846—1848 года. Части 3—7. Съ предисловіемъ *Андрея Титова*; д) Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря, собранныя дѣйствительнымъ членомъ *Ниломъ Поповымъ*. Съ предисловіемъ члена-соревнователя *А. А. Гоздаво-Голомбiovскаго*; е) Реляціи князя Антиоха Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.) т. I. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *В. Н. Александренко*; ж) Матеріалы для исторіи г. Саратова. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Съ предисловіемъ *А. А. Гоздаво-Голомбiovскаго*; з) село Волинское и деревни Давыдково и Молотцы (по описи 1735 г.). Сообщилъ дѣйствительный членъ *С. А. Блукуровъ* и и) Тульскій уѣздъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Съ предисловіемъ *Е. Н. Щенкиной*.

3) *Матеріали историко-литературныя*: а) Общество издало, подъ наблюденіемъ члена-соревнователя *А. В. Башкирова* и съ его предисловіями 3-й выпускъ собранія сочиненій Юрія Крижанича, въ который вошли его сочиненія: 1) об Свѣтомъ Крещенію и 2) Обличеніе на Соловѣцкую Челобитну (съ 2 фототипіями); б) 1 выпускъ составленнаго *П. И. Петровымъ* описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ, именно собраній: 1) Макарія митрополита московскаго; 2) Мѣлецкаго монастыря на Волини; 3) Кіевобратскаго монастыря и 4) Кіевской духовной семинаріи; в) памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и царевни Ирины Михайловны, собранные членомъ-соревнователемъ *А. П. Голубцовымъ*; г) „Слава Россійская“. Комедія 1724 г., представленная въ Московскомъ госпиталѣ по случаю коронаціи императрицы Екатерины I. Съ предисловіемъ *М. И. Соколова* и д) письма О. М. Бодянскаго къ И. А. Чистовичу (1862—1877 гг.).

4) *Матеріали иностранныя*: первая двѣ части дневника генерала Патрика Гордона, веденнаго имъ во время его шведской и польской службъ отъ 1655 до 1661 г. и во время его пребыванія въ Россіи отъ 1661 до 1699 гг. Въ переводѣ *М. Н. Самыловой* съ нѣмецкаго изданія его кн. М. А. Оболенскаго и М. Е. Посселята.

5) Въ отдѣлѣ *Смѣси*: а) переписка митрополита Евгенія (Вол-

ховитинова) съ А. Θ. Воейковымъ, П. М. Строевымъ, И. М. Снегиревымъ и П. П. Бикетовымъ и б) переписка барона Г. А. Розенкампа съ П. М. Строевымъ, И. М. Снегиревымъ и А. А. Писаревымъ, — сообщенныя *Н. И. Полетаевымъ*; в) отрывокъ духовной Михаила Приклонскаго 1556 г.; г) къ домашнему быту русскихъ царей и царицъ 1640—1641 гг.; д) „нѣмецкое платье“ 1632—1636 гг.; е) къ исторіи степной окраины Московскаго государства 1641—1643 гг.; ж) о строеніи дворцовыхъ церквей и хоромъ въ Московскомъ кремлѣ и объ исправленіи городской стѣны 1635—1636 г.; з) опохоронной памяти скоропостижно умершему 1690 г.; и) къ вопросу о принатіи схизматиковъ въ православную церковь; і) итоги мороваго повѣтрія въ Москвѣ въ 1654 г.; к) письмо Стефана митрополита Рязанскаго къ Головину о діалогахъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, и л) протоколы Общества за 1887—1891 гг.

Психологическое Общество. Къ 1-му декабря 1892 г. Совѣтъ Общества состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель проф. *Н. Я. Гротъ.*

Тов. предсѣдателя проф. *Л. М. Лопатинъ.*

Кандидатъ товарища предсѣдателя пр.-доц. кн. *С. Н. Трубецкой.*

Временный секретарь *Ю. П. Бартенева.*

Временный товарищ секретаря *Н. М. Горбова.*

Библіотекаръ и редакторъ Трудовъ Общества *В. П. Преображенскій.*

Казначей *Н. А. Абрикосова.*

Тов. казначея проф. *С. С. Корсакова.*

Редакціонный комитетъ журнала „Вопросы психологіи и философіи“, члены коего, согласно п. 15 условій изданія журнала, избираются Психологическимъ Обществомъ, къ 1-му декабря 1892 г. состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина, кн. С. Н. Трубецкаго, В. П. Преображенскаго, С. С. Корсакова, Н. А. Абрикосова и А. А. Абрикосова.

Къ 1-му декабря 1892 г. Общество состояло изъ 14 почетныхъ членовъ, 12 членовъ-учредителей, 130 дѣйствительныхъ членовъ и 33 членовъ-соребнователей.

Дѣятельность Общества, какъ и въ прошлые года, выражалась въ выслушиваніи и обсужденіи рефератовъ, доложенныхъ гг. членами. Общество имѣло 1 годичное закрытое, 1 годичное публичное, 4 закрытыхъ обыкновенныхъ, 6 открытыхъ обыкновенныхъ и 1 экстренное засѣданіе. Прочитаны и обсуждены были слѣдующіе 12 рефератовъ: „О различномъ отношеніи мысли къ своему предмету въ вѣрѣ и знаніи“ П. Е. Астафьева, „Объ устройствѣ человѣческой рѣчи“ А. А. Корнилова, „О противорѣчіяхъ въ философіи“ кн. С. Н. Тру-

бецкого, „Проблема бытія ви́шняго міра“ Н. А. Иванцова, „Зрѣніе и осязаніе“ Е. И. Челпанова, „Замѣтка объ опредѣленіи общей задачи искусства у Тэна“ В. Е. Гіацинтова, „Къ вопросу объ этикѣ Талмуда“ В. О. Долгинцева, „Типическія формы эвдемонизма“ Н. Я. Грота, „Фридрихъ Ничше, критика морали альтруизма“ В. П. Преображенскаго, „Моисей Маймонидъ, какъ психологъ и философъ“ В. О. Долгинцева, „Основные начала эволюціонной монадологіи“ Н. В. Бугаева и „Жизнь, красота и творчество“ П. Д. Боборыкина. Кромѣ того Общество продолжало принимать участіе въ изданіи журнала „Вопросы психологіи и философіи“ и издало 5-й выпускъ своихъ Трудовъ, содержащій „Этику Спинозы“ въ переводѣ д. чл. Н. А. Иванцова, подъ ред. д. чл. В. П. Преображенскаго.

Московское юридическое Общество. Въ 1892 г. бюро Общества состояло изъ предсѣдателя С. А. Муромцева, товарищей предсѣдателя: Д. А. Дриля, Н. А. Зачинскаго, секретаря Н. И. Ржондковскаго, товарищей секретаря: А. Н. Маркова, М. Н. Соболева, казначея В. В. Сиротинина и бібліотекаря А. Ф. Акулова.

Органъ Общества „Юридическій Вѣстникъ“ издавался попрежнему, подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго.

Въ теченіе года были доложены въ Юридическомъ Обществѣ, между прочимъ, слѣдующіе рефераты:

С. А. Муромцевымъ: „Слово памяти Рудольфа фонъ-Іеринга“.

И. А. Линниченко: „Юридическія формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древне-русскаго боярства юго-западной Руси XIV—XV в.“.

Д. А. Дрилемъ: а) „Чувственныя влеченія и преступность“, б) „Что говорилось на международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ“.

В. А. Гольцевымъ: „О послѣднемъ сочиненіи Эмиля де-Лавеле: *Le gouvernement dans la democratie*“.

Графомъ Л. А. Камаровскимъ: „О сѣздѣ института международного права въ Гамбургѣ“.

В. Ф. Левитскимъ: „Характерныя черты современнаго положенія землевладѣнія и земледѣлія во Франціи“.

А. Г. Гусаковымъ: „Рудольфъ фонъ-Іерингъ, приемы и результаты ученой работы его“.

П. Е. Казанскимъ: „Очередные конгрессъ и конференція міра въ движенію въ пользу всеобщаго міра на Западѣ“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1892 г. ¹⁾

Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1892 году было—102. По факультетамъ они распредѣлялись такимъ образомъ:

при историко-филологическомъ факультетѣ состояло . . .	25
„ физико-математическомъ „ „ . . .	43
„ юридическомъ „ „ . . .	30
„ факультетѣ восточныхъ языковъ „ . . .	4

Въ числѣ другихъ состояли при университетѣ *со стипендіями*:

а) на счетъ штатной суммы по *историко-филологическому факультету*: Дмитрій Кудрявскій, Александръ Липовскій (по 1 декабря), Николай Папиловъ (съ 1 декабря), Сергѣй Рункевичъ (съ 1 декабря) и Борисъ Тураевъ (по 1 декабря); по *юридическому факультету*: Николай Лазаревскій (съ 1 ноября), Сергѣй Сыромятниковъ (по 1 апрѣля), Николай Рейтлингеръ (по 1 ноября) и Левъ Шалландъ (съ 1 апрѣля); по *факультету восточныхъ языковъ*: Платонъ Меліоранскій и Вильгельмъ Бартольдъ (съ 1 ноября);

б) на счетъ суммы въ 18000 руб., ассигнованной с.-петербургскому университету на стипендіи и пособія по *историко-филологическому факультету*: Павелъ Вознесенскій, Петръ Погодинъ и Алексѣй Покровский (по 1 сентября); по *юридическому факультету*: Вячеславъ Грибовскій, баронъ Михаилъ Таубе и Ѳеодоръ Трозинеръ (съ 1 іюля);

в) на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія по *юридическому факультету*: Ѳеодоръ Трозинеръ (по 1 іюля) и Платонъ Соловьевъ;

г) на счетъ капитала П. П. Демидова пользовались стипендіями по *юридическому факультету*: Брониславъ Боуффаллъ, Родіонъ Гернгросъ, Александръ Гурьевъ (по 15 апрѣля), Фридрихъ Зейдель (съ 1 февраля), Генрихъ Мандельштамъ (съ 15 апрѣля), Владиміръ Набоковъ (съ 1 декабря), Борисъ Распоповъ (съ 1 октября), Сергѣй Терменъ, Николай Чернощевъ (по 1 декабря).

Состояли при университетѣ *безъ стипендій*: по *историко-филологическому факультету*: Михаилъ Быстровъ, Александръ Васильевъ (съ 1 ноября), Николай Волековъ (по 1 марта), Эрвинъ Гриммъ, Вильгельмъ Каттерфельдъ, Сергѣй Жебелевъ, Алексѣй Кедровъ, Викторъ Кондзеровскій (по 1 октября), Михаилъ Крыжановскій, Александръ

¹⁾ Изъ отчета, читаннаго на годичномъ актѣ 7 февраля 1893 г.

Липовскій (съ 1 декабря), Борисъ Меліоранскій, Николай Павловъ-Сильванскій (съ 1 ноября), Николай Папиловъ (съ 1 октября по 1 декабря), Сергій Рождественскій, Михаилъ Ростовцевъ (съ 1 декабря), Евгений Соловьевъ (по 12 апрѣля), Яковъ Смирновъ, Николай Тупиковъ (съ 1 ноября), Петръ Шефферъ; по *юридическому факультету*: Владиславъ Борткевичъ (находится въ заграничной командировкѣ), Филиппъ Вальтеръ (по 12 іюня), Василій Гайдебуровъ), Михаилъ Гильхень (по 1 декабря), Николай Дебольскій (съ 1 октября), Дмитрій Демкинъ (по 1 февраля), Николай Любовниковъ (съ 1 марта), Александръ Михельсонъ (съ 1 декабря), Сергій Прутченко, Николай Рейтлингеръ (съ 1 ноября), Борисъ Рѣзниковъ (по 1 ноября), Всеволодъ Срезневскій (по 1 декабря), Александръ Тимофеевъ (по 12 декабря), Францъ Утеманъ (по 1 декабря); по *факультету восточныхъ языковъ*: Николай Катановъ и Павелъ Николаевскій.

Въ отчетномъ году возведено въ высшія ученныя степени 7 лицъ — 3 въ степень магистра и 4 въ степень доктора. Между ними степень магистра получили: по историко-филологическому факультету: 1) Сергій Михайловичъ Середонинъ — степень магистра русской исторіи, по защищеніи диссертациі „Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russe Common Wealth“ какъ историческій источникъ“, и 2) Владиміръ Константиновичъ Мальмбергъ — степень магистра теоріи и исторіи искусствъ, по защищеніи диссертациі „Метопы древне-греческихъ храмовъ“. Степень доктора получилъ по историко-филологическому факультету: 1) Георгій Емельяновичъ Аванасьевъ — степень доктора всеобщей исторіи, по защищеніи диссертациі „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“.

Учебная дѣятельность университета не исчерпывалась строго лекціоннымъ преподаваніемъ наукъ, — весьма важное значеніе имѣли практическія занятія учащихся. Такими занятіями либо разъяснялись и дополнялись систематическіе курсы наукъ, служившихъ предметомъ лекціоннаго преподаванія, либо вырабатывалось умѣнье учащихся обращаться съ научнымъ матеріаломъ, либо, наконецъ, испытывались силы ихъ въ разрѣшеніи болѣе или менѣе трудныхъ научныхъ задачъ. Указанная роль практическихъ занятій требовала, чтобы одни изъ нихъ стояли въ тѣсной и неразрывной связи съ лекціоннымъ преподаваніемъ, другіе занимали болѣе или менѣе обособленное мѣсто (и включались въ семестровыя программы); третьи являлись не опредѣляемыми точно ни временемъ, ни количествомъ участвовавшихъ лицъ. Въ виду многообразія практическихъ занятій и трудности полагать для нихъ предѣлы, мы не можемъ представить ихъ полного обзора и ограничимся только краткимъ очеркомъ, который дастъ понятіе объ ихъ видахъ, ихъ характерѣ и наиболѣе выдающихся формахъ.

На историко-филологическомъ факультетѣ. Проф. В. И. Помяловскій занимался со студентами старшихъ семестровъ чтеніемъ и объясненіемъ латинскихъ надписей, частію по сборнику Вильманиса, частію по Берлинскому *Corpus Inscriptionem Latinarum*. Въ числѣ другихъ эпиграфическихъ памятниковъ былъ прочтенъ и *Monumentum Apeuganum*, по II-му изд. Моммзена.

Проф. Н. И. Карѣвъ велъ со студентами практическія занятія въ весеннемъ семестрѣ 1892 г, по изученію политической литературы XVIII в.

Проф. О. О. Соколовъ велъ у себя на дому вечернія практическія занятія по чтенію греческихъ надписей.

Проф. С. О. Платоновъ руководилъ практическими занятіями студентовъ старшихъ семестровъ по изученію источниковъ древней русской исторіи, причѣмъ студентъ Прѣсняковъ занимался изученіемъ лицевыхъ лѣтописныхъ сводовъ въ рукописяхъ Императорской публичной бібліотеки и другихъ древлехранилищъ.

Проф. А. И. Незеленовъ руководилъ практическими занятіями студентовъ старшихъ курсовъ по изслѣдованію сочиненій русскихъ писателей, въ связи съ ихъ біографіями и съ вліявшими на нихъ произведеніями иностранныхъ литературъ, а также и по изученію народной поэзіи. Два студента представили весьма хорошія ученыя сочиненія: Голицинскій—„Обзоръ русскихъ комическихъ оперъ Екатерининской эпохи (матеріалы для исторіи русскаго театра)“, и Перетцъ—„Современная русская народная пѣсня по образцамъ, собраннымъ авторомъ, и по даннымъ печатныхъ сборниковъ“.

Проф. А. И. Введенскій руководилъ практическими занятіями по изученію въ подлинникахъ философіи Платона и Аристотеля.

Прив.-доц. И. И. Холоднакъ руководилъ занятіями студентовъ I-го семестра, состоявшими въ толкованіи избранныхъ латинскихъ надписей архаическаго періода, а также въ изъясненіи избранныхъ одъ Горация. Несмотря на новизну для I-го семестра эпиграфическихъ упражненій, рефераты были представлены вообще удовлетворительные, а нѣкоторые, какъ, напр., работа студ. Альберта Бекштрема, и весьма хорошіе: въ этой работѣ особенно пріятно видѣть результаты пользованія почти всѣми относящимися къ ней научными пособіями и попытку критическаго отношенія къ дѣлу; можетъ быть указанъ, какъ весьма добросовѣстный, и рефератъ студ. Н. Спераискаго, представившаго попытку самостоятельной разработки довольно труднаго эпиграфическаго текста.

Прив.-доц. И. Л. Лось руководилъ практическими занятіями студентовъ по новымъ славянскимъ и церковно-славянскому языкамъ. При этихъ занятіяхъ ставилось цѣлью выработать у студентовъ точ-

ный методъ самостоятельнаго изслѣдованія законовъ языка посредствомъ примѣненія теоріи сравнительной грамматики въ изученію памятниковъ. Студенты занимались указаннымъ предметомъ съ увлеченіемъ.

Научно-литературная дѣятельность профессоровъ и другихъ преподавателей университета 1)

По историко-филологическому факультету. Проф. И. В. Помяловскій издалъ житіе Св. Θεодора Едесскаго по двумъ греческимъ рукописямъ Московской Синодальной бібліотеки. Проф. О. Ф. Зѣлинскій напечаталъ, между прочимъ: „Геродъ и его бытовые сценки“ („Филологическое Обозрѣніе“, 1892 г.); 4) Т. Ливій, 21-я книга, изданіе съ русскимъ комментариемъ (2-е изданіе); 5) нѣсколько мелкихъ статей и рецензій. Прочелъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему: „Геродъ и его бытовые сценки“.

Проф. Н. И. Карѣевъ напечаталъ: 1) лекцію о первыхъ гуманистахъ (отдѣльной брошюрой), 2) статью „Объ источникахъ историческихъ перемѣнъ“ („Русское Богатство“ за 1892 г.), 3) „Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторической наукѣ“ („Историч. Обозрѣніе“), 4) два тома своего курса, подъ заглавіемъ: „Исторія западной Европы въ новое время“ (печатается третій томъ той же книги); редактировалъ „Историческое Обозрѣніе“. Въ Историческомъ Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе о работѣ Корелина: „Ранній итальянскій гуманизмъ“. Прочелъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему: „Источники историческихъ перемѣнъ“.

Проф. С. О. Платоновъ напечаталъ: 1) въ „Отчетѣ о 34-мъ присужденіи наградъ графа Уварова“ составленный по порученію Имп. Академіи Наукъ критическій отзывъ о книгѣ магистра Середонина: „Сочиненіе Джильса Флетчера Of the Russe Common Wealth“; 2) въ журналѣ Мин. Нар. Просв. (май 1892 г.) статью: „Какъ возникли чети?“ и нѣсколько критическихъ отзывовъ о книгахъ научныхъ и учебныхъ. Дѣлалъ доклады: 1) въ Имп. Русск. Археолог. обществѣ—О новыхъ данныхъ для исторіи московскихъ волненій 1648 года; 2) въ Обществѣ Любителей древней письменности—О новыхъ данныхъ по исторіи московской администраціи XVI вѣка, находящихся въ сборникѣ грамотъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Проф. А. И. Незеленовъ издалъ книгу: „Шесть статей о Пушкинѣ“. Оканчиваетъ печатаніемъ и въ непродолжительномъ времени

1) Приводятся только историческіе труды.

выпустить въ свѣтъ сочиненіе: „Исторія Русской словесности. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

Прив.-доц. П. А. Сырку напечаталъ: „Житіе Іоанна Кукузеля, какъ источникъ для болгарской исторіи“ (въ Журн. Мин. Нар. Просв.) „Патріарха Каллиста житіе Григорія Синаита, въ славянскомъ переводѣ“ (въ „Памятникахъ древней письменности“); „Монаха Григорія житіе препод. Романа“ (ibid); „Исторія Аэона, соч. епископа Порфірія Успенскаго“, ч. III, отд. 2-е, въ 2-хъ большихъ томахъ (изд. Акад. Наукъ) (часть докторской диссертаци); „Патріархъ Терновскій Евѣмій“. Приготовилъ къ печатанію въ „Сборникѣ II-го отд. Акад. Наукъ“—первый очеркъ „Разысканій въ области русскихъ повѣстей иноземнаго происхожденія“, и къ печатанію въ „Памятникахъ древней письменности“—„Житіе Георгія Софійскаго, въ русской редакціи, и составленный въ Россіи Сербскій лѣтописецъ“.

Прив.-доц. И. Л. Лось напечаталъ въ „Вѣстникѣ Археологическаго Института“ и въ отдѣльномъ оттискѣ статью: „Очеркъ исторіи письма“.

Прив.-доц. А. Н. Щукаревъ велъ „археологическую хронику эллинскаго Востока“ (5 статей) въ журналѣ „Филологическое Обзорѣніе“ и помѣстилъ въ томъ же журналѣ рецензію на сочиненіе Мальмберга: „Методы греческихъ храмовъ“. Сдѣлалъ въ Историческомъ Обществѣ докладъ „О составѣ исторической хрестоматіи. По поводу хрестоматій гг. Куманскаго и Алексѣева“ (напечаталъ его въ журналѣ „Русская школа“, 1892, ноябрь).

Прив.-доц. А. И. Покровский напечаталъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. рецензію на III-й томъ „Griechische Geschichte“ Гольма.

Прив.-доц. І. П. Сениговъ напечаталъ статью: „Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Грознаго“; помѣстилъ въ журналѣ „Дѣтское чтеніе“ (ноябрь и декабрь) статью: „Народныя сказки и пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ“; приготовилъ къ печатанію въ томъ же журналѣ двѣ статьи: 1) „Какъ Петръ Великій воевалъ со шведами“, 2) „Какъ Петръ Великій училъ нашихъ предковъ добрымъ нравамъ и обычаямъ“; приготовилъ къ печати чтеніе для народа: „Какъ Петръ Великій добылъ море и научилъ нашихъ предковъ морскому дѣлу“.

Прив.-доц. Н. Д. Чечулинъ издаетъ въ журналѣ „Библиографъ“ переписку канцлера гр. Н. П. Румянцева съ протоіер. И. И. Григоровичемъ; занимается подготовительными работами по изданію III и IV томовъ „Біографическаго словаря русскихъ бывшихъ дѣятелей“, предпринятаго Имп. Русск. Истор. Обществомъ; помѣстилъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. двѣ критическія статьи.

Прив.-доц. Г. В. Форстенъ сдѣлалъ въ Историческомъ Обществѣ сообщеніе о книгѣ Бонсдорфа: „Ніенъ и Ніеншанцъ“. Напечаталъ

а) въ Журн. Мин. Нар. Просв. статьи: „Бонсдорфа „Ніенъ и Ніеншанцъ“, „Христіанъ IV и его сочиненія о Россіи“, „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст.“ (главы 1, 2, 3); б) въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза рядъ статей по скандинавской исторіи и по исторіи нѣмецкой исторіографіи.

Прив.-доц. П. П. Вейнбергъ напечаталъ отдѣльною книжкою: „Генрихъ Гейне; біографическій очеркъ“; напечаталъ статьи: „Поэтъ Бури и Натиска“ (въ журн. „Недѣля“), „По поводу столѣтней годовщины Шелли“ (въ томъ же журн.), „Римская комедія“ (въ „Русскомъ Обзорѣніи“). Въ Нео-Филологическомъ Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе: „Двѣ литературныя годовщины. Шелли и Ленцъ“. Читалъ въ Историческомъ Обществѣ рефератъ: „Шиллеръ, какъ историкъ; въ трагедіи „Марія Стюартъ““. Прочелъ (въ зданіи университета) въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему: „Яковъ Ленцъ, поэтъ Бури и Натиска“.

Прив.-доц. Э. А. Вольтеръ печатаетъ „Ежегодникъ по бібліографіи русской исторіи за 1890 годъ“. Участвовалъ въ изданіи соч. А. Валенштейна: „Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands“. Приготавливаетъ къ печати: „Латыши. Очеркъ ихъ распространенія въ XIII вѣкѣ и въ настоящее время. Обзоръ лингвистически-этнологическихъ результатовъ изслѣдованій А. Валенштейна и главнѣйшихъ его ономастическихъ наблюденій“. Руководитъ изданіемъ „Исторіи Литвы“ С. Довконта (къ первой части этой Исторіи студентъ юрид. фак. Булатъ составлялъ Index rerum et personarum). Занимался, по порученію Имп. Археолог. Комиссіи, разыскиваніемъ и описаніемъ историческихъ и археологическихъ матеріаловъ Герарда Фридриха Миллера 1739—1748 гг. Найденныя наблюденія, описанія, историческіе документы, рисунки и пр. (Observationes historicae in Sibiria institutae, 1735 г.), равно какъ разныя дѣла Камчатской Экспедиціи и бывшего Географ. Департамента сохраняются въ архивахъ и бібліотекѣ Имп. Академіи Наукъ.

По юридическому факультету. Проф. В. И. Сергѣевичъ приступилъ къ печатанію VIII т. матеріаловъ Екатерининской законодательной комиссіи и напечаталъ уже 16 листовъ; приготовилъ къ печати большую часть II т. Русск. Юридич. древностей.

Проф. М. И. Горчаковъ напечаталъ въ „Отчетѣ XXXIII присужденія наградъ гр. Уварова“ рецензію на соч. И. Чистовича: „С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.)“.

Проф. О. О. Мартенсъ издалъ X-й томъ Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами (въ

этомъ томѣ отпечатаны трактаты Россіи съ Англіею съ половины XVI вѣка до 1800 года, съ подробнымъ изложеніемъ историческаго развитія дипломатическихъ сношеній между обѣими державами за вышеуказанный періодъ времени).

Проф. В. Н. Латкинъ издалъ „Проектъ новаго Уложенія 1754—1765 гг.“, ч. III, „О состояніи подданныхъ вообще“ и написалъ къ нему предисловіе; напечаталъ въ „Юридической Лѣтописи“ некрологъ И. И. Дитятина; помѣстилъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и въ „Юридической лѣтописи“ нѣсколько рецензій и библиографическихъ замѣтокъ.

Проф. В. А. Лебедевъ напечаталъ въ „Юридической Лѣтописи“ статью о „Новомъ городовомъ положеніи 1892 г.“ и въ газетахъ нѣсколько статей по финансовымъ вопросамъ; оканчиваетъ печатаніе (вторымъ издан.) I тома Курса финансоваго права.

Проф. С. А. Бершадскій напечаталъ а) „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществѣхъ по Литовскому праву“, на основаніи печатныхъ изданій статутонъ, рукописныхъ экземпляровъ Публичной библіотеки и актовъ Метрики Литовской; б) „Въ изгнаніи“, очеркъ изъ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ въ XIV и XV ст., на основаніи печатныхъ и нѣкоторыхъ архивныхъ источниковъ (въ журн. „Восходъ“); в) первый томъ документовъ по внутреннимъ отношеніямъ Литвы съ конца XIV по первую четверть XVI в. (около 60 печатныхъ листовъ; приступилъ къ печатанію прибавленій и указателей къ этому тому).

Прив.-доц. Н. М. Коркуновъ напечаталъ первый томъ Русскаго Государственнаго права и статьи: 1) „Государство и свобода“ („Юридич. Лѣтопись“. 1892 г. № 1), 2) „Значеніе формулы „Внявъ мѣвню Государственнаго Совѣта““ („Юридич. Лѣтопись“, 1892 г. № 12).

Прив.-доц. Л. П. Дымша приготовилъ къ печати первую часть труда: „Государственное право Швеціи“.

Прив.-доц. В. Т. Судейкинъ напечаталъ брошюру: „Александръ Максимовичъ Княжевичъ“ („Русская Старина“, ноябрь); помѣстилъ нѣсколько статей въ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. Ефронемъ.

По факультету восточныхъ языковъ. Проф. И. Н. Березинъ готовится къ печатанію вторую часть Каталога восточныхъ монетъ въ Минцъ-кабинетѣ С.-Петербургскаго университета.

Проф. Д. А. Хвольсонъ напечаталъ въ Мемуарахъ Академіи Наукъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти, по приведеннымъ въ согласованіе извѣстіямъ Синоптиковъ съ евангеліемъ Іоанна“, съ приложеніемъ статьи: „Отношеніе Фарисеевъ, Садукеевъ и Іудеевъ вообще къ Іисусу Христу, по

извѣстіямъ Синошниковъ, объясненнымъ на основаніи древнихъ равнинскихъ источниковъ“.

Проф. баронъ В. Р. Розенъ напечаталъ, подъ своею редакціею, VI томъ Записокъ Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. и печатаетъ VI томъ тѣхъ же Записокъ; въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ печатаетъ „Сборникъ посланій бабиды Бекауллаха“.

Проф. В. Д. Смирновъ напечаталъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Таврическая монета. Опытъ исторіи Θεодосійскаго монетнаго двора“ („Горный Журналъ“, іюнь 1892 г.); приступилъ къ печатанію описанія турецкихъ рукописей коллекціи Учебнаго Отдѣленія при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Проф. Н. И. Веселовскій прочелъ (въ зданіи университета) въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію о шаманизмѣ.

Проф. С. М. Георгіевскій издалъ сочиненіе: „Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ“ (съ таблицами китайскихъ іероглифовъ).

Прив.-доц. А. О. Ивановскій напечаталъ нѣсколько замѣтокъ и мелкихъ статей („О китайскомъ переводѣ буддійскаго сборника Jata-kamala“, „Мѣдная монета въ Маньчжуріи“, и др.) въ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. и въ „Русскомъ Энциклопедическомъ словарѣ“.

Прив.-доц. С. Θ. Ольденбургъ продолжалъ печатаніе въ журналѣ Indian Antiquary, въ отдѣлѣ „Progress of European Scholarship“ статей о Запискахъ Восточн. Отд. Археол. Общества; напечаталъ въ Запискахъ Вост. Отд. Арх. Общ. 1) замѣтку „О Кашгарской рукописи Н. Θ. Петровскаго“; 2) статью: „Буддійскій сборникъ „Гирлянда джатакъ“ и замѣтки о джатакахъ“; въ Журн. Мин. Нар. Просв. за ноябрь мѣсяцъ напечаталъ статью: „Къ вопросу объ источникахъ „Слова о двѣнадцати снахъ Шахаиши““; продолжалъ подготовку къ печатанію Сборника статей покойнаго, проф. И. П. Минаева.

Прив.-доц. Н. А. Мѣдниковъ состоялъ членомъ - сотрудникомъ Имп. Арх. Общества. Продолжалъ печатать „Исторію Палестины по арабскимъ источникамъ“. Изд. Православнаго Палестинскаго Общества. Напечатаны извлеченія изъ сочиненій арабскихъ историковъ, печатаются извлеченія изъ сочиненій арабскихъ географовъ.

Нео-Филологическое Общество.

Въ 1892 году состоялось десять засѣданій Нео-Филологическаго Общества, изъ коихъ девять подъ предсѣдательствомъ проф. А. Н. Веселовскаго и одно подъ предсѣдательствомъ А. Н. Пыпина. На засѣданіяхъ прочитаны были нижеслѣдующіе доклады: С. Н. Сыроматни-

ковымъ — „О происхожденіи виры“; г. де-Ладруатьеръ — „По поводу новѣйшихъ изслѣдованій о формахъ глаголовъ въ классическихъ и нео-европейскихъ языкахъ“; С. К. Буличемъ — „О странствующихъ мелодіяхъ“ (отчетъ объ изданіи Тапперта); П. И. Вейнбергомъ — „О взглядѣ Тентъ-Бринка на задачи исторіи литературы“; — имъ же на другомъ засѣданіи: „Шелли и Ленцъ, двѣ столѣтнія годовщины“; Е. В. Балабановой и г-жею Петерсонъ — „О русскихъ переводахъ Диккенса“; И. А. Шляпкинымъ — „Объ итальянскомъ переводѣ конца прошлаго вѣка повѣсти Екатерины II (II principe Chlogo, 1784 г.)“; имъ же — „Замѣтка къ біографіи Франциска Скорины“; А. Н. Веселовскимъ — „О Декамеронѣ Боккаччіо“; имъ же на другомъ засѣданіи — „О стилѣ Боккаччіо“; кн. С. М. Волежнскимъ — „О художественномъ наслажденіи и о художественномъ творествѣ“; г. Минскимъ — „Литературная характеристика Шелли“; Д. С. Мережковскимъ — „Объ идеализмѣ въ современной литературѣ — по поводу „Искушенія св. Антонія“ Флобера“; Л. А. Саккетти — „Объ отношеніи музыки къ тексту“ (причемъ образцы музыкальныхъ произведеній были исполнены г-жею А. Н. Саккетти, г. и г-жею Ершовыми).

Втеченіе года Общество напечатало два выпуска своихъ „Извѣстій“, въ составъ которыхъ вошли, помимо отчетовъ о дѣятельности Общества, статьи — О. А. Брауна „Гипотеза проф. Будиловича о готскомъ происхожденіи названія „Русь““ и Е. В. Аничкова „Микола угодникъ и св. Николай“. Въ составъ Общества вступило по баллотировкѣ три новыхъ члена; въ члены-соревнователи Общества избранъ проф. Н. И. Карѣевъ; почетнымъ членомъ Общества избранъ проф. И. В. Помяловскій.

Въ приложеніи къ № 47 „Протоколовъ засѣданій совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ помѣщенъ слѣдующій отзывъ о докторской диссертациі Г. Е. Аѳанасьева: „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“, составленный проф. Н. И. Карѣевымъ 1).

„Сочиненіе г. Аѳанасьева объ „Условіяхъ хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“, представленное имъ какъ диссертациа на степень доктора всеобщей исторіи, составляетъ изъ себя обширный (около 500 стр.) трудъ, написанный на основаніи хорошо изученной литературы предмета и значительнаго печатнаго и доселѣ остающагося невзданнымъ архивнаго матеріала, будучи единственнымъ цѣльнымъ изслѣдованіемъ, съ такою полнотою охватывающимъ предметъ. Въ предисловіи къ своей диссертациі авторъ разсматриваетъ относящіяся къ предмету сочиненія, изданныя въ нынѣшнемъ столѣтіи,

1) Описаніе диспута см. въ V томѣ „Истор. Обзор.“ (стр. 216—226).

литературу прошлаго вѣка, касающуюся хлѣбной торговли, и неизданный матеріалъ, коимъ онъ пользовался въ рукописномъ отдѣленіи Парижской Національной бібліотеки и въ Національномъ архивѣ. Просматривая сдѣланныя здѣсь указанія и ссылки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, можно поставить г. Аванасьеву въ нѣкоторой укоръ, что онъ сравнительно мало обращался къ трудамъ болѣе общаго характера и къ сочиненіямъ, не относящимся непосредственно къ предмету изслѣдованія, вслѣдствіе чего его трудъ, посвященный такому спеціальному вопросу, какъ хлѣбная торговля, и занятый нерѣдко разборомъ техническихъ подробностей, кажется иногда мало связаннымъ съ общей исторіей эпохи. Нерѣдко именно мелкія подробности о рыночной полиціи и о практикѣ хлѣбной торговли заслоняютъ собою принципиальную сторону дѣла, а общественныя настроенія, вызывавшіяся во Франціи этой практикой и соответственными теоріями, какія высказывались въ печати, наоборотъ, представляются и по мѣсту, имъ отведенному, и по степени ихъ разработанности, какъ бы отодвинутыми на задній планъ, вмѣстѣ съ общими политическими и соціально-экономическими условіями хлѣбной торговли во Франціи, излагаемыми съ гораздо меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ условія, лежавшія въ правительственной регламентаціи хлѣбной торговли. Съ этой регламентаціи г. Аванасьевъ и начинаетъ свое изслѣдованіе, рассматривая порядки, требовавшіе обязательной продажи хлѣба на рынкѣ (гл. I), рыночныя правила и пошлины (гл. II, IV и V), организацію рыночныхъ чиновъ (гл. III), созданныя правительственными мѣропріятіями и остатками феодальнаго быта условія для торговли хлѣбомъ между провинціями (гл. VI—VIII) и для вышшняго вывоза (гл. X), равно какъ произведенныя въ этихъ сферахъ реформы (гл. IX и XI). Вторая, большая половина книги посвящена разсмотрѣнію того, какъ былъ поставленъ вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ печати (гл. XII) и въ законодательствѣ въ концѣ царствованія Людовика XV (гл. XIII) и въ царствованіе Людовика XVI, при Тюрго (гл. XV), въ первое министерство Неккера (гл. XVI—XVII), при де-Калоннѣ (гл. XVIII) и во второе министерство Неккера (гл. XIX), причемъ въ изложеніе этой эпохи вставленъ весьма любопытный эпизодъ о знаменитомъ *pacte de famine* (гл. XIV), о которомъ г. Аванасьевъ написалъ цѣлое изслѣдованіе, изданное и по-французски. Сочиненіе заканчивается общимъ заключеніемъ, въ которомъ онъ подводитъ общіе итоги своего изслѣдованія, итоги, еще разъ свидѣтельствующіе, что авторъ подъ условіями хлѣбной торговли разумѣлъ почти исключительно лишь тѣ, которыя создавались рыночной регламентаціей и мѣропріятіями относительно перевозки хлѣба изъ одной провинціи въ другую или его вывоза изъ страны и ввоза изъ-за границы. Съ

точки зрѣнія русской исторіи можно еще выразить сожалѣніе о томъ, что г. Аѳанасьевъ не успѣлъ довести до конца начатой имъ во французскихъ архивахъ работы по исторіи хлѣбной торговли Франціи съ Восточной Европой вообще и въ частности съ нашимъ отечествомъ. Въ приложеніяхъ къ тексту мы находимъ, во-первыхъ, таблицу хлѣбныхъ мѣръ, употреблявшихся во Франціи въ прошломъ столѣтіи; эта таблица требовала отъ составителя большого знанія и умѣнія. Затѣмъ напечатано нѣсколько архивныхъ документовъ.

„Разсматривая трудъ г. Аѳанасьева, какъ исторію регламентаціи торговли хлѣбомъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ, можно сказать, что авторъ далъ по этому предмету изслѣдованіе весьма цѣнное: авторомъ собрана громадная масса мало извѣстнаго или бывшаго недоступнымъ матеріала, характеризующаго преимущественно законодательныя заботы и административныя нравы до-революціонной Франціи. Менѣе выяснено у автора происхожденіе разныхъ пошлей средневѣковаго происхожденія, стѣснявшихъ вмѣстѣ съ правительственною регламентаціей торговлю хлѣбомъ во Франціи, такъ какъ и здѣсь онъ ограничилъ свои розысканія однимъ XVIII (и лишь отчасти XVII вѣкомъ). Собранные авторомъ факты и указанія подвергнуты въ общемъ тщательной обработкѣ и заключаютъ въ себѣ матеріалъ, цѣнный самъ по себѣ, независимо отъ общихъ выводовъ, сдѣланныхъ г. Аѳанасьевымъ на стр. 481—483 его труда. Сами выводы эти представляются не менѣе цѣнными для исторіи государственной власти и правительства, которую они дополняютъ и освѣщаютъ съ точки зрѣнія такого спеціальнаго предмета, какъ хлѣбная торговля, хотя г. Аѳанасьевъ и не ставилъ этого главною своею цѣлю. Упомянутый эпизодъ объ „обществѣ голодовки“ касается и исторіи общественнаго настроенія въ до-революціонной Франціи и отношенія къ ней Франціи послѣ-революціонной, что нужно поставить въ число интересныхъ сторонъ книги.

„Въ общемъ сочиненіе г. Аѳанасьева, какъ написанное на основаніи архивныхъ источниковъ и спеціальной литературы, какъ вполне самостоятельный трудъ по предмету, бывшему до сихъ поръ мало изслѣдованнымъ, какъ диссертация, не заключающая въ себѣ никакихъ крупныхъ погрѣшностей, можетъ быть признано цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу и достойнымъ допущенія къ защитѣ его г. Аѳанасьевымъ, для полученія степени доктора всеобщей исторіи“.

НАГРАДЫ СТУДЕНТАМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА МЕДАЛЯМИ ВЪ 1892 ГОДУ И О ВНОВЬ ПРЕДЛОЖЕННЫХЪ ТЕМАХЪ ДЛЯ СОИСКАНІЯ НАГРАДЪ МЕДАЛЯМИ ВЪ 1894 ГОДУ ¹⁾.

По историко-филологическому факультету. На тему по русской исторіи *Царственная книга; ея составъ и происхождение* представлено три сочиненія.

Первое изъ нихъ № IV съ девизомъ: „Dissecta membra poetae“ обладаетъ большими достоинствами.

Авторъ не удовлетворился изученіемъ изданныхъ лѣтописныхъ текстовъ, но обратился къ рукописямъ, изучилъ подлинную рукопись Царственной книги и всѣ подобныя ей лицевыя, то есть, украшенныя рисунками рукописныя лѣтописи въ Московской Синодальной библіотекѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи; только одинъ лицевой лѣтописецъ библіотеки Академіи Наукъ, и то не повинѣ автора, остался ему неизвѣстенъ. Результаты, достигнутые изученіемъ рукописей, авторъ изложилъ съ полнымъ знаніемъ литературы предмета, вполне ясно, доказательно и съ такою критическою осторожностью и выдержкою, которая свидѣлствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ зрѣлою мыслью и съ солидною ученою подготовкою. Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, трудъ автора представляетъ собою самостоятельное ученое изслѣдованіе, которое заслуживаетъ опубликованія въ цѣломъ своемъ составѣ. Знакомство автора съ подлинными лицевыми лѣтописями позволяетъ ему сдѣлать рядъ новыхъ и цѣнныхъ замѣчаній по исторіи лѣтописнаго дѣла въ Москвѣ и указать вѣрнѣе съ Царственною книгою и прочія составныя части лицеваго свода, принятаго и исполненнаго, вѣроятнѣе всего, въ официальныхъ московскихъ сферахъ XVII вѣка. Однако, въ этой части своего труда авторъ съ похвальною осторожностью воздерживается отъ категорическихъ сужденій и съ большою критическою строгостью относится въ тому матеріалу, который изучаетъ. Перебравъ и одѣливъ всѣ свидѣтельства, относящіеся къ вопросу о происхожденіи изслѣдуемой рукописи, авторъ прямо говоритъ: „Все это гадательно, темно и неопредѣленно; приходится положить перо, не получивъ отвѣта на самый важный и интересный изъ вопросовъ, касающихся Царственной книги“. И тѣмъ не менѣе авторъ много сдѣлалъ для разъясненія того вопроса, который не призналъ разрѣшеннымъ. Его наблюденія

¹⁾ Приводимъ лишь извлеченія изъ отзывовъ объ историческихъ работахъ.

надъ самую Царственную книгу, синодальною рукописью № 962 и такъ называемою Александроневскою лѣтописью составляютъ прямое ученое приобрѣтеніе, въ виду чего студентъ VIII семестра Александръ Прѣсняковъ, авторъ этого сочиненія, награжденъ золотою медалью, а сочиненіе постановлено напечатать на средства факультета.

Второе сочиненіе № XII съ девизомъ: „Вы же, господье, егда кто коле чтети“... и т. д., состоитъ изъ трехъ главъ и „сличенной росписи содержанія“ Царственной книги и прочихъ, ей родственныхъ и съ ней сходныхъ лѣтописей. Одна эта роспись, въ которую вошло всего до десяти лѣтописей, требовала отъ автора „большихъ усилій и продолжительнаго времени. Будучи исполнена очень старательно, она дала автору возможность вполне освоиться съ лѣтописными текстами; изучить взаимныя отношенія редакцій, опредѣлить до мелочей всѣ особенности текста изучаемой имъ Царственной книги. Авторъ хорошо знакомъ съ разными видами историческаго матеріала изучаемой эпохи и съ подлежащею литературою, и это позволяетъ ему поставить вопросъ объ источникахъ московскихъ лѣтописей правильнымъ образомъ: онъ видитъ эти источники прежде всего въ официальныхъ документахъ (и даже указываетъ предположительно ихъ виды), далѣе—въ произведеніяхъ литературныхъ и въ рассказахъ очевидцевъ. Составителями лѣтописей считаетъ онъ лицъ официальныхъ и опредѣленіе всего указываетъ на придворное московское духовенство, какъ на среду, въ которой могли въ XVI вѣкѣ составляться лѣтописи. Нѣсколько критическихъ изслѣдованій, направленныхъ къ тому, чтобы установить степень достовѣрности показаній Царственной книги, приводятъ автора къ заключенію, что значеніе Царственной книги какъ источника, бесспорно важно. Этимъ выводомъ и могъ бы быть законченъ трудъ изслѣдователя, но онъ счелъ необходимымъ представить сверхъ того общую исторію лѣтописнаго дѣла на Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что такое тщательное отношеніе къ предпринятому дѣлу само по себѣ заслуживаетъ одобренія. Въ данномъ же случаѣ ученая добросовѣстность соединилась съ солидными критическими способностями и большою спеціальною начитанностью. Эти свойства сообщаютъ труду автора серьезный ученый характеръ и дѣлаютъ его достойнымъ высшей награды—золотой медали, которая и присуждена студенту VI семестра Сергію Гадзяцкому.

Третье сочиненіе № II съ девизомъ: „Dies illae, dies irae“ состоитъ, какъ и предыдущее, изъ двухъ частей. Въ одной изъ нихъ произведено сличеніе текста Царственной книги и Никоновской лѣтописи и отмѣчены особенности, сравнительно съ названными лѣтописями, лѣтописей Львовской, второй Софійской и Воскресенской. Въ совокупности—это значительная работа, потребовавшая отъ автора не

мало вниманія и труда. Другая часть сочиненія, по словамъ самого автора, „содержитъ въ себѣ исторію московскаго оффиціального лѣтописанія“. Къ сожалѣнію авторъ не пришелъ ни къ какому твердому и цѣнному выводу, и все значеніе его труда свелось къ тому что онъ ознакомился съ лѣтописными текстами и нѣкоторыми монографіями и произвелъ сличеніе лѣтописныхъ редакцій, причемъ имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько самостоятельныхъ наблюденій надъ историческими первоисточниками. Все это свидѣтельствуетъ о трудолюбіи автора и о несомнѣнной учебной пользѣ для него самого его труда, который по сему и можетъ быть удостоенъ почетнаго отзыва.

Авторъ этого сочиненія, окончившій курсъ Археологическаго Института и факультетовъ историко-филологическаго и юридическаго Сергѣй Шумаковъ.

На тему по славянской филологіи представлено одно сочиненіе № X, подъ заглавіемъ „*Янъ Амосъ Коменскій*“, съ эпиграфомъ изъ Лейбница:

Tempus erit, quo te, Comeni, turba bonorum
Fataque spresque tuas vota quoque ipsa colet.

(Лейбницъ 1671 г.).

Сочиненіе состоитъ изъ 2-хъ отдѣловъ. Въ первомъ предложень очеркъ жизни и дѣятельности Коменскаго и анализъ его великаго труда „*Didactica magna*“ во второмъ представленъ русскій переводъ съ чешскаго соч. Коменскаго „*Informatorium skoly materinské*“ или Наставленія родителямъ, особенно матерямъ о воспитаніи дѣтей до 6-ти лѣтнаго возраста и первыхъ шести главъ Чешской дидактики а также великолѣпнаго воззванія къ чинамъ Чешскаго королевства объ устройствѣ въ немъ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ на новыхъ основаніяхъ. Біографія Коменскаго—въ 6 главахъ—написана на основаніи наилучшихъ трудовъ о жизни и дѣятельности Коменскаго; не вдаваясь ни въ какія отступленія и излишнія подробности авторъ съумѣлъ довольно живо и съ теплымъ сочувствіемъ представить исполненную страданій отъ тяжелыхъ ударовъ судьбы долготѣльную жизнь и широкую и неутомимую дѣятельность великаго славянина, отца новой педагогіи, превосходнаго чешскаго писателя, замѣчательнаго художника-сатирика и одушевленнаго горячей любовью къ человѣчеству мыслителя, моралиста и публициста. Важнѣйшіе факты изъ жизни Коменскаго вездѣ почти изложены, какъ и слѣдовало, въ связи съ трагическою судьбою его родины и его единовѣрцевъ, братьевъ чешскихъ; передавая главнѣйшія данныя внѣшней жизни Коменскаго, авторъ съ возможною обстоятельностью отличаетъ ходъ и направленіе его литературной дѣятельности, указываетъ его разнообразныя труды и иногда предлагаетъ изъ нихъ небольшія извлече-

нія для наилучшей характеристики Коменскаго какъ челоѣка, педагога, какъ писателя и религіознаго и политическаго дѣятеля, 2-я часть перваго отдѣла „Didactica magna“, въ связи съ другими педагогическими сочиненіями, посвящена разбору педагогическихъ идей и трудовъ Коменскаго. Но, что сдѣлано авторомъ, обнаруживаетъ его старательное изученіе Дидактики и нѣкоторыхъ другихъ педагогическихъ трудовъ, въ особенности же замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ сочиненія Коменскаго *Methodus linguarum novissima*. Яснымъ и умѣлымъ изложеніемъ воззрѣній славнаго педагога, трезвыми и сдержанными на нихъ замѣчаніями молодой даровитый авторъ обнаруживаетъ не разъ свою богословскую и философскую подготовку, извѣстныя въ этомъ отношеніи познанія. Второй отдѣлъ: русскій переводъ съ чешскаго *Informatorium'a* и части Дидактики показываетъ, что авторъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ языкомъ и слогомъ Коменскаго. Переводъ по большей части не только вѣрный, но и удачный: переводчикъ видимо старался точнѣе передать смыслъ подлинника и по возможности удержать самый характеръ и манеру изложенія великаго писателя. Весь трудъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ дарованіи, свѣтломъ умѣ, несомнѣнномъ трудолюбіи и умѣньѣ автора работать, поэтому автору сочиненія № X, студенту IV семестра Николаю Ястребоу присуждена золотая медаль.

На тему по классической филологіи *Исторія и церемоніаль римскихъ Ludi saeculares по литературнымъ и эпиграфическимъ памятникамъ* представлено сочиненіе, № XXI, съ девизомъ: „ἐργον δ'ὀυδὲν βραβεύει“.

Вопросъ о римскихъ *ludi saeculares* много разъ обсуждался въ ученой литературѣ и до 1891 г., когда неожиданная находка значительной части подлинныхъ актовъ, относящихся къ празднованію этихъ игръ въ правленія Августа и Септимія Севера, пролился яркій свѣтъ на многія стороны этого вопроса. Авторъ настоящаго труда долженъ былъ поэтому исполнить двойную задачу: съ одной стороны, дать оцѣнку того, что было сдѣлано до находки 1891 года; съ другой стороны, приобщать къ итогам изслѣдованій своихъ предшественниковъ результаты этой находки. Если для успѣшнаго изложенія первой задачи требовалась усиленная филологическая работа, то вторая задача, т.-е. изученіе актовъ, была невыполнима безъ довольно солидныхъ познаній въ области римской эпиграфики. Къ обѣимъ задачамъ авторъ отнесся вполне добросовѣстно: литературу до 1891 г. онъ насколько она доступна занимающимся въ С.-Петербургскихъ библіотекахъ, не только изучилъ, но и подробно разобралъ, посвящая каждому изслѣдованію особый отдѣлъ своего труда; не менѣе тщательности и умѣнія проявилъ онъ и при реставраціи труд-

наго эпиграфическаго памятника, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло. Поэтому нельзя не пожалѣть, что онъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не успѣлъ дать своему труду послѣднюю отдѣлку; можно допустить, что онъ въ этомъ случаѣ оказался бы достойнымъ высшей награды. Но и такъ его нельзя не признать заслуживающимъ награжденія серебряной медалью, которая и присуждена автору, студенту IV семестра Владиміру Грекову.

По Факультету Восточныхъ языковъ.

На тему по Исторіи Востока Историческій очеркъ Уйгуровъ представлено двѣ диссертациі.

Первая, за № XV, подъ девизомъ: „Citius emergit veritas ex ergore, quam ex confusione“,—представляетъ обширный трудъ въ 350 страницъ убористаго письма. Она распадается на двѣ части. Въ первой авторъ сдѣлалъ обзоръ обширной литературы по данному вопросу какъ европейской, такъ и китайской. Уже одинъ этотъ отдѣлъ свидѣтельствуешь о необычайномъ трудолюбіи автора, о его умѣньи пользоваться источниками съ критическимъ отношеніемъ къ нимъ, а потому даже безъ второй части заслуживаетъ высшей награды. Другая часть диссертациі представляетъ историческій очеркъ Уйгуровъ. И здѣсь способъ изложенія автора заслуживаетъ полной похвалы. Онъ очень мало останавливается на тѣхъ періодахъ, которые уже достаточно разработаны трудами прежнихъ ученыхъ, а преимущественно изслѣдуетъ темные, неясные моменты въ судьбѣ Уйгуровъ, т. е. старается пролить свѣтъ на прошлое этого народа и принести посильную пользу. Видно, что задача интересовала автора и онъ работалъ надъ ней не только съ усердіемъ, но и съ любовью. Авторъ не кончилъ, да и не могъ кончить своего труда при той широкой программѣ, какую онъ себѣ поставилъ: на это потребно нѣсколько лѣтъ.

Въ виду такихъ достоинствъ диссертациі за № XV, авторъ ея студентъ VIII семестра Дмитрій Пoadиѣвъ признанъ заслуживающимъ награжденія золотою медалью.

Вторая диссертациа, за № XIX, подъ девизомъ „Alegre flammam“, уступаетъ предыдущей по достоинству и по приѣмамъ изложенія, а равно и по объему. Въ началѣ авторъ разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи Уйгуровъ, а затѣмъ переходитъ къ исторіи этого народа и доводитъ ее до конца. Къ числу достоинствъ надо отнести подробное извлеченіе авторомъ свѣдѣній объ Уйгуровъ изъ китайскихъ источниковъ и провѣрку тѣхъ данныхъ, которые уже были извѣстны раньше въ трудахъ европейскихъ ученыхъ. На этомъ основаніи авторъ диссер-

тація за № XIX студентъ VI семестра Николай Поппе награжденъ серебряной медалью.

Для соисканія наградъ медалями въ будущемъ году предлагаются студентамъ и слушателямъ университета слѣдующія темы:

По историко-филологическому факультету: I. По русской литературѣ: Епифаній Премудрый и его сочиненія (на 1 годъ).

II. По всеобщей исторіи: 1) Anecdota Прокопія, вопросъ о подлинности и достовѣрности (на 1 годъ). 2) Политическія сочиненія Фридриха II Прусскаго (на 1 годъ).

III. По славянской филологіи: 1) Представить критическій разборъ славянскихъ житій Св. Кирилла и Меодія и греческихъ житій Св. Климента, причемъ, пользуясь новѣйшими находками Бишона-Эвальда 1880 г. (Starine XII) и Фридриха 1892 г. (Sitzber. d. philos. philolog. u. hist. Classe d. k. b. Ak. d. Wiss. München. 1892. Heft. III), остановился на оцѣнкѣ и провѣркѣ мнѣній Викторова и Лавровскаго объ отношеніяхъ славянскаго житія къ такъ называемой итальянской легендѣ и мнѣній Воронова о времени, мѣстѣ, авторѣ (единолично) и языкѣ первоначальнаго написанія обоихъ славянскихъ житій (на 1 годъ). 2) Епископъ Климентъ Величкій и его сочиненія (на 1 годъ).

IV. По классической филологіи: Жизнь и литературная дѣятельность Ксенофонта (на 2 года).

Сверхъ того остаются еще слѣдующія темы, предложенныя въ прошломъ году на два года:

V. По русскому языку и словесности: Повѣсти Карамзина, въ связи съ жизнью автора и съ главными явленіями Западно-европейской сентиментальной литературы.

VI. По философіи: Психологія Гербарта.

VII. По всеобщей исторіи: Сочиненіе Мирабо „De la monarchie prussienne“.

По юридическому факультету: I. По государственному праву: Понятіе союзнаго государства.

II. По церковному праву: Имущественное право церкви по Номоканону патріарха Фотія.

По факультету восточныхъ языковъ: I. По китайской словесности: Царствованіе Ханьскаго императора У-ди.

II. По персидской словесности: Личность персидскаго шаха Насиреддина по его дневникамъ.

Мюнхенскій съездъ историковъ ¹⁾.

Въ зданіи академіи наукъ въ Мюнхенѣ недавно состоялся съездъ германскихъ историковъ, представляющій интересъ не только для специалистовъ. Главной темой этого съезда была постановка преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Тема гласитъ такъ: въ какой мѣрѣ преподаваніе исторіи должно служить подготовленіемъ къ участию въ задачахъ, которыя общественная жизнь ставитъ каждому образованному человѣку? Референты, директоръ гимназій Мартенсъ и профессора Дове и Кауфманъ, выставили рядъ тезисовъ, въ которыхъ обнаруживается довольно существенное различіе во взглядахъ: Мартенсъ является безусловнымъ сторонникомъ приспособленія исторіи къ потребностямъ жизни, но послѣднія въ его представленіи окрашены патріотически-тенденціознымъ колоритомъ. Дове и Кауфманъ же не отрицаютъ необходимости болѣе живой связи между изученіемъ прошлаго и задачами настоящаго, но они же желали бы сохранить за наукой ея, какъ выражаются иногда въ этомъ случаѣ, независимое, идеальное значеніе; въ то же время они считаютъ вреднымъ вносить въ школу какую-либо политическую тенденцію.

Серьезное значеніе поднятаго здѣсь спора, отражающаго только споры, поднятые новыми условіями общественной жизни, будетъ вполне понятно, если мы остановимся на общихъ положеніяхъ референтовъ и ихъ положительныхъ предложеніяхъ. Сторонникъ „реформы“ Мартенсъ ставитъ слѣдующее общее положеніе: преподаваніе исторіи лишь въ томъ случаѣ исполняетъ свою задачу—подготавливаетъ гражданина къ общественной жизни, если оно внушаетъ ему съ дѣтства сознаніе объ обязанностяхъ предъ государствомъ. Средствами къ достиженію такой цѣли являются, во-первыхъ, снабженіе юноши знаніемъ и историческимъ смысломъ, а во-вторыхъ, развитіе въ немъ силы и готовности дѣйствовать въ духѣ приобрѣтеннаго сознанія; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ интеллектуальнымъ развитіемъ, во-второмъ—съ укрѣпленіемъ характера, сердца, т.е. съ развитіемъ политическаго смысла. На это проф. Дове отвѣчаетъ, что преподаваніе исторіи, которое задается опредѣленными цѣлями, заимствованными изъ текущей политической жизни, легко можетъ повести къ искаженію дѣйствительнаго смысла исторіи: преподаваніе,—говоритъ Дове,—удовлетворительно исполняющее собственную свою задачу, т.е. дающее правдивое и вполне научное пониманіе прошлаго, этимъ са-

¹⁾ По корреспонденціямъ „Русскихъ Вѣдомостей“.

нимъ уже служить настоящему и будущему, потому что оно даетъ опытъ, матеріалъ, умѣніе понимать общественную жизнь. Прежде всего нужно положительное знаніе и развитіе историческаго смысла, а подъ послѣднимъ,—продолжаетъ проф. Дове,—я понимаю способность судить о каждой эпохѣ по совокупности ея собственныхъ условий, пониманіе связи между различными эпохами и способность отличать въ явленіяхъ и событіяхъ существенное отъ второстепеннаго, крупное отъ мелкаго. Проф. Кауфманъ присоединяется къ этому взгляду, но еще больше Дове настаиваетъ на необходимости изученія древняго міра, какъ такой области исторіи, въ которой со стороны учащихъ меньше всего „тенденціозныхъ злоупотребленій“. Дове и Мартенсъ сходятся въ томъ, что преподаванію новой исторіи должно быть удѣлено больше вниманія, чѣмъ это дѣлали до сихъ поръ, но Мартенсъ желалъ бы довести его до ближайшей дѣйствительности, до вопросовъ дня, тогда какъ проф. Дове желалъ бы остановиться уже на законченныхъ періодахъ политической исторіи,—для Германіи, напр., на 1871 году.

Точки зрѣнія Дове и Мартенса оказываются совершенно противоположными въ самомъ крупномъ изъ практическихъ вопросовъ дѣйствительности, это—отношеніе школы къ социальной борьбѣ. Мартенсъ принадлежитъ къ тѣмъ еще немногочисленнымъ въ Германіи педагогамъ, которые хотѣли бы сдѣлать школу ареной патріотической пропаганды. Нужно вообще замѣтить, что такіа попытки сдѣланы были въ народной школѣ, но онѣ вызвали почти единодушное осужденіе всѣхъ педагоговъ. По отношенію къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ Мартенсъ представляетъ себѣ это такъ: радомъ съ политической исторіей необходимо преподаваніе исторіи культуры, которое должно поставить себѣ социально-политическія задачи, приводя факты изъ исторіи всѣхъ временъ, содѣйствующіе пониманію современной социальной политики, и расширяя предметъ хозяйственной исторіи собственного отечества. Этимъ не только можетъ быть достигнуто,—увѣряетъ Мартенсъ,—пониманіе социального вопроса учащимися, но такое преподаваніе можетъ заключать въ себѣ и указаніе средствъ къ борьбѣ съ социаль-демократіей.

Противъ внесенія подобной системы въ школы рѣзче всѣхъ протестуетъ проф. Кауфманъ: всякая попытка,—говоритъ онъ,—внушить юношамъ тенденціозную точку зрѣнія на вопросы государственные, социальные или церковные вредна, потому что разрываетъ народное единство—отравляетъ души. Въ школѣ не должно быть мѣста предрассудкамъ политическимъ или религіознымъ. Проф. Дове не менѣе Кауфмана врагъ тенденціозной исторіи, но его сужденія сдержаннѣе и умѣреннѣе. Желательно,—говоритъ онъ,—чтобы въ выс-

шихъ классахъ гимназіи учитель давалъ учащимся представленіе о дѣйствующемъ устройствѣ государственныхъ учреждений, права и народнаго хозяйства, но необходимо, чтобы эти свѣдѣнія ограничивались констатированіемъ фактовъ и чтобы учитель не выступалъ ни съ какими политическими доктринами, ни за, ни противъ существующихъ партій. Для этого, однако, прежде всего необходимо, чтобы учителя исторіи еще въ университетѣ проходили курсъ государственныхъ наукъ.

Благодаря включенію въ программу вопроса о преподаваніи исторіи, конгрессъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе и даже приобрѣлъ политическую окраску: поднята была рѣчь о такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ участіе школы, и въ особенности преподаванія исторіи, въ патріотическомъ и прусско-благонамѣренномъ воспитаніи юношества. Тезисы референтовъ опубликованы были еще до открытія сѣзда чтобы участники могли заранѣе подготовиться къ дебатамъ.

Теперь, когда конгрессъ уже состоялся, любопытно выслушать его отношеніе къ столь острому вопросу. Получился результатъ, какого и слѣдовало ожидать, отъ собранія добросовѣстныхъ ученыхъ: огромное большинство педагоговъ и профессоровъ высказалось противъ тенденціознаго преподаванія, легко ведущаго къ фальсификаціи науки. Проф. Мартенсъ, главный застрѣльщикъ патріотическаго преподаванія, значительно ушѣрилъ тонъ на сѣздѣ. Въ тезисахъ своихъ онъ напиралъ на необходимости бороться съ крайними политиками и социальными ученіями; въ своей же рѣчи на конгрессѣ онъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ распространялся о приготовленіи юношества къ будущей общественной дѣятельности—о воспитаніи характера, развитіи чувства долга и „государственности“. Проф. Дове, не отрицая того, что включеніе элементовъ права и народнаго хозяйства въ курсъ исторіи очень желательно, противопоставилъ однако воспитательнымъ цѣлямъ требованіе строгаго умственнаго развитія, т.-е. обогащенія ума положительнымъ знаніемъ. Подобно тому, какъ мы изъ поэзіи выгоняемъ дидактическій элементъ, такъ мы его должны вытѣснять изъ исторіи; наша задача,—повторялъ проф. Дове,—дать юношеству результаты точнаго научнаго изслѣдованія и предоставить ему потомъ въ жизни собственное, самостоятельное мышленіе. Другой способъ преподаванія, какъ его предлагаетъ Мартенсъ, ведетъ къ созданію *Politische Kinderschule*, а это противорѣчитъ научной добросовѣстности и не ведетъ къ цѣли. Профессоръ Кауфманъ еще энергичнѣе протестуетъ противъ попытокъ внести политическую тенденцію въ школу. Идеи, которыя защищаетъ Мартенсъ, находятъ, къ сожалѣнію, покровительство въ учебномъ вѣдомствѣ, и противъ такихъ попытокъ должна подняться нѣмецкая наука. Въ новѣйшихъ програм-

махъ для прусскихъ гимназій, напр., уцѣлено много мѣста социальной политикѣ прусской монархіи: мы не хотимъ,—восклицаетъ проф. Кауфманъ—плести вѣнки Гогенцоллернамъ; они и не нуждаются въ лавровыхъ вѣнкахъ дѣтей. Не забудемъ, что школа—святое мѣсто, и каждый, кто вступаетъ въ нее, долженъ очистить ноги отъ прилипшей къ нимъ грязи. Единственныя тенденціи, которыя мы въ правѣ внести въ школу, это любовь къ истинѣ и любовь къ дѣтямъ. Преподаваніе исторіи не имѣетъ ничего общаго съ борьбой противъ социаль-демократіи; учитель долженъ помнить только о задачахъ правдиваго воспитанія и не вносить при этомъ розни въ семью. Изъ среды собранія поднялся проф. Кропачекъ, опытный педагогъ, состоящій теперь редакторомъ ультра-консервативной берлинской *Kreuzzeitung*. Всѣ ожидали,—сообщаютъ мюнхенскія газеты,—что онъ поддержитъ Мартенса и прусскія программы, но, къ изумленію членовъ съѣзда, Кропачекъ всецѣло сталъ на сторону проф. Кауфмана. „Я не стою въ политическихъ вопросахъ на точкѣ зрѣнія Кауфмана,—сказалъ ораторъ—вы знаете, что я политическій реакціонеръ, но какъ педагогъ и отецъ я совершенно такъ разсуждаю, какъ онъ: не трогайте школы, не разрушайте семьи. Школа не одна воспитываетъ новое поколѣніе, она нуждается въ поддержкѣ отцовъ; какое же право имѣемъ мы возбуждать противъ отца его собственныхъ дѣтей? Я не смѣю разрушать вліянія отца социаль-демократа на его сына, да это была бы и бесплодная работа. Проф. Мартенсъ, напр., будетъ въ школѣ внушать моему сыну, что теологическое направленіе Генгстенберга вредно, но сынъ мой увидитъ у меня на столѣ *Kirchenzeitung* и если онъ повторитъ, то, что слышалъ въ школѣ, то я, разумѣется, въ 5 минутъ выброшу у него изъ головы идеи учителя и внушу ему свои идеи. Развѣ не точно такъ поступитъ социаль-демократъ? Тотъ, пожалуй, сдѣлаетъ это еще лучше меня. Оставимъ же политическую борьбу взрослому поколѣнію, а въ школѣ пусть дѣти учатся и накапливаютъ знанія“. Послѣ рѣчей проф. Лампрехта и нѣкоторыхъ другихъ участниковъ конгресса, высказавшихся въ томъ же направленіи собраніе подавляющимъ большинствомъ приняло слѣдующую резолюцію: „преподаваніе исторіи не можетъ и не должно задаться цѣлью—внушить юношеству извѣстное политическое направленіе: оно можетъ только дать подростающему поколѣнію результаты научнаго изслѣдованія прошлаго и этимъ подготовить его къ участию въ общественной жизни, а также развитъ въ немъ склонность къ активному отношенію къ общественнымъ дѣламъ“.

Н е к р о л о г ъ.

П. И. Роговъ.

21-го мая 1892 года скончался отъ разрыва сердца членъ Историческаго Общества инспекторъ перваго кадетскаго корпуса, Павелъ Игнатьевичъ Роговъ. Покойный родился въ 1832 г., воспитывался сперва въ третьей классической гимназій, затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ. По окончаніи курса П. И. посвятилъ свои силы дѣлу воспитанія и обученія юношества. Около 30 лѣтъ занимался онъ педагогическою дѣятельностью въ качествѣ преподавателя исторіи въ частныхъ пансіонахъ, инспектора орловскаго женскаго института, 3-й военной гимназій, воспитателя и инспектора перваго кадетскаго корпуса. Всегда ласковый, готовый оказать возможную помощь всѣмъ, кто нуждался въ ней, сердечный и добрый, П. И. пользовался общими симпатіями своихъ сослуживцевъ, воспитанниковъ и подчиненныхъ. Онъ много также работалъ для женскаго Патриотическаго Общества и Педагогическаго музея, въ которомъ былъ товарищемъ предсѣдателя. Постоянно оставался вѣрнымъ самому себѣ, тѣмъ взглядамъ и убѣжденіямъ, съ которыми онъ выступилъ на тяжелое педагогическое поприще. Необыкновенная энергія, послѣдовательность въ проведеніи тѣхъ или другихъ принциповъ всегда проникнутыхъ гуманностью и любовью къ истинѣ, широкіе педагогическіе взгляды, строгая требовательность къ самому себѣ, прямота и честность въ отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ,—вотъ характерныя черты личности П. И. Рогова. Онъ не былъ только добросовѣстнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей: въ каждое дѣло, за которое онъ брался, покойный вкладывалъ свою душу, сроднялся съ нимъ, принималъ близко сердцу его интересы. Какъ учитель и воспитатель, онъ постоянно внушалъ своимъ ученикамъ любовь къ

знанію, развивалъ въ нихъ чувство долга и предостерегалъ ихъ отъ легкомыслія, верхоглядства и стремленія къ карьерѣ; какъ сослуживецъ, былъ живымъ примѣромъ честнаго отношенія къ дѣлу; какъ общественный дѣятель, являлся стойкимъ борцомъ за идею. Немного такихъ людей, и память о нихъ должна сохраняться въ исторіи тѣхъ учреждений, съ которыми связано ихъ имя. Заботясь о распространеніи историческихъ свѣдѣній среди простого народа, покойный издалъ нѣсколько брошюръ по отечественной исторіи. Одна изъ нихъ: „Смутное время“ составляетъ интересное чтеніе для народа.

А. А. Кудрявцевъ.

3-го марта 1893 г. скончался въ Москвѣ преподаватель исторіи Лазаревского института восточныхъ языковъ Александръ Алѣксѣевичъ Кудрявцевъ, принадлежавшій къ числу членовъ Историческаго Общества при Петербургскомъ университетѣ. Покойному было всего 30 лѣтъ. Это былъ самоотверженный работникъ на поприщѣ тяжелаго педагогическаго труда, вносившій въ этотъ трудъ свою душу, учитель-другъ своихъ учениковъ, учитель-воспитатель, дѣйствовавшій на свой классъ и солидностью своихъ научныхъ познаній, и вліяніемъ своей личности. Онъ былъ человѣкъ нѣжной, тонко чувствующей, рѣдко-благородной души. Учащіеся чутко понимали, что между ними и ихъ учителемъ устанавливалась настоящая духовная связь, не порывавшаяся и за стѣнами учебнаго заведенія. Любовь къ дѣтямъ и сознаніе своего общественного долга одинаково руководили его дѣятельностью. Кромѣ педагогическаго труда, покойный усиленно занимался наукой и литературой. Здѣсь онъ весь еще былъ въ будущемъ и, полный надеждъ и свѣтлыхъ плановъ, скончался, подкошенный тяжелымъ трудомъ и болѣзнію, слишкомъ рано для себя и для другихъ. Изъ его печатныхъ произведеній назовемъ большую статью „Средневѣковое міровоззрѣніе“, появившуюся въ *Русской Мысли*. Въ послѣднее время онъ читалъ „Исторію драмы“ на театральныхъ курсахъ.

О Т Д Ъ Л Ъ И.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1892 годъ.

Общество вступило во второй годъ своего существованія въ количествѣ 239 дѣйствительныхъ членовъ и 1 члена-соревнователя. Въ теченіе года умерло 5 членовъ: Н. А. Поповъ, І. А. Клейберъ, М. И. Семевскій, П. И. Роговъ и Н. М. Благовѣщенскій; поступило 25 членовъ. Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года въ Обществѣ числялось 259 дѣйствительныхъ членовъ и 1 членъ-соревнователь. Изъ комитета Общества вышли въ силу § 20 устава А. С. Лаппо-Данилевскій и Г. В. Форстенъ. Тѣ же лица оказались снова избранными въ члены комитета на общихъ собраніяхъ 14 декабря 1891 года и 22 января 1892 года. Въ нынѣшнемъ отчетномъ году въ силу того же § 20 Устава выбываютъ С. А. Бершадскій и Н. А. Меншуткинъ.

Средства Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ (1 дек. 1891—1 дек. 1892) году опредѣляются нижеслѣдующими данными:

П Р И Х О Д Ъ:

А. Остатокъ отъ прошлаго года 740 р. 96 к.

В. Поступленія 1891—1892 г.:

1) Членскіе взносы: 126 пятирублевыхъ	630 " — "
1 шестирублевый	6 " — "
2 сторублевыхъ	200 " — "

Итого 836 р. — к.

2) Пожертвованіе Г. Е. Аванасьева на изданіе Историческаго Обзорія 160 р. — к.

3) Отъ продажи экземпляровъ Историческаго Обзорія:

Перваго тома 38 р. — к.

Второго 42 " — "

Третьяго тома	101 р. — к.
Четвертаго тома	86 „ — „
Итого	267 р. — к.

Итого поступлений за 1891—1892 г. 1263 р. — к.

Итого поступлений за нынѣшній годъ съ
остаткомъ 2083 р. 96 к.

РАСХОДЪ:

1) На изданіе Историческаго Обзорѣнія:

Доплата за II томъ	72 р. 85 к.
Печатаніе III тома	800 „ — „
Гонораръ А. И. Браудо	94 „ — „
Уплата за IV томъ	189 „ — „

Итого 1155 р. 85 к.

2) Почтовые расходы, за нанечатаніе объявленій въ

Русскихъ Вѣдомостяхъ и посылку телеграммъ
В. И. Герье и И. Е. Забѣлицу 82 р. 64 к.

3) Вознагражденіе А. К. Кириллову за письмоводи-

тельство 60 р. — к.

Итого расходовъ въ отчетномъ году . 1298 р. 49 к.
Въ остаткѣ къ 1 декабрю 705 р. 47 к.

Дѣятельность Историческаго Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ году состояла въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ на общихъ собраніяхъ, въ изданіи Историческаго Обзорѣнія, въ организаціи педагогической секціи и въ работахъ объ образованіи бібліотеки Общества.

Съ 1-го декабря 1891 г. по 1-е декабря 1892 г. было VII общихъ собраній членовъ Общества. Научныя сообщенія, читанныя на этихъ собраніяхъ, сдѣланы были слѣдующими лицами: А. С. Лаппо-Данилевскій: Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды—каменный, бронзовый и желѣзный въ современной археологической литературѣ. В. Б. Каттерфельдъ: Дворянскіе наказы въ 1789 году и ихъ роль во французской исторической литературѣ. В. В. Лесевичемъ: Культурно-историческое соотношеніе между переживаніями и бредовыми психозами. П. А. Шафрановымъ: Экономическій бытъ Выгорѣцкаго старообрядческаго обществѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. З. С. Ивановой: Политическія и религіозныя воззрѣнія Шелли. С. А. Пташицкимъ: О новѣйшихъ трудахъ по исторіи Польши въ концѣ XVIII в. С. Л. Степановымъ: Ренанъ, какъ историкъ.

В. А. Тураевымъ: Исторія изученія финнскійской древности.—Кромѣ рефератовъ, читаны были слѣдующія сообщенія о вновь вышедшихъ книгахъ: Г. В. Форстенъ о книгѣ Bondorf'a: *Nyen och Nyenskanz*, С. Л. Степановымъ о соч. Fustel de Coulanges: *Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire*, Н. И. Карѣвымъ о печатаемой работѣ М. С. Корелина Ранній итальянскій гуманизмъ, и о книгѣ Сореля: „*L'Europe et la révolution française*“, А. С. Лаппо-Данилевскимъ о соч. A. Post'a: *Ueber die Aufgaben der Allgemeinen Rechtswissenschaft*, Н. И. Карѣвымъ о книгѣ Дайси „Основы государственнаго права Англіи“, С. А. Вершадскимъ объ одномъ изъ выпусковъ изданія: *Badania do historyi sztuki w Polsce*, А. И. Покровскимъ о соч. Holm'a: *Griechische Geschichte* В. Ц, С. А. Пташницкимъ: О новыхъ матеріалахъ по Исторіи Западной Россіи конца XVI в., изданныхъ Прохаскою (*Archivum domus Sapiechanae*). Наконецъ, сообщенія В. И. Модестова и Д. Д. Семенова посвящены были памяти двухъ недавно скончавшихся членовъ Общества: Н. М. Благовѣщенскаго и П. И. Рогова.

Вновь организованная педагогическая секція имѣла два засѣданія, въ которыхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: Я. Г. Гуревичемъ: Основные вопросы методики исторіи; Н. И. Марковинымъ: Нѣсколько замѣчаній о задачахъ и способахъ преподаванія исторіи въ гимназіи (особенно средней); Я. Г. Гуревичемъ: Новые прусскіе учебные планы по преподаванію исторіи; А. Н. Щукаревымъ: Къ вопросу о составленіи историческихъ хрестоматій; В. А. Мякотиннымъ: Руководство по русской исторіи Елпатьевского.

Въ бібліотекѣ Общества къ 1-му декабря 1892 года числилось: а) книгъ, брошюръ и оттисковъ 290 названій въ 349 томахъ и б) періодическихъ изданій 28 названій въ 143 томахъ и выпускахъ. Въ отчетномъ году составъ бібліотеки пополнился, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и учрежденій, а также взаимному обмѣну, въ который Историческое Общество вступило съ редакціями нѣсколькихъ журналовъ. Пожертвованія были сдѣланы: Н. Н. Ардашевымъ, В. Арцимовичемъ, Д. И. Багалѣмъ, Н. И. Варсовымъ, П. В. Везобразовымъ, А. Влуменштокомъ, А. И. Браудо, О. Вильчинскимъ, А. С. Гацисскимъ, С. М. Георгіевскимъ, С. М. Дубновымъ, В. Р. Зотовымъ, К. А. Ивановымъ, Н. И. Карѣвымъ, В. Кентржинскимъ, Е. Крыловымъ, А. А. Кузнецовымъ, А. А. Кулонзнымъ, Х. М. Лопаревымъ, О. О. Мартенсомъ, Д. О. Масловскимъ, В. Миндесомъ, А. Мѣржинскимъ, Г. А. Немировымъ, А. А. Павловскимъ, о. П. Пирлингомъ, В. К. Пискорскимъ, А. Прохаской, В. А. Соколовымъ, Д. А. Столыпнымъ, В. Н. Сторожевымъ, Г. Смирновымъ, А. С. Ткачевымъ, Г. О. Фрасеромъ, И. П. Хрущовымъ, А. А. Цагарели, Н. И. Шишкинымъ, И. А. Шляпкинымъ, Е. Ф. Шурло, Е. С. Шумигорскимъ, П. О. Ябловскимъ, Перискимъ губ. статистическимъ комитетомъ, Гидрографическимъ комитетомъ Морского министерства, редакціи: Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій, Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета, Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій, Записокъ Новороссійскаго Универси-

тета, Чтеній Общества исторіи и древностей, Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, Извѣстій Общества археологін, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ, Записокъ Неофилологическаго Общества, Этнографическаго Обзорнія, Извѣстій Таврической Архивной Комиссіи, Кіевской Старины, Русскаго Архива, Библиографическихъ Записокъ, Славянскаго Обзорнія, Сѣвернаго Вѣстника, Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Archivio Storico Italiano, Ateum'a и Cesky Lid.. Такимъ образомъ въ отчетномъ году въ бібліотеку Общества поступило: а) книгъ и брошюръ 85 названій въ 89 томахъ и б) періодическихъ изданій 20 названій въ 116 томахъ и выпускахъ.

Протоколъ Ревизіонной Коммисіи.

С.-Петербургъ, 14 Декабря 1891 года.—Разсмотрѣвъ отчетъ о состояніи суммъ Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ и провѣривъ наличныя деньги и дѣлопроизводство казначея, ревизіонная коммисія нашла все въ порядкѣ и безукоризненной исправности. Но говоря о финансовомъ положеніи Общества, она не можетъ не обратить вниманія Общаго Собранія на то печальное обстоятельство, что сумма членскихъ взносовъ въ отчетномъ году значительно уменьшилась сравнительно съ предшествующимъ: именно тогда какъ въ 18^{90/91} году членскихъ взносовъ поступило на сумму 1085 р., въ отчетномъ изъ нихъ составилось лишь 836 р.— Въ виду того, что такое уменьшеніе доходовъ Общества можетъ вредно отразиться на издательской его дѣятельности и повлечь за собою уменьшеніе разѣровъ послѣдней,—что врядъ ли можетъ быть признано желательнымъ,—коммисія считаетъ необходимымъ поставить на обсужденіе Общества вопросъ о томъ, посредствомъ какихъ мѣръ можно было бы достигнуть болѣей аккуратности въ своевременномъ доставленіи членскихъ взносовъ.

Переходя къ вопросу о состояніи библіотеки Общества, которая также оказалась въ порядкѣ, коммисія должна повторить замѣчаніе, уже высказанное при ревизіи въ прошломъ году, т.-е. выставить на видъ медленность ея роста и выразить пожеланіе, чтобы, какъ комитетъ, такъ и остальные члены Общества проявили болѣе энергичную заботливость о пополненіи библіотеки не только доставленіемъ туда собственныхъ сочиненій, но и привлеченіемъ другихъ авторовъ, учреждений и издательскихъ фирмъ къ пожертвованіямъ въ библіотеку Историческаго Общества книгъ, журналовъ и специальныхъ изданій. Можетъ быть, систематическая разсылка „Историческаго Обзоренія“ въ редакціи главныхъ историческихъ журналовъ и ученыхъ изданій русскихъ и иностранныхъ съ предложеніемъ обитѣна повлекла бы за собою присылку въ библіотеку такихъ журналовъ и изданій, недостатокъ которыхъ составляетъ въ ней большой пробѣлъ.

Члены ревизіонной коммисіи: *Евгеній Блювъ, Ив. Гревсъ, В. Мяткинъ.*

Алфавитный список гг. членов Исторического Общества при Императорском С.-Петербургском Университетѣ по 1 января 1893 г. ¹⁾.

Комитетъ Общества:

Предсѣдатель—Николай Ивановичъ Карѣвъ, чл.-учр. Вас. Островъ, 10 л., д. 9.

Товарищъ Предсѣдателя — Георгій Васильевичъ Форстенъ, чл.-учр. М. Итальянская, 41.

Казначей—Сергѣй Лаврентьевичъ Степановъ, чл.-учр. Фурштадтская, 27.

Секретарь—Александръ Сергѣевичъ Лаппо-Данилевскій, чл.-учр. Вас. Островъ, 10 л., д. 17.

Библіотекаръ—Станиславъ Львовичъ Пташицкій. Преображенская, 42.

Иванъ Михайловичъ Гревсъ, чл.-учр. Вас. Островъ, 7 л., д. 60.

Венедиктъ Александровичъ Мякотинъ, чл.-учр. Коломенская, д. 15.

Члены-Учредители:

Бершадскій, Сергѣй Александровичъ. Вас. Островъ, Большой пр., д. 19/26.

Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ. Вас. Островъ, уголь 5 линія и Малаго пр., д. 62, кв. 2.

¹⁾ Комитетъ Общества покорнѣйше проситъ присылать извѣщенія о перемѣнѣ адресовъ или могущія быть въ адресахъ поправки въ Сиб. Унив., помощнику бібліотекаря Алексѣю Кирилловичу Кириллову. Гг. членамъ, уплатившимъ взносъ за 1892 г., высланы были томы IV и V „Историческаго Обзорѣнія“. Неполученіе таковыхъ Комитетъ проситъ доводить до его свѣдѣнія равнымъ образомъ черезъ А. К. Кириллова. Членскій взносъ на 1893 г. опредѣленъ въ 5 р. и высылается на имя Казначея Общества С. Л. Степанова (Фурштадтская, 27).

Бубновъ, Николай Михайловичъ. Кіевъ. Университетъ.

Бѣловъ, Евгеній Александровичъ. Вас. Островъ. Малый пр., д. 15.

квар. 2.

Васильевскій, Василій Григорьевичъ. Троицкая ул., д. 27, кв. 7.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ. Вас. Остр., 2 л., д. 37.

Гуревичъ, Яковъ Григорьевичъ. Надеждинская ул., д. 40, кв. 7. (Товарищъ председателя по педагогической секціи).

Дружининъ, Василій Григорьевичъ. Сергіевская ул., д. 45.

Дьяконовъ, Михаилъ Александровичъ. Дерптъ. Университетъ.

Замысловскій, Егоръ Егоровичъ. Вас. Островъ, 14 л., д. 31, кв. 4.

Козено, Иванъ Алексѣевичъ. Захарьевская, д. 1, кв. генер. Каминскаго.

Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ. Звенигородская ул., д. 32, кв. 1.

Мартенсъ, Фѣдоръ Фѣдоровичъ. Пантелеймоновская ул., д. 12.

Меншутинъ, Николай Александровичъ. Румянцевская площ., д. 1/3.

Модестовъ, Василій Ивановичъ, Николаевская ул., д. 67.

Ольденбургъ, Сергій Фѣдоровичъ. Вас. Островъ, 7 линія, д. 60.

Платоновъ, Сергій Фѣдоровичъ. Николаевская ул., д. 61, кв. 6.

Сергѣевичъ, Василій Ивановичъ. Стремянная ул., д. 19.

Соколовъ, Фѣдоръ Фѣдоровичъ. Вас. Островъ, 2 линія, д. 11, кв. 13.

Троицкій, Иванъ Егоровичъ. Пески, уголь 7 и Слоновой ул., д. 16/22.

Чечулинъ, Николай Дмитріевичъ. Фурштатская ул., д. 40.

Шмурло, Евгеній Францевичъ. Дерптъ. Университетъ.

Членъ-Соревнователь:

Котляревская, Екатерина Семеновна. Уголь Малой Итальянской и Литейнаго пр., д. 2/56, кв. 10.

Дѣйствительные члены:

Адамовичъ, Василій Ивановичъ, Садовая ул., д. 71, кв. 11.

Андреева, Александра Алексѣевна. Москва, Тверская, Брюсовъ пер., собственный домъ.

Андреевъ, Василій Алексѣевичъ. Моск.-Каз. ж. д., ст. Люберцы.

Андреяновъ, Михаилъ Александровичъ. Вас. Островъ, 8 линія, д. 47, квар. 4.

Анненскій, Иннокентій Фѣдоровичъ. Кіевъ, Коллегія Галагана.

Анонимовъ, Иванъ Николаевичъ. Вас. Островъ, 12 л., д. 5. Первое Реальное училище.

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ. Кіевъ. Университетъ.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ. Москва, Дѣвичье-Поле, д. Морозовой.

Арабагинъ, Константинъ Ивановичъ. Офицерская ул., Николаевскій Корпусъ.

Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ. Москва, Дѣвичье-Поле, В. Воздвиженскій пер., д. Бородина.

Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ. Площадь Большого театра, домъ 12.

Ахрамовичъ, Осипъ Васильевичъ. Петерб. сторона, Митинская набережная, д. Яковлева.

Ахшарумовъ, Семенъ Дмитріевичъ. Литейный пр., д. Удѣльнаго Вѣдѣнства, кв. Тургольдъ.

Аванасьева, Георгій Емельяновичъ. Одесса, Базарная, д. 6а.

Багалъй, Дмитрій Ивановичъ. Харьковъ. Университетъ.

Балабанова, Екатерина Вячеславна. Торговая ул., д. 25/34, кв. 1.

Balzer, O. Австрія, Львовъ. Ulica Zimogowicza, 7.

Бартольдъ, Георгій Владиміровичъ. Вас. Островъ, 6 л., д. 17, кв. 2.

Бережиковъ, Михаилъ Николаевичъ. Нѣжинъ, Историко-филологическій Институтъ.

Беренштамъ, Вильямъ Людвиговичъ. Вас. Островъ, 3 л., д. 18.

Беркутъ, Владиміръ Николаевичъ. Москва, Большой Власевскій пер., д. Скородумова.

Бобровскій, Павелъ Осиповичъ. Мойка, Военно-Юридическая Академія.

Борзановскій, Владиміръ Степановичъ. Захарьевская ул., д. 33, кв. 3.

Брандтъ, Фёдоръ Ивановичъ. Калининская площадь, д. 3/5.

Браудо, Александръ Исаевичъ. Ямская ул., д. 16, кв. 16.

Бриннеръ, Александръ Густавовичъ. Іена. Forstweg, № 9.

Бузескулъ, Владиславъ Петровичъ. Харьковъ, Большая Панасовка, д. 17.

Букъ, Владиміръ Владиміровичъ, Вас. Островъ, 2 л., д. 35, кв. 7.

Бѣлогостицкій, Иванъ Васильевичъ. Троицкая ул., д. 36, кв. 8.

Бѣлозерская, Надежда Александровна.

Васильевъ, Иванъ Ивановичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 17, кв. 5.

Введенскій, Александръ Ивановичъ. Вас. Островъ, 9 л., д. 46, кв. 2.

Венгеровъ, Семенъ Аванасьевичъ. Серпуховская ул., д. 2.

Веселовскій, Николай Ивановичъ. Забалканскій пр., д. 29, кв. 15.

Винаверъ, Максимъ Монсеевичъ. Владимірская ул., д. 2.

Виноградовъ, Павелъ Гавриловичъ. Москва, Левшинскій пер., домъ Ловцова.

Випперъ, Робертъ Юрьевичъ. Москва, Мясницкая, Чудовской пер., домъ Вруханской.

Владимірскій-Будановъ, Михаилъ Флегонтовичъ. Кіевъ. Университетъ.

Вознесенскій, Павелъ Ивановичъ. Коломенская ул., д. 7, кв. 21.

Вороновъ, Андрей Петровичъ. Вас. Островъ, 5 л., д. 30.

Вязигинъ, Андрей Сергѣевичъ. Харьковъ, Дѣвичья ул., д. 14.

Гацисскій, Александръ Серафимовичъ. Нижній Новгородъ, Статист. Ком.

Гейслеръ, Александръ Ивановичъ. Радомъ, Мужская гимназія.

Георгиевскій, Сергій Михайловичъ. Пушкинская ул., д. 22 (Пале-Рояль).

Герановъ, Николай Николаевичъ. Петербургская сторона, В. Пушкарская, 50.

Герасимовъ, Осипъ Петровичъ, Москва, Арбатъ, д. Львовой.

Герье, Владимиръ Ивановичъ. Москва, Гагаринскій пер., собственный домъ.

Глинскій, Борисъ Борисовичъ. Конногвардейскій бульваръ, д. 9, кв. 23.

Голубовскій, Петръ Васильевичъ. Кіевъ, Дмитровская ул., д. 3.

Гольцевъ, Викторъ Александровичъ. Москва, близъ Успенья на Могильцахъ, собственный домъ.

Григоровичъ, Иванъ Ивановичъ. Площадь Александринскаго театра, д. 9.

Гриммъ, Эрвинъ Давыдовичъ. Вас. Островъ, 6 л., д. 39, кв. 6.

Гротъ, Николай Яковлевичъ. Москва. Университетъ.

Деревицкій, Алексій Николаевичъ. Харьковъ. Университетъ.

Дерюжинскій, Николай Федоровичъ. Литейный пр., д. 44.

Дерюжинскій, Владиміръ Федоровичъ. Дерптъ, Садовая, д. 22.

Дмитріевъ, Николай Всеволодовичъ. Зданіе Главнаго Почтамта.

Донучаевъ, Тимофей Васильевичъ, Петерб. сторона, Церковная ул., д. 25, кв. 6.

Дризень, баронъ Николай Васильевичъ. Пушкинская ул., д. 17.

Дриль, Дмитрій Андреевичъ. Вас. Островъ, 3 л., д. 6.

Ефимовъ, Василій Владиміровичъ. Разстанная ул., д. 14.

Ешевскій, Александръ Аполлоновичъ. Вас. Островъ, 10 линия, д. 25, кварт. 1.

Житецкій, Игнатій Павловичъ.

Забѣлло, Левъ Парменовичъ. Адмиралт. набережная, Крестьянскій банкъ.

Zakrzewski, W. Краковъ, университетъ.

Иванова, Зинаида Сергѣевна. Вас. Островъ, 2 л., д. 51.

Ивановъ, Константинъ Алексѣевичъ. Калининская площадь, д. 3/5, квар. 19.

Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ. Кіевъ. Университетъ.

Kaizl, I. Прага, чешскій университетъ.

Каминка, Августъ Исааковичъ. Уголъ Фонарнаго пер. и Офицерской ул., д. 7/8, кв. 2.

Каттерфельдъ, Вильгельмъ Богдановичъ. Гороховая ул., д. 44, кв. 6.

Кауфманъ, Александръ Аркадьевичъ. В. О., 3 л., д. 6.

Кедровъ, Алексій Константиновичъ. Вас. Островъ, Историко-Филологическій Институтъ.

Kętrzyński, W. Львовъ, Zakład Ossolinskich.

Кизеветтеръ, Александръ Александровичъ. Москва, Молчановка, Ржевскій пер., д. Чернявскаго.

Ниселевъ, Александръ Аполлоновичъ. Англіійскій пр., д. 22, кв. 12.
Нирпичниковъ, Александръ Ивановичъ. Одесса. Университетъ.
Нячичъ, Василій Петровичъ. Кіевъ. Университетъ.
Новалевскій, Максимъ Максимовичъ. Франція, Beaulieu (Alpes maritimes). Villa Batava.

Корево, Николай Николаевичъ.

Корелинъ, Михаилъ Сергѣевичъ. Москва, М. Бронная, д. Гаршъ, кв. 22.

Korzeniowski, I. Kraków, Smolenska, 13.

Корсановъ, Дмитрій Александровичъ. Казань. Университетъ.

Котляревскій, Несторъ Александровичъ. Уголъ Малой Итальянской и
Литейнаго пр., д. 2/56, кв. 10.

Краиу, Василій Александровичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 13.

Крейсбергъ, Александръ Романовичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 21, кв. 3.

Нудряцевъ, Александръ Ивановичъ. Москва, Арбатъ, Малый Песков-
скій пер., д. Фрауенфельдеръ.

Нузнецовъ, Григорій Александровичъ. Харьковъ, 2-я женская гимназія.

Нуторга, Михаилъ Степановичъ. Императорская Публичная Библиотека.

Лаконте, Михаилъ Алексѣевичъ. Иваново-Вознесенскъ, Владимирской губ.

Реальное училище.

Ланге, Ричардъ Осиповичъ. Набережная Мойки, д. 38.

Латышевъ, Василій Васильевичъ. Казань, Канцелярія Попечителя Казан-
скаго Учебнаго Округа.

Лебедевъ, Афианъ Степановичъ. Харьковъ. Университетъ.

Лесевичъ, Владиміръ Викторовичъ. Лиговка, д. 29, кв. 6.

Лисовскій, Николай Михайловичъ. Забалканскій пр., д. 7, кв. 13.

Лихачева, Елена Іосифовна. Фурштадтская ул., д. 56, кв. 3.

Лопаревъ, Хрисанъ Меоодіевичъ. Фонтанка, д. 34.

Лопатинъ, Левъ Михайловичъ, Москва, Гагаринскій пер., собственный
домъ.

Лурье, Семенъ Владиміровичъ. Москва, Земляной валъ, д. Хвощина.

Лучицкій, Иванъ Васильевичъ. Кіевъ. Липки, Левашовская, 14.

Любавскій, Матѣй Кузьмичъ. Москва, Харитоновскій пер., д. Морозовой.

Любовичъ, Николай Николаевичъ. Варшава, Долгая, д. 28.

Маларенио, Андрей Дешьяновичъ. Пенза, Первая гимназія.

Мандельштамъ, Іосифъ Емельяновичъ. Фонтанка, д. 36, кв. 3.

Маркевичъ, Алексій Ивановичъ. Одесса. Университетъ.

Марковинъ, Николай Ивановичъ. Милліонная ул., д. 29, кв. 28.

Масагукъ, Th. Прага, чешскій университетъ.

Масловскій, Дмитрій Ѳеодоровичъ, Вас. Островъ, Большой пр., д. 5,
кварт. 7.

Менжинскій, Рудольфъ Игнатьевичъ. По 12-й ротѣ Измайловскаго
полка, д. 36.

Мережковский, Дмитрій Сергѣевичъ. Литейный пр., д. Мурузи.

Метцлеръ, Адольфъ Адольфовичъ.

Миллеръ, Евгеній Леонтьевичъ. Москва, Контора Кноррь и Вернеръ.

Миллеръ, Всеволодъ Фодоровичъ. Москва, Покровка, Машковъ пер., собственный домъ.

Милуковъ, Николай Кононовичъ. Малая Московская ул., д. 5.

Милуковъ, Павелъ Николаевичъ. Москва, Плющиха, д. Бартенева, кварт. 15.

Мицловъ, Рудольфъ Рудольфовичъ. Большая Волотная ул., д. 22.

Мирошниковъ, Сергѣй Васильевичъ. Вас. Островъ, 1 л., д. 56.

Михайловскій, Викторъ Михайловичъ. Москва, Якиманка, 2-я гимназія.

Мищенко, Фодоръ Герасимовичъ. Казань, Односторонка Красной, 10.

Молчановскій, Никандръ Васильевичъ. Кіевъ, Институтская ул., д. 31.

Моравскій, Сергѣй Павловичъ. Москва, Арбат. вор., Мерзляковскій пер., д. Нѣвичнова, кв. 5.

Моревъ, Дмитрій Дмитріевичъ.

Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ. Москва, Скатертный пер., собственный домъ.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Александръ Алексѣевичъ. Кіевъ, Канцелярія Попеч. Учебн. Округа.

Мѣржинскій, Антонъ Фаддеевичъ. Варшава, Смольная, собственный домъ.

Нейфельдъ, Абрамъ Абрамовичъ. Хортица, Екатериновской губ., Центральное училище.

Неслуховскій, Францъ Карловичъ. Каменноостровскій пр., Лицей.

Нечаевъ, Владиміръ Петровичъ. Петерб. сторона, Большой пр., Пушкинская ул., д. 11, кв. 4.

Нинитскій, Тимофей Николаевичъ. Ковно. Гимназія.

Новодворскій, Витольдъ Владиславовичъ. Петерб. сторона, Кронвергскій пр., д. 41, кв. 8.

Оманъ (Naumant) Эмилій. Lille, rue de Solférino, 102.

Ону, Александръ Михайловичъ. Большая Конюшенная, д. 1/8, кв. 37.

Орловъ, Николай Александровичъ. Поварской пер., д. 17.

Осоининъ, Николай Алексѣевичъ. Казань. Университетъ.

Острогорскій, Викторъ Петровичъ. Коноверская ул., уголъ Могиловской.

Павинскій, Адольфъ Ивановичъ. Варшава, Маршалковская, близъ Свенто-Кржиской.

Павловскій, Алексѣй Андреевичъ. Кіевъ. Университетъ.

Павловъ-Сильванскій, Николай Павловичъ. Вас. Островъ, 7 линия, д. 46, кв. 4.

Пальмень. Гельсингфорсъ. Университетъ.

Пантелѣевъ, Лонгинъ Фодоровичъ. Николаевская ул., д. 16.

Перетятковичъ, Георгій Ивановичъ. Одесса. Университетъ.
Петерсонъ, Ольга Михайловна. Торговая ул., д. 25/34, кв. 2.
Петерсъ, Александръ Александровичъ. Манежный пер., д. 17, кв. 21.
Петрушевскій, Дмитрій Моисеевичъ.
Пирлингъ, Павелъ. Парижъ. Avenue Noche, 26.
Пискорскій, Владиміръ Константиновичъ. Кіевъ, Нестеровская ул., д. 23.
Погодинъ, Петръ Дмитриевичъ. Парижъ. Rue Monsieur le Prince,

№ 56.

Покровскій, Алексій Ивановичъ. Вас. Островъ, 6 л., д. 11, кв. 3.
Поливановъ, Аполлонъ Николаевичъ. Сибирскъ, Кад. Корп.
Попова, Анна Петровна.
Ргошаска, А. Львовъ. Ulica Ossolinskich, 11.
Радловъ, Эрнестъ Львовичъ. Вас. Островъ, 3 л., д. 58, кв. 10.
Регель, Василій Эдуардовичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 15, кв. 1.
Рождественскій, Сергій Васильевичъ. Вас. Остр., Университетъ.
Рубанинъ, Николай Александровичъ. Уголь Большой Подъяческой и
Садовой, бібліотека Рубанина.

Рубинштейнъ, Михаилъ Александровичъ. Бассейная, уголь Лиговки,
Гимназія Гуревича.

Рудневъ, Яковъ Ивановичъ. Выборгская сторона, Сибирская ул., д. 10,
1-я прогимназія.

Русановъ, Николай Алексѣевичъ, Псковъ, Крестьянскій банкъ.
Савва, Владиміръ Ивановичъ. Харьковъ. Каплуновская, 3.
Сапуновъ, Алексій Пареевичъ. Витебскъ. Гимназія.
Свѣшниковъ, Митрофанъ Ивановичъ. Гагаринская ул., д. 34.
Семевскій, Василій Ивановичъ. Вас. Островъ, 2 л., д. 11.
Семеновъ, Дмитрій Дмитриевичъ.
Сергѣевскій, Николай Дмитриевичъ. Вас. Островъ, 2 л., д. 24, кв. 5.
Середонинъ, Сергій Михайловичъ. Инженерный замокъ, д. 62.
Сизовъ, Владиміръ Ильичъ. Москва, Историческій Музей.
Сиповскій, Василій Дмитриевичъ. Гороховая, Училище Глухонѣмыхъ.
Смирновъ, Алексій Логиновичъ.
Смирновъ, Иванъ Николаевичъ. Казань. Университетъ.
Smolka, St. Краковъ. Университетъ.
Собѣстьянскій, Иванъ Михайловичъ. Харьковъ. Университетъ.
Созоновичъ, Иванъ Петровичъ. Варшава, ул. Берга, д. 6.
Соколовскій, Павелъ Александровичъ. Артиллерійская ул., д. 6.
Солдатенковъ, Кузьма Терентьевичъ. Москва, Мясницкая, собствен-
ный дощъ.

Соловьевъ, Евгений Андреевичъ. Литейный, 58.
Соловьевъ, Сергій Викторовичъ. Харьковъ. Университетъ.
Сомовъ, Александръ Андреевичъ. Екатерингофскій пр., д. 97, кв. 2.

Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ. Кабинетская ул., д. 7.

Ставровскій, Никаноръ Андреевичъ. Сумы, Харьковской губ. Гимназія.

Старчевскій, Евгеній Львовичъ. Луцкъ, Волынской губ.

Столыпинъ, Дмитрій Аркадьевичъ. Москва, Тверская ул., гостиница
Дрезденъ.

Сторжовскій, Сергій Николаевичъ. Харьковъ, Усовская ул., д. 3, кв.
проф. Цѣхановецкаго.

Сторомевъ, Василій Николаевичъ. Москва. Архивъ Министерства Юстиціи.

Струве, Николай Вернардовичъ. Воскресенская набережная, д. 28, кв. 7.

Судейкинъ, Василій Тимоѣевичъ. Воскресенскій пр., д. 13.

Сыриу, Полихроній Агапѣвичъ. Вас. Островъ, 2 л., д. 15, кв. 4.

Тантѣвъ, Владиміръ Ивановичъ. Москва, Обуховъ пер., д. 9.

Тихомировъ, Павелъ Константиновичъ. Екатерининскій кавалъ, д. 70,
кварт. 10.

Ткачевъ, Андрей Никитичъ.

Трачевскій, Александръ Семеновичъ. Царское Село, Стесальская ул.,
домъ 12.

Туганъ-Барановскій, Михаилъ Ивановичъ. Гусевъ пер., д. 6, кв. 19.

Тураевъ, Борисъ Александровичъ. Вас. Островъ, 7 л., д. 40, кв. 8.

Тычинкинъ, Константинъ Семеновичъ. Вассейная ул., уголъ Лиговки,
гимназія Гуревича.

Ульяницкій, Владиміръ Автоновичъ. Москва, Архивъ Министерства Ино-
странныхъ Дѣлъ.

Успенскій, Фѣдоръ Ивановичъ. Одесса. Университетъ.

Утинъ, Евгеній Исааковичъ. Фонтанка, д. 26.

Фаминцынъ, Александръ Сергѣевичъ. Вас. Островъ, 8 л., д. 17.

Farges, Louis. Paris.

Филипповъ, Александръ Никитичъ. Дерптъ. Университетъ.

Флексеръ, Акимъ Львовичъ. Пушкинская ул., д. 22. (Пале-Рояль).

Фортинскій, Фѣдоръ Яковлевичъ. Кіевъ. Университетъ.

Фонъ-Фохтъ, Ольга Марковна. Малая Итальянская, д. 5, кв. 7.

Фрасеръ, Георгій Фѣдоровичъ.

Хахановъ, Александръ Соломоновичъ. Москва, Лазаревскій Институтъ.

Цагарели, Александръ Антоновичъ. Фонтанка, д. 24, кв. 10.

Цвѣтковскій, Юрій Юрьевичъ. Петербургская сторона, Мытнинская на-
бережная, д. 11.

Цвѣтницкій, Владиміръ Дмитріевичъ. Тифлисъ. Верхняя Московская
балка, д. 24.

Чебышовъ, Александръ Александровичъ. Знаменская ул., д. 17.

Чеховъ, Николай Владиміровичъ. Богородицкъ, Тульской губ.

Чулицкій, Владиміръ Михайловичъ. Сергіевская ул., д. 61, кв. 10.

Шафрановъ, Петръ Александровичъ, Вас. Островъ, 10 л., д. 41, кв. 15.

- Шварсалонъ, Константинъ Семеновичъ.
Шеллеръ, Александръ Константиновичъ. Ковенскій пер., д. 14.
Шимберсонъ, М. Г. Гельсингфорсъ. Университетъ.
Шильдеръ, Николай Карловичъ. Инженерный Замокъ, кв. 1.
Шубинскій, Сергѣй Николаевичъ. Редакція „Историческаго Вѣстника“.
Шубинъ, Николай Яковлевичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 25, кв. 1.
Шульцъ, Георгій Фёдоровичъ. Харьковъ. Университетъ.
Störn, A. Цюрихъ, Polytechnicum.
Шумигорскій, Евгеній Севастьяновичъ. Гороховая ул., д. 68, кв. 13.
Щепкина, Екатерина Николаевна. Виленскій пер., д. 9, кв. 3.
Щепкинъ, Евгеній Николаевичъ. Москва, Каретный радъ, 2-й Знаменскій пер., д. Вашкевичъ.
Щукаревъ, Александръ Николаевичъ. Фурштатская ул., д. 17, кв. 17.
Эвальдъ, Сергѣй Ивановичъ. Петерб. сторона, Ждановская ул., д. 7.
Эльзенгръ, Адольфъ Юстиновичъ. Вас. Островъ, 3 л., д. 16, кв. 13.
Энманъ, Александръ Фёдоровичъ. Петерб. стор., Церковный пер., д. 27.
Юмаковъ, Сергѣй Николаевичъ.
Ядринцевъ, Николай Михайловичъ.
Янушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ. Москва, Чернышовскій пер., д. 7
(Ред. „Рус. Вѣд.“).
Яроцій, Василій Гавриловичъ. Баскова ул., д. 9, кв. 5.
Федоровъ, Владиміръ Васильевичъ. Вас. Островъ, 10 л. Патріотическій Институтъ.
-

Протоколы Исторического Общества за 1892 годъ ¹⁾.

Протоколъ XXXI (закрытаго) общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 22 апрѣля 1892 г.

Подъ предѣдательствованіи Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 30 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Приступлено было къ избранію въ члены общества кандидата, предложеннаго въ прошломъ Общестѣ Собраніи, С. В. Лурье. По баллотировкѣ г. Лурье оказался избраннымъ единогласно.

3. Предложенъ кандидатомъ въ члены общества П. Н. Ардашевъ.

4. Г. предѣдатель заявилъ о пожертвованіяхъ въ бібліотеку общества: отъ Х. М. Лопарева, В. В. Макушева и Воронежской публичной бібліотеки, всего 6 названій въ 6 книгахъ. Редакціи 8 журналовъ прислали также свои изданія за разные мѣсяцы въ числѣ 9 книгъ.

5. С. Θ. Ольденбургъ обратился къ предѣдателю съ вопросомъ о томъ, какъ дѣйствуетъ бібліографическая коммиссія? Г. предѣдатель отвѣчалъ, что коммиссія принуждена была на время пріостановить свою дѣятельность въ виду предполагаемой замѣны старыхъ сотрудниковъ новыми.

6. З. С. Иванова прочла рефератъ: О политическихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ Шелли. Вслѣдъ за тѣмъ, по предложенію г. предѣдателя, Общество благодарило З. С. Иванову за прочитанный ею рефератъ.

7. С. Л. Пташницкій прочелъ рефератъ: „О новѣйшихъ трудахъ по исторіи Польши въ концѣ XVIII в.“ ²⁾.

¹⁾ Протоколы за январь—мартъ 1892 см. въ IV т. „Истор. Обзор.“. На будущее время протоколы Историческаго Общества будутъ печататься сразу за цѣлый годъ вмѣстѣ съ годичнымъ отчетомъ.

²⁾ Помѣщенъ въ IV т. „Истор. Обзор.“.

8. С. А. Бершадскій сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ изъ выпусковъ издаваемыхъ комиссіей „do badania sztuki w Polsce“, а А. И. Покровскій ознакомилъ собраніе съ книгой А. Голм'а: Griechische Geschichte, В. III, Berl. 1891.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Религіозныя и политическія взгляды Шелли¹⁾.

Среди выдающихся литературныхъ дѣтелей нашего времени найдется личность, такъ мало понятныхъ, какъ Шелли. При жизни поэта и впослѣдствіи, его клеймили названіемъ безнравственнаго человѣка, атеиста-безбожника. Недоразумѣніе это объясняется, главнымъ образомъ, протестомъ Шелли противъ господствовавшего въ современной церкви духа внѣшней обрядности, заслонявшей сущность христіанскаго ученія. Подъ впечатлѣніемъ несоотвѣтствія между религіозно-нравственной проповѣдью и практическимъ ея выполненіемъ, Шелли написалъ, 19-ти лѣтъ, небольшой трактатъ „О необходимости атеизма“. Это незрѣлое, полу-ребяческое сочиненіе положило начало враждебному отношенію къ Шелли приверженцевъ формальной религіи.—Репутація его, какъ человѣка безъ религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ, еще болѣе утвердилась, благодаря временному его увлеченію матеріалистической философій XVIII вѣка. Въ дѣйствительности, направленіе это противорѣчило всѣмъ его природнымъ наклонностямъ и свойствамъ; переписка Шелли, также какъ сочиненія, свидѣтельствуютъ, что увлеченіе это было кратковременно, и матеріалистическое ученіе не удовлетворило его нравственнымъ запросамъ.

Въ политическомъ міровоззрѣніи Шелли преобладающимъ является этический элементъ. Увлекаясь идеями французской революціи, онъ считалъ, что результаты ея не оправдали всѣхъ возлагавшихся на нее надеждъ; и причину этого онъ видѣлъ въ томъ, что французскій народъ не былъ подготовленъ къ обладанію свободы—нравственнымъ движеніемъ, предшествовавшимъ политической и социальной революціи.

Этическая точка зрѣнія руководила и политической дѣятельностью Шелли. Въ 1812 году онъ принялъ участіе въ агитаціи Ирландіи, имѣвшей цѣлью католическую эманципацію и отиѣну уніи. Въ своемъ „Обращеніи къ Ирландскому народу“ онъ доказывалъ бесплодность насильственныхъ мѣръ и необходимость нравственнаго переворота для достиженія свободы и равенства. Какъ средство его осуществленія, онъ составилъ проектъ организаціи „Филантропической ассоціаціи“, съ цѣлью распространенія просвѣщенія среди народа.

Въ раннемъ періодѣ жизни Шелли въ его политическихъ взглядахъ,

¹⁾ Помѣщено въ Вѣстн. Евр. за 1892 г.

рядомъ съ благородными возвышенными стремленіями, сказывается наивная вѣра мечтателя-утописта. Общее направленіе его въ эту эпоху можно назвать мистическимъ социализмомъ. Но, съ теченіемъ времени, политическіе взгляды Шелли постепенно развивались и, отрѣшаясь отъ туманной неопредѣленности, приобретали все болѣе твердое, реальное обоснованіе. Постепенный этотъ переломъ отразился въ позднѣйшемъ недоконченномъ сочиненіи Шелли, сохранившемся въ отрывкѣ подъ названіемъ „Философскій взглядъ на реформу“. Въ этомъ небольшомъ сочиненіи сказывается уже не поэтъ-мечтатель, но политическій мыслитель, предлагающій программу преобразованій, согласованныхъ съ данными историческими условіями.

Протоколъ XXXII общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 21-го октября 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 16 членовъ.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2) Г. предсѣдатель заявилъ, что лѣтомъ текущаго года скончались двое изъ членовъ Историческаго Общества: П. И. Роговъ 21-го мая и Н. М. Благоевѣщенскій 1-го августа и что памяти ихъ посвящены будутъ въ предстоящемъ засѣданіи сообщенія гг. Модестова и Семенова.

3) Г. редакторъ Историческаго Обзорѣнія заявилъ, что четвертый томъ Историческаго Обзорѣнія, разиѣрани около 25 листовъ, вышелъ въ свѣтъ. Пятый томъ печатается; въ немъ помѣщены будутъ статьи Е. Н. Щепкина, С. В. Рождественскаго, Н. Н. Любовича, М. М. Ковалевскаго, П. Г. Виноградова и другихъ.

4) Г. предсѣдатель перечислилъ книги, поступившія въ бібліотеку Общества, благодаря пожертвованіямъ гг. Парлинга, Минцеса, Мѣржинскаго, Мартенса, Зотова, Безобразова, Соколова, Лопарева, Иванова, Теширова, Кузнецова, Арцимовича, Дубнова, Яблонскаго, Фразера и сына Э. Ө. Эвальда, также отъ Гидрографическаго Комитета Морского Министерства и отъ Комитета Географической выставки въ Москвѣ. Сношенія Комитета съ нѣкоторыми изъ редакцій періодическихъ изданій вызвали присылку русскихъ и иностранныхъ журналовъ: поступили книжки въ бібліотеку Общества изъ иностранныхъ журналовъ Archivio storico Italiano, Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft и Cesky lid. По недостатку средствъ новыхъ журналовъ на средства Общества пока еще выписано не было.

5) Приступлено къ избранію П. Н. Ардашева, предложеннаго кандидатомъ въ члены Общества на прошломъ Общемъ Собраніи. Г. Ардашевъ оказался избраннымъ единогласно.

6) Предложены кандидаты въ члены Общества: П. Пирлингъ, Э. Оманъ (Е. Naumann), В. В. Вукъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, О. И. Врандтъ.

7) Обсуждался вопросъ объ участіи Общества въ празднованіи юбилея И. Е. Забѣлина. Постановлено послать поздравительную телеграмму юбиляру въ день его юбилея.

8) В. И. Модестовъ прочелъ рѣчь о научной дѣятельности Н. М. Влговѣщенскаго ¹⁾.

9) С. Л. Степановъ прочелъ рефератъ о Ренанѣ, какъ историкѣ. По прочтеніи реферата нѣсколько замѣчаній высказано было С. О. Ольденбургомъ и Н. И. Карѣвымъ. По мнѣнію С. О. Ольденбурга референтъ не обратилъ вниманія на одну изъ главныхъ заслугъ Ренана, который въ сочиненіяхъ своихъ вступилъ въ борьбу съ теологіей во имя исторіи и пытался рѣшить вопросы о существованіи Бога и загробной жизни далеко не такъ, какъ представлено было г. Степановымъ. Н. И. Карѣвъ сообщил референту, что онъ недостаточно выяснилъ значеніе Ренана, какъ историка, не указавъ, напр., на ту роль, какую Ренанъ придавалъ расѣ и религіи въ исторической жизни народовъ.

10) Я. Г. Гуревичъ прочелъ отрывки изъ воспоминаній Д. Д. Семенова о П. И. Роговѣ ²⁾.

Протоколъ XXXIII (закрытаго) общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 18 ноября 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 13 членовъ.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2) Г. предсѣдатель заявилъ о пожертвованіяхъ книгами, поступившихъ отъ Н. И. Карѣва, отъ д-ра В. Контрживскаго и Д. А. Столыпина; послѣдніи прислали три брошюры въ количествѣ 15, 15 и 25 экземпляровъ для раздачи членамъ общества.

3) Г. В. Форстенъ сообщилъ, что отъ имени Историческаго Общества вступилъ въ сношенія съ редакціей шведскаго Историческаго журнала для взаимнаго обмѣна изданіями.

4) Постановлено, кромѣ годового собранія 16 декабря, назначить экстренное собраніе 9-го декабря для производства выборовъ членовъ ревизіонной комиссіи.

¹⁾ Рѣчь В. И. Модестова помѣщена въ V т. „Истор. Обзор.“.

²⁾ Помѣщены въ „Русской Школѣ“ за 1892 г.

5) А. А. Тураевъ прочелъ рефератъ: „Исторія изученія финикийской древности“¹⁾.

6) С. Л. Пташицкій сдѣлалъ сообщеніе о новыхъ матеріалахъ по исторіи западной Россіи конца XVI вѣка (*Prochaska, Archivum domus Sapienae* ²⁾).

Протоколъ XXXIV общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества
9 денабря 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва присутствовало 12 членовъ при исполняющемъ обязанности секретаря членѣ комитета С. Л. Пташицкомъ.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ Общаго Собранія.

2) Предложено избрать ревизіонную комиссію, и избранными оказались: В. А. Вѣловъ, И. М. Гревсъ и В. А. Мякотинъ.

3) Предложены кандидаты въ члены комитета, вѣсто выбывающихъ на очереди — С. А. Вершадскаго и Н. А. Меншуткина, М. А. Андреевъ, Я. Г. Гуревичъ, И. М. Гревсъ и В. А. Мякотинъ.

4) Предложены въ члены Общества Д. А. Дриль и А. А. Кауфманъ.

5) М. И. Туганъ-Барановскій прочелъ рефератъ: „Періодичность промышленнаго прогресса въ Англійской исторіи XIX в.“.

Референту возражали предсѣдатель Общества Н. И. Карѣвъ, Е. А. Вѣловъ и посторонніе посѣтители В. П. Воронцовъ и Ю. Я. Раголеръ.

Ю. Я. Раголеръ указалъ, что нельзя говорить о свѣтлыхъ минутахъ въ исторіи рабочихъ классовъ Англіи XIX вѣка; по даннымъ, недавно опубликованнымъ вождемъ англійскихъ рабочихъ Дж. Бернсомъ, положеніе рабочихъ упорно ухудшается, процентъ безработныхъ упорно растетъ, дохода мѣстами до 20⁰/. Рабочій классъ скованъ всѣмъ капиталистическимъ строемъ: пока этотъ строй живъ и растетъ, живы и рости будутъ тѣ ужасы, которые мы знаемъ о положеніи англійскихъ рабочихъ.

Предсѣдатель общества Н. И. Карѣвъ обратилъ вниманіе на теоретическую важность вопроса, затронутого референтомъ, указавъ главнымъ образомъ на то, что изученіе періодичности въ исторіи экономическихъ явленій есть одно изъ средствъ рѣшить общій вопросъ о силѣ „акцій“ и „реакцій“ въ исторіи. При этомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько историческихъ иллюстрацій этого общаго положенія, вызвавшихъ дополнительныя замѣчанія Е. А. Вѣлова.

Е. А. Вѣловъ доказывалъ, что въ общемъ ходѣ исторіи причины движенія человѣчества впередъ, причины остановокъ въ движеніяхъ или движеній

¹⁾ Рефератъ этотъ представлялъ изъ себя краткое изложеніе статьи, печатаемой въ настоящемъ (VI) томѣ „Истор. Обзор.“.

²⁾ Напечатано въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“.

обратныхъ, реакцій, гораздо видѣе. Такъ довольно ясно можно указать, почему XVII вѣкъ на континентѣ былъ менѣе прогрессивнымъ, чѣмъ XVI. На замѣчаніе г. председателя, что относительно отдѣльныхъ эпохъ это такъ, но что до вывода общихъ законовъ еще далеко, Е. А. разъяснилъ, что онъ думалъ только о выясненіи причинъ разныхъ движеній въ отдѣльныхъ эпохахъ и что эти выясненія только готовятъ уясненія общихъ законовъ историческаго движенія. Затѣмъ Е. А. замѣтилъ, что для выясненія общаго историческаго процесса историкъ пока большой пользы нѣтъ отъ исторіи періодичности кризисовъ: это дѣло будущаго.

В. II. Воронцовъ доказывалъ, что нельзя считать основнымъ камнемъ ученія о кризисахъ теорію, приписывающую наступленіе кризиса недостаткамъ дѣятельности механизма, регулирующаго процессъ производства.

Референтъ защищалъ изложенныя въ его рефератѣ положенія.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Краткое изложеніе реферата М. И. Туланъ-Барановскаго.

Законы историческаго прогресса до сихъ поръ намъ мало извѣстны. А priori легко допустить, что прогрессъ долженъ идти непрерывно, и что только случайныя, легко устранимыя причины отъ времени до времени замедляютъ развитіе человѣчества. Но при ближайшемъ изученіи промышленной исторіи передовыхъ странъ Европы и Америки мы убѣждаемся, что экономическій прогрессъ никогда не бываетъ непрерывнымъ, и что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ процвѣтанія всегда слѣдуетъ болѣе или менѣе продолжительное промышленное разстройство. Въ экономическомъ развитіи Англіи, Франціи, Соед. Штатовъ, Германіи и другихъ государствъ мы замѣчаемъ бросающуюся въ глаза періодичность.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія англійской промышленности въ XIX столѣтіи. Промышленная исторія Англіи за текущее столѣтіе можетъ быть раздѣлена на 3 эпохи. Первая обнимаетъ собой время отъ начала столѣтія до конца 40-хъ годовъ; вторая заканчивается въ началѣ 70-хъ годовъ, а третья продолжается въ настоящее время. Въ теченіе первой эпохи англійская промышленность развивалась сравнительно медленно, а положеніе рабочаго класса не улучшалось замѣтнымъ образомъ. Вторая эпоха, наступленіе которой было обусловлено переходомъ Англіи, а затѣмъ и другихъ Европейскихъ государствъ, отъ свободной торговли къ протекціонизму, постройкой громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ и открытіемъ необыкновенно обильныхъ росыпей золота въ Калифорніи и Австраліи, была отиѣчена поразительно быстрымъ возрастаніемъ англ. національнаго богатства и улучшеніемъ положенія массы населенія. Третья эпоха характеризуется замедленіемъ роста на-

ціонального богатства въ Англії и значительнымъ ослабленіемъ преобладающаго положенія англійской промышленности на міровомъ рынкѣ.

Итакъ, англійская промышленность находилась въ неодинаковомъ положеніи въ теченіе всего разсматриваемаго времени. Промышленный прогрессъ ускорялся и замедлялся, но въ этомъ отношеніи онъ всегда сохранялъ одинъ и тотъ же характеръ: онъ всегда былъ періодиченъ. Если мы возьмемъ цифры вывоза англ. товаровъ за границу, цифры ввоза иностр. товаровъ въ Англію, цифры производства важнѣйшихъ продуктовъ, цифры брачности, рождаемости, смертности населенія, преступности, пауперизма и пр. за все это время, то мы увидимъ правильное волнообразное колебаніе каждаго столбца цифръ, причемъ разбѣры колебанія всѣхъ столбцовъ одни и тѣ же. Мы убѣждаемся, что въ народной жизни существуютъ свои приливы и отливы. Послѣ благопріятнаго періода, продолжающагося нѣсколько лѣтъ, всегда слѣдуетъ періодъ банкротствъ, сокращенія производства, замедленія торговли, словомъ слѣдуетъ то, что называютъ промышленнымъ кризисомъ.

Отчего же зависятъ эти періодически повторяющіеся промышленные кризисы? Современной наукой вопросъ этотъ еще не рѣшенъ. Существуетъ много теорій кризисовъ. Джевоусъ объясняетъ періодичность кризисовъ періодическимъ измѣненіемъ числа темныхъ пятенъ на солнечномъ дискѣ, что вызываетъ періодическія засухи и неурожай. Родбертусъ видитъ причину кризисовъ въ томъ, что доходъ рабочихъ классовъ не возрастаетъ пропорціонально возрастанію производительности труда. Но и та, и другая теорія не находятъ себѣ подтвержденія въ фактахъ. Промышленные кризисы зависятъ отъ несоотвѣтствія между спросомъ на различнаго рода товары на внутреннемъ и міровомъ рынкѣ и предложеніемъ ихъ, причемъ такое періодически возникающее несоотвѣтствіе есть неизбежное слѣдствіе неодинаковаго возрастанія національнаго богатства въ различныхъ странахъ, ведущихъ торговлю другъ съ другомъ.

Протоколъ XXXV (годового) общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 23 декабря 1892 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва присутствовало 23 члена.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2) Читанъ и утвержденъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества въ истекшемъ 1892 году ¹⁾.

3) Приступлено было къ избранію двухъ членовъ комитета взаимнъ выбывающихъ по очереди въ силу § 20 устава: С. А. Бершадскаго и Н. А. Меншуткина. Изъ кандидатовъ предложенныхъ комитетомъ (М. А. Андреянова,

¹⁾ Отчетъ напечатанъ выше.

Я. Г. Гуревича, И. М. Гревса и В. А. Мякотина) большинствомъ голосовъ избранными оказались: И. М. Гревсъ (20 голосовъ) и В. А. Мякотинъ (13 голосовъ).

4) Рассмотрѣна и утверждена нижеслѣдующая сѣта прихода и расхода суммъ Общества на будущій 1893 годъ:

ПРИХОДЪ:

Остатокъ отъ 1892 г.	705 р. 47 к.
Годовые взносы отъ членовъ Общества.	800 " — "
Отъ продажи экземпляровъ „Историческаго Обзорѣнія“	300 " — "
Итого	1805 р. 47 к.

РАСХОДЪ:

Доплата за IV-й томъ „Историческаго Обзорѣнія“	574 р. 60 к.
Печатаніе V-го тома „Историческаго Обзорѣнія“	500 " — "
Почтовые и мелкіе расходы	100 " — "
Выписка иностранныхъ журналовъ.	100 " — "
Вознагражденіе за письмоводство	60 " — "
Итого	1334 р. 60 к.

Остатокъ отъ 1893 г. 470 р. 87 к.

5) Размѣръ членскаго взноса на 1893 г. опредѣленъ, по примѣру предшествовавшихъ годовъ въ 5 рублей.

6) По предложенію комитета установлены дни для очередныхъ общихъ собраній членовъ Общества въ предстоящемъ 1893 году, а именно: января 20-го, февраля 17-го, марта 17-го, апрѣля 21-го, сентября 22-го, октября 20-го, ноября 17-го и декабря 15-го.

7) Приступлено къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое Общее Собраніе: Дн. Андр. Дриля и Алек. Аркад. Кауфмана. Оба оказались избранными единогласно.

8) Н. И. Карѣевъ прочелъ рефератъ: „Новый трудъ по исторіи итальянскаго гуманизма“ ¹⁾. По прочтеніи реферата Е. А. Вѣловъ высказалъ нѣсколько замѣчаній объ источникахъ гуманизма.

¹⁾ Рефератъ этотъ представлялъ изъ себя общую характеристику труда М. С. Корелина „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“ (см. о докторскомъ диспутѣ М. С. Корелина въ „Истор. Обзорѣнія“, т. V, стр. 191—198). Подробный разборъ книги проф. Карѣевъ обѣщалъ сдѣлать на страницахъ „Вѣстника Европы“.

Въ тюрьмѣ Св. Пелагін 9 августа 1793 года.

Дочь художника, жена ученаго, ставшаго министромъ и оставшагося добродѣтельнымъ, нынѣ узница, обреченная, быть можетъ, на насильственную внезапную смерть, я знала счастье и несчастье, я видѣла вблизи славу и терпѣла несправедливость.

Родившись, хотя и въ низкой средѣ, но отъ честныхъ родителей, я провела юность на лонѣ искусствъ, питаемая прелестями занятій, не зная иного превосходства, какъ превосходство личныхъ достоинствъ, ни иного величія, какъ величіе добродѣтели.

Въ возрастѣ, когда избирають себѣ занятіе, я лишилась надежды на состояніе, которое могло дать мнѣ положеніе, соотвѣтствовавшее моему воспитанію. Союзъ съ человѣкомъ почтеннымъ, казалось, долженъ былъ вознаградить меня за превратности судьбы—онъ сдѣлался для меня лишь источникомъ новыхъ бѣдъ.

Сильная душа, мягкій характеръ, основательный умъ, наружность, все это выражавшая, привлекли ко мнѣ любовь тѣхъ, кто меня знаетъ. Положеніе, въ которомъ я очутилась, создало мнѣ враговъ—я лично ихъ не имѣю. Тѣ кто говорятъ больше всего зла про меня, никогда меня не видали.

Истинно, вещи рѣдко таковы, какими онѣ кажутся. Тѣ дни моей жизни, когда я больше всего вкушала счастья или испытывала горя могли бы часто показаться постороннимъ обратными тому, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Оно и понятно: счастье зависитъ больше отъ привязанностей, чѣмъ отъ обстоятельствъ.

Я хочу воспользоваться досугами заключенія, чтобы воспроизвести всю свою личную жизнь, начиная съ дѣтства и кончая этою минутой. Вновь проходить всѣ шаги своей жизни значить жить во второй разъ, и что лучшаго дѣлать въ тюрьмѣ, какъ не перенестись

въ иной міръ счастливою мечтою или любопытными воспоминаніями?

Если опытъ дѣйствительно пріобрѣтается скорѣе отъ размышленій надъ тѣмъ, что видишь и что дѣлаешь, чѣмъ отъ самаго дѣла, то опытность моя можетъ значительно расшириться отъ предпринимаго мною труда.

Общественныя дѣла, мои личныя чувства давали въ теченіе двухъ мѣсяцевъ заключенія столь обильный матеріалъ для мыслей и описаній, что не являлось и потребности въ воспоминаніяхъ о давно прошедшихъ временахъ; первыя пять недѣль поэтому были посвящены на составленіе „историческихъ очерковъ“, которые могутъ быть, не были лишены нѣкоторыхъ достоинствъ. Но ихъ уничтожили. Я почувствовала всю горечь этой утраты, которой я уже не исправлю, но вознегодовала-бы на себя, если-бы я отъ чего либо могла пасть духомъ. Среди всѣхъ испытанныхъ мною несчастій самое сильное чувство горя неизмѣнно сопровождалось желаніемъ противопоставить свои силы постигшему меня злу и преодолѣть его, или дѣлая добро другимъ, или закаляя себя бѣдою. Такимъ образомъ несчастія могутъ преслѣдовать меня со всѣхъ сторонъ, но не подавить. Я могу быть гонима тиранами, но уничтожена ими—никогда, никогда!

Записки мои погибли; я буду писать свои воспоминанія и, благодарно считаясь съ собственной слабостью въ минуту сильнаго огорченія, для того, чтобы лучше отвлечься, побесѣдую о себѣ. Съ одинаковою откровенностью я представлю здѣсь свои достоинства и свои недостатки. Человѣкъ, который не рѣшается открыто говорить о своихъ достоинствахъ, почти всегда трусъ, знающій и боющійся того худого, которое могутъ сказать о немъ, а тотъ, кто колеблется признать свои недостатки, не обладаетъ мужествомъ, необходимымъ для того, чтобы ихъ искупить и не пасть подъ ихъ бременемъ. Столь откровенная относительно себя, я не буду стѣсняться и въ отношеніи другихъ: отецъ, мать, друзья, мужъ,—я ихъ всѣхъ изображу такими, каковы они въ дѣйствительности, или какими я ихъ считала.

Пока я жила мирно и сосредоточенно, моя природная чувствительность настолько преобладала надъ всѣми другими моими свойствами, что она проявлялась одна или господствовала надъ всѣми. Первою потребностью моею было нравиться и дѣлать добро. Я нѣсколько походила на добраго de-Gourville, котораго, по словамъ г-жи Севиньи, любовь къ ближнему прерывала на полу-словѣ; S-te Lette могъ бы сказать обо мнѣ, что обладая талантомъ тонкихъ эпиграммъ, я не позволяла имъ срываться съ своихъ устъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ обстоятельства, политическія и другія бури, развили энергію моего характера, я прежде всего стала откровенной и не останавливаюсь

передъ тѣми мелкими обидами, какія случается наносить. Я болѣе не сочиняю эпиграммъ: онѣ предполагають любовь колоть людей своей критикой, а я не охотница бить мухъ; но я люблю открыто воздавать всѣмъ должное, восстанавливая истину и провозглашая ее въ лицо виновнымъ, какъ-бы она ни была ужасна, не удивляясь, не волнуясь и не сердясь, какое-бы впечатлѣніе это на нихъ ни производило.

Gatien Philpon, мой отецъ, былъ граверомъ по ремеслу. Онъ занимался также живописью и одно время, скорѣе изъ разсчета, чѣмъ по влеченію, думалъ спеціально предаться живописи по эмали; но ему пришлось бросить это дѣло, такъ какъ высокая температура, при которой обжигается эмаль, оказалась вредной для его зрѣнія и не пришлось ему по праву. Онъ снова вернулся къ своему ремеслу, которое было скромно, но несмотря на трудолюбіе, несмотря на то, что времена благопріятствовали его искусству и онъ держалъ довольно значительное число подмастерьевъ, страсть къ наживѣ влекла его къ торговлѣ: онъ покупалъ или бралъ въ уплату у купцовъ, съ которыми велъ дѣла, драгоценныя вещи и брилліанты для перепродажи ихъ по случаю. Я упоминаю объ этомъ обстоятельстве, такъ какъ замѣтила, что честолюбіе обыкновенно губить людей, къ какому-бы обществу они ни принадлежали; оно возвышаетъ нѣсколькихъ счастливицевъ надъ уровнемъ толпы, но за то создаетъ массу жертвъ. Въ примѣрѣ моего отца я не разъ еще найду подтвержденіе этой мысли. Ремесло его доставляло ему средства для обезпеченной жизни; онъ захотѣлъ обогатиться и кончилъ разореніемъ.

Здоровый и сильный, дѣятельный и тщеславный, онъ любилъ жену свою и любилъ роскошь; человѣкъ необразованный, онъ обладалъ той степенью вкуса и тѣмъ поверхностнымъ запасомъ знаній, которые даютъ занятія искусствомъ, какъ-бы ничтожны они ни были. Поэтому, несмотря на его преклоненіе передъ богатствомъ и тѣми занятіями, которыя его доставляютъ, онъ поддерживалъ съ купцами только дѣловыя сношенія, а знакомство водилъ лишь съ художниками, живописцами и скульпторами. Пока честолюбіе его знало мѣру и не встрѣчало неудачъ, онъ велъ очень умѣренную жизнь; нельзя сказать, чтобы онъ былъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, но въ немъ было много того что называютъ честью: онъ, правда, способенъ былъ запросить за вещь болѣе, чѣмъ она того стоила, но скорѣе бы лишилъ себя жизни, нежели бы не выплатилъ денегъ за ту, которую купилъ.

Маргарита Vimont, его жена, принесла ему въ приданое очень мало денегъ, но чудную душу и прелестную наружность. Старшая изъ 6 дѣтей, для которыхъ она была матерью, она вышла замужъ двадцати шести лѣтъ лишь для того, чтобы уступить свое мѣсто сестрамъ. Чувствительное сердце, обаятельный умъ заставляли желать для нея

союза съ человѣкомъ тонкимъ и просвѣщеннымъ, но родители ея представили ей честнаго человѣка, способности котораго обеспечивали ему средства къ жизни, и разсудокъ побудилъ ее согласиться на этотъ бракъ. За неизмѣнимъ счастья, на которое она не могла надѣяться, она чувствовала, что сумѣетъ водворить у себя миръ, способный замѣнить собой счастье. Благоразумно умѣть ограничивать свои потребности; радости случаются рѣже, нежели принято думать, но въ добродѣтельной жизни заключается неизмѣнный источникъ утѣшеній.

Я была ихъ вторымъ ребенкомъ; мой отецъ и мать имѣли всего семь человѣкъ дѣтей, но остальные умерли въ младенческомъ возрастѣ или при появленіи на свѣтъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, и мать моя любила иногда вспоминать, что только я одна никогда не причинила ей страданій, такъ какъ роды ея были также благополучны, какъ беременность. Казалось, будто здоровье ея укрѣпилось послѣ моего рожденія.

Одна тетка моего отца прискакала для меня въ окрестностяхъ Арпажона гдѣ она часто проводила лѣто, здоровую кормилицу, хорошаго поведенія; въ околотеѣ относились къ ней съ особеннымъ уваженіемъ, вслѣдствіе того, что мужъ ее мучилъ своей грубостью, не будучи въ состояніи этимъ измѣнить ея характеръ и поведеніе. Г-жа Besnard — такъ звали мою двоюродную бабушку и не имѣла дѣтей; ея мужъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ, оба относились ко мнѣ, какъ къ родной дочери. Они всегда продолжали заботиться обо мнѣ; они и сейчасъ еще живы и на склонѣ лѣтъ томатся подъ бременемъ горя; они вздыхаютъ о судьбѣ своей внучатной племянницы, предмета ихъ надеждъ и гордости. Почтенные старики мои, утѣштесь! Лишь немногимъ суждено пройти жизненный путь свой среди того мира и тишины, какіе васъ окружаютъ; а я стою на высотѣ несчастій, выпавшихъ на мою долю, и не перестану преклоняться передъ вашею добродѣтелью.

Мои добрые родные своимъ вниманіемъ поддерживали и поощряли неустанную заботливость моей кормилицы; она приобрѣла любовь моего семейства своимъ усердіемъ и успѣхами въ моемъ воспитаніи. Она каждые два года неизмѣнно, въ теченіе всей своей жизни, прѣзжала въ Парижъ для свиданія со мной; она поспѣшила ко мнѣ при извѣстіи о жестокой утратѣ, которую я понесла со смертію моей матери. Я до сихъ поръ помню, какъ она предстала передо мною; я лежала на постели, погруженная въ свое горе; ея присутствіе слишкомъ живо возстановило въ памяти недавнюю утрату, первое горе моей жизни, и со мной сдѣлались судороги; она испугалась и удалилась, и я больше не видѣла ее; вскорѣ послѣ этого она умерла. Я бывала у нея въ избѣ, въ которой она меня вскормила, я съ умиленіемъ слушала добродушныя сказки, которыя она любила сочинять, показывая мнѣ мои когда

то любимые уголки, вспоминая мои проказы, которые смѣшили ее и теперь.

Мнѣ было два года, когда я вернулась въ родительскій домъ; мнѣ часто рассказывали объ удивленіи, проявленномъ мной при видѣ зажженныхъ вечеромъ на улицѣ фонарей, которые я называла красивыми бутылками; о моемъ нежеланіи употреблять то, что собственно называютъ горшкомъ, такъ какъ мѣстомъ для удовлетворенія извѣстной потребности для меня всегда служилъ одинъ уголокъ въ саду; и о насмѣшливомъ видѣ, съ какимъ я спрашивала, показывая на суповыя чашки и салатники, не сдѣланы ли и они для той же цѣли. Приходится умалчивать объ этихъ милыхъ и другихъ столь-же важныхъ вещахъ, занимающихъ лишь кормилицъ и передаваемыхъ лишь бабушкамъ и дѣдушкамъ: пусть не ждутъ отъ меня здѣсь описанія маленькой двухлѣтней чернушки съ темными волосами, красиво обрамлявшими личико, покрытое яркимъ румянцемъ и дышавшее счастьемъ и здоровьемъ своего возраста. Я знаю, что наступить болѣе подходящее время для описанія моей наружности и не сдѣлаю неловкости предупредить его.

Мать моя силой своего ума и доброты скоро приобрѣла на мою кроткую и нѣжную душу, влияние, которымъ она всегда пользовалась лишь для моего блага. Это влияние было такъ сильно, что при неизбежныхъ мелкихъ столкновеніяхъ между руководящимъ разумомъ и сопротивляющимся ребенкомъ, ей никогда не пришлось прибѣгать къ наказанію: ей достаточно было холоднымъ тономъ произнести—*mademoiselle* или бросить на меня строгій взглядъ. Я до сихъ поръ помню впечатлѣніе, которое производилъ на меня этотъ взглядъ, обыкновенно столь ласковый. Я слышу, внутренно содрогаясь, исполненное холоднаго достоинства слово *mademoiselle*, вмѣсто нѣжнаго названія—моя дѣвочка, и милаго имени „Мапон“. Да Мапон, такъ звали меня; я огорчена за любителей романовъ: это имя неблагозвучно; оно не подходитъ къ героинямъ высокаго полета, но, что дѣлать,—это было мое имя, и я пишу повѣсть изъ дѣйствительной жизни. Впрочемъ самые взыскательные люди примирились-бы съ этимъ именемъ, еслибы слышали его въ устахъ моей матери и видѣли ту, которой оно принадлежало. Не было-ли всякое слово, произнесенное любящимъ голосомъ моей матери, преисполнено прелести, и когда эти трогательные звуки проникали въ мое сердце, не учили-ли они меня на нее походить?

Живая, хотя и не шумная и по природѣ сосредоточенная, я любила быть занятой и быстро схватывала всякую мысль. Этой способностью хорошо воспользовались: не помню чтобы меня когда-либо учили читать. Мнѣ рассказывали, что къ 4-мъ годамъ дѣло было сдѣ-

лено и что съ тѣхъ поръ заботы о моемъ первоначальномъ ученіи ограничивались снабженіемъ меня книгами. Каковы-бы ни были тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ давали или какими я могла завладѣть, онѣ овладѣли мной всецѣло и отвлечь меня отъ нихъ могли лишь букетами. Видъ цвѣтка невыразимо ласкаетъ мое воображеніе и нѣжитъ чувство; онъ пробуждаетъ во мнѣ страстную любовь къ жизни съ дѣтства. Уже подъ тихимъ кровомъ отцовскаго дома я была счастлива среди цвѣтовъ и книгъ: въ узкой тюремной оградѣ, среди оковъ, наложенныхъ возмутительной тираніей, я забываю людскую несправедливость, ихъ глупость и мои страданія, когда вижу вокругъ себя книги или цвѣты.

Обстоятельства были слишкомъ удобны, чтобы не воспользоваться ими для обученія меня Ветхому и Новому завѣту, большому и малому катехизисамъ. Я училась, чему хотѣли, и вытвердила бы Алькоранъ, если-бы мени выучили его читать. Мнѣ припоминается одинъ художникъ, по имени Guibal; онъ позже жилъ въ Штутгартѣ, и я видѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ его хвалу Пуссену, увѣнчанную Руанской Академіей; онъ часто навѣщалъ моего отца: это былъ чудакъ, который рассказывалъ мнѣ занимательныя дѣтскія сказки, до сихъ поръ сохранившіяся въ моей памяти; но не менѣе забавляло его самого выслушивать мою ученую болтовню. Онъ и теперь передо мною, какъ живой, съ своимъ нѣсколько смѣшнымъ лицомъ; онъ сидитъ на креслѣ, ставитъ меня между колѣнами, на которыя я опираюсь локтями, и заставляетъ меня произносить символъ Св. Афанасія; онъ вознаграждаетъ мою любезность рассказомъ о нѣкоемъ Танжэ, у котораго носъ былъ до того длиненъ, что онъ принужденъ былъ его обвивать вокругъ руки своей, когда хотѣлъ двигаться. Я могла бы привести еще болѣе рѣзкія сопоставленія.

Семи лѣтъ меня начали посылать на воскресные классы (закона Божія) въ приходской церкви для приготовленія къ конфирмаціи. Судя по ходу событій у моихъ читателей легко явится вопросъ о томъ, что это такое было. Расскажу въ чемъ дѣло. Въ любомъ углу церкви, въ часовнѣ или придѣлѣ ставилось на опредѣленномъ пространствѣ другъ противъ друга нѣсколько рядовъ стульевъ или скамей; въ серединѣ оставался довольно широкій проходъ и въ концѣ его на нѣкоторомъ возвышеніи помѣщалось кресло—курульное кресло молодого священника, который училъ отданныхъ на его попеченіе дѣтей. Въ этихъ классахъ дѣтей заставляли твердить на память относящіяся къ каждому дню страницы изъ евангелія—посланія, молитвы, и заданныя на недѣлю главы изъ катехизиса. Когда сборища эти бывали многочисленны, священнику во время урока помогали въ качествѣ репетитора молодой причетникъ; наиболѣе же существенными

вопросами занимался самъ учитель. Въ иныхъ приходахъ дѣти обоихъ половъ присутствовали совмѣстно на урокахъ Закона Божія, хотя они и были размѣщены на разныхъ скамьяхъ. Въ большинствѣ же приходовъ мальчики и дѣвочки обучались отдѣльно. Матери или кумушки—большія охотницы до поученій, въ какой-бы грубой формѣ они ни подносились, присутствовали при этихъ урокахъ, послѣдовательно приспособленныхъ къ различнымъ возрастамъ и устроенныхъ съ цѣлью приготовленія къ конфирмаціи или первому причастію. Ревностные приходскіе священники отъ времени до времени посѣщали свое юное стадо, наученное почтительно вставать съ мѣстъ при ихъ появленіи; они предлагали нѣсколько вопросовъ наиболѣе виднымъ ученицамъ съ цѣлью удостовѣриться въ ихъ познаніяхъ; матери послѣднихъ исполнялись гордости, и священникъ удалялся среди глубокихъ ихъ присѣданій. Г-нъ Garat, священникъ моего прихода Св. Вареоломея, въ части города, которая тогда называлась въ Парижѣ—Cité, былъ добрякъ, пользовавшійся репутаціей очень ученаго человѣка, хотя онъ и не умѣлъ сказать двухъ словъ съ кафедры, съ которой имѣлъ несчастную страсть говорить; такъ же точно теперь толкуютъ о чрезвычайныхъ способностяхъ другого Garat, министра, не справляющагося съ своимъ дѣломъ. Господинъ Garat, священникъ моего прихода, однажды присутствовалъ при моемъ урокѣ Закона Божія; и, желая испытать мои познанія и въ то-же время проявить свою собственную ученость, онъ предложилъ мнѣ вопросъ о количествѣ степеней ангеловъ небесной іерархіи. Взглянувъ на его побѣдоносное и лукавое выраженіе лица, я была убѣждена, что онъ разсчитывалъ меня смутить; съ улыбкой я ему отвѣтила, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ и были указаны въ предисловіи къ литургіи, но я вычитала изъ другихъ книгъ, что ихъ всего было девять и заставила его выслушать перечисленіе ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, влѣстей и т. д. Никогда познанія неопитки еще не доставляли подобнаго удовольствія священнику; этого было достаточно, чтобы создать мнѣ репутацію среди святошей, и я дѣйствительно была маленькой избранницей, какъ то будетъ видно впоследствии.

Многихъ, можетъ быть, удивить, что мать моя при своей заботливости о моемъ воспитаніи и здоровомъ смыслѣ вздумала меня посылать на уроки закона Божія, но всякое обстоятельство вызвано известными причинами. Ея молодой братъ былъ церковно-служителемъ въ нашей приходской церкви и ему порученъ было, выражаясь техническимъ языкомъ, „катехизисъ конфирмаціи“. Присутствіе племянницы на урокахъ его могло послужить прекраснымъ примѣромъ, способнымъ побудить и другихъ людей, не принадлежавшихъ къ такъ называемому простому народу, присылать на эти уроки своихъ дѣтей,—а это было

очень лестно для священника: притомъ же я обладала памятью, которая всюду должна была обезпечить мнѣ первое мѣсто, и всѣ остальные условія лишь отбѣняли такого рода превосходство; поэтому подѣ въѣшнимъ видомъ простоты у моихъ родителей въ сущности скрывались тщеславныя побужденія.

Такимъ образомъ въ дни раздачи наградъ, — событія, праздновавшегося съ большимъ блескомъ въ концѣ каждого года, я получала первыя награды, хотя протекція и не играла ни малѣйшей роли въ этомъ отличіи; всѣ церковныя сторожа и приходское духовенство находили, что мой молодой дядя очень счастливъ, такъ какъ благодаря этому обратилъ на себя большое вниманіе. Обратить же на него вниманіе значило почувствовать къ нему симпатію. Онъ былъ красивъ собой и очень добръ; необыкновенно привѣтливый характеръ, вроткій нравъ и самая искренняя веселость отличали его до послѣднихъ дней его жизни. Онъ умеръ каноникомъ въ Венсенѣ, въ то самое время, когда революція собиралась уничтожить всѣ капитулы. Я почувствовала, что теряю съ нимъ послѣдняго изъ родныхъ со стороны моей матери, и всегда съ умиленіемъ вспоминаю про него. Любовь моя къ ученію и мои способности подали ему мысль заняться со мной латинскимъ языкомъ; я была въ восхищеніи; для меня было праздникомъ найти новый предметъ ученія; ко мнѣ приходили на домъ учителя чистописанія, географіи, танцевъ и музыки; мой отецъ началъ заниматься со мной рисованіемъ. Но и этихъ уроковъ для меня было мало. Съ 5 часовъ утра на ногахъ, когда всѣ еще спали въ домѣ, я въ одной кофточкѣ и не обутая, тихонько бѣжала въ комнату моей матери, гдѣ въ углу стоялъ столъ, на которомъ я работала; и я списывала и учила свои уроки съ жаромъ, благодаря которому достигала быстрыхъ успѣховъ.

Мои учителя вслѣдствіе этого становились все ласковѣе со мною; они сидѣли за уроками долго, и относились къ нимъ съ интересомъ, который все сильнѣе увлекалъ меня за собой; всякій изъ нихъ, казалось, столько же польщенъ былъ учить меня, какъ я была благодарна имъ за ихъ уроки; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія они всѣ безъ исключенія заявляли о томъ, что я перестала нуждаться въ ихъ урокахъ и не соглашались долго принимать за нихъ деньги, хотя и изъявляли желаніе иногда приходить бесѣдовать со мной и навѣщать насъ въ качествѣ знакомыхъ.

Я всегда буду почитать память добраго Mr Marchand, который съ 5 лѣтъ началъ меня учить чистописанію и позже давалъ мнѣ уроки географіи и исторіи; это былъ человѣкъ съ яснымъ умомъ, терпѣливый и методичный, я называла его „Monsieur Doucet“ (сладенькимъ). Онъ впослѣдствіи женился на очень порядочной женщинѣ, состоявшей при домѣ „Nesle“; я бывала у него во время его по-

слѣдней болѣзни, вызванной несвоевременнымъ кровопусканіемъ; благодаря послѣднему припадку подагры, которой онъ страдалъ, палъ ему на грудь, что послужило причиной его смерти въ 50 лѣтъ отъ роду. Мнѣ самой тогда было 18 лѣтъ.

Я не забыла и музыканта Сапон, маленькаго живого и разговорчиваго человѣка, уроженца Макона, гдѣ онъ былъ пѣвчимъ, а позже послѣдовательно солдатомъ, дезертиромъ, капудиномъ, приказчикомъ. Смѣщенный съ послѣдней должности, онъ пріѣхалъ въ Парижъ съ женой и дѣтьми, безъ гроша денегъ, но обладая очень пріятнымъ голосомъ, вторымъ дискантомъ, чрезвычайно рѣдкимъ у мужчинъ, не подвергавшимся извѣстной операциі, и весьма удобнымъ для преподаванія уроковъ пѣнія молодымъ особамъ. Представленный, не знаю кѣмъ, моему отцу, онъ съ меня началъ свою преподавательскую дѣятельность и очень много со мной возился; онъ часто занималъ деньги у моихъ родителей и быстро растрчивалъ ихъ; онъ никогда не возвратилъ мнѣ одного сборника этюдовъ Бордіе, которымъ онъ довольно искусно воспользовался для составленія изданныхъ имъ подъ собственнымъ именемъ „элементовъ музыки“; онъ сдѣлался расточительнымъ, не разбогатѣвъ, и, проживъ 15 лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ надѣлалъ долговъ, онъ уѣхалъ въ Россію, и здѣсь я потеряла его изъ виду. Я бы могла разсказать много смѣшныхъ анекдотовъ про Мазон, учителя танцевъ, добраго савойца, необыкновенно уродливой наружности; я какъ сейчасъ вижу опухлость, украшавшую его правую щеку, когда онъ наклонялся на лѣвый бокъ въ своей скрипкѣ. Я могла-бы вспомнить про бѣднаго Mignard, учителя гитары, испанца огромнаго роста, съ руками, какъ у Исава, который своею серьезностью, любезностью и хвастовствомъ не уступилъ-бы никому изъ своихъ соотечественниковъ. Недолго со мной занимался застѣнчивый Watrin, 50 лѣтъ котораго, парикъ, очки и воспаленное лицо принимали растерзанный видъ, когда онъ ставилъ пальцы своей ученицы на „Pardessus de viole“ и показывалъ ей, какъ держать смычекъ. Но преподобный отецъ Collomb, Барнабитъ, бывшій прежде миссіонеромъ, въ 75 лѣтъ сдѣланный настоятелемъ своего монастыря и духовникъ моей матери, въ видѣ утѣшенія послѣ прекращенія уроковъ на „Pardessus“, прислалъ для меня свой Basse de viole, съ тѣмъ, чтобы самому аккомпанировать мнѣ на немъ, когда онъ приходилъ къ намъ и просилъ меня играть на гитарѣ. Я привела его въ изумленіе, когда, схвативъ его „Basse“, порадочно сыграла нѣсколько арій, которыя разучила тайкомъ отъ другихъ. Попадись мнѣ въ руки контрабасъ, я бы влѣзла на стулъ, чтобы справиться съ нимъ.

Но во избѣжаніе анахронизмовъ, замѣчу, что я забѣгаю впередъ, и напомнимъ о томъ, что только-что описывала время, когда мнѣ было

7 лѣтъ; къ этому времени я теперь и возвращусь. Я до сихъ поръ не говорила о вліяніи моего отца на мое воспитаніе; это вліяніе было ничтожно, такъ какъ въ мое воспитаніе онъ вовсе не вмѣшивался; необходимо здѣсь кстати упомянуть о причинѣ вслѣдствіе коей онъ сталъ принимать въ моемъ воспитаніи еще меньшее участіе: я была очень упряма, т.-е. не легко согласилась на то, чего причины для меня были не ясны; а когда я лишь чувствовала надъ собой авторитетъ или думала видѣть проявленіе капризовъ, то не умѣла уступать. Моя мать, лаская и осторожная, отлично понимала, что слѣдовало взывать къ моему разуму или обращаться къ моему чувству, чтобы руководить мной; потому-то я и повиновалась ей. Мой отецъ, довольно рѣзкій по характеру, приказывалъ тономъ повелителя, и я повиновалась ему неохотно или вовсе не повиновалась; когда же онъ пробовалъ меня наказывать, какъ деспотъ, его кроткая дѣвочка превращалась въ льва. Онъ раза два или три высѣкъ меня, я укусила его въ бедро, на которомъ онъ меня разложилъ и протестовала противъ его воли. Какъ-то разъ, когда я была нездорова, рѣшили дать мнѣ лекарство: мнѣ принесли невкусный напитокъ; я поднесла его къ своимъ губамъ, но оттолкнула его, почувствовавъ противный запахъ: мать моя принялась меня уговаривать и успѣла уже внушить мнѣ желаніе побѣдить мое чувство отвращенія; я искренно пыталась побороть себя, но всякій разъ, какъ противное питье приближалось къ носу, непобѣдимое чувство отвращенія заставляло отворачивать голову; моя мать устала, убѣждая меня, я плакала надъ ея и своимъ огорченіемъ, и дѣлалась все менѣе способной проглотить злостастный напитокъ. Явился мой отецъ, разсердился и высѣкъ меня, приписать мое сопротивленіе упрямству; съ этой минуты желаніе быть послушной исчезло, и я рѣшительно объявила, что не приму лекарства. Посыпались громкія восклицанія, новыя угрозы, вторичное сѣченіе: я возмутилась и принялась отчаянно кричать, поднявъ глаза къ небу и проникнутая твердой рѣшимостью опрокинуть подносимый мнѣ напитокъ; мои движенія выдали мое намѣреніе; разсвирѣпѣвшій отецъ сталъ угрожать высѣчь меня въ третій разъ. Я чувствую еще теперь, въ то время какъ пишу эти строки, тотъ переворотъ, какой свершился внутри меня, и нахлынувшій подъемъ духа: мои слезы мгновенно изсыкли, мои рыданія прекратились; внезапное спокойствіе сосредоточило всѣ мои чувства на одномъ рѣшеніи: я вскочила на свою постель, повернулась лицомъ къ стѣнѣ, приподняла рубашку и молча подставила себя подъ удары: а-бы не проронила вздоха, хотя-бы меня убили на мѣстѣ.

Моя мать, которую сцена эта довела до отчаянія, должна была призвать на помощь все свое благоразуміе, чтобы не усилить раз-

драженія своего мужа, котораго ей, наконецъ, удалось вывести изъ комнаты; она молча снова уложила меня въ кровать; и послѣ двухчасового отдыха пришла умолять меня со слезами, чтобы я не огорчала ее долго и приняла лекарство: я пристально взглянула на нее, схватила стаканъ и залпомъ выпила его, но черезъ четверть часа у меня сдѣлались рвота и пароксизмъ лихорадки, которые пришлось лѣчить инымъ способомъ, а не сквернымъ лѣкарствомъ и розгами. Мнѣ тогда было немногимъ болѣе шести лѣтъ.

Всѣ подробности этой сцены такъ живо сохранились въ моей памяти, какъ будто она произошла только недавно; всѣ испытанныя тогда ощущенія отчетливо встаютъ передо мной, я чувствую знакомый приливъ напряженія, какой всегда возникалъ въ душѣ моей въ трудныя минуты жизни; и гордо взойти теперь на эшафотъ не потребуетъ отъ меня большого мужества, чѣмъ потребовалось когда-то, чтобы вытерпѣть варварское обращеніе, которое могло убить меня, но не въ силахъ было побѣдить,

Съ этой минуты отецъ болѣе не поднималъ руки своей на меня, онъ даже не бралъ на себя дѣлать мнѣ выговоры, но часто ласкалъ, училъ рисовать, водилъ гулять и обращался со мной съ добротой, снискавшей ему мое уваженіе и послушаніе. Мои 7 лѣтъ отпраздновали, чтобы этимъ ознаменовать мое вступленіе въ сознательную жизнь,—въ возрастъ, который какъ-бы давалъ право ждать отъ меня поступковъ, проникнутыхъ велѣніями разума. Приѣмъ этотъ былъ довольно искусенъ для оправданія той осторожности, съ какою приходилось воспитывать меня, поддерживая мою бодрость и не возбуждая тщеславія. Моя жизнь тихо протекала среди мирной семейной обстановки и усиленной умственной работы; моя мать постоянно сидѣла дома и мало кого принимала. Мы выходили изъ дому два раза въ недѣлю: разъ—чтобы навѣстить бабушку и дѣдушку моего отца и другой разъ—по воскресеньямъ въ церковь, для свиданія съ матерью моей мамы, всегда присутствовавшей на обѣднѣ, и для прогулки. Прямо со службы мы всегда прежде всего отправлялись къ бабушкѣ Vimont: это была красивая женщина высокаго роста, уже съ давнихъ поръ разбитая параличемъ, что оставило слѣды на ея умственныхъ способностяхъ; она постепенно впала въ дѣтство и проводила дни въ своемъ креслѣ предъ окномъ или у камина, смотря по времени года. Старая дѣвушка, находившаяся въ услуженіи семьи уже болѣе 40 лѣтъ, ухаживала за больной.

Какъ только я являлась, Марія приносила мнѣ завтракъ. Онъ былъ очень вкусенъ; но немедленно вслѣдъ за этимъ я начинала ужасно скучать; я искала книгъ; у нихъ въ домѣ былъ лишь псалтырь, а за неимѣніемъ другого чтенія, я разъ 20 подъ рядъ перечитывала стихи

и пѣла текстъ: когда я бывала весела, моя бабушка плакала; когда я ударялась или падала, она смѣялась; это меня раздражало; меня старались убѣдить въ томъ, что это было слѣдствіемъ ея болѣзни, тѣмъ не менѣе поступки ея отъ этого не казались менѣе непріятными; я бы могла примириться съ мыслью, что она надо мной смѣется, но слезы ея не лились иначе, какъ въ видѣ мучительнаго и вѣдѣствъ безсмысленно припадка, который коробилъ меня и наполнялъ душу ужасомъ. Старая Марія вволю болтала съ моею матерью, считавшей священнымъ своимъ долгомъ проводить эти два часа у матери, снисходительно выслушивая болтовню Маріи. Для меня это послужило урокомъ терпѣнія, несомнѣнно очень тяжелымъ; но приходилось подчиняться, такъ какъ однажды, когда я, заплакавъ со скуки, стала упрашивать мать мою увести меня домой, она осталась весь вечеръ. Она всегда пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы представить мнѣ посѣщенія свои въ видѣ суроваго и трогательнаго долга, который для меня было почетно дѣлать съ ней; не знаю, какъ она этого достигала, но сердце мое съ умиленіемъ воспринимало ея ученіе. Для меня было невыразимой радостью, когда аббатъ Vimontъ навѣщалъ свою мать; этотъ дорогой дяденька заставлялъ меня играть, прыгать и пѣть; но это рѣдко ему удавалось, такъ какъ онъ въ то время давалъ уроки пѣвчимъ и въ силу этого былъ прикованъ къ своему дому. Мнѣ по этому поводу вспоминается одинъ изъ его учениковъ, молодой человѣкъ счастливой наружности, о которомъ онъ всегда отзывался съ похвалою, потому что онъ менѣе всѣхъ доставлялъ ему непріятностей; этотъ молодой человѣкъ получилъ нѣсколько лѣтъ спустя, благодаря своимъ способностямъ, стипендію въ какой-то гимназіи и сдѣлался аббатомъ Ноэль. Онъ приобрѣлъ себѣ въ началѣ извѣстность нѣсколькими маленькими работами, былъ призванъ министромъ Лё Врэнъ къ дипломатической карьерѣ, въ прошломъ году былъ посланъ въ Лондонъ, нынѣ находится въ Италіи.

Мои занятія прекрасно заполняли собой время и дни казались мнѣ короткими, такъ какъ я никогда не успѣвала сдѣлать всего того, чего бы хотѣлось. Рядомъ съ учебниками, которыми меня не забывали снабжать, я быстро истощила запасъ книгъ, хранившійся въ нашей маленькой домашней бібліотекѣ. Я проглатывала все и затѣмъ, когда не имѣла подъ рукой новыхъ книгъ, принималась вновь перечитывать старыя. Я помню два фоліанта Житій Святыхъ, Виблію такого же формата на старинномъ французскомъ языкѣ, старый переводъ Гражданскихъ войнъ Аппіана, какой-то „Théâtre de la Turquie“, написанный плохимъ языкомъ, которыхъ я перечитывала много разъ. Я такимъ образомъ набрела на „Roman comique“ Скарона и на нѣсколько сборниковъ мнимыхъ остроумій, которыхъ не захотѣла перечитывать вновь, на

мемуары храбраго de-Pontis, которые меня забавляли и мемуары M-lle de Montpensier, гордость которой мнѣ пришлась по вкусу и нѣсколько другихъ ветостей, форматъ которыхъ, содержаніе и пятна живо сохранились въ памяти. Страсть къ ученію такъ сильно мною владѣла, что, откопавъ однажды трактатъ о геральдическомъ искусствѣ, я засѣла за его изученіе; въ немъ были раскрашенныя таблицы, которыя занимали меня и мнѣ нравилось узнавать названіе этихъ маленькихъ изображеній; скоро я удивила отца своими замѣчаніями объ одной печати, составленной противъ правилъ искусства, я сдѣлалась его оракуломъ въ подобныхъ вопросахъ и никогда не вводила его въ заблужденіе. Маленькій трактатъ о контрактахъ попалъ мнѣ въ руки; я тоже попыталась его изучить, такъ какъ старалась запоминать все что ни читала, но онъ мнѣ показался скучнымъ и я бросила его, не дочитавъ до 4-й главы.

Библия меня привлекала и я часто къ ней возвращалась: въ нашихъ старинныхъ переводахъ она выражается также грубо, какъ докторъ; меня поразило нѣсколько наивныхъ выраженій, никогда не изгладившихся изъ моей памяти. Это меня навело на путь познаній, обыкновенно скрываемыхъ отъ маленькихъ дѣвочекъ. Они представлялись мнѣ однако въ свѣтѣ, неимѣвшемъ въ себѣ ничего привлекательнаго, и у меня было слишкомъ много предметовъ для размышленія, чтобы останавливаться на вопросѣ совсѣмъ матеріальномъ и который не казался мнѣ приятнымъ. Но я смѣялась, когда бабушка мнѣ рассказывала о малюткахъ, найденныхъ подъ листьями капусты и говорила, что изъ Ave Maria своего вычитала, что они выходятъ изъ другаго мѣста, хотя и не задумывалась надъ тѣмъ, какъ они туда попали. Рыская по дому, я открыла источникъ чтенія, которымъ довольно долго пользовалась съ умѣренностью. Такъ называемая мастерская моего отца была расположена вблизи той комнаты, въ которой я проводила дни; это была хорошая комната, родъ салона, которую моя мать со своей обычной скромностью называла залой, чисто обмѣлированная, украшенная зеркалами и нѣсколькими картинами; въ ней я брала уроки. Въ углубленіи, образованномъ въ ней одной стороной камина, устроили уголокъ, который освѣтили маленькимъ окномъ. Тамъ стояла кровать, но въ столь тѣсномъ пространствѣ, что я взибалась на нее съ подножья, одинъ стулъ, маленький столъ и нѣсколько полокъ; это было мой убижище. Въ противоположномъ концѣ большая комната, въ которую мой отецъ поставилъ свой станокъ, много предметовъ скульптуры и своего искусства, служила ему мастерской. Я въ нее прокрадывалась вечеромъ или днемъ, когда въ ней никого не было; я открыла въ ней потайное мѣстечко, въ которое одинъ изъ молодыхъ людей клалъ свои книги. Я брала по одной

книгѣ, и уходила съ ней въ мой маленькій кабинетъ, гдѣ прочитывала ее и всегда клала на мѣсто въ надлежащія часы, никому не говоря объ этомъ ни слова. Это были по большей части хорошія произведенія; я однажды замѣтила, что мать моя сдѣлала тоже открытіе что и я; я увидѣла у нея книгу, которую сама раньше читала; тогда я перестала стѣсняться и, хотя и не солгала, но не упоминала о прошломъ и сдѣлала видъ будто слѣдовала по ея стопамъ. Молодой человекъ, его звали Courson, имя, къ которому онъ впоследствии, когда втерся воспитателемъ пажей въ Версаль, прибавилъ частичку „де“, не походилъ на своихъ товарищей: онъ былъ вѣжливъ, обладалъ благовоспитанностью и тактомъ и стремился къ образованію. Онъ также никогда не упоминалъ о временномъ исчезновеніи нѣкоторыхъ книгъ; казалось, будто между нами тремя состоялось безмолвное соглашеніе. Я такимъ образомъ прочла много путешествій, которыя страстно любила, между прочими раньше другихъ прочла путешествія Реньяра; нѣсколько драматическихъ произведеній второстепенныхъ авторовъ и Плутарха Дасье. Это послѣднее произведеніе мнѣ понравилось болѣе того, что я до тѣхъ поръ читала, даже больше чувствительныхъ повѣстей, какія однако меня чрезвычайно трогали, какъ напримѣръ исторія несчастныхъ супруговъ „Labédouère“, которую помню, хотя не перечитывала съ того времени. Но Плутархъ, казалось, былъ наиболѣе подходящей для меня пищей; я никогда не забуду великаго поста 1763 г. (мнѣ тогда было 9 лѣтъ), когда я понесла его съ собой въ церковь вмѣсто молитвенника. Съ этой минуты возникли впечатлѣнія и идеи, сдѣлавшія изъ меня республиканку, когда я объ этомъ и не помышляла.

Телемакъ и освобожденный Іерусалимъ нежного смутили эти величественныя впечатлѣнія. Нѣжный Фенелонъ волновалъ мое сердце, а Тассъ зажегъ воображеніе. Иногда я по просьбѣ моей матери читала вслухъ, чего я не любила; это нарушало сосредоточенность настроенія, въ которомъ я находила наслажденіе и заставляло медленно двигаться впередъ; и я бы скорѣе умерла, чѣмъ бы прочла такимъ образомъ эпизодъ острова Калипсо и много мѣстъ изъ Тасса. У меня дыханіе захватывало, я чувствовала, какъ внезапный огонь набѣгалъ на мое лицо, и мой измѣнившійся голосъ выдавалъ бы мое волненіе. Я была Эвхаристъ для Телемака и Герминія для Танкреда; но, хотя я и переносилась въ нихъ, я еще не думала о томъ, чтобы самой быть кѣмъ нибудь для кого бы то ни было, это не заставляло меня обращаться къ собственной личности, я ничего не искала вокругъ себя, я была ими и я видѣла лишь тѣ предметы, какіе существовали для нихъ, то былъ сонъ безъ пробужденія. Однако же помню какое меня охватило волненіе при видѣ одного молодого художника по имени, Табо-

гаі, который иногда навѣщалъ моего отца; ему вѣроятно было около 20 лѣтъ, голосъ его былъ кротокъ, лицо нѣжно и онъ также легко краснѣлъ, какъ дѣвушка. Когда я слышала голосъ его въ мастерской, я отправлялась туда за карандашемъ или какимъ-нибудь другимъ предметомъ; но, такъ какъ присутствіе его меня также сильно смущало, какъ и радовало, то я выходила оттуда еще быстрѣе и убѣгала въ свой маленькій кабинетъ, чтобы скрыть въ немъ трепетъ и бѣненіе своего сердца. Я теперь думаю, что при подобныхъ задаткахъ, бездѣлн и неподходящемъ товариществѣ, воображеніе и молодой человѣкъ могли меня повести далеко.

Произведенія, о которыхъ я только что говорила, смѣнились другими и впечатлѣнія смягчились, нѣсколько вещей Вольтера послужили для меня развлеченіемъ. Я какъ-то разъ читала Кандида, мать моя встала отъ стола, за которымъ играла въ шикетъ съ другой дамой и эта послѣдняя вызвала меня изъ угла комнаты, въ которомъ я сидѣла и попросила показать ей книгу, которую я держала въ рукахъ. Она обратилась къ матери моей, въ эту минуту возвращавшейся въ комнату, и выразила ей свое удивленіе по поводу моего чтенія; моя мать вмѣсто отвѣта категорически приказала мнѣ отнести книгу туда, откуда я ее взяла. Я съ непріязнью взглянула на эту маленькую дамочку съ угрюмымъ лицомъ, беременную на снось, на то, какъ она, важничая, кривлялась, и съ той минуты никогда больше не дарила г-жу Charbonnè своей улыбкой. Но добрая мать моя ни въ чемъ не измѣнила своего необычнаго поведенія и позволяла мнѣ прочитывать все, что я ни находила, дѣлая видъ, будто ничего не видя, хотя отлично знала въ чемъ дѣло. Впрочемъ, никогда безнравственныя книги не попадались мнѣ въ руки; я и теперь лишь по заглавію знаю двѣ или три изъ нихъ, и развивавшаяся склонность къ чтенію не подвергла меня искушенію ихъ себѣ добыть.

Мой отецъ любилъ отъ времени до времени дарить мнѣ книги, потому что я ихъ предпочитала всему другому; но такъ какъ онъ имѣлъ притязаніе потворствовать моимъ серьезнымъ наклонностямъ, то выборъ ихъ по своей несообразности былъ очень забавенъ: онъ мнѣ, напримѣръ, подарилъ трактатъ Фенелона о воспитаніи дѣвочекъ и сочиненіе Локка о воспитаніи дѣтей; такимъ образомъ воспитанницѣ давали то, что было предназначено для руководства воспитателей. Я впрочемъ думаю, что это вышло очень удачно и что случай мнѣ можетъ быть сослужилъ лучшую службу, нежели бы то сдѣлали обыкновенныя соображенія. Во мнѣ было много зрѣлости; я любила размышлять; я серьезно работала надъ своимъ усовершенствованіемъ, т.е. изучала свои душевныя движенія, стремилась познать себя; я начинала чувствовать, что передо мной лежитъ назначеніе, для исполненія

котораго я должна была приготовить себя. Религіозныя идеи начали бродить въ моей головѣ и въ скоромъ времени привели къ большому взрыву. Но прежде нежели рассказывать о нихъ нужно упомянуть о томъ, что случилось съ моею латынью. Первые правила грамматики хорошо уложились въ моей головѣ; я спрягала, склоняла, хотя это и казалось мнѣ довольно скучнымъ; но надежда въ будущемъ умѣть читать на этомъ языкѣ прекрасныя произведенія, о которыхъ я слышала отъ другихъ или о которыхъ чтеніе мое давало мнѣ представленіе, поддерживало энергію въ борьбѣ съ сухостью и трудностями этого предмета чтенія. Но не такъ было съ моимъ „дядечкой“, (такъ я называла своего дядю Бимонъ): молодой, добрый малый, лѣтний и веселый, онъ никогда никого не затруднялъ собой, и не любилъ и себѣ создавать затрудненій; ремесло учителя пѣвчихъ дѣтей ему очень надѣло, онъ предпочиталъ прогуляться со мной вмѣсто того, чтобы дать урокъ или заставлялъ меня смѣяться и прыгать вмѣсто того, чтобы твердить со мной латинскую грамматику; онъ очень неаккуратно приходилъ къ своей сестрѣ, не соблюдалъ ни часовъ, ни дней и тысяча обстоятельствъ служили поводомъ для отсрочки уроковъ. Между тѣмъ я хотѣла учиться и не любила бросать того, что разъ предпринимала. Было рѣшено, чтобы я ходила къ нему три раза въ недѣлю по утрамъ; но онъ не умѣлъ сдѣлать надъ собою усилія, чтобы сохранить свою свободу и посвятить мнѣ нѣсколько минутъ своего времени; я заставляла его то занятого приходскими дѣлами, то отвлекаемого дѣтьми, то завтракающего съ пріятелемъ: я теряла время; подоспѣли ненастные дни и латынь была оставлена. У меня отъ этой попытки остался только какой то инстинктъ или зародышъ пониманія, который позволялъ мнѣ не вполне безсмысленно повторять или читать псалмы въ дни моего благочестія и большая легкость къ изученію языковъ, особенно итальянскаго, которому я выучилась нѣсколько лѣтъ спустя одна и безъ труда.

Отецъ мой не особенно принуждалъ меня рисовать, онъ скорѣе тѣшился моими способностями, нежели старался развить во мнѣ особенный талантъ; я даже поняла изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ, выхваченныхъ изъ разговора его съ моею матерью, что она, какъ женщина осторожная, не желала, чтобы я далеко зашла на этомъ пути. „Я не хочу, чтобы она сдѣлалась художницей; для этого было бы необходимо посѣщеніе общихъ классовъ и образованіе связей, которыя для насъ не годятся“. Начали меня учить гравировальному искусству. Мнѣ все было хорошо; я научилась владѣть рѣзцомъ и скоро преодолѣла первыя трудности. Въ дни именинъ кого-либо изъ моихъ бабушекъ или дѣдушекъ мы торжественно ходили ихъ поздравлять и я имъ всегда приносила въ подарокъ или хорошенькую головку, ко-

торую я старательно рисовала къ этому дню, или чистенькую, маленькую мѣдную пластиночку, на которой я гравировала букетъ или поздравленіе, аккуратно написанное въ стихахъ, сочиненныхъ для меня „M. Doucet“. Взамѣнъ я получала или альманахи, которые меня чрезвычайно занимали, или какіе-либо предметы для моего личнаго употребленія, большею частью что-нибудь изъ нарядовъ, которые любила. Моя мать находила въ нихъ удовольствіе ради меня; сама она одѣвалась просто и часто даже небрежно; но дочь ея была ея куклою, и я въ дѣтствѣ своею была одѣта нарядно, даже богато, какъ казалось, выше моего состоянія. Молодыя дѣвушки въ то время носили то, что называли „corps de robe“: это были платья, спитыя по фасону придворныхъ нарядовъ, обтянутыя въ тальѣ, которую они хорошо обрисовывали, широкія внизу, съ длиннымъ шлейфомъ, волочащемся по землѣ и отдѣланномъ различными лоскутками, смотря по вкусу или модѣ. Платья мнѣ дѣлали изъ красивыхъ шелковыхъ матерій, мелкаго рисунка, скромнаго цвѣта, но по качеству и цѣнѣ такія же, какъ нарядныя платья моей матери. Туалетъ, конечно, мнѣ доставлялъ нѣкоторыя непріятности, такъ какъ мнѣ часто завивали волосы папильотками, горячими шипцами, всѣми смѣшными и варварскими снарядами, какіе употреблялись въ то время; голова моя была чрезвычайно чувствительна и дерганіе, которое приходилось выносить, было такъ болѣзненно, что нарядная прическа всегда заставляла меня проливать слезы, вызванныя болью, хотя онѣ и не сопровождались жалобами.

Мнѣ представляется, что я слышу, какъ меня спрашиваютъ— для чьихъ глазъ были предназначены эти наряды при той затворнической жизни, какую я вела? Тѣ, которые предлагаютъ этотъ вопросъ, должны помнить, что я два раза въ недѣлю выходила изъ дому; и, еслибъ имъ были извѣстны нравы тѣхъ, кого называли парижскими буржуа моего времени, они узнали бы, что тысячи изъ этихъ буржуа тратили довольно много на наряды исключительно для того, чтобы въ воскресенье явиться на нѣсколько часовъ въ Тюльери; для ихъ женъ къ этому присоединялись еще церковь и удовольствіе медленно пройтись по кварталу на глазахъ у сосѣдей. Прибавьте къ этому семейные визиты въ великіе дни большихъ праздниковъ и Новаго года, свадьбу, крестины—и вы убѣдитесь, что было достаточно случаевъ для проявленія тщеславія. Впрочемъ, легко замѣтить присутствіе мелкихъ контрастовъ въ моемъ воспитаніи. Маленькая особа, появлявшаяся по воскресеньямъ въ церкви и на прогулкѣ въ такомъ нарядѣ, что можно было предположить, будто она вышла изъ кареты, и наружности которой вполне соответствовали манеры и разговоръ, исправно ходила въ будни на рынокъ со своей матерью въ дѣтскомъ холщевомъ платьицѣ; она

даже выходила изъ дома одна, чтобы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ купить забытые кухаркой петрушку или салатъ. Нужно признаться, что мнѣ это не очень нравилось, но я этого не показывала и умѣла исполнять порученія, извлекая изъ нихъ удовольствіе. Я проявляла при этомъ такую вѣжливость, виѣстъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ, что зеленщицѣ или другимъ лицамъ подобнаго рода доставляло удовольствіе удовлетворить мои требованія ранѣе всѣхъ, а прибывшіе до меня покупатели вполне одобряли это; я всегда при этомъ получала мимоходомъ какой-нибудь комплиментъ, послѣ котораго становилась еще учтивѣе. Ребенокъ этотъ, читавшій серьезныя книги, умѣлъ отлично показывать круги небесной сферы, владѣлъ карандашемъ и рѣзцомъ и 8-ми лѣтъ оказался лучшей танцовщицей среди молодыхъ особъ, собравшихся на маленькомъ семейномъ праздникѣ (хотя она была младшей между ними); этотъ ребенокъ зачастую призывался на кухню, гдѣ онъ готовилъ яичницы, чистилъ зелень или снималъ пѣну съ супа. Эта смѣсь серьезныхъ занятій, пріятныхъ упражненій и опредѣленныхъ домашнихъ обязанностей, приправленныхъ мудростью моей матери, сдѣлала меня годной на все, должна была, казалось, предотвратить превратности моей судьбы и дала мнѣ силу ихъ перенести. Я всюду на мѣстѣ, я также скоро сьуждала бы себѣ сострипать супъ, какъ Филоменъ рубилъ дрова; но никому при взглядѣ на меня не пришло бы въ голову, что это была работа, которую нужно было возложить на меня. Изъ того, что я до сихъ поръ разсказала, можно было убѣдиться, что мать моя не относилась небрежно къ тому, что называютъ религіей. Она была набожна, хотя и не была ханжой, она вѣрила или старалась вѣрить и сообразовала свое поведеніе съ правилами церкви, исполненная добросовѣстности и скромности человѣка, который, воспринимая въ себя великіе принципы въ силу сердечной потребности, не желаетъ придирается къ мелочамъ. Благотвореніе, съ которымъ мнѣ были даны первыя понятія о религіи, расположили меня къ внимательному ихъ принятію; они должны были произвести глубокое впечатлѣніе на живое воображеніе; и несмотря на смятеніе, въ какой меня иногда повергали зарождающійся разумъ, зароня сомнѣніе относительно превращенія дьявола въ змія и заставляя меня находить Бога жестокимъ за то, что онъ это допустилъ, я кончала тѣмъ, что вѣрила и поклонялась Ему.

Я подтверждалась въ сосредоточенномъ настроеніи человѣка, умѣющаго взвѣшивать значеніе своихъ поступковъ и вдумываться въ свои обязанности: шли разговоры о томъ, чтобы приготовить меня къ первому причастію; я чувствовала себя исполненной священнаго трепета. Я читала молитвенныя книги и ощущала потребность погру-

зяться въ размышленіе объ этихъ великихъ вопросахъ вѣчнаго счастья и несчастья; всѣ мои мысли незамѣтно направлялись къ этому предмету.

Одно обстоятельство, имѣвшее слишкомъ значительное вліяніе на мой умъ, чтобы я о немъ умолчала, примѣшалось къ моему безпокойству и заставило меня принять смѣлое рѣшеніе.

Меня немного смущаетъ то, что я должна здѣсь рассказать, потому что, съ одной стороны, я хочу, чтобы произведеніе мое было цѣломудреннымъ, такъ какъ сама я не перестала быть таковой, съ другой стороны то, что я должна сказать, не слишкомъ цѣломудренно.

Расположеніе комнатъ позволяло мнѣ свободно входить въ мастерскую моего отца, и хотя мои привычки и желаніе моей матери держали меня вдали отъ нея, мнѣ иногда приходилось входить туда; я ходила показывать свою работу отцу своему, возвращалась на мѣсто или брала образцы рисунковъ, которыми я пользовалась сообща съ его учениками, подавала точить свои рѣзцы—работа незначительная, но требующая нѣкоторой силы въ кисти руки и которую я находила непріятной, потому что она была грязной. Среди учениковъ отца, самый младшій, мальчикъ лѣтъ 15 или 16, тотъ изъ нихъ, который могъ съ наименьшимъ неудобствомъ отвлекаться отъ занятій, болѣе всѣхъ старался оказывать мнѣ маленькія услуги, которыя я вѣжливо принимала. Его родители не жили въ Парижѣ, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ его возрастомъ, были причиной тому, что мать моя была съ нимъ ласкова. Иногда, въ длинные зимніе, воскресные вечера, она приглашала его къ намъ, чтобы для него не было непріятно рано возвращаться домой и онъ не подвергся опасности посѣщать дурное общество. Слѣдствіемъ этого было то, что я считала его менѣе чужимъ, чѣмъ другихъ, и чувствовала съ нимъ непринужденность и близость, которыя вполнѣ приличны невинности и однако очень опасны для нея. Я такимъ образомъ не боялась входить въ мастерскую, когда мнѣ нужно было туда идти, даже тогда, когда онъ бывалъ тамъ одинъ, чего я не рѣшилась бы сдѣлать съ кѣмъ бы то ни было другимъ въ отсутствіи отца. Моя мать ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, присматривала часто за своей кухаркой и не всегда замѣчала, когда я входила въ мастерскую. Однажды вечеромъ, когда я въ нее отправилась за какой то вещью и молодой человѣкъ, повидимому, работалъ одинъ при лампѣ, я подошла, чтобы получить то, что просила; онъ взялъ мою руку, какъ бы играя и, притянувъ ее подъ станокъ, близъ котораго находился, онъ дотронулся ею до чего то очень необыкновеннаго. Я вскрикнула, стараясь высвободить руку; онъ засмѣялся, не выпуская ее и тихо воскликнулъ: „Но замолчите же! Чего вы боитесь? Какое безразсудство! Развѣ вы меня не знаете? Я не дурной чело-

вѣкъ. Вы заставите прійти сюда вашу мать, которая избрала меня за вашъ испугъ, между тѣмъ, какъ я васъ научилъ бы тому, что она сама прекрасно знаетъ“. Вздохнула, но смущенная, я просила, чтобы онъ выпустилъ мою руку и хотѣла уйти; онъ позволилъ мнѣ отдернуть мою руку, но продолжалъ ее держать въ своей и, по-луобернувшись на своемъ сидѣнн, показалъ мнѣ предметъ моего страха. Я отвернула голову: „Право, сударь, это возмутительно!“ И я вырывалась, чтобы убѣжать.— „Ну, сударыня, успокойтесь. Мнѣ жаль, что я васъ огорчилъ, простите меня, не говорите ничего, я не хотѣлъ васъ разсердить. Неужели дурно показывать то, что изображаютъ ежедневно на рисункахъ? Но я васъ не держу, и простите меня“.— „Ахъ, Боже мой, я ничего не скажу, отпустите меня“. Онъ высвободилъ мою руку изъ своей, и я убѣжала. Я скрылась въ свою комнату вся взволнованная. Я еле успѣла войти туда, какъ услышала голосъ матери, которая звала меня; я была встревожена, мнѣ нужно было подумать, но приходилось идти. Я, вся запылавшись, прибѣжала въ комнату матери. „Что съ тобой, дитя мое? какъ ты блѣдна!“— „Не знаю... мнѣ нужно выпить стаканъ воды“.— „Что ты чувствуешь?“— „Ничего, кромѣ маленькаго недомоганія“. Мои ноги подкашивались подо мной; я выпила стаканъ воды и пришла въ себя, успокоила мать; спросила о порученн, которое она хотѣла мнѣ дать, и овладѣла собой. Мнѣ стоило большого труда разобраться въ томъ впечатлѣнн, которое оставила во мнѣ эта сцена; всякій разъ, какъ я хотѣла объ этомъ думать, какое то гнетущее безпокойство дѣлало для меня тягостнымъ размышленн объ этомъ предметѣ. Что онъ мнѣ, наконецъ, сдѣлалъ дурного? Ничего. Стоитъ ли говорить объ этомъ? Уже одно затрудненн, чтобы знать, какъ за это взяться, меня бы отъ этого удержало. Должна ли я была сердиться на него? Это казалось сомнительнымъ. И потому сравненн съ рисунками мнѣ представлялось невѣрнымъ, это меня удивляло; къ этому приишло любопытство, и эти мелкія заботы разсѣивали мое дурное настроенн. Я нѣсколько дней не входила въ мастерскую. Я правда видѣла молодого человѣка за столомъ, гдѣ онъ также, какъ двое другихъ, обѣдалъ у моего отца, но ни что въ моемъ поведенн не могло бы усугубить патріархальной торжественности, всегда царившей тамъ. Молодой человѣкъ въ своемъ нетерпѣнн съумѣлъ меня подстеречь и застать одну на кухнѣ. „Вы сердитесь на меня?“— „Конечно“.— „Но я ничего не сдѣлалъ дурного“.— „Вы сдѣлали гадость“.— „Вовсе нѣтъ: ваша мать играетъ же такъ съ вашимъ папой и не боится“.— „Фу! это неправда, это слишкомъ скверно“.— „Клянусь вамъ, что я въ этомъ увѣренъ, но они иначе за это берутся; я бы вамъ это рассказать, еслибы вы захотѣли“.— „Я не хочу этого знать, оставьте меня въ по-

коѣ". — „Я вамъ этого не скажу; но вы не будете сердиться; вы не будете бояться входить въ мастерскую, гдѣ васъ ужъ больше не видно; вы туда придете еще, неправда-ли?" — „Да, да, прощайте!" — И я убѣжала.

Я часто вспоминала о той роли, которую приписали моей матери; въ матери моей было нѣчто столь величественное, что я въ своемъ воображеніи могла себѣ ее представить лишь поступающей такъ, какъ можно дѣлать на глазахъ у всѣхъ. Увѣренность утвержденія меня удивляла; это мнѣ напомнило про непонятныя для меня вещи, которыя мой отецъ иногда въ шутку говорилъ ей и очень смѣялся, причемъ она всегда съ недовольнымъ видомъ останавливала его, говоря „молчите же г-нъ Флипонъ". Мнѣ очень хотѣлось знать то, что тотъ мнѣ хотѣлъ разсказать; мнѣ бы хотѣлось услышать объ этомъ, но такъ, чтобы онъ не мнѣ объ этомъ сказалъ, и міръ начиналъ мнѣ казаться очень страннымъ. Я иногда ходила въ мастерскую, какъ обыкновенно, чтобы въ ней поговорить съ моимъ отцемъ, или чтобы взять въ ней то, что мнѣ было нужно, былъ ли онъ тамъ или нѣтъ. Мало-по-малу мой страхъ совсѣмъ разсѣялся. Молодой человѣкъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сказать мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ, какъ о смѣшномъ ребячествѣ, надъ которымъ ему удалось и меня заставить посмѣяться, и изъ этого воспослѣдовала лишь нѣсколько большая короткость, въ родѣ той, какая устанавливается между двумя людьми, которые другъ другу сказали какимъ бы то ни было способомъ то, о чемъ они не говорили никому другому. Разъ какъ-то, когда мой отецъ меня заставилъ поработать нѣсколько минутъ около себя и былъ внезапно вызванъ изъ комнаты, я собиралась выйти вслѣдъ за нимъ изъ мастерской, когда какая то музика загремѣла на „Pont Neuf", близъ котораго былъ расположенъ домъ въ которомъ мы жили на „Quai de l'Horloge", во второмъ этажѣ. Я подняла голову и влѣзла на табуретку, потому что мой маленький ростъ и высота окна не позволяли мнѣ хорошо видѣть иначе. „Влѣзьте на край станка, сказалъ молодой человѣкъ, помогая мнѣ это сдѣлать. Остальные ученики вышли, чтобы посмотреть на то, что происходило; онъ стоялъ позади меня и когда я собиралась слѣзть, онъ взялъ меня подъ мышки; схвативъ меня, прижалъ къ себѣ такимъ образомъ, что мои юбки приподнялись и что я почти въ тоже мгновеніе оказалась посаженной на его колѣни, такъ какъ онъ въ тоже время усялся на сидѣніе и я почувствовала позади себя тотъ необыкновенный предметъ. „Но, сударь, пустите же меня. — Какъ! Вы еще бомтесъ? Я вамъ не дѣлаю ничего дурного, — Но, я хочу уйти; мое платье.... — Ну что-жъ ваше платье, я его поправлю". Онъ дерзкой рукой коснулся того, куда ничто не достигало и старался сдѣлать ее

ласковой. Я хотѣла вырваться; и, пытаюсь оттолкнуть его руки, перемѣнить положеніе, я соскользнула и бросила взглядъ на его лицо; оно меня ужаснуло. Глаза казалось, выступали изъ головы; его ноздри были расширены; я чуть не лишилась чувствъ. Онъ замѣтилъ это ощущеніе, и такъ какъ его припадокъ, вѣроятно, окончился, онъ принялъ ласковый видъ и употребилъ всѣ старанія, чтобы успокоить меня, не желая выпустить меня раньше, чѣмъ это ему не удалось. Онъ наконецъ достигъ этого; но вмѣсто того чтобы этимъ посягательствомъ увеличить мое любопытство, онъ возбудилъ къ себѣ отвращеніе своей дерзостью. Я съ тѣхъ поръ относилась къ нему съ неприязнью; его присутствіе меня оскорбляло; я стала безпокойна и грустна; я считала себя обиженной; я хотѣла все рассказать своей матери; я была испугана и смущена. Она замѣтила мою грусть и при ея первомъ вопросѣ о причинѣ моей грусти, я ей рассказала все что произошло.

Волненіе моей матери и ея испуганный видъ поразили меня. Приведенная въ отчаяніе при мысли о томъ, какъ близка она была къ потери плодовъ всѣхъ своихъ заботъ, можетъ быть опасаясь, что я скрывала отъ нея что либо, она меня забрасывала тысячу запутанныхъ вопросовъ, чтобы не сказать мнѣ больше того, что я знала и чтобы удостовѣриться въ томъ, что я не знала ничего болѣе. Я не имѣла ничего сказать сверхъ того, что только что было прочитано. Она очень ловко воспользовалась отвращеніемъ, которое я испытала благодаря своей молодости и естественной стыдливости, чтобы усилить это отвращеніе и стыдливость до крайней степени; она такими страшными красками обрисовала мой проступокъ и то, что я могла умолчать о первомъ оскорбленіи молодого человѣка и счесть это пустой вещью, что я посмотрѣла на себя какъ на погибшую. Религія, добродѣтель, честь, доброе имя—она прибѣгла ко всему съ горячностью взволнованной души, съ нѣжностью материнскаго сердца, и такого сердца, какъ ея, чтобы создать изъ опасностей, которыми я подвергалась, самое вѣрное предохранительное средство, которое только можно было мнѣ дать.

Я не знаю имѣла ли она намѣреніе довести вещи до крайности или моя чувствительность меня привела дальше, чѣмъ она могла предположить, но я искренно увѣрила себя, что я была величайшей преступницей въ мірѣ, и не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока мать моя не повела меня на исповѣдь, куда она меня, начиная съ 7-ми лѣтнаго возраста, водила по два или три раза въ годъ. Мнѣ казалось ужаснымъ, что я должна была рассказать подобную вещь, но, такъ какъ это было средствомъ искупленія, приходилось имъ пользоваться и мужество, необходимое для того, чтобы на это рѣшиться, заставляло меня ощущать утѣшительную силу. Я такимъ образомъ

стала покаяницей, прежде чѣмъ сдѣлалась грѣшницей. Съ той минуты религиозныя мысли овладѣли мной; царство чувства, наступленіе котораго ускорилося благодаря ихъ содѣйствію, для меня, уже безъ того по природѣ преждевременно развившейся, открылось любовью къ Богу, которая божественнымъ опьяненіемъ украсила и оберегала первые года моего отрочества, а послѣдующіе предоставила философіи и должна была, повидимому, охранить меня навсегда отъ бурь страстей, среди которыхъ я съ мощью атлета едва спасаюсь въ зрѣломъ возрастѣ.

Набожность, въ которую я впала, меня необыкновенно измѣнила, я сдѣлалась глубоко смиренной и невыразимо застѣнчивой; я смотрѣла на мужчинъ съ какимъ то страхомъ, который усилился, когда нѣкоторые изъ нихъ мнѣ показались привлекательными. Я наблюдала за своими мыслями съ чрезвычайной строгостью; малѣйшій образъ, который могъ возникнуть въ моемъ умѣ, даже смутно, мнѣ представлялся преступленіемъ. Я въ себѣ выработала привычку такой сдержанности, что читая въ шестнадцать лѣтъ естественную исторію Бюффона и не бывши уже набожной, я пропускала не читая то, что касалось происхожденія человѣка, и я скользила по относящимся къ этому предмету картинамъ съ быстротой и дрожью человѣка, увидавшаго пропасть. Я наконецъ вышла замужъ лишь 25 лѣтъ и съ такой душой, какъ то можно предполагать, пламенной чувственностью, большими познаніями относительно различныхъ предметовъ я такъ хорошо сѣмѣла уклониться отъ увеличенія тѣхъ познаній, которыя начались столь преждевременно, что событія брачной ночи мнѣ показались столь же неожиданными, какъ и непріятными.

Выслушавъ мое горестное признаніе, моя мать не преминула спросить меня—любила-ли я молодого человѣка и встрѣчалась-ли съ нимъ съ болѣе или меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ съ другими. „Напротивъ, для меня теперь мука идти къ обѣду, такъ какъ я тамъ вижу его.—Ты, слѣдовательно, была бы очень довольна не встрѣчаться съ нимъ болѣе?— „Конечно.“ Съ того же дня моя мать подъ предлогомъ необходимости устроить новый порядокъ дня ради моихъ занятій и уроковъ одного изъ моихъ учителей, который она перенесла на другой часъ, установила, чтобы мы обѣдали вдвоемъ однѣ въ ея комнатѣ и велѣла по обыкновенію подавать обѣдъ моему отцу съ его учениками. Это было большимъ облегченіемъ для меня и заставило еще сильнѣе полюбить мою превосходную мать. Это распоряженіе было въ силѣ, пока я жила дома и до той поры, пока не кончилось обязательство, связывавшее моего отца съ его ученикомъ, котораго онъ не могъ отпирать безъ огласки, между тѣмъ какъ послѣднюю было благоразумнѣе избѣжать.

Я съ тѣхъ поръ еще только разъ видѣла этого молодого чело-
вѣка по одному поводу, о которомъ сейчасъ расскажу, и я столько
же боялась встрѣтиться съ нимъ, какъ ненавидѣла, когда произно-
сили его имя. Семь или восемь лѣтъ спустя, онъ женился и получилъ
довольно выгодное мѣсто. Онъ поручилъ попросить у моей матери
позволенія представить ей свою жену. Она дала на то свое согласіе.
Я присутствовала при визитѣ, который былъ коротокъ; онъ обратился
ко мнѣ съ чѣмъ то въ родѣ комплимента въ почтительныхъ выраженіяхъ,
которыя говорили объ его желаніи, чтобы о немъ не думали худо.
Онъ, вѣроятно, еще живъ, отецъ семейства по всей вѣроятности, и
это причина почему я его не называю по имени. Впечатлѣніе того,
что произошло, сохранялось во мнѣ съ такой силой, что даже въ воз-
растѣ просвѣщенія и разума я вспоминала о немъ лишь съ болью;
что я о немъ не проронила ни слова подругѣ, пользовавшейся моимъ
полнымъ довѣріемъ и никогда о немъ не упоминала моему мужу, отъ
котораго я скрывала весьма немного, и что мнѣ пришлось сдѣлать
даже въ настоящую минуту такое усиліе надъ собой, чтобы написать
о немъ, какое пришлось сдѣлать Руссо, чтобы записать исторію его
украденной ленты, съ которою моя исторія однако не можетъ сравниться.

Остановимся здѣсь на одно мгновеніе и пусть матери со стра-
хомъ подумаютъ о крайней бдительности, которую они обязаны
проявлять. Все злоумышляетъ противъ вѣранныхъ имъ нѣжныхъ со-
кровищъ, и сохраненіе ихъ неприкосновенности возможно лишь при
рѣдкой осторожности. Вѣтренность дѣтства или преждевременныя
внушенія природы, невѣдѣніе или склонность, самая простота невин-
ности подвергаютъ застѣнчивый полъ, начиная съ отрочества, легко-
мысленной страстности, порчи столь обычной, опаснымъ соблазнамъ и
сильнымъ посягательствамъ другого пола порывистаго и всегда грубаго,
если только счастливое воспитаніе не выработало въ немъ строгихъ
нравовъ и не внушило болѣе деликатности. Необходимость опасностей
можетъ быть поколеблена лишь съ помощью большого довѣрія моло-
дой дѣвушки къ воспитательницѣ, которая должна ее охранять.
Искусство возбудить это довѣріе чрезвычайно рѣдко, потому что оно
трудно и можетъ быть потому, что не всѣ характеры подчиняются
его вліянію. Но его основныя правила всегда сводятся къ примѣру, ко-
торый внушаетъ уваженіе, потому что онъ подтверждаетъ принципы,
къ искреннему и просвѣщенному желанію счастья личности, которую
нужно образовать; наконецъ, къ той любви, исключаящей капризы
и раздраженіе, которую ничто неспособно замѣнить.

Моя жизнь болѣе уединенная, нежели раньше, вскорѣ показалась
мнѣ еще слишкомъ свѣтской для приготовленія къ первому причастію.
Это великое дѣло, вліяніе котораго на спасеніе души должно быть

столь значительно—поглощало собой всё мои помыслы. Я полюбила церковную службу, ея торжественность производила на меня впечатлѣніе, я съ жадностью читала толкованія церковныхъ службъ; я проникалась ихъ мистическимъ смысломъ; я ежедневно перелистывала свои фоліанты житій святыхъ, и вздыхала о тѣхъ временахъ, когда гоненіе язычниковъ доставляло вѣнецъ мученичества великодушнымъ христіанамъ. Я серьезно думала о перемѣнѣ своего образа жизни и послѣ глубокихъ размышленій приняла рѣшеніе. До тѣхъ поръ одна мысль о разлукѣ съ моею матерью заставляла меня проливать потоки слезъ и если кто въ шутку хотѣлъ омрачить мое лицо, чрезвычайно выразительное отъ крайней чувствительности—меня дразнили монастырями и полезностью для молодыхъ дѣвицъ проводить въ нихъ нѣкоторое время. Но чего только человѣкъ не долженъ принести въ жертву Господу? Я делѣяла созданныя пылкимъ моимъ воображеніемъ величественныя и романтическія мысли о монастырѣ, объ его уединеніи и безмолвіи. Чѣмъ пребываніе въ немъ было торжественнѣе, тѣмъ болѣе оно подходило къ настроенію моей растроганной души. Какъ-то разъ вечеромъ, оставшись одна послѣ ужина съ матерью и отцомъ, я упала передъ ними на колѣни; слезы мои полились и не дали мнѣ говорить; удивленные, встревоженные они спросили меня о причинѣ такого страннаго порыва. „Я хочу васъ попросить,—сказала я, рыдая,—объ одной вещи, разрывающей мое сердце, но которую отъ меня требуетъ моя совѣсть: помѣстите меня въ монастырь“. Они подняли меня; добрая моя мать взволновалась, она бы трепетала отъ страха, еслибы не то, что не имѣла повода бояться чего-либо, такъ какъ за послѣднее время не оставляла меня ни на минуту одну. Меня спросили о причинѣ возникновенія этого намѣренія, замѣтивъ при этомъ, что до сихъ поръ не отказывали мнѣ въ благоразумныхъ моихъ требованіяхъ; я сказала, что оно вызвано желаніемъ приготовиться къ первому причастію среди подобающаго уединенія. Мой отецъ похвалилъ меня за рвеніе и прибавилъ, что желаетъ мнѣ прійти на помощь. Начали совѣщаться о выборѣ монастыря; моя семья не имѣла сношеній ни съ однимъ изъ нихъ: вспомнили, что мой учитель музыки какъ-то упоминалъ о монастырѣ, гдѣ онъ давалъ уроки молодымъ дѣвушкамъ и рѣшили навести справки. Въ результатѣ оказалось, что заведеніе это было вполне прилично, порядки въ немъ не суровы, вслѣдствіе чего монахини были извѣстны тѣмъ, что не предавались крайностямъ и лицемерію, отличающимъ большинство изъ нихъ; къ тому же онѣ по профессіи своей были воспитательницами юншества, онѣ содержали школы для приходящихъ или дѣтей изъ простого народа, которыхъ онѣ обучали даромъ для исполненія обѣтовъ и ко-

торыя занимались въ загѣ, предназначенной для нихъ; онѣ имѣли еще отдѣльный пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ, вѣранныхъ имъ для воспитанія. Мать моя предприняла всѣ необходимыя шаги, свела меня къ бабушкамъ и дѣдушкамъ для объявленія имъ моего рѣшенія, которое было одобрено, и затѣмъ свела меня къ монахинямъ конгрегаціи на улицу „Neuve-Saint-Étienne“, въ предмѣстіи „Saint-Marcel“, очень недалеко отъ того мѣста, гдѣ я нынѣ заключена. Какъ вѣрно я сжимала въ своихъ объятіяхъ эту дорогую мать въ минуту первой разлуки съ нею! Я задыхалась, я была страшно взволнована! Но я повиновалась голосу свыше и прошла черезъ порогъ монастырской ограды со слезами, принося Богу величайшую жертву, какую только могла. Это было 7 мая 1765 г.; мнѣ тогда было 11 лѣтъ и 2 мѣсяца.

Какъ теперь вспомнить и описать изъ глубины тюрьмы, среди политическихъ переворотовъ, потрясающихъ мою родину и увлекающихъ за собой все, что мнѣ было дорого, то безмятежное, блаженное время? Какая свѣжесть кисти нужна для того, чтобы передать сладкія волненія молодого сердца, чувствительнаго и нѣжнаго, исполненнаго жажды счастья, начинающаго чувствовать природу и видающаго кругомъ себя одно Божество! Первая ночь въ монастырѣ была тревожна: я уже не находилась подъ родительскими кровомъ; я чувствовала себя далекой отъ доброй матери, которая навѣрно съ умиленіемъ думала обо мнѣ; слабый свѣтъ освѣщалъ комнату, въ которую меня положили съ четырьмя другими дѣтьми моего возраста: я тихонько встала и пошла къ окну; садъ, въ который оно выходило, былъ освѣщенъ лучами луны. Глубокая тишина царилъ кругомъ; я точно вслушивалась въ нее, проникнутая какимъ-то благоговѣніемъ; большія деревья бросали тамъ и сямъ свою гигантскую тѣнь, и общались вѣрное убѣжище для тихихъ размышленій; я подняла глаза къ небу, оно было ясно и безмятежно; мнѣ представилось, что я ощутила присутствіе Божества, съ улыбкой принимавшаго мою жертву и ниспославшаго мнѣ уже награду въ утѣшительномъ мирѣ небеснаго жилища: сладкія слезы тихо текли по моему лицу; я повторила свой обѣтъ въ порывѣ священнаго восторга и заснула сномъ праведныхъ.

Я пріѣхала вечеромъ и еще не видала всѣхъ своихъ подругъ, ихъ было тридцать четыре; онѣ были соединены въ одинъ классъ въ возрастѣ отъ 6 до 17 или 18 лѣтъ, но ихъ разсаживали за двумя различными столами во время ѣды, и въ теченіе дня изъ нихъ составлялось для занятій какъ бы два отдѣленія. Серьезность, которою была проникнута моя маленькая особа, съ перваго взгляда заставила присоединить меня къ наиболѣе взрослымъ ученицамъ, меня посадили двѣнадцатой за ихъ столomъ и я была младшей среди нихъ. Въжи-

вость, къ которой меня приучила моя мать, степенный видъ вошедшій у меня въ привычку, кроткій и правильный способъ выражений, ни въ чемъ не походили на шумное легкомысліе этой рѣзвой молодежи. Дѣти обратились ко мнѣ съ нѣкоторымъ довѣріемъ, потому что я никогда не отталкивала ихъ отъ себя, взрослые дѣвушки отнеслись ко мнѣ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, потому что сдержанность не заставляла меня быть не услужливой съ ними и вызвала похвалу учительницъ. При томъ воспитаніи, какое я получила, ничего не было удивительнаго въ томъ, что я оказалась болѣе образованной, нежели всѣ, даже старшія, мои подруги.

Монахини рѣшили, что, такъ какъ я жила у нихъ, онѣ могли себѣ приписать честь моего воспитанія, не утруждая себя заботами о дальнѣйшемъ его продолженіи. Я уже знала или мнѣ очень легко давалось то, чему онѣ учили; я сдѣлалась любимицей всѣхъ монахинь; онѣ наперерывъ, другъ передъ другомъ, ласкали меня и хвалили. Та, которой были поручены уроки чистописанія пансіонерокъ, была женщина семидесяти лѣтъ, постригшаяся въ монахини въ пятьдесятъ, подъ влияніемъ горя или несчастій; она получила хорошее образованіе и обладала кромѣ этого преимуществъ всѣмъ, что только даютъ знаніе и умѣніе обращаться въ свѣтъ. Она считала себя образованной; у нея сохранился прекрасный почеркъ, она дѣлала великолѣпныя вышивки, давала хорошіе уроки орфографіи и имѣла нѣкоторые свѣдѣнія по исторіи. Ея небольшой ростъ, даже возрастъ ея и нѣкоторая доля педантизма подавали маленькимъ шалуныямъ, которыхъ она хотѣла учить, поводъ не относиться къ „матери св. Софіи“ съ уваженіемъ, котораго она заслуживала; и если память мнѣ не измѣняетъ, то зависть милыхъ сестеръ, которыя не обладали ея талантами, рады были выдвинуть ея слабѣйшія стороны, не мало этому способствовала. Эта добрая дѣвушка вскорѣ привязалась ко мнѣ за любовь мою къ ученію; послѣ общаго урока въ классѣ, она занималась со мной отдѣльно, заставляла меня учить грамматику, дѣлать выписки по исторіи, давала уроки географіи; она даже испросила позволеніе уводить меня къ себѣ въ келью, гдѣ я ей читала вслухъ. Изъ всѣхъ учителей со мной продолжалъ заниматься лишь учитель музыки, я ходила къ нему на уроки въ пріемную съ двумя подругами и подъ наблюденіемъ одной монахини; а для уроковъ рисованія мнѣ дали учительницу, имѣвшую доступъ внутри стѣнъ монастыря. Правильное распредѣленіе чрезвычайно наполненной жизни, протекавшей среди разнообразныхъ занятій, очень подошло къ моему дѣятельному характеру и природной склонности къ порядку и труду; я была изъ первыхъ во всемъ и имѣла еще свободное время, такъ какъ была прилежной и не теряла ни одной минуты.

Въ часы прогулокъ или рекреаций я не умѣла бѣгать и шутить съ толпой; я искала уединенія подъ какими-нибудь деревьями, гдѣ читала или предавалась своимъ мечтамъ. Какъ живо я ощущала красоту листьевъ, дуновение вѣтерка, благоуханіе цвѣтовъ! Я всюду видѣла перстъ Провидѣнія, ощущала присутствіе его благодѣтельныхъ заботъ, я любовалась его твореніями; проникнутая благодарностью, я ходила поклоняться ему въ церковь, гдѣ величественные звуки органа, сливавшіеся съ трогательными голосами молодыхъ монахинь, пѣвшихъ церковныя гимны, переполняли мое сердце экстазомъ. Сверхъ обѣдни, куда каждое утро воили всѣхъ пансіонерокъ, въ послѣ полуденные часы будень было назначено по получасу, посвященному молитвенному созерцанію; сюда допускались лишь казавшіеся способными предаваться этому созерцанію или способны сосредоточиться въ этотъ промежутокъ времени на духовномъ чтеніи. Мнѣ даже не пришлось испрашивать для себя этой милости, дарованіемъ которой меня поспѣшили вознаградить за рвеніе; но я горячо просила о допущеніи меня къ первому причастію въ день ближайшаго церковнаго празднества; это было Успеніе. Хотя оно было очень недалеко отъ дня моего поступленія въ монастырь, милость эта была мнѣ дарована съ единодушнаго согласія старшихъ сестеръ и духовника. Этотъ послѣдній былъ человѣкомъ здороваго смысла, монахъ ордена Св. Виктора, гдѣ онъ исполнялъ должность приходскаго священника; онъ принялъ на себя обязанность исповѣдника пансіонерокъ конгрегаціи и былъ очень для того подходящимъ, благодаря возрасту своему, переходившему за 50 лѣтъ, умѣренному характеру и здравому уму, смягчавшему строгость его нравовъ и обращенія. Когда меня ввѣрили его попеченію, мой приходской священникъ г. Garat потрудился лично явиться въ монастырь, чтобы сдать свою маленькую духовную дочь въ руки своего собрата; ихъ свиданіе произошло въ пріемной въ моемъ присутствіи, они говорили на латинскомъ языкѣ, который я не вполне понимала, но я разобрала нѣсколько похвальныхъ для себя словъ. Такія слова никогда не ускользаютъ отъ дѣвушки, какъ бы она ни была молода и на какомъ бы языкѣ они ни произносились. Я много выиграла отъ переменъ: Garat былъ лишь педантомъ, въ которомъ я чтла судью духовнаго; Викторіанецъ былъ человѣкомъ справедливымъ, просвѣщеннымъ, направлявшимъ мои благочестивыя стремленія на все, что есть возвышеннаго въ морали, и умѣвшимъ силой своей религіи развивать въ людяхъ начала добра, безъ примѣси смѣшного мистицизма. Я его любила, какъ отца, и въ теченіе трехъ лѣтъ, которые онъ еще жилъ послѣ моего выхода изъ монастыря, я приходила въ церковь Св. Виктора издалека наканунѣ большихъ праздниковъ, чтобы исповѣдываться у него.

Нужно сознаться, что католическая религія, мало подходящая для здраваго разсудка, просвѣщеннаго познаніями и подчиняющаго предметъ своей вѣры законамъ разума, способна плѣнять воображеніе, потрясая его великимъ и ужаснымъ и заполюняя чувство таинственными обрядами, то нѣжными, то меланхоличными. Вѣчность, неизмѣнно стоящая передъ умами ея послѣдователей, призываетъ ихъ къ соверщенію. Она дѣлаетъ изъ нихъ строгихъ цѣнителей добра и зла, тогда какъ ежедневныя упражненія въ набожности, величественныя обряды даютъ отдыхъ напряженію и поддерживаютъ его, представляя изъ себя удобныя подспорья для неуклоннаго слѣдованія къ намѣченной цѣли. Женщины отлично умѣютъ оживлять эти обряды, окружать эти церемоніи всѣмъ, что способно придать имъ прелесть или блескъ, и монахини особенно отличались въ этомъ искусствѣ. Одна послушница вскорѣ послѣ моего поступленія въ монастырь постриглась въ монахини. Цвѣты, блестящія люстры, шелковыя занавѣси, великолѣпныя уборы украсили церковь и алтарь; сборище было многлюдное; оно исполняло вѣншній обрядъ съ тѣмъ праздничнымъ видомъ, который въ подобныхъ случаяхъ на свадьбѣ кого-нибудь изъ своихъ дѣтей, имѣетъ семья. Торжествующая и нарядная молодая жертва явилась къ рѣшеткѣ, въ великолѣпномъ платьѣ, которое она вскорѣ сбросила, чтобы вновь явиться окутанной бѣлой вуалью и увѣнчанной розами; я еще теперь ощущаю содроганіе, испытанное мной, когда она, слегка дрожащимъ голосомъ, мелодично спѣла обычный церковный гимнъ: *Elegi etc.* „здѣсь я избрала жилище свое и утверждаю его навсегда“. Я не забыла напѣва этого стиха, я пою его также вѣрно, какъ если бы слышала его вчера, и мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность спѣть его въ Америкѣ! Великій Боже! Какое выраженіе я вложила бы теперь въ него! Но когда послѣ произнесенія обѣтовъ, преклоненную послушницу покрыли саваномъ, подъ которымъ она казалась погребенною, я содрогнулась отъ ужаса: это для меня было олицетвореніемъ полнаго разрыва со всѣми связями въ мірѣ, отреченіемъ отъ всего для нея дорогаго; я уже не была сама собой, я стала ею; мнѣ показалось, что меня оторвали отъ моей матери и я проливала потоки слезъ. Человѣкъ, обладающій подобной чувствительностью, подъ вліяніемъ которой всѣ впечатлѣнія дѣлаются такими глубокими, и подобной отзывчивостью на, проходящія какъ тѣни мимо обыкновенныхъ людей, впечатлѣнія, не прозябаютъ; и дѣйствительно я рано начала вдумываться въ свою жизнь, и никогда она не была мнѣ въ тягость, даже среди наиболѣе тяжелыхъ испытаній; и не доживъ еще и до сорока лѣтъ, я поразительно много прожила, если жизнь измѣрять чувствомъ, отиѣчающимъ всѣ ея мгновенія.

Мнѣ бы пришлось описывать слишкомъ много подобныхъ сценъ,

еслибы я пожелала вспомнить всѣ тѣ, которыя въ моемъ сердцѣ запечатлѣли волненія моея умилной набожности. Обаяніе и привычка къ этимъ ощущеніямъ сдѣлались для меня такъ сильны, что они не въ состояніи были изгладиться. Философія разсѣяла иллюзіи празднои вѣры; но она не уничтожила вліянія извѣстныхъ предметовъ на мои чувства и ихъ связи съ идеями и настроеніями, которыя они нѣкогда вызывали. Я до сихъ поръ могу съ участіемъ присутствовать при богослуженіи, когда оно исполняется съ серьезною торжественностію; я забываю о шарлатанствѣ священниковъ, нелѣпости ихъ басней, или бессмысленности ихъ тайнъ; я вижу передъ собою лишь собраніе слабыхъ людей, взывающихъ о помощи къ высшему существу; мой умъ занятъ мыслію о страданіяхъ человѣчества, утѣшительной надеждой на могущественнаго воздаятеля; посторонніе образы разсѣваются, страсти стихаютъ, чувство долга оживляется; если музыка участвуетъ въ обрядахъ, я переношусь въ иной міръ и выхожу просвѣтленной изъ мѣста, куда глупая толпа явилась, ни о чемъ не размышляя...

Религія, какъ и столько другихъ человѣческихъ учрежденій, не мѣняетъ личности человѣка; она приспосаблиется къ его природѣ, возвышается и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Толпа думаетъ мало, вѣрится на-слово и дѣйствуетъ по инстинкту, такъ что между исповѣдуемыми принципами и обычнымъ поведеніемъ господствуетъ вѣчное противорѣчіе. Сильные характеры поступаютъ иначе: имъ нужна гармонія, ихъ поведеніе строго соотвѣтствуетъ ихъ вѣрѣ. Я въ дѣтствѣ по необходимости восприняла ту вѣру, которую мнѣ внушили; она оставалась моею до тѣхъ поръ, пока я не приобрѣла достаточно знаній, чтобы обсудить ее; но и тогда всѣ поступки мои являлись строгими выводами изъ этой вѣры. Я удивлялась легкомыслію людей, исповѣдовавшихъ подобную же вѣру и дѣйствовавшихъ противоположнымъ образомъ, какъ возмущаюсь нынѣ низостью тѣхъ, кто желаетъ имѣть родину и во что-нибудь ставитъ свою жизнь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подвергнуть ее опасности для служенія этой родинѣ.

Желая избѣгать повтореній относительно одного и того же предмета, я все же хочу отмѣтить одной чертой минуту моего перваго причастія: подготовленная всѣми обычными въ монастыряхъ способами, уединеніемъ, продолжительными молитвами, молчаніемъ, созерцаніемъ, я восприняла это первое причастіе, какъ торжественное обязательство и залогъ вѣчнаго блаженства. Мысль эта мною владѣла всецѣло; она до такой степени воспламенила мое воображеніе, растрогала мое сердце, что, обливаясь слезами, охваченная восторгомъ небесной любви, я не въ состояніи была дойти до алтара безъ помощи монахини, которая, поддерживая меня подъ руки, помогла мнѣ при-

близиться къ Святому престолу. Я не стремилась къ этимъ проявленіямъ, они были лишь естественнымъ послѣдствіемъ чувства, котораго я не въ силахъ была сдержать, но они стяжали мнѣ почетъ, и встрѣчаемая мной добрая старушка всегда просили меня включить ихъ въ мои молитвы.

Мнѣ представляется будто я слышу, какъ читающіе эти строки спрашиваютъ, не обратилось ли наконецъ это нѣжное сердце и страстная чувствительность къ чему-либо болѣе реальному и не отдавалась ли я, столь рано мечтавшая о счастьи, любви къ какому-нибудь человѣку? Не станемъ забѣгать впередъ, отвѣчу я имъ; остановитесь со мною на этомъ мирномъ времени святыхъ иллюзій, къ которому я и теперь еще люблю возвращаться мысляю. Думаете ли вы, что въ вѣкъ, столь испорченный, при столь дурномъ общественномъ строѣ мыслимо наслаждаться счастьемъ природы и невинности? Люди пошлые находятъ здѣсь удовольствіе, но другіе, для которыхъ одно удовольствіе слишкомъ ничтожно, бываютъ обурѣваемы страстями, которыя обѣщаютъ имъ нѣчто большее; стѣсняемые обязанностями, странными или жестокими и все же ими уважаемыми, они знаютъ лишь славу ихъ исполненія, покупаемую дорогою цѣною. Отдохнемъ пока на нѣжной дружбѣ, окружившей меня своимъ обаяніемъ и доставившей столько счастливыхъ мгновеній.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло со времени моего поступленія въ монастырь. Я въ немъ жила среди занятій только-что описанныхъ мною. Меня всякую недѣлю навѣщали отецъ и мать, уводившіе меня по воскресеньямъ послѣ службы на прогулку въ „Jardin du Roi“, нынѣ „Jardin des Plantes“. Разставаніе не обходилось безъ слезъ, съ моей стороны, то были слезы нѣжности къ нимъ, а не сожалѣнія о моемъ положеніи, такъ какъ я съ удовольствіемъ возвращалась въ безмолвный монастырь, по которому я шла медленными шагами, наслаждаясь его одиночествомъ; я иногда останавливалась у памятника, на которомъ было вырѣзано похвальное слово какой-то святой дѣвицы: „она счастлива!“ шептала я про себя вздыхая; и грусть, не лишенная прелести, охватывала мою душу и заставляла меня искать на лонѣ Божества, въ надеждѣ быть когда-нибудь принятой на него, то полное счастье, въ которомъ я ощущала потребность.

Пріѣздъ новыхъ пансіонеровъ оживилъ всю маленькую ватагу; доложили о пріѣздѣ дѣвицы изъ Амьена; любопытство молодыхъ дѣвушекъ-монастырокъ относительно общанныхъ имъ подругъ сильнѣе нежели то возможно вообразить. Лѣтній день клонился къ вечеру; гуляли подъ липами... „Вотъ онѣ, вотъ онѣ!“ раздался вдругъ крикъ. Старшая учительница сдала въ руки дежурной двухъ новоприбывшихъ; толпа окружила ихъ, удалилась, вновь нахлынула, пришла

наконецъ въ порядокъ, и всѣ пансіонерки группами прогуливались по одной и той же аллеѣ, чтобы разсмотрѣть барышень Канэ. Это были двѣ сестры: старшей было около 18 лѣтъ: красивое сложеніе, непринужденныя манеры, свободная походка, нѣчто чувствительное, гордое и недовольное обращало на нее вниманіе; младшей было не болѣе 14 лѣтъ, бѣлая газовая вуаль прикрывала ея нѣжное лицо и плохо скрывала слезы, которыми оно было облито. Я глядѣла на нее съ участіемъ, я остановилась, чтобы ее лучше разсмотрѣть и затѣмъ присоединилась къ разговаривающимъ, чтобы попытаться отъ нихъ узнать то, что онѣ знали о ней.

Разсказывали, что она была любимицею своей матери, которую она, въ свою очередь, горячо любила и разлучиться съ которою ей было очень тяжело, и что съ нею помѣстили сестру, чтобы помочь ей перенести эту разлуку. Обѣихъ вечеромъ помѣстили за столъ, у котораго я сидѣла. Софья ѣла мало, ея безмолвное горе ничего въ себѣ не имѣло отталкивающаго ни для кого и всѣхъ способно было тронуть; ея сестра казалась гораздо менѣе занятой тѣмъ, чтобы ее утѣшить, чѣмъ недовольной раздѣлять ея участь. Она имѣла на то нѣкоторое право: 18-ти лѣтняя дѣвушка, отторванная отъ свѣта, въ который уже вступила, и вновь помѣщенная въ монастырь для того, чтобы сопровождать младшую сестру, могла себя считать принесенной въ жертву своею матерью, имѣвшей въ дѣйствительности въ виду усмирить необузданный нравъ, съ которымъ она не могла справиться. Не нужно было долго видѣть живую Генріетту, чтобы придти къ такому заключенію: откровенная до рѣзкости, нетерпѣливая до вспыльчивости, веселая до безумія, она отличалась остроуміемъ, но не благоразуміемъ своего возраста; неровная, острая, порой обаятельная, часто невыносимая, за ея вспышками слѣдовали самыя трогательныя порывы раскаянія; она обладала необыкновенно любящимъ сердцемъ, рядомъ съ самой забалмошной фантазіей; приходилось ее любить и бранить въ одно и то-же время, и жить съ ней, любя ее страстно, все-таки было тяжело. Бѣдной Софьѣ приходилось иногда страдать отъ характера сестры, достаточно справедливой, чтобы оцѣнить ея достоинства, но раздраженной противъ нея подъ вліяніемъ ревности, вслѣдствіе чего сестра ея во взаимныхъ отношеніяхъ съ нею находила неисчерпаемыя поводы для проявленія своей неровности, отъ которой она сама болѣе всѣхъ страдала. Софья отличалась спокойствіемъ не по лѣтамъ развитого ума; она не очень живо чувствовала, потому что голова ея была холодна, но она любила размышлять и разсуждать; спокойная и не предупредительная она никого не привлекала собой, но оказывала всѣмъ при случаѣ одолженія, и, хотя ни къ чему сама не шла на встрѣчу, но также и не отказывала ни въ чемъ.

Она любила работу и чтеніе. Ея грусть меня тронула, ея обращеніе мнѣ понравилось; я почувствовала, что встрѣтила въ ней товарища, и мы съ ней сдѣлались неразлучными. Я привязалась къ ней съ тѣмъ самоабвеніемъ, которое возникаетъ отъ потребности любви при встрѣчѣ съ предметомъ, достойнымъ этого чувства; занятія, чтеніе, прогулки, все у меня стало общимъ съ моею Софьей.

Она была набожна, немного менѣе нѣжна, но также искренна, какъ и я, и это сходство не мало способствовало тѣсному сближенію. Наша дружба росла, такъ сказать, подъ крыломъ Провидѣнія и среди общихъ порывовъ. Мы думали взаимно поддерживать другъ друга, и двигать по пути къ совершенству. Софья была немилосердно разсудочна. Она хотѣла все разобрать, все знать, все обсудить; я говорила гораздо меньше, чѣмъ она, и останавливалась лишь на выводахъ. Она любила бесѣдовать со мной, потому что я умѣла ее хорошо слушать, и когда я не раздѣляла ея мнѣнія, мои возраженія были такъ мягки, благодаря страху огорчить ее, что никакія разногласія никогда не приводили насъ къ ссорѣ. Ея общество было для меня необыкновенно дорого, такъ какъ мнѣ нужно было передавать кому-нибудь, кто изъ понималъ, волновавшія меня чувства, которыя, казалось, дѣлались значительнѣе когда высказывались. Софья была старше меня на три года и немного менѣе скромна, она обладала нѣкотораго рода виѣшнимъ преимуществомъ, которому я не завидовала. Она умѣла мило болтать; я лишь умѣла отвѣчать: правда, что мнѣ необыкновенно любилъ предлагать вопросы, но это не всѣмъ легко давалось. Настоящія отношенія у меня были лишь съ моимъ дорогимъ другомъ; всѣ остальные видѣли меня лишь мелькомъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто былъ достаточно ловокъ, чтобы приподнять завѣсу, которою я, безъ преднамѣреннаго желанія прятаться, невольно прикрывалась.

Генріетта иногда, хотя и рѣдко, бывала съ нами; она заключила болѣе подходящую для себя дружбу съ дѣвицей de-Cognillon, дѣвушкой 18 лѣтъ, некрасивой какъ смертныя грѣхъ, блиставшей умомъ и веселой насмѣшливостью, настоящимъ чертенкомъ, которымъ пугали дѣтей, но которая не въ состояніи была поднять наше благоразуміе на смѣхъ.

Не пройду молчаніемъ нѣжнаго участія, выказаннаго мнѣ съ первыхъ дней моего приѣзда одной прекрасной дѣвушкой, вѣрная привязанность которой мнѣ во многихъ обстоятельствахъ принесла утѣшеніе. Анжелика Буфла родилась безъ состоянія, съ 17-лѣтняго возраста она связала себя обѣтами, еще и не зная себя. Она по природѣ своей была какъ потокъ; но подавленная энергія ея до крайности экзальтировала ея сердечную чувствительность и живость ея ума. Отсутствие средствъ опредѣлило ей мѣсто среди послушницъ, съ

которыми общаго у ней была одна лишь черная работа. Есть сердца, не нуждающіяся въ образованіи; св. Агата (таково было ея имя въ монашествѣ), лишенная поддержки образованія, не только стояла выше подругъ своихъ, но и большинства монахинь. Ея достоинства были всѣмъ извѣстны, и хотя въ силу обычаевъ этихъ общинъ, гдѣ толпа всегда отличается неблагодарностью, дѣловитостью ея злоупотребляли, обременяя ее чрезмѣрной работой, она все же пользовалась тѣмъ уваженіемъ, какое себѣ снискиваютъ достоинства. Она тогда была представлена къ услуженію пансіонерокъ, и исполняла эту работу одна, сверхъ прочихъ обязанностей, лежавшихъ на ней, и успѣвала со всѣмъ справиться старательно и весело.

Я не успѣла еще присмотрѣться къ ней, какъ она уже стала мнѣ оказывать предпочтеніе, ея предупредительная доброта обратила на себя мое вниманіе; за столомъ она безъ моего вѣдома предугадывала мои вкусы и старалась ихъ удовлетворить, въ спальнѣ она съ привѣтливымъ видомъ дѣлала мою постель и не пропускала случая, чтобы сказать мнѣ что-нибудь любезное. При встрѣчѣ со мной она нѣжно меня цѣловала, уводила иногда въ свою келью, гдѣ у нея былъ прелестный чижъ, ручной, ласковый, котораго она выучила говорить; она мнѣ тайкомъ дала второй ключъ отъ этой кельи, чтобы я могла входить въ нее въ ея отсутствіе; я въ ней читала книги ея маленькой бібліотеки, стихи отца дю-Серсо и сочиненія мистическаго характера. Когда она бывала слишкомъ занята, чтобы провести въ ней нѣсколько минутъ со мной или напередъ знала, что ей это не удастся, я въ ней находила нѣжную записочку, на которую я всегда отвѣчала: она хранила эти отвѣты, какъ драгоценности, и позже показывала мнѣ ихъ хорошо припрятанными въ своей молельнѣ.

Вскорѣ въ монастырѣ только и было рѣчи, что о привязанности Агаты къ маленькой Флипонъ; но казалось, что такъ и должно было быть: мои подружки повидимому никогда не обижались выказываемому ею мнѣ предпочтенію. Когда монахини съ ней заговаривали объ этомъ, она съ обычной прямою своей ихъ спрашивала, не тоже ли бы самое онѣ дѣлали на ея мѣстѣ; и если какая-нибудь угрюмая 80-ти-лѣтняя старушка, въ родѣ матери Гертруды, ей говорила, что она меня слишкомъ любитъ, она возражала, что она такъ разсуждаетъ только потому, что сама не въ состояніи такъ сильно любить. „А вы сами,—прибавляла она,—не останавливаете ли ее всегда при встрѣчѣ“? И мать Гертруда удалялась ворча; но если часъ спустя она видѣла меня, то всегда давала мнѣ конфетъ.

Когда дѣвицы Канэ пріѣхали и я подружилась съ Софьей, Агата стала, казалось, немного ревновать; монахини находили удовольствіе въ томъ, чтобы нападать на нее по этому поводу; но ея великодуш-

ная нѣжность отъ этого не уменьшилась: она, казалось, была довольна тѣмъ, что я позволяла себя любить, и наслаждалась радостью, доставляемой мнѣ дружбой съ дѣвушкой, болѣе подходившей ко мнѣ по возрасту, въ обществѣ которой я находилась въ теченіе всего дня.

Агатѣ тогда было 24 года; она своимъ характеромъ и любовью внушила мнѣ самую искреннюю привязанность; я почитала за честь ей это постоянно выражать. Въ послѣдніе годы существованія монастырей я только ее одну ходила навѣщать въ ея монастырѣ. Она вышла нынѣ изъ этого убѣжища и когда годы и болѣзни сдѣлали его необходимымъ для нея, она принуждена жить на назначенную ей скудную пенсію и прозябаетъ недалеко отъ мѣста нашего прежняго жилища и моего теперешняго заключенія, и среди невзгодъ стѣсненнаго своего положенія она горюетъ лишь о заточеніи своей дочки, какъ она всегда называетъ меня. Любящія сердца, вы когда-нибудь перестанете сожалѣть обо мнѣ, оцѣнивъ блага, дарованныя мнѣ Небомъ; мои гонители среди могущества своего не обладаютъ счастьемъ быть любимыми другой такой Агатой, которая лишь горячѣе бы ихъ любила въ случаѣ, еслибъ они впали въ несчастье!

Зима прошла; я нѣсколько рѣже въ теченіе ея видала мать мою; но мой отецъ не пропустилъ ни одного воскресенья, не навѣстивъ меня, и, если только погода этому не препятствовала, онъ водилъ меня гулять въ „Jardin du Roi“; мы, не обращая вниманія на холодъ, весело бѣгали по снѣгу. Очаровательныя прогулки, о которыхъ я вспоминала 20 лѣтъ спустя, читая эти стихи Томсона, которыхъ не могу приносить безъ умиленія:

Pleas'd was I, in my cheerful morn of life,
When nurs'd by careless solitude I liv'd,
And sung of nature with unceasing joy,
Pleas'd was I wandering through your rough domain,
Through the pure virgin snows, myself as pure, etc. ¹⁾

При поступленіи моемъ въ монастырь было рѣшено, что я останусь въ немъ только годъ; я сама этого пожелала; мнѣ пріятно было думать о предѣлѣ для жертвы, принесенной мною разлукой съ матерью; съ своей стороны монахини, допустивъ меня къ первому причастію на четвертомъ мѣсяцѣ моего у нихъ пребыванія, заботливо выговорили условіе, чтобы я благодаря этому не покинула ихъ раньше и закончила у нихъ свой годъ; по истеченіи этого года, поднялся вопросъ о моемъ уходѣ. Моя мать объявила мнѣ, что ба-

¹⁾ Любила я въ веселое утро моей жизни—когда жила я, воспитываемая беззаботнымъ одиночествомъ и пѣла о природѣ въ нескончаемой радости,—любила я бродить по дикимъ вашимъ владѣніямъ, по чистымъ, дѣвственнымъ сѣнямъ, сама чистая какъ они, и т. д.

бушка моя Флипонъ, чрезвычайно меня любившая, очень желала, чтобы я провела съ нею нѣкоторое время и что она дала свое согласіе на осуществленіе этого плана, который не могъ меня огорчить, такъ какъ мы тамъ должны были видѣться гораздо чаще, чѣмъ въ монастырѣ; планъ этотъ къ тому же былъ очень удобнымъ при существующихъ обстоятельствахъ. Мой отецъ вступилъ въ исполненіе своихъ коммунальныхъ обязанностей; ему такимъ образомъ часто приходилось отлучаться изъ дому: мнѣ сразу стало ясно, что время моей матери поэтому должно быть больше посвящено надзору за работами, порученными молодымъ людямъ, въ которыхъ она до сихъ поръ не вмѣшивалась, она утратила часть того свободного времени, которымъ хотѣла пользоваться всецѣло, чтобы заняться мной.

Предложенный ею планъ, дѣйствительно, представлялъ изъ себя незамѣтный переходъ отъ разлуки къ полному соединенію съ ней, и я согласилась съ нею тѣмъ охотнѣе, что очень была привязана къ своей бабушкѣ. Это была маленькая женщина, любезнаго и веселаго нрава; обаятельныя манеры ея, любезный разговоръ, привлекательный смѣхъ, лукавые взгляды показывали, что въ ней сохранилось еще желаніе нравиться или напомнить о томъ, что она когда то нравилась. Ей было 65 или 66 лѣтъ, она заботилась о своемъ туалетѣ, принаровленномъ, впрочемъ, къ ея возрасту, такъ какъ она считала, что умѣетъ вѣрно чувствовать и соблюдать приличія. Очень полное тѣлосложеніе, довольно легкая походка, гордая осанка, маленькая ручка, пальцами которой она граціозно перебирала, сентиментальный тонъ разговора, пересыпаннаго веселыми и приличными замѣчаніями, уничтожали въ ней всякіе слѣды старости. Она была любезна съ молодыми дѣвушками, въ обществѣ которыхъ любила находиться, и гордилась тѣмъ, что эти послѣднія искали въ ней.

Она овдовѣла черезъ годъ послѣ свадьбы, и мой отецъ, родившійся уже послѣ смерти своего отца, былъ ея единственнымъ ребенкомъ. Она впала въ бѣдность благодаря неудачамъ въ торговлѣ, которой она занималась, и была принуждена обратиться къ помощи дальнихъ богатыхъ родственниковъ, оказавшихъ ей предпочтеніе передъ другими въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей: она воспитала такимъ образомъ у г-жи де-Буаморель ея сына Робержа, о которомъ мнѣ придется говорить впослѣдствіи, и ея дочь, сдѣлавшуюся г-жею де-Фавіеръ. Маленькое наслѣдство, наконецъ, обезпечило ей независимость; она жила на островѣ Св. Людовика, гдѣ она вмѣстѣ съ сестрой, дѣвицей Ротиссэ, которую она называла Анжеликой, занимала приличную квартиру. Эта добрая дѣвушка, страдавшая одышкой, набожная и непорочная, какъ ангелъ, простодушная, какъ дитя, была покорнѣйшей слугой своей старшей сестры; заботы о маленькомъ хозяйствѣ лежали исключи-

тельно на ней; и лишь самая черная работа была возложена на приходившую два раза въ день прислугу; Анжелика справлялась со всѣмъ остальнымъ и съ благоговѣніемъ одѣвала свою сестру. Само собой вышло такъ, что она сдѣлалась моею няней, между тѣмъ какъ г-жа Флипонъ сдѣлалась моею наставницей. Я такимъ образомъ очутилась въ ихъ рукахъ послѣ того, какъ покинула домъ Господень, сопровождаемая сожалѣніемъ, нѣжной любовью, подѣлуями всѣхъ монахинь, оплакиваемая моею Агатой и моею Софьей, горюя о разлукѣ съ ними и общая себя смягчить горечь ея частыми посѣщеніями.

Это обязательство было слишкомъ для меня дорого, чтобы я не исполнила его въ точности. Мои прогулки часто направлялись въ сторону конгрегаціи; моя тетя Анжелика или мой отецъ всегда съ удовольствіемъ водили меня туда; вѣсть о моемъ приходѣ въ приемную быстро разносилась по всему дому и мнѣ случалось перевидать въ ней человѣкъ двадцать за одинъ часъ. Но посѣщенія эти не могли замѣнить собою ежедневныхъ сношеній и дружескихъ изліяній; они сдѣлались болѣе рѣдкими и вмѣсто нихъ я прибѣгла къ перепискѣ, главнымъ образомъ съ Софьей. Переписка эта возбудила во мнѣ вкусъ къ писанію и, благодаря установившейся въ силу ея привычѣ, стала причиной легкости, съ которой я владѣю перомъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

28 августа.

Чувствую какъ слабѣть рѣшимость продолжать начатое мною дѣло; несчастья моей родины меня терзаютъ; потеря друзей ослабляетъ мужество; невольная грусть охватываетъ душу, помрачаетъ воображеніе мое и сущитъ мое сердце. Франція стала огромнымъ театромъ рѣзни, кровавой ареной, гдѣ раздираютъ другъ друга ея собственные дѣти.

Пользуясь внутренними междоусобіями, непріятель приближается со всѣхъ сторонъ; сѣверные города подчинились его власти, Фландрія и Эльзасъ въ скоромъ времени сдѣлаются его добычею; Испанцы раззоряютъ Русильонъ; Савойцы отказываются отъ союза, ставшаго ужаснымъ благодаря анархіи; они возвращаются къ прежнему своему господству, солдаты котораго переходятъ нашу границу; возставшіе Вандейцы продолжаютъ опустошать значительную часть страны; безразсудно раздражаемые Ліонцы проявили сопротивленіе, Марсейль спѣшитъ къ нимъ на помощь, сосѣдніе департаменты приходятъ въ движеніе; и среди этого всеобщаго волненія, среди этихъ многочисленныхъ потрясеній, непрерывно продолжается одно лишь наступленіе

иностранныхъ державъ. Наше правительство представляетъ изъ себя родъ чудовища, порядки и дѣйствія котораго одинаково возмутительны; оно разрушаетъ все къ чему только прикасается и само себя пожираетъ: эта послѣдняя крайность является единственнымъ утѣшеніемъ для его многочисленныхъ жертвъ.

Войска, одинаково плохо продовольствуемыя и предводимыя, сражаются и бѣгутъ какъ отчаянные; искусные полководцы обвиняются въ измѣнѣ, потому что представители, ничего не смыслящіе въ войнѣ, находятъ плохимъ то, чего не понимаютъ и считаютъ аристократами всѣхъ людей болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ они сами. Законодательный корпусъ, безсильный съ первыхъ минутъ своего существованія, вначалѣ служилъ мѣстомъ оживленныхъ преній, пока въ нѣдрахъ его сохранилось достаточно образованности, чтобы сознавать опасности и мужества, чтобы ихъ предсказывать; люди честные и благородные, которые желали блага своей родинѣ и имѣли смѣлость его добиваться, самымъ возмутительнымъ образомъ и вполне непослѣдовательно, были нагло обвинены въ измѣнѣ, и невѣжество и страхъ принесли ихъ, наконецъ, въ жертву интригѣ и разбоямъ. Въ собраніи, украшеніемъ коего они были, послѣ ихъ изгнанія, осталась лишь необузданная и испорченная толпа, которая своими безуміями и преступленіями себѣ самой вырыла могилу, но вмѣстѣ съ тѣмъ довершила и общественное разрушеніе. Нація трусливая и плохо образованная, потому что эгоизмъ лѣнивъ и потому что лѣнь и не хочетъ ничего видѣть, согласилась принять негодную конституцію, которую они обязаны были отвергнуть съ негодованіемъ, будь она даже лучше, потому что нельзя, не униживши себя, принимать что-либо отъ злодѣевъ; она имѣетъ притязаніе обезпечивать безопасность, свободу, которыя она безнаказанно позволила погрязнуть въ лицѣ своихъ представителей! Она можетъ лишь мѣнять своихъ притѣснителей; она уже находится подъ желѣзнымъ игомъ и всякая переиѣна ей кажется благомъ, но не способная сама произвести ее, она ждетъ этой переиѣны отъ перваго, кто захочетъ властвовать надъ нею. О Брутъ, чья смѣлая рука напрасно освободила испорченныхъ римлянъ, мы заблуждались, какъ и ты! Ты чистые люди, всей силой страстной души своей мечтавшіе о свободѣ, которыхъ философія подготовила къ ней среди безмятежныхъ занятій и строгаго уединенія, подобно тебѣ льстили себя надеждой, что ниспроверженіе тиранніи положить основаніе царству справедливости и мира: оно лишь явилось призывнымъ знакомъ для разнузданія низкихъ страстей и самыхъ отвратительныхъ пороковъ. Ты послѣ проскрипціи триумвировъ говорилъ, что сильнѣе чувствуешь позоръ того, что послужило причиной смерти Цицерона, чѣмъ даже скорбь по поводу самой смерти его;

ты осуждалъ своихъ римскихъ друзей за то, что они по собственной винѣ, болѣе чѣмъ по винѣ тиранновъ сдѣлались рабами и за то, что они имѣли низость видѣть и терпѣть вещи, самый разсказъ о которыхъ долженъ былъ для нихъ быть невыносимымъ и ужаснымъ. Такъ и я возмущалась изъ глубины своей тюрьмы; но часть возмущенія прошла, такъ какъ очевидно, что ничего нельзя болѣе ждать хорошаго, ни удивляться чему бы то ни было дурному. Опишетъ ли когда-нибудь исторія ужасъ этихъ страшныхъ дней, и ужасныхъ людей, наполнившихъ ихъ своими преступленіями? Они превзошли жестокость Марія, кровавые походы Суллы; этотъ послѣдній, окруживъ и перерѣзавъ 6 тысячъ человекъ, сдавшихся ему близъ Севата, который онъ успокоилъ и заставилъ совѣщаться подъ звуки ихъ скорбныхъ криковъ, поступилъ какъ тиранъ, злоупотреблявшій своей захваченной властью. Но съ чѣмъ возможно сравнить власть лицемеровъ, всегда облеченныхъ въ маску справедливости, всегда говорящихъ языкомъ закона и создавшихъ ради удовлетворенія своей мести трибуналы, посылающій на эшафотъ, оскорбительно попирая всякіе судебные порядки, всѣхъ людей, добродѣтель которыхъ ихъ оскорбляетъ, таланты которыхъ возбуждаютъ ихъ подозрѣніе или богатства которыхъ подстрекаютъ ихъ алчность? Какой Вавилонъ когда-либо представлялъ зрѣлище, подобное этому Парижу, оскверненному кровью и развратомъ, управляемому властями, сдѣлавшими себѣ профессію изъ того, чтобы разносить ложь, продавать клевету и превозносить похвалами убійство. Какой народъ когда-либо былъ развращенъ нравственно и въ своихъ инстинктахъ до такой степени, чтобы въ немъ выработалась потребность въ зрѣлищѣ казней, чтобы онъ содрогался отъ бѣшенства, когда казни эти откладывались и былъ-бы всегда готовъ проявлять свое звѣрство надъ всякимъ, кто бы стремился смягчить или успокоить его въ этомъ? Сентябрьскіе дни были дѣломъ лишь немногихъ опьяненныхъ тигровъ. Апатія исѣхъ парижанъ и ихъ безмолвное согласіе признать свое рабство ознаменовали собой торжество злодѣевъ 31 мая и 2 іюня: съ той поры паденіе ужасно; то, что еще несправедливо называютъ конвентомъ, наполнено одними разбойниками, одѣтыми и ругающимися, какъ портовые рабочіе, проповѣдующими убійство и подающими примѣръ грабежамъ. Многочисленная толпа окружила зданіе суда и ярость ея раздражается надъ судьями, не произносящими достаточно быстро обвинительныхъ приговоровъ надъ невинными людьми. Тюрьмы переполнены должностными лицами, генералами, государственными чиновниками и людьми, которые своими достоинствами дѣлали честь человѣчеству; доносы считаются доказательствомъ гражданскаго чувства, и обязанность обыскивать порядочныхъ или богатыхъ людей и подвергать ихъ тюремному заключенію

является единственнымъ занятіемъ невѣжественныхъ и низкихъ администраторовъ. Орлеанскія жертвы пали. Шарлотта Кордэ не пробудила ни малѣйшаго волненія въ городѣ, который не заслуживалъ того, чтобы она освободила его отъ изверга.

Бриссо ¹⁾, Женсонэ, толпа другихъ депутатовъ находятся подъ обвинительнымъ декретомъ; доказательствъ не имѣется, но ярость растетъ; и за отсутствіемъ основаній для ихъ осужденія, исполняютъ желаніе самодержца, который требуетъ ихъ казни, словно дикій звѣрь, подстерегающій свою жертву. Кюстина вѣтъ ²⁾; Робеспьеръ торжествуетъ, Эберъ намѣчаетъ жертвы, Шабо считаетъ ихъ; трибуналъ торопится; народъ собирается ускорить казни и организовать ихъ повсемѣстно. Между тѣмъ голодъ даетъ о себѣ знать; смертоносные законы подавляютъ промышленность, задерживаютъ движеніе, уничтожаютъ торговлю, расточаютъ финансы; всюду царитъ разореніе; беззастѣнчивые люди составляютъ себѣ состоянія, пользуясь этимъ полнымъ разстройствомъ государственной казны, назначаютъ цѣну за всѣ свои поступки и опредѣляютъ таксу на смерть или жизнь своихъ согражданъ.

Диллонъ и Кастелланъ выходятъ, первый изъ *Madelonnettes*, второй изъ „*Sainte Pélacie*“, уплативъ по 30 тысячъ ливровъ Шабо; Силльери поручилъ выторговать себѣ свободу, такъ какъ онъ достаточно богатъ, чтобы приобрести ее, и 200 бутылокъ его чудеснаго шампанскаго являются придаткомъ торга съ непотребными женщинами Комитета ³⁾. Жена Ролана, о которой, благодаря попеченію и заботамъ

¹⁾ Женщины, которыя устроили клубъ въ церкви Св. Евстафія, голосили однажды, требуя голову Бриссо и кричали, что не потерпятъ, чтобы судья дѣйствовалъ въ его процессѣ съ той медленностью, какую они обнаружили въ процессѣ Кюстина. Дѣтъ тысячи душъ, окружившія палату въ день суда надъ этимъ генераломъ, трепетали, боясь, чтобы онъ не избѣгъ казни и говорили во всеуслышаніе: если его оправдаютъ, придется съ нимъ покончить, какъ съ Монмораномъ и за одно съ нимъ и со всѣми другими злодѣями, находящимися въ тюрьмахъ.

²⁾ Его состояніе конфисковано. Его невѣстку, молодую и прелестную женщину, беременную, дѣлившую свои дни между свекромъ, призваннымъ къ трибуналу, и мужемъ, заключеннымъ въ „*Forge*“, сажаютъ въ тюрьму немедленно послѣ казни перваго. У нея дѣлятся преждевременные роды; но какое до этого дѣло этимъ тиграмъ? Прокуроръ получилъ отъ нея 200 тысячъ ливровъ для спасенія невинности: онъ ихъ возвращаетъ, но велитъ арестовать ту, которая могла бы донести объ его гнусности.

³⁾ Деньги и вино были даны и получены; Силльери купилъ себѣ ими лишь право видѣться и бесѣдовать съ кѣмъ пожелаетъ: но онъ съ этимъ смягченіемъ остался заключеннымъ въ Люксембургъ. Три или четыре падшихъ женщины, принадлежавшія развращеннымъ негодаямъ Комитетовъ Общественнаго спасенія и Общественной безопасности, образуютъ изъ себя торговое общество, въ которомъ опредѣляютъ денежную плату за спасеніе каждаго выдающагося лица.

Père Duchêne'a отъ времени до времени напоминають разъяренному народу, выжидаетъ крайняго съ его стороны насилія въ той самой тюрьмѣ, изъ которой женщина, живущая на содержаніи, спокойно выходитъ, заплативъ за свою безопасность и безнаказанность своего соучастника, поддѣлывателя ассигнацій. Бенрію, командующій національной гвардіей, прежде лакей, служитель у таможенной заставы, позже одинъ изъ убійцъ въ „St. Firmin“, вламывается печати, опорожняетъ погреба, мохищаетъ движимость и остается тѣмъ-же наглецомъ. На него возложена была обязанность стеречь депутатовъ, заключенныхъ въ Люксембургъ; онъ осмѣливается явиться къ нимъ, ихъ оскорбить, силой отнять у нихъ перья, книги, бумагу и присоединить угрозу къ оскорбленіямъ. Подчиненность властей химера, о которой не позволено напоминать подъ страхомъ подвергнуться обвиненію въ недостатокъ гражданского чувства и навлечь на себя подозрѣніе въ противуреволюціонныхъ замыслахъ. Покинули-ли, наконецъ, бѣжавшіе депутаты эту негостепріимную сторону, пожирающую порядочныхъ людей и упитывающуюся ихъ кровью? О друзья мои, да поможетъ вамъ милосердное небо достигнуть береговъ Сѣверной Америки, единственнаго убѣжища свободы! Съ вами мои пожеланія, и я дѣлю нѣкоторую надежду, что вы въ настоящую минуту плывете по направленію къ тѣмъ странамъ. Но увы! Для меня все кончено: я не увижу васъ болѣе, и вашъ отъѣздъ, горячо желанный ради вашего спасенія, я оплакиваю, какъ нашу послѣднюю разлуку; а ты, глубоко почитаемый супругъ, ты ожесточаешься и дряхлѣешь, внавь въ преждевременную старость, съ трудомъ укрываясь отъ преслѣдованій убійцъ, — суждено-ли мнѣ еще увидеть тебя и доставить нѣкоторое утѣшеніе твоей удрученной горечью душѣ? Сколько дней осталось мнѣ быть свидѣтелемъ разоренія моей отчизны и униженія моихъ согражданъ?.. Окруженная этими грустными картинами, я не могла подавить свою печаль; рѣдкія слезы полились изъ отяжелѣвшихъ глазъ, и я приостановила свое легкое перо, повѣствовавшее о моихъ молодыхъ годахъ.

Я хочу попытаться вновь возстановить ихъ въ памяти своей и прослѣдить ихъ шагъ за шагомъ; мой искренній рассказъ, можетъ быть, усладитъ когда-нибудь минуты какой-нибудь несчастной заключенной, и она, жалѣя обо мнѣ, позабудетъ о своей судьбѣ. Можетъ быть философы, стремящіеся изобразить человѣческое сердце въ повѣствованіи романа или дѣйствіи драмы, найдутъ матеріалъ для изученія его въ моемъ повѣствованіи.

Недостатокъ пропитанія черезъ немного, можетъ быть, дней, ожесточая усталый народъ, возбудитъ въ немъ волненія, которыя вожди его постараются сдѣлать гибельными. 10 августа должно было быть

посвящено поминовению сентябрьских идъ; третьего дня произносились во всеуслышание угрозы возобновить ихъ въ случаѣ, если Кюстинъ не будетъ приговоренъ къ смерти. „Cordeliers“ уже доказываютъ необходимость избавляться отъ подозрительныхъ людей; предписаны наказанія для тѣхъ, кто дурно отзывался объ этихъ знаменитыхъ дняхъ: не есть-ли это подготовленіе къ оправданію ихъ въ случаѣ возобновленія? Люди, появляющіеся передъ революціоннымъ трибуналомъ, не обвиняемые, которыхъ онъ долженъ судить; они жертвы, которыхъ онъ обязанъ лишить жизни. Заключенные по всякимъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ преступленій, не находятся подъ покровительствомъ закона; но предоставленные на волю подозрѣній и клеветы, они не могутъ себя чувствовать огражденными отъ слѣпой ярости. Оставимъ это несчастное время, напоминающее собой царствование Тиверія, всплывите вновь передо мной, безмятежныя мгновенья моего милаго отрочества.

Мнѣ исполнилось 12 лѣтъ, и третій годъ моего третьяго пятилѣтія протекалъ на глазахъ моей бабушки. Миръ, царившій въ ея домѣ, и набожность моей тети Анжелики прекрасно гармонировали съ нѣжнымъ и сосредоточеннымъ настроеніемъ, навѣяннымъ монастыремъ. Всякое утро моя тета водила меня въ церковь для слушанія мессы; тамъ вскорѣ на меня обратилъ вниманіе одинъ изъ тѣхъ барышниковъ совѣсти, которые вѣняютъ себя въ заслугу передъ Богомъ то, что они заселяютъ монастыри. Господинъ аббатъ Жери съ кривой шеей, потупленнымъ взглядомъ подошелъ къ той, которую онъ принялъ за мою гувернантку, чтобы поздравить ее съ поучительнымъ вліаніемъ, производимымъ примѣромъ ея питомицы, и выразить желаніе, чтобы она поручила ему наставить ее на путь Господень. Онъ съ сожалѣніемъ узналъ о томъ, что обрядъ причастія былъ совершенъ и что я уже избрала себя духовника: тогда онъ подошелъ узнать отъ меня, не приняла ли я какого-нибудь рѣшенія относительно будущаго своего назначенія и отреченія отъ свѣта: я ему отвѣтила, что я еще слишкомъ молода, чтобы узнать свое назначеніе. Господинъ Жери вздохнулъ, наговорилъ мнѣ любезностей и не упускалъ случая, чтобы встрѣчаться съ нами и кланяться съ почтеніемъ. Набожность моего молодого сердца не увлекала меня до пристрастія къ іезуитскому притворству; она была слишкомъ искренна, чтобы сочувствовать смѣшнымъ проявленіямъ ханжества и кривая шея господина Жери вовсе не нравилась мнѣ. Я, однако, лелѣяла тайную мечту посвятить себя монашеской жизни; св. Францискъ Сальскій, одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ святыхъ рая, покорилъ меня; и на монахинь ордена „Посѣщенія Богородицей св. Елисаветы“, учредителемъ коего онъ состоялъ, я уже смѣтрѣла, какъ на пріятныхъ своихъ сестеръ. Но я хо-

рошо понимала, что такъ какъ я была единственной дочерью у своихъ родителей, то не могла получить ихъ разрѣшенія для произнесенія обѣта до своего совершеннолѣтія; я не хотѣла ихъ огорчать преждевременно: къ тому-же, если бы случилось, что продолжительное испытаніе поколебало бы мое призваніе, это значило бы давать оружіе въ руки свѣтскимъ людямъ: я потому рѣшила скрыть свое рѣшеніе и молча стремиться къ своей цѣли. Я пользовалась маленькой библиотекой своей бабушки; „Филоея“ св. Франциска Сальскаго и „Руководство“ св. Августина сдѣлались источниками моихъ любимыхъ размышленій: какое ученіе любви и какая очаровательная пища для невинной и страстной души, исполненной небесныхъ иллюзій! Полемическія произведенія Боссюэ доставили мнѣ новую пищу: какъ они ни превозносили дѣло, являвшееся предметомъ ихъ защиты, они знакомили съ нѣкоторыми возраженіями противъ него и направили меня на путь обсужденія моей вѣры. Это было первымъ шагомъ; большое разстояніе еще отдѣляло его отъ скептицизма, къ которому я должна была прійти нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ того, какъ послѣдовательно прошла черезъ яansenизмъ, картезіанство, стоицизмъ и деизмъ. Какой долгій путь, чтобы кончить патриотизмомъ, благодаря которому я попала въ тюрьму.

Рядомъ со всѣмъ этимъ старыя книги съ путешествіями, много миеологіи плѣнили мое воображеніе, и письма г-жи де-Севинь образовали мой вкусъ; ея привлекательная непринужденность, ея грація, ея веселость, ея нѣжность, сблизили меня съ нею; я знала ея общество, я освоилась съ ея средой, какъ-будто я жила съ ней. Моя бабушка мало кого принимала и рѣдко выѣзжала изъ дому; но она своимъ пріятнымъ настроеніемъ оживляла разговоръ, когда я около нея работала надъ мелкими рукодѣльями, которыми она любила меня учить или заставляла дѣлать. Г-жа Бенаръ, та двоюродная бабушка, которая ухаживала за мной, когда я была у кормилицы, каждый день приходила къ своей сестрѣ часа на два по послѣ обѣдамъ. Суровый характеръ ее отличался пристрастіемъ къ торжественнымъ формамъ и церемонному тону, надъ которыми г-жа Флипонъ посмѣивалась иногда, но достаточно осторожно, чтобы не обидеть сестру, отплачивавшую ей впрочемъ той же монетой—какой-нибудь горькой истиной, высказанной съ нѣкоторой рѣзкостью, которая прощалась ей за доброе сердце.

Мою бабушку, придававшую большое значеніе виѣшней привлекательности и всему тому, что красить жизнь людей въ обществѣ, безконечно трогала предупредительность, съ которой я относилась къ ней; отношеніе мое вытекало изъ кротости моего характера и желанія нравиться всѣмъ, съ кѣмъ общаюсь и особенно ей, которая при-

влекла меня своимъ милымъ обращеніемъ; она мнѣ иногда говорила пріятныя вещи, на которыя я отвѣчала не дурно, она съ гордостью тогда поднимала голову, и бросала самодовольный взоръ на г-жу Бенаръ, которая, пожимая плечами, пользовалась минутой, когда я немного отходила въ сторону, чтобы громко шепнуть ей, такъ что я прекрасно слышала ее: „вы право невыносимы; вы испортите ее, какъ жаль!“ Моя бабушка только больше пріосанивалась съ видомъ превосходства и успокаивала свою сестру на счетъ своего умѣнія вести дѣло; добрая Анжелика со своимъ блѣднымъ лицомъ, своимъ выдающимся подбородкомъ, очками на носу, вязаньемъ въ рукѣ, спокойно имъ говорила, что это не опасно, что никто не можетъ этого сдѣлать и что я достаточно благоразумна, чтобы сама себя воспитывать. Эта г-жа Бенаръ, столь суровая и которая боялась, чтобы похвалы меня не испортили, очень беспокоилась о томъ, что я спала на жесткой постели; и если случалось, что у меня хоть немного разболѣлся палецъ, она по два раза въ день приходила навѣдываться объ его состояніи: какое искреннее безпокойство! Какой усердной заботливостью она меня окружала тогда, и какъ эта заботливость была трогательна при ея внѣшней строгости!

По истинѣ, мнѣ кажется, будто небо нарочно окружило меня столькоими добрыми душами, чтобы мою собственную душу сдѣлать сколь возможно любящей. Какъ то разъ моей бабушкѣ пришла на мысль отправиться съ визитомъ къ г-жѣ де-Буаморель, ради ли удовольствія повидать ее или ради того, чтобы показать ей свою внучку: соотвѣтственные приготовленія, большой туалетъ съ утра и мы отправляемся съ тетей Анжеликой съ тѣмъ, чтобы къ 12 часамъ явиться на улицу „St-Louis au Marais“. При входѣ въ отель всѣ люди, начиная со швейцара, кланяются г-жѣ Флипонъ дружелюбно и съ почтительнымъ видомъ: они спѣшатъ превзойти другъ друга въ любезности къ ней. Она всѣмъ отвѣчаетъ ласковымъ тономъ, съ достоинствомъ: пока все шло хорошо. Но видать ея внучку, она не можетъ устоять противъ мелочнаго удовольствія сдѣлать ее предметомъ ихъ вниманія; люди позволяютъ себѣ говорить ей комплименты. Я начинала ощущать какое-то неудовимое и тягостное чувство, сквозь которое я все же отдавала себѣ отчетъ лишь въ томъ, что люди могутъ смотрѣть на меня, но не смѣютъ мнѣ говорить комплиментовъ. Мы идемъ дальше; высокий лакей докладываетъ о насъ, и мы входимъ въ гостиную, гдѣ г-жа де-Буаморель со своей собачкой, сидя на томъ, что тогда называли не оттоманкой, а канапъ, серьезно вышивала по канвѣ. Г-жа де-Буаморель была однихъ лѣтъ съ моей бабушкой и такого же роста и дороднаго тѣлосложенія, какъ она; но въ ея костюмѣ не столько проглядывалъ вкусъ, какъ притязаніе выставить на показъ

свое богатство и подчеркнуть свою знатность; и ее лицо вовсе не выражало желанія нравиться; въ немъ ясно проявлялось стремленіе быть предметомъ почтенія и увѣренность, что она этого заслуживаетъ. Богатое кружево, смятое, сложенное въ маленькій чепчикъ съ концами вродѣ заячьихъ ушей, было положено на макушкѣ головы и не скрывало волосъ, можетъ быть фальшивыхъ, но убранныхъ съ той притворной скромностью, которую приходилось облекаться въ 60 слишкомъ лѣтъ, и двойной слой румянъ придавалъ чрезвычайно незначительнымъ глазамъ выраженіе гораздо большей жесткости, чѣмъ это было необходимо, чтобы заставить меня потупить глаза.

„А, здравствуйте, „mademoiselle“ Ротиссэ! воскликнула громкимъ и холоднымъ голосомъ г-жа де-Буаморель, приподнимаясь съ мѣста при нашемъ приближеніи“. (Mademoiselle? какъ! моя бабушка здѣсь mademoiselle?) „Я, право, очень рада видѣть васъ! Это прелестное дитя, ваша внучка? Она будетъ очень хорошенькой! Подойдите сюда, сердце мое, сядьте около меня. Она застѣнчива: сколько лѣтъ вашей внучкѣ, mademoiselle Ротиссэ? Она немного смугла, но кожа ее чудесна; она скоро посвѣтлѣетъ. Она уже хорошо сложена! У васъ навѣрно счастливая рука, мой дружокъ: брали ли вы себѣ когда-нибудь билеты въ лоттерей?—Никогда, „madame“; я не люблю азартныхъ игръ.—Еще бы, въ ваши годы всегда думаешь, что играешь на вѣрняка. Какой звукъ голоса! Онъ нѣженъ и полонъ. Но какъ она серьезна! Не ханжа ли вы немного?—Я знаю свои обязанности, стараюсь исполнять ихъ.—Прекрасно. Вамъ хочется сдѣлаться монахиней, не правда ли?—Я еще не знаю своего назначенія, и не стремлюсь его предпринять.—Какъ наставительно! Читаетъ ли ваша внучка, mademoiselle Ротиссэ?—Чтеніе лучшее ея удовольствіе; она проводитъ за нимъ часть дня. — О! это видно; но берегитесь, чтобы изъ нея не вышло ученой, это было бы очень жаль“.

Эти дамы завели рѣчь о семьѣ и обществѣ хозяйки дома; моя бабушка разспрашивала о томъ, какъ поживаютъ дядя и двоюродный братъ, невѣстка и подруга, и аббатъ Ланглуа и маркиза де-Леви, и совѣтникъ Бріонъ, и приходскій священникъ Паранъ. Толковали объ ихъ здоровьи, связяхъ и недостаткахъ, такъ, напр., о госпожѣ Рудэ, которая, несмотря на свои годы, еще любила блеснуть своей красивой грудью и всегда декольтировала ее, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда садилась въ карету или выходила изъ нея: она тогда прикрывала ее большимъ платкомъ, который съ этой цѣлью носила въ карманѣ, потому что грудь, какъ она говорила, не сдѣлана для того, чтобы показывать ее лакеямъ. Въ теченіе этого разговора г-жа де-Буаморель, то дѣлала нѣсколько стежковъ по канвѣ, то ласкала свою собаку и всего чаще взглядывала на меня. Я стара-

лать избѣгать ея взглядовъ, очень мнѣ не нравившихся, я направляла свой взоръ на комнату, убранство коей мнѣ казалось болѣе привлекательнымъ, чѣмъ дама, жившая въ ней, кровь моя обращалась скорѣе обыкновеннаго, я чувствовала, что щеки мои покраснѣли, что сердце мое билось и сжималось; я еще не спрашивала себя почему моя бабушка не сидитъ на диванѣ и г-жа де-Буаморель находится въ роли мадемуазель Ротиссъ; но внутри меня было чувство, которое приводитъ къ такому размышленію, и когда визитъ окончился, я ощутила нѣчто похожее на облегченіе отъ физической боли. „Смотрите же не забудьте взять для меня лотерейный билетъ, пусть ваша внучка сама выберетъ номеръ, слышите, mademoiselle Ротиссъ? Мнѣ хочется получить первинку ея руки. Поцѣлуйте же меня, и вы моя душечка, не потупляйте такъ своихъ глазъ; на нихъ очень пріятно глядѣть и духовники не запрещаютъ открывать ихъ. Ахъ, mademoiselle Ротиссъ, будутъ васъ преслѣдовать поклонники, помяните мое слово, и съ раннихъ поръ. До свиданія, mesdames“, и г-жа де-Буаморель дернула за звонокъ и велѣла Лафлѣру черезъ два дня отправиться къ mademoiselle Ротиссъ, чтобы взять у нея лотерейный билетъ, заставила замолчать свою маленькую собачку, и уже вновь усѣлась на свой диванъ, прежде чѣмъ мы успѣли дойти до передней.

Мы молча возвращались домой, куда я торопилась къ своимъ книгамъ, чтобы забыть о г-жѣ де-Буаморель, комплименты которой для меня были также противны, какъ и комплименты ея прислуги. Моя бабушка, только наполовину довольная, нѣсколько разъ принималась рассказывать о ней и ея странностяхъ, объ ея эгоизмѣ, заставлявшемъ ее увѣрять, что дѣти должны быть на второмъ планѣ, когда бабушка моя позволяла себѣ напоинать ей объ интересахъ ея семьи, чтобы остановить ея крупныя траты; объ ея свободномъ обращеніи, очень, впрочемъ, обычномъ среди женщинъ хорошаго общества, благодаря которому она во время своего туалета принимала своего исповѣдника и другихъ, и въ ихъ присутствіи одѣвала рубашку и пр. Этотъ тонъ, эти нравы мнѣ казались странными. Я съ любопытствомъ обо всемъ этомъ спрашивала свою бабушку, но хранила про себя впечатлѣнія, производимыя этимъ на меня; и мнѣ казалось, что я не должна была себѣ позволить всего высказывать ей.

Черезъ двѣ недѣли послѣ нашего визита къ намъ явился г-нъ де-Буаморель сынъ, котораго мы не застали у его матери, когда были у нея; это былъ человѣкъ лѣтъ 37 или 38, съ серьезнымъ, кроткимъ лицомъ, съ скромными и благородными манерами; взглядъ его широко раскрытыхъ, немножко слишкомъ большихъ, глазъ блестялъ; чувствовалось, что онъ изъ уваженія сдерживалъ свой мужественный, громкій голосъ, въ которомъ звучали задумевныя ноты и ласковая,

исходящая изъ сердца, любезность. Онъ привѣтствовалъ мою бабушку, называя ее своимъ добрымъ другомъ, поклонился мнѣ съ тѣмъ почтеніемъ, которое благовоспитанные люди вѣщаютъ себѣ въ долгъ выказывать молодымъ дѣвушкамъ; разговоръ сдѣлался свободнымъ, хотя и держался въ границахъ благопристойности; онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы любезно напоминать моей бабушкѣ о своей благодарности за ея попеченія о немъ; и я поняла, что онъ ей хотѣлъ выразить окольнымъ, но деликатнымъ образомъ, что Провидѣніе вознаграждало ее за ея великодушныя заботы о чужихъ дѣтяхъ, подготавливая ей удовлетвореніе въ лицѣ единственнаго ребенка, который ей былъ данъ. Я нашла, что г-нъ де-Буаморель гораздо любезнѣе своей матери, и была очень рада тому, что онъ счелъ нужнымъ навѣщать насъ, что случалось разъ въ каждые два или три мѣсяца. Онъ женился, будучи еще очень молодымъ, на прелестной женщинѣ; онъ имѣлъ отъ нея сына, воспитаніемъ котораго онъ много занимался и самъ хотѣлъ руководить имъ; онъ его велъ на основаніи философскихъ взглядовъ, чему не мало препятствовали предрассудки его матери и большая набожность жены: его обвиняли въ чудачествѣ; онъ послѣ одного страшнаго воспаления страдалъ нервными припадками, и старыя графини, чиновныя аристократы и маленькіе аббаты, принадлежавшіе къ кругу его семьи или обществу его матери, приписывали страданію головного мозга, какъ слѣдствіе его болѣзни, исповѣдуемые имъ взгляды и режимъ, которые онъ хотѣлъ проводить въ воспитаніи своего сына. Всѣ эти обстоятельства, когда я узнала о нихъ, очень меня заинтересовали; я находила, что этотъ странный человѣкъ рассуждалъ очень дѣльно; я начинала подозрѣвать, что существуетъ логика свѣтская и кабинетная, такъ сказать принципиальная и практическая мораль; что изъ столкновенія ихъ въ результатѣ получалось много странностей, изъ которыхъ я начинала угадывать нѣкоторыя; что, наконецъ, могутъ считать сумасшедшимъ того, кто не былъ сумасшедшимъ въ обычномъ смыслѣ этого слова; и матеріалъ для размышленія незаметно накоплялся въ моей мечтательной головѣ.

Моя бабушка иногда сравнивала чувства и поведеніе г-на де-Буамореля съ поведеніемъ и чувствами его сестры г-жи де-Фавіеръ, которой она имѣла основаніе быть недовольной. Брату г-жи де-Фавіеръ пришлось напоминать ей о томъ, что *mademoiselle* Ротиссэ была ихъ родственницей (обстоятельство, которое мать ихъ, говорила я про себя, дѣлаетъ видъ, что не признаетъ или не желаетъ признавать), и бабушка моя къ великому моему удовольствію не имѣла ни малѣйшаго желанія меня ей представить; мое удовольствіе она поняла такъ прекрасно, что никогда больше не поднимался также вопросъ о повтореніи нашего визита къ г-жѣ де-Буаморель.

Мой отецъ оставилъ свою должность; годъ, который я должна была провести у своей бабушки, истекъ; я возвращалась къ своей чудной матери. Я не безъ нѣкотораго сожалѣнія покидала прекрасный кварталъ острова St. Louis, его привлекательныя набережныя, этотъ спокойный берегъ, вдоль котораго я въ лѣтніе вечера прогуливалась съ тетей Анжеликой, люблюсь красивымъ теченіемъ рѣки и полями обрисовывавшимися вдаль; эти набережныя, по которымъ полная святого рвенія я шла въ церковь, чтобы у алтара излить свое умиленіе, не встрѣчая на безлюдномъ пути ни одного предмета, который бы разсѣялъ сладкую сосредоточенность моихъ мыслей. Веселость моей бабушки придавала прелесть ея квартирѣ, въ которой я провела столько веселыхъ и безмятежныхъ дней. Я со слезами разсталась съ ней, несмотря на мою привязанность къ моей матери, достоинства которой, гораздо болѣе солидныя, были болѣе внушительны въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; до этой минуты я не проводила съ ними никакихъ сравненій, которыми могли умалить привлекательность, какъ я смутно чувствовала теперь. Дитя Сены, я всегда селилась на ея берегахъ. Мѣсто, гдѣ находилась квартира моего отца, не было полно мирнаго уединенія, отличавшаго жилище моей бабушки. Панорама „Pont Neuf“ каждую минуту мѣняла сцены и я дѣйствительно въ прямомъ и переносномъ смыслѣ снова вступала въ свѣтъ, вернувшись къ матери. Между тѣмъ масса воздуха, громаднаго пространства все еще носились въ моемъ необузданномъ и романтическомъ воображеніи. Сколько разъ я изъ своего окна, выходившаго на сѣверъ, съ волненіемъ созерцала обширныя пустыни неба, его великолѣпный лазурный сводъ, чудно обрисованный отъ голубоватаго восхода, далеко за „Pont au Change“, до заката, ярко позолоченнаго зарею за деревьями бульвара и домами Chaillot. Я въ концѣ cadaго хорошаго дня всегда проводила такимъ образомъ нѣсколько минутъ, и часто сладкія слезы безмолвно лились изъ моихъ восхищенныхъ глазъ, между тѣмъ, какъ мое сердце, переполненное невыразимымъ чувствомъ, счастливое своимъ бытіемъ и благодарное за то, что существуетъ, повергало передъ Верховнымъ Существомъ свою чистую и достойную Его хвалу. Я не знаю—придаетъ ли чувствительность сердца болѣе яркую окраску всѣмъ предметамъ, или не развивается ли эта чувствительность подъ могущественнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, повидимому незначительныхъ обстоятельствъ, или не являются ли то и другое взаимно причиной и слѣдствіемъ; но когда я вспоминаю свою жизнь, мнѣ трудно рѣшить, приписать ли обстоятельствамъ или своему характеру разнообразіе и полноту любви, такъ хорошо отмѣчавшія всѣ минуты моей жизни и оставившія столь живое воспоминаніе о всѣхъ мѣстахъ, гдѣ я только бывала.

Кажу все время продолжалъ давать мнѣ уроки музыки; онъ любилъ меня заставлять разсуждать объ ея теоріи или вѣрнѣе о механизмѣ ея, такъ какъ, будучи немного композиторомъ, онъ вовсе не былъ математикомъ и еще менѣе былъ свѣдущъ въ метафизикѣ; но онъ нѣсколько виѣннлъ себѣ въ честь передать мнѣ всѣ свои познанія. Онъ почти также сильно огорчался моею холодною къ пѣнію, какъ удивлялся способности слѣдить за ходомъ разсужденія. Пойте съ большей душой!—повторялъ онъ мнѣ постоянно;—вы поете аріи, какъ монашенки „Magnificat“. Бѣдный человѣкъ не могъ понять того, что у меня было слишкомъ много души, чтобы излить ее въ пѣснѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ также трудно было спѣть съ выраженіемъ нѣжный романсъ, какъ было прежде трудно прочесть кому-нибудь вслухъ эпизодъ изъ Эвхарисъ или Герминіи. Всегда внезапно мысленно воплощенная въ лицѣ, которое должно было говорить, я не умѣла подражать, я ощущала описываемое чувство, у меня дыханіе захватывало, голосъ обрывался; въ результатѣ получались затрудненія, которыя я могла поборотъ лишь съ трудомъ посредствомъ серьезнаго и банальнаго пѣнія, такъ какъ я не стала бы проявлять свою страстность. Миниаръ, еще въ то время пока я была у своей бабушки, очень цѣнившей его испанскую любезность, началъ мнѣ давать уроки на гитарѣ, онъ продолжалъ свои уроки и по возвращеніи моемъ къ отцу. Черезъ немного мѣсяцевъ я уже научилась исполнять обыкновенные аккомпанименты: Миниара забавляло усовершенствовать мою игру и я дѣйствительно превзошла его въ своемъ искусствѣ. Это свело несчастнаго съ ума, какъ то увидать впоследствии, когда настанетъ время объ этомъ разсказать. Для усовершенствованія меня въ танцахъ ко мнѣ снова пригласили Мовона, также какъ г-на Дусэ — для арифметики, географіи, чистописанія и исторіи. Мой отецъ меня опять заставилъ работать рѣзцомъ; онъ меня ограничилъ въ маленькомъ жанрѣ, и думалъ возбудить мой интересъ къ нему тѣмъ, что обусловилъ его небольшимъ заработкомъ и такъ какъ онъ въ скоромъ времени меня настолько подвинулъ, что я могла быть полезной, онъ мнѣ поручалъ дѣлать маленькія работы и дѣлился со мной вырученными за нихъ деньгами, подсчитывая послѣднія въ концѣ каждой недѣли по книгѣ, которую онъ совѣтовалъ мнѣ вести. Это мнѣ надоѣло; мнѣ казалось, что ничто не могло быть нелѣпѣе гравированія краевъ ящика для часовъ или футляра; я предпочитала прочесть хорошую книгу, виѣсто того, чтобы купить себѣ ленту; я не скрывала своего отвращенія; меня не принуждали; я отложила въ сторону свои рѣзцы и ваяла и никогда съ тѣхъ поръ до нихъ не дотрогивалась. Я каждое утро съ матерью своей ходила на мессу, послѣ которой иногда дѣлались покупки; по прошествіи этого времени, уроковъ съ моими учителями

и отдыха, я удалялась въ свой кабинетъ для того, чтобы читать, писать и размышлять. Длинные вечера меня снова приучили заниматься рукодѣліемъ, между тѣмъ какъ мать моя была такъ добра, что читала мнѣ вслухъ нѣсколько часовъ подъ рядъ. Я очень любила это чтеніе; но такъ какъ я при этомъ не могла настолько совершенно усваивать вещи, какъ мнѣ этого хотѣлось, оно подало мнѣ мысль дѣлать выписки. Я такимъ образомъ начинала свои утреннія занятія съ того, что набрасывала на бумагу то, что произвело наибольшее впечатлѣніе наканунѣ, ватѣмъ я снова заглядывала въ книгу, чтобы получить связное представленіе или чтобы списать какое-нибудь мѣсто, которое мнѣ хотѣлось имѣть у себя цѣликомъ. Эта склонность обратилась въ привычку, потребность и страсть. Такъ какъ у моего отца была лишь маленькая библіотека, которую я уже раньше исчерпала, то я читала книги, которыя брала на прочтеніе или на которыя подписывалась въ библіотекѣ; я не могла вынести мысли о томъ, чтобы ихъ возвратитъ прежде, чѣмъ бы я себѣ не усвоила изъ нихъ то, что считала въ нихъ лучшимъ. Я такимъ образомъ основательно изучила Плюша, Роллена, Бревъ, отца Орлеанскаго, Сенъ-Реала, аббата Верто и Мезера, столь мало походящаго на послѣдняго; Мезеръ самый сухой писатель, но историкъ моей страны, которую я хотѣла знать. Моей бабушки Бимонъ уже не было на свѣтѣ; мой дядечка, получивши въ Сенъ-Бартелеми болѣе выгодное мѣсто, чѣмъ учителя пѣвчихъ, поселился у старшаго викарія—аббата Ле-Жэ, домъ котораго былъ поставленъ на довольно широкую ногу и у котораго мы послѣ службы виѣстѣ съ нимъ проводили воскресные и праздничные вечера.

Аббатъ Ле-Жэ былъ добрый старикъ, тяжелый и неповоротливый по складу ума и тѣла, отвратительный проповѣдникъ, безжалостный духовникъ, казуистъ, не знаю что еще! Но онъ отлично умѣлъ устраивать собственныя дѣла; онъ сумѣлъ вывести въ люди и пристроить въ Парижѣ въ качествѣ нотаріусовъ своихъ двухъ братьевъ, занимавшихъ видное положеніе въ своей должности, тогда прибыльной и уважаемой. Самъ онъ для завѣдыванія своимъ хозяйствомъ пригласилъ одну свою родственницу дѣвицу де-Анапъ, нескладную, сухую и желтую, съ жесткимъ голосомъ, чрезвычайно гордившуюся своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и надоедавшую всѣмъ своими хозяйственными талантами и пергаментами. Но, словомъ, это была женщина, а это всегда оживляетъ домъ священника; къ тому же она умѣла содержать столъ своего кузена, большого любителя по этой части, въ изобиліи и чистотѣ. Аббату Ле-Жэ было пріятно имѣть такого любезнаго нахлѣбника, какъ аббатъ Бимонъ; за столомъ было веселѣе, его кузина была болѣе въ духѣ, и его партія въ триктракъ обезпечена. Моя мать и его кузина сдѣлались партнерами;

что касается до меня, повидимому заброшенной, я легко примирилась съ занятіемъ этихъ четырехъ лицъ, такъ какъ аббатъ Ле-Жэ принималъ своихъ гостей въ большой библіотетѣ, которой я могла пользоваться какъ хотѣла. Изъ этого источника я черпала пока онъ былъ живъ; это продолжалось не полные три года; одинъ изъ его братьевъ разорился; это свело его съ ума, онъ томился въ теченіе 6 недѣль, бросился изъ окна и умеръ отъ послѣдствій своего паденія. Моя мать пріютила у себя дѣвицу де-Анашъ, тягавшуюся въ то время изъ за наслѣдства своего дяди капитана; она провела у насъ полтора года. Я, въ промежутокъ этого времени, была ея секретаремъ; я писала ея дѣловыя письма, списывала для нея ея дорогую родословную, составляла прошенія, которыя она подавала старшему предсѣдателю и прокурору Парижскаго парламента, назначенныхъ распорядителями пенсій, основанныхъ нѣкимъ г-мъ де Сентъ-Вальз, для бѣдныхъ дѣвицъ-дворянокъ, и я иногда сопровождала ее, когда она въ качествѣ просительницы бывала у разныхъ лицъ. Я прекрасно замѣтила, что, несмотря на ея невѣжество, чопорныя манеры, неизящную рѣчь, старомодный нарядъ, и всѣ странности, ей оказывали почтеніе за ея происхождение; серьезно выслушивали имена ея предковъ, которые всѣ у нея всегда были на языкѣ, и хлопотали объ удовлетвореніи ея просьбъ. Я сравнивала приличный пріемъ, оказываемый ей съ пріемомъ г-жи де Буаморель, оставившій на мнѣ глубокій слѣдъ; я не могла скрыть отъ себя, что я была лучше дѣвицы де-Анашъ, не обладавшей, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и родословную, способностью написать письмо, которое бы не грѣшило противъ здраваго смысла и было прилично написано, я нашла, что свѣтъ очень несправедливъ и общественныя учрежденія очень нелѣпы.

Но посмотримъ на то, что стало съ моими монастырскими друзьями. Моя Агата мнѣ отъ времени до времени писала нѣжныя письма, по тону своему напоминающія тѣхъ воркующихъ голубковъ, которые могутъ себѣ позволить одно лишь чувство дружбы, хотя страстная душа ея умѣла придать тону этому болѣе горячій оттѣнокъ всякій разъ, какъ только могла, она вмѣстѣ съ ними присылала мнѣ маленькіе ларчики, хорошенькія подушечки для булавокъ и конфеты. Я навѣщала ее отъ времени до времени; я даже какъ то разъ, когда въ честь настоятельницы устроили празднество, вошла въ монастырь; привилегію эту для меня выхлопотали, испросивъ на то безъ моего вѣдома разрѣшеніе архіерея, преподнесенное мнѣ затѣмъ въ видѣ особенной милости, значеніе которой я вполне оцѣнила. Всюду царило оживленіе, молодыя дѣвушки были очень нарядны, гостиная разукрашена цвѣтами, трапезная уставлена лакомствами; нужно сознаться, что на этихъ празднествахъ бѣдныхъ затворницъ, въ которыхъ

можно было замѣтить ребячество, царило также и нѣчто привлека-тельное, простодушное, граціозное, являющееся отличительной чертой одной лишь женской кротости, живости ихъ воображенія и невинности ихъ развлеченій, когда онѣ веселятся между собой вдали отъ пола, присутствие коего ихъ всегда дѣлаетъ серьезнѣе, если только не приводитъ въ иступленіе. Маленькая, очень посредственная драма, но которую оживили голоса молодыхъ дѣвушекъ, исполнявшихъ хоромъ нѣсколько куплетовъ, составляла первую часть программы; за ней слѣдовали веселые танцы; остроты порой удачныя, шаловливый смѣхъ, тѣмъ болѣе оживленный, что онѣ представлялъ рѣзкій контрастъ съ обычной серьезностью — все это для милыхъ сестеръ и ихъ воспитанницъ явилось олицетвореніемъ сатурналіи. Монастырскій врачъ пришелъ въ лазаретъ навѣстить нѣсколькихъ больныхъ; надо же было ему дать по-смотреть на празднество. Его привели подъ навѣсъ, разукрашенный зелеными вѣнками, гдѣ устроили нѣчто въ родѣ ярмарки; тамъ молодыя постриженныя монахини продавали романсы; другія угощали сладкими пирогами; одна изъ нихъ разыгрывала лотерею, другая ворожила; маленькія дѣти разносили корзины съ фруктами, а въ другомъ углу затѣвался концертъ. При появленіи докторскаго парня, послушницы спустили свои вуали, старшія пансіонерки оглянулись, не разстроились ли ихъ прически; младшія — приняли сосредоточенный видъ; даже я съ меньшей небрежностью стала держать свою гитару. Она висѣла передо мной на лентѣ, перевязанной черезъ плечо; меня просили спѣть и вдохновленная обстоятельствами я сочинила 2 посредственныхъ куплета, которые произвели большой эффектъ потому, что были сказаны встатіи. Кажу остался бы доволенъ моимъ исполненіемъ, такъ какъ, благодаря тому, что я высказывала лишь такія чувства, которыми могла свободно предаться, ничто не стѣсняло ихъ выраженія. Потребовали, чтобы я повторила ихъ при докторѣ; но это ужъ было не то; голосъ былъ менѣе твердъ, выраженіе какъ бы подавлено; одна старая монашенка замѣтила мнѣ это съ лукавымъ видомъ, прибавивъ, что это лишь дѣлало мое лицо болѣе трогательнымъ. Докторъ ушелъ; всѣ обрадовались его уходу, хотя никто бы не желалъ, чтобы онѣ не приходилъ вовсе.

Софья уже вернулась къ своей семьѣ въ Амьенъ. Мы передъ ея отъѣздомъ упросили нашихъ матерей познакомиться другъ съ другомъ; онѣ, такъ сказать, освятили нашу дружбу, взаимно поздравляя себя съ выборомъ своихъ дочерей, и улыбнулись, слушая общанія не забывать другъ друга, которыми мы обмѣнялись въ ихъ присутствіи. Это оказалось ближе къ истинѣ, чѣмъ онѣ то тогда предполагали, несмотря на произошедшія измѣненія, о которыхъ узнаютъ далѣе. Я стала очень аккуратно переписываться съ своимъ другомъ; а ей

писала каждую недѣлю, чаще по два раза, нежели по разу. Что же вы говорили?—спросить меня. Все то, что видѣла, думала, чувствовала, замѣчала, и я по истинѣ многое имѣла сказать. Эти сообщенія въ самихъ себѣ носили источникъ совершенствованія; я научалась больше думать, высказывая свои мысли; я училась съ большимъ жаромъ, потому что мнѣ доставляло удовольствіе дѣлиться тѣмъ, что я приобретала, и я внимательнѣе наблюдала, потому что мнѣ нравилось описывать. Софья мнѣ писала меньше; многочисленная семья, открытый домъ, много общественныхъ обязанностей, та поглощенная мелочами и наполненная бессмысленными визитами, провинціальная жизнь, часть которой аккуратно посвящалась игрѣ во имя любви къ ближнему, не оставляли у нея досуга, ни чтобы передавать мнѣ, ни самой воспринимать столько вещей. Она, можетъ быть, благодаря этому, особенно дорожила тѣми, которыя узнавала отъ меня и этимъ меня тѣмъ болѣе заинтересовывала сообщать ихъ ей. Смерть аббата Ле-Жэ лишила меня библіотеки, гдѣ я имѣла историковъ, міеологовъ, отцевъ церкви и литераторовъ, Котру и Рулле, называвшихъ Горація Коклеса великодушнымъ воеголазымъ; Мамбура, столь же хорошаго вкуса, Берювэ написавшаго Исторію народа Господня такимъ слогомъ, какимъ Битобэ написалъ поэму о Іосифѣ; рыцаря де Фолара, совсѣмъ иного склада; его подробныя описанія войны мнѣ казались болѣе дѣльными, чѣмъ размышленія іезуитовъ; аббата Баніэ для меня гораздо болѣе занимательнаго, чѣмъ аббатъ Флери, Кондиллака и отца Андре, метафизика которыхъ прилѣпленная къ искусству краснорѣчія, къ прекрасному во всѣхъ его проявленіяхъ, необыкновенно мнѣ понравилась; нѣсколько стихотвореній Вольтера и „Опыты морали“ Никола, Житія отцевъ пустынниковъ и біографію Декарта, составленную Андре Балъэ, всеобщую исторію Боссюэ; письма Св. Іеронима и романъ Донъ Кихота; тысячу другихъ столь же разнообразныхъ вещей. Пришлось по неволѣ обратиться къ книгопродавцамъ. Мой отецъ не былъ въ состояніи выбирать и потому спрашивалъ то, что я ему указывала; мой выборъ падалъ на тѣ произведенія, о которыхъ я себѣ составила нѣкоторое понятіе на основаніи ссылокъ или инымъ путемъ изъ прочитанныхъ уже книгъ. Я такимъ образомъ отиѣтила себѣ переводы древнихъ историковъ, Діодора Сицилійскаго и другихъ; мнѣ хотѣлось перечестъ исторію своей страны, написанную не Мезерэ, а другимъ писателемъ; я выбрала аббата Велли и его продолжателей, — гораздо менѣе интересныхъ, чѣмъ онъ, хотя они, принимая во вниманіе эпохи, о которыхъ писали, должны, были бы быть еще интереснѣе, если бы обладали равнымъ съ нимъ талантомъ. Паскаля, Монтескье, Локка, Бурламаки, нашихъ главныхъ драматурговъ. Я не имѣла иного плана ни цѣли, кромѣ знанія и образованія; мнѣ нужно было упражнять

дѣятельность своего ума, питать свои серьезные вкусы; я чувствовала потребность въ счастіи, я могла осуществить его лишь при посредствѣ большаго развитія своихъ способностей; оно для меня заключалось въ прилежаніи. Не знаю что бы изъ меня вышло, еслибы я попала въ руки какого-нибудь искуснаго воспитателя; весьма вѣроятно, что, сосредоточившись на одномъ и главномъ предметѣ, я бы могла достигнуть большаго совершенства въ какой-нибудь специальной отрасли знанія или развить въ себѣ большой талантъ. Сдѣлало бы это меня лучше или полезнѣе? Это вопросъ, который я предоставляю другимъ рѣшить; но это навѣрно не сдѣлало бы меня счастливѣе; для меня ничто не можетъ сравниться съ полнотой жизни, мира, удовлетворенія этихъ годовъ невинности и занятій. Они, впрочемъ, протекали не безъ волненій: бываетъ ли жизнь человѣка на землѣ когда-нибудь свободной отъ нихъ?

Я обыкновенно читала нѣсколько книгъ одновременно; надъ нѣкоторыми изъ нихъ я работала, другія читала для отдыха; длинныя историческія произведенія мы читали, какъ я уже о томъ упоминала, вслухъ по вечерамъ, ставшимъ единственнымъ временемъ, когда я бывала со своею матерью; я весь день проводила одна въ своемъ кабинетѣ, гдѣ дѣлала выписки, забавлялась или думала. Въ праздничные дни въ хорошее время года мы отправлялись на общественныя гулянья; мой отецъ меня старательно водилъ на всѣ выставки картинъ и различныхъ предметовъ искусства, весьма обычныхъ въ Парижѣ въ вѣкъ роскоши и благосостоянія этого рода. Онъ очень наслаждался въ такихъ случаяхъ, такъ какъ мило проявлялъ свое превосходство, обращая мое вниманіе на то, что знаетъ лучше меня и радовался вкусу, который находилъ во мнѣ, какъ собственному своему созданію. Это было точкой соприкосновенія между нами; мы дѣйствительно чувствовали связь между собой въ такихъ случаяхъ. Никакая представительность не оставляло его равнодушнымъ, и было очевидно, что онъ любилъ показываться въ обществѣ, ведя подъ руку нарядную дѣвушку, цвѣтущимъ видомъ своимъ иногда вызывавшую комплименты, доносившіеся до его ушей. Если кто нибудь заговаривалъ съ нимъ, недоумѣвая относительно званія той, которая его сопровождала, онъ говорилъ: это моя дочь, съ скромно-торжествующимъ видомъ, который, я лучше всѣхъ замѣчала и который меня очень трогалъ, не возбуждая моего тщеславія, такъ какъ я въ этомъ видѣла лишь доказательство его нѣжности. Когда я говорила, онъ видимо наблюдать за тѣмъ, какое впечатлѣніе производилъ на постороннихъ звукъ моего голоса, здравый смыслъ, который я способна была проявить, и выражалъ имъ своими взглядами: не имѣю ли я основаніе гордиться? Я чувствовала все это; это иногда усиливало мою застѣнчивость, но не было не-

пріятно: мнѣ казалось, что я своею скромностію должна была искупить тщеславіе своего отца. Этотъ свѣтъ, это искусство, воображеніе, пробуждаемое имъ, желаніе правиться столь естественное и столь сильное у женщинъ, моя набожность, мои занятія, разумъ и вѣра, какъ все это укладывалось вмѣстѣ? Въ этомъ именно крылась причина той тревоги, о которой я только что говорила. Ростъ и послѣдствія ея заслуживаютъ болѣе подробнаго изложенія, хотя это и довольно трудно исполнить.

У болѣе части людей, естественно созданныхъ для чувства болѣе, чѣмъ для мысли, страсти наносятъ первые удары вѣрѣ, если послѣдняя была заложена воспитаніемъ. Ахъ! онѣ же зарождаютъ противорѣчія между исповѣдуемыми принципами; желаніями, которыхъ эти принципы не въ состояніи подавить и учрежденіями строя, плохо рассчитаннаго на то, чтобы ихъ примирить между собой. Но въ молодой размышляющей головѣ, живущей вдали отъ искушеній общества, разумъ первый начинаетъ тревожиться и изслѣдуетъ даже раньше, чѣмъ для него бываетъ выгодно сомнѣваться. Если даже причина моей тревоги не имѣла личнаго характера, она все же находилась въ тѣсной зависимости отъ моей чувствительности; я думала сердцемъ, и мой умъ, сохраняя свою независимость, никогда не былъ равнодушнымъ.

Первое, что мнѣ внушило отвращеніе къ религіи, которую я исповѣдовала съ искренностію основательнаго и послѣдовательнаго ума, было осужденіе всѣхъ, кто ее отвергалъ или не зналъ. Когда я, ознакомившись съ исторіей, хорошенько вглядѣлась въ обширность міра, въ непрерывный рядъ вѣковъ, въ развитіе государствъ, въ общественныя добродѣтели, въ заблужденія столькихъ народовъ, — я нашла пошлой, смѣшной и жестокой мысль о Создателѣ, осудившемъ на вѣчныя муки безчисленныхъ людей, слабыхъ созданій его рукъ, брошенныхъ на землю среди столькихъ опасностей и во мракѣ невѣдѣнія, уже доставившаго имъ столько страданій. Я ошибалась относительно этого догмата, это очевидно, не ошибаюсь ли и относительно какого-либо другого догмата? Станемъ изслѣдовать. Съ той минуты, какъ какой-либо католикъ сдѣлалъ подобное разсужденіе, церковь можетъ его считать какъ бы потеряннымъ для себя. Я вполне понимаю почему священники требуютъ слѣпнаго подчиненія и такъ страстно проповѣдуютъ ту религіозную вѣру, которая воспринимается безъ изслѣдованія и обожаетъ безропотно; это основаніе ихъ владычества, оно разрушится, какъ только начнутъ разсуждать. Послѣ жестокости осужденія меня сильнѣе всего поразила нелѣпость непогрѣшимости, и я не замедлила отвергнуть какъ то, такъ и другую. Что же остается истиннаго? Вотъ что сдѣлалось предметомъ изслѣдованія, надъ которымъ я работала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ энергіей и иногда

душевной тоской, трудно подлежащей описанію. Критическія сочиненія, философы, моралисты, метафизики—стали моимъ любимымъ чтеніемъ, я разыскивала слѣды, которые бы могли мнѣ дать о нихъ указанія; сравненія между ними, ихъ анализъ преимущественно занимали меня. Я потеряла Викторинца, своего духовника, онъ умеръ, этотъ добрый г. Лаллеманъ, о честности и умѣ котораго мнѣ пріятно еще и здѣсь засвидѣтельствовать. Вслѣдствіе необходимости избрать ему преемника, мой выборъ палъ на аббата Морель, причисленнаго къ нашему приходу и съ которымъ я встрѣчалась у своего дяди. Это былъ маленькій человекъ, не глупый, державшійся очень строгихъ принциповъ: эта причина была для меня рѣшающей. Когда вѣра моя поколебалась, онъ первый объ этомъ узналъ, такъ какъ я всегда умѣла говорить одну только правду. Онъ поспѣшилъ прислать мнѣ для прочтенія апологетовъ и защитниковъ христіанской религіи, я такимъ образомъ очутилась въ обществѣ аббата Гоша, аббата Бержіе, Аббади, Голлана, Кларка и т. д.—я ихъ серьезно изучила; я иногда писала замѣчанія, и оставляла ихъ въ книгѣ, возвращая послѣднюю аббату Морелю, который съ удивленіемъ спрашивалъ меня, сама ли я ихъ написала и задумала. Самое комичное было то, что черезъ эти произведенія я узнала о существованіи тѣхъ, которыя они имѣли притязаніе опровергнуть, и что въ нихъ я вычитала ихъ заглавіе съ тѣмъ, чтобы ихъ достать. Такимъ образомъ, Трактатъ о терпимости, Философскій словарь, Энциклопедическіе вопросы, Здравый смыслъ маркиза д'Аржанъ, Еврейскія письма, Турецкій шпионъ, Нравы, Духъ, Дидеро, д'Аламберъ, Рейналь, Система природы, попеременно прошли черезъ мои руки.

Мое развитіе не ограничивалось однимъ умственнымъ ростомъ, физическій организмъ съ своей стороны тоже развивался во всѣхъ направленіяхъ. Мнѣ было 14 лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день —1-го мая, онъ внезапно расцвѣлъ безо всякихъ усилій, какъ роза, яркая и свѣжая, распускается подъ могущественными лучами весенняго солнца. Хотя моя мать никогда мнѣ опредѣленно не говорила о томъ, что меня ожидало, но она при случаѣ, достаточно много, по этому поводу высказывалась въ моемъ присутствіи и особенно бабушку мою чрезвычайно занимало дѣлать мнѣ нѣкоторыя предсказанія, такъ что событіе это меня не удивило.

Я замѣтила его съ нѣкоторою радостью, какъ посвященіе въ классъ взрослыхъ людей, и я объявила о немъ доброй моей матери, которая нѣжно поцѣловала меня, обрадованная тѣмъ, что я такъ блистательно миновала время, беспокоившее ее за мое здоровье. До того времени я иногда самымъ страннымъ образомъ пробуждалась отъ глубокаго сна. Воображеніе тутъ было не при чемъ; слишкомъ

много серьезных предметов поглощали его собой, и моя боязливая совѣсть слишкомъ заботливо оберегала его отъ увлеченія другими вещами для того, чтобы я могла представить себѣ то, чего не позволяла себѣ пытаться понять. Но въ теплѣ постели моими чувствами овладѣвало странное волненіе, производившее само собой, благодаря великолѣпному тѣлосложенію, очищеніе, которое для меня было также неизвѣстно, какъ и его причина. Первое чувство воспослѣдовавшее изъ этого, было, не знаю почему, нѣчто вродѣ страха: я замѣтила въ своей Филоееѣ, что намъ не дозволено извлекать никакихъ удовольствій изъ тѣлъ нашихъ, когда мы не находимся въ законномъ бракѣ. Я вспомнила объ этомъ наставленіи: то, что я испытала могло назваться удовольствіемъ, я, слѣдовательно, была виновата и въ томъ направленіи, какое могло мнѣ причинить больше всего стыда и горя, такъ какъ оно больше всего не нравилось Непорочному агнцу. Большая тревога въ моемъ бѣдномъ сердцѣ, молитвы и умерщвленія плоти: какъ избѣгнуть подобной вещи? такъ какъ я, вѣдь, не предвидѣла ее; но въ то мгновеніе, какъ я испытывала ее, я не постаралась ее подавить. Я стала необыкновенно строго наблюдать за собой. Я замѣтила, что инныя положенія меня болѣе подвергаютъ опасности нежели другія; я старательно ихъ избѣгала. Безпокойство было такъ сильно, что мнѣ впослѣдствіи удавалось просыпаться до катастрофы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда я не смогла предотвратить ея, я вскакивала съ постели, съ босыми ногами на натертомъ полу, несмотря на зимній холодъ и со скрещенными руками я просила Господа спасти меня отъ сѣтей діавола; я тотчасъ же налагала на себя какое-нибудь лишеніе; и мнѣ случалось буквально осуществлять то, что Царь-пророкъ сообщилъ намъ можетъ быть лишь въ видѣ риторики въ восточномъ вкусѣ — посыпать хлѣбъ свой пепломъ, орошая его своими слезами. Я не разъ завтракала, посыпая свою тартинку золой вмѣсто соли, изъ духа покаянія. Эти завтраки также мало отразились на моемъ здоровьи, какъ и ночныя происшествія, для искупленія коихъ я подвергала себѣ этому безразсудному режиму. Я наконецъ поняла, что это могли быть испытанія, ниспосланныя небомъ для того, чтобы поддерживать въ насъ скромное недоувѣріе въ своимъ силамъ; я вспомнила о жалобахъ и молитвахъ св. Павла объ избавленіи его отъ какого-то демона и его навойливыхъ вождѣлнйяхъ; я себѣ вообразила, что ради этого св. Бернардь иногда бросался въ снѣгъ, св. Іеронимъ облекалъ свое тѣло власяницей, и что потому такъ усердно рекомендовался постъ тѣмъ, кто желалъ достигнуть совершенства. Какъ я бывала смиренна и ревностна, когда это со мной случалось! Какъ мой голосъ, мой застѣнчивый видъ, этотъ руманецъ еще болѣе яркій, эти влажные и блестящіе

глаза придавали еще больше выраженія лицу, дышавшему чисто-сердечіемъ и чувствительностью! Какая смѣсь невинности, прежде-временно созрѣвшихъ чувствъ, здраваго смысла и простоты! — Поистинѣ я почти счастлива своимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ, ради воспоминаній объ этихъ подробностяхъ, о которыхъ я еще никогда не доставляла себѣ удовольствія подумать и которыя меня въ самомъ дѣлѣ забавляютъ.

Я уже вижу, какъ любопытные беспокоятся о томъ, что я могла по этому поводу сказать на исповѣди; но мнѣ навѣрно легче представить себѣ мое положеніе, чѣмъ мнѣ было выпутаться изъ него. Какъ самое строгое разслѣдованіе ни успокоивало мою совѣсть, доказывая ей непроизвольность того, что свершилось, я постоянно вспоминала про принципъ Филозен; про доводъ въ пользу его, и если это, наконецъ, было испытаніемъ, слѣдовало ли мнѣ о немъ говорить духовному отцу? Какъ за это взяться? Какимъ именемъ назвать? Что описать? Что я могла сказать?—Отецъ мой! я сознаю себя виновной...—Ну что-жь?—что послѣ того сказать?—Сердце мое билось, лицо пылало, я обливалась потомъ; я сознаю себя виновной въ томъ, что испытывала побужденія, противныя христіанской чистотѣ. Ахъ, какая прекрасная фраза! Я этому выраженію также обрадовалась, какъ Сантейлъ подысканной имъ римѣ и Архимедъ—разрѣшенной имъ задачѣ. Но еслибъ онъ сталъ мнѣ предлагать еще какіе-нибудь вопросы? Но онъ самъ долженъ знать, а это все, что я могу сказать. Я въ этотъ день дрожала еще сильнѣе, опускалась на колѣни передъ святымъ престоломъ, и, спустивъ вуаль до самаго подбородка, я поспѣшила облегчить свое сердце отъ наиболѣе тяжелой вины.—Способствовали ли вы этому?—Не знаю; но не произвольно.—Не читали ли скверныхъ книгъ?—Никогда.—Не предавались ли вы сквернымъ мыслямъ?—О, нѣтъ, онѣ пугаютъ меня. А... дальше!...—Не знаю; не долженъ ли былъ добрый аббатъ Морель тогда подавить въ себѣ какую-нибудь скверную мысль, но онъ съ мудрой скромностью больше ничего не прибавилъ; я рѣшила, что его—„а, дальше“ означало переходъ къ очереднымъ дѣламъ и что я слѣдовательно не была столь виноватой, какъ я того боялась; онъ тѣмъ не менѣе въ заключительныхъ словахъ поученія посовѣтовалъ мнѣ очень наблюдать за собой, помнить, что ангельская чистота была наиболѣе пріятной Господу добродѣтелю и другія общія мѣста, о которыхъ я каждый день читала; я убѣдилась, что была права, рѣшивъ, что это было испытаніе и, давъ такое толкованіе апостолу Павлу и другимъ, моя совѣсть освободилась отъ очень тягостнаго укора и я продолжала слѣдить за собой, но уже не волновалась. Трудно описать какъ велика польза, которую на всю жизнь приносить привычка къ подобному удержа-

нію, какъ бы она не была приобрѣтена; она надо мной возымѣла такую власть, что я изъ нравственныхъ побужденій и деликатности сохранила строгость внушенную мнѣ моею набожностью. Привычка обуздывать свое воображеніе научила меня владѣть имъ; я получила какое-то отвращеніе ко всякому грубому или одинокому удовольствію, и среди опасныхъ положеній я оставалась воздержанной отъ сладострастія въ то время, какъ соблазнъ могъ меня увлечь до забвенія обстоятельствъ и принциповъ. Для меня удовольствіе также какъ и счастье заключается лишь въ соединеніи того, что способно плѣнять сердце также какъ и чувственность, и не оставляетъ послѣ себя сожалѣній и при подобномъ образѣ дѣйствій, трудно забыться и невозможно опошлится; но это не предохраняетъ отъ того, что можно назвать страстью и даже можетъ быть оставляетъ больше матеріала чтобы питать ее. Я могла бы тутъ въ качествѣ геометра присовокупить, С. С. Q. F. D. ¹⁾). Терпѣніе, мы еще успѣемъ придти къ доказательству.

Къ новымъ ощущеніямъ здороваго организма незамѣтно присоединились всѣ отгѣнки желанія нравиться: я любила казаться хорошенькой, мнѣ нравилось, когда мнѣ это говорили, и я съ самодовольствомъ занималась тѣмъ, что могло мнѣ доставить это развлеченіе. Теперь, можетъ быть, будетъ своевременно начертить мой портретъ: безразлично сдѣлать ли это теперь или въ другомъ мѣстѣ. Въ 14 лѣтъ во мнѣ было, какъ и теперь, около 5-ти футовъ росту, который достигъ полнаго своего развитія; красивыя ноги, изящнаго сложенія, очень высокіе бока; грудь широкая и роскошно развившаяся, покатыя плечи; увѣренная и граціозная осанка, быстрая и легкая походка; все это замѣчалось на первый взглядъ. Мое лицо ничего не имѣло въ себѣ такого, что бы бросалось въ глаза, исключая большой свѣжести, чрезвычайной кротости и выразительности; еслибы разбирать каждую черту въ отдѣльности, можно было бы себѣ задать вопросъ—въ чемъ же заключается красота? Всѣ черты неправильны и всѣ нравятся. Ротъ немного великъ; видишь тысячи ртовъ, которые красивѣе его, но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ болѣе нѣжной и обаятельной улыбкой. Глаза, напротивъ того, не очень велики, зрачекъ ихъ сѣро-караго цвѣта, но они на выкатѣ, взглядъ открытый, искренній, живой и кроткій, они увѣнчаны бровями такого же каштановаго цвѣта, какъ и волосы, и прекрасно обрисованы; они измѣнчивы въ своемъ выраженіи, какъ любящая душа, чувства которой они передаютъ; серьезные и гордые, они иногда удивляютъ, но ласкаютъ еще гораздо болѣе и всегда оживляютъ. Носъ нѣсколько огорчалъ меня, я находила, что кончикъ его немного

¹⁾ C'est Ce Qu'il Fallait Démontrer, что и требовалось доказать.

толстъ; онъ однако не портилъ общаго впечатлѣнія, особенно въ профиль. Лобъ широкій, гладкій, открытый въ тѣ годы, онъ по-
 коился надъ чрезвычайно глубокими глазными впадинами, посреди
 его въ видѣ Y при малѣйшемъ волненіи обозначались жилки, онъ
 былъ далекъ отъ той незначительности, какою онъ отличается въ
 столькихъ лицахъ. Что касается до подбородка, довольно выдающа-
 гося, въ немъ обозначались тѣ черты, которыя фیزیонومیсты считаютъ
 признаками сладострастія. Если ихъ сопоставить со всѣмъ тѣмъ, что
 является моими отличительными свойствами, то я сомнѣваюсь, чтобы
 когда-либо кто-нибудь былъ болѣе созданъ для нея и меньше ею
 наслаждался. Цвѣтъ лица скорѣе яркій, чѣмъ очень блѣдный, блестящія
 краски, которыя часто еще оживлялись подъ вліяніемъ внезапнаго
 прилива горячей крови, возбуждаемой самыми чувствительными нер-
 вами; нѣжная кожа, округленныя руки, рука пріятная, хотя и не
 маленькая, такъ какъ длинныя и тонкія пальцы ея показывали лов-
 кость и сохраняли грацію; хорошіе ровные зубы; полнота, являвшаяся
 признакомъ превосходнаго здоровья; таковы сокровища, дарованныя
 мнѣ природою. Я многія изъ нихъ утратила, въ особенности изъ тѣхъ,
 которыя относятся къ полнотѣ и свѣжести; тѣ, которыя у меня оста-
 лись, скрываютъ еще безъ того, чтобы я пускала въ ходъ какое-нибудь
 искусство отъ 5 до 6 изъ моихъ годовъ; и мнѣ приходится говорить
 о томъ, сколько мнѣ лѣтъ даже людямъ, видающимъ меня ежедневно
 для того, чтобы они мнѣ повѣрили, что мнѣ болѣе 32 или 33 лѣтъ.
 Лишь со времени моихъ утратъ я поняла все то, что имѣла; я не
 знала его цѣны, когда имъ обладала, и можетъ быть это невѣдѣніе
 повышало его значеніе; я не жалѣю теперь о немъ, такъ какъ не
 злоупотребляла имъ; но если бы возможно было согласовать долгъ съ
 моимъ влеченіемъ, чтобы сдѣлать менѣе бесполезнымъ то, что у меня
 осталось, я бы не была этимъ недовольна. Мой портретъ былъ напи-
 санъ нѣсколько разъ красками и гравированъ; ни одно изъ этихъ
 подражаній не даетъ понятія о моей наружности ¹⁾; трудно уло-
 вить сходство съ ней, такъ какъ во мнѣ больше души, чѣмъ внѣш-
 ней красоты, больше выраженія, чѣмъ правильности чертъ. Обыкно-
 венный художникъ не въ состояніи передать меня; очень даже вѣ-
 роятно, что онъ не видитъ меня. Мое лицо оживляется соразмѣрно
 съ интересомъ, который мнѣ внушаютъ люди, точно также, какъ мой
 умъ развивается соотвѣтственно съ умомъ, который они пускаютъ въ
 ходъ со мною. Я себя чувствую такой глупой со столькими людьми,
 что, замѣтивъ свою находчивость съ остроумными людьми, я долго въ
 своемъ добродушіи приписывала ее ихъ искусству. Я обыкновенно

¹⁾ Карета Лангуа наименѣе плохое изъ нихъ.

нравлюсь, потому что боюсь обидѣть кого бы то ни было; но не всѣмъ дано находить меня хорошенькой и чувствовать мое значеніе. Иной старикъ, влюбленный въ самого себя, любящій хвастаться крохами своего давно добытаго знанія, могъ бы меня видѣть 10 лѣтъ, не подозрѣвая что бы я знала что-нибудь иное, чѣмъ дѣлать сложеніе или шить рубашку. Камиль (Дэмуленъ) былъ правъ, когда удивлялся, что въ мои годы и при столь незначительной красотѣ, я имѣла то, что онъ называетъ поклонниками; я никогда не говорила съ нимъ, но можно было бы биться объ закладъ, что съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ, я была бы холодной и молчаливой, если не отталкивающей. Онъ не попалъ въ цѣль, надѣливъ меня дворомъ; я также ненавижу волокитъ, какъ презираю рабовъ и великолѣпно умѣю выпроваживать любителей строить комплименты. Я прежде всего чувствую потребность въ уваженіи и доброжелательствѣ; могутъ затѣмъ восхитаться силой, если пожелаютъ; но нужно, чтобы меня отличали и любили; это неизмѣнно случается, если меня видятъ часто и обладаютъ здравымъ смысломъ и сердцемъ.

Это желаніе нравиться, волнующее юную грудь, заставляющее испытывать сладкій трепетъ, когда замѣчаешь, что являешься предметомъ восхищенныхъ взглядовъ, въ оригинальномъ сочетаніи съ застѣнчивостью, свойственной стыдливости и строгостью моихъ принциповъ, придавали мнѣ также, какъ и туалету моему, совершенно особенную прелесть. Ничто не могло быть приличнѣ моего платья и скромнѣ моего обращенія; я любила, чтобы они были просты; я стремилась въ нихъ лишь къ граціи, а находили ихъ прелестными. Со всѣмъ тѣмъ это отреченіе отъ свѣта, это презрѣніе къ его пышности и его дѣламъ постоянно проповѣдуемое христіанской моралью, плохо примирились съ природными влеченіями; противорѣчіе между ними сперва мучило меня; но критика неизбежно распространилась на правила поведенія также, какъ и на тайны—предметы вѣры; я съ одинаковымъ вниманіемъ пыталась разрѣшить то, что я должна была дѣлать, и изслѣдовать то, во что я могла вѣрить. Изученіе философіи, какъ науки о правахъ и основаніи счастья, сдѣлалось моимъ единственнымъ занятіемъ; я сосредоточила на ней свое чтеніе и свои наблюденія.

Со мной въ метафизикѣ, относительно философскихъ системъ происходило то же, что я испытывала читая поэмы; мнѣ казалось, что я преображалась въ лица драмы, имѣвшія наибольшее сходство со мной, или въ тѣ изъ нихъ, которыхъ я больше уважала; я воспринимала взгляды, поражавшіе меня своей новизной или блескомъ; они были моими до новаго или болѣе глубокаго изслѣдованія. Такъ, въ сочиненіяхъ полемическаго характера я стала на сторону авторовъ

Поръ-Рояля; ихъ логика и строгость подошли къ моему складу, между тѣмъ, какъ я чувствовала естественное отвращеніе къ іезуитскимъ уверткамъ и слащавости. Когда я читала о древнихъ сектахъ философовъ, я отдавала пальму первенства стоикамъ; я, подобно имъ, пыталась настаивать что страданіе не зло; и такъ какъ это безуміе не могло долго длиться, я упорствовала въ томъ, чтобы по крайней мѣрѣ не позволять себѣ быть побѣждаемой имъ; мои небольшія испытанія убѣдили меня въ томъ, что я могла переносить величайшія страданія, не испуская криковъ. Первая ночь супружеской жизни разбила мои претензіи, которыя я сохраняла до той поры; правда, что тутъ подействовала неожиданность, и что неопытный стоикъ долженъ быть сильнѣе въ отношеніи къ предусматриваемому злу, чѣмъ по отношенію къ тому, которое поражаетъ врасплохъ, когда онъ ждетъ совсѣмъ противоположнаго.

Въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, читая Декарта и Мальбранша, я дошла до того, что смотрѣла на свою кошку, когда она мяукала, какъ на заведенную машину; но отдѣлая, такимъ образомъ, чувство отъ его проявленія, мнѣ казалось, что я разсѣкала міръ на части и перестала въ немъ находить прелесть; для меня было гораздо пріятнѣе всему приписывать душу, и я бы скорѣе приняла душу Спинозы, чѣмъ обоплась бы совсѣмъ безъ души. Гельвецій меня заставлялъ страдать; онъ уничтожалъ самыя очаровательныя иллюзіи; онъ всюду выставлялъ отталкивающій для меня эгоизмъ; но сколько проникательности! Какое чудесное изложеніе! Я убѣдила себя, что Гельвецій изображалъ людей такими, какими они стали подъ вліяніемъ общественной порчи; я рѣшила, что слѣдовало изучить этого автора, чтобы посѣщать такъ называемый свѣтъ и не быть обманутой имъ; но я и не думала принимать его принципы для сужденія о человѣкѣ, какъ таковомъ, и для оцѣнки самой себя; я бы считала себя униженной; я чувствовала себя способной къ великодушію, которое онъ не признавалъ. Съ какимъ восмищеніемъ я противопоставляла тому, что онъ говорилъ, великія событія исторіи и добродѣтели героевъ, прославленныхъ ею! Читая разсказъ о какомъ-нибудь прекрасномъ поступкѣ, я всегда себѣ говорила: „Вотъ какъ бы и я поступила!“ Я страстно увлекалась республиками, такъ какъ въ нихъ чаще всего я встрѣчала добродѣтели, возбуждавшія мой восторгъ, и людей достойныхъ моего уваженія; я пришла къ убѣжденію, что строй ихъ былъ единственнымъ подходящимъ къ тѣмъ и другимъ; я себя не считала ниже первыхъ, а съ негодованіемъ отвергала мысль о союзѣ съ человѣкомъ, который бы не стоилъ вторыхъ, и, вздыхая, спрашивала себя, почему я не родилась среди нихъ?

Мы предприняли путешествіе въ Версаль, моя мать, дядечка,

дѣвица де-Анашъ и я; это путешествіе не имѣло иной цѣли, какъ показать мнѣ дворъ, его мѣстопребываніе и развлечь этимъ зрѣлищемъ. Мы остановились во дворцѣ. Г-жа Ле-Гранъ, придворная дама при супругѣ дофина, знакомая съ аббатомъ Бимономъ черезъ своего сына, его прежняго товарища, о которомъ мнѣ еще придется говорить, уступила намъ свою квартиру, такъ какъ не была въ то время дежурной. Квартира была подъ самой крышей, въ одномъ корридорѣ съ архіепископомъ Парижскимъ и въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ него, что этотъ духовный сановникъ долженъ былъ наблюдать за собой, чтобы мы не слышали, какъ онъ говорилъ; ту-же предосторожность приходилось соблюдать и намъ. Двѣ комнаты, довольно скудно обмѣблированныхъ, подъ потолкомъ одной изъ коихъ былъ пристроенъ уголь, гдѣ спалъ лакей, съ отвратительнымъ входомъ вслѣдствіе мрака въ корридоръ и запаха отъ отхожихъ мѣстъ, таково было жилище, которымъ гордился герцогъ и перъ Франціи, ради того, чтобы быть болѣе подъ рукой для ежедневныхъ работъ по утрамъ при вставаніи ихъ Величествъ: и это однако былъ ригористъ Бомонъ!.. Въ теченіе 8 дней мы были зрителями большихъ и малыхъ обѣдовъ всей королевской семьи въ сборѣ или въ одиночку, мессъ, прогулокъ, игръ, представленій. Знакомые г-жи Ле-Гранъ облегчили намъ туда доступъ; дѣвица де-Анашъ гордо проникала всюду, готовая пустить свое имя въ лицо всякому, кто бы ей оказалъ сопротивленіе, и увѣренная, что на ея вѣчномъ лицѣ были написаны 660 лѣтъ ея доказаннаго дворянства. Она узнала двухъ или трехъ человекъ изъ гвардіи короля, родословную которыхъ она очень подробно изложила намъ; она оказалась родственницей того изъ нихъ, который носилъ самое старинное имя, хотя и игралъ тѣмъ не менѣе очень незначительную роль при дворѣ. Красивое лицо педантика, какимъ былъ аббатъ Бимонъ, и глупая спѣсь уродливой де-Анашъ не слишкомъ были неумѣстны въ этихъ мѣстахъ; но не нарумяненное лицо моей почтенной матери и скромность моего туалета выдавали въ насъ буржуа; если раздавались какіе-нибудь комплименты моимъ глазамъ или молодости, они почти отзывались покровительствомъ, и доставляли мнѣ почти такое же непріятное чувство, какъ комплименты г-жи де Буаморель. Философія, фантазія, чувство и расчетливость были одинаковы развиты во мнѣ. Впечатлѣніе большого великолѣпія не оставляло меня равнодушной; но я возмущалась тѣмъ, что оно имѣло цѣлью возвысить нѣсколько личностей и безъ того уже слишкомъ могущественныхъ и очень самихъ по себѣ незначительныхъ; я предпочитала видѣть статуи садовъ, нежели обитателей дворцовъ; и когда мать моя меня спросила, довольна ли я своей поѣздкой: „Да, отвѣтила я, лишь бы она скорѣе кончилась; еще нѣсколько, дней и я

такъ сильно возненавижу людей, которыхъ вижу, что не буду знать, какъ совладать со своею ненавистью".— Что же они тебѣ дѣлаютъ дурного, спросила моя мать? — „Они заставляютъ меня чувствовать несправедливость и ежеминутно созерцать глупость“. Я вздыхала, думая объ Аэинахъ, гдѣ бы я также восхищалась предметами искусства, но не была бы оскорбляема зрѣлищемъ деспотизма; я мысленно прогуливалась по Греціи, я присутствовала на Олимпійскихъ играхъ и возмущалась тѣмъ, что была французенкой. Находясь такимъ образомъ подъ обаяніемъ всего того, что представляло моему воображенію прекрасное время республики, я скользила мимо бурь, которыми онѣ были потрясены; я забывала о смерти Сократа, объ изгнаніи Аристиды, объ осужденіи Фокіона. Я не знала, что небо предназначало мнѣ быть свидѣтельницей заблужденій подобныхъ тѣмъ, жертвами которыхъ они пали, и раздѣлить славу подвергнуться такимъ же преслѣдованіямъ, послѣ того, что я исповѣдывала ихъ принципы. Призываю небо въ свидѣтели, что личные страданія мои не исторгли у меня ни одного сожалѣнія, ни вздоха: меня сокрушаютъ лишь несчастія моей родины. Во время раздоровъ между дворомъ и парламентомъ въ 1771 г., мой характеръ и убѣжденія заставили меня стать на сторону послѣднихъ; я доставала себѣ всѣ ихъ протесты (*remontrances*) и мнѣ особенно нравились тѣ изъ нихъ, въ которыхъ была выражена наиболѣе рѣзкая правда и которые написаны были самымъ смѣлымъ языкомъ. Сфера моихъ идей расширялась все болѣе, мое собственное счастье и обязанности, съ исполненіемъ которыхъ это счастье могло быть связано, очень рано начали занимать меня; потребность въ знаніи заставила меня затѣмъ съ жадностью изучать исторію и бросить взглядъ на все, что меня окружало; отношенія рода человѣческаго къ Божеству, столь различно понимаемому, обставленному мелочами, изуродованному, возбудили мое вниманіе; наконецъ интересы людей, соединенныхъ въ общества, и общественная организація, поглотили его всецѣло.

Среди сомнѣній, неизвѣстности и размысленій объ этихъ великихъ вопросахъ, я скоро пришла къ убѣжденію, что единство личнаго я, если можно такъ выразиться, то есть возможно полная гармонія между убѣжденіями и поведеніемъ, необходимо для личнаго удовлетворенія. Необходимо слѣдовательно хорошенъко изслѣдовать то, что справедливо, и разъ это справедливое сознано, строго осуществлять его въ жизни. Человѣкъ обязанъ соблюдать извѣстнаго рода справедливость по отношенію къ самому себѣ, хотя бы онъ жилъ одинъ на свѣтѣ; необходимо упорядочивать собственныя привязанности, привычки, чтобы не быть рабомъ ни одной изъ нихъ. Человѣческая личность хороша сама по себѣ, когда всѣ части ея содѣйствуютъ ея сохраненію, поддержанію

